This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

TAYLOR INSTITUTION
DOMINUS ILLUMINATIO MEA

(1858/1).

АТЕНЕЙ,

ЖУРНАЛЪ

КРИТИКИ, СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРІИ

И

ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакціею Е. Корша.

№ 46922.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЯНВАРЬ и ФЕВРАЛЬ 1858 года.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭРНСТА ЛАРФЕЛЬДТА.

1858.

PG2904. A76

TAYLOR INSTITUTION
UNIVERSITY
10 MAR 1931
OF OXFORD
LIBRARY

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

—

Стр.

О французскихъ крестьянахъ. Б. Н. Чичерина. 1
— — — 84
— — — 160
— — — 212
Новая комедія: Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, сочин. Н. Львова. Статья . . . П. А. 19
О промышленныхъ кризисахъ И. К. Бабста. 38
— — — 99
Отрывокъ изъ романа: Обломовъ. . . . . И. А. Гончарова. 53
Взглядъ на задачи современной критики. . . . . Е. К. 61
Сочиненія Пушкина, седьмой дополнител. томъ, статья А. В. Станкевича. 71
Новый переводъ римскихъ классиковъ А. Клеванова. Ст. «Любителя римской письменности.» 109
Воспоминаніе о двѣнадцатомъ годѣ въ Москвѣ . . . . К. Б...ра. 119
О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Неизданное соч. кн. М. М. Щербатова. Ст. С. В. Ешевскаго 135
Индійское возстаніе, его причины и послѣдствія . . . Е. К. 179
— — — 259
— — — 329
Особенности новаго свѣта. Изъ записокъ нѣмецкаго выходца 191
Янтарные острова на Балтійскомъ морѣ. . . . . Г. Е. Щуровскаго. 199
— — — 286

Стр.

Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи, въ русскомъ правѣ, до Петра Великаго. Разсужденіе А. Богдановскаго, статья . **Ѳ. М. Дмитріева** 229
Іоаннъ Себастіанъ Бахъ. . . **А. И Кронеберга.** 240
Дополнительная замѣтка о народности въ наукѣ . . . **Б. Н. Чичерина.** 269
Святочный разказъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника. **Н. Щедрина** 304
Англія въ XVI вѣкѣ. Ст. перв. **С. М. Соловьева.** 341
— Ст. втор. — 405
Міръ Божій. Руководство А. Разина. Статья . . . . . **М. Ѳ. де-Пуле.** 352
Новый Атласъ для изученія исторіи исскуства. Статья **К. К. Гёрца.** 365
Изъ-за границы. Письмо I. **И. С. Тургенева.** 373
Блажная. Разказъ. . . . . **Навла Гейзе.** 378
Нынѣшнее состояніе Ирландіи 397
Классическій періодъ нѣмецкой литературы. . . . . **А. В. Станкевича.** 416
— — — 463
Изъ подлинныхъ записокъ **А. К. К—на.** 438
— — — 527
Парламентскіе выборы и парламентскія реформы въ Англіи. . Статья первая. **В. Ѳ. Корша.** 453
О настоящемъ и будущемъ положенія помѣщичьихъ крестьянъ . . . . . **Б. Н. Чичерина** 468

О ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

Histoire des classes agricoles en France par Dareste de la Chavanne. 1854.

Histoire des paysans par Eugène Bonnemère. 1856.

Histoire des classes rurales en France et de leurs progrès dans l'égalité civile et la propriété par M. H. Daniol. 1857.

Въ настоящее время нѣтъ въ Европѣ страны, въ которой бы крестьяне имѣли такое политическое значеніе, какъ во Франціи. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1848-мъ году право голоса было распространено на всѣхъ гражданъ безъ исключенія, воля обсолютнаго большинства сдѣлалась въ ней источникомъ и опорою всякой государственной власти. Но большинство это состоитъ изъ крестьянъ. Тогда какъ въ Англіи $^3/_4$ народонаселенія сосредоточиваются въ городахъ, во Франціи около двухъ третей принадлежатъ къ жителямъ селъ. Въ рукахъ французскихъ крестьянъ находится, слѣдовательно, рѣшеніе тѣхъ вопросовъ, которые волнуютъ современное общество на Западѣ. И точно, они играли едва-ли не важнѣйшую роль въ послѣднихъ политическихъ переворотахъ Франціи. Они служили главною опорой бонапартизму; ихъ голосъ содѣйствовалъ преимущественно возведенію на престолъ нынѣшняго императора. И теперь, когда въ городахъ снова пробуждается республиканское движеніе, фран-

TAYLOR INST. OXFORD

цузское правительство находитъ въ селахъ постоянную поддержку своей власти. При господствѣ всеобщаго права голоса, самая оппозиція не можетъ иначе достигнуть своихъ цѣлей, какъ дѣйствуя на сельское народонаселеніе.

Не мудрено, что въ послѣднее время земледѣльческій классъ сдѣлался предметомъ тщательнаго изученія. До тѣхъ поръ французскіе историки мало обращали на него вниманія. Гизо, Тіерри и другіе, въ своихъ изслѣдованіяхъ, имѣли въ виду преимущественно сословіе городское, которое, стоя на первомъ планѣ, заслоняло собою меньшую братью. Въ самомъ дѣлѣ, горожане, представители либеральныхъ идей, были главными двигателями французской исторіи. Они поддерживали королевскую власть въ ея борьбѣ съ феодализмомъ; они же потомъ были зачинателями революціи. Наконецъ въ XIX вѣкѣ, послѣ долгой, упорной, часто кровавой исторической борьбы, горожане торжествовали свою побѣду, но здѣсь-то они почувствовали, что и подъ ними шатается почва. Ихъ взорамъ открылось нежданное зрѣлище: на сцену выдвигалась новая сила, которая грозила Франціи страшными потрясеніями. То былъ пролетаріатъ. Однако и этотъ новый элементъ исходилъ изъ города. Городскіе работники своимъ бѣдственнымъ положеніемъ возбудили участіе благотворительности, вызвали ученія соціалистовъ, обратили на себя вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей въ Государствѣ. Самая политическая жизнь Франціи пришла въ зависимость отъ этой подвижной массы, не всегда увѣренной въ своемъ пропитаніи. Работники были главными дѣятелями въ возстаніяхъ и переворотахъ, которые волновали Францію въ послѣднюю четверть столѣтія. Вслѣдствіе этого, всѣ взоры устремились на пролетаріевъ. Правительство, ученыя общества производили слѣдствія объ ихъ положеніи, стали изучать ихъ нравы; политическія партіи старались на нихъ дѣйствовать; соціалисты и экономисты препирались, по поводу возбужденныхъ ими вопросовъ. Эта вражда достигла наконецъ высшей степени ожесточенія, когда въ 48-мъ году рабочій классъ, послѣ насильственнаго переворота, занялъ мѣсто въ самомъ политическомъ организмѣ. Испуганные мѣщане видѣли себя на краю пропасти и отчаявались даже въ судьбѣ своего отечества. Но въ эту минуту оказалось, что по селамъ Франціи разсѣяно 25 милліоновъ людей,

проникнутыхъ самымъ охранительнымъ духомъ, и на которыхъ смѣло можетъ разсчитывать даже правительство, идущее наперекоръ либеральнымъ требованіямъ образованныхъ классовъ.

Крестьяне до тѣхъ поръ оставались какъ-будто въ сторонѣ отъ движенія. Ихъ затмѣвали и чрезмѣрный блескъ и чрезмѣрныя страданія городскаго класса. Но между тѣмъ исторія не прошла для нихъ даромъ. Они составляли часть того великаго третьяго сословія, котораго горожане были только высшими представителями. Вмѣстѣ съ послѣдними, они шагъ за шагомъ возвышались на общественной лѣствицѣ и постепенно пріобрѣли себѣ свободу, собственность и наконецъ политическія права. «Просвѣщеніе, говоритъ г. Дарестъ, озаряя извѣстную страну, не можетъ не бросать лучей своихъ на всѣхъ ея жителей, и даже тогда, когда оно распредѣляетъ ихъ неравномѣрно, оно достаточно богато для всѣхъ. Если мы признаемъ эту важную истину, то надобно принять и другую, не менѣе драгоцѣнную: именно, что между всѣми членами народа, къ какому бы сословію они ни принадлежали, каково бы ни было различіе ихъ занятій и интересовъ, существуетъ, какъ между всѣми членами семейства, гораздо болѣе тѣсная связь, нежели обыкновенно думаютъ. Эти положенія совершенно согласны съ разумомъ; не менѣе согласуются они и съ исторіею. Если въ этомъ отношеніи могло существовать какое-либо сомнѣніе, то надобно приписать оное тому, что исторія рабочихъ классовъ, хотя она въ нѣкоторыхъ частяхъ освѣщена учеными изслѣдованіями, въ общемъ итогѣ остается доселѣ неизвѣстною. Внимательное ея изученіе должно убѣдить всякаго, что время не напрасно двигалось для этихъ классовъ, и что тамъ, гдѣ поверхностные историки видѣли между ними и высшими сословіями мнимое противоборство, существовала напротивъ тѣсная связь; скажу болѣе, полное почти общеніе чувствъ и интересовъ.»

Этими убѣжденіями проникнута книга г. Дареста. Коснувшись вкратцѣ положенія сельскихъ сословій до XIII-го вѣка, авторъ подробнѣе изображаетъ постепенное развитіе ихъ быта, отъ исхода среднихъ вѣковъ до революціи. Нельзя однакоже сказать, что задача выполнена совершенно удовлетворительно. Не говоря о нѣкоторыхъ значительныхъ пробѣлахъ, особенно въ исторіи общиннаго управленія, можно полагать, что авторъ

представляетъ многія средневѣковыя учрежденія съ слишкомъ-выгодной стороны. Онъ нерѣдко старается объяснить общественною пользою такія права, которыя были явнымъ послѣдствіемъ права сильнаго. Нѣтъ сомнѣнія, что всякое учрежденіе должно понимать съ точки зрѣнія того времени, въ которое оно существовало, а не прилагать къ нему масштабъ, заимствованный изъ другой эпохи, но нельзя переносить въ прошедшее и такія понятія объ общественной пользѣ, которыя были оному чужды. Господство силы можетъ составлять одну изъ характеристическихъ явленій извѣстнаго періода развитія, и таковымъ оно именно было въ средніе вѣка.

Другой, еще болѣе важный недостатокъ книги г. Дареста состоитъ въ томъ, что жизненная сторона учрежденій оставлена совершенно въ сторонѣ. Мы видимъ развитіе юридическихъ установленій, отчасти мы знакомимся даже и съ экономическими условіями быта, но не знаемъ, на сколько соблюдались положенія закона или обычая. Между тѣмъ ясно, что особенно тѣ эпохи, въ которыя сила имѣетъ болѣе власти, нежели законъ, изображеніе юридической стороны жизни менѣе всего можетъ дать намъ вѣрное понятіе о послѣдней. Какъ поступали феодальные владѣльцы съ своими виланами? Что̀ дѣлали господа въ своихъ помѣстьяхъ въ XV, XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ? На эти вопросы книга г. Дареста не даетъ отвѣта, а между тѣмъ подобныя черты чрезвычайно важны для надлежащей оцѣнки данной эпохи, не говоря уже о томъ, что такое опущеніе лишаетъ историческую картину ея жизненной яркости.

Послѣдній недостатокъ могло бы восполнить сочиненіе г. Бонмера, еслибы оно не было написано съ крайне-односторонней точки зрѣнія. Г. Бонмеръ, повидимому, принадлежитъ къ тому разряду французскихъ демократовъ - соціалистовъ, которые, подводя всѣ эпохи подъ исключительную мѣрку настоящихъ своихъ требованій, видятъ въ исторіи не постепенное развитіе народа, а постоянную несправедливость, отъ которой слѣдуетъ отдѣлаться. Это—отрицательное направленіе во всей его силѣ. Автору нельзя отказать въ начитанности, но пріобрѣтенный матеріалъ употребленъ безъ всякой критики и съ явнымъ пристрастіемъ. Книгу его можно назвать не столько исторіею

крестьянъ, сколько повѣствованіемъ о претерпѣнныхъ имъ притѣсненіяхъ. Къ несчастью, даже и эта одна сторона далеко не удовлетворяетъ читателя. Весь разсказъ преисполненъ декламаціею, реторическими выходками и преувеличеніемъ, которыя невольно заставляютъ заподозривать самую фактическую вѣрность изображеній. Авторъ тщательно выбираетъ изъ источниковъ всякую частность, которая можетъ сгустить краски на его картинѣ, и чѣмъ мрачнѣе событіе, хотя бы оно случилось въ какомъ-нибудь углу государства, тѣмъ ярче оно выставляется на видъ, какъ характеристическая черта цѣлой эпохи. Между тѣмъ, на каждомъ шагу встрѣчаются явленія другаго рода, которыя опускаются безъ вниманія, не смотря на то, что они, повидимому, могли бы навести изслѣдователя на довольно важныя соображенія. Такъ, говоря объ освобожденіи сельскихъ общинъ, начиная съ XVII вѣка, г. Бонмеръ приходитъ въ негодованіе насчетъ корыстолюбія господъ, которые свободу продавали за деньги, вмѣсто того, чтобы даромъ возвращать ее крестьянамъ. Но читатель невольно спрашиваетъ себя: откуда же эти несчастные, ограбленные, притѣсненные, могли добыть достаточно денегъ, чтобы откупиться и удовлетворить корыстолюбію господъ, когда владѣльцы могли притомъ отнять у нихъ все имущество даромъ, безъ всякаго вознагражденія? Г. Бонмеръ не хочетъ даже признать сельскихъ жителей членами третьяго сословія, ибо послѣднее играло важную роль въ исторіи Франціи, имѣло представителей въ генеральныхъ и мѣстныхъ штатахъ, а это значительно уменьшило бы мрачность картины. Только въ 1789 году, послѣ долгой ночи, зачинается заря новой жизни, но и тутъ опять народъ обманывается въ своихъ надеждахъ.

Такимъ образомъ, г. Дарестъ и г. Бонмеръ могутъ служить представителями двухъ противуположныхъ направленій науки: одинъ слишкомъ старается оправдать все прошедшее, другой слишкомъ старается оное унизить. Нельзя не сказать однако, что первый показалъ несравненно болѣе историческаго и критическаго такта, нежели послѣдній. И не мудрено: не смотря на нѣкоторую односторонность, онъ стоитъ на истинной дорогѣ и смотритъ на исторію не съ точки зрѣнія современной страсти, а какъ ученый наблюдатель, который изучаетъ лежа-

щія передъ нимъ явленія. Книга его можетъ служить лучшимъ руководствомъ для изученія исторіи французскихъ крестьянъ.

Наконецъ, г. Даніоль одинаково удаленъ и отъ излишняго пристрастія къ старинѣ, и отъ излишняго къ ней пренебреженія. Книга его имѣетъ несомнѣнныя достоинства, хотя и нельзя поставить ее слишкомъ высоко. Авторъ, повидимому, предположилъ себѣ ограниченную цѣль — прослѣдить успѣхъ земледѣльческаго класса въ пріобрѣтеніи личныхъ правъ и собственности. Въ этомъ онъ полагаетъ существенную историческую задачу французскихъ крестьянъ. Начиная отъ среднихъ вѣковъ, они постоянно, непреклонно, черезъ всѣ преграды и бѣдствія, стремятся къ достиженію полной личной свободы и, обезпечивающей ее, собственности. Наконецъ, въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія, это прогрессивное историческое движеніе увѣнчивается окончательнымъ успѣхомъ. Ограничивъ, такимъ образомъ, предметъ своего изслѣдованія, авторъ долженъ былъ, разумѣется, оставить безъ вниманія много другихъ жизненныхъ сторонъ. Но и въ этой области, которую онъ для себя избралъ, можно замѣтить существенный недостатокъ: фактическая почва слишкомъ мало разработана. Книга г. Даніоля представляетъ болѣе общій очеркъ развитія, нежели подробную исторію учрежденій. Наконецъ нельзя не пожалѣть, что авторъ не обратилъ бо́льшаго вниманія на свое изложеніе. Сбивчивый и темный слогъ книги едва напоминаетъ простоту и ясность французскаго языка. Ученые Франціи не пріучили насъ къ подобнымъ литературнымъ явленіямъ.

Мы не намѣрены входить здѣсь въ подробный разборъ упомянутыхъ сочиненій. Цѣль наша въ настоящей статьѣ представить читателямъ главныя черты историческаго развитія французскихъ крестьянъ и затѣмъ оцѣнить нынѣшнее положеніе ихъ въ государствѣ.

Древнѣйшею формой сельской общины во Франціи былъ кланъ — видъ родоваго быта, свойственный кельтическому племени. Родоначальникомъ постоянно считался старшій въ старшемъ колѣнѣ. Онъ былъ полный властелинъ своихъ родичей; простой народъ, говоритъ Цезарь, находится почти въ рабствѣ. Земля, будучи принадлежностью всего рода, состояла въ распоряженіи владыки, и каждый годъ родичи передѣляли ме-

жду собою участки. Эти племена, говоритъ г. Дарестъ, были довольно похожи на шотландскіе кланы, которые существовали еще двѣсти или триста лѣтъ тому назадъ, хотя первые безспорно были погружены въ большее варварство, нежели послѣдніе, такъ что, отложивши національное тщеславіе, было бы справедливѣе сравнить ихъ съ тѣми народцами, которые блуждаютъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Африки или американскаго материка [1]).

Въ первомъ столѣтіи до Р. Х. Галлы были покорены Римлянами. Побѣдители не имѣли привычки обращать въ рабство подчиненные народы: довольствуясь данью, службою, политическою властью, они предоставляли мѣстнымъ жителямъ значительную степень самостоятельности. Поэтому, прежнія отношенія не подверглись существеннымъ перемѣнамъ: родоначальники стали землевладѣльцами, народъ остался въ подчиненномъ положеніи и мало по малу обратился въ холоповъ. Въ замѣнъ потерянной независимости, Галлы пріобрѣли сѣмена гражданственности и просвѣщенія, развитое муниципальное право, наконецъ получили отъ Римлянъ новую религію—христіанство. Однако съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ ослабленіемъ Имперіи, положеніе областей становилось все хуже. Чѣмъ менѣе было средствъ у центральной власти, тѣмъ тяжеле были обязанности, которыя она возлагала на подданныхъ, тѣмъ болѣе она требовала отъ нихъ денегъ. Такимъ образомъ, умножились и законныя вымогательства и беззаконные грабежи. Провинціи разоряли до конца, а правительству отъ этого было не лучше. Не смотря на страшное развитіе деспотизма, все ускользало изъ рукъ дряхлѣющаго Государства. Каждый старался избавиться отъ гнетущаго его бремени, каждый пытался либо укрыться отъ преслѣдованій власти, либо добыть себѣ привилегію, и правительство слишкомъ часто не имѣло способовъ воспротивиться этому стремленію. Общество такимъ образомъ распа-

---

[1]) У насъ подобное сравненіе вызвало бы страшные возгласы объ отрицательномъ направленіи. Замѣтимъ притомъ, что гальскіе кланы были сравнительно болѣе развиты, нежели наши славянскіе роды въ IX вѣкѣ, ибо у первыхъ образовалось уже могущественное жреческое сословіе и развитая система миѳологіи.

далось на части. Чтобы удержать его отъ погибели, законодательство стало прибѣгать къ самымъ крутымъ мѣрамъ: оно старалось заключить каждаго гражданина въ безвыходное положеніе, прикрѣпить его силою къ тому мѣсту, гдѣ онъ долженъ былъ исполнять свои обязанности. Такъ всегда дѣйствуютъ государства слишкомъ слабыя, потому ли, что они дряхлѣютъ, потому ли, что они растутъ. Въ Римской Имперіи это стремленіе къ укрѣпленію жителей выразилось преимущественно въ двухъ явленіяхъ: въ городахъ образовалось сословіе куріаловъ, на которыхъ лежала вся тяжесть податей съ разорительною отвѣтственностью, въ селахъ развился колонатъ. О послѣднемъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Въ древности рабочій классъ состоялъ преимущественно изъ рабовъ; занятія же гражданина заключались главнымъ образомъ въ политической дѣятельности. Особенно въ послѣднія времена римской республики, послѣ всемірныхъ войнъ, которыя подчинили ей почти всѣ извѣстные тогда народы, сословіе рабовъ умножилось до чрезвычайности. Образовались огромныя помѣстья, населенныя ими, и нерѣдко эти несчастные претерпѣвали жесточайшія мученія, ибо рабъ считался вещью, находящеюся въ полномъ распоряженіи хозяина. Императорское законодательство постепенно смягчало ихъ участь: ихъ стали пріобщать къ гражданскому обществу; они получали собственность, право брака; юристы, согласно съ новыми началами права, стали утверждать, что по природѣ всѣ люди свободны. Христіанство сильно содѣйствовало этому движенію; оно окончательно облекло раба въ человѣческій образъ. При Константинѣ Великомъ, убійство раба было сравнено съ убійствомъ свободнаго человѣка.

Еще болѣе облегчилась участь низшаго класса съ образованіемъ колоната. Хотя, въ послѣдніе вѣка Имперіи, значительная часть народонаселенія все еще состояла изъ рабовъ, однако въ селахъ гораздо многочисленнѣе были колоны. Эта новая форма подчиненія являлась, какъ переходъ отъ рабства къ свободѣ: оставаясь лично вольнымъ, колонъ считался рабомъ земли. Онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ ее покинуть, ни вслѣдствіе перевода на другія земли, ни переходомъ въ другія сословія; все это было строго запрещено. Въ этомъ отношеніи ко-

лонъ становился ниже раба, ибо послѣдній могъ быть освобожденъ господиномъ, тогда какъ первый оставался вѣчно привязаннымъ къ своему мѣстопребыванію. Колонъ сидѣлъ на чужой землѣ; онъ не могъ даже имѣть собственность иначе, какъ съ разрѣшенія господина, и пріобрѣтенною не смѣлъ безъ дозволенія распоряжаться, ни передавать ее въ другія руки. Господинъ имѣлъ право наказывать колона, а послѣдній не могъ призывать его къ суду иначе, какъ въ нѣкоторыхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ, именно: за излишнія требованія и за обиды. Главное право колона заключалось въ томъ, что вещественныя обязанности его къ господину ограничивались извѣстнымъ, разъ навсегда установленнымъ цензомъ; сверхъ этого запрещено было требовать отъ него какія-либо работы, или поборы. Отношенія были такимъ образомъ юридическія, строго опредѣленныя, и съ этой стороны Римляне оказали Западной Европѣ неоцѣнимую услугу. Юридическая опредѣленность гражданскихъ отношеній, не смотря на всю анархію средневѣковаго быта, никогда не погибала совершенно, и въ послѣдствіи послужила лучшею оградой человѣческой личности. Какъ римское муниципальное право протянулось незамѣтно черезъ всю варварскую эпоху, чтобы съ бо́льшимъ блескомъ возродиться въ городовомъ движеніи XII и XIII столѣтій, такъ и юридическія гарантіи, вложенныя въ колонатъ, вынесли весь произволъ феодализма, чтобы потомъ, при лучшемъ порядкѣ, оградить отъ насилія личность и собственность крестьянина. Этой выгоды не имѣли народы Восточной Европы, которые не принимали дѣятельнаго участія въ римской образованности. Потому у насъ, при установленіи крѣпостнаго состоянія, крестьянинъ подчинился полновластному господству помѣщика. При существующей юридической неопредѣленности не было для него обезпеченій отъ произвола.

Завоеванія Галліи Германцами еще болѣе разстроили и безъ того уже разслабленное общество. Все пришло въ броженіе, всѣ отношенія перепутались. Правда, германскія племена не явились дикими завоевателями, которые физическую силу признаютъ высшимъ закономъ; нѣкоторыя изъ нихъ заняли землю по договору съ Римлянами, всѣ болѣе или менѣе подчинились вліянію высшей образованности, всѣ приняли религію

покореннаго народа, котораго знатнѣйшія лица заняли высокія мѣста въ новомъ обществѣ. Но не смотря на то, прочнаго порядка не могло установиться. Военная дружина была основана на договорѣ лицъ совершенно свободныхъ, не знающихъ надъ собою власти, а потому она, по существу своему, не допускала государственнаго устройства. Всѣ попытки возстановить нѣчто похожее на римскую систему управленія оказались тщетными. Съ неудержимою силой влеклось общество врозь; каждый старался обособиться, отдѣлить себѣ область для безпрепятственнаго расширенія своего владычества. Когда, наконецъ, послѣ долгаго броженія все усѣлось, и отдѣльныя части связались между собою, тогда установился нѣкоторый порядокъ. Но онъ держался не на преобладаніи общаго элемента, а на частныхъ, разнообразныхъ отношеніяхъ между членами. Возникло множество мелкихъ центровъ, съ различнымъ внутреннимъ устройствомъ, различнымъ образомъ соединенныхъ съ другими, и такъ какъ соблюденіе этихъ связей окончательно зависѣло отъ воли могучихъ лицъ, то право сильнаго было однимъ изъ самыхъ существенныхъ элементовъ феодализма,—элементъ, лежавшій въ самой его основѣ.

Понятно, что, при такомъ общественномъ порядкѣ, положеніе низшаго народонаселенія было незавидное. Крестьяне цѣлою бездной отдѣлялись отъ высшаго сословія. Не смотря на все разнообразіе быта, не смотря на отсутствіе общихъ юридическихъ нормъ, между ними проходила черта, которая вытекала изъ самой жизни и не допускала ихъ смѣшенія. То было различіе занятій: одни были люди военные, другіе люди рабочіе.

Чтобы вполнѣ постигнуть значеніе этого раздѣленія, необходимо припомнить существо тѣхъ гражданскихъ понятій, которыя господствовали въ средніе вѣка. Въ обществахъ, гдѣ достаточно развито государственное начало, въ которомъ воплощается общественное единство, первое мѣсто при оцѣнкѣ человѣческой личности занимаетъ общій ея элементъ; тамъ достоинство человѣка опредѣляется дѣятельностью его на общую пользу. Въ средніе вѣка напротивъ, при владычествѣ частныхъ отношеній, это общее начало уступало мѣсто частнымъ, случайнымъ опредѣленіямъ личности. Рожденіе, образъ жизни служатъ здѣсь главнымъ мѣриломъ человѣческаго до

стоинства. Занятіе передается изъ рода въ родъ, какъ частная собственность; оно обращается въ наслѣдственное ремесло и налагаетъ особенное клеймо на человѣка, помимо всякихъ постановленій законодательства. Въ средніе вѣка поэтому различіе занятій составляло признакъ несравненно болѣе важный, нежели всякій другой. Частныя отношенія, которыя составляли сущность всѣхъ учрежденій, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ сферахъ, могли образоваться, либо вслѣдствіе крѣпостной зависимости, либо изъ свободнаго договора. Но это различіе, которое, при другомъ порядкѣ, было бы столь важно, въ средніе вѣка не имѣло почти значенія. Оно совершенно заслонялось другимъ, изъ котораго и вытекало раздѣленіе сословій. Спрашивалось: въ чемъ состоитъ зависимость? какую службу несетъ подчиненный? Если военную, онъ считается членомъ высшаго сословія; если же онъ отправляетъ матеріальныя повинности и обязанъ денежною платой, онъ принадлежитъ къ низшему классу, хотя бы онъ при этомъ оставался совершенно свободнымъ человѣкомъ.

Различіе занятій проводило между рыцарями и земледѣльцами тѣмъ болѣе рѣзкую черту, что между ними не было посредствующаго члена. Городъ обыкновенно представляетъ звено, которое связуетъ низшее сословіе съ высшимъ. Городъ даетъ человѣку бо́льшую защиту, нежели разсѣянныя села; въ городѣ накопляются капиталы, которые служатъ естественными посредниками между рабочими и землевладѣльцами; въ городахъ сосредоточивается образованность, которая есть также сила, возвышающая значеніе человѣка; наконецъ, самая подвижность городовой промышленности дѣлаетъ возможнымъ повышеніе и пониженіе лица на общественной лѣствицѣ, тогда какъ въ селахъ постоянство и однообразіе занятій сообщаетъ всей жизни характеръ неподвижности. Потому, развитіе городовой жизни служитъ лучшимъ путемъ къ уравненію гражданъ и къ установленію государственнаго порядка. Въ Римскомъ государствѣ, въ цвѣтущую его эпоху, городъ былъ всемогущъ; съ распаденіемъ имперіи, постепенно исчезало и среднее сословіе, оставляя мѣсто двумъ крайнимъ. Феодализмъ закончилъ это движеніе; центръ исторической дѣятельности перенесся въ села, и здѣсь противуположность землевладѣльца и крестья-

нина, военнаго и рабочаго человѣка, явилась во всей своей рѣзкости. Въ послѣдствіи, когда города снова получили значеніе, опять наступила возможность, и уравненія классовъ и общественнаго порядка. Но въ настоящій періодъ между обоими сословіями не было связующаго звена; не было и высшей власти, уравнивающей тѣхъ и другихъ въ одинакомъ подчиненіи закону. Крестьянину былъ одинъ только выходъ изъ его положенія: онъ могъ отречься отъ міра, поступить въ духовенство, и тогда онъ получалъ первенствующее значеніе въ обществѣ. Ибо католическое духовенство, обязанное безбрачною жизнью, никогда не составляло наслѣдственнаго сословія, а набиралось постоянно изъ всѣхъ классовъ народа. Такимъ образомъ, убогій земледѣлецъ могъ возвыситься до папскаго престола и заставить преклоняться къ его подножію могущественнѣйшихъ владыкъ Западнаго міра.

Не смотря, однако, на это рѣзкое отличіе крестьянъ отъ рыцарей, первые не составляли внутри себя единаго сословія. Римскіе рабы и колоны имѣли права и обязанности, установленныя закономъ, одинакія для всѣхъ. Такого однообразія не могло быть въ феодальномъ мірѣ, гдѣ общій законъ не существовалъ, и все опредѣлялось частными отношеніями. Здѣсь состояніе крестьянъ должно было разнообразиться до безконечности: все зависѣло отъ мѣстнаго обычая, отъ силы, положенія и характера лицъ. Естественное различіе условій работы переходило въ юридическую норму и опредѣляло гражданскія права и обязанности земледѣльца.

Однако, и здѣсь можно различить нѣсколько отдѣльныхъ категорій, которыя выработались историческимъ путемъ. Прежніе римскіе рабы селились съ рабами германскими, которыхъ юридическій характеръ заключался въ лишеніи всѣхъ политическихъ правъ (1). Тѣ и другіе вмѣстѣ образовали классъ крѣпостныхъ (serfs, Leibeigene) и состояли въ полной зависимости отъ господина. Съ другой стороны, римскимъ колонамъ соотвѣтствовали у Германцевъ литы или леты, полусвободные поселенцы съ разнообразными правами. Изъ обоихъ состави-

(1) См. Eichhorn Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, т. I, стр. 71, 295.

лось сословіе вилановъ (les vilains—отъ villa, село), на которыхъ права господина были ограничены. Иногда, впрочемъ, и послѣдніе назывались общимъ именемъ крѣпостныхъ, какъ, напримѣръ, въ слѣдующей цитатѣ изъ Бомануара, въ которой лучше всего обозначается различіе тѣхъ и другихъ: «Одни крѣпостные до такой степени подвластны господину, что послѣдній можетъ взять у нихъ все, что̀ они имѣютъ, какъ по смерти, такъ и при жизни, и тѣло ихъ содержать въ тюрьмѣ, всякій разъ, какъ захочетъ, будь подчиненный правъ или виноватъ (сѣчь, сажать въ тюрьму, бить и наказывать по волѣ, съ сохраненіемъ только жизни и цѣлости членовъ, сказано въ англійскомъ Зерцалѣ правды), и за это господинъ отвѣчаетъ только Богу. Другіе же находятся въ лучшемъ положеніи; ибо, при жизни ихъ, господинъ не можетъ отъ нихъ ничего требовать, иначе какъ за преступленіе, исключая только платежа, оброковъ и повинностей, которые они несутъ по обычаю.» «Знай, говоритъ де-Фонтенъ, что по божественному закону ты не имѣешь полнаго права надъ своимъ виланомъ. Итакъ, если ты присвоиваешь себѣ его собственность, ты дѣйствуешь противно Богу, берешь грѣхъ на душу и поступаешь какъ воръ. И когда говорятъ, что все имущество вилана принадлежитъ господину, то это неправда, ибо въ такомъ случаѣ не было бы различія между крѣпостнымъ и виланомъ.»

Если, на подобіе прежняго колона, виланъ былъ огражденъ отъ излишнихъ поборовъ, то, съ другой стороны, онъ подлежалъ такимъ же ограниченіямъ права, какъ и первый. Онъ не могъ покинуть своего мѣстопребыванія; въ случаѣ бѣгства, господинъ имѣлъ право его преслѣдовать (droit de poursuite) и возвращать на свои земли. Виланъ не могъ передавать свою собственность по наслѣдству; господинъ былъ его законный наслѣдникъ. Это называлось правомъ мертвой руки (droit de main morte), ибо умирающій не могъ совершить передачу [1]). Здѣсь существовали впрочемъ различныя видоизмѣненія: иногда право это простиралось на всю собственность крестьянина, иногда только на движимую, иногда, вмѣсто наслѣдованія, господину

---

[1]) Замѣтимъ, что то же право встрѣчается въ Русской Правдѣ, въ извѣстномъ положеніи, что послѣ смерда наслѣдуетъ князь.

платилось извѣстная пошлина. Послѣдній способъ мало по малу замѣнилъ остальные. Прибавимъ, что право мертвой руки значительно стѣснилось устройствомъ крестьянскихъ общинъ, о которомъ мы поговоримъ ниже. Наконецъ, виланъ не могъ жениться безъ разрѣшенія господина, который обыкновенно взималъ за дозволеніе извѣстную пошлину. Это называлось droit de formariage. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господинъ имѣлъ даже право наложничества (jus primae noctis, marquette). Однако оба эти послѣднія права рано исчезаютъ изъ обычая: сама церковь вступилась въ этомъ случаѣ за народъ; папа Адріанъ IV запретилъ расторгать бракъ, заключенный крѣпостными безъ дозволенія господъ; за послѣдними осталось только право на взысканіе пошлины, которая, по обстоятельствамъ, могла быть больше или меньше. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что всѣ эти господскія права не были ни общими, не вездѣ одинакими. Виланъ подлежалъ иногда только одному изъ нихъ, иногда двумъ, иногда всѣмъ тремъ. Такимъ образомъ установлялись отдѣльныя категоріи, которыя носили различныя названія: serfs de poursuite, serfs de formariage, serfs de main-morte.

Къ этимъ двумъ разрядамъ, изъ которыхъ первый болѣе и болѣе становился исключеніемъ, а второй обнималъ собою значительнѣйшую часть сельскаго народонаселенія, присоединялся еще третій—люди свободные, состоявшіе въ договорныхъ отношеніяхъ съ господиномъ. Въ тѣ времена, когда средства пропитанія были скудны, и беззащитный ежечасно могъ быть лишенъ всѣхъ плодовъ своего труда, каждый охотно отдавался подъ покровительство сильнаго человѣка. Знатныя лица, съ своей стороны, старались увеличить свое могущество пріобрѣтеніемъ новыхъ подданныхъ. Потому, не только вступленіе въ договорное подданство, но и полное закабаленіе своей свободы, было явленіемъ самымъ обыкновеннымъ. Для подобныхъ актовъ существовали даже извѣстныя юридическія формулы, напримѣръ, въ слѣдующемъ родѣ: «такъ какъ извѣстно, что мнѣ одѣваться и кормиться нечѣмъ, то прошу вашу милость принять меня въ свое подданство, съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы мнѣ давали пищу и одежду, сообразно съ моею службой и съ достоинствомъ моего труда». Особенно охотно поступали люди низшихъ сословій подъ покровительство церковныхъ установленій, ибо но-

слѣднія доставляли своимъ подданнымъ лучшую защиту, нежели свѣтскіе владѣльцы. Этому стремленію содѣйствовала и сила религіозныхъ убѣжденій, столь могущественныхъ въ средніе вѣка. Подъ ихъ вліяніемъ, и здоровые и умирающіе жертвовали своимъ достояніемъ въ пользу церкви, и многіе считали за честь быть ея крѣпостными.

Изъ этихъ лицъ, вступившихъ въ добровольное подданство, нѣкоторыя сохраняли значительную степень свободы. Таковы были, напримѣръ, мелкіе владѣльцы, которые, чувствуя потребность защиты, отдавали свою землю господину, съ тѣмъ, чтобы получить ее обратно въ потомственное владѣніе, за уплату извѣстнаго оброка. Таковы же были такъ-называемые гости, hospites, крестьяне, которыхъ феодальные владѣльцы призывали на свои земли, заманивая ихъ къ себѣ болѣе или менѣе значительными льготами. Гости оставались обыкновенно лично вольными и, въ случаѣ неудовольствія, могли уходить на другія мѣста. Всѣ эти полусвободныя лица, которыя имѣли впрочемъ весьма разнообразныя права и обязанности, носили названіе людей подвластныхъ, homines de poëste, de poté, homines potestatis.

Однако, личная свобода и право перехода были въ то время исключеніемъ. Все въ средневѣковой жизни стремилось принять характеръ неподвижности—и лица, и земли, и права. Правомъ считался мѣстный, долговременный обычай: собственность и владѣніе обыкновенно были потомственны и неотчуждаемы, лица тѣснились въ мелкіе союзы, въ которыхъ сосредоточивалась вся ихъ жизнь, откуда имъ не было исхода. Каждое движеніе нарушало множество частныхъ правъ, а между тѣмъ не было высшей власти, которая являлась бы верховнымъ судьею въ противоборствующихъ стремленіяхъ. Такимъ образомъ перемѣна была почти невозможна. Чтобы освободить человѣка, нерѣдко нужно было получить разрѣшеніе цѣлой лѣствицы феодальныхъ владѣльцевъ, ибо уменьшеніе рабочей силы уменьшало самую цѣнность лена. Еще менѣе можно было отчуждать земли въ постороннія руки. Такимъ образомъ, каждое владѣніе составляло нераздѣльную единицу; оно представляло собою неизмѣнный мелкій союзъ общины, которая заключала въ своихъ нѣдрахъ всѣ условія самостоятельнаго существованія. Здѣсь

была высшая власть, ибо феодальный владѣлецъ былъ верховнымъ судьею и полицеймейстеромъ въ своихъ областяхъ. Здѣсь было свое право, независимое отъ обычаевъ другихъ подобныхъ союзовъ. Наконецъ, и въ экономическомъ отношеніи община вполнѣ удовлетворяла сама себя. Торговля въ то время почти не существовала: не было удобныхъ путей сообщенія, не было раздѣленія труда между различными областями, но каждый старался произвести все нужное для собственной жизни. Разумѣется, главнымъ занятіемъ низшихъ классовъ было земледѣліе. Обыкновенно владѣлецъ раздѣлялъ свои земли на двѣ части. Одну онъ обработывалъ на себя посредствомъ собственныхъ слугъ, или повинностью крестьянъ, или наконецъ половниками, которые, получая отъ него орудія и скотъ, платили господину извѣстную долю ежегодной жатвы. Другая часть владѣнія обыкновенно отдавалась въ потомственное оброчное содержаніе крестьянамъ, на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Обязанности каждаго вписывались въ такъ-называемыя земельныя описи, les terriers. Для составленія ихъ, сбирались всѣ члены прихода или общины (это было одно и то же), подъ присягою производилось слѣдствіе о правахъ и обязанностяхъ каждаго, и все это вносилось въ книги, которыя служили главнымъ основаніемъ для опредѣленія отношеній господина къ подданнымъ. Управленіе крестьянами, а иногда вмѣстѣ и дворовый судъ возлагались господиномъ на управляющаго или мера. Первый (proepositus) обыкновенно является представителемъ господина, второй (major-старшій)—представителемъ общины; иногда послѣдніе были наслѣдственны. При вступленіи въ должность меръ присягалъ, что онъ будетъ честно соблюдать какъ выгоды хозяина, такъ и права крестьянъ; послѣдніе, съ своей стороны, присягали, что они не станутъ повиноваться излишнимъ требованіямъ мера и не будутъ потворствовать обманамъ, во вредъ господину. Виланы и подвластные люди обыкновенно принимали участіе и въ судѣ. «Когда оброчники тягались между собою, говоритъ Луазель, они судились своими господами, но по совѣту своихъ перовъ-оброчниковъ. Эти перы, засѣдавшіе въ судѣ, назывались добрыми или честными людьми bonnes gents, prudhommes. Наконецъ, община завѣдывала сборомъ податей. Указъ временъ Людовика IX-го опредѣляетъ способъ взима-

нія налоговъ (taille) слѣдующимъ образомъ: въ каждомъ приходѣ, подъ надзоромъ священника, выбираются отъ 30 до 40 лучшихъ людей, которые должны подъ присягою назначить 12 окладчиковъ. Послѣдніе распредѣляютъ сумму налога между членами прихода, самихъ же ихъ окладываютъ 4 человѣка, которыхъ имена остаются до времени втайнѣ, во избѣжаніе пристрастія.

Изъ этого видно, что въ обществѣ той эпохи существовало достаточное количество либеральныхъ началъ. Однако они не могли доставлять низшимъ классамъ надлежащаго обезпеченія правъ, ибо вездѣ господствовала сила, которая мало покорялась закону. Феодальные владѣльцы, окруженные воинственными слугами, считавшіе право частныхъ войнъ неотъемлемымъ своимъ достояніемъ, разумѣется, могли безнаказанно грабить и притѣснять крестьянъ. Только церковь своими увѣщаніями удерживала ихъ на пути беззаконія; но въ пору разгара страстей религіозная власть, несмотря на все свое могущество, не могла служить угнетеннымъ постоянною защитою: мучитель смирялся передъ нравственною силой, но за минутою раскаянія снова слѣдовалъ разгулъ страстей, и снова необузданный произволъ тяжелымъ бременемъ ложился на низшее народонаселеніе. Нерѣдко насиліе обращалось даже въ постоянное правило; произвольныя требованія, вслѣдствіе повторенія, становились обычаемъ. Отсюда то безчисленное множество разнообразнѣйшихъ господскихъ правъ, которыя въ продолженіе многихъ вѣковъ тяготѣли надъ земледѣльцами. Такой порядокъ былъ неизбѣженъ въ обществѣ, гдѣ слишкомъ мало развита была верховная власть. Государство имѣетъ обязанностью установить въ обществѣ порядокъ, уничтожить обременительныя привилегіи, защитить слабаго отъ произвола сильнаго. Тамъ, гдѣ государство не существуетъ, послѣдній можетъ безнаказанно употреблять во зло свое могущество, ибо высшаго судьи надъ нимъ нѣтъ. «По нашему обычаю, говоритъ Де-Фонтенъ, между тобою и твоимъ виланомъ нѣтъ судьи, кромѣ Бога.» Чтобы хотя нѣсколько оградить себя отъ насилія, виланы должны были жаться другъ къ другу, совокупными силами стараться какъ-нибудь противостоять окружающему ихъ произволу. Вообще, въ средніе вѣка представлялось человѣку два средства избавиться отъ притѣсненій: уходить съ мѣста и искать болѣе благопріятныхъ усло-

вій для жизни, или вступить въ тѣсную связь съ другими, организовать мѣстный союзъ и такимъ образомъ дать отпоръ угнетающей силѣ. Въ первомъ случаѣ, сохранялась личная независимость, въ обществѣ было менѣе страданій, менѣе борьбы, но прочнаго порядка не могло утвердиться, ибо кочевая жизнь неблагопріятствуетъ общественной организаціи. Во второмъ случаѣ, соединяющіяся лица должны были терпѣть, болѣе первыхъ, отъ безпрестанной близости притѣснителя, но они могли имѣть надежду, что, съ энергіей и постоянствомъ, они будутъ наконецъ въ состояніи избавиться отъ насилія и основать такой порядокъ, который удовлетворитъ существеннымъ ихъ потребностямъ. Первый способъ употреблялся постоянно у насъ. Этому способствовали отчасти природа пустынной равнины Россіи, гдѣ легко можно было укрыть свою независимость, отчасти также недостатокъ общественнаго развитія, неразлучнаго съ осѣдлостью, наконецъ, можетъ быть и неспособность ужиться другъ съ другомъ, дѣйствовать общими силами, въ виду постоянной цѣли,—черта, которая высказывается во многихъ явленіяхъ русской жизни. Потому, наши крестьяне въ средніе вѣка пользовались большею свободой, нежели западные, но прочнаго порядка они установить не могли, и результаты оказались самые неблагопріятные. Когда настала пора государственнаго развитія, вмѣсто свободы, имъ досталось на долю укрѣпленіе. На Западѣ случилось совершенно наоборотъ: первоначально притѣсненій и страданій было больше, но изъ этого порядка выработалась свобода. Въ средніе вѣка и даже позднѣе, французскіе крестьяне также уходили иногда съ мѣста, въ надеждѣ найдти лучшую долю. «Притѣсненія господъ до такой степени невыносимы, говорятъ иногда современники, что они заставляютъ крестьянъ покидать свои жилища и бѣжать къ чужимъ людямъ.» Но это былъ крайній случай; притомъ въ чужбинѣ имъ было не легче: они либо снова впадали въ крѣпостное состояніе, либо считались чужеземцами (aubains) и лишались права передавать свое имущество по наслѣдству. Такимъ образомъ крестьянамъ оставался одинъ способъ обезпечить свою жизнь: стараться какъ-нибудь на мѣстѣ устроить себѣ лучшій порядокъ. Отсюда сила союзнаго духа, отсюда общинное движеніе, которое проявилось съ такою силой съ XII-го вѣка; отсюда крѣпость мѣстнаго

обычая, отсюда стараніе сохранить юридическую опредѣленность отношеній, отсюда наконецъ тѣ оригинальныя формы общиннаго быта, которыя составляютъ характеристическую черту средневѣковаго порядка во Франціи.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

НОВАЯ КОМЕДІЯ,

Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Комедія въ 3 дѣйствіяхъ, соч. *Н. Львова.* С. П. Б. 1857.

Мы не можемъ пропустить безъ вниманія комедіи г. Львова. Огромный успѣхъ, какой она имѣла на сценѣ, не принудилъ бы насъ прервать молчаніе, потому что сценическій успѣхъ еще не есть у насъ вѣрное ручательство за литературное достоинство произведенія, а часто, наоборотъ, свидѣтельствуетъ совсѣмъ другое; но комедія г. Львова есть произведеніе серьёзное по мысли и серьёзное по направленію. Это ея настоящія права на всеобщее вниманіе. Она отличается отъ сатирическихъ произведеній послѣдняго времени еще и тѣмъ, что въ ней нѣтъ и признаковъ сухой ироніи, пересмѣшки и поддразниванья, что̀ такъ непріятно дѣйствуетъ въ статьяхъ нѣкоторыхъ нашихъ исправителей нравовъ, и чѣмъ грѣшатъ отчасти, напримѣръ, разсказы изъ современнаго быта, извѣстнаго г. Печерскаго, не смотря на занимательность, относительную истину и достоинство ихъ. Въ комедіи, гдѣ такъ легко было бы дать просторъ личному чувству презрѣнія къ окружающему міру, г. Львовъ ниразу не поддался тому сдержанному хохоту, который французы называютъ «ricanement» и который такъ непріятно отзывается въ нѣкото-

рыхъ повѣствованіяхъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ. Онъ принялся за обдѣлку выбраннаго имъ предмета для комедіи съ жаромъ, участіемъ и гораздо высшею цѣлью, чѣмъ потѣха надъ безобразіемъ характеровъ и ничтожностью быта, гдѣ они вращаются. Одно это уже выдвигаетъ его первый сценическій опытъ изъ ряда обыкновенныхъ сатирическихъ произведеній. Прибавимъ еще, что въ пылу самыхъ строгихъ обличеній, у г. Львова не замѣчается ни малѣйшаго разсчета на *успѣхъ посредствомъ скандала,* что̀ также по временамъ сквозитъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ, однородныхъ съ комедіей автора по своему направленію. Послѣ этого мы поймемъ какъ радушный пріемъ, сдѣланный ей со стороны публики, такъ и общее убѣжденіе въ достоинствѣ нравственныхъ поводовъ, вложившихъ перо въ руки автора. Г. Львовъ самъ болитъ и скорбѣетъ за міръ, представленный имъ на судъ публики и, по сущности своего направленія, имѣетъ нѣкоторое сходство съ талантливѣйшимъ изъ нашихъ сатирическихъ писателей — г. Щедринымъ. Подобно ему, онъ приведенъ на литературную арену глубокою, внутреннею потребностію выразить свой взглядъ на важные вопросы, занимающіе общественную мысль. Это совсѣмъ не похоже на работу умнаго, сноровистаго и бывалаго человѣка, пользующагося господствующимъ настроеніемъ публики, это совсѣмъ не способность ловкаго писателя заготовлять на̀скоро продуктъ, соотвѣтственно требованіямъ извѣстнаго «мѣста», это не игра своимъ талантомъ и изворотливостью, ослѣпляющая извѣстные круги общества, преимущественно *нелитературные*, и способная, при измѣнившихся требованіяхъ, и разыгрываться иначе... Для г. Львова, какъ и для г. Щедрина, сатира есть дѣло призванія, и съ сатирой они обращаются вполнѣ честно, что̀ не совсѣмъ легко, какъ оказывается.

Но въ отношеніи г. Львова мы покамѣстъ и должны ограничиться этой похвалой, потому что сама комедія его не можетъ выдержать не только эстетической критики, но и простой повѣрки собственныхъ своихъ положеній. Она бѣдна основаніемъ, да и не всегда вѣрна ему. Мы нарочно отдѣлили общее направленіе комедіи, господствующій въ ней тонъ, честность и добросовѣстность всѣхъ намѣреній автора, отъ самаго труда его. Кажется, наступила пора различать трудъ отъ побужденій,

вызвавшихъ его и, помимо послѣднихъ, относиться къ первому прямо и свободно. Жалка та критика, которая принуждена хитрить съ предметомъ своего обсужденія и прибѣгать къ уловкамъ своекорыстнаго педагога, который таитъ правду отъ богатыхъ воспитанниковъ и высказываетъ ее только бѣднякамъ. Еще жалче то произведеніе, которое, для существованія своего, нуждается въ подобной снисходительности. Говорятъ, что, при такомъ раздѣленіи труда отъ побужденій къ труду, представляется опасность ослабить достоинство хорошей мысли разборомъ неловкой или слабой формы, въ которую она вылилась, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ молчаніе есть обязанность. Эта дипломатія критики, которую, мы знаемъ, проповѣдуютъ многіе, называя ее «тактомъ жизни» и другими именами, можетъ быть и дѣйствительно хороша тамъ, гдѣ нужно всѣми силами, а въ томъ числѣ и дипломатіей, спасать какое-либо плохое, отжившее, или сомнительное дѣло; но мы не въ этомъ положеніи. Намъ не нужно скрывать своихъ убѣжденій: мы знаемъ навѣрное, что усилія наши возвратить той почвѣ, на которой стоимъ, плодородіе, утраченное ею за размноженіемъ сорныхъ травъ, рано или поздно, но непремѣнно увѣнчаются успѣхомъ. Для насъ существуетъ поэтому только одна опасность, именно: потерять привычку къ истинѣ, что̀ легко можетъ случиться при хитромъ, разсчетистомъ обращеніи съ прошлыми и современными дѣятелями, которое у насъ заводится съ нѣкоторыхъ поръ. Надо остерегаться, чтобы отъ долгаго наблюденія правды только сквозь пальцы, при извѣстныхъ случаяхъ, не утратить способности смотрѣть на нее во всѣ глаза, и при всѣхъ другихъ.

Комедія г. Львова рождена полемическою мыслію и носитъ печать своего происхожденія. Извѣстно, что гр. Сологубъ въ «Чиновникѣ» своемъ высказалъ, устами пресловутаго Надимова, довольно софистическое положеніе о необходимости замѣстить на службѣ (для вящей ея пользы и искорененія злоупотребленій) бѣдныхъ и незначительныхъ чиновниковъ богатыми и знатными людьми. На софизмъ гр. Сологуба г. Львовъ отвѣчаетъ нынѣ другой комедіей, или, лучше, другимъ софизмомъ, который странную идею гр. Сологуба выворачиваетъ на изнанку, не дѣлаясь отъ этого лучше и правдоподобнѣе самъ по себѣ. Вмѣсто аристократическаго Надимова, возмущающагося пред-

ложенной ему взяткой, является бѣдный, истомленный труженикъ канцеляріи, уступающій плоды своей работы другимъ, ни когда не награждаемый и тоже возмущающійся предложенной ему взяткой. Если спросить, кто изъ нихъ болѣе достоинъ уваженія, то, разумѣется, преимущество окажется на сторонѣ г. Волкова: авторъ, конечно, перещеголялъ гр. Сологуба въ изображеніи и изобрѣтеніи идеальнаго характера. Что̀ за идеалъ, въ самомъ дѣлѣ, разругать окружающихъ людей за подарокъ, въ которомъ нисколько не нуждаешься? Гораздо идеальнѣе воздвигнуть на нихъ бурю, когда предложеніе совпадаетъ съ тѣснымъ и затруднительнымъ положеніемъ искушаемаго. Полемическая мысль автора свѣтится во всемъ, такъ сказать, составѣ комедіи. Надимовъ, какъ извѣстно, приглашаетъ своихъ собратій, туристовъ по Европѣ и Африкѣ, молодыхъ помѣщиковъ, занимающихся науками по деревнямъ, и свѣтскихъ людей, знающихъ приличія, на спасеніе службы, запятнанной корыстными цѣлями записныхъ служакъ. Нашъ авторъ указываетъ на подобныхъ избранниковъ, какъ на людей, которые отъ службы ждутъ средствъ покрыть современемъ изъянъ, нанесенный ихъ карману ростовщиками и разорительнымъ обществомъ устарѣлыхъ Матильдъ, Клемантинъ, и т. п. Таковъ у него чиновникъ особыхъ порученій Лисицкій, весьма искусно очерченный. Въ крайнемъ случаѣ, избранники эти, занимая значительныя должности, освобождены отъ всякаго труда и отвѣтственности, благодаря родству съ дядюшкой-начальникомъ: таковъ не менѣе ловко обрисованный столоначальникъ, баронъ Лихтенталь, молодой вертопрахъ, всѣ обязанности котораго состоятъ въ отысканіи еще неизвѣстныхъ Матильдъ, Клемантинъ и т. п. Настоящую опору для службы долженъ представлять герой комедіи, г. Волковъ, изъ разряда бѣдныхъ, образованныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, вдвойнѣ истомленныхъ работой за другихъ и нищетой. Оба автора, можетъ быть, правы въ оцѣнкѣ людей, занимающихъ мѣста, и только разнятся, какъ мы видимъ, въ воззрѣніяхъ касательно исправленія существующаго порядка дѣлъ. Г. Волковъ есть перевернутый типъ Надимова, но спѣшимъ прибавить, что мы все-таки скорѣе на сторонѣ г. Волкова, чѣмъ г. Надимова, потому что страданія безвѣстнаго, но честнаго труженика, какъ бы ложно ни глядѣлъ онъ на самого

себя, гораздо ближе къ сердцу всякаго человѣка, чѣмъ выдумки празднаго ума, не знающаго куда обратиться и вздумавшаго наконецъ предложить себя къ услугамъ и на обновленіе общества.

Существенный недостатокъ комедіи г. Львова состоитъ именно въ томъ, что не смотря на трагическое положеніе главнаго дѣйствующаго лица, мы никакъ не можемъ вполнѣ ему сочувствовать: усилія зрителя—прожить съ нимъ нѣсколько мгновеній совершенно одной жизнью, безпрестанно обманываются, не смотря на все доброе желаніе наше. Происходитъ это не столько отъ разсужденій и патетическихъ возгласовъ труженика, не всегда дѣльныхъ, сколько отъ образа его дѣйствій, которыя допускаютъ не совсѣмъ благопріятныя толкованія. Послѣднее обстоятельство всего лучше доказываетъ, что самый образъ героя не вполнѣ ясенъ былъ автору, когда онъ принялся за созданіе. Человѣку, какъ г. Волковъ, защищающему въ собственной особѣ многочисленный классъ безвѣстныхъ работниковъ, на плечахъ которыхъ выходятъ въ люди смышленые господа, не удостоивающіе и взглядомъ свою подпору—такому человѣку позволительно обмолвиться нѣсколькими пустыми, риторическими фразами, но гораздо менѣе позволительны ему излишняя снисходительность и податливость, вызывающія презрѣніе. Образованный г. Волковъ принужденъ былъ домашними обстоятельствами покинуть университетъ прежде окончанія курса. Онъ горько сожалѣетъ о томъ и съ презрѣніемъ отзывается о почетномъ листѣ бумаги, въ который люди завертываются, словно въ коверъ-самолетъ, при самомъ вступленіи своемъ въ свѣтъ, и скачутъ, благодаря ему, впередъ, безъ труда и опыта. Положимъ, что такъ: но г. Волковъ намекаетъ въ то же время своему сопернику, распутному помѣщику Лисицкому, гордящемуся дипломомъ на службѣ, объ одномъ странномъ обстоятельствѣ. Лисицкій именно обязанъ званіемъ кандидата диссертаціи, написанной не имъ, а другимъ, т. е. самимъ г. Волковымъ, и это—по чувству дружбы и товарищества. Дѣйствительно, дружба и товарищество — весьма хорошія вещи, но врядъ-ли имѣютъ право требовать подобнаго рода услугъ. Отсутствіе гордости и самостоятельности въ Волковѣ, склонившемся на такое предложеніе, съразу показываетъ, что въ представители работающаго

класса и въ идеальные герои онъ совсѣмъ не годится. Этимъ еще не ограничиваются странныя снисхожденія г. Волкова. Нѣсколько позже тому же Лисицкому поручено было составить какой-то трудный проектъ, превышающій его способность: онъ нанимаетъ за 500 р. стараго товарища и будущаго героя нашего, г. Волкова, для исполненія обязанности, по окончаніи которой г. Волковъ имѣетъ двойное удовольствіе—видѣть г. Лисицкаго съ орденомъ за примѣрное исполненіе дѣла и видѣть, какъ онъ отказывается отъ платежа должной суммы. На сколько справедливы краснорѣчивые упреки г. Волкова за то и другое, предоставляемъ судить читателямъ; но намъ кажется, что при этомъ случаѣ онъ сходитъ изъ идеальныхъ героевъ въ скромную сферу неудовлетвореннаго наемника. Скажутъ: къ чему не приводитъ насъ бѣдность? Правда — и если бѣдность безъ претензіи, то чѣмъ болѣе дѣлаетъ она жертвъ, чѣмъ болѣе отяготѣло на ней эгоистическихъ разсчетовъ, тѣмъ она почтеннѣе и благороднѣе. Но отъ гордой сознательной бѣдности, выступающей съ поученіемъ и мыслію поразить сердца высокимъ примѣромъ твердости и самоотверженія — что̀, конечно, имѣлъ въ виду самъ авторъ комедіи—требуется поболѣе нравственной силы. Она, пожалуй, и броситъ кровавый трудъ свой на разживу спекулянта, но завидовать ему не станетъ, и если была сдѣлка, то по врожденной откровенности будетъ называть сдѣлку сдѣлкой, а не говорить: «Дорого мнѣ стоило согласиться на ваше предложеніе, продать вамъ мысль мою. . . мое дѣтище... но я отдалъ вамъ его не за деньги ваши — не думайте, а за тѣмъ, чтобъ хоть подъ вашимъ именемъ принесъ онъ пользу, которой я отъ него ждалъ...»

Та же самая неясность творческаго представленія отразилась у г. Львова и на созданіи интриги, особенно, когда распутный Лисицкій, украшенный орденомъ и начальническимъ благоволеніемъ, начинаетъ даже волочиться за молодой женой своего несмышленаго товарища, стараясь лишить его и послѣдняго, лучшаго блага на землѣ. Но тутъ вдругъ оказывается, что г. Лисицкій не зналъ за кѣмъ волочится, что онъ расточалъ деньги и подарки неизвѣстному лицу, которое встрѣтилъ случайно у старой своей пріятельницы, какой-то Аспазіи низшаго разряда, заботящейся о *благополучіи* ближнихъ. Это дѣло возмож-

ное. Бываютъ ребяческія невѣдѣнія и посильнѣе этого. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, напримѣръ, вскользь поминаетъ о добромъ, мягкомъ, благородномъ и благонамѣренномъ начальникѣ, который не вполнѣ зналъ, кто у него служитъ. Но допустимъ это условіе,—проступокъ Лисицкаго, какъ ни безнравственнен въ самомъ себѣ, не можетъ однакоже служить драматической завязкой; это—quiproquo водевиля, а не источникъ трагическаго положенія. Можно извинить отчасти Лисицкаго аристократическимъ равнодушіемъ, которое даже не имѣетъ надобности знать имени и званія своихъ жертвъ, но съ другой стороны, кажется намъ, не будетъ излишней смѣлостью предположить, что аристократъ, нанимающій товарища своего для совершенія подлога, обязанъ по крайней мѣрѣ освѣдомиться, кто этотъ товарищъ и каковы обстоятельства его жизни. Или онъ убѣжденъ, что стòитъ только показать деньги первому встрѣчному, и тотъ пойдетъ за нимъ на какое угодно дѣло (поступки Волкова могли пріучить его къ этой мысли): но тутъ опять встрѣчается затрудненіе. Человѣкъ, все благосостояніе котораго зиждется на интригѣ и употребленіи людей въ свою пользу, не можетъ отличаться наивнымъ отсутствіемъ всякаго любопытства, пренебреженіемъ къ справкѣ и добродушной беззаботностью въ отношеніи ближнихъ.

Образъ жизни г. Волкова въ этихъ обстоятельствахъ, признаемся, поражаетъ насъ столько же, сколько и поступки его соперника, аристократическаго Лисицкаго. Образованный, честный и умный Волковъ, будучи женатъ, нанимаетъ квартиру въ домѣ отжившей барыни веселаго характера, по фамиліи «Декъ», которой и задолжалъ за три мѣсяца найма. Скажутъ опять — бѣдность! Но вѣдь въ томъ и дѣло, чтобъ показать зрителю съ какимъ достоинствомъ и съ какой разсудительностію можетъ быть носима бѣдность иными людьми, а бѣдность, хватающуюся за что ни попало, не стоило и показывать. Она, конечно, достойна состраданія, но любви и удивленія, на которыя напрашивается г. Волковъ, заслужить не можетъ. Мало того: поселившись въ домѣ «Декъ», онъ также ничего не видитъ, какъ и Лисицкій, и свободно позволяетъ молодой и образованной женѣ своей дружескія сношенія съ хозяйкой, дверь которой всегда отперта для нея. Да и не одна эта дверь отперта,

но и всѣ двери дома, какъ и слѣдуетъ быть въ жилищѣ г-жи Декъ, отперты настежь. Изъ комнаты трудолюбиваго, добропорядочнаго Волкова, которому особенно нужно уединеніе для усиленной его работы, образуется нѣчто въ родѣ сквознаго двора. Въ эту комнату, и даже въ спальню его, входятъ безъ церемоніи и Лисицкій, и баронъ Лихтенталь, вертопрахъ, имѣющій дядюшку, и г-жа Декъ, указывающая дорогу обоимъ. Странно и грустно видѣть это торжище, образовавшееся на томъ мѣстѣ, гдѣ мы видѣли поутру г. Волкова за столомъ, съ лампой, доканчивающаго въ томительной работѣ свою безсонную ночь, на томъ самомъ мѣстѣ, куда трудолюбивая бѣдность уходитъ отъ волненій жизни и гдѣ обрѣтаетъ, можетъ статься, силу и способность бороться съ ними. Такую комнату имѣютъ самобѣднѣйшіе, но нѣсколько мыслящіе и соображающіе люди. Мало разсудительности выказываетъ г. Волковъ вообще, а еще менѣе заботливости и попеченія о единственномъ сокровищѣ въ жизни, женѣ своей, которую онъ отдаетъ въ руки г-жи Декъ. И добро бы тяжело было угадать свойство этой женщины, но она, надо сознаться, выступаетъ у автора съ поразительной вѣрностью своему характеру, такъ что сомнѣваться и недоумѣвать могъ только человѣкъ, лишенный самой крошечной доли житейскаго опыта. Покуда всѣ, кому нужно, разгуливаютъ, такимъ образомъ, по квартирѣ г. Волкова, отставной исправникъ, негодяй, дѣло о которомъ находится въ рукахъ нашего героя, взлѣзаетъ туда уже въ окно, и притомъ среди бѣлаго дня. Трудъ напрасный. Онъ могъ бы избавить себя отъ необходимости карабкаться по стѣнамъ, въ виду народа, и имѣлъ вѣрное средство достичь кабинета г. Волкова, какъ и всѣ другіе, гораздо проще. Негодяй крадетъ со стола дѣло, за уничтоженіе котораго еще недавно предлагалъ г. Волкову десять тысячъ рублей, и эта покража наноситъ послѣдній ударъ бѣдному труженику, оскорбленному въ самолюбіи, пораженному въ достоинствѣ семьянина и теперь опозоренному въ глазахъ начальства и всего общества.

Мы обращаемъ вниманіе г. Львова на одно обстоятельство, которое онъ, можетъ быть, приметъ въ соображеніе при дальнѣйшей своей литературной дѣятельности, продолженія которой желаемъ отъ всей души. Послѣдняя, рѣшительная катастрофа,

подавляющая лице подъ тяжестью незаслуженнаго страданія и предназначенная возбудить глубокое сочувствіе зрителя, никакъ не должна принадлежать къ разряду непредвидимыхъ, тупыхъ, ничего не выражающихъ случаевъ, какъ пожаръ, покража, выстрѣлъ изъ пистолета и проч. Мы знаемъ очень хорошо, что послѣдствія ихъ бываютъ весьма горестны, но въ литературномъ произведеніи зритель и читатель приготовлены совсѣмъ не къ того рода горести, на которую единственный, возможный отвѣтъ находится въ мѣрахъ благотворительности или въ отысканіи и наказаніи преступника. Катастрофа должна быть результатомъ всего предшествующаго развитія драмы и всѣхъ обстоятельствъ, сложившихся вокругъ главнаго лица, а потому имѣть какой-либо нравственный смыслъ для него и для зрителя. Простое насиліе, какъ и внезапный случай, никогда не заслужатъ чести быть дѣльной катострофой: въ нихъ нѣтъ смысла, и они не допускаютъ нравственнаго вывода. Съ насилія или случая нельзя даже начинать драмы, а тѣмъ менѣе представляется возможности оканчивать ими драматическое развитіе. Правда, любимыя пьесы французскаго репертуара всѣ исполнены подобнаго рода катострофъ, но, кажется, нѣтъ никакой надобности переносить взглядъ *бульварныхъ* французскихъ драматурговъ на нашу сцену, еще не имѣющую фальшивыхъ привычекъ и ложныхъ, укоренившихся пріемовъ.

Если мы позволяемъ себѣ подробный разборъ характеровъ, выведенныхъ комедіей, и отношеній, существующихъ между лицами ея, то совсѣмъ не изъ желанія поставить самихъ себя на мѣсто автора и похвастаться лучшимъ пониманіемъ сущности его типовъ и связей, которые должны образоваться между ними. Мы стараемся только прослѣдить мысль автора, уловить, по мѣрѣ силъ, всѣ ея движенія, бывшія поводомъ къ созданію той или другой подробности, къ допущенію и вводу извѣстной черты или оттѣнка. Въ этомъ смыслѣ, характеръ молодой жены г. Волкова особенно любопытенъ для изслѣдованія. Авторъ комедіи не рѣшился показать своей публикѣ простую, умную и любящую женщину, взятую изъ тѣхъ же слоевъ общества, къ которымъ причисляетъ онъ ея мужа, и сохраняющую тотъ же честный, здравый взглядъ на жизнь, какой послѣдній вынесъ оттуда самъ, — Вѣроятно, созданіе подобнаго лица показалось ав-

тору слишкомъ смѣло: на судъ «избранной» публики явилась бы тогда супружеская чета, изъ одного и того же малоизвѣстнаго, но почтеннаго класса. Богъ знаетъ, расположена ли была бы публика считать за достоинство то, что въ этомъ обществѣ признается достоинствомъ, поняла ли бы она такое явленіе и не смѣялась ли бы «мѣщанскимъ затѣямъ» писателя. Въ мужчинѣ твердость правилъ, прямота сужденія, независимость и самостоятельность еще кой-какъ идутъ; но отъ женщины, и особенно отъ женщины, выведенной на сцену, требуется у насъ совсѣмъ другое. Любви и ума еще мало: надобно, чтобъ она была *интересна;* естественной граціи, пораждаемой ясностію мысли и чистотой души — тоже мало: надобны извѣстные пріемы, пріобрѣтаемые только воспитаніемъ въ хорошемъ домѣ... Наконецъ, надобно даже, чтобъ самая бѣдность служила какъ бы нарядомъ для женщины, а этого добиться иначе нельзя, какъ показавъ бѣдность одной только случайностью, къ которой она никогда не готовилась прежде... При такомъ требованіи театральной публики, «уступки» со стороны автора были необходимы. Жена Волкова — дочь бѣдныхъ родителей, но она воспитывалась въ домѣ графини Рославской, считавшей ее своею дочерью, приготовлявшей ей отличное положеніе въ свѣтѣ и умершей, не исполнивъ своего намѣренія. Послѣ этого извѣстія, бѣдность ея достаточно облагорожена, и всякій изъ присутствующихъ въ залѣ очень хорошо понимаетъ, что героиня, не смотря на ситцевое платье свое, стоитъ въ ровень съ нимъ и что съ ней можно имѣть дѣло. Кажется, то же самое думаетъ и она про себя, да, судя по нѣкоторымъ фразамъ, и мужъ расположенъ цѣнить это обстоятельство съ надлежащей точки зрѣнія. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ жизни г-жа Волкова ссылается на свое воспитаніе и на графиню: они не выходятъ изъ ума ея и тогда, когда голодная нищета стучится въ ея двери. Вотъ окончаніе одного ея монолога: «Сегодня намъ нечего ѣсть, поймите вы это..? Послѣднее, что оставалось отъ жалованья, мы отдали доктору, купили лѣкарства для нашихъ дѣтей; вещи, которыя дала мнѣ графиня, мы продали, пока мужъ искалъ себѣ службы; да и кстати ли было бы мести самой комнаты, готовить обѣдъ — и въ шелковыхъ платьяхъ, въ собольемъ салопѣ на рынокъ ходить? Теперь ничего не осталось; сегодня отнимутъ послѣд

нее... Но я просить не могу!.. Какъ?.. Я?.. дочь заслуженнаго полковника, воспитанница графини Рославской, которая звала меня своей дочерью, я протяну руку... никогда, никогда.» (Комедіи стр. 51). Послѣ этого г-жа Волкова можетъ прибѣгать къ пространнымъ разсужденіямъ объ настоящихъ обязанностяхъ жены; все ей прощается умиленнымъ зрителемъ. Правда, эти черты и многія другія доказываютъ, что авторъ списалъ женское лице своей комедіи не изъ жизни, а изъ романовъ и театральныхъ воспоминаній, но за то лице всѣми принято и понято безъ малѣйшаго возраженія, какъ давно знакомое, ровное каждому и не возбуждающее никакой мысли, вопроса и сомнѣнія о собственномъ нашемъ воззрѣніи на достоинство людей вообще и женщинъ въ частности.

Нужно ли говорить, какимъ способомъ разрѣшаются запутанныя дѣла г. Волкова? Мы встрѣчаемъ въ комедіи лице, напоминающее намъ «Дѣвочкина» и старые типы г. Достоевскаго, только съ меньшимъ оттѣнкомъ поэзіи и съ меньшимъ психическимъ анализомъ. Добрый, мягкосердый, Павелъ Висаріоновичъ Простота, невинный и беззлобивый какъ дитя, принадлежитъ тоже къ разряду второстепенныхъ пренебрегаемыхъ чиновниковъ, которые нашли въ авторѣ краснорѣчиваго и талантливаго адвоката. Простота ухаживаетъ за семействомъ Волкова, какъ нянька, и это—столько же по внушеніямъ своего сердца, сколько и по чувству благодарности. Онъ былъ спасенъ г. Волковымъ отъ бѣды, но бѣда эта имѣетъ такой частный канцелярскій характеръ, что не всякій можетъ и понять ее надлежащимъ образомъ. Она отчасти похожа на страданіе отъ малаго чина, мѣшающаго занять приличное мѣсто, чѣмъ такъ томится самъ г. Волковъ. Дѣло въ томъ, что трезвый и вообще приличный г. Простота однажды охмѣлѣлъ на вечеринкѣ пріятеля, вышелъ зимой на улицу и заснулъ на тротуарѣ. Онъ рисковалъ жизнью, но это еще не самая большая напасть въ такомъ случаѣ: онъ рисковалъ, что его подберетъ полиція и представитъ начальству. Изъ всѣхъ товарищей пиршества никто не позаботился о бѣдномъ, растерявшемся собесѣдникѣ: одинъ г. Волковъ поднялъ его, уложилъ въ сани, привезъ домой и далъ выспаться. Не нужно прибавлять, что Простота, который смотритъ съ этихъ поръ на г. Волкова не иначе, какъ на героя добродѣтели, при

первомъ извѣстіи о пропажѣ дѣла бросается за негодяемъ-исправникомъ, отыскиваетъ его слѣды, догоняетъ на дорогѣ, отымаетъ похищенныя бумаги и, что̀ не менѣе важно, оканчиваетъ тѣмъ самымъ комедію. Чести быть рѣшителемъ судебъ и провидѣніемъ для всѣхъ окружающихъ онъ никакъ не ожидалъ, но это происходило у него, полагаемъ, отъ незнанія обыкновенныхъ пріемовъ литературы, пренебрегающей условіями художественности. Тутъ никто не можетъ быть увѣренъ, на что онъ годенъ, что̀ онъ сдѣлаетъ и куда попадется. Да и притомъ покража была сдѣлана нечаянно и нежданно, — возвращеніе покражи должно быть также нечаянно и нежданно: это ясно какъ отношеніе съ вопросомъ, за которымъ слѣдуетъ тотчасъ же отношеніе съ отвѣтомъ.

Здѣсь мы должны однакоже обратить вниманіе читателей на лицевую сторону комедіи и, сверхъ достоинства честнаго сатирика, признать за авторомъ и ту долю таланта, которую онъ показалъ въ созданіи второстепенныхъ лицъ. Главныя дѣйствующія лица ему не удались, отъ смутнаго представленія ихъ характеровъ; постройка комедіи не выдерживаетъ критики, отъ легкаго пониманія самой задачи, какую предложилъ себѣ авторъ: но лица, стоящія на второмъ планѣ и списанныя прямо съ натуры, свидѣтельствуютъ какъ о развитой его наблюдательности, такъ и способности схватывать родовыя черты физіогномій. Лисицкій, баронъ Лихтенталь, экзекуторъ Евлампій Ермолаевичъ, исправникъ Иванчиковъ, г-жа Декъ—это живые образы, выросшіе каждый на своей особенной, ядовитой почвѣ. Дѣйствіе ихъ на публику удвоивается отъ искусства, съ какимъ авторъ заставляетъ ихъ часто однимъ словомъ, одной незначительной фразой открывать все безпомощное состояніе ихъ души, всю бездну испорченности, которая вдругъ кидается цѣликомъ въ глаза ваши. Такихъ намековъ, такихъ мгновенныхъ и страшныхъ разоблаченій много въ комедіи этой, и мы не станемъ подбирать ихъ: публика съ горькимъ хохотомъ исполнила эту обязанность прежде насъ и, надо сказать, не пропустила ни одного безъ вниманія. Притомъ же г. Львовъ получилъ счастливую возможность громко сказать то, что молчаливо лежало въ книгахъ и журналахъ. Живое слово общительно: оно долѣе держится въ памяти, легче принимается и понимается. Эта вы-

года, которой г. Львовъ обязанъ и значительною долей успѣха, имѣетъ однакоже и своего рода отвѣтственность. Судя по первому опыту г. Львова, намъ кажется, что путь, на которомъ онъ встрѣтилъ столько рукоплесканій и на которомъ подражатели его найдутъ, конечно, не менѣе цвѣтовъ и похвалъ, уже слишкомъ легокъ. Мы предвидимъ съ его счастливой руки цѣлый рядъ комедій, гдѣ механически связанные и противопоставленные характеры будутъ только говорить о внутреннемъ безобразіи своемъ и за тѣмъ весьма мало заботиться объ относительной разумности и естественности своихъ поступковъ, какъ будто первое совершенно освобождаетъ отъ послѣдняго. Замѣтки наши клонились именно къ тому, чтобъ напомнить почтенному автору и будущимъ его подражателямъ о существованіи артистическихъ или художническихъ требованій, не отстраняемыхъ никакимъ направленіемъ, если только направленіе не вздумаетъ объявить уничтоженіе, на извѣстный срокъ, всѣхъ доселѣ дѣйствовавшихъ законовъ творчества и самой мысли. Правда, тогда это походило бы на что-то въ родѣ литературнаго coup d'état, и послѣдствія мѣры не замедлили бы оказаться: мы получили бы простое царство каприза въ словесности, копировку случайностей, пониженіе горизонта идей— при чемъ погибло бы безъ дѣйствія и вліянія даже и та благотворная мысль, которая вызвала и подняла существующее направленіе. Спасеніе отъ горькой бѣды этой заключается единственно въ артистическомъ обсужденіи всѣхъ сторонъ предмета, выбраннаго для представленія, и въ утвержденіи его на прочномъ основаніи мысли. Мы уже видѣли, въ какой незначительной степени проявилась у г. Львова способность соображенія различныхъ частей и подробностей созданія, а мысль комедіи—это г. Волковъ.

Мы никакъ не можемъ разстаться съ этимъ *оборотнемъ*, въ котораго преобразился Надимовъ, не упомянувъ о знаменитыхъ монологахъ его. Всѣ обстоятельства жизни разрѣшаются у канцелярскаго чиновника нашего монологами. Что они совершенно трагическіе, и притомъ въ классическомъ вкусѣ, доказалъ намъ и талантливый артистъ, котораго мы видѣли въ этой ролѣ. Мало того, что онъ велъ ее съ жаромъ, какимъ не погнушался бы и человѣкъ въ красной тогѣ и котурнахъ, но

случаюсь, что по окончаніи монолога онъ складывалъ руки и разсѣянно смотрѣлъ на ложи и кресла. Это уже несомнѣнный признакъ трагическаго свойства монологовъ, въ которомъ убѣждаетъ насъ и риторическая постройка ихъ. Взглядъ г. Волкова на жизнь узокъ въ рѣдкой степени. Канцелярскій чиновникъ несчастливъ въ умозаключеніяхъ. Съ глубокимъ участіемъ слушаемъ мы его, когда онъ повѣствуетъ о разныхъ способахъ, какими люди достигаютъ богатства и почестей, или когда уличаетъ сотоварищей въ поползновеніяхъ, одинъ намекъ на которыя производитъ болѣзненное чувство въ постороннемъ; но когда доходитъ онъ до вывода и выраженія собственнаго сужденія, то бѣдность взгляда и нравственнаго содержанія его поражаетъ наблюдателя, не смотря на громъ и трескъ его рѣчей. Онъ никакъ не можетъ понять, что для человѣка его умственныхъ и душевныхъ качествъ предстоитъ одинъ только возможный конецъ: пробиться наружу, къ свѣту и жизни, на другомъ поприщѣ, если успѣху его дѣлъ въ нынѣшнемъ положеніи мѣшаютъ даже собственныя его достоинства. Въ персонѣ г. Волкова заключенъ какой-то непріятный софизмъ, будто въ Россіи такъ много образованныхъ людей, что ихъ и не замѣчаютъ, что они лишніе люди. Для образованныхъ, въ родѣ Гамлета Щигровскаго уѣзда, это такъ, но для трудолюбивыхъ людей, сознающихъ свои силы и поставленныхъ въ необходимость проявить ихъ даже просто ради возможности существованія, спасаться отъ голода за канцелярскимъ столомъ—вещь совершенно нелѣпая. Однакоже г. Волковъ все стоитъ на одномъ мѣстѣ и сражается оттуда какъ неловкій боецъ, допустившій связать себѣ ноги. Мысль его горестнѣйшимъ образомъ прикована только къ одной цѣли, къ цѣли повышенія, и ничтожество идеала, къ которому онъ стремится, открываетъ ничтожество его натуры. Весь его ропотъ, всѣ его упреки въ ожиданіи повышенія имѣютъ, противъ воли его, характеръ зависти, мелкой канцелярской обидчивости, потому, что въ скудномъ источникѣ и рыба встрѣчается не крупнѣе червяка. Бѣднякъ, за второстепеннымъ штатнымъ мѣстомъ, котораго добивается (другаго же и дать ему нельзя), не видитъ ничего въ остальномъ Божьемъ мірѣ и не предчувствуетъ даже его существованія, потому что ни разу не упоминаетъ о немъ.

Вся его жизнь поглощена ожиданіемъ чина, да безплоднымъ сознаніемъ, что онъ способенъ съ честью занимать всѣ мѣста, которые получаютъ счастливые его сотоварищи. Ему и въ голову не приходитъ подумать о плодотворной общественной дѣятельности вообще; глаза его прикованы неизмѣнно къ однимъ ранговымъ преимуществамъ, и онъ не подозрѣваетъ, что образованность, честность, трудолюбіе и предпріимчивость — капиталъ, который требуется, по крайней мѣрѣ нынѣ, со всѣхъ концовъ Россіи и котораго цѣнность поэтому весьма значительна. Намъ кажется даже, что по образу своихъ мыслей онъ не воспользовался бы и первымъ открывшимся случаемъ употребить въ дѣло этотъ капиталъ внѣ несчастнаго поприща, гдѣ такъ страшно томится: г. Волковъ принадлежитъ къ разряду людей съ убѣжденіемъ, что общественная польза достигается только въ мѣстахъ, офиціально предназначенныхъ къ этому. Можетъ быть, отъ этого происходитъ и горячая его филиппика противъ злоупотребленій, вкравшихся туда. Это своего рода dépit amoureux — ревность любовника. Онъ свыкся съ мыслію ожидать устройства своей судьбы не отъ самого себя, какъ это бываетъ во многихъ другихъ сферахъ жизни, а отъ благоволенія командировъ, и глубоко оскорбленъ, когда оно неправильно раздается. Волковъ смотритъ на самого себя точно такъ, какъ смотрятъ на него товарищи и начальники. Въ сценѣ съ Лисицкимъ, по поводу оскорбленія нанесеннаго женѣ, г. Волковъ соглашается, вмѣстѣ съ оскорбителемъ и, вѣроятно, вмѣстѣ съ командирами своими, признать себя ничножностью потому только, что онъ канцелярскій чиновникъ. Всѣ страданія его сводятся на страданія своимъ чиномъ—этимъ никуда не годнымъ, мелкимъ и неблагодарнымъ родомъ страданій. Волковъ болѣе чиновникъ, чѣмъ человѣкъ и гражданинъ, и вотъ почему намъ кажется, что если нужно обновленіе тому классу людей, о которыхъ такъ часто упоминается въ комедіи, то произойдетъ оно отъ прилива свѣжихъ силъ, открытыхъ гдѣ-нибудь на сторонѣ въ народныхъ групахъ, а совсѣмъ не отъ испорченныхъ и надорванныхъ господъ, въ родѣ Волкова. Мудрено ли послѣ того, что погруженный въ одни канцелярскіе интересы, г. Волковъ пышнымъ складомъ ораторствуетъ противу глупости и сумасбродства людей, которые, при услугѣ, оказан-

ной служащимъ человѣкомъ, тотчасъ хватаются за карманъ (см. стр. 27 комедіи). Тоже самое говорилъ и Надимовъ: г. Волкову, обязанному составлять совершенную противуположность съ первымъ, не слѣдовало бы подражать ему; но Надимовъ говорилъ это, движимый сознаніемъ своего аристократическаго достоинства, а г. Волковъ говоритъ это, движимый сознаніемъ своего чиновничьяго достоинства. Разница большая, хотя слова ихъ и приняли одну общую форму, именно риторическую, лучшую изъ всѣхъ для выраженія безсмыслицы. Въ другомъ случаѣ, Волковъ старается образумить стараго взяточника-экзекутора пророческимъ изображеніемъ участи, ожидающей богача, неправильно разжившагося. Онъ грозитъ ему параличемъ, по милости котораго старый грѣшникъ будетъ гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ своихъ раззолоченныхъ палатъ валяться какъ полѣно, между тѣмъ какъ жена и дѣти и прислуга заведутъ оргію на другомъ концѣ дома (см. стр. 76 комедіи). Экзекуторъ могъ бы отвѣчать ему другимъ и равно сильнымъ предсказаніемъ, именно: что параличъ можетъ точно такъ же посѣтить и честнаго бѣдняка, точно такъ же бросить его, какъ полѣно въ одной комнатѣ дома, между тѣмъ какъ въ другой соберется голодная семья, преданная на жертву нищетѣ и отчаянію. Еще неизвѣстно, чья-бы картина тогда перещеголяла другую въ эффектѣ красокъ и перспективѣ. Но отчего умный г. Волковъ употребилъ такое странное средство увѣщанія? Именно потому, что онъ привыкъ все понимать чисто внѣшнимъ образомъ и ждать какъ награжденія, такъ и наказанія въ жизни не отъ самого себя, не въ дѣйствіи удовлетвореннаго или разстроеннаго сознанія, а отъ случая, улыбки командировъ, удара паралича и т. п. Это человѣкъ, безкорыстно и страстно любящій опеку.

Надо сознаться, что попытки русской литературы къ созданію идеальныхъ лицъ въ сферѣ служебной жизни, до сихъ поръ не совсѣмъ удачны. Эти герои канцелярій, эти типы, предназначаемые въ устроители и поправители нашихъ дѣлъ, важны только тѣмъ, что возникновеніе ихъ изъ среды благородной сатиры и патріотическаго обличенія злоупотребленій свидѣтельствуетъ о потребности перейдти къ положительному дѣлу исправленія нравовъ и понятій. Они являются какъ проекты, обле-

ченные только въ живое тѣло, награжденные полнымъ человѣческимъ образомъ, и сохраняютъ разсудочное выраженіе, свойственное проектамъ. Признаковъ жизни, силы, правды и поэзіи, какіе всегда кладетъ чисто-творческая способность на свои произведенія, въ нихъ не встрѣтишь. Таковъ типъ, Надимова, какъ мы видѣли, призванный выражать идею о передачѣ власти и вліянія въ богатыя руки, которыя не всегда самыя независимыя и не всегда самыя способныя; таковъ типъ его соперника, Волкова, защищающаго права на власть и вліяніе бѣднаго трудящагося класса чиновниковъ, который не всегда понимаетъ свое человѣческое достоинство такъ, какъ бы слѣдовало. Выборъ между этими двумя типами литература наша предоставляетъ благосклонному читателю, остающемуся въ недоумѣніи, какъ сказочный герой новаго рода, встрѣтившій на распутіи столбъ съ надписью: пойдешь направо — положишь душу, повернешь налѣво—разставайся съ головой. Къ этимъ типамъ можетъ быть присоединенъ еще третій, именно—«Жадова», изъ комедіи г. Островскаго — «Доходное мѣсто», которая, спѣшимъ оговориться, по мысли и созданію представляетъ совсѣмъ другое и высшее явленіе, чѣмъ произведеніе теперь нами разбираемое. «Жадовъ» Островскаго, вступающій въ свѣтъ послѣ университетскаго курса, съ самыми счастливыми убѣжденіями, изнемогаетъ подъ тяжестью нищеты и нелѣпыхъ требованій любимой, безпутной жены своей. Онъ уже готовъ подпасть искушенію и согласиться на сдѣлку съ своею совѣстью, еслибы не психическое чудо, обратившее внезапно и неожиданно капризную и легкомысленную жену его на правый путь и къ чувству долга. Нравственный выводъ изъ семейной исторіи Жадова, весьма живо и художнически изображенный г. Островскимъ, тотъ, намъ кажется, что порядочному чиновнику слѣдуетъ даже быть на сторожѣ противъ соблазновъ домашняго очага и самыхъ естественныхъ слабостей сердца. Для бѣднаго работника канцеляріи — все въ мірѣ есть искушеніе. Но такъ какъ г. Жадовъ еще далеко не достигъ степени стоика, нужной для безпорочнаго прохожденія выбраннаго имъ поприща, то онъ такъ же не годится въ примѣръ и поученіе, какъ и первые два типа; да къ счастію, скажемъ мы, общество мало нуждается и вообще въ типахъ этого рода.

Въ самомъ дѣлѣ, намъ кажется, что мысль, породившая ихъ, не имѣетъ достаточно вѣрныхъ основаній, лишена возможности какого-либо дѣльнаго приложенія къ жизни и, при дальнѣйшемъ развитіи своемъ, даетъ результаты совершенно безплодные, или не даетъ никакихъ результатовъ. Инстиктивное предчувствіе несостоятельности и бѣдности этой мысли заставляетъ публику отвращаться съ пренебреженіемъ отъ различныхъ типовъ, выражающихъ ее; общество не распознаетъ въ нихъ примѣтъ, по которымъ отгадываютъ настоящихъ преобразователей. Для честнаго охраненія важнѣйшихъ интересовъ своихъ и для разумнаго направленія ихъ, ему нужны другіе люди: оно пропускаетъ безъ вниманія всѣхъ этихъ кандидатовъ въ свои спасители, потому что цѣль его — не та, что у доблестныхъ мужей, выказывающихъ передъ нами красоту душевныхъ качествъ и ожидающихъ за то должной награды. Оно стремится къ такому порядку вещей, гдѣ ни одинъ человѣкъ, богатый или бѣдный, образованный по-европейски, или необразованный по-европейски, съ присутствіемъ или съ отсутствіемъ правилъ, не могъ бы дозволить себѣ нарушеніе закона и служебной нравственности безъ наказанія судомъ общественнаго мнѣнія и судомъ установленныхъ властей. Какое дѣло обществу до темпераментовъ, привычекъ и наклонностей человѣка? Позволительно труженику, приговоренному къ обязательной работѣ на всю жизнь, распрашивать со страхомъ о вкусахъ, образѣ мыслей, нравственныхъ воззрѣніяхъ своего господина, потому что отъ нихъ дѣйствительно зависитъ въ сильной степени его собственная участь; но общество совсѣмъ не въ томъ положеніи. Ему нѣтъ никакой надобности справляться — имѣетъ ли человѣкъ, облеченный должностію, львиное сердце Отелло, или кротость агнца; корыстолюбивъ ли онъ какъ Шейлокъ, или безкорыстенъ какъ Баярдъ: оно должно быть укрыто отъ произвола всѣхъ этихъ личностей своими установленіями. (Баярды служебные, какъ извѣстно, тоже не гнушаются произволомъ, иногда для похвальныхъ цѣлей). Ожидать спасенія для общественнаго порядка и служебной честности единственно отъ хорошаго направленія частнаго лица, отъ его благородства души, твердости добытыхъ имъ правилъ, — значитъ основывать порядокъ и служебную честность на случайностяхъ, которыя мо-

гутъ быть и могутъ не быть, или быть въ разной степени, иногда недостаточной, иногда превышающей нужды. Всѣ эти понятія, приложенныя къ служебной дѣятельности, нисколько не лучше понятія нашихъ предковъ, ожидавшихъ хорошихъ для себя послѣдствій отъ того, съ какой ноги всталъ по утру значительный человѣкъ съ постели: понятія, перечисленныя нами, составляютъ только первое звено той логической цѣпи, которая приводитъ, наконецъ, человѣка къ мысли о важности того, какова привычка служебнаго лица, и чего требуютъ его голова, сердце и желудокъ. Благородные характеры, возвышенныя души всегда будутъ надежнѣйшей опорой общества, но не менѣе того важенъ и порядокъ вещей, гдѣ отсутствіе ихъ и даже паденіе, вольное или невольное, не составляли бы полнаго, неисцѣлимаго бѣдствія. Обрѣтеніе такого порядка вещей и есть именно «идеалъ» всякаго общества, руководимаго, какъ наше, мудрою и патріотическою волей. Еслибы дѣйствительно, какъ насъ хотятъ увѣрить, въ похвальномъ поведеніи отдѣльныхъ служебныхъ единицъ, заключалось и единственное условіе общественнаго развитія и успѣха, то, конечно, идеальные типы чиновниковъ, представленные намъ авторами разныхъ комедій, заслуживали бы весьма серьёзнаго изученія. Каждое слово, каждое движеніе и даже каждое мимолетное восклицаніе ихъ должны бы цѣниться на подобіе буквы Алкорана: вѣдь отъ нихъ зависитъ въ будущемъ судьба правды на землѣ, но—увы—въ сущности отъ нихъ ничего не зависитъ, даже ихъ собственная жизнь и одинаковое направленіе... мы можемъ смѣло отнять отъ нихъ роль Буддъ, еслибы они и имѣли на нее претензію, чего мы не думаемъ однакожь. Намъ скажутъ, что въ изображеніи этихъ идеальныхъ лицъ все-таки представлена современная жизнь со всѣми условіями ея борьбы, страданій, паденій и исканій. Это такъ: картина борьбы этой имѣетъ даже у насъ почти всегда полезный нравоучительный характеръ: лицо ведетъ борьбу или съ самимъ собою, или съ глубокой испорченностію торжествующаго невѣжества; но, какъ всѣ произведенія переходныхъ эпохъ, она весьма мало способствуетъ общему дѣлу замѣненія ложныхъ понятій болѣе здравыми и свѣтлыми понятіями. Это—печальный туманъ, въ которомъ отражается множество не совсѣмъ зрѣлыхъ идей, фантастическихъ

и отчасти легкомысленныхъ представленій. Благо намъ, что туманы вообще непродолжительны. Едва только взойдетъ солнце и мало-мальски освѣтитъ край горизонта, — и нашъ литературный туманъ, со всей его игрой свѣто-тѣни и разныхъ переливовъ, долженъ неизбѣжно разсѣяться и очистить землю для настоящаго труда и должнаго обсужденія вопросовъ. Это уже и начинается.

П. А.

О ПРОМЫШЛЕННЫХЪ КРИЗИСАХЪ.

Промышленные кризисы, повторяющіеся въ наше время довольно часто и даже почти періодически, составляютъ безспорно одно изъ характеристическихъ болѣзненныхъ явленій нынѣшней промышленности, тѣсно связанное со всѣми условіями современнаго намъ экономическаго быта.

Не было ни одной эпохи экономическаго развитія, которая бы не представляла намъ какой-нибудь темной и болѣзненной стороны своего организма; безъ нихъ не обходится и современная промышленность. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, за одну мрачную сторону, произнесть приговоръ надъ всѣмъ направленіемъ послѣдней. Какъ бы ни были яростны и губительны промышленные кризисы, какого бы они не произвели опустошенія на всемірномъ рынкѣ, все таки вредъ ихъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ могучимъ и быстрымъ развитіемъ промышленныхъ силъ, которое вызвано всѣми экономическими и общественными

переворотами, полною свободой промышленности, уничтоженіемъ рабства, обязательнаго труда, развитіемъ кредита, усовершенствованіемъ путей сообщенія, и т. п.

Въ обществахъ, съ преобладающимъ естественнымъ хозяйствомъ, кризисы случаются рѣже уже потому, что само хозяйство носитъ на себѣ характеръ неподвластности и неповоротливости. Здѣсь, прежде всего, не можетъ быть такого быстраго измѣненія въ условіяхъ народнаго производства и народнаго потребленія, въ которыхъ нарушеніе равновѣсія необходимо ведетъ за собой кризисъ. Не забудемъ никогда, что экономическій организмъ народа представляетъ собою въ высшей степени сложный механизмъ, гдѣ каждое поврежденіе одной части останавливаетъ ходъ цѣлой машины. Чѣмъ проще механизмъ, тѣмъ легче поправка. Въ каждомъ народномъ хозяйствѣ главное условіе благоденствія, это—правильное отношеніе между производствомъ и потребленіемъ, между предложеніемъ и запросомъ. Всякое нарушеніе такого равновѣсія ведетъ за собой потрясеніе въ цѣломъ хозяйственномъ организмѣ. Происходитъ ли оно отъ чрезмѣрнаго усиленія производства, не находящаго сбыта своимъ продуктамъ, или отъ убыли потребленія не идущаго въ уровень съ производствомъ, это все равно; но такое явленіе сопровождается всегда промышленными кризисами. Ближайшимъ слѣдствіемъ нарушенія равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ бываетъ то явленіе, что товаръ не находитъ себѣ сбыта. Отъ недостатка сбыта цѣна его очевидно понижается, а вмѣстѣ съ тѣмъ понижается прибыль съ капитала, затраченнаго въ производствѣ, и заработная плата. Перенесеніе капиталовъ въ другія, незатронутыя еще кризисомъ, производства или совсѣмъ невозможно, или сопряжено съ большими затрудненіями и съ ущербомъ.

Рѣдко такое болѣзненное состояніе промышленности ограничивается одною тою ея отраслью, гдѣ кроется зародышъ неурядицы—не ограничивается уже потому, что въ организмѣ современнаго намъ промышленнаго быта каждое звено крѣпко захватываетъ всѣ остальныя звенья промышленной цѣпи. Застой въ одной отрасли промышленности стѣсняетъ всѣхъ въ ней участвующихъ или съ нею соприкасающихся производителей. Доходы ихъ уменьшаются и заставляютъ ихъ ограничивать свои расходы,

т. е. менѣе покупать продуктовъ другихъ отраслей промышленности, уменьшаютъ, однимъ словомъ, запросъ на всѣ другіе товары. Болѣзнь, сначала только часто мѣстная, поражаетъ самые отдаленные члены промышленнаго тѣла, и кризисъ дѣлается всеобщимъ, именно тѣмъ, что Англичане на своемъ энергическомъ торговомъ языкѣ называютъ general glut. Примѣры такихъ кризисовъ мы часто видимъ въ Англіи, въ этой типической странѣ новѣйшаго промышленнаго быта. Сбытъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій вдругъ останавливается, по какимъ бы то ни было причинамъ. Прежде всего ударъ обрушивается на хлопчато-бумажныхъ спекуляторовъ, купцовъ, а за тѣмъ уже на хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ. Отъ нихъ болѣзнь переходитъ на многочисленные классы промышленниковъ, связанныхъ съ ихъ производствомъ, на фабрикантовъ машинъ, на владѣльцевъ каменноугольныхъ копей и на ихъ рабочихъ. Послѣдніе вынуждаются тоже сократить свои расходы, вслѣдствіе пониженія заработной платы, и затрудняютъ сбытъ продуктовъ, необходимыхъ для обихода рабочаго человѣка. Кризисъ обрушивается, слѣдовательно, на лавочниковъ, домовладѣльцевъ, ремесленниковъ, булочниковъ, мясниковъ, и т. д. Болѣе зажиточные работники издерживаютъ наконецъ свою послѣднюю, на черный день прибереженную копѣйку, продаютъ пожитки; бѣдные рабочіе идутъ просить милостыню. Рабочіе изъ отдаленныхъ округовъ и общинъ распускаются по домамъ; такса для бѣдныхъ растетъ; начинаются подписки, чтобы нѣсколько облегчить всеобщее народное бѣдствіе; собираются фабриканты, чтобы отыскать причины кризиса и отвратить его удары; просьбы за просьбою поступаютъ въ парламентъ, наряжаются слѣдственныя коммиссіи, цѣлая Англія молится о прекращеніи тяжкой болѣзни, цѣлая Англія, говоритъ Леонъ Фоше, описавшій одинъ изъ такихъ кризисовъ, походитъ на страждущаго, метающагося на одрѣ болѣзни.

Чѣмъ сложнѣе хозяйственный организмъ народа, чѣмъ шире раздѣленіе труда, тѣмъ легче и возможнѣе нарушеніе равновѣсія между запросомъ и предложеніемъ, тѣмъ чаще кризисы. Десяти лѣтъ не проходитъ сряду, чтобы кризисъ не постигъ промышленныхъ государствъ Европы и не отозвался на цѣломъ всемірно-торговомъ рынкѣ. Чѣмъ тѣснѣе связаны различныя вѣтви промышленности и торговли, тѣмъ легче одно банкротство по-

влечетъ за собою другія, и точно такъ же понятно, отчего, при неразвитыхъ формахъ естественнаго хозяйства, гдѣ каждое семейство само все для себя производитъ, гдѣ оно почти само только и потребляетъ свои продукты, промышленныхъ кризисовъ не бываетъ. Неподвижность, медленное обращеніе капиталовъ, замкнутость поземельной собственности, обязательный трудъ, натуральныя повинности, цеховое устройство обработывающей промышленности—вотъ характеристическія черты неразвитаго естественнаго хозяйства. Народное хозяйство развивалось медленно при такихъ условіяхъ, но за то оно и не подвергалось никогда тѣмъ колебаніямъ, какія видимъ мы при вполнѣ развитомъ хозяйствѣ денежномъ и кредитномъ. Издѣльная промышленность имѣетъ, при такихъ неразвитыхъ формахъ экономическаго быта, характеръ ремесла, т. е. работы по заказу; земледѣльческіе продукты находятъ себѣ сбытъ или дома, или вблизи, торговля занимается по преимуществу предметами роскоши; на ярмаркахъ сходятся купцы, вымѣниваютъ товары лично, на ярмаркахъ встрѣчаются лицомъ къ лицу предложеніе и требованіе, уплата производится тутъ же, и колебаній, слѣдовательно, быть почти никакихъ не можетъ, или они по крайней мѣрѣ гораздо рѣже. Но не таковы условія современной промышленности, съ ея многочисленными и разнообразными отраслями, съ ея обширнымъ всемірнымъ рынкомъ, съ ея по преимуществу спекулятивною торговлею и преобладающимъ характеромъ денежнымъ, кредитнымъ.

Каждая фабрика, каждое большое производство спекулируетъ и производитъ запасы продуктовъ въ ожиданіи сбыта; каждый оптовой торговецъ закупаетъ также въ ожиданіи сбыта, и также спекулируетъ; необходимыя средства къ продовольствію получаются издалека и отправляются въ дальнія страны; капиталы постоянные, машины, преобладаютъ въ мануфактурной промышленности надъ капиталомъ оборотнымъ, который несравненно легче перенести въ другое производство, чѣмъ постоянный капиталъ. Обширное производство, при содѣйствіи машинъ и раздѣленіи труда, обусловливается по преимуществу обширностью рынка, и внутренній рынокъ часто не въ состояніи уже, при существующихъ размѣрахъ промышленности, удолетворить потребностямъ сбыта. Мануфактурныя государства Европы ста-

раются безпрерывно расширить свои рынки во всѣхъ частяхъ свѣта, и каждое, слѣдовательно, измѣненіе въ запросѣ на продукты, въ самомъ отдаленномъ уголкѣ всемірнаго рынка, должно отозваться нетолько на одной какой-нибудь отрасли промышленности, но и на всѣхъ остальныхъ. Во внутренней торговли кризисы бываютъ уже потому рѣже, что потребности внутренняго рынка гораздо извѣстнѣе и представляютъ менѣе колебаній; но чѣмъ болѣе сбытъ мануфактурныхъ продуктовъ зависитъ отъ заграничнаго рынка, тѣмъ кризисы и чаще и губительнѣе.

Шерстяная промышленность въ Англіи страдаетъ гораздо менѣе и рѣже отъ кризисовъ, чѣмъ хлопчато-бумажная, но за то первая отправляетъ за границу $^1/_4$ всего своего производства, а послѣдняя $^3/_7$. Кризисы въ шелковой промышленности въ Англіи гораздо менѣе чувствительны, нежели во Франціи, потому что въ послѣдней собственныхъ шелковыхъ издѣлій потребляется неболѣе 23% всего производства, остальное же количество все вывозится за границу. Чѣмъ развитѣе и сложнѣе становятся формы торговли, по мѣрѣ того, какъ она теряетъ свой первобытный характеръ торговли мѣновой и усиливается въ ней вліяніе денегъ и кредита, кризисы дѣлаются и возможнѣе и чаще. Въ торговлѣ мѣновой, запросъ и предложеніе сталкиваются лицомъ къ лицу, и тутъ же, на мѣстѣ, удовлетворяются взаимныя требованія того и другаго. При деньгахъ же, когда всякая торговля слагается изъ двухъ факторовъ—купли и продажи, каждый продавецъ, желающій сбыть свой товаръ, имѣетъ возможность выжидать и, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ условій, можетъ по произволу замедлить мѣну, и нарушить равновѣсіе между предложеніемъ какого-нибудь товара и соотвѣтствующимъ ему запросомъ. Внезапное уменьшеніе обращающихся въ народѣ денегъ можетъ точно такъ же вызвать колебанія на рынкѣ, а вслѣдствіе того и кризисы.

Положимъ, что какой-нибудь народъ производилъ до сихъ поръ всѣ свои торговыя сдѣлки при посредствѣ 100 милліоновъ рублей, что онъ уже привыкъ къ такому количеству денегъ, и что сообразно съ этимъ количествомъ денегъ установились всѣ цѣны. Представимъ себѣ далѣе, что изъ этого общества вывозится 10 милліоновъ, и вывозится при такихъ притомъ обстоя-

тельствахъ, что скораго пополненія недостатка не предвидится. Народъ можетъ, конечно, производить всѣ свои сдѣлки и при посредствѣ 90 милліоновъ, но въ такомъ случаѣ или обращеніе товаровъ должно ускориться, или же цѣна денегъ возвыситься на 10%. Но это легко въ теоріи, въ практической жизни дѣла не такъ скоро улаживаются. Продавцы не вдругъ согласятся пустить свой товаръ 10-ю процентами ниже противъ той цѣны, къ которой они уже привыкли; и до тѣхъ поръ, покуда въ народѣ не свыкнутся съ этимъ измѣненіемъ въ цѣнахъ на рынкѣ, и не сообразятъ съ нимъ своихъ сдѣлокъ, до тѣхъ поръ будетъ чувствоваться застой и неловкость въ народномъ обращеніи и во всѣхъ его каналахъ. Недоумѣніе относительно настоящей цѣны денегъ препятствуетъ сближенію запроса и предложенія, разъединяетъ продавцовъ и покупщиковъ, и временно ни одинъ товаръ, кромѣ развѣ только денегъ, не находитъ себѣ покупщика. Тамъ, гдѣ въ народѣ обращаются по преимуществу бумажныя деньги, тамъ каждый упадокъ въ цѣнѣ ассигнацій сопровождается точно такими же послѣдствіями. Легко послѣ этого сообразить, что кредитъ, представляющій собою высшую степень денежнаго хозяйства, ведетъ непосредственно за собой, въ увеличенныхъ только размѣрахъ, и всѣ его послѣдствія. Если уже деньги своимъ вліяніемъ на торговыя сдѣлки могутъ временно нарушать равновѣсіе между предложеніемъ и требованіемъ, то тѣмъ сильнѣе можетъ вызывать подобные кризисы кредитъ, этотъ идеальный товаръ, не только замѣняющій собою деньги, но имѣющій вдобавокъ въ высочайшей степени всѣ качества и всѣ свойства денегъ.

Въ наше время кредитъ, это чуть ли не главный двигатель промышленности: всѣ торговыя операціи производятся при помощи кредита; взаимная довѣренность и кредитъ — это главное условіе нынѣшней торговли, а при обширности современнаго торговаго рынка, малѣйшее гдѣ-нибудь потрясеніе довѣрія, малѣйшее сомнѣніе въ исполненіи принятаго на себя торговаго обязательства можетъ остановить и задержать весь механизмъ торговли и промышленности, въ которыхъ всѣ отрасли связываются и приводятся въ движеніе кредитомъ, можетъ вызвать всеобщій застой и, слѣдовательно, всеобщій кризисъ.

TAYLOR INST. OXFORD

Чѣмъ гдѣ болѣе развитъ въ народѣ кредитъ, тѣмъ всегда тамъ и возможнѣе кризисы, тамъ они всегда чаще и сильнѣе, тамъ появленіе ихъ всегда и внезапнѣе и неожиданнѣе. Причины кризиса кроются въ самой торговлѣ, и не всегда вызываются какимъ-нибудь внѣшнимъ, постороннимъ событіемъ: войною, эпидемическими болѣзнями, неурожаемъ или непріятельскимъ нашествіемъ. Такія невзгоды, конечно, не могутъ остаться безъ всякаго вліянія на народное хозяйство, но онѣ — отнюдь не главныя причины кризисовъ. Англія наслаждалась полнымъ спокойствіемъ, миръ въ Европѣ ничѣмъ не былъ нарушенъ, неурожаевъ, или другихъ народныхъ бѣдствій никакихъ не было, а между тѣмъ надъ Европой обрушился одинъ изъ самыхъ гибельныхъ промышленныхъ кризисовъ—кризисъ 1825—26-го года, произведшій такое страшное потрясеніе въ Англіи и отозвавшійся на всѣхъ биржахъ. Онъ былъ вызванъ, главнымъ можетъ-быть образомъ, реформами Гескиссона и его политикой. Англійское правительство начало въ это время всѣ свои реформы, клонящіяся къ замѣненію въ торговлѣ, въ промышленности и въ колоніальной политикѣ прежней строгой запретительной системы умѣренною охранительною системою. Оно было того убѣжденія, что его примѣру послѣдуютъ и Франція и другія государства Европы, и вмѣстѣ со всѣмъ промышленнымъ сословіемъ ожидало блестящихъ результатовъ для англійской промышленности отъ освобожденія испанской Америки. Никто не сомнѣвался, что въ Мехикѣ, въ Перу и въ другихъ отъ Испаніи отложившихся штатахъ южной Америки повторится то же самое, что и въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки, именно—быстрое развитіе всѣхъ промышленныхъ силъ и народнаго богатства. Англія, одна изъ первыхъ признавшая ихъ независимость, назначившая къ нимъ немедленно консуловъ, могла, конечно, съ полнымъ правомъ разсчитывать на обширный рынокъ для своей мануфактурной промышленности. Съ 1824 года начались громаднѣйшія спекуляціи, въ которыхъ каждый наперерывъ старался воспользоваться предполагаемыми выгодами новыхъ рынковъ. Дѣятельность безпримѣрная развилась во всѣхъ промышленностяхъ. Стòитъ только сравнить цифры привоза 1823 года съ цифрами 1825, и мы увидимъ, что привозъ льну увеличился въ послѣднемъ году на 33%, хлопчатой бумаги

на 50%, шерсти на 90%, индиго на 30%, кошенили на 30%, полосоваго желѣза на 60%, свинцу на 90%, ртути на 350%, шелковой пряжи на 120%. Весь привозъ 1825 года былъ на 18 милліоновъ фунт. стерл. выше привоза 1824 года. На оживленіе торговли хлопчатой бумагой подѣйствовало, кромѣ того, еще всеобщее предположеніе неурожая хлопка въ Америкѣ, вслѣдствіе чего цѣны стояли въ 1825 году на 70% выше противъ цѣнъ 1823 года. На капиталы, на рабочихъ запросы были неслыханные, и вотъ почему возвысился учетъ, повысилась и заработная плата. Многочисленные займы, заключенные въ Англіи штатами южной Америки, и громадныя спекуляціи американскими рудниками, вошедшія въ то же самое время въ моду между англійскими капиталистами, вызвали сильный отливъ звонкой монеты изъ Англіи. Въ теченіе апрѣля, мая и іюня мѣсяцевъ 1825 года вывезено было почти на 3 милліона фунт. стерл., со 2 іюня 1824 года по 30-е іюня 1825 года—8,500,000 фунт. ст. золотомъ и 3,220,000 серебромъ, не говоря уже о многихъ милліонахъ, вывезенныхъ тайно. Понятно, что банки спѣшили пополнить возникшій отсюда недостатокъ въ орудіи мѣны умноженіемъ кредитныхъ знаковъ. Англійскій банкъ умножилъ въ послѣдней половинѣ 1825 года количество своихъ билетовъ на 20%, частные банки на 50%, сравнительно съ 1822 годомъ, что̀ также не мало содѣйствовало къ усиленію всеобщихъ спекуляцій, въ которыя очертя голову бросался весь промышленный людъ. Уже осенью 1825 года, явились признаки кризиса, открывшіе глаза спекуляторамъ, и доказавшіе, какъ неосновательны были ихъ надежды, и до какой степени онѣ были преувеличены. — Таможенные тарифы на европейскомъ материкѣ не понижались; южно-американскій рынокъ, который, по бѣдности этихъ странъ, былъ слишкомъ тѣсенъ, переполнялся; о горнозаводскихъ предпріятіяхъ въ Америкѣ приходили одно за другимъ извѣстія самыя неутѣшительныя. Полное разочарованіе и упадокъ духа заступили мѣсто радостныхъ надеждъ и ожиданій. Всѣ предметы разомъ упали въ цѣнѣ, и прежде всего хлопокъ, потому что жатва оказалась богатѣйшею, и понизила прежніе по дорогой цѣнѣ законтрактованные и купленные запасы. Фунтъ георгійскаго хлопка стоилъ въ 1825 г. 18 пенсовъ, а въ февралѣ 1826 года упалъ на 7 пенсовъ. Мы имѣемъ чрезвычайно любопыт-

ныя извѣстія объ этомъ кризисѣ, преимущественно по отношенію къ хлопчато-бумажному рынку. Извѣстія эти тѣмъ важнѣе, что сообщены человѣкомъ, судьбы котораго тѣсно связаны съ этимъ кризисомъ, и черезъ руки котораго проходила большая часть операціи американскимъ хлопкомъ. «Когда я, на возвратномъ пути въ Соединенные Штаты, пріѣхалъ въ Ливерпуль, пишетъ Нольте [1]), я нашелъ цѣлую биржу занятою вычисленіями о томъ, въ какомъ положеніи будетъ находиться къ концу года торговля хлопкомъ. Никто не хотѣлъ вѣрить, что запасы въ атлантическихъ гаваняхъ Америки истощились, и всѣ полагали, что остатки старой жатвы и первые подвозы новой, съ 1-го октября до конца 1824 года должны простираться до 250,000 кипъ хлопка. На этомъ основаніи сдѣланъ былъ разсчетъ, что, соображаясь съ тогдашнимъ потребленіемъ, запасъ американскаго хлопка въ Англіи можетъ состоять къ концу года изъ 200,000 кипъ. На мой вопросъ, чего же можно ожидать, ежели запасы не дойдутъ и до 100,000 кипъ, я получилъ въ отвѣтъ единогласное со всѣхъ сторонъ убѣжденіе, что тогда цѣны возвысятся по крайней мѣрѣ на 15 или 20%.

«Въ половинѣ ноября прибылъ я въ Нью-Іоркъ. У меня были собраны всѣ свѣдѣнія о запасахъ хлопка въ южныхъ портахъ, у меня былъ вѣрный списокъ всего вывезеннаго въ теченіи этого времени количества хлопка, и я убѣдился, что, вмѣсто 150,000 кипъ отъ старой еще жатвы, на которыя разсчитывали въ Ливерпулѣ, не было отправлено въ октябрѣ и ноябрѣ даже 30,000 кипъ, а что декабрь мѣсяцъ не можетъ доставить и 20,000. Я поспѣшилъ въ Новый Орлеанъ. Здѣсь нашелъ я два корабля, нагруженные моей фирмой по порученію нѣкоторыхъ нью-іорскихъ квакерскихъ купеческихъ домовъ. Хлопокъ купленъ былъ по 11, 11½ и 12 центовъ за фунтъ. Въ то же самое время отправили мы еще прямо отъ себя 900 кипъ. Яснаго и опредѣленнаго стремленія къ возвышенію цѣнъ еще не было, но наклонность къ тому была уже ясно замѣтна изъ той готовности, съ которою соглашались на требуемыя цѣны. Я рѣшился

---

[1]) Fünfzig Jahren in beiden Hemisphären. Reminiscenzen aus dem Leben eines ehemaligen Kaufmanns, von Vincent Nolte. 1853. Hamburg.

купить еще 1,000 кипъ для себя и держать ихъ на всякій случай въ запасѣ. Цѣны мало мѣнялись, и я отправилъ на свой счетъ второй транспортъ. Я разсчитывалъ, что, въ половинѣ февраля, мы получимъ извѣстіе о количествѣ находившихся къ концу года въ Ливерпулѣ запасахъ хлопка, и былъ заранѣе вполнѣ увѣренъ, что они не могутъ простираться выше 100,000 кипъ, о чемъ въ Ливерпулѣ никто не хотѣлъ и думать. Февраля 12, ожидая съ минуты на минуту извѣстій изъ Ливерпуля, сгарая самъ нетерпѣніемъ, я послалъ своего прикащика въ предмѣстіе, гдѣ тогда производился главный торгъ хлопкомъ, и поручилъ ему купить, во что бы то ни стало, 1,500 кипъ по состоявшимся цѣнамъ. Онъ исполнилъ мое порученіе и купилъ 12,000 кипъ. Черезъ два дня прибыла изъ Нью-Іорка нарочно отправленная шкуна, и привезла отъ упомянутыхъ выше квакерскихъ торговыхъ домовъ извѣстіе объ окончательномъ положеніи хлопчатаго рынка въ Ливерпулѣ 31-го декабря 1824 года. Они поручали мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, купить для нихъ и для ливерпульскаго дома Кропперъ Бенсонъ и К° 1,000 кипъ по состоявшимся цѣнамъ. Ливерпульскіе запасы простирались, такъ какъ я и предполагалъ, не болѣе какъ до 100,000 кипъ, и вліяніе столь незначительнаго количества на цѣны согласовалось вполнѣ съ предсказаніями всѣхъ знатоковъ этого дѣла. Цѣны возвысились на одинъ пенни съ фунта и отразились на рынкѣ въ Новомъ Орлеанѣ, гдѣ цѣны поднялись на три цента.

«Кто только принималъ участіе въ торговлѣ хлопкомъ, тотъ не забудетъ никогда роковаго 1825 года, не забудетъ никогда, какъ закружилась голова у всѣхъ спекуляторовъ въ Англіи, а затѣмъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Цѣны въ Ливерпулѣ поднялись на 110%, въ Соединенныхъ Штатахъ на 85%. Мы успѣли продать большую часть нашихъ мѣстныхъ запасовъ, и получили 60,000 долларовъ барыша, а первый грузъ въ 980 кипъ, отправленный нами въ Ливерпуль на имя Кроппера, далъ безпримѣрный барышъ въ 11,460 ф. ст. Кромѣ этого груза, въ которомъ была и наша часть, прибыли дней черезъ десять въ Ливерпуль еще два намъ принадлежавшіе груза, стоившіе уже процентовъ на 10 дороже. Кропперы могли бы ихъ точно также и съ такою же выгодой продать, но они не захотѣли. Они отказались отъ гро-

маднаго барыша въ 18%, изъ боязни помѣшать несвоевременною продажею возвышенію цѣнъ, не хотѣли испортить благопріятныхъ условій, обѣщаемыхъ въ будущемъ хлопчатымъ рынкомъ, и надѣялись принудить потребителей-бумагопрядильщиковъ подчиниться ихъ безмѣрнымъ условіямъ. Составилась цѣлая коалиція, въ которой, за немногими исключеніями, всѣ молча приняли участіе. Чѣмъ выше однакожь поднимались цѣны на хлопокъ, тѣмъ упорнѣе держались фабриканты, не хотѣли давать безмѣрно-высокихъ цѣнъ и покупали понемногу. Но это не помогло. Главные коноводы спекуляторовъ: Кропперъ, Бенсонъ и К°, Ресбонъ, Годжсонъ, въ соединеніи съ маклерами Кукомъ и Комеромъ, успѣли предотвратить неминуемыя при обыкновенныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ торговли послѣдствія, именно пониженіе цѣнъ, и успѣли въ этомъ тѣмъ, что постоянно покупали вновь хлопокъ, постоянно дѣлали новые заказы и склоняли къ тому другихъ. Манчестерскіе бумагопрядильщики, вынужденные покупать хлопокъ по невѣроятнымъ цѣнамъ и покупавшіе мелкими партіями, рѣшились наконецъ не дѣлать болѣе закупокъ. Май мѣсяцъ прошелъ, а ни одной значительной продажи хлопка не состоялось. Фабриканты держались упорно. Основаніе, на которое опиралась вся спекуляція, было очевидно шаткое и необходимо должно было рушиться. Вся спекуляція основывалась на томъ предположеніи, что фабриканты, при безпрерывно увеличивающемся потребленіи, вынуждены будутъ покупать по цѣнѣ, какую назначатъ спекуляторы, и на полномъ убѣжденіи послѣднихъ, что ожидаемые подвозы хлопка окажутся недостаточными. Но спекуляторы жестоко обочлись и въ томъ и въ другомъ. Бумагопрядильщики понимали очень хорошо, что не найдутъ покупщиковъ на свой товаръ, который, при возрастающей цѣнѣ суровья, долженъ будетъ также вздорожать, и что, слѣдовательно, будутъ производить въ убытокъ; подвозы же, привлеченные непомѣрными цѣнами со всѣхъ сторонъ, превзошли всѣ ожиданія. Одна напр. Бразилія, ежегодная жатва и ежегодный вывозъ которой никогда не превышали 175,000 кицъ, выслала почти вдвое. Зажиточные и упрямые владѣльцы плантацій постоянно, каждый годъ, оставляли часть жатвы непроданною, когда цѣны были низки. Этого никто изъ спекуляторовъ не зналъ, или не взялъ въ разсчетъ, и здѣсь подтвердилась и оправдалась

какъ нельзя лучше, та истина, что при громадныхъ спекуляціяхъ и притомъ съ монопольнымъ характеромъ, проницательность спекулятора и его разсчеты не всегда въ состояніи сообразить всѣ до одного обстоятельства, вліяющія на спекуляцію и могущія ей повредить.»

Прошелъ май мѣсяцъ. Рынокъ находился въ состояніи какого то напряженнаго бездѣйствія. Въ это время шотландскій торговый домъ въ Гласговѣ, Джемзъ и Александръ Деннистоунъ и К°, получилъ изъ Нью-Орлеана въ Ливерпуль 5,000 кипъ, и рѣшился, по совѣту своего главы, Джемза Деннистоуна, президента Шотландскаго банка въ Гласговѣ, продать все это количество съ публичнаго торга.

Спекуляторы употребили между тѣмъ всѣ свои усилія, чтобы поддержать высокія цѣны, которыя все еще простирались отъ 15¾—16 пенсовъ за георгійскій хлопокъ,—но напрасно. Пять тысячъ кипъ были проданы на 2½ и 3¾ пенса ниже рыночной цѣны. Еслиже мы припомнимъ, что достаточно сбавить ¼ пенни (Farthing) съ рыночной цѣны хлопка, чтобы не имѣть отбоя отъ покупщиковъ, то можно себѣ представить, какое на рынкѣ произвела впечатлѣніе продажа съ сбавкою 15 и 18 проц. Это было неопровержимымъ доказательствомъ, что разсчеты спекуляторовъ были ложны, что положеніе рынка было въ высшей степени неестественное, напряженное, и что бумагопрядильщики поняли и провѣдали всѣ соображенія и планъ спекуляторовъ. Шотландскій торговый домъ разсчелъ очень просто, что громадные подвозы хлопка, привлеченные высокою цѣною, до такой степени увеличили запасы этого суровья въ Англіи, что его было уже въ началѣ іюня болѣе нежели сколько бы потребовалось для самаго обширнаго потребленія, что каждый лишній фунтъ только переполнитъ рынокъ, особенно при увѣренности въ будущихъ значительныхъ подвозахъ новаго сбора, до которыхъ оставалось не болѣе 5 мѣсяцевъ, а сборъ обѣщалъ быть богатымъ. Операція Деннистоуновъ произвела ужасное впечатлѣніе на рынокъ и доказала какъ нельзя яснѣе всю шаткость спекуляціи.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, вскорѣ за продажей 5,000 кипъ, цѣна хлопка упала до 11 пенсовъ, въ концѣ тогоже мѣсяца—до 9¼ пенса, а въ первыхъ уже числахъ августа начались въ Ливерпулѣ и

Нью-Іоркѣ банкротства, отразившіяся грозно на цѣломъ торговомъ мірѣ. Кризисъ въ торговлѣ хлопкомъ повелъ за собой кризисы и въ остальныхъ отрасляхъ торговли, въ которыхъ разыгрался также духъ спекуляціи. Цѣны на домингскій кофей, напримѣръ, упали съ 88 шиллинговъ на 50, на перецъ съ $9^1/_2$ пенсовъ на 5, на виргинскій табакъ съ $6^1/_2$ на $3^1/_4$ пенса, и т. д.

Въ промышленности шерстяной замѣтно было то же самое явленіе; сначала огромный подвозъ, напряженность рынка и, затѣмъ, быстрый переходъ къ упадку. Въ 1822 г. ввозъ шерсти въ Англію простирался до 19 слишкомъ милліоновъ фунтовъ; въ 1824 равнялся онъ 22,558,222 ф., въ 1825 году — 43,795,281 ф., а въ 1826 привезено было только 15,964,067 ф.

Вильсонъ, редакторъ журнала Economist, полагалъ также, что одною изъ главныхъ причинъ кризиса была неумѣренная спекуляція товарами. Онъ указываетъ на спекуляціи по иностраннымъ займамъ, спекуляціи по горнозаводской промышленности въ Америкѣ, спекуляціи землями, которыя чрезвычайно повысились въ цѣнѣ, и особенно въ сосѣдствѣ большихъ городовъ; спекуляціи по различнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, желѣзнымъ дорогамъ, страховымъ обществамъ и т. д., и наконецъ на спекуляціи товарами. Но самая главная причина, имѣвшая окончательное вліяніе на характеръ кризиса 1825 года, это было то обстоятельство, что ввозъ товаровъ въ 1824 году едва удовлетворилъ потребностямъ промышленности, что отъ этого поднялись на всѣ товары цѣны, особенно къ концу года, и вызвали въ первые мѣсяцы 1825 года отчаянныя спекуляціи. Когда наступила рѣшительная минута, когда нужно было выполнить свои обязательства, когда потребовались, однимъ словомъ, деньги, тогда только увидѣли, надъ какой бездной стоялъ весь промышленный міръ. Англійскій банкъ, этотъ вѣрный термометръ торговли, былъ въ крайне-затруднительномъ положеніи. Его портфель, т. е. сумма всѣхъ ссудъ, простиравщаяся въ 1822 до 17,200000 ф. ст., возрасла въ половинѣ 1825 года до 25,000,000 ф., и до 32,000000 въ началѣ 1826 года, когда кризисъ былъ въ самомъ разгарѣ; металлическій же запасъ банка уменьшился къ тому же времени съ 10,197,960 ф. до 2,459,510 ф. Замѣчательно, что, въ теченіе кризиса 1825 г., было всего только одинъ разъ измѣненіе въ учетномъ процентѣ съ 4% на

5% (13 декабря 1825 года). Это могло повести къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ; но, съ другой стороны, такая готовность банка исполнить всѣ требованія торговли принесла громадную выгоду и спасла, можетъ быть, биржу отъ послѣдствій болѣе тяжкихъ и печальныхъ. Декабря 24-го 1825 года металлическій запасъ банка уменьшился до 1,027,000 ф. ст. (426,000 ф. ст. монетой и 601,000 ф. ст. слитками), при выпускѣ билетовъ на 24 мил. фунт. ст. Одинъ домъ Ротшильдовъ взялъ изъ банка въ теченіе пяти недѣль 885,000 ф. ст. Опустошеніе, произведенное кризисомъ, было страшное. Акціи, поднявшіяся въ 1825 году со 100 на 500, упали на 5. Изъ 750 банкировъ въ Англіи и Вельсѣ 100 объявили себя несостоятельными, заработная плата столь же быстро понизилась, какъ въ прошломъ году возвысилась, и многіе рабочіе лишились вслѣдствіе всеобщаго почти банкротства своихъ маленькихъ капиталовъ, плодовъ своей бережливости, помѣщенныхъ въ банкахъ. Ко всему этому присоединился еще неурожай 1826 года. Не прежде, какъ только въ слѣдующемъ году, начало понемногу возвращаться довѣріе, и начала оживать промышленность.

Еще ужаснѣе были размѣры промышленнаго кризиса 1837—39 годовъ, который начался также въ Америкѣ, перешелъ въ Англію и разразился надъ послѣдней въ 1840 — 42-мъ годахъ. Главною виной кризиса была несостоятельность американскихъ банковъ, поразившая всѣхъ тамошнихъ промышленниковъ и спекуляторовъ, которые не въ состояніи были выполнить своихъ обязательствъ въ отношеніи къ европейцамъ. Между тѣмъ вывозъ изъ Европы товаровъ въ Америку принялъ уже въ 1836 и 1837 годахъ громадные размѣры, производство для американскаго рынка увеличивалось безпрестанно, и несостоятельность американцевъ необходимо должна была поразить страшнымъ ударомъ промышленность Англіи, какъ главнаго американскаго корреспондента. Съ 1835 и по 1840-й годъ Англія увеличила въ гигантскихъ размѣрахъ свое производство. Объемы одной хлопчато-бумажной промышленности расширились на 50 милліоновъ рублей, и до 87,000 новыхъ работниковъ принято на фабрики. Никогда Великобританія не наслаждалась, можетъ быть, такимъ благосостояніемъ, какъ въ эти годы, къ которымъ относятся и великія ея политическія реформы, какъ вдругъ разразилась надъ

ней гроза. Не одна, впрочемъ, несостоятельность американцевъ потрясла Англію и ея промышленность, но цѣлый рядъ событій для нея въ высшей степени неблагопріятныхъ. Къ этому же времени относится развитіе мануфактурной промышленности на европейскомъ материкѣ, гдѣ повсюду съуживался рынокъ для англійскихъ продуктовъ, и гдѣ являлись вездѣ опасные соперники. Одна маленькая Саксонія выслала, въ 1839 году, въ Америку на милліонъ доллеровъ бумажныхъ носковъ и чулковъ; азіатскій рынокъ Англіи былъ также стѣсненъ, а во многихъ мѣстахъ и совсѣмъ закрытъ, вслѣдствіе войны съ Китаемъ и Афганистаномъ; за богатыми жатвами наступили неурожаи, нужно было закупать хлѣбъ; а это вытянуло большія суммы за-границу и лишило промышленность необходимыхъ для нея капиталовъ. Этотъ кризисъ превзошелъ своими размѣрами всѣ предыдущіе и послѣдующіе, и Англія долго не могла оправиться отъ глубокихъ ранъ, имъ нанесенныхъ[1]).

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

---

[1]) Подробности о немъ читатели могутъ найдти въ статьѣ: Ueber die Handelsverhältnisse zwischen den Nord-amerikanischen Freistaaten und Europa v. Kosegarten (Archiv der politischen Oekonomie. 4 B. 3 Heft), и въ превосходномъ сочиненіи Ромера: Die Productions-Krisen mit besonderer Rücksicht auf die letzten Iahrzehnde, въ 3-мъ томѣ журнала die Gegenwart, которое легло въ основаніе настоящей статьи.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА:

ОБЛОМОВЪ [1].

Обломовъ отправился на Выборгскую Сторону, на новую квартиру. Долго онъ ѣздилъ между длинными заборами, по переулкамъ. Наконецъ, отыскалъ будочника: тотъ сказалъ, что это не въ его кварталѣ, а въ другомъ, рядомъ, вотъ на той улицѣ. И онъ показалъ еще улицу безъ домовъ, съ заборами, съ травой и съ засохшими колеями изъ грязи. Опять поѣхалъ Обломовъ, любуясь на крапиву въ канавахъ и на выглядывавшую изъ-за заборовъ рябину. Наконецъ, другой будочникъ указалъ на старый домишко на дворѣ, прибавивъ «вотъ этотъ самый!» «Домъ вдовы коллежскаго секретаря Пшеницына», прочиталъ Обломовъ на воротахъ и велѣлъ въѣхать на дворъ. Дворъ величиной былъ въ небольшую комнату, такъ что коляска уперлась дышломъ въ заборъ и распугала кучу куръ, которыя съ кудахтаньемъ бросились стремительно, иныя въ лётъ, въ разныя стороны, да большая черная собака начала скакать па цѣпи направо и налѣво, съ отчаяннымъ лаемъ, стараясь достать за морды лошадей. Обломовъ сидѣлъ въ коляскѣ наравнѣ съ окнами и затруднялся

---

[1]) Подаривъ *Атеней* мастерскою сценою изъ своего давно задуманнаго и давно начатаго романа, авторъ живо напомнилъ намъ пріятные часы, проведенные съ нимъ въ 1852 году за чтеніемъ первой части Обломова. Чтобы вполнѣ войдти въ обстановку предлагаемаго отрывка, надобно знать, что герой повѣсти, сильно поразстроившись въ деньгахъ, вынужденъ былъ, вмѣсто прежней хорошей квартиры, пріискать себѣ другую въ отдаленной части Петербурга, на Выборгской Сторонѣ. Какъ вдругъ измѣнившіяся обстоятельства дали ему возможность оставить это отчаянное намѣреніе. Ред.

выйдти; некуда было ступить. Въ окнахъ, уставленныхъ резедой, бархатцами и ноготками, засуетились головы. Обломовъ кое-какъ вылѣзъ изъ коляски; собака пуще залилась лаемъ. Онъ взошелъ на крыльцо и столкнулся съ сморщенной старухой, въ грязномъ сарафанѣ.

— Вамъ кого? спросила она.

— Хозяйку дома, госпожу Пшеницыну.

Старуха потупила съ недоумѣніемъ голову.

— Не Ивана ли Матвѣевича вамъ надо? спросила она. — Его нѣтъ дома, онъ еще изъ должности не приходилъ.

— Мнѣ нужно хозяйку, сказалъ Обломовъ.

Между тѣмъ въ домѣ суматоха продолжалась. То изъ одного, то изъ другаго окна выглянетъ голова; сзади старухи дверь отворялась немного и затворялась, оттуда выглядывали разныя лица. Обломовъ обернулся: на дворѣ двое дѣтей, мальчикъ и дѣвочка, смотрятъ на него съ любопытствомъ. Откуда-то появился сонный мужикъ, въ тулупѣ, и, загораживая рукой глаза отъ солнца, лѣниво смотрѣлъ на Обломова и на коляску. Собака все лаяла, густо и отрывисто; но только Обломовъ пошевелится, или лошадь стукнетъ копытомъ, начиналось прыганье на цѣпи и непрерывный лай. Черезъ заборъ, направо, Обломовъ видѣлъ безконечный огородъ, съ капустой; налѣво, черезъ заборъ, видно было нѣсколько деревьевъ и зеленая деревянная бесѣдка.

— Вамъ Агаѳью Матвѣевну надо? спросила старуха: — за чѣмъ?

— Скажи хозяйкѣ дома, говорилъ Обломовъ, — что я хочу съ ней видѣться: я нанялъ здѣсь квартиру.

— Вы стало быть новый жилецъ, знакомый Михея Андреевича? Вотъ погодите, я скажу.

Она отворила дверь, и отъ двери отскочило нѣсколько головъ и бросилось бѣгомъ въ комнаты. Онъ успѣлъ однако увидѣть какую-то женщину, съ голой шеей и локтями, безъ чепца, бѣлую и довольно полную, которая усмѣхнулась, что ее увидѣлъ посторонній, и тоже бросилась отъ дверей прочь.

— Пожалуйте въ комнату! сказала старуха, воротясь, и взвела

Обломова, черезъ маленькую переднюю, въ довольно просторную комнату и попросила подождать. — Хозяйка сейчасъ выйдетъ, прибавила она.

«А собака-то все еще лаетъ!» подумалъ Обломовъ, оглядѣвъ всю комнату.

Вдругъ глаза его остановились на знакомыхъ предметахъ. Вся комната завалена была его добромъ.

Столы въ пыли, стулья, грудой наваленные на кровать тюфяки, посуда въ безпорядкѣ, шкафы. — Что же это: и не разставлено, не прибрано! сказалъ онъ. — Какая гадость!

Сзади его скрыпнула дверь, и въ комнату вошла та самая женщина, съ голой шеей и локтями, которую онъ видѣлъ за спиной старухи. Ей было лѣтъ тридцать съ небольшимъ. Она была очень бѣла, полна въ лицѣ, такъ что румянецъ, кажется, немогъ пробиться сквозь щеки. Бровей у ней совсѣмъ не было, а были на ихъ мѣстѣ двѣ, немного будто припухлыя лоснящіяся полосы. Глаза сѣровато-простодушные, какъ и все выраженіе лица, руки бѣлыя, но жесткія, съ крупными узлами синихъ жилъ. Платье сидѣло на ней почти въ обтяжку: видно, что она не прибѣгала ни къ какому искусству, даже къ лишней юпкѣ, чтобъ увеличить объемъ бедръ и уменьшить талію. Отъ этого даже и закрытый бюстъ ея, когда она была безъ платка, могъ бы послужить живописцу или скульптору моделью крѣпкой, здоровой груди, не нарушая ея скромности. Платье ея, въ отношеніи къ нарядной шали и парадному чепцу, казалось старо и поношено. Она не ожидала гостей, и когда Обломовъ пожелалъ ее видѣть, она на домашнее будничное платье накинула воскресную свою шаль, а голову прикрыла чепцомъ. Она вошла и остановилась, глядя застѣнчиво на Обломова. Онъ привсталъ и поклонился.

— Я имѣю удовольствіе видѣть госпожу Пшеницыну? спросилъ онъ.

— Да съ, отвѣчала она. — Вамъ можетъ быть нужно съ братцемъ поговорить? нерѣшительно спросила она. — Они въ должности: раньше пяти часовъ не приходятъ.

— Нѣтъ, я съ вами хотѣлъ видѣться, началъ Обломовъ, когда

она сѣла на диванѣ, какъ можно дальше отъ него, и смотрѣла на концы своей шали, которая, какъ попона, покрывала ее до полу. Руки она прятала тоже подъ шаль. — Я нанялъ квартиру у васъ: теперь, по обстоятельствамъ, мнѣ надо искать квартиру въ другой части города; такъ я пришелъ поговорить съ вами... Она тупо выслушала и тупо задумалась.

— Теперь братца нѣтъ, сказала она потомъ.

— Да вѣдь этотъ домъ вашъ? спросилъ Обломовъ.

— Мой, коротко сказала она.

— Такъ я и думалъ, что вы сами можете рѣшить...

— Да вотъ братца-то нѣтъ; они у насъ всѣмъ завѣдываютъ, сказала она монотонно, взглянувъ въ первый разъ на Обломова прямо и опустивъ опять глаза на шаль.

— У ней простое, но пріятное лицо, снисходительно рѣшилъ Обломовъ: должно быть добрая женщина! — Въ это время голова дѣвочки высунулась было изъ двери: Агаѳья Матвѣевна съ угрозой украдкою кивнула ей, и она скрылась.

— А гдѣ вашъ братецъ служитъ?

— Въ канцеляріи.

— Въ какой?

— Гдѣ мужиковъ записываютъ: я не знаю, какъ она называется. — Она простодушно усмѣхнулась, и въ тужь минуту опять лицо ея приняло свое обыкновенное выраженіе.

— Вы не однѣ живете здѣсь съ братцемъ? спросилъ Обломовъ.

— Нѣтъ, двое дѣтей со мной, отъ покойнаго мужа: мальчикъ по осьмому году, да дѣвочка по шестому, довольно словоохотливо начала хозяйка, и лицо у ней стало поживѣе. — Еще бабушка наша, больная, еле ходитъ, и то въ церковь только. Прежде на рынокъ ходила съ Акулиной, а теперь съ Николы перестала, ноги стали отекать. И въ церкви-то все больше сидитъ на ступенькѣ. Вотъ и только. Иной разъ золовка приходитъ погостить, да Михей Андреичь.

— А Михей Андреичь часто бываетъ у васъ? спросилъ Обломовъ.

— Иногда по мѣсяцу гоститъ: они съ братцемъ пріятели, все вмѣстѣ...

И замолчала, истощивъ весь запасъ мыслей и словъ.

— Какая тишина у васъ здѣсь! сказалъ Обломовъ: — еслибъ не лаяла собака, такъ можно подумать, что нѣтъ ни одной живой души. — Она усмѣхнулась въ отвѣтъ.

— Вы часто выходите со двора? спросилъ Обломовъ.

— Лѣтомъ случается: вотъ намедни, въ Ильинскую пятницу на пороховые заводы ходили.

— Чтожь тамъ, много бываетъ? спросилъ Обломовъ, глядя черезъ распахнувшійся платокъ на модель высокой, крѣпкой, какъ подушка дивана, и, кажется, никогда не волнующейся груди.

— Нѣтъ, нынѣшній годъ не много было: съ утра дождь шелъ, а послѣ разгулялось. А то много бываетъ.

— Еще гдѣ же бываете вы?

— Мы мало гдѣ бываемъ: братецъ съ Михеемъ Андреевичемъ на тоню ходятъ, уху тамъ варятъ, а мы все дома.

— Уже ли все дома?

— Ей Богу, правда. Въ прошломъ году были въ Колпинѣ, да вотъ тутъ въ рощу иногда ходимъ; 24 іюня братецъ — имянинники, такъ обѣдъ бываетъ; всѣ чиновники изъ канцеляріи обѣдаютъ.

— А въ гости ѣздите?

— Братецъ бываютъ, а я съ дѣтьми только у мужниной родни въ Свѣтлое Воскресенье да въ Рождество обѣдаемъ. — Говорить уже было больше не о чемъ.

— У васъ цвѣты: вы любите ихъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сказала она: намъ некогда цвѣтами заниматься. Это дѣти съ Акулиной ходили въ графскій садъ, такъ садовникъ далъ. А ерани и алоэ давно тутъ, еще при мужѣ были.

Въ это время вдругъ въ комнату ворвалась Акулина: въ рукахъ у ней бился крыльями и кудахталъ въ отчаяніи большой пѣтухъ.

— Этого, что ли, пѣтуха, Агаѳья Матвѣевна, лавочнику отдать?

— Что̀ ты, что̀ ты? поди, сказала хозяйка стыдливо: — ты видишь, гости.

— Я только спросить! говорила Акулина, взявъ пѣтуха за ноги, головой внизъ: — семьдесятъ копѣекъ даетъ...

— Поди, поди въ кухню, сказала Агаѳья Матвѣевна. — Сѣраго, съ крапинками, а не этого! торопливо прибавила она и сама застыдилась, спрятала руки подъ шаль и стала смотрѣть внизъ.

— Хозяйство! сказалъ Обломовъ.

— Да, у насъ много куръ: мы продаемъ яица и цыплятъ. Здѣсь, по этой улицѣ, съ дачъ, и изъ графскаго дома, все у насъ берутъ, сказала она, поглядѣвъ гораздо смѣлѣе на Обломова.

И лицо ея принимало дѣльное и заботливое выраженіе, даже тупость пропадала, когда она заговаривала о практическомъ, знакомомъ ей предметѣ. На всякій же вопросъ, не касавшійся какой-нибудь положительной, извѣстной ей цѣли, она отвѣчала усмѣшкой и молчаніемъ.

— Надо бы это было разобрать, сказалъ Обломовъ, указывая на кучу своего добра.

— Мы было хотѣли, да братецъ не велятъ, живо перебила она и уже совсѣмъ смѣло взглянула на Обломова. «Богъ знаетъ, что̀ у него тамъ въ столахъ да въ шкафахъ... сказали они: послѣ пропадетъ, къ намъ привяжутся...» Она остановилась и усмѣхнулась.

— Какой осторожный вашъ братецъ! сказалъ Обломовъ.

Она слегка опять усмѣхнулась и опять приняла свое обычное выраженіе. Усмѣшка у ней была больше прянятая форма, которою прикрывалось незнаніе, что̀ въ томъ или въ другомъ случаѣ надо сказать или сдѣлать.

— Мнѣ долго ждать его прихода, сказалъ Обломовъ: — можетъ быть, вы сообщите ему, что, по обстоятельствамъ, я въ квартирѣ надобности не имѣю, и потому прошу передать ее другому жильцу, а я съ своей стороны тоже поищу охотника.

Она тупо слушала, ровно мигая глазами.

— Насчетъ контракта потрудитесь сказать...

— Да нѣтъ ихъ дома-то теперь, сказала она: — вы лучше завтра опять пожалуйте; завтра суббота, они въ присутствіе не ходятъ.

— Я ужасно занятъ, ни минуты свободной нѣтъ! сказалъ Обломовъ. — Вы потрудитесь только сказать, что такъ какъ задатокъ остается въ вашу пользу, а жильца я найду, то....

— Нѣту братца-то, съ соболѣзнованіемъ говорила она: — нейдутъ они что-то... И поглядѣла на улицу — Вотъ они тутъ и проходятъ, мимо оконъ: видно, когда идутъ, да вотъ нѣту!

— Ну я отправлюсь... сказалъ Обломовъ.

— А какъ же братецъ-то придутъ, что̀ сказать имъ: когда вы переѣдете? спросила она, вставъ съ дивана.

— Вы имъ передайте, что̀ я просилъ, говорилъ Обломовъ: — что по обстоятельствамъ...

— Вы бы завтра сами пожаловали да поговорили съ ними... повторила она.

— Завтра мнѣ нельзя.

— Ну послѣ завтра, въ Воскресенье: послѣ обѣдни у насъ всегда закуска бываетъ, пирогъ печемъ. И Михей Андреичь приходитъ.

— Ужели и Михей Андреичь приходитъ? спросилъ Обломовъ.

— Ей Богу правда, прибавила она.

— И послѣ завтра мнѣ нельзя, сказалъ съ нетерпѣніемъ Обломовъ.

— Такъ ужь на той недѣлѣ... А когда переѣзжать-то станете? Я бы полы велѣла вымыть и пыль стереть? спросила она.

— Я не переѣду, сказалъ онъ.

— Какъ же? а вещи-то куда же мы дѣнемъ?

— Вы потрудитесь сказать братцу, началъ Обломовъ разстановисто, упирая глаза ей прямо въ грудь: — что по обстоятельствамъ...

— Да вотъ долго нейдутъ что-то, не видать! сказала она почти съ тоской, глядя на заборъ, отдѣлявшій улицу отъ двора. — Я знаю и шаги ихъ: по деревянной мостовой слышно, какъ кто идетъ. Здѣсь мало ходятъ...

— Такъ вы передадите ему, что̀ я васъ просилъ? кланяясь и уходя, говорилъ Обломовъ.

— Вотъ черезъ полчаса они сами будутъ... съ несвойственнымъ ей безпокойствомъ отвѣчала хозяйка, стараясь какъ будто голосомъ удержать Обломова.

— Я больше не могу ждать! сказалъ онъ, отворяя дверь.

Собака, увидя его на крыльцѣ, залилась лаемъ и начала опять скакать на цѣпи. Кучеръ, спавшій опершись на локоть, сталъ пятить лошадей, куры опять бѣжали въ разныя стороны, въ окно выглянуло нѣсколько головъ.

— Такъ я скажу братцу, что вы были, въ безпокойствѣ сказала хозяйка, когда Обломовъ усѣлся въ коляску.

— Да, и скажите, что я, по обстоятельствамъ, не могу оставить квартиры за собой и что передамъ ее другому, или чтобъ онъ поискалъ жильца.

— Объ эту пору они всегда приходятъ... говорила она, слушая его разсѣянно. — Я скажу имъ, что вы хотѣли побывать...

— Да, на дняхъ я заѣду, сказалъ Обломовъ. При отчаянномъ лаѣ собаки, коляска выѣхала со двора и пошла колыхаться по засохшимъ кочкамъ немощеннаго переулка.

Въ концѣ его показался какой-то, одѣтый въ поношенномъ пальто человѣкъ, среднихъ лѣтъ, съ большимъ бумажнымъ пакетомъ подъ мышкой, съ толстой палкой и въ резинныхъ калошахъ, не смотря на сухой и жаркій день. Онъ шелъ скоро, смотрѣлъ по сторонамъ, и ступалъ такъ, какъ будто хотѣлъ продавить деревянный тротуаръ. Обломовъ оглянулся ему вслѣдъ и видѣлъ, что онъ завернулъ въ ворота къ Пшеницыной.

— Вонъ братецъ пришли, заключилъ онъ: — надо бы вернуться: да чортъ съ нимъ! еще протолкуемъ съ часъ, а мнѣ и есть хочется и жарко. Да и Ольга ждетъ меня. До другаго раза! Ступай скорѣй! сказалъ онъ кучеру. — А квартиру другую посмотрѣть? вдругъ вспомнилъ онъ, глядя по сторонамъ, на заборы. Надо опять назадъ, въ Морскую или въ Конюшенную... До другаго раза! рѣшилъ онъ: пошелъ скорѣй!

И. Гончаровъ.

ВЗГЛЯДЪ

НА

ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННОЙ КРИТИКИ.

—

Истина — дочь времени, а не авторитета.
Бакомъ (Nov. Org. I. aph. 84).

—

Всякому времени свое дѣло, своя задача. Въ этомъ чисто-практическомъ смыслѣ вполнѣ справедливо приведенное нами изреченіе Бакона, провозвѣстника реализма нашей эпохи. Реалистическое или, пожалуй, дѣловое направленіе современности обозначилось уже такъ ясно, съ одной стороны—въ преобладающемъ господствѣ матеріальныхъ интересовъ, съ другой—въ разрушеніи идеаловъ прошлаго и въ несостоятельности попытокъ къ новымъ, которые могли бы замѣнить ихъ, что странно закрывать глаза передъ такимъ всеобщимъ явленіемъ, или смотрѣть на него сквозь пальцы съ тѣмъ не то снисходительнымъ, не то презрительнымъ недовѣріемъ, съ какимъ смотрятъ на проказы разрѣзвившагося шалуна, или на выходки отчаяннаго головорѣза. Реализмъ преобладаетъ не только въ деревнѣ, на фабрикѣ, на биржѣ, въ лавкѣ купца: онъ, можно-сказать, въ воздухѣ, онъ заражаетъ нравы и мнѣнія, онъ уже заралилъ науку, искусство и литературу.

Но, сравнивая его съ заразой по ничѣмъ неотвратимой прилипчивости, мы, разумѣется, вовсе не имѣемъ въ виду бросить на него хотя малѣйшую тѣнь безсильнаго осужденія. Не надо быть фаталистомъ для того, чтобъ отречься отъ самонадѣянной роли осуждать ходъ развитія, очевидный по крайней мѣрѣ на нашей, европейской семьѣ народовъ. Не видѣли ли мы, какъ лучшіе ея представители въ древнеклассическомъ мірѣ, на-

чавъ безсознательнымъ общеніемъ съ *данною*, своенародною и своемѣстною, дѣйствительностію, такою, какою вышла она изъ рукъ благодатной природы, и завѣщавъ грядущимъ поколѣніямъ дивные памятники своего творчества, дошли наконецъ до полнаго внутренняго разлада сами съ собой? Не видѣли ли мы потомъ, какъ въ средневѣковую эпоху обновленный человѣкъ порывался отъ міра сего въ міръ надземныхъ помысловъ, сверхъестественныхъ чаяній и—по счастливому выраженію одного изъ духовныхъ нашихъ витій—«искушалъ Бога требованіемъ чрезвычайныхъ даровъ, обходя средства, отъ Него же приготовленныя(для насъ) въ природѣ?» Не видимъ ли, какъ отъ этихъ порывовъ, также оставившихъ по себѣ безсмертные слѣды, онъ воротился къ окружающей его дѣйствительности и суетливо принялся устроивать себѣ новую мірскую обстановку, болѣе сообразную съ его измѣнившимися потребностями? Конечно, и прежде, и всегда человѣкъ извлекалъ изъ даровъ природы средства своего существованія, но когда же обращался онъ къ ней съ такими вопросами, какъ теперь? Не напрягаетъ ли онъ въ наше время всѣхъ силъ ума и знанія для разрѣшенія тѣхъ насущныхъ задачъ, которыя прежде или совсѣмъ упускались изъ виду, или предоставлялись заботамъ грубаго, невѣжественнаго труда, безъ всякаго почти пособія умственной работы? Наука, знаніе шли прежде своимъ аристократическимъ путемъ, сходившимся весьма рѣдко съ колеей чернорабочей дѣйствительности. То ли видимъ передъ собою теперь, когда всякое самобытное, неслужебное движеніе мысли считается чуть не безполезной роскошью, достойной не поощренія, а скорѣе запрета? Взгляните на страшное расширеніе естественныхъ наукъ и на изумительную многосторонность ихъ практическаго приложенія; взгляните на разрозненность и мелкость мотивовъ въ искусствѣ, при несомнѣнномъ стремленіи служить цѣлямъ и угождать вкусамъ общества; взгляните на упадокъ философіи, какъ господствующей надъ умами системы, и на тщательную разработку ея исторіи, способной убѣдить самый упорный «здравый смыслъ», что ни одинъ фазисъ человѣческаго развитія не обходится безъ соотвѣтственныхъ ему философскихъ воззрѣній: взгляните на все это, и скажите, есть ли какое-нибудь мѣсто сомнѣнію, что человѣкъ вышелъ теперь на совсѣмъ новый путь, столько же отличный отъ прежняго, сколько живописно-дурныя дороги доброй старины не похожи на однообразно-быстрыя сообщенія нашего времени?

Согласимся, что реализмъ, какъ сознательное возвращеніе къ насущной дѣйствительности, какъ признаніе полноправности развитія всѣхъ живыхъ силъ, есть фактъ, не подлежащій ни отрицанію, ни укоризнѣ. Но таковъ общій его смыслъ, таковъ онъ въ своей основной идеѣ: другое дѣло частныя его проявленія, попытки осуществить его въ той или

другой формѣ. Степень удачности этихъ попытокъ, много зависящая отъ насъ самихъ — нашего пониманія, нашей энергіи, нашей дѣятельности, безспорно подлежитъ сужденію и оцѣнкѣ, и мѣриломъ при этомъ должно принимать, съ одной стороны, основную идею, съ другой—наличные способы къ ея осуществленію, то есть матеріальныя и умственныя средства даннаго народа, его достатокъ и образованность, особенно ту общественную подготовку, которой болѣе или менѣе заматерѣлое направленіе можетъ или облегчать, или затруднять шаги народа на новомъ пути.

Обширное поле для критическихъ наблюденій!

Не остановимся на общемъ ходѣ пестрой и разнохарактерной борьбы новаго начала съ старымъ, — борьбы, иногда сознательной и прямой, иногда темной и исполненной недоразумѣній. Тутъ отчищенное старье часто выдается и принимается за нѣчто новое, и наоборотъ, совершенная новизна идетъ подъ-часъ за стараго знакомаго и друга. Рѣдко, какъ и во всякой борьбѣ, одно убѣжденіе отдаетъ при этомъ справедливость другому; упорство съ одной стороны и настойчивость съ другой считаются обыкновенно личною обидой, тогда какъ безъ твердости въ убѣжденіяхъ вся жизнь человѣка утратила бы свою серьёзность и явилась бы чѣмъ-то въ родѣ кукольной комедіи. Этотъ общій ходъ одинъ и тотъ же вездѣ и всегда. Для критики гораздо важнѣе слѣдить тѣ вольныя и невольныя уклоненія отъ главной цѣли, которыя уже обозначились въ реалистическихъ стремленіяхъ нашего времени и, отчасти, вызвали противъ себя болѣе или менѣе удачный отпоръ.

Такъ, не только въ области естественныхъ наукъ, но и въ области философіи, реалистическое направленіе уклоняется иногда къ матеріализму. Скромно отказываясь, до поры до времени, отъ объясненія мыслящей, сознательной свободы человѣка изъ математически-точныхъ законовъ, которымъ безсознательно покорно вещество, новѣйшіе матеріалисты обыкновенно предоставляютъ рѣшеніе этой задачи будущимъ успѣхамъ естествознанія. Но реализмъ, принимающій жизнь въ ея цѣльномъ составѣ, реализмъ, для котораго свобода, мысль, сознаніе, по крайней мѣрѣ столько же дѣйствительны и реальны, какъ механическіе и органическіе процессы видимой природы,—словомъ, настоящій реализмъ, конечно не долженъ нести отвѣтственности за этотъ грѣхъ, точно такъ же, какъ и за тщетныя попытки запоздалаго спиритуализма.

Въ общественной и политической сферѣ, худо понятый реализмъ сливается у однихъ съ желаніемъ какого-то органическаго возстановленія обломковъ старины, разумѣется, безъ тѣхъ недостатковъ, которые были ей свойственны, — у другихъ — съ неосуществимою мечтой о внезапномъ переходѣ общества изъ однѣхъ формъ быта въ совершенно другія, помимо всѣхъ очевидныхъ условій неизбѣжной постепенности. Встрѣча-

ются односторонніе взгляды и другаго рода: новѣйшая наука, въ полномъ соотвѣтствіи съ дознанной дѣйствительностью, различаетъ въ цѣльномъ составѣ народнаго организма двѣ сферы, или системы жизненныхъ отправленій,—государственную и общественную. Эти сферы, при всемъ ихъ различіи, неразрывны до того, что во всякомъ сложившемся народномъ организмѣ одна безъ другой не мыслима и не осуществима. Между тѣмъ разность ихъ содержанія пораждаетъ иногда одностороннюю мысль, будто роль государственной сферы только отрицательная, будто все назначеніе государства ограничивается тѣмъ, чтобъ только не мѣшать дѣятельности стрегомаго имъ общества. Мысль эта подробно развита знаменитымъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ еще въ исходѣ прошлаго вѣка, и объясняется какъ обстоятельствами времени, такъ и понятнымъ увлеченіемъ девятнадцатилѣтняго студента. Запоздалое повтореніе ея нынѣ могло бы нѣсколько удивить насъ, еслибъ не объяснялось въ свою очередь быстрымъ ходомъ общественнаго развитія, задерживаемаго въ своемъ стремленіи иногда случайными недостатками, а иногда и неизбѣжной медленностью административнаго формализма.

Отъ исторіи, которая слишкомъ долго держалась и отчасти еще держится на какой-то безполезно-идеальной высотѣ, реализмъ потребовалъ изображенія дѣйствительной жизни народовъ. Требованіе справедливое: но если пониманіе даже современной дѣйствительности подаетъ поводъ ко множеству разногласій, то пониманіе дѣйствительности давно минувшихъ дней должно было вызвать между прочимъ и такіе взгляды, которые, безъ обиды имъ, можно назвать карикатурой реализма.

Какъ чувство, какъ признаніе живой дѣйствительности, реализмъ весьма естественно возсталъ противъ абстрактнаго космополитства, ставившаго ни во что національную особенность, или ту первобытную, природную основу, которая, при всемъ сходствѣ человѣческаго развитія вообще, неотъемлемо обезпечиваетъ каждому самостоятельному народу его личную физіономію. Сколь ни справедливъ былъ такой протестъ, онъ нерѣдко сопровождался увлеченіемъ въ противоположную крайность. Сперва такъ-называемые германисты, а потомъ за ними славянофилы, разныхъ оттѣнковъ, простерли притязанія народности до того, что и тѣ и другіе присуждали, каждый своему племени, пальму первенства надъ всѣми остальными. А какъ племенныя отличія всего рѣзче выступаютъ среди грубой исключительности первоначальнаго быта, то приверженцы этихъ ученій охотно обращались къ глубокой, малоизвѣстной старинѣ, какъ идеалу своихъ преувеличенныхъ мнѣній о народности.

У насъ, въ послѣднее время, явились по этому вопросу очень странныя недоразумѣнія: иногда противопоставляли народности науку, какъ нѣчто враждебное, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что народность состав-

ляетъ предметъ тщательныхъ розысканій науки; иногда утверждали, что народность и наука въ неразрывной связи, и ссылались для этого даже на астрономическія наблюденія! иногда, наконецъ, ставили сбереженіе народности въ первобытной чистотѣ выше всѣхъ успѣховъ общественной и государственной жизни народа.

Что до науки, то она, не меньше безотчетныхъ любителей старины, дорожитъ остатками древняго народнаго быта, преданіями и памятниками; она-то именно собираетъ ихъ и съ видимымъ успѣхомъ объясняетъ помощію глубокаго сравнительнаго изслѣдованія. Разница между ею и любителями въ томъ, что она не придаетъ народной старинѣ преувеличеннаго, ни съ чѣмъ не сообразнаго значенія, и никогда не подумаетъ противопоставлять ее успѣхамъ человѣческаго ума. Она любознательно слѣдитъ исчезающіе остатки болѣе или менѣе продолжительнаго дѣтства народовъ, будь то сожиганіе вдовъ въ Индіи или подвѣнечная потасовка въ церкви у стирійскихъ Славянъ, но ни сколько не тужитъ объ усиліяхъ образованности прекратить тотъ или другой варварскій обычай. Конечно, можно бы желать, чтобъ они прекратились «внутреннимъ воздѣйствіемъ жизни народа», какъ недавно выразился одинъ журналъ; но если исторія показываетъ намъ на каждомъ шагу, что внутреннее воздѣйствіе, по большой части, ждетъ внѣшнихъ побужденій, то нечего сѣтовать, что въ Индіи англійскій солдатъ, а въ Стиріи австрійскій жандармъ являются орудіями образованности. Сталобыть, въ оцѣнкѣ слѣдовъ и памятниковъ древняго быта и въ умѣньи обращаться съ ними наука не уступитъ любителямъ; на сторонѣ послѣднихъ беретъ перевѣсъ одно слѣпое пристрастіе, или, пожалуй, чувство безотчетной любви. Наука сама по себѣ, конечно, не имѣетъ ничего общаго ни съ любовью, ни съ ненавистью. Какъ ни естественно любить и почитать отца и мать, но никто въ наше время не одобритъ того юриста-писателя, который, на основаніи этихъ похвальныхъ чувствъ, вздумалъ бы защищать неограниченность родительской власти. Ботаникъ можетъ истинно любить флору своей родины, будь она Московская или Забайкальская, все равно; но это не даетъ ему никакого права ставить ее выше всѣхъ прочихъ въ общей системѣ растительности. Чтобъ оцѣнить всю странность такого смѣшенія понятій, стоитъ вообразить себѣ на одинъ мигъ, что сталось бы съ наукой, еслибъ всѣ двигатели ея, дѣйствительно, руководились однимъ племеннымъ или мѣстнымъ сочувствіемъ въ ходѣ своихъ занятій: не превратилась ли бы она въ тотъ первобытный, грубый эмпиризмъ, изъ котораго вывели ее только вѣковыя усилія безпристрастныхъ искателей истины?

Но оставимъ науку, и перейдемъ къ неутомимымъ заботамъ литера-

турныхъ старовѣровъ о сбереженіи народности. Заботливость объ этомъ съ ихъ стороны и замѣчательная беззаботность со стороны всѣхъ прочихъ соотечественниковъ коренится въ глубокомъ различіи взгляда на народность. Мы вполнѣ раздѣляемъ простое убѣжденіе огромнаго большинства, что народность—неотъемлемое свойство каждаго народа, сохраняемое имъ, по одной уже естественной необходимости, не только независимо отъ перемѣнъ моды, но и среди всѣхъ возможныхъ переворотовъ, религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ. Пока народъ не извелся и не переродился въ совершенно другой, до тѣхъ поръ, не смотря ни на какія перемѣны, вы всегда найдете въ немъ ту же первобытную основу, которая объявилась съ самаго начала его исторіи. Поэтому, намъ кажется напрасно и даже нѣсколько обидно для великаго народа хлопотать за него о сбереженіи коренныхъ его свойствъ, какъ будто бы вы подозрѣвали въ немъ не только способность, но и влеченіе покинуть, какимъ-то непостижимымъ образомъ, свой физическій и нравственный обликъ и принять, вмѣсто его, заемный, чужой.

Смотря на жизнь съ реальной точки зрѣнія, вглядываясь въ дѣйствительность, какъ она есть, мы не позволимъ себѣ унижать народность, одинъ изъ главныхъ, живыхъ ключей той необъятной рѣки, которая называется исторіей, но не станемъ же отвергать и того, что по натурѣ общаго всѣмъ людямъ разума, въ исторіи каждаго народа важнѣйшимъ представляется именно постепенный ростъ его, какъ нравственнаго существа, при особыхъ для каждаго условіяхъ—личныхъ и чисто-внѣшнихъ, вліяніе этого роста на учрежденія и нравы и взаимное вліяніе учрежденій на развитіе человѣчности. Отнимите у исторіи народа этотъ главный интересъ, и у васъ останется одно изслѣдованіе породы.

Дружный, при всемъ разнообразіи, и неослабный, при всѣхъ видимыхъ задержкахъ и изворотахъ, ходъ общеевропейской образованности, возрастающее съ каждымъ шагомъ впередъ сближеніе народовъ, все это прямо противорѣчитъ бездоказательнымъ утвержденіямъ поклонниковъ племенныхъ, исключительно-національныхъ теорій. Не естественно ли послѣ этого, что протестуя при каждомъ случаѣ противъ неотразимыхъ успѣховъ сближенія, они въ то же самое время стараются придать смыслъ живой дѣйствительности замирающимъ обломкамъ старины.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ своей сохранностью остатковъ прошлаго безспорно принадлежатъ у насъ уцѣлѣвшіе вездѣ, слѣды если не первобытнаго, то по крайней мѣрѣ древняго хозяйственнаго устройства нашего народа—міръ и мірское пользованіе землею. Не думаемъ быть въ противорѣчіи съ народомъ и съ истиной, если скажемъ, что мірское

устройство [1]), въ исконномъ его примѣненіи, не обезпечило нашему земледѣльческому классу тѣхъ благъ, какихъ бы должно было ожидать отъ этого порядка, при совершенствахъ, приписываемыхъ ему новыми его поклонниками. Они, быть-можетъ, возразятъ намъ, что это произошло отъ внѣшнихъ помѣхъ, противустоявшихъ развитію древняго, вѣчно-спасительнаго начала. Но, позвольте,—что̀ нибудь одно: или начало это не было довольно плодовито и могуче, или кругомъ виноватъ народъ, если обладая въ теченіи вѣковъ такимъ вѣрнымъ, богатымъ кладомъ, онъ не умѣлъ, или не хотѣлъ имъ воспользоваться. Мы не дерзаемъ обвинить народъ и позволяемъ себѣ выгоднѣе думать объ его способностяхъ. Мы полагаемъ, на основаніи экономическаго закона, подтверждаемаго исторіею всѣхъ народовъ, что формы древняго сельскаго быта, при возрастающемъ развитіи движимой собственности, торговли и кредита, должны безъ всякаго насилія, по естественному ходу вещей, исподволь уступить новымъ, дающимъ болѣе простора самодѣятельности, личной отвѣтственности передъ Богомъ и передъ людьми, и тому высокому довольству, которое доступно только при этихъ условіяхъ, безъ нихъ же нѣсть спасенія человѣку! Да и гдѣ, скажите, такія учрежденія, которыя на вѣки обезпечивали бы судьбу народа, связывая ходъ его дѣятельности на вѣчныя времена? «Истина дочь времени, а не авторитета», повторимъ мы съ Ба̀кономъ, а истинно для всякаго времени то, что̀ для него необходимо, и если необходимость одной эпохи теряетъ свое практическое значеніе для другой, то это—непреложный законъ жизненнаго обновленія, и никакіе протесты и жалобы тутъ рѣшительно не помогутъ.

Взглянемъ теперь на реализмъ въ области искуства и поэтическаго творчества.

Образованіе, въ своемъ постепенномъ ходѣ, оказываетъ на различные слои общества такое же, только болѣе многосложное, дѣйствіе, какъ и на отдѣльную личность. Нерѣдко очень способный отрокъ, юноша, даже зрѣлый мужъ, испытываютъ въ себѣ, при новыхъ зарожденіяхъ, новыхъ фазисахъ своей умственной и нравственной жизни, какой-то внутренній разрывъ, нарушеніе стройнаго своего единства, происходящее или отъ напряженія духовныхъ силъ въ одну сторону, или отъ чрезмѣрнаго развлеченія ихъ по разнымъ дорогамъ. Но, при дальнѣйшемъ развитіи, они опять достигаютъ того гармоническаго строя, къ которому естественно тяготѣетъ всякая живая душа. Такія же эпохи внутренняго разлада и водворяющейся вслѣдъ за тѣмъ гармоніи наступаютъ, относительно, и для цѣлыхъ обществъ. Въ періоды гармоническаго роздыха человѣкъ охотно пользуется своимъ досугомъ для того, чтобы об-

(1) Названіе «общиннаго» принято у насъ только въ новѣйшее время, по переводу съ Запада.

лечь выработавшіяся идеи и глубокія чаянія души въ любимую форму своей фантазіи, всегда болѣе обращенной къ прошлому или будущему, нежели къ прозаической явности настоящаго. Но есть другія эпохи, когда народившійся новый фазисъ общественной жизни до того озадачиваетъ всѣ чувства и умы, что его фактическое содержаніе, его грубый матеріалъ, далеко не готовый для идеальныхъ воззрѣній, оттѣсняетъ свойственную человѣку идеализацію на второй планъ и требуетъ себѣ голоса, во что бы ни стало. Понятно, что, на первыхъ порахъ, разноголосица выходитъ иногда удивительная. Нѣтъ сомнѣнія, что мы живемъ въ одну изъ такихъ эпохъ, и на многое въ такъ-называемой поэтической литературѣ и въ искусствѣ нашего времени необходимо должны смотрѣть не съ точки зрѣнія художественности, а съ точки зрѣнія мѣткости, умѣстности и сноровки. Но все же этотъ умѣстный и своевременный взглядъ не заставитъ насъ забыть и окончательно сдать въ архивъ самобытную цѣнность художественной формы, не замѣнимой въ поэзіи и искусствѣ никакимъ достоинствомъ содержанія и притомъ неразрывной съ послѣднимъ до того, что нѣтъ средствъ придать ничтожному содержанію художественную форму. Полемизируя противъ чистой художественности, у насъ обыкновенно забываютъ эту живую, органическую связь, этотъ существенный характеръ всякаго истинно-поэтическаго творчества. Чтожь касается до случайной для искусства прозаической поучительности содержанія, то не художественной критикѣ брать эту поучительность за норму своихъ сужденій объ искусствѣ, которое полезно, отрадно и благотворно уже само по себѣ, какъ удовлетвореніе одной изъ самыхъ существенныхъ потребностей общей природы человѣка. Противъ этого существуетъ одно только возраженіе: есть очень умные люди, не только не чуждые, даже требующіе изящества въ манерахъ, въ платьѣ, въ экипажахъ, и между тѣмъ не постигающіе наслажденія чистымъ искусствомъ: они-то обыкновенно и прилагаютъ къ нему ту мѣрку, подъ которую оно, къ счастію, никогда не подойдетъ. Но съ ними можно согласиться только въ одномъ, что, по случайной особенности ихъ развитія, искусство имъ не совсѣмъ доступно, а усомниться въ законности, дѣйствительности, необходимости его существованія все-таки никакъ нельзя.

Возвращеніе къ чувству живой дѣйствительности въ поэтическомъ творчествѣ, или такъ-называемый реализмъ въ искусствѣ, порождали и порождаютъ до сихъ поръ много недоразумѣній, которыя выяснять лежитъ на обязанности современной критики. Реализмъ долженъ былъ и здѣсь отвѣчать за многія крайности, вовсе не лежащія въ основномъ его началѣ. Уклоненія отъ прямаго пути заключались преимущественно въ томъ, что умышленное, можно-сказать насильственное сближеніе съ

дѣйствительной жизнью часто заходило въ ту низшую сферу грубой, иногда обезьянской подражательности, которую прозвали натурализмомъ, вѣроятно потому, что своей рѣзкой угловатостью она безпрестанно напоминаетъ безконечное разстояніе, отдѣляющее ее отъ настоящей натуры. Тутъ, разумѣется, нѣтъ и рѣчи о возсозданіи живыхъ типовъ дѣйствительности: это—или механическія куклы, не способныя ни къ одному свободному движенію, или, въ самомъ благопріятномъ случаѣ, напрактикованные натурщики, которыхъ намъ выдаютъ за произведенія искусства. Тщетно трудамъ такого рода силятся придать общественное значеніе, выбирая для нихъ темы изъ быта простаго народа, или многочисленнаго, жалкаго класса служащихъ бѣдняковъ: скоро достойная кара забвенія постигнетъ эти неудачныя попытки, столько же оскорбляющія истину въ искусствѣ, какъ и въ дѣйствительности.

Е. К.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА,

седьмой, дополнительный томъ. Изданіе П. В. Анненкова. С. Петербургъ 1857 г.

Вышедшимъ теперь въ свѣтъ седьмымъ томомъ сочиненій Пушкина оканчивается изданіе произведеній поэта, предпринятое П. В. Анненковымъ. Въ этомъ томѣ издатель предлагаетъ публикѣ все, что̀ возможно представить ей печатно въ настоящее время. Задача изданія классическаго писателя состоитъ, какъ замѣчаетъ П. В. Анненковъ, въ томъ, чтобы не быть ниже потребностей и возможностей современности, и почтенный издатель въ этомъ отношеніи совершенно выполнилъ свою задачу. Онъ признаетъ, что читатель можетъ еще встрѣтиться съ посланіемъ, экспромптомъ или стихотворной запиской поэта, тщательно сбереженными отъ извѣстности и не вошедшими въ томы изданія; но, убѣжденный, что успѣхъ попытки — собрать весь текстъ Пушкина, еще долго останется у насъ болѣе чѣмъ сомнителенъ, издатель приступилъ къ печатанію въ седьмомъ томѣ по крайней мѣрѣ всего того, чѣмъ возможно было пополнить собраніе сочиненій Пушкина въ настоящее время. Этотъ дополнительный томъ заключаетъ въ себѣ двѣ части: часть стихотворную и часть прозаическую. Каждая изъ нихъ подраздѣляется на различные отдѣлы, по содержанію заключающихся въ нихъ статей.

Читатель встрѣтитъ въ седьмомъ томѣ произведенія и строки Пушкина, еще не являвшіяся въ печати, или же остававшіяся до сей поры разсѣянными въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и нерѣдко въ такихъ, отыскать которыя было бы весьма тру-

дно, а для большинства читателей и невозможно. Для послѣднихъ VII томъ Пушкина будетъ истинною новостью, драгоцѣннымъ и нежданнымъ подаркомъ. Они услышатъ звуки, отъ которыхъ давно отвыкли среди полезной, дѣльной и дѣловой литературы нашихъ дней. Теперь уже можно встрѣтить людей, сроднившихся съ направленіемъ, господствующимъ въ послѣдней, — людей, которые, увлекаясь ея дѣловымъ характеромъ, уже начинаютъ, если не свысока, то подозрительно, посматривать на поэзію Пушкина, или же говорятъ о ней съ полуснисходительною и полугрустною улыбкою, какъ говорятъ люди зрѣлаго возраста объ увлеченіяхъ своей юности. Въ наше время не рѣдкость уже и рѣшительные люди, громко обвиняющіе поэта за его *исключительно-художественныя* стремленія, за его отвлеченныя понятія объ искусствѣ и призваніи поэта. Къ подобнымъ мнѣніямъ и настроенію читателей подалъ поводъ отчасти самъ Пушкинъ такими стихотвореніями, каковы, напримѣръ, «Чернь» и «Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва». Но стихотворенія такого рода были вызваны тупостью современнаго суда надъ поэтомъ, досадою послѣдняго на кривыя или нелѣпыя толкованія его произведеній. Презрѣніе къ толкамъ, сужденіямъ, требованіямъ критики и публики невольно развивалось въ немъ, когда онъ напрасно ждалъ отъ послѣднихъ пониманія и ободренія своей дѣятельности. Извѣстно, что теорія чистаго и независимаго искусства, творчества про себя, съ особенною силою начала развиваться въ Пушкинѣ съ того времени, какъ критика, публика и даже нѣкоторые изъ близкихъ ему людей привѣтствовали однимъ недоумѣніемъ первую напечатанную поэтомъ (въ 1827 г.) сцену изъ Бориса Годунова, — произведенія, которое было такъ дорого сердцу Пушкина, которое стоило ему столько труда и изученія историческаго и филологическаго. Холодность и недоумѣніе, встрѣтившія этотъ трудъ, которымъ поэтъ мечталъ основать національную драму, горько отозвались въ душѣ его. Они заставили его даже усомниться, хоть и не надолго, въ достоинствѣ собственнаго творчества. Неуспѣхъ Бориса Годунова принудилъ поэта заключиться въ самомъ себѣ. Въ матеріалахъ для біографіи его, изданныхъ П. В. Анненковымъ, есть строки, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о критикѣ и публикѣ: «съ этой минуты ихъ

строгость или равнодушіе уже не могутъ имѣть вліянія на трудъ мой.» Поэтъ болѣе и болѣе убѣждался въ истинѣ теоріи, по которой искусство и художникъ должны быть независимы отъ требованій современности и толпы. Такая теорія утѣшала Пушкина и поддерживала въ немъ бодрость среди неудачъ; но возможно ли было практическое примѣненіе ея для поэта, страстнаго и воспріимчиваго ко всѣмъ впечатлѣніямъ дѣйствительности и той среды, въ которой онъ жилъ? Въ лирическихъ произведеніяхъ Пушкина мы встрѣчаемся не только съ поэтическимъ выраженіемъ фактовъ его личной жизни, его индивидуальныхъ ощущеній и помысловъ, но и съ отзывами поэта на многія значительныя явленія общественной и государственной жизни его времени. Прошедшее и настоящее, исторія и будущее русскаго народа, занимали мысль и сердце Пушкина; имъ была посвящена дѣятельная любовь его. Пусть обвиняющіе Пушкина и его поэзію въ идеально-художественныхъ, отвлеченныхъ стремленіяхъ, вспомнятъ, какъ онъ изучалъ исторію своего народа, читалъ русскихъ лѣтописцевъ, знакомился съ народными преданіями и поэзіею, подслушивалъ народную рѣчь изъ устъ самого народа и узнавалъ ее изъ письменныхъ памятниковъ. Свидѣтельство всему этому они найдутъ и въ поэтическихъ созданіяхъ Пушкина и въ прозаическихъ его статьяхъ, замѣткахъ и размышленіяхъ, оставшихся памятникомъ того, какъ серіозно и глубоко вникалъ онъ въ жизнь и природу своей націи. Борисъ Годуновъ, Полтава, Русалка, простонародныя сказки, Капитанская Дочка, Дубровскій, должны убѣдить обвинителей Пушкина, что муза его умѣла поэтически возсоздавать исторію, нравы, воззрѣнія и историческія личности русскаго народа. Въ Онѣгинѣ жизнь, нравы, понятія, лица современнаго поэту русскаго общества, представлены съ такою полнотою и яркостью, въ такихъ существенныхъ и характеристическихъ чертахъ, какихъ никогда не достигнуть писателямъ, представляющимъ отрывочныя, случайныя или мелкія черты дѣйствительности и современности, писателямъ, которые не умѣютъ сообщить имъ ни полноты представленія, ни оживляющихъ красокъ поэтической истины. Въ Онѣгинѣ навсегда сохранятся образы современной поэту дѣйствительности и будутъ живо воскресать въ фантазіи и воображеніи позднѣйшихъ

читателей. Бо́льшая же часть произведеній современной намъ литературы сохранитъ въ будущемъ только значеніе записокъ, мемуаровъ, дѣловыхъ документовъ, въ которыхъ изслѣдователь минувшаго будетъ искать матеріала для собственнаго самостоятельнаго труда, если захочетъ возстановить полные и живые образы прошлаго. Еслибы во времена гомерической поэзіи могли существовать какія-нибудь прозаическія записки и описанія тогдашняго быта греческихъ племенъ, то, конечно, эти полезныя произведенія, сохранившись до нашего времени, не сообщили бы намъ того живаго, нагляднаго и полнаго образа греческой древности, какой представляетъ Иліада. Люди, признающіе Пушкина великимъ поэтомъ и, однакожь, обвиняющіе его поэзію въ какомъ-то чисто-художественномъ, отвлеченномъ характерѣ, противорѣчатъ сами себѣ. Нѣтъ такого великаго поэта и художника, созданія и мысль котораго были бы лишены связи съ жизнью, современностью и явленіями окружающей его среды. Вспомните, что мысль Ревизора и Мертвыхъ душъ, по свидѣтельству самого Гоголя, были внушены послѣднему Пушкинымъ: а кто не понимаетъ общественнаго и практическаго значенія этихъ произведеній? Прибавимъ еще, что составлять понятія о личности и мнѣніяхъ поэта на основаніи отдѣльныхъ лирическихъ его произведеній, упуская изъ виду отношеніе ихъ къ минутѣ и поводу созданія, не всегда справедливо. Въ какомъ человѣкѣ, въ какомъ характерѣ не встрѣчается минутныхъ противорѣчій, или уклоненія отъ главныхъ, твердыхъ, основныхъ чертъ характера и личности? Эти противорѣчія и минуты остаются тайною человѣка, исчезаютъ безъ слѣда; онъ признается въ нихъ развѣ только въ бесѣдѣ съ самимъ собою. Но, какъ тотъ же самый человѣкъ неумолимъ къ поэту, который оставитъ по себѣ поэтическій памятникъ минутнаго настроенія, мгновенной душевной усталости или одностороннаго, исключительнаго стремленія, какому порой покорна всякая живая душа! А между тѣмъ выраженіе минутнаго настроенія, во всей его индивидуальной истинѣ, есть одно изъ правъ лирическаго поэта. Безъ этого права, лирическія стихотворенія часто представляли бы только отвлеченныя мысли, общія истины и, при неукоризненной правдѣ содержанія, могли бы лишиться искренняго тона поэзіи.

Въ первомъ отдѣлѣ поэтической части седьмаго тома Пушкина есть стихотвореніе «изъ VI Пиндемонте». Оно представляетъ богатую тему для обвиненій противъ Пушкина; въ немъ поэтъ легкомысленно и добровольно отрекается отъ правъ и обязанностей гражданина, цѣня только права личной независимости и наслажденій искусствомъ и природою. Геніальный и образованнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ говоритъ между прочимъ:

И мало горя мнѣ — свободно ли печать
Морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура
Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
Все это, видитель — *слова, слова, слова!*

Писатель, слово котораго такъ много сдѣлало для развитія образованности, чувства прекраснаго, охоты къ чтенію, любви къ искусству въ русскомъ обществѣ, самъ не дорожилъ правами и условіями собственной благой дѣятельности. Скорбный фактъ, но отвергать его нельзя, скажутъ обвинители: улика на лицо — стихотвореніе изъ VI Пиндемонте. Но въ седьмомъ же томѣ есть другія стихотворенія, есть другіе факты, есть между прочимъ два посланія къ Аристарху, въ которыхъ на права слова поэтъ смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ въ стихотвореніи изъ Пиндемонте. Напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ есть слѣдующіе стихи:

Но цензоръ — гражданинъ, и санъ его — священный!
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ:
Но мнѣнья не тѣснитъ и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ
Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
Закону преданный, отечество любя,
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
Онъ другъ писателю, предъ знатью не труслив,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.

Когда поэтъ былъ искреннѣе и вѣрнѣе себѣ, своимъ постояннымъ желаніямъ? Изъ двухъ противорѣчащихъ стихотвореній, какое высказываетъ истину мыслей и сердца его, и въ какомъ

сказалось его капризное настроеніе? Обвинители могутъ думать, что̀ имъ угодно; мы же убѣждены, что Пушкинъ въ посланіи къ Аристарху говорилъ отъ полноты сердца и убѣжденій, что это не могло быть иначе въ великомъ поэтѣ и образованномъ писателѣ. Недаромъ Пушкинъ собственное стихотвореніе: «Не дорого цѣню я громкія права», обозначилъ «изъ VI Пиндемонте» и, какъ знаемъ изъ указанія П. В. Анненкова въ его матеріалахъ для біографіи Пушкина, хотѣлъ обозначить изъ Alfred Musset. Пушкинъ, думаемъ мы, понималъ истинный смыслъ мгновенія, выразившагося въ этомъ стихотвореніи. По духу своему, послѣднее было родственно откровенно-капризной поэзіи Альфреда Мюссе. Стихотвореніе изъ Пиндемонте было написано въ 1836 году; но въ томъ же году была написана Пушкинымъ и статья противъ мнѣній М. А. Лобанова, грозныхъ для русской литературы и стѣснительныхъ для правъ слова. Читатели найдутъ эту статью въ прозаической части седьмаго тома.

Бо̀льшая часть стихотвореній Пушкина была внушена ему событіями и отношеніями жизни, впечатлѣніями дѣйствительности и невымышленнымъ душевнымъ настроеніемъ поэта. Близкая связь поэзіи Пушкина съ дѣйствительнымъ ходомъ жизни существовала, какъ замѣтилъ его біографъ, даже при созданіи антологическихъ стихотвореній и другихъ, такого со̀держанія, при которомъ трудно бы предполагать ее. Покуда не будетъ положительно извѣстно или объяснено отношеніе тѣхъ произведеній Пушкина, которыя могутъ казаться уклоненіемъ отъ общаго правдиваго и благороднаго смысла его поэзіи, къ поводамъ и вліяніямъ ихъ вызвавшимъ, до тѣхъ поръ рѣшительные приговоры насчетъ ихъ значенія и выразившихся въ нихъ личныхъ качествъ и мнѣній поэта, кажется намъ, будутъ, если не вполнѣ несправедливы, то по крайней мѣрѣ весьма односторонни. Пушкинъ не разъ высказывалъ въ прозѣ и стихахъ нѣкоторое любованіе своими предками и довольно тщательно занимался своею генеалогіею, чѣмъ заставилъ подозрѣвать въ себѣ аристократическія наклонности и мнѣнія. По рожденію своему, по связямъ, по образованію, онъ, конечно, принадлежалъ къ высшему кругу русскаго общества, кругу, среди котораго протекло его дѣтство и совершилось его воспитаніе.

Значительная часть образованнѣйшей русской молодежи, въ исходѣ первой четверти нашего вѣка, принадлежала къ тому же кругу; но русскій аристократизмъ не отличается ни прочностью, ни опредѣленностью характера: онъ носитъ признаки внѣшняго и случайнаго явленія, доступенъ всякимъ вліяніямъ и не огражденъ исключительными понятіями, не ставитъ себѣ строгихъ границъ ни въ практикѣ, ни въ теоріи. Молодые товарищи и современники Пушкина, при разнообразныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, благопріятныхъ или поучительныхъ, пріобрѣтали съ годами понятія и направленія довольно различныя. Очень естественно, что и въ Пушкинѣ, можетъ-быть, были слѣды того внѣшняго и неопредѣленнаго аристократизма, который едва ли заслуживаетъ это названіе и который съ годами принялъ книжный, теоретическій характеръ и оставался въ жизни поэта довольно безвреднымъ и неприложимымъ. Извѣстно, что уваженіе къ предкамъ развилось въ Пушкинѣ съ особенною силою со времени историческихъ изученій, предшествовавшихъ созданію Бориса Годунова. Археологико-артистическая любовь къ прошедшему не соединялась у него ни съ какою эгоистическою мыслію, ни съ какими требованіями и притязаніями на настоящее во имя прошлаго. Любовь къ предкамъ, уваженіе и интересъ къ минувшему не лишали поэта сочувствія къ достоинству, дѣламъ и заслугамъ лицъ, на какой бы ступени общества ни стояли послѣднія. Пушкинъ даже явно отдѣлялъ уваженіе къ предкамъ и родовымъ преданіямъ отъ современнаго аристократизма и его притязаній.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунятъ,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь, новый Ходаковскій (*),
Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

Поэтъ иронически отзывался въ своихъ стихахъ о тѣхъ либералахъ, которые презираютъ отцовъ, но гордятся красою

(*) Извѣстный любитель и разыскатель старины.

собственныхъ заслугъ, звѣздою двоюроднаго дяди и приглашеніемъ на балъ, гдѣ не бывалъ ихъ дѣдъ. Читатель встрѣтитъ и въ седьмомъ томѣ, въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина «Моя родословная», между прочими, слѣдующую строфу:

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ;
Я не якшаюсь съ новой знатью
И крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто—не Мусинъ,
Я самъ-большой, не царедворецъ:
Я грамотѣй, я мѣщанинъ!

Мы признаемся, что пристрастіе Пушкина къ предкамъ было бы понятнѣе, еслибы оно имѣло поболѣе основаній въ качествахъ и дѣлахъ самихъ предковъ, чѣмъ въ воображеніи и фантазіи поэта, но все однакожь повторимъ, что аристократизмъ такого рода былъ безвреденъ, не нарушилъ и не стѣснилъ благороднаго духа поэзіи Пушкина, а въ жизни его чѣмъ, какъ онъ проявился? Ясныхъ подробностей на этотъ счетъ мы не знаемъ отъ голословныхъ обвинителей поэта.

Второй отдѣлъ стихотворной части послѣдняго тома Пушкина заключаетъ въ себѣ выпущенныя мѣста изъ его стихотвореній и поэмъ. Здѣсь встрѣчаются довольно любопытныя и довольно важныя дополненія къ извѣстнымъ произведеніямъ Пушкина. Къ такимъ причисляемъ мы сцену изъ Бориса Годунова, являвшуюся уже въ періодическихъ изданіяхъ, но только теперь получившую мѣсто въ собраніи сочиненій Пушкина. Сцена эта, исключенная, при изданіи Бориса Годунова, самимъ поэтомъ, по совѣту близкихъ ему людей, по нашему мнѣнію, вовсе нелишняя въ развитіи драмы. Она должна слѣдовать за сценою между лѣтописцемъ Пименомъ и Григоріемъ. Начальные замыслы и смутныя стремленія послѣдняго въ сценѣ «Монастырская ограда» становятся, подъ вліяніемъ соблазнительныхъ словъ злаго чернеца, положительнымъ рѣшеніемъ. Эта сцена необходимое звено, соединяющее первое появленіе Григорія въ качествѣ молодаго чернеца, безпокойнаго и смущаемаго тревожными снами, какимъ онъ является въ разговорѣ съ

Пименомъ, съ его послѣдующимъ появленіемъ въ драмѣ въ качествѣ самозванца.

Въ третьемъ отдѣлѣ стихотворной части изданнаго теперь тома помѣщены, между разными небольшими стихами и отрывками, эпиграммы и такія стихотворенія, которыя имѣли близкое отношеніе къ самой личности поэта. Современемъ, когда біографическія подробности, касающіяся Пушкина, будутъ разъяснены и болѣе извѣстны, чѣмъ теперь, эти стихи получатъ еще больше интереса.

Въ прозаической части седьмаго тома, въ первый разъ являются печатно слѣдующія статьи: «Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго», изъ которыхъ можно ознакомиться съ методою, принятой Пушкинымъ въ приготовительныхъ работахъ для историческаго сочиненія, которое онъ предпринималъ; «Камчатскія дѣла»—статья, въ которой Пушкинъ начиналъ сводъ сказаній о завоеваніи Камчатки, по сочиненію Крашенинникова. Сказанія эти современемъ, вѣроятно, внушили бы поэту художническую картину подвиговъ русскихъ казаковъ и промышленниковъ, характеристическихъ дѣйствій и нравовъ русскихъ людей въ дикой и оригинальной странѣ, подобно тому, какъ изслѣдованія о Пугачевскомъ бунтѣ внушили ему созданіе Капитанской дочки, а изслѣдованія о Петровской эпохѣ—романъ: Арапъ Петра Великаго. Изъ біографической статьи «О Радищевѣ», являющейся впервые на свѣтъ, мы можемъ ознакомиться съ мнѣніями Пушкина о человѣкѣ, въ которомъ, съ точки зрѣнія историческихъ и общественныхъ условій, онъ усматривалъ только примѣръ для поученія. Поучительная сторона явленія закрыла отъ него другую сторону, трагическую. Нельзя сказать, чтобъ это послужило въ пользу живости и ясности біографическаго очерка. Изъ всѣхъ этихъ статей мы видимъ, какой богатый матеріалъ собиралъ Пушкинъ для своей творческой дѣятельности, чего мы могли смѣло ожидать отъ него! Духъ русской націи слѣдилъ онъ во всѣхъ его направленіяхъ, въ разнообразныхъ фактахъ и чертахъ его. Да послужитъ это примѣромъ писателямъ, которые, недолго думавши и безъ труда, узнаютъ его только въ плутняхъ мелкихъ жалкихъ чиновниковъ, въ грязномъ быту самоварниковъ и ихъ безобразной до-

машней челяди, въ чиновныхъ и нечиновныхъ пьянчужкахъ, въ несчастныхъ бродягахъ и въ заспанныхъ или отупѣвшихъ отъ праздности баряхъ и барыняхъ.

Въ отдѣлѣ полемическихъ статей седьмаго тома являются произведенія, которыхъ до сихъ поръ не доставало въ собраніи сочиненій Пушкина. Они останутся памятникомъ литературныхъ нравовъ его времени и свидѣтельствомъ веселаго и остроумнаго полемическаго таланта поэта. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не любоваться статьями Пушкина, писанными имъ подъ именемъ Ѳеофилакта Косичкина.

Среди статей чисто-литературнаго содержанія, отрывковъ, начатыхъ повѣстей и романовъ, помѣщены, между прочимъ, «Отрывки изъ романа въ письмахъ», о существованіи которыхъ издатель упоминалъ въ матеріалахъ для біографіи поэта. Въ десяти письмахъ обозначены уже главныя черты лицъ романа. Изъ нихъ привлекаетъ къ себѣ особенное участіе и вниманіе читателя умная и страстная воспитанница одного богатаго дома, ведущая переписку съ своею свѣтскою пріятельницею. Въ замѣчаніяхъ и сужденіяхъ двухъ подругъ по поводу самыхъ обыкновенныхъ отношеній и предметовъ, выражаются всѣ тонкія отличія и оттѣнки ихъ характеровъ. Еслибъ романъ былъ оконченъ, то въ лицѣ воспитанницы богатаго дома, Пушкинъ оставилъ бы намъ такой же полный и прелестный образъ русской женщины, какой созданъ имъ въ лицѣ Татьяны. Русскія свѣтскія женщины и деревенскія барышни, выросшія, какъ говоритъ одинъ изъ героевъ начатаго романа, подъ яблонями, воспитанныя между скирдами, природой и нянюшками, являлись въ созданіяхъ поэта со всѣми признаками лицъ, дѣйствительно встрѣчающихся въ русскомъ обществѣ, но не лишались у него ни ума, ни сердца, ни граціи и красоты; при нѣкоторыхъ характеристическихъ особенностяхъ и недостаткахъ, сохраняли человѣческое достоинство, не представлялись уродливыми исключеніями изъ цивилизованнаго рода человѣческаго; и однакожь Татьяна, Ольга и женщины неоконченнаго Пушкинымъ романа такіе живые, знакомые, такіе вѣрные русской жизни образы! Отчего же дѣятели современной намъ литературы, за немногими исключеніями, ограничиваютъ характеристику изображаемыхъ ими женщинъ круглыми формами,

молочнымъ или румянымъ цвѣтомъ лица, покрывающимися масломъ глазами и кривыми линіями фигуръ? И во всѣхъ этихъ лицахъ ничего женственнаго, ничего человѣческаго — одни грязныя привычки, циническія рѣчи и животные инстинкты! Жизнь ли не представляетъ авторамъ другихъ образовъ, или вина здѣсь на сторонѣ самихъ авторовъ? Въ недостаткахъ литературы болѣе или менѣе бываетъ виновато и само общество; но все грязное, безсмысленное и дикое въ послѣднемъ ярко освѣщается или устраняется не тѣми писателями, которые стоятъ наравнѣ съ нимъ, но тѣми, которые выше или впереди, которые своими произведеніями не повторяютъ только все дикое, что̀ встрѣчается въ обществѣ, но вносятъ въ послѣднее живительную мысль, благородное стремленіе, или увлекаютъ его образами, запечатлѣнными внутреннею красотою и достоинствомъ человѣка.

Горе той литературѣ, задача которой ограничивается только копировкой и вѣрнымъ отраженіемъ грязныхъ или нелѣпыхъ явленій жизни. Самое полемическое и отрицательное ея направленіе потеряетъ свой смыслъ, не имѣя внѣ себя и впереди достойной цѣли. Содержаніе ея измельчаетъ и унизится до праздныхъ сплетней; она станетъ безплодна и утратитъ благотворную власть надъ обществомъ. Если на долю писателя, вслѣдствіе особенности его таланта, или условій времени и даннаго общества, и выпадутъ изображенія искаженнаго быта людей, печальныхъ, мелкихъ и грязныхъ явленій жизни, то все же необходимо при этомъ беречь въ читателѣ живое чувство того, что самъ писатель стоитъ не подъ однимъ уровнемъ съ изображаемыми имъ предметами. Отношеніе писателя къ подобному содержанію его произведеній должно чувствоваться въ способѣ представленія, а этотъ способъ почерпается писателемъ уже не изъ однихъ только изображаемыхъ предметовъ, но зависитъ отъ свойствъ его личности, отъ характера его ощущеній и понятій, отъ степени его нравственнаго развитія и образованности. Человѣкъ развитой и человѣкъ грубый могутъ говорить объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, но, конечно, оба будутъ говорить о нихъ иначе. Пушкинъ, напримѣръ, и Грибоѣдовъ не избѣгали реальныхъ изображеній житейскаго: но кто не чувствуетъ разницы въ способѣ ихъ изображенія съ тѣмъ

способомъ, котораго держится большинство современныхъ писателей? Извѣстна высокая образованность Пушкина, который не ограничивался изученіемъ роднаго быта и знаніемъ отечественной современности, но до конца дней воспитывалъ свою мысль, свои понятія и вкусъ разнообразнымъ чтеніемъ и изученіемъ произведеній иностранныхъ литературъ. Писатель высокаго умственнаго и эстетическаго образованія, онъ изображалъ предметы вседневной и дѣйствительной жизни, угадывая ихъ существенныя, необходимыя и характеристическія черты, и тѣмъ самымъ изображенія его уже получали значеніе живой мысли, а не были отраженіемъ всего случайнаго, отрывочнаго или незначащаго; въ изображеніяхъ такого писателя не могло быть жеманной скромности, pruderie, но не могла выказываться и любовь къ грязнымъ образамъ. Многому остается учиться у Пушкина большинству современныхъ литераторовъ и, между прочимъ, взыскательности относительно собственныхъ произведеній и труду надъ ними. Біографъ Пушкина указалъ, какъ поэтъ руководствовался въ процессѣ творчества столько же вдохновеніемъ, сколько и сознаніемъ, какъ онъ умѣлъ видѣть и исключать въ цѣломъ своихъ произведеній все лишнее, неправильное, случайное, даже если оно было удачно и имѣло достоинство само по себѣ. Пушкинъ смотрѣлъ строго на призваніе и подвигъ писателя, и нелегкимъ былъ для него этотъ подвигъ! Дѣятельность и жизнь его протекли не въ мирѣ и покоѣ, не безъ вѣнчанія терніемъ. Первые годы молодости поэта прожиты имъ въ удаленіи отъ родины, отъ близкихъ и друзей; его поэтическая дѣятельность сопровождалась дикими порицаніями, невѣжественнымъ судомъ и нерѣдко такими же нерадостными для поэта похвалами и одобреніями; клевета и зависть отравили послѣдніе дни его и прервали творческую дѣятельность во всей ея красѣ и силѣ.... Недавно случилось намъ видѣть сюртукъ Пушкина съ запекшеюся кровью поэта и съ маленькимъ отверстіемъ, прорѣзаннымъ пулею, въ одной изъ фалдъ. Долго мы не могли освободиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ кровавымъ свидѣтельствомъ безвременнаго конца благородной жертвы зависти, сплетней, невѣжественной неспособности цѣнить великое. Мы припоминали жизнь Пушкина, мы думали о смыслѣ его дѣятельности.... такъ ли живутъ и кончаютъ

свое поприще, думали мы, счастливые и мирные поэты-художники, жрецы чистаго искусства, не рожденные для житейскихъ волненій и битвъ?

П. В. Анненковъ положилъ первыя прочныя основанія біографіи Пушкина, онъ сдѣлалъ все, что̀ было̀ въ его власти, все, что̀ могъ онъ сдѣлать въ данное время и при данныхъ матеріалахъ, указаніяхъ и свѣдѣніяхъ о поэтѣ. Но сколько вопросовъ относительно дѣятельности и жизни Пушкина, пробуждаетъ біографъ прекраснымъ трудомъ своимъ, вопросовъ, на которые до сихъ поръ не можетъ быть отвѣта! Личность, жизнь и дѣятельность нашего поэта будутъ тогда только вполнѣ ясны и вполнѣ понятны, когда всѣ подробности, касающіяся ихъ, будутъ обнародованы тѣми, кто имѣетъ на это возможность и право. Пора являться въ печати подлиннымъ письмамъ Пушкина, подробнымъ замѣткамъ и воспоминаніямъ о немъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, со стороны лицъ, имѣющихъ что-либо сообщить въ этомъ отношеніи. Это—долгъ послѣднихъ русской литературѣ и русскому обществу. Выскажемъ желаніе, чтобы срокъ уплаты по этому долгу не отдалялся произвольно на неопредѣленныя времена.

Въ концѣ седьмого и послѣдняго тома сочиненій Пушкина приложены издателемъ алфавитные указатели стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, а также подробный указатель къ матеріаламъ для біографіи Пушкина, помѣщеннымъ въ первомъ томѣ изданія. Все это сдѣлано съ такою тщательностію и представляетъ читателю такія удобства, къ которымъ мы до сихъ поръ не пріучены русскими изданіями.

А. Станкевичъ.

О ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Продолженіе.)

Мы видѣли, что первоначальная форма общаго владѣнія землею во Франціи была произведеніемъ родоваго быта. Въ средніе вѣка образовался другой видъ, который, хотя частью коренится въ первомъ, однако сложился и устроился подъ вліяніемъ иныхъ началъ, именно—мѣстнаго сожительства. Нѣсколько семействъ соединялись въ одно хозяйство, въ которомъ послѣ сожительства въ продолженіе года со днемъ установлялось между членами полное общеніе имуществъ (communauté). Движимое и недвижимое складывалось вмѣстѣ, земля обработывалась общими силами, и плоды общаго труда раздѣлялись, по опредѣленію мѣстнаго обычая, либо соразмѣрно вкладу, либо поголовно. Потребленіе было также общее: иногда всѣ жили подъ однимъ кровомъ, въ огромныхъ зданіяхъ; иногда же около обширнаго двора строилось нѣсколько избъ, для отдѣльныхъ семействъ. Но во всякомъ случаѣ непремѣннымъ условіемъ общенія было то, чтобы члены союза имѣли одинъ очагъ и ѣли одного хлѣба и соли. Отсюда поговорка: le feu, le sel, et le pain portent le vilain. Сожители назывались товарищами, участниками (compagnons, porsonniers), братьями и сестрами; между

ними существовало полное равенство. Для управленія, они выбирали изъ среды себя старшину, который завѣдывалъ всѣми дѣлами, по совѣту съ товарищами; онъ производилъ уплаты и распредѣлялъ работы между членами: одни занимались земледѣліемъ, другіе смотрѣли за скотомъ, третьи исправляли промыслы. Женщины точно также изъ среды себя выбирали старшую, которая завѣдывала хозяйствомъ, и которой остальныя обязаны были повиноваться. Сожители наслѣдовали другъ послѣ друга, или, лучше сказать, наслѣдованія вовсе не было, ибо имуществомъ владѣла община, и смерть одного изъ членовъ умножала только долю остальныхъ. Такимъ образомъ уничтожалось дѣйствіе права мертвой руки; исчезала одна изъ самыхъ обременительныхъ сторонъ крѣпостнаго состоянія. Господинъ вознаграждался однако тѣми выгодами, которыя доставляла ему община; такъ какъ члены отвѣтствовали другъ за друга, то ему несравненно легче было взыскивать свои подати и повинности. Притомъ онъ имѣлъ дѣло съ однимъ старшиною, который распоряжался уже своими подчиненными.

Подобныя общины существовали повсемѣстно, какъ общее правило, иногда между свободными, но большею частью между крѣпостными людьми. Онѣ установлялись сами собою, безъ всякаго явнаго приговора, безъ всякаго изустнаго изъясненія, просто вслѣдствіе факта сожительства. Впрочемъ онѣ имѣли различные виды и объемы, смотря по мѣстному праву. Нѣкоторые обычаи допускали подобный союзъ только между родственниками, изъ чего можно полагать, что родовое общеніе имуществъ служило первообразомъ для этого новаго учрежденія. Отсюда необыкновенная крѣпость родственной связи: раздѣленіе семейства не допускалось, такъ что въ нѣкоторыхъ общинахъ до семидесяти членовъ жили подъ управленіемъ одного праотца — патріарха. Изъ тѣхъ же началъ проистекали и другіе обычаи семейной жизни, которые связывали средневѣковое семейство въ одно недѣлимое цѣлое, именно, общеніе имуществъ какъ между мужемъ и женою, такъ между вдовымъ отцомъ и дѣтьми, вслѣдствіе сожительства въ продолженіе года со днемъ. Такимъ образомъ постоянное сближеніе людей установляло юридическое соединеніе ихъ интересовъ, и наоборотъ, когда люди расходились, община разрушалась сама со-

TAYLOR INST. OXFORD

бою. Послѣднее правило соблюдалось первоначально въ чрезвычайно строгой формѣ: съ выходомъ одного члена уничтожался весь союзъ. Но, съ теченіемъ времени, это стѣснительное ограниченіе ослабѣло. Скрѣпленіе общинной связи было въ интересѣ всѣхъ; поэтому установилось правило, что отдѣлившійся членъ теряетъ только право наслѣдованія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ сохранялъ даже и послѣднее, если въ общинѣ не оставалось другихъ родственниковъ. Женщины, выходившія замужъ на сторону, обыкновенно получали отъ общины приданое, которое онѣ приносили, какъ собственный вкладъ въ новый союзъ; но затѣмъ уже онѣ ничего не могли требовать отъ прежнихъ товарищей.

Понятно, что такое устройство должно было придать особенную крѣпость общинному союзу. Дѣйствительно, подобныя общины сохранялись иногда непрерывно, въ продолженіе многихъ вѣковъ. Во времена революціи существовали нѣкоторыя, образовавшіяся въ XII-мъ или XIII-мъ вѣкѣ; и доселѣ еще въ отдаленныхъ частяхъ Франціи живутъ остатки этихъ древнихъ учрежденій. Такова, описанная Дюпеномъ, община Де-Жо (Des Jaulis) въ Ниверне, которая можетъ служить образчикомъ развитія родоваго быта. Она существуетъ съ незапамятныхъ временъ: древнѣйшія ея граматы восходятъ до XV-го вѣка, но въ нихъ говорится объ общинѣ, какъ о старинномъ уже учрежденіи. Первоначально, она состояла изъ единаго рода, который управлялся родоначальникомъ по наслѣдственному порядку. Съ теченіемъ времени, сознаніе родоваго старшинства затемнилось; тогда члены стали выбирать старшаго изъ среды себя, и это продолжается доселѣ. Наслѣдованіе у нихъ не существуетъ; каждый подрастающій членъ требуетъ себѣ равной съ другими доли, не по наслѣдственному праву, а какъ членъ общины, отъ собственнаго лица. Этотъ древній родъ, почтенный остатокъ старины, отличается нравственными качествами, которыя дѣлаютъ его предметомъ всеобщаго уваженія. Однако подобные примѣры составляютъ въ настоящее время рѣдкое исключеніе. Возникшія въ эпоху неурядицы, развившіяся подъ вліяніемъ крѣпостнаго права и принужденнаго сожительства, эти общины держались еще нѣкоторое время по освобожденіи крестьянъ. Но съ бо́льшимъ и бо́льшимъ водвореніемъ свободы

онѣ рушились сами собою. То были учрежденія средневѣковыя, которыя не могли удержаться среди новаго порядка, снявшаго съ человѣка крѣпостныя узы, установившаго свободную и подвижную собственность. Пока люди должны были тѣсниться другъ къ другу, чтобы дать нѣкоторый отпоръ окружающему ихъ произволу, пока имущество ихъ не было обезпечено противъ грабительства, они охотно складывались вмѣстѣ; какъ скоро настала лучшая пора, каждый началъ тянуть въ свою сторону, въ общины закралась внутренняя вражда, которая дѣлала дальнѣйшее существованіе ихъ невозможнымъ. Законодательство благоразумно предоставило ихъ собственному ходу, не стараясь поддержать обветшавшія формы. Дѣйствительно, учрежденія, возникшія подъ вліяніемъ средневѣковаго быта и крѣпостнаго права, не могли служить вмѣстилищемъ для новаго содержанія. Если, какъ можно ожидать, дальнѣйшее движеніе промышленности приведетъ къ необходимости въ поземельной ассоціаціи, то она возникнетъ уже изъ элементовъ новыхъ, изъ элементовъ свободы и просвѣщенія.

Хозяйственное товарищество не было впрочемъ единственною формою общиннаго быта въ средніе вѣка. Потребность соединенія вела къ образованію множества разнообразныхъ союзовъ: въ городахъ возникали корпораціи, въ селахъ ремесленныя товарищества, которыя обнимали иногда цѣлыя поселенія. Общественное пользованіе землею существовало также въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ: сельскія общины имѣли значительныя владѣнія, пустыри, пастбища, поля, лѣса, которыми онѣ распоряжались по своимъ обычаямъ или по мірскимъ приговорамъ. При малоцѣнности земли, самая частная собственность подлежала многочисленнымъ общественнымъ повинностямъ. Обыкновенно землевладѣльцы имѣли право огораживать свои пашни только до окончанія жатвы; послѣ уборки дожидались еще три дня, чтобы дать бѣднымъ людямъ время подобрать оставленные на поляхъ колосья, послѣ чего ограды снимались, и сельскія стада ходили вольно по всему пространству. Отсюда весьма стѣснительное для земледѣлія право пастбища, droit de parcours, de vaine pâture, которое въ различныхъ видахъ долго держалось и отчасти до сихъ поръ еще существуетъ во Франціи. Оно простиралось даже на владѣнія сосѣд-

нихъ общинъ: стада ходили отъ колокольни до колокольни. Наконецъ, землевладѣлецъ не имѣлъ даже права согнать поселенца, который безъ его дозволенія обработывалъ оставленную впустѣ землю; крестьянинъ безпрепятственно сбиралъ посѣянный хлѣбъ, изъ котораго только часть отдавалъ хозяину, а по нѣкоторымъ обычаямъ онъ могъ даже на слѣдующій годъ, собравши рожь, посѣять еще яровое. Это общее право на землю было до такой степени вкоренено въ средневѣковыхъ обычаяхъ Франціи, что даже въ послѣдующіе вѣка частная собственность представлялась юристамъ въ видѣ исключенія: «какъ скоро жатва снята, говоритъ въ XVII-мъ вѣкѣ де-Лоріеръ, земля, по нѣкотораго рода общенародному праву, становится общимъ достояніемъ всѣхъ людей, богатыхъ и бѣдныхъ.»

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти обычаи и учрежденія были недостаточны для обезпеченія земледѣльцевъ отъ произвола и грабежей. Среди общества, въ которомъ владычествовала буйная сила, имъ нужно было пріобрѣсти себѣ дѣйствительныя гарантіи, купить себѣ свободу, борьбою съ окружающимъ міромъ; для этого крѣпкая общинная связь служила лучшимъ средствомъ. Только дружными силами можно было противустоять вооруженному владѣльцу и ограничить его притязанія. Въ этомъ состоитъ значеніе того великаго общиннаго движенія, которое начинается особенно съ XII-го вѣка. Общины, окрѣпнувъ внутри себя, хотятъ сдѣлаться самостоятельными.

Это движеніе одинаково пробуждается какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ, ибо между тѣми и другими порвоначально не было различія; они равно были населены крѣпостными или полусвободными людьми, которые состояли въ разнообразномъ подчиненіи феодальнымъ владѣльцамъ. Но города, окруженные стѣнами, легче могли отстоять свою независимость: они прежде селъ пріобрѣли себѣ привилегіи, и чрезъ это получили высшее положеніе въ обществѣ. Крестьянскія же возстанія, не смотря на то, что они обнимали иногда цѣлыя провинціи, подавлялись легко и вызывали обыкновенно кровавыя возмездія. Такъ въ 997-мъ году норманскіе крестьяне составили тайный заговоръ (communion), съ цѣлью освободиться отъ притѣсненій. Мѣстныя сходки выбрали каждая по два депутата, которые

съѣхались въ центральный парламентъ. Но заговоръ былъ открытъ прежде даже, нежели онъ успѣлъ вспыхнуть. Дядя малолѣтнаго норманскаго герцога, графъ Рауль, захватилъ врасплохъ собравшихся депутатовъ и подвергъ ихъ страшнымъ истязаніямъ. Такая же участь постигла бретанскихъ крестьянъ, которые поднялись въ слѣдующемъ вѣкѣ. Закованнымъ въ латы рыцарямъ не трудно было справиться въ чистомъ полѣ съ толпами плохо вооруженныхъ поселянъ. Такимъ образомъ, Франція покрылась уже множествомъ свободныхъ городовыхъ общинъ, когда бо́льшая часть селъ состояла еще въ древнемъ повиновеніи у своихъ господъ. Однако между общинами, получившими хартіи, встрѣчаются и сельскія. Борьба не вездѣ была невыгодна для земледѣльцевъ, и нѣкоторые успѣли добыть себѣ привилегіи болѣе или менѣе значительныя. Притомъ же примѣръ былъ данъ; у нихъ передъ глазами были свободные города, и они съ бо́льшимъ и бо́льшимъ упорствомъ стремились къ достиженію желанной цѣли. Къ этому присоединились нѣкоторыя общія причины, которыя привели къ почти повсемѣстному освобожденію крестьянъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ.

Одною изъ такихъ причинъ было сильное возбужденіе религіознаго духа, вслѣдствіе крестовыхъ походовъ. Издавна благочестивые люди, умирая, освобождали нѣсколько крѣпостныхъ— явленіе общее на Западѣ и у насъ. Но относительно всего гражданскаго устройства, оно представлялось какъ исключеніе, которое не могло имѣть значительнаго вліянія на бытъ, ибо число вступавшихъ въ крѣпостное состояніе всегда превышало число освобождаемыхъ. Со времени же крестовыхъ походовъ благочестивыя освобожденія стали распространяться на цѣлыя села. Отправляясь ко гробу Господню для искупленія своихъ грѣховъ, рыцарь считалъ долгомъ облегчить участь остающихся подвластныхъ людей. Многіе изъ послѣднихъ сопровождали его въ странствованіяхъ, дѣлили съ нимъ опасности, защищали его жизнь, и тѣмъ пріобрѣтали право на лучшую долю. Наконецъ, само духовенство приняло дѣло въ свои руки. Особенно подвизались на этомъ поприщѣ папа Адріанъ IV, самъ вышедшій изъ крѣпостныхъ, и папа Александръ III. Послѣдній издалъ буллу, въ которой объявлялъ, что всѣ христіане должны быть свободны. Повинуясь благочестивому внушенію, духовен-

ство во многихъ мѣстахъ даровало льготныя хартіи своимъ крѣпостнымъ, и примѣру его слѣдовали міряне. Такимъ образомъ, крестьяне нашли защитницу въ церкви — великой наставницѣ среднихъ вѣковъ.

Другія причины, побуждавшія къ освобожденію, были экономическія. Пока рыцарская дѣятельность ограничивалась мѣстными войнами, обыкновенные доходы и натуральныя повинности крестьянъ удовлетворяли потребностямъ жизни. Но для того, чтобы предпринять походъ въ дальнія страны, за море, этихъ средствъ было недостаточно. Рыцарь нуждался въ деньгахъ; онъ собиралъ свое имущество, занималъ у ростовщиковъ, продавалъ свободу своимъ поселянамъ. Послѣдніе, пользуясь стѣсненными обстоятельствами господина, покупали себѣ льготы въ значительномъ числѣ. Такимъ образомъ, самыя побужденія къ крестовымъ походамъ вели къ освобожденію крестьянъ. Еще благопріятнѣе для послѣднихъ былъ результатъ этого всемірнаго движенія. Столкновеніе съ Востокомъ произвело экономическій переворотъ во всей европейской жизни. Возбудилась промышленность, торговля; рыцари узнали невѣдомыя имъ прежде наслажденія; увеличились потребности, а для удовлетворенія ихъ крѣпостной трудъ оказался недостаточнымъ. Несостоятельность онаго сознавалась уже въ XIV вѣкѣ: «крѣпостные, говоритъ въ одной жалованной граматѣ архіепископъ безансонскій, пренебрегаютъ трудомъ, говоря, что они работаютъ для другихъ, и потому они портятъ свое дѣло; а еслибы они были увѣрены, что имущество ихъ достанется ихъ ближнимъ, они работали бы и пріобрѣтали охотно.» Чѣмъ болѣе возрастала потребность въ деньгахъ, чѣмъ болѣе онѣ становились общественною силою, тѣмъ болѣе возвышалось и самое значеніе крестьянъ, ибо богатство землевладѣльца естественно зависѣло отъ богатства подвластныхъ. Прежніе феодальные бароны старались окружить себя многочисленною военною прислугою, теперь для нихъ стало выгоднѣе пріобрѣсти значительное число промышленныхъ поселенцевъ. Для этого они строили города, въ которые зазывали жителей со всѣхъ сторонъ, даруя имъ различныя льготы. Крестьяне тайкомъ уходили отъ господъ, и бѣжали въ новыя поселенія, а это въ свою очередь имѣло вліяніе и на другихъ. Господамъ невозможно было оставлять у себя крѣпостныхъ, при

сосѣдствѣ слободъ и городовъ. Тѣ изъ нихъ, которые упорно держались стараго порядка, видѣли опустѣніе своихъ владѣній и быстрое уменьшеніе своихъ средствъ, между тѣмъ какъ у сосѣдей, вступившихъ на новый путь, населеніе и богатство росли съ каждымъ годомъ. Поневолѣ надобно было расточать льготныя граматы, чтобы удержать населеніе на мѣстѣ. Такимъ образомъ, сосѣдство свободы подрывало крѣпостную связь и у остальныхъ.

Но важнѣйшею причиной повсемѣстнаго освобожденія крестьянъ было развитіе королевской власти. Король былъ представитель государства, защитникъ интересовъ всего народа. Его обязанность была подать руку помощи угнетеннымъ классамъ, его право было привести всѣхъ жителей въ общее подданство государству. Между тѣмъ, въ существующемъ порядкѣ, крѣпостные не были подданными короля: всѣ ихъ обязанности относились къ господину, и послѣдній уже, иногда черезъ цѣлую іерархическую лѣствицу феодальныхъ владѣльцевъ, состоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ верховной власти. Ленные господа были посредники, которые заслоняли народъ отъ короля. Они были естественными врагами того и другаго, ибо народъ они угнетали своими правами, а королю они сопротивлялись всѣми силами. Чтобы одолѣть эту крѣпкую аристократическую преграду, король и третье сословіе соединились въ дружномъ дѣйствіи. Свобода низшаго народонаселенія сдѣлалась необходимымъ условіемъ государственнаго быта; отсюда юное правительство почерпало неодолимую силу, ибо съ перенесеніемъ на государство прежнихъ обязанностей къ господамъ, все, что отнималось у однихъ, прибавлялось къ другому.

Преслѣдуя задуманную цѣль, короли стали принимать подъ свою защиту союзы возстающихъ поселянъ. Они утверждали дарованныя имъ граматы, а иногда вооруженною рукою защищали ихъ отъ насилія. По всѣмъ королевскимъ владѣніямъ возникли свободные города, которые служили убѣжищемъ для поселянъ. Послѣднимъ дано было право отказывать господамъ въ повиновеніи и объявлять себя подданными короля. Наконецъ, въ XIV-мъ вѣкѣ короли на собственныхъ земляхъ освободили всѣхъ крѣпостныхъ. « Такъ какъ по праву природы, говоритъ Людовикъ X-й въ извѣстномъ указѣ 1315-го года, всякій дол-

женъ быть свободенъ, а между тѣмъ по нѣкоторымъ обычаямъ, которые введены издревле и доселѣ сохраняются въ нашемъ государствѣ, также случайно за преступленія предковъ, многіе изъ нашего простаго народа впали въ крѣпостныя узы разнаго состоянія, что̀ намъ очень не нравится, то мы, принимая во вниманіе, что наше государство называется государствомъ франковъ (свободныхъ) и желая, чтобы дѣло было по истинѣ согласно съ именемъ, и чтобы состояніе людей улучшилось при вступленіи нашемъ на престолъ: посовѣтовавъ съ великою нашею думою, повелѣли и повелѣваемъ, чтобы вообще по всему нашему государству, въ земляхъ, которыя могутъ принадлежать намъ и нашимъ преемникамъ, крѣпостныя обязанности были замѣнены льготами, и чтобы всѣмъ, кто по происхожденію, по давности, по браку, по мѣстопребыванію въ крѣпостныхъ владѣніяхъ подпали подъ узы крѣпостнаго состоянія, была дана свобода за хорошія и приличныя условія.» Въ этомъ указѣ былъ, впрочемъ, и экономическій разсчетъ: Людовикъ X-й нуждался въ деньгахъ и бралъ за вольность хорошую цѣну. Иногда онъ даже насильственно навязывалъ ее крѣпостнымъ. Преемники его слѣдовали его примѣру, великіе вассалы дѣлали то же въ своихъ областяхъ, такъ что свобода низшаго сословія становилась болѣе и болѣе повсемѣстною.

Дѣятельности королей помогали юристы. Отъ нихъ было заимствовано ученіе о свободѣ, какъ о природномъ правѣ человѣка. Соединивши римскія начала съ христіанскими, они употребляли ихъ на пользу подвластныхъ. «Великую милостыню оказываетъ господинъ, который избавляетъ ихъ отъ крѣпостнаго права и даруетъ имъ свободу, говоритъ Бомануаръ, ибо это великое зло, когда христіанинъ находится въ крѣпостномъ состояніи.» Вездѣ, гдѣ можно было употребить юридическую казуистику въ пользу крестьянъ, юристы прилагали свое знаніе. Старые обычаи толковались на новый ладъ, тяжелыя постановленія замѣнялись болѣе легкими, употребляли всѣ возможныя ухищренія, когда нужно было доказать свободу человѣка. Такъ, по старому праву, новорожденное дитя считалось крѣпостнымъ и по отцу, и по матери (le père emporte le bon). Теперь крѣпостное состояніе стало передаваться только матерью, и если она, во время беременности, хотя на минуту была свободна, ребенокъ

считался вольнымъ. Эти юридическія толкованія получили особенное значеніе въ великомъ памятникѣ законодательства XVI вѣка: въ запискѣ и пересмотрѣ обычаевъ. Юристы явились какъ бы адвокатами низшаго сословія и адвокатами пристрастными. Въ этомъ памятникѣ, который завершаетъ общественное развитіе среднихъ вѣковъ и начинаетъ новую эпоху, были упрочены, умножены и сведены въ общій итогъ всѣ пріобрѣтенныя крестьянами льготы. Старый порядокъ оставался еще кой-гдѣ въ видѣ исключенія, но рѣшительный перевѣсъ получили новыя начала.

Права, пріобрѣтенныя крестьянами, были однако весьма разнообразнаго содержанія. Въ эпоху освобожденія, государство не дѣйствовало еще общими законодательными мѣрами. Частныя граматы, которыя давались въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, заключали въ себѣ бо́льшія или ме́ньшія ограничѐнія господской власти. Нѣкоторыя общины получали немногія льготы и едва выходили изъ крѣпостнаго состоянія, другія, напротивъ, становились вполнѣ самостоятельными. Между обоими разрядами находилось множество разнообразныхъ сѣпеней зависимости. Даже нѣкоторые виды прежняго крѣпостнаго права не были совершенно уничтожены; остатки ихъ сохранялись, какъ исключенія, до самыхъ временъ революціи. Но вообще можно сказать, что къ исходу среднихъ вѣковъ личная свобода крестьянъ была упрочена. Произволъ былъ уничтоженъ и замѣненъ обязанностями опредѣленными.

Что̀ еще важнѣе, крестьяне пріобрѣли недвижимую собственность; они освободились съ землею. Эта черта, которая наложила характеристическую печать на всю исторію Франціи, вытекала сама собою изъ предыдущей исторіи. Уже въ послѣдніе вѣка римской имперіи отношенія поземельнаго найма и владѣнія становились долговременнѣе и крѣпче. Въ это время развился особеннаго рода договоръ, эмфитевзисъ, который обыкновенно заключался на долгіе сроки и предоставлялъ наемщику значительныя права. Въ средніе вѣка изъ эмфитевзиса образовался контрактъ цензуальный, который былъ еще выгоднѣе для крестьянина. Вслѣдствіе установившейся въ то время прочности частныхъ отношеній, послѣдняго рода условія — всё равно, были ли они принудительныя или свободныя — обыкновенно получали

характеръ наслѣдственности. Притомъ, крестьянинъ еще менѣе прежняго былъ ограниченъ въ способѣ обработки земли. Право пользованія, принадлежавшее владѣльцу цензивы, называлось даже собственностью, также какъ и право настоящаго землевладѣльца: эти два права собственности, лежавшія на одной землѣ, юристы различали именованіями: dominium directum и dominium utile. Когда въ послѣдствіи наступило освобожденіе, наслѣдственный владѣлецъ естественно остался на своей землѣ, съ которой однако онъ продолжалъ нести въ пользу господина разныя подати и повинности. Но, за-исключеніемъ послѣднихъ, господинъ не имѣлъ уже никакихъ правъ на землю, такъ что юристы стали считать участокъ крестьянина полною собственностью послѣдняго; доходы же господина они относили къ разряду правъ на чужую вещь. Чтобы сдѣлать крестьянскую собственность совершенно свободною, нужно было только выкупить лежавшія на ней права. Это было дѣломъ дальнѣйшаго историческаго хода, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Окончательно вопросъ разрѣшился насильственнымъ переворотомъ; но порядокъ, установленный революціею, коренится уже въ самой первой порѣ освобожденія. Тогда начало создаваться то многочисленное сословіе мелкихъ собственниковъ-земледѣльцевъ, которые до нынѣ составляетъ главную основу народонаселенія Франціи.

Иной исходъ имѣлъ тотъ же вопросъ въ сосѣдней странѣ,— въ Англіи. Тамъ освобожденіе крестьянъ произошло почти въ то же время, что и во Франціи, но условія были различны. Мы видѣли, что во Франціи свобода низшаго народонаселенія явилась, какъ результатъ совокупнаго дѣйствія правительства и народа. Въ Англіи, напротивъ, правительство вовсе не участвовало въ этомъ переворотѣ, такъ что въ памятникахъ законодательства не осталось даже и слѣдовъ перемѣны. Какъ вообще въ исторіи Англіи, развитіе шло дѣятельностью самого общества подъ предводительствомъ аристократіи, такъ и здѣсь главнымъ двигателемъ было высшее сословіе. Оно поступило въ этомъ случаѣ съ удивительнымъ благоразуміемъ: всѣ стѣснительныя для народа подати и повинности, которыми французское дворянство дорожило до послѣдней минуты, были отмѣнены. Не было уже повода къ взаимной ненависти сословій.

Но въ замѣнъ этого, англійскіе крестьяне получили только личную свободу; почти вся поземельная собственность осталась въ рукахъ дворянства. Крестьяне большею частью превратились въ фермеровъ, работниковъ и пролетаріевъ. Отсюда различный характеръ историческаго развитія обѣихъ странъ. Французскіе крестьяне-собственники съ недоброжелательствомъ смотрѣли на дворянъ, и видѣли естественнаго защитника въ королѣ. Англійскіе земледѣльцы, напротивъ, состояли въ полной фактической зависимости отъ аристократіи, которая всегда употребляла ихъ какъ покорное орудіе своей политики. Доселѣ фермеры составляютъ главную основу ея могущества. Поэтому во Франціи развилась королевская власть, которая опиралась на демократическую массу народа; въ Англіи,напротивъ, утвердились учрежденія, въ которыхъ преобладаетъ аристократическое начало.

Тѣмъ не менѣе въ обѣихъ странахъ водвореніе государственнаго порядка привело къ освобожденію низшаго народонаселенія. Совершенно противное случилось у насъ. Въ Россіи возникающее государство не освободило подданныхъ отъ частной зависимости, а напротивъ, укрѣпило народонаселеніе прежде свободное. Явленіе многозначительное, которое даетъ намъ способъ уяснить себѣ въ нѣкоторой степени историческое различіе той и другой полосы Европы. И здѣсь и тамъ существо государства въ эту первую эпоху его образованія одинаково. Оно возникаетъ изъ средневѣковаго быта, основаннаго на частномъ правѣ. Организація идетъ медленно, правительственныя средства скудны; потому оно не можетъ еще взять на себя даже вѣдомство тѣхъ общественныхъ интересовъ, которые принадлежатъ ему по самой его природѣ, какъ-то суда и полиціи; оно принуждено возложить ихъ въ видѣ повинности на существующіе частные союзы, предоставляя себѣ только верховную принудительную власть. Но здѣсь-то и обозначается различіе общественныхъ условій, которыя существуютъ въ той или другой странѣ. При возложеніи государственныхъ обязанностей на частные союзы возникаетъ вопросъ: до какой мѣры послѣдніе способны принять на себя ихъ исполненіе? имѣютъ ли они для этого достаточно прочности и силы? На Западѣ они были до такой степени крѣпки и самостоятельны, что существованіе

ихъ угрожало опасностью самому государству. Глава мелкаго союза, феодальный владѣлецъ, вооруженною рукою отстаивалъ свои права. Чтобы одолѣть его сопротивленіе, нужно было ослабить связь, соединяющую его съ подчиненными, замѣнить для послѣднихъ подданство частное подданствомъ общественнымъ. Къ этой потребности государства присоединилось движеніе самого народонаселенія, которое, получивши осѣдлость, укрѣпившись на мѣстѣ, стремилось избавиться отъ тяготѣющей надъ нимъ зависимости. Такимъ образомъ, вслѣдствіе крѣпости быта, необходимо было ослабить силу частныхъ союзовъ, чтобы воздвигнуть надъ ними союзъ общій. Въ Россіи, напротивъ, существующіе частные союзы были до такой степени шатки и слабы, что исполненіе постоянныхъ государственныхъ обязанностей становилось невозможнымъ. Помѣщикъ, особенно тотъ, который получалъ жалованную грамату, былъ также нѣчто въ родѣ маленькаго князька въ своихъ владѣніяхъ. Но подданные его состояли къ нему въ весьма шаткихъ отношеніяхъ, они всегда готовы были разойдтись, и самъ онъ, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, не имѣлъ осѣдлости въ своемъ помѣстьѣ. Тѣ же явленія повторялись и въ свободныхъ общинахъ, которыя жили на княжеской землѣ. Чтобы сдѣлать частные союзы удобными орудіями для своихъ цѣлей, государство должно было не только не ослаблять и безъ того уже слишкомъ непрочную связь, соединявшую жителей воедино, а напротивъ, скрѣпить ее, привязавши народонаселеніе къ мѣсту. Такъ укрѣплены были городовые жители, государственные крестьяне, наконецъ крестьяне владѣльческіе, которые отданы были въ руки дворянъ.

При этомъ не было рѣчи о правахъ низшаго народонаселенія. Законодательство, ограничиваясь мѣрами укрѣпленія, не опредѣлило отношеній обоихъ сословій, и въ этомъ опять нельзя не замѣтить особенности тѣхъ условій, среди которыхъ возникало государство. Съ одной стороны, правительство не имѣло побудительной причины къ ограниченію помѣщичьихъ правъ. На Западѣ короли боролись съ излишне-развитыми правами феодальныхъ владѣльцевъ: чтобы ослабить могучихъ вассаловъ, нужно было противопоставить имъ права людей подвластныхъ, возвести послѣднихъ къ свободѣ. Такимъ образомъ, сознаніе права въ одномъ классѣ народа возбуждало сознаніе онаго и въ

другомъ. У насъ же, напротивъ, государство съ несравненно меньшимъ трудомъ справилось съ боярами-отъѣзжчиками. Они рано превратились въ холоповъ, и потому правительство, имѣя ихъ постоянно въ своихъ рукахъ, не нуждалось въ ограниченіи господскихъ правъ. Съ другой стороны, русская община очевидно показала себя неспособною выработать себѣ юридическія гарантіи. Законодательство, какъ мы сказали, въ первую пору не пошло далѣе общихъ мѣръ укрѣпленія; подробное опредѣленіе отношеній помѣщика къ крестьянамъ предоставлялось слѣдовательно дѣятельности самихъ сословій. При такихъ обстоятельствахъ, будь въ нашей общинѣ малѣйшее сознаніе права, малѣйшій общественный духъ, у насъ могло бы образоваться нѣчто въ родѣ инвентарей или поземельныхъ описей во Франціи. Однако ничего подобнаго не послѣдовало, и здѣсь мы не можемъ не видѣть недостатка дружной дѣятельности въ общинѣ. Крѣпость мѣстнаго права зависитъ отъ силы союзнаго духа, ибо только въ соединеніи съ другими людьми можно и установить юридическій обычай и отстоять оный отъ насильственнаго нарушенія. Высокое развитіе понятія о правѣ въ обществѣ указываетъ поэтому на силу существующаго въ немъ общественнаго духа, и наоборотъ, отсутствіе этого сознанія обличаетъ недостатокъ соединенія между людьми. Здѣсь-то мы и замѣчаемъ различіе западныхъ учрежденій и нашихъ. Тамъ отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ становились болѣе и болѣе опредѣленными; у насъ, напротивъ, помѣщикъ незамѣтнымъ образомъ сдѣлался почти неограниченнымъ властителемъ своихъ крестьянъ. Законодательство же и здѣсь и тамъ слѣдовало указаніямъ жизни: на Западѣ оно освятило юридическія гарантіи, у насъ оно узаконило развившееся изъ жизни полновластіе.

Очевидно, однако, что такая зависимость одного сословія отъ другаго составляетъ несообразность въ государственномъ бытѣ. Частное подданство противорѣчитъ идеѣ государства, которая требуетъ подчиненія всѣхъ гражданъ единой власти общественной. Частное подданство допускается или даже установляется, пока государство еще не зрѣло, пока оно не имѣетъ еще ни достаточно силы, ни достаточно средствъ для полнаго осуществленія своей идеи. Въ такихъ случаяхъ оно сваливаетъ свои обязанности на другихъ и отчуждаетъ въ частныя руки

неотъемлемыя свои права. Но чѣмъ болѣе развивается и крѣпнетъ его организмъ, чѣмъ болѣе оно получаетъ средствъ для удовлетворенія общественныхъ потребностей, тѣмъ болѣе частная зависимость должна уступать мѣсто зависимости общественной. Принудительныя отношенія исчезаютъ, и всѣ граждане равно становятся подданными единой верховной власти, которая чрезъ это получаетъ и новую силу, и невѣдомое прежде значеніе.

Россія отчасти вступила уже въ эту пору высшаго государственнаго развитія. Съ избавленіемъ дворянства отъ принудительной службы, съ освобожденіемъ торговаго сословія, которое прежде было укрѣплено наравнѣ съ другими, началась для насъ новая эпоха общественной жизни. Теперь намъ предстоитъ совершить труднѣйшее дѣло — отдать долгъ справедливости остающимся еще въ крѣпостной зависимости сословіямъ, которыя одни остались обдѣленными въ раздачѣ государственныхъ льготъ. Будемъ надѣяться, что и для нихъ часъ освобожденія не замедлитъ.

Но возвратимся къ французскимъ крестьянамъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

О ПРОМЫШЛЕННЫХЪ КРИЗИСАХЪ.

(Окончаніе.)

Ежели современный кризисъ имѣетъ въ сущности тѣ же основанія, какъ и предыдущія, ежели и онъ былъ вызванъ несоразмѣрнымъ съ потребностями рынка производствомъ, чрезмѣрными и несоотвѣтствовавшими средствамъ денежнаго рынка и состоянію кредита спекуляціями, то все же нельзя не сознаться, что онъ имѣетъ во многомъ особенный, ему принадлежащій характеръ, обусловливаемый современнымъ намъ кредитомъ, современною торговлею и другими сторонами нашей промышленной жизни. Главный и отличительный его признакъ заключается въ томъ, что онъ первоначально мало отозвался на промышленности, но болѣе на биржѣ и на биржевыхъ операціяхъ; важно, наконецъ, еще и то обстоятельство, что хроническая скудость въ деньгахъ чувствовалась вездѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ, предшествовавшихъ кризису. Мы не можемъ долѣе обвинять исключительно одну Америку, однихъ Янки, этихъ отчаянныхъ спекуляторовъ на всемірноторговомъ рынкѣ въ настоящемъ кризисѣ. Много и они виноваты, но не до такой степени, какъ во время кризисовъ 1837—39, 1825—26 годовъ. Въ настоящемъ кризисѣ виновна не одна Америка, но вся Европа, и всѣ искупаютъ, въ равной степени, свои грѣхи за отчаянныя спеку-

ляціи двухъ послѣднихъ годовъ, спекуляціи, далеко превышавшія общія средства и вышедшія за границы правильнаго и ровнаго промышленнаго движенія.

Настоящій кризисъ замѣчателенъ еще и тѣмъ, что самымъ поразительнымъ образомъ доказалъ, въ какой степени современное развитіе кредита тѣсно связало весь, намъ извѣстный, торговый міръ, въ какой зависимости находятся другъ къ другу самые разнообразные промыслы и самые отдаленные углы земнаго шара. Ежели общенародныя сношенія, ежели общіе интересы образованія не успѣли еще вполнѣ сгладить всѣ особенности мѣстныя, хотя сближеніе народовъ и идетъ чрезвычайно быстро впередъ, то нельзя не сознаться, что это сближеніе и эта взаимная связь между народами, между цѣлыми странами свѣта достигнута вполнѣ кредитомъ—этою могучею и страшною силою современнаго промышленнаго міра. Торговые дома цѣлаго свѣта находятся, въ настоящее время, въ самой тѣсной зависимости другъ отъ друга и отъ взаимной состоятельности въ исполненіи своихъ обязательствъ; всѣ банки, въ какомъ бы мѣстѣ они ни находились, тѣсно между собой связаны взаимными обязательствами, и случайное мѣстное колебаніе одного вызываетъ немедленно помощь со стороны другихъ, до тѣхъ поръ, покуда не промчится буря. Англійскій банкъ шлетъ запасы звонкой монеты Французскому, Австрія высылаетъ въ настоящую минуту 10,000,000 гульденовъ на помощь Гамбургу, Американскіе банки стараются взаимно поддержать другъ друга. Такая взаимная зависимость и связь промышленныхъ интересовъ вызываютъ въ настоящее время, болѣе нежели когда-либо, то явленіе, что теперь рѣдко одинъ рынокъ, одно государство, одинъ банкъ можетъ подвергнуться кризису; кризисъ необходимо дѣлается общимъ, или онъ такъ ничтоженъ, что на него не стóитъ обращать и вниманія. Извѣстный и вѣрный признакъ кризиса—возвышеніе учетнаго процента въ одномъ мѣстѣ вызываетъ немедленно то же самое явленіе повсемѣстно. Стóитъ только Лондонскому банку возвысить свой учетъ, и это отзывается на самыхъ мелкихъ, дробныхъ и отдаленныхъ промышленностяхъ, и каждый, даже средней руки промышленникъ и купецъ, начинаетъ соображать курсъ промышленныхъ акцій и государственныхъ облигацій, начинаетъ соображать и вычислять предполагаемое

ихъ паденіе и вѣроятныя оттого послѣдствія. Кризисъ на нью-іорской биржѣ, паденіе акцій желѣзныхъ дорогъ одной изъ американскихъ компаній отзывается непремѣнно на лондонской и другихъ европейскихъ биржахъ.

Не имѣя покуда подъ рукой достаточно матеріаловъ для полнаго изложенія настоящаго кризиса, мы представимъ въ общихъ чертахъ причины, его вызвавшія, и постараемся въ послѣдствіи представить подробную его характеристику.

Какъ въ иной болѣзни, такъ точно и въ кризисѣ часто нельзя сказать, гдѣ ихъ начало, и какой именно случай ихъ вызвалъ. Человѣкъ простужается и заболѣваетъ, но гдѣ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ схватилъ болѣзнь, это часто рѣшить трудно. Точно то же самое можно сказать и о кризисахъ. Заспекулировались, скажемъ мы, а гдѣ, въ какомъ именно мѣстѣ, въ какой прежде всего отрасли промышленности зарвался торговый міръ, объ этомъ съ точностію сказать трудно.

Стóитъ только прослѣдить за торговлею и промышленностью послѣднихъ двухъ лѣтъ, и нельзя не замѣтить, что кризисъ готовъ былъ не разъ вспыхнуть, что торговля была не одинъ разъ на краю бездны, и что въ теченіе 1856 г. недостатокъ въ деньгахъ жестоко давилъ ее. Послѣ окончанія войны, промышленныя силы Европы были въ напряженномъ состояніи. Производство, потребленіе и объемы международной торговли приняли размѣры, далеко превосходившіе размѣры промышленности до войны. Не смотря на то, что война поглощала громадныя суммы, она не остановила промышленности и ея развитія; съ окончаніемъ войны даны были спекуляціямъ только новыя средства. Какъ всегда бываетъ послѣ войны, и капиталы и промышленныя силы стараются наперерывъ воспользоваться благопріятными минутами новаго мира, и дѣйствительно заключеніе мира подало вездѣ въ Европѣ сигналъ къ спекуляціямъ, превосходившимъ всякую мѣру существовавшихъ средствъ, къ самымъ разнообразнымъ проектамъ, въ которыхъ были затрачены не только свободные капиталы, но и часть еще накопляющихся капиталовъ. Въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, во Франціи, въ Германіи, вездѣ, однимъ словомъ, начались самыя разнообразныя предпріятія, потребовавшія громадныхъ капиталовъ. Мы здѣсь не будемъ ихъ перечислять, но достаточно

только указать на высокій учетъ, господствовавшій на всѣхъ денежныхъ рынкахъ, чтобы убѣдиться какъ нуждались вездѣ въ капиталахъ, и какъ послѣдніе вздорожали.

Достаточно указать на предпріятія общества движимаго кредита во Франціи, на такія предпріятія каковы сѣть австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ и русскихъ, на массу капиталовъ, помѣщенныхъ въ государственныхъ займахъ, въ желѣзныхъ дорогахъ, въ новыхъ банкахъ, каковы напр. въ Дунайскихъ Княжествахъ и Константинополѣ, на Испанскій банкъ, на телеграфъ между Европой и Америкой и мног. друг., чтобы убѣдиться, какіе громадные капиталы были затрачены, какая потребность явилась въ нихъ, и какъ очевидно долженъ былъ возвыситься учетъ на денежныхъ рынкахъ.

Въ этомъ промышленномъ и спекуляціонномъ году никто не думалъ о послѣдствіяхъ и ожидалъ только барышей, и сначала многія обстоятельства дѣйствительно поощряли спекуляціи. Не смотря на высокій учетъ и дороговизну капиталовъ, дѣла шли хорошо, и большіе барыши поощряли промышленниковъ. Но уже въ концѣ 1856 года появились признаки кризиса, которые хотя временно и поколебали денежный рынокъ, но не остановили общаго направленія. Въ спекуляціяхъ то же самое повторяется, что въ банковой игрѣ. Здѣсь, и въ счастіи и въ несчастіи, одинаково кружится голова, одинаково не умѣешь вóвремя остановиться, и одинаково стремишься къ гибели. Дѣла запутываются, ихъ хочешь поправить новою спекуляціей, послѣднею, опять еще болѣе отважною спекуляціей, и такъ далѣе, покуда наконецъ не отрѣжешь себѣ всякой надежды къ спасенію. Можно же себѣ представить, каковы должны быть послѣдствія, когда цѣлый всемірный рынокъ зараженъ такою несчастною страстью, и когда онъ долженъ сознаться, что несостоятеленъ.

Въ концѣ прошлаго года уже чувствовался сильный недостатокъ въ деньгахъ. Этотъ кризисъ произошелъ единственно отъ недостатка въ капиталахъ. Какъ бы ни было богато государство, но оно можетъ употребить на новыя предпріятія, на государственные расходы только ту массу капиталовъ, которая была сбережена и пріобрѣтена въ теченіе года. Оно можетъ увеличить свое производство на столько, на сколько умножились его богатства,

и ежели вдругъ народу понадобилось болѣе капиталовъ для своихъ предпріятій, то оно занимаетъ ихъ за границей: Не забудемъ также, что въ настоящее время капиталъ сталъ, болѣе нежели когда-либо, космополитомъ, что теперь на рынкахъ, биржахъ затрачены капиталы всего промышленнаго міра. Можно же себѣ представить, какое должно произойдти замѣшательство, когда всѣ государства затратятъ болѣе капиталовъ нежели сколько они имѣютъ въ запасѣ, и затратятъ притомъ по большей части въ предпріятіяхъ, положимъ, и выгодныхъ, но въ которыхъ капиталы обращаются медленно, и барыши получаются не скоро, когда громадныя массы капиталовъ движимыхъ и оборотныхъ обращены были въ капиталы постоянные. Капиталы нужны, а затраченные еще не возвращаются; новыхъ свободныхъ капиталовъ нѣтъ, а между тѣмъ не стоять же фабрикамъ безъ дѣла, не остановиться торговлѣ и предпріятіямъ. Ежели ко всему этому присоединяется необыкновенный вывозъ звонкой монеты и вообще драгоцѣнныхъ металловъ на такіе рынки, откуда возвратъ ихъ труденъ, какъ напр. громадный вывозъ серебра въ Азію, то кризисъ неизбѣженъ. Безпрерывныя колебанія учета, высокій процентъ его и повсемѣстно ощущаемый недостатокъ въ деньгахъ ясно указывали, уже въ концѣ 1856 года, на непрочное и шаткое положеніе дѣлъ и затрудненія денежнаго рынка. Наступилъ 1857 годъ. Еще въ началѣ года «Экономистъ» англійскій и другіе журналы (Times между прочимъ) указывали на высокій учетный процентъ, на непрерывающійся отливъ драгоцѣнныхъ металловъ, и сомнѣвались въ успѣхѣ всѣхъ необъятныхъ спекуляцій. «Сосѣди наши, говоритъ Times, въ первый разъ, въ продолженіе всего новѣйшаго времени, опередили насъ въ спекуляціяхъ. Наше положеніе конечно отъ этого менѣе опасно, но пострадаемъ конечно и мы, когда постигнетъ ихъ роковая развязка.» Онъ указываетъ далѣе биржевымъ спекуляторамъ на необходимость индійскихъ займовъ для войны съ Персіей, на предстоявшій разрывъ съ Китаемъ, на предстоявшіе турецкіе займы, на то замѣшательство, которое произвело уже въ Европѣ возвышеніе цѣнъ на серебро, на расходы по телеграфическому сообщенію Европы съ Америкой, на упадокъ курсовъ промышленныхъ акцій, и т. д. Не онъ одинъ указывалъ на грозное

положеніе денежнаго рынка; всѣ предчувствовали приближеніе грозы, всѣхъ давило тяжкое предчувствіе кризиса, но дѣла слишкомъ затянулись, и выхода не было.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ разразился первый громовой ударъ, когда съ пароходомъ привезено было назадъ изъ Америки на 35,000,000 долларовъ неуплаченныхъ траттъ. (Журналъ для акціонеровъ № 48).

Европейскіе фабриканты, нуждающіеся въ деньгахъ для своихъ оборотовъ, усилили чрезмѣрно отправленіе товаровъ къ своимъ нью-іоркскимъ корреспондентамъ, въ надеждѣ дисконтировать выданные на послѣднихъ векселя, и получить деньги, но обманулись въ разсчетѣ. Какъ въ прежніе годы, такъ, значитъ, и теперь первый толчекъ вышелъ изъ Америки, изъ этой классической земли спекуляцій и кризисовъ, которая не первый уже разъ увлекаетъ за собой Европу. На этотъ разъ трудно, впрочемъ, рѣшить, кто кого перещеголялъ, и ежели кризисъ разразился прежде всего въ Америкѣ, то нельзя совершенно оправдать и европейскихъ спекуляторовъ, которые, повидимому, не всегда соображаются съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Америкѣ и съ настоящими потребностями ея рынка. Потребности эти, конечно, велики, онѣ умножаются съ каждымъ годомъ ежели не мѣсяцемъ, потому что молодой свѣжій народъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, но все же слѣдуетъ быть осторожнѣе и не ввѣряться на авось американскому кредиту, весьма ненадежному. Главныя причины американскаго кризиса заключаются все-таки въ злоупотребленіи кредита и въ выходящихъ изъ всѣхъ границъ спекуляціяхъ. Стòитъ только взглянуть на тѣ размѣры, какіе приняла промышленная дѣятельность въ Америкѣ съ 1848 года, со времени открытія калифорнскихъ и австральскихъ золотыхъ розсыпей, и вслѣдствіе громаднаго прилива европейскихъ капиталовъ, стòитъ только принять въ соображеніе условія богатой отъ природы страны, безпрестанно приливающую массу переселенцевъ, народа дѣятельнаго, стремящагося къ обогащенію, стòитъ взять въ разсчетъ всѣ, и свѣтлыя, и черныя стороны общественной жизни, частыя мошенничества въ промышленныхъ товариществахъ, вліяніе банковъ и цѣлой системы кредита — и частые кризисы объясняются очень легко; но точно такъ же легко и переносятъ ихъ Амеранцы. Чтò за бѣда,

если нѣсколько банковъ прекратятъ платежи, если часть Америки обанкротится. Мы ведемъ свои дѣла (business) хорошо,—что̀ намъ за дѣло до мертвыхъ, говорятъ Американцы. «Повѣрьте, говорилъ одинъ Американецъ путешественнику Вагнеру, что мы не хуже васъ знаемъ всѣ недостатки и злоупотребленія у насъ существующія, но всякая попытка помочь злоупотребленіямъ полицейскими мѣрами поведетъ еще къ бо́льшему злу. Ежели мы допустимъ вмѣшиваться въ наши промышленныя предпріятія, то трудно будетъ опредѣлить границы этого вмѣшательства. Бдительный надзоръ встревожитъ нашихъ смѣлыхъ предпріимчивыхъ промышленниковъ и задержитъ многія усовершенствованія въ нашемъ промышленномъ развитіи, громадныя размѣры которой зависятъ отъ неограниченной свободы личной и промышленной. Только отсюда, да изъ могучаго духа товарищества, черпаетъ наша промышленность себѣ пищу и силы. При такой неограниченной конкурренціи умственныхъ силъ, талантовъ и характеровъ, болѣе отважный человѣкъ беретъ верхъ надъ осмотрительнымъ и робкомъ, а вѣра въ удачу увлекаетъ отважныхъ къ самымъ рисковымъ и отчаяннымъ предпріятіямъ. Мы такъ уже устроены, что человѣческая жизнь намъ ни почемъ. Пусть неумолимое колесо фортуны давитъ ежегодно тысячи смѣльчаковъ: это лучше, чѣмъ задерживать могучій бѣгъ нашего промышленнаго развитія стѣснительными формальностями, бумажными цѣпями и предохранительными полицейскими законами.»

Немудрено, что наша Европа съ своею феодальною закваскою, привыкшая издавна къ помочамъ, привыкшая къ благопристойнымъ, мягкимъ формамъ, съ ужасомъ слушаетъ этихъ людоѣдовъ, ругаетъ ихъ, а между тѣмъ вовсе не прочь отъ запрещеннаго плода, не прочь отъ большихъ барышей, отъ выгодныхъ спекуляцій, и смотришь, она опять шлетъ свои капиталы въ Америку, опять затягивается въ игру съ отчаянными Янки до перваго хорошаго толчка, которымъ никогда не замедлятъ угостить ее заатлантическіе юноши, и отъ котораго ей несравненно долѣе приходится лѣчиться, чѣмъ Американцамъ.

Главныя причины американскаго кризиса кроются все-таки въ тамошнихъ банкахъ, которые, открывая кредитъ и помогая разнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, отвлекли необходимые

для торговли капиталы, и передали ихъ въ руки разныхъ спекуляторовъ [1]). Такъ, напримѣръ, нью-іоркскіе банки заняли большія суммы у многихъ другихъ банковъ за обычные проценты и ссудили ими разныя компаніи желѣзныхъ дорогъ, а когда банки потребовали эти суммы обратно, тогда нью-іоркскіе банки продали разомъ находившіяся у нихъ въ залогѣ акціи и облигаціи, курсъ которыхъ понизился вслѣдствіе этого на половину и даже болѣе. Многія акціи упали даже до $^1/_5$ и $^1/_{10}$ своей нарицательной цѣны. Слѣдовательно, желѣзныя дороги почти обанкрутились. Акціи желѣзной дороги Эріе упали съ 62 на 10; Reading съ 46 на 10; акціи центральной нью-іоркской съ 90 на 70; пенсильванской центральной съ 46 на 33, и т. д. Владѣльцы акцій, люди, воображавшіе себя въ обладаніи тысячами, разомъ попали въ положеніе самое затруднительное и бѣдственное. Уже одинъ этотъ упадокъ акцій выхватилъ съ рынка до 500 милліоновъ долларовъ. Отъ спекуляторовъ желѣзными дорогами, перешелъ кризисъ на купцовъ, которые почти всѣ точно такіе же спекуляторы, отъ нихъ на фабрикантовъ, а отъ фабрикантовъ на рабочихъ. Весь промышленный людъ съежился, каждый хочетъ ограничить свои расходы, никто не хочетъ ничего ввозить, покуда не истощатся прежніе громадные запасы; фабриканты ограничиваются только заказами: всѣ, однимъ словомъ, выжидаютъ покуда промчится ураганъ, покуда дѣла не поправятся и не придутъ въ прежній порядокъ. Уже отъ 10-го ноября, впрочемъ, писали изъ Нью-Іорка, что горизонтъ прочищается и первыя самыя тяжелыя минуты прошли. Звонкая монета начала мало-по-малу опять приливать въ истощенные резервуары изъ Калифорніи, изъ Англіи, изъ Франціи, изъ Гаваны; учетъ, доходившій до 5 и 6% въ мѣсяцъ, понизился, товары поднялись опять въ цѣнѣ, наконецъ урожай на всѣ рѣшительно продукты земледѣлія подаетъ также надежду на скорое окончаніе кризиса или по крайней мѣрѣ на значительное облегченіе его послѣдствій. Есть кромѣ того еще много другихъ обстоятельствъ и условій, которыя необходимо должны способствовать къ благополучному окончанію кризиса не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ, и не доведутъ его до

[1]) Allgem. Zeit. № 335. Beilage.

тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, какими отличались предшествовавшіе кризисы. Припомнимъ, что теперь Америка прорѣзана желѣзными дорогами, телеграфами, что по всѣмъ ея рѣкамъ, озерамъ снуютъ быстрые пароходы, что тѣ же пароходы сближаютъ ее съ остальнымъ всемірнымъ рынкомъ. Купецъ въ Новомъ Орлеанѣ знаетъ теперь черезъ нѣсколько часовъ о банкрутствѣ своего корреспондента въ Нью-Іоркѣ, и соображаясь съ этимъ извѣстіемъ, можетъ принять свои мѣры; припомнимъ далѣе, какъ сократилось разстояніе между Европой и Америкой. Если прежде торговыя дѣла между Лондономъ и Нью-Іоркомъ оканчивались не ранѣе, какъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, то теперь оканчиваются они въ три недѣли. Америка кромѣ того разбогатѣла. Положимъ, что она и теперь страдаетъ, какъ въ прежніе годы, отъ отчаянныхъ спекуляцій желѣзными дорогами, но не забудемъ, однакожь, сколько выгодъ доставили онѣ цѣлой странѣ. На нихъ должно смотрѣть, вопреки паденію акцій, скорѣе какъ на источникъ богатства и громадныхъ выгодъ для всей страны, нежели какъ на источникъ и причину потерь и разоренія акціонеровъ и капиталистовъ, ссудившихъ Америку капиталами. Желѣзныя дороги эти вызвали къ жизни богатые города, въ которыхъ живымъ ключомъ бьетъ широкая промышленная дѣятельность, вызвали цѣлыя сотни тысячъ фермъ и хозяйствъ, произведенія которыхъ видишь на самыхъ отдаленныхъ рынкахъ, и которыя обогащаютъ Америку. Желѣзная дорога, акціи которой упали на 8 процентовъ, безспорно такъ же точно важна для государства, какъ и другая съ акціями, стоящими al pari или даже выше. Соединенные Штаты, покрытые безчисленными желѣзными дорогами, не дающими почти дивидендовъ, въ настоящее время несравненно богаче прежняго, и Богъ знаетъ, такъ ли бы они разбогатѣли, если бы дорогъ было немного, но за то съ акціями въ цѣнѣ и съ большими дивидендами.

Богатые каменноугольные пріиски, желѣзные, мѣдные, свинцовые рудники сдѣлались доступны, и начали съ выгодой разработываться, благодаря только желѣзнымъ дорогамъ, каналамъ и пароходамъ, созданнымъ товариществами на акціяхъ, изъ которыхъ многія въ настоящую минуту сильно упали и не даютъ

дивиденда *). Присоединимъ ко всему этому еще характеръ Американца, его неутомимую дѣятельность, его мужество въ спекуляціяхъ, легкость кредита въ Америкѣ, смѣлость въ предпріятіяхъ, и мы прямо можемъ сказать, что и теперь Американцы выйдутъ такъ же побѣдоносно изъ кризиса, какъ и въ прежніе года. Каждый истый Американецъ былъ вѣроятно нѣсколько разъ въ своей жизни банкротомъ, перепробовалъ силы свои въ разныхъ промыслахъ, богатѣлъ, или погибалъ подъ ударами злой неудачи. Цѣлыя тысячи такихъ смѣлыхъ бойцовъ погибаютъ на полѣ промышленныхъ битвъ, ихъ ряды замѣщаются другими, которыхъ ждетъ можетъ-быть такая же участь, а между тѣмъ страна богатѣетъ, государство мужаетъ и крѣпнетъ. O yes, sir, говорилъ Колю одинъ переселенецъ, these Iankees make all our improvements. Судя по всѣмъ послѣднимъ извѣстіямъ, кризисъ замѣтно утихаетъ въ Америкѣ.

Въ настоящую минуту страдаетъ отъ него Европа, надъ которою онъ обрушился всею своею тяжестью, не оставивъ въ покоѣ ни одного сколько-нибудь значительнаго торговаго рынка. Мы постараемся въ непродолжительномъ времени сказать объ немъ нѣсколько словъ.

Декабря 12-го.

И. Бабстъ.

---

*) Allgem. Zeit.| N 325. Beilage. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Гюбнеромъ (Statistisches Jahrbuch v. Otto Hübner 1857), изъ 171 линіи желѣзныхъ дорогъ 41 линія не даетъ дивиденда.

НОВЫЙ ПЕРЕВОДЪ РИМСКИХЪ КЛАССИКОВЪ.

Библіотека римскихъ писателей, въ русскомъ переводѣ. Томъ I, сочиненія Саллюстія; томъ II и III, сочиненія Юлія Цесаря. Перевелъ съ латинскаго А. Клевановъ. Москва. 1857.

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ сказалъ, что «мы всѣ учились по немногу, чему-нибудь и какъ-нибудь» и что каждый изъ насъ умѣетъ въ концѣ письма поставить vale; но и теперь еще, положивъ руку на сердце, мы должны сознаться въ справедливости этого замѣчанія. По крайней мѣрѣ въ знаніи древнихъ языковъ мы, кажется, такъ и остановились на vale. Многіе изъ насъ, подъ ферулою учителя, читали и Саллюстія, и Цезаря, и другихъ латинскихъ прозаиковъ, даже посягали на чтеніе поэтовъ; но такъ какъ при этомъ чтеніи все вниманіе наше было обращено на употребленіе сослательнаго наклоненія и другія грамматическія тонкости, то мы не вынесли изъ него ничего, кромѣ воспоминанія о страшной скукѣ, о дурныхъ отмѣткахъ учителей и сопряженныхъ съ ними плачевныхъ послѣдствіяхъ. Только люди, посвятившіе себя спеціально изученію древнихъ языковъ, продолжаютъ заниматься ими послѣ школьной скамейки, и то больше ex officio; а за предѣлами этого тѣснаго кружка рѣдко встрѣтишь человѣка, который былъ бы въ состояніи читать древнихъ классиковъ въ оригиналѣ. Знаніе новыхъ языковъ распростанено у насъ преимущественно между людьми, которые мало интересуются тво-

реніями Саллюстія и его великихъ соотечественниковъ; а многіе изъ тѣхъ, которые желали бы познакомиться съ ними, часто лишены возможности прочесть ихъ даже во французскомъ или въ нѣмецкомъ переводѣ.

При такихъ обстоятельствахъ, г. Клевановъ могъ бы оказать многимъ весьма существенную услугу, если бы онъ добросовѣстно выполнилъ, или, лучше сказать, былъ въ состояніи выполнить взятое имъ на себя дѣло. Къ сожалѣнію, «силамъ ума не соотвѣтствовало его примѣненіе»[1]), и мы смѣло можемъ сказать, что по переводамъ г. Клеванова русскіе читатели не только не познакомятся съ Саллюстіемъ и Цезаремъ, но, напротивъ того, получатъ объ нихъ совершенно превратное понятіе.

Въ доказательство приводимъ нѣсколько образчиковъ перевода изъ первыхъ главъ Саллюстіевой исторіи заговора Катилины и просимъ сличить ихъ съ подлинникомъ, или, въ случаѣ незнанія латинскаго языка, съ нашимъ переводомъ, въ которомъ мы, не заботясь объ изяществѣ, старались почти буквально передать смыслъ подлинника.

Точный смыслъ подлинника.	Переводъ г. Клеванова.
Слава, пріобрѣтаемая богатствомъ и красотою, непостоянна и непрочна.	Добиваться богатствъ или волочиться за красотою—это непрочно и ненадежно.

Nam divitiarum et formae gloria fluxa atque fragilis est. I, 4.

Итакъ, сначала цари (это было первое названіе власти на землѣ), будучи различнаго мнѣнія[2]), одни упражняли умъ, другіе — тѣло.	Съ первыхъ временъ добивались верховной власти люди одни дарами ума, а другіе силами физическими.

Igitur initio reges (nam in terris nomen imperii id primum fuit) divorsi pars ingenium, alii corpus exercebant. II, 1.

---

[1]) Эту замысловатую фразу г. Клевановъ самъ присочинилъ къ Саллюстію, какъ увидимъ ниже.

[2]) Т. е. насчетъ вопроса, что̀ болѣе способствуетъ успѣху военнаго дѣла: тѣлесная сила, или сила ума?

Довольно было (у Катилины) краснорѣчія, но благоразумія мало. Ненасытная душа его[1]) всегда стремилась къ чрезмѣрному, несбыточному, недостижимому.

Красно говорилъ, но въ рѣчахъ его было мало обдуманности. Обширнымъ умомъ своимъ онъ обнималъ всегда обширные, неудобоисполнимые планы.

Satis eloquentiae, sapientiae parum. Vastus animus immoderata, incredibilia, nimis alta semper cupiebat. V, 4, 5.

Они имѣли законныхъ правителей, которые назывались царями... Измѣнивъ порядокъ, они учредили у себя годичную власть[2]) и по два правителя.

Управлялись они законами, а надзоръ за исполненіемъ и власть предостовляли государямъ..... Перемѣнивъ законъ, власть наши предки раздѣлили между двумя начальниками.

Imperium legitimum, nomen imperii regium habebant.... Immutato more annua imperia binosque imperatores sibi fecere. VI, 6, 7.

Поэтому и доблесть совершившихъ эти подвиги[3]) стоитъ въ общемъ мнѣніи на той высотѣ, на какую могли превознести ее геніальные писатели.

Великіе умы писателей изобразили подвиги ихъ столь превосходными, сколько достало словъ, и не слова свои повѣряли дѣйствительностью, но для самой дѣйствительности мѣриломъ было ихъ краснорѣчіе.

Но римскій народъ никогда не имѣлъ этого преимущества[4]), потому что даровитѣйшіе люди сами спѣшили принять участіе въ дѣлахъ. Никто не ограничивался однимъ умственнымъ трудомъ, безъ

Народъ римскій никогда не имѣлъ такого обилія писателей, не по недостатку умовъ, но чѣмъ кто былъ умнѣе, то(!) и дѣятельнѣе. Силамъ ума соотвѣтствовало его примѣненіе.

---

[1]) Еслибы г. Клевановъ справился хоть съ лексикономъ Кронеберга, то нашелъ бы настоящее значеніе словъ: vastus animus, и не приписалъ бы Катилинѣ обширнаго ума, тогда какъ авторъ упрекаетъ его въ недостаткѣ благоразумія.

[2]) Слова: annua imperia, заключающія въ себѣ существенный признакъ консульской власти, въ переводѣ пропущены.

[3]) Т. е. Аѳинянъ.

[4]) Copia non est abundantia, sed habendi larga facultas et occasio. Kritz.

труда физическаго[1]). Всякій, кто былъ выше другихъ, хотѣлъ лучше дѣйствовать, чѣмъ писать, лучше слышать похвалы своимъ подвигамъ отъ другихъ, чѣмъ самъ повѣствовать о чужихъ подвигахъ.

Предпочитали красно дѣйствовать тому, чтобы выражаться красно, и всякій искалъ самъ заслужить похвалу другаго за свои дѣйствія, чѣмъ повѣствовать о чужихъ подвигахъ.

Ita eorum qui ea facere virtus tanta habetur, quantum verbis eam potuere extollere praeclara ingenia. At populo Romano numquam ea copia fuit, quia prudentissimus quisque negotiosus maxime erat; ingenium nemo sine corpore exercebat; optumus quisque facere quam dicere, sua ab aliis bene facta laudari quam ipse aliorum narrare malebat. VIII, 4, 5.

Такимъ образомъ въ мирѣ и въ войнѣ соблюдалась чистота нравовъ.

Такимъ образомъ въ домашнихъ дѣлахъ и въ военныхъ[2]) наши предки ставили выше всего добрую нравственность.

Igitur domi militiaeque boni mores colebantur. IX, 1.

Въ мирное же время они старались упрочить свою власть не столько страхомъ, сколько благодѣяніями,[3]) и лучше любили прощать нанесенныя имъ обиды, чѣмъ мстить за нихъ.

Въ мирное же время исторія ихъ представляетъ намъ много примѣровъ, что они нанесеныя имъ обиды предпочитали прощать, чѣмъ мстить за нихъ.

In pace vero beneficiis quam metu imperium agitabant, et accepta injuria ignoscere quam persequi malebant. IX, 5.

Тамъ впервые войско римскаго народа привыкло предаваться сладострастію и пьянству, дивиться на статуи, картины, рельефные сосуды,

Здѣсь пріучился онъ (т. е. солдатъ) къ сладострастію, къ пьянству; здѣсь узналъ цѣну драгоцѣннымъ вещамъ и пышнымъ одеж-

---

[1]) Подъ физическимъ трудомъ здѣсь, кажется, должно разумѣть военную службу, которою Римляне начинали свое служебное поприще.

[2]) Значеніе выраженія: domi militiaeque г. Клевановъ могъ найдти даже въ краткой грамматикѣ Цумпта. Домашнимъ дѣламъ противуполагаются не военныя, а общественныя, военнымъ же—не домашнія, а гражданскія.

[3]) Отчего же г. Клевановъ не счелъ нужнымъ передать русскимъ читателямъ эту прекрасную черту древнихъ Римлянъ?

похищать ихъ частнымъ образомъ и именемъ республики[1]), грабить храмы и оскорблять все святое и несвятое.

дамъ(?), тайно и явно старался онъ ихъ себѣ присвоить; потерявъ уваженіе къ святымъ, онъ грабилъ самые храмы и не различалъ уже священнаго отъ обычнаго(?!).

Ibi primum insuevit exercitus populi Romani amare, potare, signa, tabulas pictas, vasa caelata mirari, ea privatim ac publice rapere, delubra spoliare, sacra profanaque omnia polluere. XI, 6.

Ложились спать прежде, чѣмъ являлась потребность сна, не выжидали ни голода, ни жажды, ни холода, ни усталости, но все это увреждали роскошью.

Естественный, природою назначенный образъ жизни вовсе извращенъ; спали не тогда, когда хочется, а для занятія(!!); чувство голода, жажды, усталости имъ стало вовсе не извѣстно; всѣ потребности природы избыткомъ сладострастія они заглушали въ самомъ зародышѣ(?!).

Dormire priusquam somni cupido esset, non famem aut sitim, neque frigus neque lassitudinem opperiri, sed ea omnia luxu antecapere. XIII, 5.

Напослѣдокъ онъ влюбился въ Аврелію Орестиллу, въ которой порядочный человѣкъ не могъ похвалить ничего, кромѣ наружности; но такъ какъ она, опасаясь взро-

Наконецъ онъ влюбился въ Аврелію Орестиллу, прекрасная наружность которой скрывала самое развратное сердце. Она долго колебалась отдаться[2]) Ка-

---

[1]) Privatim et publice, h. e. pro se quisque singuli milites et omnis simul exercitus, quasi publico nomine (Facciolati. Tot. Lat. Lex.). Privatim значитъ, что каждый солдатъ грабилъ самъ по себѣ, на свою руку, какъ частный человѣкъ; publice — что они грабили именемъ республики. Въ обоихъ случаяхъ они дѣйствовали не тайно, а явно, какъ видно уже по смыслу глагола rapere, который значитъ: насильно отнимать (см. Синонимич. словарь Раисгарна). Нѣкоторые принимаютъ слова: privatim et publice въ такомъ смыслѣ, что воины похищали частную и общественную собственность; но объясненіе Фаччіолати кажется намъ вѣрнѣе.

[2]) Развратная женщина не побоялась бы пасынка, еслибы хотѣла только отдаться Катилинѣ; но дѣло въ томъ, что это—сочиненіе г. Клеванова: Саллюстій же прямо говоритъ, что она не рѣшалась выйдти за мужъ, nubere (см. любой лексиконъ).

слаго пасынка, не рѣшалась выйдти за него за мужъ, то за достовѣрное принимаютъ, что онъ умертвилъ его и такимъ образомъ очистилъ домъ для преступнаго брака. Это обстоятельство, по моему мнѣнію, всего болѣе заставило его поспѣшить выполненіемъ своего злодѣйскаго замысла.

тилинѣ, опасаясь уже взрослаго пасынка; но Катилина уничтожилъ ея сомнѣніе, умертвивъ его какъ это почти не подвержено сомнѣнію, и такимъ образомъ удовлетворилъ своему гнусному желанію. Это преступленіе не давало ему покою и побуждало къ новымъ [1]).

Postremo captus amore Aureliae Orestillae, cujus praeter formam nihil umquam bonus laudavit, quod ea nubere illi dubitabat, timens privignum adulta aetate, pro certo creditur, necato filio vacuam domum scelestis nuptiis fecisse. Quae quidem res mihi imprimis videtur causa fuisse facinoris maturandi. XV.2,3.

Изъ нихъ онъ готовилъ ложныхъ свидѣтелей и рукоприкладчиковъ [2]).

Онъ изъ нихъ дѣлалъ лжесвидѣтелей и училъ подписываться подъ чужую руку.

Ex illis testes signatoresque falsos commodare. XVI, 2.

Не лучше ли умереть съ честью, чѣмъ, бывъ игрушкою высокомѣрія другихъ, позорно лишиться безславной и жалкой жизни.

Лучше же умремъ, но съ сознаніемъ нашего достоинства, чѣмъ жить въ забвеніи и угнетеніи или быть игрушкою надменности другихъ; да и эта самая позорная жизнь — и та въ ихъ рукахъ.

Nonne emori praestat, quam vitam miseram atque inhonestam, ubi alienae superbiae ludibrio fueris, per dedecus amittere. XX, 9.

Всѣ люди, потерявшіе стыдъ, прелюбодѣи, гуляки, расточившіе отцовское наслѣдіе на игру, пиры и

Всѣ тѣ, которые отцовское имѣніе прожили на картахъ(!!), женщинахъ и винѣ, а равно и тѣ, кото-

---

[1]) Слово facinus употреблено здѣсь не въ общемъ смыслѣ, а именно о заговорѣ Катилины. Это видно по глаголу maturare, ускорять, а не побуждать, какъ переводитъ г. Клевановъ.

[2]) Подъ словомъ signatores, по объясненію Критца и Герлаха, должно разумѣть людей, которые подписывались свидѣтелями на духовныхъ завѣщаніяхъ; а г. Клевановъ заставляетъ Катилину, при всѣхъ заботахъ его, заниматься преподаваніемъ искусства подписываться подъ чужую руку!

женщинъ и впавшіе въ большіе долги.... были друзьями и приближенными Катилины.

рые пріобрѣли большіе долги... всѣ тѣ были друзья и пріятели Катилины.

Nam quicumque impudicus, adulter, ganeo, manu, ventre, pene bona patria laceraverat, quique alienum aes grande conflaverat... hi Catilinae proximi familiaresque erant. XIV, 2, 3.

Деньги, взятыя взаймы на собственный кредитъ и на кредитъ друзей, отослалъ въ Фезулы къ Манлію, который въ послѣдствіи первый началъ войну.

Денегъ, какъ своихъ, такъ и занятыхъ при содѣйствіи друзей, послалъ въ Фезулы къ Манлію, который въ послѣдствіи былъ главою возмущенія.[1])

Pecuniam sua aut amicorum fide sumptam mutuam Faesulas ad Manlium quemdam portare, qui postea princeps fuit belli faciundi. XXIV, 2.

Чрезъ нихъ Катилина надѣялся возмутить городскихъ рабовъ, зажечь Римъ, а мужей ихъ или присоединить къ себѣ, или умертвить.

Катилина надѣялся на ихъ содѣйствіе къ обольщенію городской стражи[2]), къ преданію города огню, людей же, въ связи съ тѣми женщинами находившихся, онѣ должны были или переманить на его сторону или предать на погубленіе.

Per eas se Catilina credebat posse servitia urbana sollicitare, urbem incendere, viros earum vel adjungere sibi, vel interficere. XXIV, 4.

Эти выписки, кажется, достаточно опредѣляютъ достоинство переводовъ г. Клеванова, и мы могли бы заключить ими нашу статью, еслибы предисловіе къ Библіотекѣ римскихъ писателей не вызывало насъ еще на нѣсколько словъ.

---

[1]) Во 1-хъ, Катилина послалъ не свои деньги, а занятыя имъ самимъ на свое имя, sumptam sua fide. Своихъ денегъ у него, вѣроятно, не было, потому что онъ былъ расточителенъ и постоянно находился въ страшной нуждѣ. (ср. Sall. Cat. V.). Во 2-хъ, не Манлій, а самъ Катилина былъ главою возмущенія, а Манлій только первый началъ войну, princeps fuit belli faciundi. Здѣсь, очевидно, слово princeps смутило переводчика. Но princeps собственно значитъ первый, и только въ переносномъ смыслѣ получаетъ значеніе произведеннаго отъ него французскаго слова prince. Стоило лишь заглянуть въ лексиконъ Кронеберга, чтобы избѣжать этой ошибки.

[2]) И здѣсь незнанію переводчика могъ бы пособить лексиконъ Кронеберга (см. слово urbanus).

Г. Клевановъ говоритъ между прочимъ: «Я старался, главное, «передать мысль, душу, такъ-сказать, подлинника, а не раб-«ски держаться буквы и выраженій подлинника. Я старался ду-«мать и выражаться по-русски. Знаю, что не вездѣ могъ я оди-«наково выдержать это. Мѣстами я или впалъ въ латинизмъ, «или далеко удалился отъ подлинника. Но каждый, знакомый «съ трудностью взятаго мною на себя предпріятія, пойметъ «возможность недостатковъ перевода, особенно въ первомъ «опытѣ. Всѣ замѣчанія и совѣты людей спеціальныхъ, относи-«тельно моего перевода, будутъ приняты мною съ благодар-«ностью и вниманіемъ, а недостатки, ими указанные, исправле-«ны въ слѣдующемъ изданіи.»

Не имѣя права включать себя въ число спеціалистовъ, мы, незванные, непрошенные, позволили себѣ указать г. Клеванову недостатки его перевода, но только не для того, чтобы споспѣшествовать второму «*исправленному*» изданію его труда. Этого грѣха мы не беремъ на свою душу и даже считаемъ его невозможнымъ. Просимъ замѣтить, что мы ограничились разсмотрѣніемъ только первыхъ 16-ти страницъ перваго тома, заключающаго въ себѣ 244 страницы, и въ этой малой частицѣ далеко еще не исчерпали всѣхъ сокровищъ, которыми своевольная фантазія г. Клеванова украсила почти каждую строчку. Можетъ ли онъ послѣ этого ожидать, чтобы самый усердный спеціалистъ, при всемъ желаніи пріобрѣсти право на его благодарность, рѣшился служить ему своими замѣчаніями, относительно всѣхъ трехъ томовъ его перевода?

Г. Клевановъ увѣряетъ, что онъ «старался думать и выражаться по-русски»; но старанія его не увѣнчались успѣхомъ, какъ видно изъ множества употребленныхъ имъ оборотовъ, которыхъ нельзя оправдать даже «латинизмами» (напримѣръ: чѣмъ кто былъ умнѣе, то и дѣятельнѣе; предпочитать красно дѣйствовать тому, чтобы выражаться красно и т. п.). Точно такъ же нельзя оправдать «трудностями взятаго имъ на себя предпріятія», совершенно произвольныхъ и ненужныхъ отступленій отъ подлинника. Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ г. Клеванова, что не нужно рабски держаться буквы и выраженій переводимаго писателя, но только въ такихъ случаяхъ, когда это сопряжено съ ущербомъ для изящества или ясности

перевода. Если же выраженія и обороты, употребленные авторомъ, не противны духу нашего языка, то переводчикъ обязанъ сохранить ихъ. Въ этомъ-то и состоитъ одно изъ самыхъ существенныхъ достоинствъ перевода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и главнѣйшая его трудность, чтобы передать мысль автора, по возможности, его собственными, а не своими словами. Не такъ думалъ г. Клевановъ. Каждая строчка его перевода убѣждаетъ насъ, что онъ какъ будто съ намѣреніемъ избѣгалъ выраженій подлинника и задалъ себѣ задачу не перевести, а перифразировать Саллюстія. И добро бы онъ еще ограничился однимъ перифразомъ, сохраняя, по крайней мѣрѣ, въ точности смыслъ подлинника. Даже и этимъ не можетъ похвалиться его переводъ. «Стараясь, главное, передать мысль, душу, такъ-сказать, подлинника», онъ на каждомъ шагу навязываетъ Саллюстію свои собственныя мысли и часто даже совершенную безсмыслицу, заставляетъ Римлянъ спать для занятія, заглушать чувство голода и жажды не питьемъ и ѣдою, а избыткомъ сладострастія, не различать священнаго отъ обычнаго, красно дѣйствовать, играть въ карты и т. п. Воля ваша, г. Клевановъ, вѣдь это ужь изъ рукъ вонъ! Это кощунство надъ Саллюстіемъ! Если вы искренно требуете совѣтовъ и намѣрены воспользоваться ими, то мы, отъ всей души, совѣтуемъ вамъ отказаться отъ вашего непосильнаго предпріятія и оставить классиковъ въ покоѣ. Мы раздѣляемъ ваше мнѣніе, что необходимость переводовъ лучшихъ произведеній римскихъ и греческихъ писателей весьма ощутительна въ нашей литературѣ; но право, лучше вовсе не имѣть ихъ, чѣмъ имѣть такіе, какъ вашъ. Того, что̀ сдѣлано, уже не воротишь. По крайней мѣрѣ воздержитесь отъ дальнѣйшихъ грѣховъ; не поднимайте руки на Ливія и на Тацита. Повѣрьте, это будетъ гораздо выгоднѣе и для русской публики, и для васъ самихъ: публика не получитъ превратнаго понятія о римскихъ классикахъ и избавится отъ непріятности читать назидательныя статьи, въ родѣ этой, вовсе не интересныя, но необходимыя для обузданія вреднаго усердія подобныхъ вамъ переводчиковъ; а вы сами сбережете много времени, которое можете употребить на что-нибудь болѣе полезное, хотя бы наприм. на изученіе «*римской письменности*», составлявшей, какъ вы сами говорите, любимый предметъ вашихъ занятій со школьной скамейки.

Просимъ извиненія читателей, что такъ долго останавливали ихъ вниманіе на трудахъ г. Клеванова. Не его одного имѣли мы въ виду, принимаясь за перо. Со всѣхъ сторонъ обѣщаютъ намъ теперь переводы лучшихъ произведеній иностранныхъ литературъ. Что же это будетъ, если и другіе переводчики, по примѣру г. Клеванова, начнутъ «передавать намъ только мысль, душу, такъ-сказать, подлинника?» А вѣдь это весьма легко можетъ быть. Стоитъ только повнимательнѣе всмотрѣться въ переводы, помѣщаемые въ нашихъ журналахъ, чтобы убѣдиться, какъ рѣшительно дѣйствуютъ гг. переводчики, пользуясь отсутствіемъ всякаго надзора со стороны критики. Еще не такъ давно мы встрѣтили въ одномъ весьма уважаемомъ журналѣ совершенно непонятное сожалѣніе, что Макіавелли былъ женатъ, и потомъ еще долго ломали себѣ голову надъ замѣчаніемъ, что въ характерѣ современныхъ Макіавелли италіянцевъ не было жестокости Вантона. По справкѣ съ подлинникомъ дѣло объяснилось очень просто. Переводчикъ не понялъ значенія слова «unhappily» и, вмѣсто «былъ несчастливо женатъ», перевелъ «былъ къ сожалѣнію женатъ». Другой промахъ его еще забавнѣе. Прилагательное «wanton», поставленное послѣ точки, онъ принялъ за имя собственное, и изъ безотчетной жестокости у него вышла жестокость какого-то небывалаго Вантона!

«Любитель римской письменности».

ВОСПОМИНАНІЕ О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ

ВЪ МОСКВѢ.

Мы жили на Тверской, въ домѣ княгини Трубецкой, противъ церкви Благовѣщенія. Какъ теперь смотрю на молодыхъ казаковъ, Мамоновскаго полка, который формировался тогда графомъ Мамоновымъ, въ Москвѣ, на собственномъ его иждивеніи, и въ который московская молодежь, всякаго званія, спѣшила завербоваться, увлекаемая прелестью подвига стать въ ряды защитниковъ родины, а вмѣстѣ, можетъ-быть, и прелестью мундира. Особенно много записывалось изъ купцовъ. Бывало, почти каждый день, и въ разныхъ экипажахъ, и пѣшкомъ, отправляются они мимо насъ въ Петровское (гдѣ еще не было парка, а содержался только трактиръ, близъ деревни Зыковой), въ синихъ казакинахъ, съ голубою выпушкою, въ шапкахъ на бекрень, съ бѣлымъ салтаномъ, и голубою, мѣшкомъ свисшею, тульей. Много, помню, ходило разказовъ объ ихъ удалыхъ пирушкахъ. Но что̀ живо осталось въ моей памяти, такъ это русскіе раненые, которыхъ двое или трое сутокъ везли мимо насъ изъ-подъ Бородина, въ телѣгахъ, по нѣскольку человѣкъ въ каждой: немногіе изъ нихъ сидѣли, бо̀льшая часть лежала, иные шли пѣшкомъ; этихъ жители зазывали къ себѣ, кормили и, чѣмъ могли, имъ помогали. Съ этой поры Москва быстро стала пустѣть — кто только могъ, уѣзжалъ, платя въ тридорога за лошадей, а подъ-конецъ нельзя было достать ихъ ни за какія деньги. Многія семейства отправлялись пѣшкомъ, увозя дѣтей и имущество въ ручныхъ телѣжкахъ.

Почти наканунѣ занятія непріятелемъ города, мы перебрались въ Сущево, въ домъ нашего родственника, уѣзжавшаго также на то время изъ Москвы. Грустенъ былъ видъ столицы: на улицахъ ни души, ворота и ставни вездѣ заперты; изрѣда попадались только солдаты, должно быть легко раненые, отсталые отъ своихъ партій. Перебираясь на другую квартиру, мы встрѣтили ихъ нѣсколько человѣкъ передъ питейнымъ домомъ; выкаченныя на улицу бочки, съ вышибеннымъ дномъ, разбитая посуда, мокрая мостовая, спиртный запахъ и бурливая толпа краснорѣчиво свидѣтельствовали о происходившей тутъ сценѣ. Я шелъ съ нашей горничной, и путь намъ лежалъ возлѣ самаго этого мѣста. Мы было пріостановились, но видя, что на насъ не обращаютъ вниманія, собрались съ духомъ и стрѣлою промчались мимо, держась какъ можно ближе противуположнаго забора. Впрочемъ, страхъ нашъ былъ, кажется, напрасенъ: едва ли кто изъ нихъ замѣтилъ насъ. Такимъ образомъ, и все наше семейство, со всѣмъ имуществомъ, благополучно перебралось на новую квартиру.

Первымъ дѣломъ послѣ этого было запереться кругомъ наглухо. Ворота, калитка, ставни—все было заперто и приперто. Этотъ день и слѣдующій, т. е. день входа въ городъ непріятеля, прошли совершенно тихо, но никакъ не покойно — всѣ были въ тревожномъ ожиданіи. Говорили, что Французъ ужь вошелъ, но въ нашей сторонѣ еще никого не показывалось. На другой день отецъ одѣлся и пошелъ провѣдать, что дѣлается въ городѣ. Со страхомъ проводили мы его глазами до конца переулка, выглядывая въ калитку, которую потомъ опять приперли. Часа черезъ полтора по его уходѣ, слышимъ вдругъ какой-то вопль, изъ противуположнаго дома, принадлежавшаго каретнику-Нѣмцу. Мы, разумѣется, страшно перепугались: бросились наверхъ, въ свѣтелку, окно которой выходило прямо противъ оконъ дома каретника. Смотримъ: самъ хозяинъ, огромный, тучный старикъ, въ курткѣ, бѣгаетъ по комнатамъ, а за нимъ Французъ, съ саблей въ рукахъ, подчуетъ бѣдняка фухтелями, допытываясь, какъ послѣ разказывали, гдѣ спрятаны у него деньги. Такое назидательное зрѣлище поразило всѣхъ невыразимымъ ужасомъ. Не имѣя ни малѣйшаго желанія дожидаться, чѣмъ кончится эта продѣлка, мы бросились опять внизъ и столпились въ кучу, въ

роковомъ ожиданіи, что «вотъ-де сейчасъ и къ намъ пожалуетъ этотъ милый гость». Всѣ молчали; мы, дѣти, смотрѣли на мать; она думала, что-то теперь съ отцомъ? Вдругъ ударъ въ калитку—потомъ другой, третій. Всѣ обомлѣли. «Это отецъ», воскликнула мать, и побѣжала къ воротамъ; за ней побѣжали и всѣ. «Кто тамъ?» «Я,» отвѣчалъ отецъ. Калитку отперли, и онъ вошелъ съ смущеннымъ видомъ. Все на немъ было цѣло: фракъ, шляпа, перчатки, трость, но сапоговъ не было; они понадобились французскимъ гренадерамъ, повстрѣчавшимся ему на дорогѣ, которые, вопреки всѣмъ его доводамъ, на ихъ родномъ языкѣ, «что такой-де поступокъ неприличенъ храбрымъ воинамъ великой націи», присовѣтовали ему не задерживать ихъ и поскорѣй разуться. Хорошо еще, что, по совѣту матери, онъ не взялъ съ собою часовъ, а то не сдобровать бы и имъ. Не смотря, однакожь, на такую неудачную экскурсію отца, съ возвращеніемъ его всѣ опомнились, и тутъ только замѣтили, что вопли бѣднаго каретника умолкли. Чѣмъ кончилось у него съ Французомъ, не знаю. Но только что мы нѣсколько поуспокоились, и отецъ переодѣлся опять по домашнему, припрятавши все, что̀ было получше, какъ снова застучали въ ворота. Не помню, кто какъ, а мы, дѣти, особенно я, очень трухнули, и по приглашенію няньки и горничной, бывшихъ тоже не изъ числа храбрыхъ, всѣ забрались въ чуланъ и, съ трепетнымъ любопытствомъ, прильнули глазами къ выходившимъ на дворъ щелямъ — смотрѣть, что̀ будетъ. Отворились ворота, въѣхала телѣга съ поклажей и привязанной поверхъ ея курицей, немилосердо кудахтавшей; за телѣгой вошли человѣкъ 7—8 Французовъ, въ числѣ ихъ два офицера, и очень кротко потребовали хлѣба. Солтатамъ указали кухню, гдѣ они тотчасъ же вытащили изъ печи горячіе хлѣбы, а офицеровъ пригласили въ комнаты — они были такіе вѣжливые. Велѣли сварить кофею, и отецъ, забывши недавній опытъ свой съ сапогами, въ полномъ довѣріи къ пресловутой французской образованности, тѣмъ болѣе, что имѣлъ дѣло съ офицерами, а не съ рядовыми, настоялъ, чтобы мать подала и чайныя ложечки. Между тѣмъ насъ изъ чулана кое-какъ вытащили, увѣривши, что это такіе же люди, какъ и мы, въ чемъ я сначала, на основаніи мнѣній няньки и горничной, крѣпко сомнѣвался. Но когда я осмѣлился кое-какъ выйдти на крыльцо, и когда оста-

вавшійся у телѣги часовой, молодой и пріятной наружности, дружески кивнулъ мнѣ головою и, улыбаясь, приглашалъ подойдти къ нему, страхъ мой прошелъ: особенно, когда онъ заговорилъ по-нѣмецки, на природномъ языкѣ моихъ родителей, да еще далъ мнѣ кусокъ булки, которую самъ ѣлъ. Пока у насъ завязывалось знакомство съ часовымъ, бывшіе въ кухнѣ его товарищи, поѣвъ горячаго хлѣба и что̀ еще попалось подъ руку, стали выходить и сбираться въ дорогу, причемъ они прятали въ телѣгу и по карманамъ остатки хлѣба. Также вышли и офицеры. Они, дѣйствительно, оказались порядочными людьми: вели приличный разговоръ, выпили кофей, превѣжливо за него поблагодарили, а серебряныя ложечки положили къ себѣ въ карманы. Но это, говорятъ, были не настоящіе Французы, а какіе-то Бельгійцы или Альзасцы, не помню, и принадлежали не къ строевому войску, а къ фурьерской, или другой какой-то подобнаго рода командѣ. Этимъ день тотъ и кончился; болѣе никто не появлялся. На слѣдующее утро насъ рано поднялъ шумъ. По всему околотку, изъ дому въ домъ, бѣгали толпы Французовъ и грабили, забирая преимущественно съѣстное и что̀ поцѣннѣе — мѣдныхъ денегъ не брали. Въ то же время раздавались крики: «Москва горитъ!» Дымные столбы стояли близехонько — горѣлъ Каретный рядъ. Чтобы на всякій случай быть подальше отъ огня, мы начали перебираться изъ дому въ бесѣдку, въ садъ, куда перебрались и ближайшіе сосѣди наши, нѣсколько семействъ, и расположились въ шалашахъ. Недолго приходилось ждать гостей. Сотни ударовъ въ ворота тотчасъ заставили отворить калитку, и толпа за толпой, одна другую оттѣсняя и перегоняя, врывались на дворъ; самые нетерпѣливые перескакивали черезъ заборъ. Разсыпаясь по всѣмъ закоулкамъ, погребамъ, сараямъ, чердакамъ, заглядывая въ печки, подъ печки, они вездѣ перерывали и перешаривали; но ни золота, ни серебра не находили — къ счастію, или несчастію, у насъ ихъ и не водилось: кой-какое серебро столовое было зарыто въ саду, въ самомъ глухомъ мѣстѣ, наканунѣ, тотчасъ по уходѣ вѣжливыхъ офицеровъ, пившихъ кофей. Но зато все, что̀ можно было съѣсть или выпить, было тутъ же съѣдено и выпито. Стояли на окнахъ банки съ вареньемъ и бутыли съ наливкой: первое разомъ вычерпали горстями, даже не снимая бумаги, которою оно было завязано, а просто про-

давивъ ее; о наливкахъ и говорить нечего. Все это, конечно, досталось на долю первой толпы, ворвавшейся къ намъ; другія же, приходившія послѣ, должны были довольствоваться однимъ перерываніемъ и обыскиваніемъ. Иныя были въ ярости, что ничего не находили, грозились рубить. Когда, такимъ образомъ, разыгралась страшная суматоха, и ежеминутно надо было ждать насилій отъ буйныхъ и пьяныхъ хищниковъ, отецъ бросился искать помощи, надѣясь найдти гдѣ-нибудь офицера. Въ совершенномъ отчаяніи перебѣгая изъ улицы въ улицу, между огнемъ и дымомъ горѣвшихъ домовъ, и тщетно отыскивая защитника, потому что кромѣ солдатъ никого не попадалось, очутился онъ, наконецъ, самъ не зная какъ, на Дѣвичьемъ полѣ. Здѣсь повстрѣчалъ онъ толпу конныхъ: впереди ѣхалъ какой-то генералъ. Отецъ остановилъ его и, объяснивъ свое положеніе, умолялъ о защитѣ. Генералъ обратился къ какому-то изъ свиты своей офицеру и приказалъ дать отцу часовой (sauve-garde).

Между тѣмъ, пока отецъ искалъ защиты, мы ни на минуту не оставались въ покоѣ. По всѣмъ задворьямъ заборы, отдѣлявшіе сосѣда отъ сосѣда, были или разобраны, или вовсе повалены, и грабившія толпы безпрестанно сновали взадъ и впередъ, обшаривая и обыскивая все и всѣхъ. Многія дѣлали это безъ особенныхъ выходокъ; иныя же сердились, что ничего не находятъ, ругались и даже грозились саблями, принуждая указывать, гдѣ скрыты мнимыя сокровища. Но, видно, убогость всего нашего околотка, состоявшаго изъ невзрачныхъ домиковъ, населенныхъ семействами бѣдныхъ чиновниковъ и мѣщанъ, скудная мебель и утварь достаточно ручались за искренность увѣреній, что у насъ нѣтъ ни золота, ни серебра; и потому, самые горячіе довольствовались какимъ-нибудь толчкомъ, съ досады, или ругательствомъ, и отходили прочь. Но за толчкомъ уже не гнались, а ругательствъ не понимали, потому что ни изъ нашего семейства, кромѣ отца, ни изъ сосѣдей, переселившихся къ намъ, никто не разумѣлъ по-французски, да еслибъ и разумѣлъ, такъ что̀ значитъ французская брань для русскаго уха, знакомаго съ роднымъ крѣпкимъ словцомъ. Было, между прочимъ, нѣсколько и забавныхъ случаевъ, которыхъ смѣшная сторона, разумѣется, была замѣчена уже послѣ, когда все успокоилось. Яснѣе другаго сохранилось у меня въ памяти слѣдующее: извѣстно, что Французы, какъ доказалъ

это и вышеприведенный случай съ отцомъ моимъ, были очень неравнодушны къ сапогамъ. Въ числѣ переселившихся къ намъ въ садъ сосѣдей былъ одинъ молодой человѣкъ, А—въ, который слышалъ про эту слабость нашихъ пріятелей, и желая спасти отъ хищническихъ глазъ свои единственные сапоги, придумалъ надѣть по нимъ шерстяные чулки, а поверхъ еще опорки или старыя калоши. Но хитрость эта имѣла успѣхъ не надолго. Какой-то Французъ, видно съ опытнымъ взглядомъ, замѣтилъ толстоватость ногъ молодаго А—ва и началъ пристально въ нихъ всматриваться. А—въ тоже смекнулъ, что Французъ не даромъ заинтересовался его ногами, и, какъ бы ничего не замѣчая, началъ маневрировать отъ него подальше. Однакожь злодѣй догналъ его; и какъ тотъ ни прикидывался, что не понимаетъ, чего отъ него хотятъ, но принужденъ былъ разуться и собственными руками отдать варвару свои, какъ зеркало, лоснившіеся сапоги, и съ этого времени, къ крайнему своему прискорбію, онъ дѣйствительно остался въ однихъ опоркахъ.

Съ полудня начали между солдатами показываться и офицеры, которые сами хотя и не буйствовали, но солдатъ не унимали; можетъ, — не были ли они командированы только для наблюденія, чтобы тѣ не слишкомъ увлекались въ пылу своихъ благородныхъ занятій и не предавались крайностямъ; по крайней мѣрѣ, на просьбы унять нахальство солдатъ они ничего не отвѣчали и равнодушно проходили мимо. Одинъ, впрочемъ, бывшій верхомъ и порядочно подгулявшій, склонился было на просьбы моей матери — выгнать изъ дому грабителей, и, пытаясь на лошади въѣхать по крыльцу въ комнаты, немилосердо кричалъ на бѣжавшихъ мимо его взадъ и впередъ солдатъ, даже билъ ихъ по головамъ, то направо, то налѣво, бывшимъ у него въ рукахъ портфелемъ, но чуть не свалившись самъ съ коня, онъ на этомъ и покончилъ, и повернувъ его кое-какъ назадъ, поѣхалъ далѣе, какъ будто и дѣло сдѣлалъ. А то еще пріѣзжалъ, тоже верхомъ, какой-то штабъ-офицеръ, въ каскѣ съ хвостомъ, въ сопровожденіи гренадера или сапера, въ медвѣжьей шапкѣ, верхомъ же. Этотъ вошелъ въ комнаты и проговорилъ что-то довольно длинное къ шнырившей тамъ толпѣ, которая выслушала его со вниманіемъ, но занятій своихъ не покидала. Увидавши въ шкафахъ книги, штабъ-офицеръ

обратился къ нимъ, разсмотрѣлъ и прочиталъ надписи, выбралъ карманное изданіе Донъ-Кихота (Лесажа) и вѣжливо просилъ уступить ему, предложивъ за то два червонца. Разумѣется, книги уступили, а червонцевъ не взяли. Да и къ чему было брать? По отъѣздѣ его, они перешли бы тотчасъ же въ карманы его земляковъ. Замѣчательно, что все это время, да и послѣ, до самаго ухода непріятеля, дворныхъ собакъ нашихъ, которыхъ было три, и всѣ презлыя, не только стало не слыхать, даже и не видать. Онѣ забились подъ домъ и постоянно тамъ сидѣли, выходя съ трудомъ на зовъ домашнихъ, и потомъ тотчасъ же опять прячась.

Отецъ воротился съ даннымъ ему часовымъ уже подъ-вечеръ, когда грабежъ началъ стихать, и посѣтителей являлось все меньше и меньше. Однакожь, и караулъ этотъ не обошелся безъ продѣлки. Прежде всего часовой потребовалъ уплаты впередъ, объяснивши, что посвящая себя на охраненіе насъ, онъ остается въ убыткѣ противъ товарищей, которые употребятъ это время съ большею для себя пользой. Что̀ было дѣлать? Денегъ ни у кого не оказывалось. Рѣшились сдѣлать сборъ, кто чѣмъ можетъ. Отецъ отдалъ съ руки кольцо, мать достала изъ-подъ спуда серебряную ложку, кто вынулъ серьги. Часовой остался очень доволенъ; но этимъ еще не кончилось. Располагаясь на ночь у бесѣдки нашей карауломъ, онъ потребовалъ себѣ постель, халатъ и колпакъ; снявши съ себя ранецъ и киверъ, и приставивъ ружье къ стѣнѣ, онъ облекся въ халатъ поверхъ мундира, натянулъ на голову по самые усы колпакъ, и улегся въ постель. До сихъ поръ курьёзная фигура эта рисуется живо въ моей памяти. Но все-таки, не смотря на такія эгоистическія съ его стороны мѣры, которыя, повидимому, скорѣе обезпечивали его собственное, а не наше спокойствіе, часовой не дремалъ въ своей должности. Въ продолженіе ночи приходили нѣсколько разъ мародёры; часовой вставалъ тотчасъ, надѣвалъ киверъ, бралъ ружье и какимъ-то магическимъ словомъ заставлялъ ихъ тотчасъ уходить. Но ужь какое было это слово, не знаю; помнится, какъ объяснялъ тогда отецъ, солдатъ объявлялъ имъ, что поставленъ тутъ, по приказанію какого-то герцога. Такимъ образомъ, ночь проведена была довольно покойно, и всѣ отдохнули отъ утомленій дня: я, разумѣется, проспалъ,

TAYLOR INST. OXFORD

какъ убитый, и проснувшись утромъ, не засталъ ужь часоваго — онъ ушелъ; но и грабежъ совсѣмъ кончился, насъ болѣе никто не тревожилъ. Въ этотъ же день сталъ къ намъ постой.

Между тѣмъ Москва пылала, но наша сторона: Новая слобода, Подъ-вязками, улица, идущая къ тюремному замку, и прилегающіе къ нимъ со стороны институтовъ переулки—оставались внѣ пожара и уцѣлѣли. Тутъ расположилась италіянская гвардія, въ которой служили все дворяне лучшихъ италіянскихъ фамилій, не исключая даже и рядовыхъ — такъ, по крайней мѣрѣ, тогда говорили. Постояльцы наши были: капитанъ Савини, докторъ Гуссаръ и ветеринарный врачъ—фамилію забылъ,—который, впрочемъ, вскорѣ перешелъ на другую квартиру; но оба первые оставались до конца. Капитанъ, рыжеватый, очень красивый и видный мущина, лѣтъ 35-ти, оказался очень добрымъ человѣкомъ. Перебравшись къ намъ въ домъ, онъ просилъ мать мою взять на себя все хозяйство и предоставилъ въ полное ея распоряженіе всѣ свои запасы, настоящіе и будущіе, съ тѣмъ чтобы обѣдъ готовился общій — и на нихъ, и на наше семейство. Не помню ужь хорошенько, въ чемъ состояли эти запасы: знаю только, что главную роль между ними игралъ, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ, огромный куль мелкаго сахару; но мяса не было ни кусочка — его предполагалось добывать, равно какъ и картофель. Вскорѣ, однакожь, привели къ намъ откуда-то цѣлаго вола, доставшагося на долю капитана при раздѣлѣ стада. Этого господина стало намъ на все время; разумѣется, экономія наблюдалась самая строгая, — не пропадало ни косточки. По крайней мѣрѣ за обѣдомъ былъ всегда супъ, по временамъ приносили капитану и другое кое-что съѣдобное: словомъ, мы не голодали. За добываніемъ овощей формировались у насъ собственныя экспедиціи. Дядя мой, молодой человѣкъ, лѣтъ 20-ти, упомянутый выше сосѣдъ нашъ А — въ, кучеръ Иванъ, тоже малый лѣтъ 25-ти, я и мальчикъ нашъ Павлушка, лѣтъ 13-ти, отправлялись на окрестные огороды, гдѣ еще довольно оставалось неубранныхъ овощей, разумѣется, сдѣлавшихся, на это время, общимъ достояніемъ, и гдѣ, поэтому, постоянно ходили кучки голоднаго народу, съ мѣшками за плечьми, и рылись въ грядахъ. Но у иныхъ, когда они съ набранными овощами возвращались домой, Французы отнимали добычу, за-

вставляя нести ее къ себѣ на квартиры. На первый разъ, при чемъ однакожь меня не было, случилось это и съ нашею экспедиціей; и потому, въ слѣдующіе разы, капитанъ Савини снабжалъ насъ на промыселъ форменною запиской, въ которой свидѣтельствовалось, что предъявители ея имѣютъ собирать плоды земные на пользу его, катитана, который даже давалъ намъ, для носки добычи, своего лошака, на котораго дядя садился верхомъ, записку приклеивалъ, или пришивалъ на шляпу, еще притомъ треугольную, надѣтую по-наполеоновски — все это, конечно, потѣхи ради. Послѣ такой мѣры, конечно, экспедиція оставалась въ совершенной безопасности отъ поползновеній со стороны попадавшихся ей Французовъ; но дѣло въ томъ, что сборъ овощей съ каждымъ разомъ все уменьшался, потому что огороды все болѣе и болѣе опустошались, такъ что лошакъ очень скоро сдѣлался намъ вовсе не нуженъ, а подъ-конецъ даже и самимъ намъ нечего было ходить на огороды.

Выше сказано было, что существеннѣйшею частію для нашихъ запасовъ послужилъ быкъ: забавенъ способъ, которымъ деньщикъ капитана, Кантини, сбирался убить этого быка. Привязавъ животное къ рѣшеткѣ, онъ сталъ рубить ему топоромъ ноги подъ колѣнками, разсчитывая, видно, съ разу, что-называется, подкосить его. Разумѣется, быкъ по первому же удару сорвался, и что̀ стоило хлопотъ опять поймать его? Пресмѣшной малый былъ этотъ Кантини. Ужь не знаю, зачѣмъ держалъ его при себѣ капитанъ, вѣроятно, за отличную глупость, въ которой нельзя было ни на минуту усомниться, взглянувши только на эту фигуру въ шляпѣ, съ большими повисшими полями, сдвинутой совсѣмъ на затылокъ, въ курткѣ, не доходившей до панталонъ, и въ панталонахъ, не доходившихъ, ни до куртки, ни до сапогъ, и въ довершеніе всего съ пренаивнѣйшею миной. Когда онъ перешелъ съ своимъ господиномъ къ намъ на квартиру, то сейчасъ же отправился прямо въ садъ, и ну оглядывать всѣ деревья. Долго не могли понять, чего ему надо, и ужь кое-какъ допытались, что онъ ищетъ лимоновъ. А то разъ вздумалъ онъ напечь лепешекъ: взялъ корыто, въ которомъ стиралось бѣлье, замѣсилъ на холодной сырой водѣ тѣсто, втискавши въ него, не жалѣя, мелкаго сахару, и высушилъ въ печи, а чтобы сберечь ихъ повѣрнѣе, разложилъ въ комнатѣ у своего господина по книгамъ въ

шкафахъ. Мѣшокъ съ сахаромъ, бывшій въ распоряженіи Кантини, лежалъ у него въ конюшнѣ просто на полу. Главное времяпровожденіе его состояло въ разговорахъ съ капитанскимъ боевымъ конемъ, прекрасною лошадью, которую онъ, какъ и самъ капитанъ, очень любилъ, постоянно холилъ и ласкалъ, и объ которой каждое утро приходилъ рапортовать ему, причемъ, не снимая шляпы, садился въ кресла, хотя бы господинъ его и стоялъ передъ нимъ. Можетъ, не въ этой ли обоюдной любви къ коню и заключалась тайна такого сближенія капитана съ его деньщикомъ. Впрочемъ, едва ли онъ былъ формальный деньщикъ, т. е. изъ нестроевыхъ солдатъ, а вѣроятнѣе, изъ собственной домашней прислуги капитана, потому что у послѣдняго былъ еще другой деньщикъ, по имени Стреличи, носившій мундиръ и феску, который и исправлялъ при капитанѣ все, что посерьёзнѣе, и чуть ли не присматривалъ и за самимъ Кантини.

Такимъ образомъ мы жили покойно; за обѣдомъ сбиралось все наше общество, иногда приглашался кто-нибудь и изъ постороннихъ — сослуживцевъ нашихъ постояльцевъ. Разговоры были всегда шумные и живые. Со стороны нашего семейства могъ въ нихъ участвовать только отецъ, который иногда и переводилъ для остальныхъ, не знавшихъ по-французски. Постоянною темою была война, и Итальянцы страшно ругали Наполеона; только докторъ Гуссаръ, родомъ Французъ, грудью отстаивалъ его, покрывая всѣ голоса своимъ густымъ басомъ. Иногда встревоживалъ насъ оказывавшійся недостатокъ въ запасѣ продовольствія; но капитанъ Савини всегда находилъ возможность добывать откуда-то, чего недоставало. Главная его забота была о сѣнѣ для своей лошади: за нимъ отправлялся почти каждый день деньщикъ Стреличи, на общую фуражировку, составлявшуюся подъ сильнымъ прикрытіемъ, потому что кругомъ всего города разъѣзжали русскіе партизанскіе отряды и казаки; послѣдніе показывались иногда и въ городѣ, проносясь стрѣлою мимо Французовъ. У насъ была тоже лошадь, слѣпая, правда, на оба глаза, но во всѣхъ статяхъ для ѣзды отличная; ей тоже надо было добыть корму, и вотъ кучеръ нашъ Иванъ, рискуя жизнію для стараго товарища, отправлялся на немъ же верхомъ, вмѣстѣ съ Стреличи, на фуражировку. Иногда возвращались они и съ вязанкой или двумя сѣна, а иногда и съ пустыми руками. Но разъ

отправившись на добычу, Стреличи вовсе не вернулся, а Иванъ возвратился ужь ночью, и разказалъ, какъ напали на нихъ казаки, разбили весь фуражирный отрядъ и гнались за нимъ, и что онъ, благодаря только быстротѣ слѣпаго скакуна своего, успѣлъ спастись, заскакавши въ такія мѣста, откуда съ трудомъ могъ выбраться на дорогу, и выѣхавши въ Міюзскую заставу, воротился почти съ противоположной стороны. Нападеніе это произошло недалеко отъ города, за Бутырками — мы слышали выстрѣлы. Разъ я самъ видѣлъ казака, промчавшагося мимо Маріинской больницы, отъ Екатерининскаго института къ Александровскому; стоявшіе у воротъ часовые выстрѣлили по немъ, но не попали. Вскорѣ послѣ этого, мы ходили на огороды, и за Александровскимъ институтомъ, гдѣ теперь его садъ, видѣли тѣло въ одной рубашкѣ; судя по остриженной кружкомъ головѣ, некому было быть, кромѣ казака — ужь не онъ ли бѣдный поплатился за свою молодецкую отвагу?

Что̀ до меня лично касается, то я чувствовалъ себя очень довольнымъ. Мнѣ было, впрочемъ, уже лѣтъ 10, но я какъ-то не понималъ порядкомъ ни общаго, ни своего положенія, и освободившись отъ ученья и надзора, весь предавался наслажденіямъ воли, разгуливая съ Павлушкой и другими сосѣдними мальчиками по пустырямъ, садамъ и огородамъ — заборовъ въ это время почти не существовало: Французы, во время грабежа, сокращали себѣ дорогу, и ломали ихъ вездѣ, гдѣ они становились имъ на пути. Къ дому нашему примыкалъ огромный огородъ, выходившій къ Маріинской больницѣ, и сообщавшійся по бокамъ съ другими огородами и садами. Тутъ ходило множество голодныхъ лошадей, забранныхъ Французами по дорогамъ къ Москвѣ въ деревняхъ, и распущенныхъ ими на произволъ судьбы. Бѣдныя, насилу ноги таскали, отыскивая себѣ скудный кормъ по полямъ и огородамъ, и, околѣвая, служили добычею стаямъ голодныхъ собакъ и воронъ. По этимъ-то огородамъ разгуливали мы обыкновенно, но слишкомъ далеко не пускались, ограничиваясь предѣлами институтовъ и Маріинской больницы, гдѣ помѣщены были больные Французы, и оставалось также нѣсколько и Русскихъ раненыхъ. Имъ, какъ разказывали тогда, выдавалось только по фунту хлѣба и больше ничего, но можетъ, больше ничего и не было. Разъ проѣхалъ въ больницу Наполеонъ, со сви-

тою, верхомъ — въ извѣстной шляпѣ и сѣромъ сюртукѣ, какъ мнѣ говорили другіе, потому что по близорукости самъ я не могъ разсмотрѣть. А то, однажды, разгуливаемъ мы по огороду, разглядывая голодныхъ лошадей, чтобы взобраться на которую получше верхомъ. Вдругъ видимъ: бѣгутъ два русскіе солдата, въ шинеляхъ, по направленію отъ Іевлевскаго сада, гдѣ теперь пивоварня, къ Маріинской больницѣ [1]), а за ними, по очень отставши, еще третій, котораго нагонялъ Французъ съ саблею въ рукахъ, и тутъ же, изрубивъ его нѣсколькими ударами, погнался за передними — удалось ли имъ уйдти, и остался ли тотъ живъ, не знаю. Мы, съ Павлушкой, ужь не любопытствовали, а поскорѣй домой. Послѣ разказывали, что это были раненые русскіе солдаты изъ больницы, которые за что-то поподчивали дубьемъ одного Француза, и на сцену эту набрелъ другой Французъ, тотъ самый, который гнался за ними.

Выходъ Французовъ изъ Москвы былъ самый быстрый. Помнится, вслѣдъ за приказомъ выступать, постояльцы наши тотчасъ же и выбрались. Сердечный Кантини, какъ былъ, такъ и отправился — въ одной курткѣ съ голой шеей, à l'enfant, и до половины обнаженными икрами. Какъ-то встрѣтился онъ съ русскими морозами. Хорошъ былъ и докторъ: этотъ все время подтрунивалъ надъ нашими холодами, и бравурствуя, спалъ всегда съ открытымъ окномъ, а на дорогу заготовилъ себѣ на ватѣ шелковую фуфайку, въ полной увѣренности, что въ ней вынесетъ всякую стужу. Тогда, дѣйствительно, сентябрь стоялъ чудесный, совершенное лѣто, и ввелъ въ заблужденіе добраго доктора, но за то и разочарованіе его было, я думаю, жестокое — а можетъ, онъ и не дожилъ до него.

Въ это время послѣдовалъ взрывъ въ Кремлѣ. Я спалъ и не слыхалъ удара въ первое его мгновеніе, но проснувшись тотчасъ же, слышалъ еще гулъ какой-то, дребежжанье стеколъ и стукъ мебели. Обозъ непріятельскій выступилъ на другой день; между тѣмъ въ городѣ разъѣзжали ужь казаки, и ходили толпы крестьянъ.

---

[1]) Тогда еще не было той улицы, что идетъ отъ Подвязковъ прямо къ Екатерининскому институту — это былъ все огородъ.

Разъ я стоялъ у калитки: вижу, изъ-за угла повертываетъ въ нашъ переулокъ телѣга, въ одну лошадь, нагруженная ружьями; при ней солдатъ, и знакомый, ходившій часто къ капитану Савини, видный, чрезвычайно большаго роста молодой человѣкъ, который меня всегда ласкалъ. Лишь только поравнялся онъ съ нашимъ домомъ, слышу, съ противоположной стороны раздался крикъ, и человѣкъ 7 — 8 мужиковъ бросились на него: одни вцѣпились ему въ волосы, другіе стали бить; наконецъ, одинъ выхватилъ изъ телѣги ружье и, поражая прикладомъ прямо въ лицо, потому что голову загнули ему назадъ, нѣсколькими ударами сбилъ его съ ногъ. Несчастный облился кровью, но не упалъ совсѣмъ, а сѣлъ, уперши руки въ землю назадъ. Еще ударъ или два окончательно свалили его навзничь. Толпа схватила лошадь съ телѣгой, и скрылась; остался только одинъ, который сталъ обирать убитаго. Можно себѣ представить, какой страхъ нагналъ на всѣхъ насъ этотъ случай. Думали, что непріятели не совсѣмъ еще ушли; воротятся еще, и ну какъ увидятъ передъ нашимъ домомъ убитаго товарища. Въ числѣ сосѣдей нашихъ былъ одинъ чиновникъ, старикъ, но еще свѣжій и исполинъ ростомъ и силой. Передъ непріятелемъ нельзя было въ немъ заподозрить храбраго человѣка: когда они въ первый разъ застучались къ нимъ въ ворота, то онъ прежде всѣхъ бросился въ сарай, и велѣлъ дочери своей, дѣвушкѣ лѣтъ 20-ти, накрыть себя кадкою, каковое распоряженіе, впрочемъ, не состоялось, вѣроятно по недостаточной вмѣстимости кадки для корпуленціи почтеннаго родителя. Но тутъ, когда пришлось имѣть дѣло съ землякомъ, онъ ни на минуту не задумался; прямо подошелъ къ оставшемуся мужику, схватилъ его, не говоря ни слова, за волосы, оттрепалъ такъ, что тотъ едва успѣвалъ ногами перебирать за его взмахами направо и налѣво, потомъ, ругнувъ какъ слѣдуетъ, и заушивъ въ заключеніе приличнымъ образомъ, закричалъ, чтобы онъ тотчасъ же оттащилъ тѣло дальше отъ дому. «Сейчасъ, родимый, дай только разуться, полегче будетъ.» «Ну, живѣй же!» Мужикъ разомъ скинулъ лапти и онучи, схватилъ ихъ въ руки, и такого далъ стрекача, что только его и видѣли. А несчастный все еще былъ живъ, и по временамъ приподнималъ обезображенную голову, лежавшую въ кровавой лужѣ. Ужь не знаю, кто оттащилъ его въ канаву, въ сосѣдній

переулокъ. Еще помню случай въ этотъ же день, и вскорѣ послѣ того. Въ числѣ приходившихъ къ нашимъ постояльцамъ земляковъ ихъ, былъ одинъ молодой Италіянецъ, лѣтъ 18-ти, Ферри, племянникъ какого-то изъ извѣстныхъ въ то время кардиналовъ — очень веселый и добродушный. Мы всѣ любили его; хотя онъ, кромѣ италіянскаго языка, не зналъ другаго, но на походахъ успѣлъ нахвататься разныхъ нѣмецкихъ, польскихъ и русскихъ словъ и цѣлыхъ фразъ, которыя умѣлъ какъ-то особеннымъ образомъ употреблять въ разговорахъ съ нами, описывая комически разные случаи, бывшіе съ нимъ въ походахъ и сраженіяхъ, и всегда подтрунивая надъ храбростію своихъ товарищей и надъ своею собственною особенно. Этотъ-то Ферри, только что мы успѣли успокоиться отъ предыдущаго случая, приходитъ весь въ попыхахъ; объясняетъ, что онъ не успѣлъ почему-то, вмѣстѣ съ отрядомъ своимъ, перебраться въ Кремль, гдѣ назначенъ былъ сборъ обознымъ войскамъ, и что долженъ одинъ идти туда, но боится казаковъ на большихъ улицахъ, а другой дороги не знаетъ, и потому нельзя ли намъ указать ему, гдѣ бы можно было пробраться туда, минуя по возможности большія улицы. Что было дѣлать! Жалко было не помочь бѣдному малому, который еще такъ недавно заставлялъ всѣхъ хохотать своей добродушной веселостью, да и опасно было взяться въ проводники; растолковать же ему дорогу по пустырямъ и переулкамъ было невозможно — онъ бы никогда не понялъ. Но кучеръ нашъ Иванъ Герасимовъ, настоящая русская, добрая натура, какою она обыкновенно является, если не прошла по ней скребница искажающаго угнетенія — Иванъ, который и самъ зачастую проводилъ весело время съ Ферри, въ полу-мимическихъ разговорахъ и шуткахъ — лишь только понялъ, въ чемъ дѣло, тотчасъ вызвался помочь своему знакомцу изъ-подъ Ватикана, и повелъ его задами, черезъ огороды къ Корсакову саду, а потомъ по Трубѣ (тогда еще дѣйствительному каналу, хотя очень мелководному, который былъ выложенъ бѣлымъ камнемъ), т. е. вдоль нынѣшняго Цвѣточнаго бульвара и извѣстной Волчьей долины. «Ну, что, Иванъ, проводилъ?» спрашивали его, когда онъ воротился. «Проводилъ до Иверской» отвѣчалъ Иванъ какъ-то мрачно, «тамъ ужь попались ему свои —

видно тоже идутъ въ Кремль». Когда такимъ образомъ онъ удовлетворилъ любопытство всѣхъ и каждаго о выполненномъ имъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ опасномъ подвигѣ, пошелъ онъ въ кухню и сѣлъ на лавку отдыхать. Я тоже за нимъ; мы были друзья. «Эхъ, графчикъ (такъ звалъ онъ меня изъ ласки), вѣдь чуть-чуть не согрѣшилъ! иду сзади его, да и думаю, что это я врага-то своего сберегаю, а рука-то съ дубинкой такъ вотъ и поднимается, чтобы шарахнуть въ ухо-то, да прямо въ Трубу! Да ужь, видно, Богъ его помиловалъ; жалко что-то все было. Какъ побѣжалъ онъ отъ меня, завидѣвши своихъ, такъ ужь и я обрадовался, что Богъ бѣду пронесъ — одначе обернулся, сказалъ мнѣ: адью». Такимъ образомъ великодушный Иванъ совершилъ за одинъ разъ два подвига, а самъ не призналъ ни одного.

Время, непосредственно за этимъ слѣдовавшее, осталось у меня въ памяти какъ-то слабо. Помню, что вдругъ погрузилось все въ какое-то мертвенное молчаніе. Одни боялись, что Французы опять вернутся, другіе потрушивали казаковъ. Сколько времени продолжалось такъ, не знаю. Должно быть, вскорѣ вошла въ городъ легкая русская кавалерія: отецъ тотчасъ пошелъ смотрѣть, взявши и меня съ собою. Какъ теперь гляжу: начиная съ Каретнаго ряда виднѣлись однѣ обгорѣлыя стѣны и торчали закоптѣлые остовы трубъ посреди безобразныхъ грудъ обвалившихся кирпичей и мусора; по Петровскому бульвару стоялъ Изюмскій гусарскій полкъ, въ красныхъ ментикахъ. По улицамъ валялись трупы лошадей, а около нихъ тѣснились стаи собакъ, рвавшихъ изъ нихъ внутренности — изъ иной лошади слышался только лай на подлетавшихъ къ трупу воронъ. Вскорѣ стала славная зима со снѣгомъ и морозами, и къ общему невыразимому восторгу пронесся слухъ, что открылся рынокъ. Дядя тотчасъ былъ отправленъ, вмѣстѣ со мною, за покупками. Мы накупили ситниковъ и колбасы, и на дорогѣ домой совершенно насытились за все долготерпѣнье. Только, гдѣ открытъ былъ этотъ первый рынокъ, не помню — помню, что на площади стояли воза съ разными съѣстными припасами, а между прочимъ и съ обувью, сапогами и чулками. Послѣ этого жизнь наша потекла очень однообразно, и что дѣлалось въ городѣ,

какъ онъ сталъ опять наполняться, какъ воротилось все къ прежнему порядку — объ этомъ не осталось у меня никакого воспоминанія, кромѣ того, какъ нѣкоторые изъ знакомыхъ нашихъ, уѣзжавшихъ изъ Москвы, воротились и стали навѣщать насъ; но о чемъ съ обѣихъ сторонъ разказывалось, не знаю: потому что разговорамъ этимъ предпочиталъ я кататься на лубкѣ съ горы, въ саду, съ предлиннымъ, отлично устроеннымъ раскатомъ, служившей постояннымъ времяпровожденіемъ не только для насъ съ Павлушкой, но и для большихъ. Въ мартѣ 1813 г. мы уѣхали въ Орловскую губернію.

К. Б...ръ.

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ ВЪ РОССІИ.

(Неизданное сочиненіе кн. М. М. Щербатова. *)

Въ ряду русскихъ историковъ XVIII столѣтія, кн. М. М. Щербатовъ занимаетъ довольно почетное мѣсто: пятнадцать томовъ *Россійской Исторіи*, доведенной до царствованія Михаила Ѳеодоровича, свидѣтельствуютъ о рѣдкомъ трудолюбіи автора, и уже одними многочисленными и пространными примѣчаніями, заключающими въ себѣ множество въ первый разъ обнародованныхъ документовъ, даютъ ему право на признательность. Блестящія литературныя достоинства исторіи Карамзина заслонили въ глазахъ русской публики и заставили позабыть этотъ

---

*) Въ 1855 году случайно найдены были бумаги князя Михаила Михайловича Щербатова, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія отъ пропажи и отъ сырости, частію уже повредившей ихъ. Сочиненіе, заглавіе котораго здѣсь приведено, находилось въ числѣ этихъ бумагъ и написано, какъ говорятъ, отъ начала до конца рукою самого автора. Къ сожалѣнію, я не могъ пользоваться самимъ оригиналомъ, переданнымъ на время въ другія руки. У меня былъ списокъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недовольно разборчиво написанный. Съ дозволенія внуки историка, княжны Елисаветы Дмитріевны Щербатовой, извлекаю теперь тѣ мѣста изъ сочиненія кн. Щербатова, которыя могутъ объяснить личный взглядъ автора на ходъ общественной исторіи Россіи XVIII вѣка. Современемъ можно будетъ воспользоваться богатыми матеріалами, какіе представляетъ это сочиненіе для исторіи нашей администраціи, для опредѣленія характера нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей и въ особенности для ознакомленія съ жизнію высшаго общества. Сочиненіе кн. Щербатова является однимъ изъ весьма важныхъ историческихъ источниковъ, частію дополняя уже извѣстныя свидѣтель-

почтенный, но тяжелый, по изложенію, трудъ кн. Щербатова, а мнѣніе знаменитаго исторіографа о сочиненіи его предшественника, къ сожалѣнію, столь же мало отличается добросовѣстною осмотрительностью, какъ и приговоръ надъ дѣятельностію Татищева. С. М. Соловьевъ достаточно указалъ на заслуги Щербатова какъ историка, а, сличивъ почти изъ страницы въ страницу Исторію Государства Россійскаго Карамзина съ Россійской Исторіей Щербатова, онъ вполнѣ объяснилъ и отношеніе перваго труда ко второму. Если нельзя отказать Щербатову въ добросовѣстномъ трудолюбіи, то нельзя также не замѣтить въ немъ и желанія вдуматься въ причины событій, объяснить ихъ на сколько позволяли его силы и образованіе свѣтскаго человѣка. Еще виднѣе польза, принесенная русской наукѣ тѣми изданіями историческихъ памятниковъ, которыя сдѣланы были кн. Щербатовымъ. Царственная Книга, Царственный Лѣтописецъ, Лѣтопись о многихъ мятежахъ, Журналъ Петра Великаго, его же Записныя тетрадки и т. п.—до сихъ поръ необходимыя книги для лицъ, занимающихся русской исторіей, и до сихъ поръ не замѣнены другими изданіями, болѣе соотвѣтствующими требованіямъ современной науки. Какъ историкъ и издатель историческихъ памятниковъ, кн. Щербатовъ извѣстенъ довольно хорошо: едва ли многіе знаютъ о немъ какъ о публицистѣ и авторѣ мемуаровъ. Недавно открытое сочиненіе кн. Щербатова *О поврежденіи нравовъ въ Россіи* даетъ возможность взглянуть на него съ этой стороны. Оно вполнѣ выражаетъ своеобразный взглядъ автора на весь ходъ историческаго развитія Россіи въ XVIII столѣтіи и въ то же время имѣ-

---

ства, частію доставляя совершенно новыя и интересныя свѣдѣнія. Личный взглядъ кн. Щербатова весьма своеобразенъ, и потому я счелъ нужнымъ прежде всего на него обратить вниманіе. Даже тѣ сужденія кн. Щербатова, которыя не могутъ быть признаны справедливыми, важны то какъ выраженія образа мыслей извѣстной партіи, то какъ личное воззрѣніе человѣка, очень замѣчательнаго по образованію и по нравственнымъ достоинствамъ. Я могъ только упомянуть о неблагопріятномъ отзывѣ автора касательно Екатерины II, котораго односторонность и частію несправедливость ясны для каждаго: своей рѣзкою противоположностью съ общепринятымъ мнѣніемъ, онъ заслуживаетъ однакожь вниманіе историка, и можетъ-быть современемъ объяснятся обстоятельства, доведшія кн. Щербатова до такого безусловнаго осужденія всей дѣятельности знаменитой составительницы Наказа.

етъ характеръ записокъ или мемуаровъ, и въ особенности мемуаровъ такого рода, каковы напримѣръ записки Порошина или Грибовскаго. Уже какъ выраженіе извѣстнаго, систематическаго воззрѣнія на современность, и притомъ воззрѣнія очень несходнаго съ господствовавшими тогда взглядами, сочиненіе Щербатова въ высшей степени любопытно; тѣмъ болѣе придаютъ ему цѣны многочисленныя подробности о нравахъ эпохи, о характерѣ главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей и встрѣчающееся иногда объясненіе скрытыхъ причинъ того или другаго явленія. Кто не знаетъ, до какой степени важно все это для исторіи Россіи XVIII вѣка? Каждая эпоха имѣетъ свои отличительныя особенности, требующія и особыхъ пріемовъ для ея изученія. Исторія Россіи прошлаго вѣка, по смерти Петра Великаго, всего менѣе можетъ похвалиться единствомъ направленія, исключительнымъ господствомъ одной какой-нибудь идеи или одного стремленія, которымъ бы подчинялись всѣ остальныя, правильнымъ, послѣдовательнымъ ходомъ общественнаго развитія. Приверженцамъ такъ-называемой философской исторіи всего труднѣе пришлось бы сладить съ частыми противорѣчіями, съ измѣнчивостью и случайностью, которыми рѣзко отличается это время, всего труднѣе было бы объяснить разумность и необходимость многихъ явленій. Разумѣется, и въ XVIII вѣкѣ было извѣстное историческое положеніе, которое отмѣнить безсильна была всякая частная воля. Переворотъ, произведенный Петромъ Великимъ, самъ носилъ на себѣ во многомъ характеръ случайности и произвола, но тѣмъ не менѣе, своими основаніями, онъ глубоко коренился во всемъ прошедшемъ развитіи Россіи, отвѣчалъ историческимъ потребностямъ русскаго государства и общества, и потому-то онъ имѣлъ столько внутренней крѣпости. Уничтожить его, поворотить назадъ государственную и общественную жизнь, не приходило въ голову даже тѣмъ, кто враждебно смотрѣлъ на дѣйствія великаго преобразователя. Реформа Петра была фактомъ, признаннымъ даже ея противниками, и, однакоже, какую безурядицу, сколько противоположныхъ стремленій видимъ мы послѣ смерти основателя европейскаго значенія Россіи. Едва закрылъ глаза государь до того самодержавный, что не задумался наложить руку на самую основу самодержавія,—разумѣемъ порядокъ престолонаслѣдія,—

какъ между ближайшими его сподвижниками слышатся голоса о введеніи шведскаго образа правленія. 3830 указовъ находимъ мы въ Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи въ періодъ времени отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы, и, однакоже, въ этой громадной массѣ правительственныхъ распоряженій напрасно стали бы мы искать какого-нибудь господствующаго направленія, а тѣмъ болѣе вѣрности планамъ преобразователя. Елисавета Петровна желала быть продолжательницею начинаній своего отца, но одного желанія было слишкомъ недостаточно, и въ ея правленіе случайности было едва ли меньше мѣста, чѣмъ въ предшествовавшія царствованія. Только съ Екатериною II является единство направленія, и только ее можно считать законною по духу, преемницей Петра Великаго Промежуточный же періодъ кажется какимъ-то долгимъ междуцарствіемъ. И при Екатеринѣ II не исключалась, впрочемъ, совершенно случайность и возможность постороннихъ вліяній, болѣе или менѣе сильныхъ. Однимъ словомъ, для личности былъ столь же огромный просторъ въ XVIII ттолѣтіи, сколько и для слѣпаго случая. Не даромъ XVIII столѣтіе создало особое выраженіе, не имѣвшее смысла прежде точно такъ же, какъ оно не имѣетъ его теперь. *Быть въ случаѣ* весьма хорошо обозначаетъ характеристическую особенность общественной жизни того времени. Каждая подробность о склонностяхъ, убѣжденіяхъ, частной жизни и характерѣ того или другаго *случайнаго* человѣка получаетъ важное историческое значеніе, а этими подробностями богато сочиненіе кн. Щербатова. Мы оставимъ ихъ, впрочемъ, до другаго случая и познакомимъ читателей преимущественно съ личнымъ взглядомъ автора на современное ему общество и причины паденія нравовъ. Здѣсь замѣтимъ только, что, по своему положенію, кн. Щербатовъ могъ хорошо знать всѣ закулисныя тайны высшаго общества и потому могъ приводить много интересныхъ, другимъ неизвѣстныхъ подробностей.

Съ четырнадцати-лѣтняго возраста онъ началъ свою службу въ гвардіи, въ 1746 году. Послѣ непродолжительной отставки съ 1762 по 1767, онъ вновь является на службѣ въ званіи депутата отъ ярославскаго дворянства въ Коммиссіи для составленія новаго уложенія, и съ этихъ поръ уже не покидаетъ ея. Въ долж-

ности камеръ-юнкера, и потомъ камергера онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ всѣхъ придворныхъ событій, а званія присутствующаго въ Коммиссіи о Коммерціи и въ Экспедиціи о винокуренныхъ заводахъ, президента Камеръ-Коллегіи и, наконецъ, сенатора давали ему возможность основательно познакомиться съ тогдашнею администраціей, и притомъ не только въ ея высшихъ сферахъ, но и въ мѣстномъ управленіи. Какъ сенаторъ, кн. Щербатовъ въ 1784 году ревизовалъ губерніи Владимірскую, Костромскую и Ярославскую. Придворные и административные нравы не могли быть для него тайною. Требовалось только наблюдательности и желанья знать, а въ томъ и другомъ у кн. Щербатова не было недостатка. Былъ у него и особенный случай повѣрять умные разказы о временахъ предшествовавшихъ свидѣтельствомъ положительныхъ источниковъ. Онъ приводилъ въ порядокъ кабинетный архивъ Петра Великаго и, съ разрѣшенія Императрицы, имѣлъ свободный доступъ во всѣ государственныя библіотеки и архивы. Изъ его Россійской Исторіи можно видѣть, какъ добросовѣстно пользовался онъ имѣвшимися у него матеріалами. Однимъ словомъ, мы можемъ не соглашаться съ взглядомъ кн. Щербатова, опровергать его односторонніе выводы и сужденія, но заподозривать достовѣрности приводимыхъ имъ фактовъ, сомнѣваться въ томъ, могъ ли онъ знать то, что разказываетъ, мы не имѣемъ права, тѣмъ болѣе, что авторъ почти всегда приводитъ указаніе, откуда онъ заимствовалъ то или другое свѣдѣніе. Посмотримъ теперь на цѣль сочиненія и на воззрѣніе автора.

«Взирая, такъ начинаетъ кн. Щербатовъ свое сочиненіе, на нынѣшнее состояніе отечества моего окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослаблѣніе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивляться, въ коль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Во истину могу я сказать, что если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи, и исполинскими шагами щество-

вали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ.» Затѣмъ, въ общихъ чертахъ обозначивъ упадокъ общественной и семейной нравственности и ослабленіе религіознаго чувства, кн. Щербатовъ продолжаетъ: «Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя, вопервыхъ, я потщуся открыть и потомъ показать и самую исторію, какъ правы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящія развратности.» Въ приведенныхъ словахъ уже можно отчасти замѣтить куда обращены симпатіи автора, но его воззрѣніе яснѣе раскрывается въ дальнѣйшемъ изложеніи. «Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, и, однако, главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе.» Сластолюбію придаетъ, впрочемъ, кн. Щербатовъ самое обширное значеніе, разумѣя подъ нимъ все то, что удовлетворяетъ чувственной сторонѣ человѣческой природы. Оттого онъ съ особеннымъ вниманіемъ слѣдитъ за постепеннымъ увеличеніемъ роскоши въ убранствѣ домовъ, въ одеждѣ, экипажахъ, столѣ. Но ставя сластолюбіе, въ этомъ обширномъ смыслѣ, главнѣйшею причиною совершившагося переворота въ общественной и частной жизни XVIII вѣка, кн. Щербатовъ, очевидно, съ особенною любовью долженъ былъ обращаться мыслію къ тому времени, когда матеріальныя удобства далеко не играли такой важной роли, когда жизнь общества, если не была нравственнѣе, то была несравненно проще и грубѣе. Своей исторіи поврежденія нравовъ, онъ предпосылаетъ довольно пространный очеркъ придворнаго быта и образа жизни высшаго сословія, прежде сближенія съ Европою и вторженія иноземныхъ обычаевъ. Самъ по себѣ этотъ очеркъ представляетъ теперь мало интереса, послѣ статей г. Забѣлина, раскрывшихъ всѣ мелочныя подробности быта русскихъ царей XVII столѣтія: онъ важенъ только потому, что показываетъ, куда клонились симпатіи автора. До-петровская Русь не одною только простотою и внѣшнею немногосложностью жизни влекла къ себѣ автора. Послѣдователи современной намъ славянской школы напрасно хотѣли бы зачислить кн. Щербатова въ число славянофиловъ до появленія славянофильства. Въ

жизни до-петровской Россіи, для кн. Щербатова особенно дорога была одна особенность общественнаго строя, которой отдавалъ онъ свое полное сочувствіе. Это было государственное значеніе и особая постановка знатныхъ родовъ боярскихъ. «Почтеніе къ родамъ умножало твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣлывало ихъ безопасность что̀ твердое предпріять, и тогда же и налагало узду кому что̀ недостойное имени своего сдѣлать, ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе не токмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало.» Истинное значеніе мѣстничества, очевидно, не было извѣстно кн. Щербатову, и онъ смѣшиваетъ понятіе о родословной чести съ понятіемъ о чести вообще, едва ли сильно вкорененнымъ въ родовитыхъ людяхъ XVII столѣтія. Аристократическому чувству автора льстило въ прошедшемъ, по преимуществу, признаніе правъ, даваемыхъ знатнымъ происхожденіемъ; онъ всячески старается отстоять выгоды этихъ правъ. «Преимущество сіе, говоритъ онъ, о замѣщеніи высшихъ должностей исключительно людьми родовитыми, часто и молодымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалось въ обиду другимъ, *но сего не было*, ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.» При такомъ взглядѣ кн. Щербатовъ, очевидно, не могъ сочувствовать многимъ изъ нововведеній Петра Великаго, и въ особенности враждебно смотрѣлъ на признаніе личныхъ заслугъ и способностей единственнымъ правомъ на большее или меньшее участіе въ государственной дѣятельности. Отмѣну прежняго начала онъ считаетъ почти стольже важною причиною всеобщаго поврежденія нравовъ, какъ и сластолюбіе. «Разрушенное мѣстничество (вредное, впрочемъ, службѣ и государству) и не замѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребили мысли благородной гордости въ дворянахъ, ибо стали не роды почтенны, но чины и заслуги и выслуги, и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удается прямыя услуги учинить, то за недостаткомъ заслугъ стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ.»

Сильно не нравилась кн. Щербатову и введенная Петромъ Великимъ система регулярнаго войска, съ обязательствомъ для дворянъ служить съ самыхъ низшихъ чиновъ. Въ ней также онъ видитъ причину уничтоженія добродѣтели и мужества. «Вмѣстѣ съ холопями ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты, и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинилися начальниками господамъ своимъ и бивали ихъ палками. *Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ*, то могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали, которые инако какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти и бывъ каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты оставался одинъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго.»

Аристократъ по убѣжденіямъ, кн. Щербатовъ оскорблялся и возвышеніемъ Меншикова, *изъ подлости происшедшаго мужа*. Разказавъ, что Меншиковъ послѣ вступленія на престолъ Петра II, хотя и не назывался регентомъ, но въ сущности былъ имъ, кн. Щербатовъ съ негодованіемъ указываетъ на невозможность подобнаго явленія въ предшествовавшія столѣтія, и видитъ въ немъ лучшее доказательство того, какъ низко упалъ духъ людей родовитыхъ. «При младенчествѣ царя Іоанна Васильевича, восклицаетъ онъ, законной властію утвержденному совѣту для управленія во время малолѣтства государева, боярамъ выбраннымъ изъ среди самихъ ихъ, изъ среди знатнѣйшихъ родовъ государства повиноваться не хотѣли. И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичь хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтному сыну своему, то не хотя быть управляемы боярами, сыну государя своего присягать не хотѣли. Во время младенчества самого Петра Великаго, на случай Нарышкиныхъ негодовали, и се, нынѣ изъ подлости происшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ посему, вѣрность ли сіе было къ Государю или паденіе духу благороднаго.»

Кн. Щербатовъ не принадлежалъ къ числу безусловныхъ защитниковъ старины и нисколько не желалъ бы уничтожить преобразованій Петра Великаго, въ необходимости которыхъ

онъ былъ глубоко убѣжденъ. Въ способѣ произведенія реформы, онъ хотѣлъ бы видѣть только меньше крутыхъ мѣръ, менѣе стремительности и болѣе снисходительности и вниманія къ преданіямъ прошедшаго времени. Главнѣйшимъ же его желаніемъ было, отстоять аристократическій принципъ, вызвать его вновь къ жизни, не останавливаясь, впрочемъ, предъ формами, въ какихъ бы совершилось его возрожденіе. Если нельзя было воскресить значеніе древнихъ боярскихъ родовъ въ томъ видѣ, какъ рисовало его воображеніе автора въ до-петровской жизни Россіи, ки. Щербатовъ не прочь былъ бы и отъ шведскаго образа правленія, и отъ аристократіи, въ томъ видѣ, какъ она являлась напримѣръ въ Англіи. Онъ не былъ единственнымъ представителемъ подобнаго направленія. Число лицъ, желавшихъ устроить правленіе по образу Швеціи, было можетъ-быть значительнѣе между высшими сановниками, чѣмъ число тѣхъ, которы желали бы вызвать къ жизни до-петровскую старину. И это понятно. Люди, принадлежавшіе къ государственному управленію и высшей администраціи, волею или неволею, но уже были увлечены направленіемъ реформы, болѣе или менѣе прониклись имъ. Не знаемъ, думали ли они о возможности возвратить жизнь къ прежнимъ формамъ быта, но увѣрены, что для нихъ лично этотъ возвратъ едва ли казался возможнымъ, а главное желательнымъ. Не говоря уже о лицахъ, воспитавшихся послѣ или во время переворота, произведеннаго Петромъ Великимъ, но даже и тѣ, кто помнили еще *древнія строгія правила*, уже невольно подчинились многимъ совершенно новымъ условіямъ и привычкамъ, отъ которыхъ отречься они были не въ состояніи. Даже для людей, помнившихъ значеніе прежняго боярства, боярская дума едва ли являлась лучшимъ выраженіемъ этого значенія, чѣмъ шведская олигархія. Знакомство съ Западомъ и присутствіе множества иностранцевъ въ русской службѣ не могли остаться безъ вліянія. Послѣ смерти Петра Великаго мелькнула мысль о введеніи шведскаго образа правленія, и не было высказано желанія возврата къ государственнымъ учрежденіямъ царя Алексѣя Михайловича. По смерти Петра II, еще яснѣе вскрылось подобное же стремленіе. Въ числѣ предложенныхъ по этому случаю мнѣній, князь Щербатовъ приводитъ одно, весьма замѣчательное и которое, по его мнѣнію, кажется, было самое основательное,

«Были многіе, *и дальновиднѣйшіе*, которые желали возвести царицу Евдокію Ѳеодоровну на россійскій престолъ, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то симъ учрежденному Совѣтомъ сопротивляться не можетъ, а черезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинимы были слѣдующія возраженія, что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и поневолѣ возложенный, съ нее снять и что она, имѣвши множество родни Лопухиныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится и можетъ для счастія своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія. «Извѣстно, что избраніе царицы Евдокіи Ѳедоровны предложено было кн. Василіемъ Владиміровичемъ Долгоруковымъ, фельдмаршаломъ, ревностнымъ защитникомъ старины и приверженцемъ царевича Алексѣя Петровича; поэтому можно бы думать, что, указывая на первую супругу Петра Великаго, кн. Долгоруковъ желалъ доставить побѣду старому порядку вещей. Слова кн. Щербатова придаютъ этому предложенію совершенно противное значеніе, несогласное съ тѣми извѣстіями, по которымъ фельдмаршалъ Долгоруковъ, въ засѣданіяхъ *верховниковъ*, противился ограниченію монархической власти въ Россіи. Оставляя въ сторонѣ, справедливо или нѣтъ показаніе кн. Щербатова, и думая даже, что оно неосновательно, мы приводимъ его какъ выраженіе его личнаго мнѣнія. Онъ называетъ *дальновиднѣйшими* тѣхъ, которые предлагали Евдокію Ѳедоровну и, очевидно, сочувствуетъ мысли ограниченія, которое подняло бы значеніе древнихъ знатныхъ родовъ, доставивъ имъ огромное участіе и рѣшительный почти голосъ въ дѣлахъ государственныхъ. Кн. Щербатовъ негодуетъ на *верховниковъ*; но его негодованіе исходитъ не изъ того источника, откуда ведетъ начало негодованіе, напримѣръ, Ѳеофана Прокоповича, говорившаго, что «сколько ихъ есть человѣкъ, чуть ли не столько явится атамановъ междуусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное оное лицо, каковое имѣла прежде, когда на многія княженія расторгнена бѣдствовала.» Приговоръ кн. Щербатова осмиличному совѣту сходенъ нѣсколько въ выраженіи съ сужденіемъ Ѳ. Прокоповича, но его основа совершенно другая. «Они, говоритъ нашъ авторъ, уменьшая излишнюю власть монарха, передавали ее вельможамъ *съ*

огорченіемъ множества знатныхъ родовъ, и вмѣсто одного, толпу государей сочиняли.» Огорченіе множества знатныхъ родовъ и возмущало кн. Щербатова противъ партіи верховниковъ, и мѣшало ему вполнѣ сочувствовать ихъ намѣреніямъ. Въ этомъ отношеніи побужденія его были одинаковы съ мыслями тѣхъ лицъ изъ высшаго сословія, которыя, по свидѣтельству Ѳ. Прокоповича, замышляли противъ членовъ Верховнаго Совѣта, ставя имъ въ вину не столько самое намѣреніе, сколько то, что они одни, въ числѣ 7 или 8 человѣкъ или, лучше сказать, только двѣ фамиліи Долгоруковыхъ и Галицыныхъ, задумали это предпріятіе, и одни хотѣли имъ воспользоваться. «Не малая вина, говорили оскорбленные, однимъ и немногимъ государства составъ передѣлывать. И хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакоже скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщить, непріятно то и смрадно пахнетъ.»

Мы достаточно, кажется, показали, какъ силенъ былъ аристократическій духъ въ кн. Щербатовѣ, заставлявшій его съ любовію обращаться ко временамъ мѣстническихъ споровъ. Эта вѣрность аристократическому началу господствуетъ во всѣхъ сужденіяхъ автора и даетъ имъ извѣстное направленіе, иногда заставляя его видѣть истинную причину зла—разумѣемъ упадокъ нравовъ—не тамъ, гдѣ она дѣйствительно крылась. При каждомъ удобномъ случаѣ, при каждой новой фазѣ развитія общественной безнравственности, онъ не забываетъ указывать, что раздача мѣстъ и чиновъ не по рожденію, а по личнымъ заслугамъ, была главною причиною все бо́льшаго и бо́льшаго развращенія. Такъ, напримѣръ, приступая къ описанію того, какъ усилилась роскошь и ея неизбѣжные спутники, послѣ вступленія на престолъ Елисаветы Петровны, онъ замѣчаетъ: «Какъ не одно рожденіе и по долголѣтнимъ службамъ полученные чины стали давать преимущества у двора, то и состоянія смѣшались, и что̀ изъ подлости или изъ незнатныхъ дворянъ произшедшей обогащенный по пышности дѣлалъ, того знатный благородный или заслуженный, но не награжденный человѣкъ за стыдъ почиталъ не дѣлать.»

Перейдемъ теперь къ тому, какія ступени, по мнѣнію кн. Щербатова, перешло поврежденіе нравовъ, и какія были обсто-

ятельства, его усиливавшія. Здѣсь мы встрѣтимся съ взглядомъ автора на характеръ того или другаго царствованія; а эти взгляды очень любопытны. Сдѣлаемъ прежде, впрочемъ, нѣсколько замѣчаній. Какъ въ Россійской Исторіи кн. Щербатова, такъ и въ новомъ его сочиненіи, постоянно видно желаніе автора осмыслить для себя то или другое явленіе, вдуматься въ него, найдти ближайшія причины и связь съ другими событіями. Князь Щербатовъ иногда нѣсколько разъ возвращается къ одному и тому же историческому явленію, съ цѣлію выяснить его, и очень часто его объясненія довольно удачны. Во всякомъ случаѣ, это почтенная сторона историческаго таланта князя Щербатова, ставящая его далеко выше большей части современныхъ ему историковъ. Для полнаго успѣха, ему недоставало ученой подготовки, систематическаго образованія. Подобно Карамзину, кн. Щербатовъ былъ дилеттантомъ историкомъ, хотя точно такъ же какъ и знаменитый исторіографъ, онъ положилъ на свой трудъ всѣ свои силы, и въ исполненіи отличался такою же добросовѣстностію. Съ матеріальной стороны, сочиненія кн. Щербатова вполнѣ удовлетворительны: отовсюду собралъ онъ документы и извѣстія, и употребилъ ихъ въ дѣло. Недостатокъ систематической подготовки, строго научнаго образованія вредилъ, главнымъ образомъ, способности автора понимать настоящій смыслъ историческихъ явленій, отличать существенную причину отъ причинъ второстепенныхъ и побочныхъ обстоятельствъ. Мы видѣли образецъ односторонняго пониманія кн. Щербатова въ его взглядѣ на мѣстничество и на *безчестье* древней Россіи. Подобныхъ примѣровъ можно привести много, и уже то, что онъ считаетъ ослабленіе аристократическаго начала, а въ особенности усиленіе сластолюбія главнѣйшими причинами всеобщаго паденія нравовъ, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Не смотря на свое знакомство съ историческими источниками и на свое стремленіе къ уясненію внутренняго смысла событій, авторъ не смогъ выработать себѣ цѣльнаго взгляда на ходъ историческаго развитія Россіи, и оттого его объясненія большею частію отрывочны и иногда поверхностны и односторонни. Говоря объ упадкѣ общественной и частной нравственности въ XVIII столѣтіи, кн. Щербатовъ, очевидно, противополагаетъ нравственность старой до-пе-

тровской Руси — безнравственности Россіи Петра Великаго; но онъ не изслѣдовалъ, даже не чувствовалъ потребности изслѣдовать, чѣмъ была выше нравственность XVII вѣка, и была ли она въ самомъ дѣлѣ выше нравственности современнаго ему общества, и довольствуется только внѣшнимъ сравненіемъ грубой немногосложности частнаго быта XVII столѣтія съ роскошными затѣями своего времени. Болѣе внимательное разсмотрѣніе показало бы ему, что корень безнравственности XVIII вѣка лежитъ глубоко въ общественномъ строѣ и нравахъ предшествовшаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ воспрепятствовало бы ему принимать слѣдствіе за причину или искать разгадки тамъ, гдѣ она никакимъ образомъ не можетъ быть найдена. Самое боярство предшествовавшаго столѣтія утратило бы въ его глазахъ многое изъ своей привлекательности, а главное, не казалось бы такою могущественною политическою силою, какою является оно въ воображеніи автора. Отсутствіемъ цѣльнаго пониманія объясняются недостатки взглядовъ кн. Щербатова на разсматриваемыя имъ явленія. Мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ этомъ въ послѣдствіи. Теперь о личномъ характерѣ кн. Щербатова, какъ онъ намъ представляется.

Мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній о служебной и гражданской дѣятельности кн. Щербатова, за исключеніемъ показаній послужнаго списка; поэтому трудно судить, до какой степени уберегся онъ отъ той общественной безнравственности, которую онъ клеймитъ въ своемъ трудѣ, и на сколько имѣлъ право произносить надъ ней строгій приговоръ. Одинъ только случай изъ его службы свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ чуждъ былъ по крайней мѣрѣ одного изъ господствующихъ общественныхъ пороковъ, — любостяжанія и казнокрадства. Болѣе мы ничего не знаемъ, и судить о нравственныхъ достоинствахъ кн. Щербатова, какъ общественнаго дѣятеля, можемъ только по его же сочиненіямъ. Въ исторіи поврежденія нравовъ онъ только очень рѣдко говоритъ о себѣ, и то большею частію въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится привести разказъ, слышанный имъ отъ извѣстнаго лица, или обратиться къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Во всемъ, впрочемъ, тонѣ сочиненія, въ способѣ изложенія, въ сужденіяхъ о томъ или другомъ лицѣ или поступкѣ, слышится голосъ человѣка бла-

городнаго, съ негодованіемъ смотрящаго на печальныя и позорныя явленія общественной жизни, его окружавшей. Ставя на второй планъ служебныя выгоды и отдавая всего себя историческимъ занятіямъ, кн. Щербатовъ уже этимъ заставляетъ предполагать въ себѣ болѣе чистыя и безкорыстныя стремленія, чѣмъ тѣ, которыми двигалось большинство его современниковъ. Пока не будутъ представлены положительныя доказательства противнаго, мы сохраняемъ убѣжденіе, вынесенное изъ чтенія труда Щербатова, что его личный характеръ былъ въ уровень съ тою ролью цензора, которую принялъ на себя авторъ. Строгій приверженецъ аристократическаго начала, онъ спасъ отъ пятна свое имя, и въ его сочиненіи о поврежденіи нравовъ, мы можемъ не всегда найдти глубокаго и проницательнаго историка, но постоянно встрѣчаемся лицомъ къ лицу съ честнымъ человѣкомъ [1]).

Исторія нравовъ въ сочиненіи кн. Щербатова неразрывно связана съ исторіею правленія. «Можно сказать, замѣчаетъ онъ совершенно основательно, что бываемыя премѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ нравами и умоначертаніемъ народнымъ.» Исторію нравовъ кн. Щербатовъ начинаетъ съ реформы Петра Великаго. Какъ уже было замѣчено выше, онъ вполнѣ признаетъ необходимость преобразованія. Кромѣ того, онъ преисполненъ глубочайшаго уваженія къ Петру. Онъ не можетъ только признать законною рѣзкость принятыхъ мѣръ, и въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе, по поводу искорене-

---

[1]) Нельзя не поблагодарить г. М. Заблоцкаго, имѣвшаго въ рукахъ всѣ найденныя бумаги князя М. М. Щербатова, за напечатанныя имъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ матеріалы для біографіи нашего историка. Не смотря на не значительность приведенныхъ имъ отрывковъ, они даютъ, однакоже, нѣкоторое понятіе о характерѣ кн. Щербатова и служатъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія. Будемъ надѣяться, что болѣе полная разработка найденныхъ бумагъ кн. Щербатова и, если возможно, ихъ обнародованіе, дадутъ средства ближе всмотрѣться въ личность этого замѣчательнаго человѣка. Жаль, что г. Заблоцкій, приводя отрывокъ изъ «*Разсужденія о нынѣшнемъ, въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ оному помочь и впредь предупредить подобное же несчастіе*, ничего не говоритъ о характерѣ самаго сочиненія. Взглядъ кн. Щербатова на экономическое положеніе Россіи долженъ быть весьма любопытенъ, тѣмъ болѣе, что, судя по заглавію, авторъ предлагаетъ и средства къ его измѣненію.

нія суевѣрій. «Сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Еслибы оно корнемъ было сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оное слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя черезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ, урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра» и т. д. Сравненіе, замѣтимъ мимоходомъ, если клонится къ невыгодѣ Петра Великаго, то можетъ-быть еще болѣе невыгодно для древней Россіи, которой сочувствуетъ авторъ. Со времени Петра, по мнѣнію кн. Щербатова, начинается поврежденіе нравовъ, но Петръ лично не виновенъ въ этомъ. Авторъ постоянно старается поставить на видъ, какъ великій преобразователь старался утвердить добрые нравы, подавая примѣръ простоты въ жизни, запрещая излишнія траты и угощенія при ассамблеяхъ, требуя правды и безкорыстія въ общественной дѣятельности, вызывая и поощряя прямое выраженіе мнѣній, противныхъ его собственному. Зло, по мыслямъ автора, явилось помимо воли Петра Великаго, хотя и было слѣдствіемъ его преобразованій. Замѣчательно сужденіе кн. Щербатова, высказанное по поводу разказовъ о благородной смѣлости кн. Якова Ѳедоровича Долгорукова, не разъ противившагося распоряженіямъ Петра и говорившаго ему правду въ глаза. «Чего же ради, говоритъ авторъ, никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей безсмертія достойный кн. Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали пріобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почитаніе, желали чиновъ и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ, чтобы Гаврило Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гиленбурхомъ, съ Герцомъ и съ англійскими и шотландскими сообщниками претендента...(слѣдуетъ еще нѣсколько примѣровъ); чтобъ адмиралъ Апраксинъ, имѣющій толикую

повѣренность, чтó вопреки сказалъ государю. Но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкореняться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ противоборствовали.» Причиной ставитъ кн. Щербатовъ усиленіе сластолюбія и роскоши и паденіе значенія знатныхъ родовъ; но изъ этихъ причинъ, если даже и признать ихъ дѣйствительно причинами, могла оказать свое дѣйствіе только вторая. А сластолюбіе и роскошь, по словамъ самого же кн. Щербатова, недавно еще начали водворяться въ русскомъ обществѣ; притомъ лица окружавшія Петра Великаго и ближайшіе исполнители его воли, за исключеніемъ людей, происшедшихъ изъ *подлости*, какъ Меншиковъ, или иностранцы, были воспитаны въ *древнихъ строгихъ правилахъ*; многіе, какъ напр. Апраксинъ и нѣкоторые другіе, даже отличались любовью къ старинѣ. Подозрѣніе въ томъ, не были ли несостоятельны или по крайней мѣрѣ не довольно крѣпки самыя эти древнія строгія правила, эти нравственныя убѣжденія XVII столѣтія, чтò такъ скоро и безъ борьбы уступили вліянію сластолюбія и роскоши, — такое подозрѣніе не приходитъ въ голову кн. Щербатова, и оттого у него отъ нравственности до-петровской Руси къ безнравственности Россіи Петра Великаго переходъ такъ рѣзокъ и быстръ.

Большое вліяніе, какъ и слѣдуетъ ожидать, приписываетъ кн. Щербатовъ освобожденію женщины изъ теремнаго заключенія. Женщина, выпущенная на свободу, почувствовала силу своей красоты и, не находя въ древнихъ строгихъ правилахъ никакой нравственной опоры, предавалась порывамъ страстей, не сдерживаемымъ болѣе внѣшними препятствіями. Сближеніе съ Европою, возможность получать изъ-за границы предметы роскоши, сильно дѣйствовали на возбужденіе пышности, не смотря на то, что государь старался ей противодѣйствовать и запрещеніями, и своимъ собственнымъ примѣромъ. Кн. Щербатовъ приводитъ примѣръ лицъ уже въ его царствованіе разорявшихся отъ неумѣренной роскоши. Одинъ изъ этихъ примѣровъ —знаменитый фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Другой очень замѣчателенъ. Кн. Иванъ Васильевичъ Одоевскій, котораго дядя жилъ въ Москвѣ, на Тверской, въ приходѣ у Спаса, «неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился,

что, продавъ всѣ деревни, оставилъ токмо себѣ нѣкоторое число служителей, которые были музыканты, и сіи, ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали.» Кн. Щербатовъ придаетъ огромную важность вліянію личнаго примѣра правительственныхъ лицъ на нравственное состояніе всего общества, и въ этомъ отношеніи одинъ Петръ Великій составляетъ какъ бы исключеніе, потому что его примѣръ былъ безсиленъ остановить общее стремленіе. Авторъ упрекаетъ его въ одномъ только вредномъ примѣрѣ, поданномъ обществу, именно, въ разводѣ съ первою супругой, Лопухиной. По его мнѣнію, этотъ примѣръ нашелъ себѣ подражателей не только между лицами близкими ко двору, каковъ напр. былъ П. И. Ягушинскій, но даже и между тѣми, которые были, повидимому, въ сторонѣ отъ его прямаго вліянія, какъ кн. Борисъ Сонцевъ-Засѣкинъ. Изъ общаго хода изложенія какъ-будто замѣтно, что кн. Щербатовъ считалъ разводъ почти новостію, внесенною Петромъ Великимъ въ общественную жизнь. Прямо онъ этого не высказываетъ и не можетъ, потому что примѣры разводовъ царей и великихъ князей русскихъ втрѣчаются же и до Петра Великаго, но, кажется, онъ не предполагалъ развода дѣломъ такимъ обыкновеннымъ въ Россіи XVII столѣтіи, какимъ показываетъ его напр. Котошихинъ.

Свое разсмотрѣніе царствованія Петра Великаго кн. Щербатовъ заключаетъ слѣдующимъ общимъ сужденіемъ:

«И тако, хотя Россія, черезъ труды и попеченія сего государя, пріобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены и флоты Бѣлое и Балтійское моря покрыли, коими силами побѣдила давнихъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, Поляковъ и Шведовъ, пріобрѣла знатныя области и морскія пристанища. Науки, художества и ремесла стали въ ней процвѣтать, торговля начала ее обогащать, и преобразовались Россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ въ короткополые, стали сообщительнѣе, и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. *Но тогда же* искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать... твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошь и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побужденіемъ и корыстолюбіе къ разрушенію законовъ

и ко вреду гражданъ начало проникать въ судебныя мѣста. Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ), въ разсужденіи нравовъ, осталася Россія, по смерти сего великаго государя.» Кто сколько-нибудь знакомъ съ памятниками XVII вѣка, тотъ сильно усомнится, чтобы корыстолюбіе и взяточничество только со временъ Петра начали вкрадываться въ чистую до тѣхъ поръ душу русскихъ судей и администраторовъ, тому невольно придутъ на память слова Посошкова: «Намъ сіе весьма зазорно: не точію у иноземцевъ, свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда не годится... А прямо рещи—и невозможно правому суду установиться, аще сто другое судей не падетъ: *понеже у насъ на Руси неправда вельми застарѣла.*» (Пос. стр. 86.)

Кн. Щербатовъ не долго останавливается на исторіи нравовъ въ кратковременныя царствованія Екатерины I-й и Петра II-го. Онъ припоминаетъ только, что женщина въ это время пошла быстрыми шагами къ своему нравственному паденію. Роскошь двора Екатерины I и, въ особенности, наглое и безнаказанное поведеніе Ив. Ал. Долгорукова, всемощнаго любимца Петра II, преимущественно содѣйствовали этому печальному явленію. «Привычка есть и къ преступленію, замѣчаетъ историкъ, говоря о поступкахъ Долгорукова и его товарищей, а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступили изъ скромности и тихаго житія, которое отъ древнихъ нравовъ онѣ еще сохраняли.» Особенно указываетъ кн. Щербатовъ на гибельныя слѣдствія неопредѣленности въ порядкѣ престолонаслѣдія. «Петръ Великій еще не охладѣлъ мертвый, говоритъ онъ, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшало важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, т. е. наслѣдство его престола. Извѣстны обстоятельства, вызвавшія и сопровождавшія возведеніе на престолъ Екатерины I. Кн. Щербатовъ представляетъ любопытное объясненіе обстоятельствъ и причинъ, рѣшившихъ объявленіе Петра II наслѣдникомъ престола.

Правленію Анны Ивановны посвящаетъ кн. Щербатовъ болѣе мѣста въ своемъ сочиненіи. Его взглядъ на характеръ и нравственное вліяніе правленія этой государыни не совсѣмъ согласенъ съ общепринятымъ мнѣніемъ. Мы знаемъ уже мнѣніе кн. Щербатова о мысли ограничить права верховной власти. Можно бы подумать съ перваго раза, что онъ нѣсколько предубѣжденнымъ взоромъ взглянетъ на дѣйствія Анны Ивановны, изорвавшей утвержденныя ею ограниченія, что власть Бирона, котораго курляндское дворянство съ презрѣніемъ отказалось внести въ свои списки, оскорбитъ его аристократическій духъ несравненно чувствительнѣе, чѣмъ самоуправство Меншикова, что, наконецъ, его поразятъ жестокости этого правленія. Кн. Щербатовъ очень хорошо знаетъ всѣ обстоятельства того времени и не ослѣпленъ личнымъ характеромъ самой государыни. Напротивъ, его сужденіе о немъ весьма основательно и, въ общихъ чертахъ, не противорѣчитъ тѣмъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ изъ другихъ источниковъ. «Императрица Анна, говоритъ онъ, не имѣла блистательнаго разуму, но имѣла сей здравый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго, отчего и съ родительницею своей въ ссорѣ находилася. (Слѣдуетъ извѣстіе объ отношеніяхъ Анны Ивановны къ ея матери, извлеченное изъ письма, находящагося въ архивѣ Петра Великаго.) Природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы, и сіе учинило, что она не щадила кровь своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содраганія подписывала... не имѣла жадности къ славѣ и потому новыхъ узаконеній и установленій мало вымышляла, но старалась старое учрежденіе въ порядкѣ содержать. Довольно для женщины прилежна къ дѣламъ и любительница была порядка и благоустройства, ничего спѣшно и безъ совѣту искреннѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе императорскому сану, но только если оно сходственно было съ благоустройствомъ государства.» Хорошо извѣстенъ кн. Щербатову образъ дѣйствій Бирона; возмущаетъ его и появленіе членовъ знатнѣйшихъ русскихъ фамилій, кн.

Голицыныхъ и Волконскихъ, графа Апраксина, въ числѣ придворныхъ шутовъ[1]), и однакоже, тѣмъ не менѣе, правленіе Анны Ивановны въ его глазахъ кажется почти отраднымъ явленіемъ, болѣе выгоднымъ, по своему вліянію на общественную нравственность, чѣмъ царствованіе Елисаветы Петровны и, въ нѣкоторой степени, даже Екатерины II, не говоря уже о двухъ правленіяхъ, предшествовавшихъ вступленію на престолъ Императрицы Анны... Вотъ оцѣнка кн. Щербатова. Сказавъ о жестокихъ казняхъ въ ея правленіи, онъ продолжаетъ: «Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія, но народъ былъ порядочно управляемъ, не былъ отягощенъ налогами. Законы издавались ясны и исполнялись въ точности. Страшились вельможи подать какую причину къ несчастію своему и, не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что̀ неправое сдѣлать или мздоимству коснуться; былъ управленъ кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государынѣ при докладахъ противорѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды; и такъ по крайней мѣрѣ лесть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей, ибо просто послѣдуя законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣты же ея и болѣзни ей не оставляли время что̀ другое предпринимать.» Мы не будемъ разсуждать, въ какой степени выгодно было въ нравственномъ отношеніи уничтоженіе лести передъ Анной Ивановной и возможность говорить ей правду, когда, по словамъ самого же автора, «вмѣсто ея всѣ вельможи дрожали и трепетали передъ Бирономъ, единый взглядъ его благороднѣйшихъ и имянитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ, но толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и лести мѣсто давалъ».

Не будемъ опровергать мнѣніе кн. Щербатова, замѣтимъ только, что странна и печальна покажется участь Россіи, если

---

[1]) Сочиненіе кн. Щербатова, замѣтимъ кстати, окончательно рѣшаетъ возникшій въ послѣднее время споръ о личности одного изъ шутовъ Анны Ивановны. Изъ Голицыныхъ, шутомъ былъ кн. Михайло.

повѣрить ему на слово. Всѣ усилія Петра Великаго, вся его неслыханная дѣятельность и способность вникать во всѣ мелочныя подробности, были безсильны остановить корыстолюбіе и неправоту судей, и достаточно было страха предъ курляндскимъ проходимцемъ, въ добавокъ и не обращавшимъ вниманія на отправленіе правосудія, чтобы судьи не смѣли *что неправое сдѣлать или мздоимству коснуться*. Нѣсколько далѣе самъ кн. Щербатовъ произноситъ, впрочемъ, приговоръ, не совсѣмъ согласный съ предшествовавшимъ разсужденіемъ. «А все вышеписанное, говоритъ онъ, и *показуетъ* какіе шаги обстоятельствами правленія и примѣрами двора злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли.» «Вельможи, по его же словамъ, перестали быть совѣтниками государевыми, любовь къ отечеству убавилась, а самство и желаніе награжденія возрасло.»

Со временъ Елисаветы Петровны, кн. Щербатовъ былъ уже очевидцемъ совершавшагося паденія нравственности, могъ разказывать уже видѣнное и слышанное имъ самимъ, а не довольствоваться разказами другихъ лицъ. Потому, правленію Елисаветы, Петра III и Екатерины II посвящена самая значительная часть его сочиненія. Здѣсь же, притомъ, его трудъ получаетъ значеніе мемуаровъ. Вѣрные нашему плану, мы не будемъ останавливаться на множествѣ новыхъ и интересныхъ подробностей и разказовъ, представляемыхъ авторомъ, и ограничимся только общимъ изложеніемъ его взгляда на характеръ того или другаго правленія. Вотъ сужденіе кн. Щербатова о личномъ характерѣ и *умоначертаніи* Елисаветы Петровны: «Сія государыня изъ женскаго полу въ младости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра; отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, бывшій конференцъ-секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ прпроды веселаго нрава и жадно ищущая веселій, чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшеніями, лѣнива и надокучлива ко всякому требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣностію ея не токмо внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣты безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія

государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣскольку мѣсяцевъ за лѣностію ея подписать ея имя у нее лежали; роскошна и.... страстна, дающая иногда повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ нами власть монаршу сохраняла.» Показавъ вліяніе придворной роскоши на общественную нравственность, кн. Щербатовъ особенно выставляетъ на видъ одну новую ступень, на которую низошла русская женщина въ своемъ паденіи въ это время. «Мы можемъ положить сіе время, разказываетъ историкъ, началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей.» Въ то же время сильно увеличилось число незаконнорожденныхъ среди высшаго сословія. «Только сихъ..... дворянъ умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно. Лицыны, Ранцовы и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо по случаю или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что, кажется, хотятъ истребить часть законнаго рожденія, и незакрытно содержа метресъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостію закона, и моральнымъ правиламъ, и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы, толь обыкновенныя въ нынѣшнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.» Чрезвычайно много подробностей всякаго рода сообщаетъ кн. Щербатовъ о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Шуваловѣ, на котораго смотритъ не только какъ на корыстнаго администратора, но особенно какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ усиленія общественной безнравственности.

Кратковременное правленіе Петра III не могло противодѣйствовать общему направленію, еслибы въ немъ и заключались условія возможности подобнаго противодѣйствія, чего, къ сожалѣнію, не было. Напротивъ, къ прежнимъ причинамъ, которымъ объяснялось печальное состояніе общественной нравственности, присоединились еще новыя. У кн. Щербатова мы находимъ нѣсколько весьма характеристическихъ разказовъ о придворной жизни этого времени, и одного изъ нихъ, хотя напримѣръ разказа объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ появленіе знаменитой грамоты о дворянствѣ, вполнѣ достаточно для того, чтобы понять, чего можно было ожидать отъ правленія Петра III, еслибы оно продолжалось. Разказы кн. Щербатова служатъ полнымъ подтвержденіемъ и дополненіемъ разказовъ другаго близкаго свидѣтеля придворныхъ событій, друга

Екатерины II, княгини Дашковой. Въ личныхъ сужденіяхъ автора мы не находимъ ничего, что̀ противорѣчило бы общему голосу современниковъ.

Совершенно противоположнымъ характеромъ отличаются его разсужденія о царствованіи Екатерины II. Мнѣніе кн. Щербатова о личныхъ свойствахъ этой государыни не только не похоже на отзывы почти всѣхъ лицъ, болѣе или менѣе коротко ее знавшихъ, не только рѣзко противорѣчитъ тѣмъ описаніямъ ея характера, которыя оставлены намъ принцемъ де-Линемъ или Грибовскимъ, но отличается явною враждебностію, имѣетъ почти характеръ памфлета. Надобно знать отношенія кн. Щербатова къ Екатеринѣ II ближе, чѣмъ мы ихъ знаемъ, чтобы понять, откуда именно идетъ такое непріязненное воззрѣніе....

Свое сочиненіе кн. Щербатовъ заключаетъ мыслію о необходимости появленія государя, который своими нравственными достоинствами могъ бы противодѣйствовать общему развращенію. Кн. Щербатовъ не дожилъ, впрочемъ, до того времени, когда Александръ I осуществилъ бо̀льшую часть его желаній.

Мы старались изложить взглядъ кн. Щербатова на весь ходъ исторіи русскаго общества въ XVIII столѣтіи. Взгляду этому недостаетъ глубины и цѣльности, но этотъ недостатокъ общій всѣмъ историческимъ возрѣніямъ автора, и его причина заключается столько въ самомъ свойствѣ ума историка, сколько и въ отсутствіи предварительнаго, систематическаго изученія. Взглядъ кн. Щербатова своеобразенъ и несходенъ съ господствовавшими понятіями, но онъ не былъ исключительно только ему принадлежавшимъ. Во многомъ онъ совпадаетъ съ мнѣніями другихъ его современниковъ, выражая мысли извѣстной партіи. Самая непріязненность къ Екатеринѣ и ея учрежденіямъ встрѣчается не у одного кн. Щербатова, хотя ни въ комъ она не высказывалась такъ систематически и не простиралась такъ далеко въ безусловномъ порицаніи всего, что̀ сдѣлано было этой государыней. Многія установленія Екатерины II встрѣчались осужденіемъ со стороны лицъ, не понимавшихъ или не раздѣлявшихъ ея убѣжденій. Извѣстно какъ смотрѣло общество на основаніе Воспитательныхъ домовъ, считая за-

зорною службу при нихъ. Учрежденіе намѣстничествъ, перемѣны въ губернскомъ управленіи встрѣчены были также не безъ порицанія многими. Въ бумагахъ Сиверса, дѣлившаго труды Екатерины въ составленіи Губернскихъ учрежденій, находимъ мы любопытныя подтвержденія этому. Не одинъ кн. Щербатовъ съ негодованіемъ говорилъ о «надѣланныхъ» намѣстничествахъ и о правахъ дворянскихъ и городовыхъ, *испеченныхъ*, по его выраженію. Его осужденіе исходило только, быть-можетъ, изъ другихъ болѣе чистыхъ, если и столь же несправедливыхъ побужденій, чѣмъ осужденіе большинства лицъ, раздѣлявшихъ его мнѣніе.

Не единственнымъ защитникомъ является кн. Щербатовъ и аристократическаго начала. Голоса въ пользу ариктократіи и противъ смѣшенія сословій раздавались не только въ рядахъ потомковъ Рюрика или Гедимина,—они слышались также и отъ иностранцевъ, которымъ едва ли были извѣстны, а тѣмъ менѣе понятны мѣстническіе споры древней Россіи. Любопытный примѣръ представляетъ графъ Сиверсъ, которому такъ много обязана Россія.

Сиверса всего менѣе можно заподозрить въ презрѣніи къ низшимъ сословіямъ, въ аристократической исключительности и недоступности. Онъ былъ горячій противникъ помѣщичьихъ злоупотребленій, настойчиво требовалъ отмѣны неестественныхъ отношеній между благородными землевладѣльцами и земледѣльческимъ населеніемъ. Прежде всего Сиверсъ желалъ бы видѣть въ Россіи среднее сословіе, отсутствіе котораго онъ считалъ преградою для развитія народнаго благосостоянія, для силы и могущества государства, и тѣмъ не менѣе, тотъ же Сиверсъ совѣтуетъ императрицѣ поднять значеніе высшаго дворянства. «Великая монархія не можетъ существовать безъ сильнаго дворянства, имѣющаго почетные титулы, пишетъ онъ къ Екатеринѣ II. Равенство дворянства пагубно; мы видимъ это въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ. Почему Ваше Величество не можете раздавать званія герцоговъ, князей, графовъ, еще чаще маркизовъ, виконтовъ, бароновъ и даже баронетовъ?»

Аристократическій принципъ сроднился со всѣми политическими убѣжденіями кн. Щербатова, составляя одно изъ главнѣйшихъ ихъ основаній. Въ соединеніи съ негодованіемъ, воз-

буждаемымъ въ авторѣ современною безнравственностію и общимъ преклоненіемъ передъ золотымъ тельцомъ и матеріальными наслажденіями, онъ заставлялъ его съ любовію обращаться къ доброму, старому времени. Но не забудемъ, въ старинѣ прельщала кн. Щербатова прежде всего извѣстная постановка знатныхъ родовъ, завѣтная фраза «бояре приговорили», повторявшаяся въ каждомъ важномъ правительственномъ распоряженіи. Свое сочувствіе отдавалъ онъ, по преимуществу, только той особенности государственнаго быта XVI и XVII столѣтій, вслѣдствіе которой ни геніальныя способности, ни искусство и трудолюбіе не могли дать средствъ худороднымъ людямъ перешагнуть завѣтную ступень, отдѣляющую ихъ отъ *дѣтей отецкихъ*. Ошибутся тѣ, которые будутъ объяснять въ кн. Щербатовѣ эту склонность къ старинѣ нелюбовью или непониманіемъ плановъ Петра Великаго. Эта склонность шла исключительно изъ аристократическаго начала, такъ часто оскорбляемаго въ Россіи XVIII столѣтія. Въ олигархическомъ совѣтѣ шведскаго дворянства, кн. Щербатовъ почувствовалъ бы себя болѣе въ своей сферѣ, чѣмъ въ боярской думѣ царя Алексѣя Михайловича.

С. Ешевскій.

О ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Продолженіе.)

Освободившіяся общины получили, какъ мы сказали, различныя права. Нѣкоторыя имѣли вполнѣ самостоятельное управленіе, съ выборнымъ меромъ и цѣловальниками; въ другихъ, наслѣдственный меръ сдѣлался почти независимымъ отъ землевладѣльца; третьи, наконецъ, остались подъ непосредственнымъ управленіемъ господина. Земли, которыя прежде находились во владѣніи всего міра, теперь во многихъ мѣстахъ обратились въ полную собственность послѣдняго. Иногда господинъ сохранялъ на оныя нѣкоторыя права, иногда же, выдѣливъ себѣ участокъ, онъ предоставлялъ остальное въ полное распоряженіе общины. Право пользованія членовъ опредѣлялось приговорами сходки или мѣстнымъ обычаемъ; оно распредѣлялось то поголовно, то по величинѣ участковъ, находящихся въ личной собственности крестьянъ. Обыкновенно эти земли оставались въ нераздѣльномъ владѣніи общины; по обширнымъ пустырямъ паслись общественныя стада, къ которымъ міръ выбиралъ пастуховъ. Община назначала также сторожей къ лѣсамъ и другимъ угодьямъ; наконецъ, она выбирала изъ среды себя управляющихъ имуществами приходской церкви, les marguilliers, которые завѣдывали этимъ дѣломъ вмѣстѣ съ священникомъ.

Всѣ жители состояли во взаимномъ поручительствѣ для исполненія общественныхъ обязанностей. Подати раскладывались и сбирались выборными окладчиками и сборщиками, которые облагали каждаго по мѣрѣ имущества, при чемъ богатый оплачивалъ бѣднаго.

Такого же рода взаимность существовала и въ военныхъ повинностяхъ. Съ XII-го столѣтія община имѣла свою милицію, которая сбиралась вокругъ приходскаго знамени и шла въ походъ по призыву короля. Но уже въ XV-мъ вѣкѣ общинныя ополченія совершенно исчезаютъ. Въ замѣнъ этого Карлъ VII-й возложилъ на каждую общину обязанность выставить и содержать свободнаго стрѣлка (franc-archer). Это была первая попытка учредить постоянное войско; но по прежнему обычаю оно распредѣлялось еще по приходамъ. Способъ содержанія стрѣлковъ былъ тотъ же, какъ и при уплатѣ податей: всѣ члены состояли во взаимномъ поручительствѣ, и вся община отвѣтствовала за своего стрѣлка. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ военныхъ силъ исчезла и эта повинность; но въ послѣдствіи приходы снова обязаны были содержать милицію. Далѣе, королевскія постановленія возложили на общины преслѣдованіе и поимку преступниковъ, также съ отвѣтственностью всѣхъ жителей. Наконецъ, общины же должны были содержать пути сообщенія и нести разныя другія повинности, которыя излишне было бы вычислять. Вообще, каждый приходъ представлялся какъ недѣлимая единица, которой всѣ члены находились другъ съ другомъ въ самой тѣсной взаимной связи. Простой народъ назывался даже не иначе, какъ общиной, міромъ, le commun, gens du commun.

Это недѣлимое нравственное лицо находилось въ ближайшей зависимости отъ землевладѣльца. Хотя крѣпостная связь исчезла, но прежній господинъ остался верховнымъ судьею и управителемъ общины. Эти отношенія, составляя характеристическую черту той эпохи, представляютъ, между тѣмъ, примѣръ, который долженъ обратить на себя вниманіе всякаго мыслящаго человѣка. Государство, какъ мы сказали, не было еще достаточно развито, чтобы взять въ свои руки различныя отрасли общественнаго управленія; оно возлагало ихъ въ видѣ повинностей на общины и на землевладѣльцевъ. Такой порядокъ не былъ нововведеніемъ: и прежде уже господа съ помощью кресть-

янъ исправляли всѣ дѣла въ своихъ вотчинахъ. Нужно было только ограничить злоупотребленія силы, ввести существующую власть въ законные предѣлы, возложить на нее дѣйствительную отвѣтственность, однимъ словомъ, обезпечить права и государства, и подчиненныхъ. Такъ именно и старалось поступать французское правительство. Свободные поселяне остались подъ верховнымъ руководствомъ своего бывшаго господина. Онъ судилъ ихъ, онъ преслѣдовалъ преступниковъ, онъ обязанъ былъ исправлять дороги повинностью крестьянъ, онъ утверждалъ общинные приговоры. Такое положеніе дѣлъ могло казаться весьма удовлетворительнымъ. Правительство избавлялось отъ излишнихъ заботъ, которыя возлагались на людей съ высокимъ положеніемъ, на первое сословіе въ государствѣ. Высшіе, образованнѣйшіе классы, имѣя непосредственное вліяніе на подчиненныхъ, являлись наставниками и руководителями народа. По уничтоженіи крѣпостнаго права, между сословіями могла образоваться нравственная связь, основанная на взаимной любви, переходящая изъ поколѣнія въ поколѣніе. Такимъ образомъ, здѣсь можно было ожидать осуществленія тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя представляются иногда какъ высшій идеалъ общественнаго порядка.

А между тѣмъ результатомъ этихъ патріархальныхъ отношеній были бѣдственное положеніе народа, ненависть крестьянъ къ землевладѣльцамъ и безпрерывныя столкновенія, которыя разрѣшились, наконецъ, революціею. Дѣло въ томъ, что этотъ порядокъ страдалъ однимъ существеннымъ, неисправимымъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ учрежденіямъ подобнаго рода: управленіе общиною ввѣрено было тому же самому лицу, которое извлекало изъ подчиненныхъ свои частныя выгоды. Такое сліяніе общественнаго дѣла съ частнымъ, если оно не установляется единственно, какъ переходная форма общежитія, никогда не обходится безъ печальныхъ послѣдствій; самыя наглыя грабительства чиновниковъ не могутъ имѣть такого вліянія на общественный бытъ, какъ подобное господское управленіе. Ибо, во всякомъ случаѣ, выгоды, которыя чиновникъ извлекаетъ изъ своей должности, суть не болѣе какъ злоупотребленіе власти; это—частное нарушеніе признанной въ обществѣ нормы, и законъ все-таки остается въ своей чистотѣ, какъ высшій идеалъ

правды. Когда же самъ законъ соединяетъ общественную должность съ частнымъ барышемъ, тогда перепутываются всѣ нравственныя понятія народа, и всеобщее лихоимство становится необходимымъ послѣдствіемъ такого порядка. Кромѣ того, самая шаткость положенія чиновника допускаетъ возможность жалобы, исправленія; назначаемый временно отъ правительства, онъ всегда можетъ быть смѣненъ. Землевладѣлецъ же есть правитель наслѣдственный, слѣдовательно—безсмѣнный, не зависящій ни отъ правительства, ни отъ народа, и который поэтому можетъ безнаказанно притѣснять подвластныхъ ему людей.

Очевидный тому примѣръ представляютъ господскіе суды, существовавшіе во Франціи въ ту этоху, о которой мы говоримъ. Подобныя учрежденія естественно возбуждаютъ вопросъ: какъ должно смотрѣть на судью, какъ на чиновника, или какъ на владѣльца суда? Если онъ чиновникъ, онъ обязанъ находиться постоянно при мѣстѣ и лично отправлять правосудіе; если же онъ владѣлецъ, онъ можетъ отлучаться произвольно и передавать судъ въ руки своего повѣреннаго. Но первое предположеніе, очевидно, не можетъ быть допущено, ибо дворянину остается сидѣть въ своемъ помѣстьѣ и судить подчиненныхъ; государственная служба становится для него невозможною. Въ послѣднемъ же случаѣ исчезаютъ всѣ воображаемыя выгоды подобнаго учрежденія: здѣсь судитъ уже не членъ высшаго сословія, облеченный довѣріемъ правительства, не господинъ, между которымъ и подданными предполагается тѣсная связь взаимной любви, а лицо постороннее, наемникъ, который ищетъ только личнаго своего барыша. Такъ и случилось во Франціи. Дворяне находились въ постоянной отлучкѣ, на службѣ и при дворѣ; за нихъ судили управляющіе, которые не рѣдко завѣдывали и хозяйственными дѣлами господина. Эти повѣренные, обыкновенно, принимали на себя судебныя обязанности изъ барышей; ибо судья получалъ разные доходы, которыми можно было обогащаться, такъ что эта должность была для нихъ нѣчто въ родѣ коммерческаго предпріятія. Правительство, правда, старалось ограничить произволъ; оно предписывало господамъ давать жалованье судьямъ; оно требовало отъ кандитатовъ извѣстныхъ условій, напримѣръ юридическое образованіе. Но все это не помогало, ибо зло лежало въ самомъ корнѣ учрежденія.

Крестьянинъ никогда не могъ получить порядочной управы, особенно, когда онъ велъ тяжбу съ самимъ господиномъ. А это случалось не рѣдко, ибо существующія повинности служили поводомъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ. Процессы тянулись безконечно и служили источникомъ для грабительствъ всякаго рода. Къ этому присоединялись дробность владѣній и множество инстанцій, сохранившихся отъ прежней феодальной іерархіи. Если несчастный крестьянинъ, вмѣсто того, чтобы терпѣливо сносить притѣсненія, рѣшался тягаться за свои права, имущество его уходило въ руки мнимыхъ защитниковъ, и вмѣсто частной потери, онъ подвергался всеобщему разоренію. То были не сельскіе суды, говоритъ Луазо, а сельскія кормленія (mangeries de village). Поэтому, правительство принуждено было мало-по-малу ограничивать судебное право господъ и, наконецъ, совершенно отобрало его въ свои руки. Въ этомъ оно поступило согласно съ требованіями государственнаго права: судъ есть первый и важнѣйшій общественный интересъ, который поэтому не долженъ быть отчуждаемъ въ частныя руки.

Такимъ же образомъ отобраны были и полицейскія обязанности землевладѣльцевъ. Послѣдніе мало-по-малу лишились всякой политической власти въ общинѣ. Изъ всѣхъ старинныхъ преимуществъ, за ними остались только хозяйственныя подати и повинности; но и тѣ были до такой степени стѣснительны для крестьянъ, что выкупъ ихъ составлялъ важнѣйшую потребность государства.

Господскія права были необыкновенно разнообразны. Все, что̀ было порождено средневѣковымъ бытомъ, все, что̀ сильный могъ вынудить у слабаго, при заключеніи взаимныхъ условій, всѣ тѣ обязанности, которыя въ замкнутомъ владѣніи служили для удовлетворенія различныхъ потребностей владѣльца — все это, при освобожденіи, осталось на крестьянахъ въ видѣ опредѣленныхъ податей и повинностей. Первыя были денежныя и натуральныя; онѣ установлялись мѣстными обычаями, договорами, постановленіями законодательства, почему въ различныхъ мѣстахъ были различны. Исчислимъ главные виды. Прежде всего крестьянинъ платилъ господину цензъ, обыкновенно денежный, въ знакъ подчиненія. Когда же земельный участокъ

переходилъ въ другія руки, господинъ получалъ двойную сумму ценза, что̀ называлось droit de relief. При продажѣ имущества взималась подать, которая носила названіе lods et ventes, и состояла обыкновенно изъ $^1/_{12}$ части продажной суммы, рѣже изъ $^1/_6$ и $^1/_8$. Прежніе неопредѣленные налоги, taille a volonté, превратились теперь въ опредѣленные, taille abonnée. Иногда, впрочемъ, оставался и произвольный налогъ, но въ такомъ случаѣ онъ накладывался по совѣту и съ согласія лучшихъ людей общины. Обыкновенно, этотъ способъ окладки имѣлъ мѣсто при такъ-называемой taille aux quatre cas, которая взыскивалась въ четырехъ случаяхъ, установленныхъ средневѣковымъ обычаемъ, именно: когда господинъ дѣлался рыцаремъ, когда онъ предпринималъ крестовый походъ, въ случаѣ плѣна и при отдачѣ замужъ старшей дочери. Были, впрочемъ, и другіе, которые опредѣлялись различно въ различныхъ мѣстностяхъ. Все это было завѣщано ленною системою и сохранилось, въ видѣ финансовой привилегіи, даже когда старый порядокъ окончательно исчезъ. Далѣе, крестьянинъ давалъ десятину съ своихъ доходовъ въ пользу церкви, а равно и свѣтскимъ господамъ, которымъ этотъ налогъ былъ переданъ церковными установленіями въ видѣ наслѣдственнаго лена. Многіе также платили землевладѣльцу натурою выдѣлъ (champart) изъ всѣхъ сельскихъ произведеній, хлѣба, винограда, меду и проч. Обыкновеннымъ количествомъ выдѣльнаго хлѣба былъ 12-й снопъ. Наконецъ, существовали разные поборы скотомъ, курами, пѣтухами, домашними произведеніями, ежегодные, или при особенныхъ случаяхъ.

Къ податямъ и поборамъ присоединялись повинности (corvées), которыя раздѣлялись на пѣшія, конныя и повозы. Предметы ихъ были весьма разнообразны: обработка полей, рубка лѣсовъ, возка сѣна, починка зданій, стража у за̀мка. Все это опредѣлялось договорами; но кромѣ того оставались и произвольныя повинности, которыя назначались по совѣту лучшихъ людей общины. Обычай ограничилъ послѣднія двѣнадцатью днями въ годъ. Вообще же, личныя повинности были всегда для французскихъ крестьянъ одною изъ самыхъ ненавистныхъ обязанностей. Когда въ XVII и XVIII столѣтіяхъ правительство стало прибѣгать къ нимъ для исправленія путей сообщенія, эта мѣра

TAYLOR INST. OXFORD

произвела всеобщій ропотъ, и общественное мнѣніе громко требовало ея отмѣненія. Потому, самое законодательство старалось, по возможности, стѣснять и ограничивать крестьянскія повинности въ частныхъ имѣніяхъ, такъ что къ концу XVIII-го вѣка онѣ составляли уже исключеніе.

Господинъ взималъ и различныя пошлины: судебныя, свадебныя, торговыя разнообразнаго содержанія, дорожныя—за мосты и перевозы, наконецъ, со множества различныхъ дѣйствій, между прочимъ, съ точенія ножей.

Весь этотъ фискальный порядокъ увѣнчивался разными привилегіями, чрезвычайно стѣснительными для крестьянъ. Таковы были, происшедшія изъ средневѣковаго быта запрещенія (banalités): крестьяне извѣстнаго округа не могли молоть муку, печь хлѣбъ и жать виноградъ иначе, какъ на мельницѣ, въ печи и въ жомѣ, принадлежащихъ господину. Хотя обычай и договоры установляли опредѣленную плату за труды и разными условіями старались ограничить произволъ, однако, даже и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, крестьянинъ не могъ не страдать отъ подобной монополіи. Къ этой же категоріи относится и запрещеніе продавать вино въ продолженіе мѣсяца послѣ уборки винограда: въ этотъ срокъ исключительнымъ правомъ продажи пользовался господинъ. Наконецъ, одною изъ самыхъ ненавистныхъ привилегій было право охоты. Крестьянинъ не смѣлъ охотиться даже на своей землѣ, а господинъ имѣлъ право наѣзжать на поля подчиненныхъ. Чтобы дать просторъ прихотливой забавѣ, земледѣлецъ долженъ былъ оставлять свою пашню неогороженною, и цѣлыя жатвы, взлелѣянныя трудомъ, погибали иногда отъ нашествія охотниковъ. Мало того: даже на чужой землѣ господинъ могъ установлять для своей охоты заповѣдные лѣса, это называлось droit de garenne, и здѣсь, впрочемъ, законодательство постоянно вмѣшивалось благодѣтельнымъ образомъ, такъ что къ концу XVIII-го вѣка право охоты было уже значительно стѣснено.

Нѣкоторыя изъ повинностей вовсе не имѣли хозяйственнаго характера, а установлялись просто для потѣхи или въ знакъ подчиненія: средневѣковый рыцарь или госпожа, сидя въ своемъ замкѣ, для развлеченія заставляли иногда крестьянъ пѣть, плясать передъ собою, играть въ разныя игры, однимъ словомъ,

потѣшать скучающаго владѣльца. Подобныя обязательства и другія, столь же безсмысленныя, включены были въ договоры объ освобожденіи. Отсюда произошли самыя странныя повинности. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, новобрачные должны были прыгать черезъ широкій ручей, и платили штрафъ, въ случаѣ паденія; иногда подчиненный обязанъ былъ сдѣлать гримасу или непристойность. Существовала повинность, въ силу которой крестьяне однажды въ годъ приходили цѣловать замокъ у дверей своего господина,—другая, по которой они обязаны во время его сна бить въ пруду по водѣ, чтобы заставить молчать лягушекъ. Въ одномъ мѣстѣ владѣльцу привозился чижикъ, въ колесницѣ, запряженной четырьмя волами,—въ другомъ требовалось, чтобы крестьяне однажды въ годъ привозили извѣстной формы пирожокъ на буланой лошади, куцей и безъ ушей, въ сопровожденіи таковой же собаки. Разумѣется, подвластные неохотно исполняли всѣ эти безумныя требованія; но избавиться отъ нихъ нельзя было иначе, какъ за деньги. Такимъ образомъ, обычаи, установленные, повидимому, изъ чистой прихоти, становились источникомъ дохода, и все это окончательно падало на карманъ земледѣльца.

Понятно, что крестьяне не могли питать большаго сочувствія къ людямъ, которые стѣсняли ихъ такимъ образомъ. На каждомъ шагу свободная ихъ дѣятельность встрѣчала себѣ преграду, законную или беззаконную. Самые опытные юристы не въ состояніи были разобрать этотъ хаосъ, который, при осложненіи отношеній, при переходѣ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія, запутывался все болѣе и болѣе. Нѣкоторыя повинности были недѣлимы, такъ что, при дробленіи участковъ, всѣ владѣльцы должны были уплачивать ихъ собща. Другія, напротивъ, дѣлились до безконечности, такъ что крестьянину приходилось иногда платить сто девяносто шестую часть рабочаго дня или курицы. Къ этому присоединялись притѣсненія всякаго рода, ибо господинъ, какъ сильнѣйшій, всегда могъ требовать и вымогать лишнее. Крестьянамъ оставалось прибѣгать къ защитѣ центральной власти, что они и дѣлали постоянно. Такъ, въ 1667 г., овернское третье сословіе просило короля «положить предѣлъ притѣсненіямъ, которыя слабые терпятъ отъ сильныхъ. Послѣдніе, говорятъ просители, подъ предлогомъ

уплаты должныхъ оброковъ, требуютъ отъ обязанныхъ людей все, что имъ вздумается, отказываясь притомъ получать подати натурою и оцѣняя ихъ деньгами гораздо выше торговой цѣны..... и утверждая, что эти господскіе оброки даютъ имъ право на разныя повинности и работы, которыя они безъ всякаго юридическаго титула взыскиваютъ деньгами и натурою, притомъ съ такою жестокостью, что бо́льшая часть быковъ и другаго скота гибнетъ въ этой работѣ, почему земли остаются впустѣ, а владѣльцы ихъ не въ состояніи платить государственныхъ податей.» И это прошеніе было подано вскорѣ послѣ торжественнаго суда, который производился въ той же Оверни надъ злоупотребленіемъ господской власти.

Такое отношеніе сословій, естественно, вело къ постоянному вмѣшательству центральнаго правительства во всѣ мелочи мѣстной жизни. Тамъ, гдѣ въ обществѣ нѣтъ равновѣсія элементовъ, гдѣ одна сторона перетягиваетъ другую, въ явный ущербъ послѣдней, тамъ высшая власть необходимо должна явиться посредникомъ между обѣими, чтобы, въ силу общаго начала, воздержать излишнія притязанія первой и поддержать права слабѣйшаго. Но равновѣсіе жизненныхъ элементовъ возможно только при совершенно свободныхъ отношеніяхъ между людьми. Принудительная связь ведетъ либо къ владычеству одного сословія надъ другимъ, либо къ сильнѣйшему развитію централизаціи. Англійская аристократія, съ свойственнымъ ей практическимъ смысломъ, хорошо поняла это и взяла свои мѣры: чтобы сохранить владычествующее положеніе въ обществѣ, она дала крестьянамъ полную личную свободу, устранивъ, такимъ образомъ, всякій поводъ къ столкновеніямъ, жалобамъ и неудовольствіямъ. Въ другихъ странахъ, напротивъ, гдѣ свободныя отношенія не могли установиться, произошло одно изъ двухъ сказанныхъ послѣдствій. Такъ, напримѣръ, у насъ при слабомъ развитіи центральной административной власти до послѣдняго времени, низшее сословіе лишилось всякихъ гарантій; во Франціи же свобода крестьянъ шла рука объ руку съ развитіемъ централизаціи. Здѣсь правительственный агентъ былъ главнымъ заступникомъ земледѣльца; интендантъ полагалъ свой запретъ на притязанія господина, и, въ эпохи сильнаго развитія королевской власти, дворяне жало-

вались, что имъ трудно стало выигрывать тяжбы съ подчиненными. Такимъ образомъ, чиновникъ естественно сталъ высшимъ посредникомъ между сословіями. Въ Англіи, безземельные, но лично свободные крестьяне тѣснились около господствующей поземельной аристократіи и придавали ей вѣсъ и значеніе; во Франціи, многочисленное сословіе мелкихъ собственниковъ, утѣсняемыхъ дворянами, видѣло единственнаго защитника въ королѣ.

Нельзя не сказать, что французское дворянство вполнѣ заслужило постигшую его участь: оно само было виною и своего порабощенія чиновною властью, и послѣдующей гибели въ революціонныхъ смутахъ. Поставленное во главѣ мѣстнаго управленія, оно не умѣло или не хотѣло устроить оное въ виду благосостоянія подчиненныхъ, и употребляло свою власть единственно для преслѣдованія своекорыстныхъ цѣлей.

«Еслибы я, хотя на минуту, былъ законодателемъ Франціи, писалъ передъ самою революціею Англичанинъ Артуръ Юнгъ, какъ бы я заставилъ плясать этихъ вельможъ!» Но, за недостаткомъ общественнаго духа въ высшемъ сословіи, нельзя не обвинить законодательства въ жалкомъ положеніи крестьянъ. Послѣдніе полагали всю надежду на короля, но верховная власть принимала только частныя мѣры: окончательно она не умѣла развязать гордіевъ узелъ, завѣщанный стариною. Вообще, опредѣленныя обязательства крестьянъ, принудительныя отношенія, строго ограниченныя закономъ, служатъ естественнымъ выходомъ изъ полнаго укрѣпленія; это—посредствующая ступень, черезъ которую, при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, необходимо перейдти для достиженія полной свободы. Но не надобно забывать, что это только ступень, что цѣль все-таки достиженіе свободы. Поэтому, рядомъ съ опредѣленіемъ повинностей, должна быть установлена и возможность ихъ выкупа. Но послѣдняго французское правительство не хотѣло или не сумѣло сдѣлать. Оно довольствовалось бо́льшимъ и бо́льшимъ ограниченіемъ господскихъ правъ, бо́льшимъ и бо́льшимъ вмѣшательствомъ въ отношенія сословій. Окончательнаго же выхода изъ стѣсненнаго положенія оно не дало низшимъ классамъ, ибо боялось тронуть привилегіи высшаго. Революція показала, до какой степени этотъ разсчетъ былъ невѣренъ:

дворянство, которому правительство старалось угодить, не защитило короля въ минуту опасности, а земледѣльцы съ радостью примкнули къ перевороту, который разомъ покончилъ съ феодализмомъ. Такимъ образомъ, престолъ остался одинокъ, ибо онъ покинулъ надежную опору народной массы и хотѣлъ основать свою силу на шаткой почвѣ исключительныхъ привилегій.

Преимущества французскаго дворянства дѣйствовали пагубно на благосостояніе низшаго класса, не только прямо, но и косвенно. Общественная справедливость требуетъ, чтобы каждый гражданинъ, по мѣрѣ своихъ силъ, участвовалъ въ государственныхъ тяжестяхъ. Но во Франціи высшія сословія: дворянство и духовенство, не смотря на то, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась значительнѣйшая часть народнаго богатства, были почти совершенно избавлены отъ платежа податей. Все бремя ихъ падало на низшіе бѣднѣйшіе классы. Между тѣмъ, казна требовала больше и больше денегъ, ибо государство строилось и росло, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивались его нужды. Такимъ образомъ, фискальныя вымогательства становились все тяжеле для народа. Къ этому присоединялись и безразсудныя прихоти нѣкоторыхъ королей, которые добытыя истязаніями сокровища расточала на потребности роскоши и разврата. Много денегъ уходило и въ постороннія руки. При существующихъ неравенствахъ и привилегіяхъ, при безчисленныхъ корпораціяхъ, которыя запутывали управленіе, невозможно было установить нѣсколько раціональную финансовую систему и устроить правильную администрацію. Притомъ же служебная честность не могла стоять на высокой степени тамъ, гдѣ частное право на всѣхъ ступеняхъ жизни переплеталось еще съ государственнымъ, а общественное мнѣніе не было довольно развито, чтобы служить контролирующею силою. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, чтобы получить вѣрный доходъ, казна не рѣдко прибѣгала къ откупной системѣ податей. Но откупщики, имѣя въ виду только личное обогащеніе, вымогали у народа гораздо болѣе, нежели слѣдовало, и значительную часть налоговъ обращали въ собственную пользу. Правда, законодательство старалось дать бѣднымъ людямъ нѣкоторыя обезпеченія противъ злоупотребленій. Оно запрещало брать въ уплату податей имущество, необходимое въ крестьянскомъ быту, какъ-

то: скотъ и земледѣльческія орудія. Но эти благодѣтельныя предписанія слишкомъ часто нарушались, и земледѣлецъ разорялся до конца отъ казенныхъ поборовъ и отъ грабительства чиновниковъ.

Бремя податей еще болѣе увеличивалось для низшаго класса, вслѣдствіе того, что богатѣйшіе крестьяне имѣли всегда возможность избавиться отъ онаго. Если имъ не удавалось купить себѣ привилегію, они всегда могли переселиться въ города. Послѣднее обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо отъ него не рѣдко зависитъ распредѣленіе общественныхъ силъ въ государствѣ. Тамъ, гдѣ существуетъ крѣпостное состояніе, личный выкупъ можетъ иногда быть благодѣтельною мѣрою; но если, съ одной стороны, крестьянину представляется возможность получить полную личную свободу, а община, съ другой стороны, лишена средствъ улучшить свой бытъ, то нѣтъ сомнѣнія, что самая трудолюбивая часть народонаселенія выдетъ изъ общины, и положеніе остальныхъ сдѣлается хуже. Подобный примѣръ представляетъ намъ старая Франція. Сельскіе жители получили свободный доступъ въ города, общины же оставались подъ гнетомъ и господскихъ правъ, и разорительныхъ податей. Немудрено, что крестьянинъ старался обогатиться единственно для того, чтобы скорѣе переселиться въ городъ. Но чрезъ это увеличивалось бремя остальныхъ жителей села: при существовавшей въ то время системѣ податей, богатый платилъ за бѣднаго, а потому, когда самые зажиточные люди уходили изъ общины, средняя цыфра достатка понижалась, а на долю каждаго приходилась бо́льшая сумма налоговъ. Отсюда проистекало далѣе и низкое состояніе земледѣлія, которое можетъ процвѣтать только съ помощью капиталовъ. Наконецъ, за бѣдностью необходимо шло и невѣжество, ибо только матеріальныя средства давали человѣку способъ получить нѣкоторое образованіе. Оставаясь въ селахъ, зажиточные крестьяне своимъ сосѣдствомъ дѣйствовали благотворно и на остальныхъ; удаленіемъ своимъ, они затворяли для своей братьи двери просвѣщенія. Такимъ образомъ, возможность личнаго переселенія богатыхъ людей въ города, при недостаткѣ всякаго рода обезпеченія для сельскихъ жителей, вела къ ненормальному развитію городовой жизни на счетъ сельской. Един-

ственное противодѣйствіе этому стремленію состояло въ открывшейся возможности пріобрѣтать поземельную собственность. Участокъ земли былъ для крестьянина такою приманкой, которая вознаграждала его за многія лишенія и привязывала его къ земледѣльческому хозяйству.

Разумѣется, фактическое положеніе крестьянъ въ продолженіе этого періода не всегда оставалось на одинаковой степени. Времена внутреннихъ смутъ и плохаго управленія отзывались бѣдственнымъ состояніемъ народа, и наоборотъ, когда королевская власть, сознавая свое историческое значеніе, твердою рукою устроивала государство, благоденствіе низшихъ классовъ возрастало съ удивительною быстротою. Царствованія Карла V-го, Людовика XII-го, Генриха IV-го особенно памятны въ исторіи сельскаго сословія. Послѣдній обратилъ главное свое вниманіе на земледѣліе, которое министръ его Сюлли считалъ важнѣйшимъ источникомъ народнаго богатства. Къ несчастію, скопленныя трудами сокровища быстро исчезали среди смутъ и подъ гнетомъ управленія, которое держалось на придворныхъ интересахъ и имѣло въ виду удовлетворить расточительности правителей. Въ окончательномъ своемъ результатѣ, королевская власть во Франціи оказалась несостоятельною. Никогда она не достигала такого величія, какъ при Людовикѣ XIV-мъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда бѣдствіе народа не простиралось до такихъ размѣровъ, какъ во вторую половину его царствованія. То было время перелома для старой монархіи; отсюда начинается постепенное ея паденіе. Безпрерывныя войны, порожденныя безмѣрнымъ властолюбіемъ, неимовѣрная роскошь, поглощавшая огромныя суммы, деспотическое управленіе, которое послѣ Кольбера быстро склонилось къ упадку, отмѣненіе Нантскаго эдикта, которое лишило Францію самой богатой и промышленной части народонаселенія, наконецъ, голодъ, моръ — все это породило страшныя бѣдствія, которыхъ описаніе превосходитъ всякое вѣроятіе. Цѣлыя массы людей обречены были на нищенство или даже просто на голодную смерть. Богатство страны истощалось съ каждымъ годомъ, народонаселеніе уменьшилось на нѣсколько милліоновъ.

Въ какомъ положеніи находилась Франція въ началѣ XVIII вѣка, можно видѣть изъ записки, которую г. Вобанъ подалъ

королю въ 1704 году: «По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я могъ собрать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, писалъ знаменитый инженеръ, я могъ замѣтить, что въ послѣднее время десятая часть народа обращена въ нищихъ и дѣйствительно нищенствуетъ; что изъ девяти прочихъ частей, пять не въ состояніи подать милостыню первымъ, ибо сами они находятся почти въ томъ же положеніи; что изъ четырехъ остальныхъ частей, три стѣснены въ своихъ дѣлахъ и обременены долгами и тяжбами; и наконецъ, что изъ послѣдней десятой части, въ которую я кладу всѣхъ военныхъ людей, всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, духовныхъ и свѣтскихъ, все высшее и среднее дворянство, знатныхъ купцовъ, богатыхъ мѣщанъ, нельзя разсчитывать на сто тысячъ зажиточныхъ семействъ, и я не ошибусь, сказавши, что нѣтъ изъ нихъ десяти тысячъ, большихъ и малыхъ, которыхъ состояніе было бы вполнѣ обезпечено, и что, исключивши должностныя лица, ихъ родственниковъ и приверженцевъ, а равно и людей, которыхъ король поддерживаетъ своими благодѣяніями, нѣсколько купцовъ и проч., мы получимъ весьма незначительный остатокъ. Честь и совѣсть, продолжаетъ Вобанъ, побуждаютъ меня представить Его Величеству, что по моему мнѣнію, во Франціи никогда не имѣли должнаго уваженія къ низшимъ классамъ, и что до сихъ поръ ихъ не довольно у насъ цѣнили. Оттого это наиболѣе разоренная и несчастная часть государства. А между тѣмъ она самая значительная, какъ по своему числу, такъ и по дѣйствительнымъ своимъ заслугамъ, ибо она несетъ на себѣ всѣ тяжести, она всегда страдала и страдаетъ больше всѣхъ; на нее же падаетъ и уменьшеніе народонаселенія въ государствѣ. Низшій классъ народа своимъ трудомъ, торговлею и податями обогащаетъ и короля, и государство; онъ доставляетъ солдатъ, матросовъ и множество офицеровъ; изъ него исходятъ купцы и мелкіе судебные чиновники; онъ занимается промыслами и ремеслами; въ его рукахъ торговля и фабрики; къ нему принадлежатъ земледѣльцы, виноградари и сельскіе работники; онъ стережетъ и кормитъ стада, онъ сѣетъ хлѣбъ и жнетъ его, онъ воздѣлываетъ виноградъ и выдѣлываетъ изъ него вино; однимъ словомъ, онъ исправляетъ всю крупную и мелкую работу въ селахъ и городахъ.»

Въ этихъ словахъ одного изъ величайшихъ гражданъ Франціи слышится уже предвозвѣстіе 89-го года. Въ продолженіе всей французской исторіи, третье сословіе постоянно росло; теперь оно, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, начинаетъ предъявлять притязанія на первенствующее значеніе въ обществѣ. Но король не думалъ удовлетвореніемъ справедливыхъ требованій предотвратить опасности, которыя должны были обрушиться на его потомство. За смѣлую записку Вобанъ впалъ въ немилость, и прежній порядокъ продолжался. Царствованіе Людовика XV-го, хотя болѣе мирное, не могло, разумѣется, исправить глубоко вкоренившееся зло. Однако, въ половинѣ XVIII-го вѣка замѣчается въ обществѣ новое сильное движеніе: мысль зашевелилась, начинаютъ обсуждаться вопросы, всѣ дѣятельно принимаются за работу, благосостояніе растетъ съ каждымъ годомъ. При Людовикѣ XVI-мъ, казалось, сама государственная власть хотѣла слѣдовать за этимъ пробужденіемъ общественнаго духа. Приняты были многія мѣры, которыя обѣщали Франціи лучшую будущность. Однако и здѣсь правительство не сумѣло воспользоваться обстоятельствами. Вмѣсто того, чтобы энергическою дѣятельностью выбиться изъ старой колеи, оно подвергалось безпрерывнымъ колебаніямъ, и общественное движеніе, которое могло имѣть мирный и благодѣтельный исходъ, кончилось кровавымъ переворотомъ. Тѣмъ не менѣе литература второй половины XVIII-го вѣка приготовила разрѣшеніе многихъ существенныхъ вопросовъ жизни. Изъ писателей того времени, которые занимались положеніемъ низшихъ классовъ, первое мѣсто безспорно принадлежитъ экономистамъ. Они не только создавали новыя тооріи государственнаго хозяйства, но обращали особенное вниманіе на существующія явленія жизни. Подъ ихъ вліяніемъ образовалось во Франціи множество обществъ сельскаго хозяйства, которыя сообщили сильный толчекъ этой отрасли промышленности; по ихъ мысли были созваны Людовикомъ XVI-мъ провинціальныя собранія депутатовъ, которыя обсуждали всѣ важнѣйшіе вопросы, касавшіеся до благосостоянія края. Самые вельможи, дотолѣ большею частію проживавшіе при дворѣ, отправились въ свои помѣстья и предались земледѣльческимъ занятіямъ. Экономическое положеніе Франціи было обсмотрѣно

со всѣхъ сторонъ, недостатки были выставлены въ яркомъ свѣтѣ, и указаны средства къ исправленію. Экономисты проповѣдывали свободу промышленности и требовали отмѣненія мѣръ, стѣснявшихъ внутреннюю торговлю хлѣбомъ и виномъ; они указывали на недостатокъ путей сообщенія, который препятствовалъ сбыту; они требовали всеобщей кадастраціи государства и правильнаго распредѣленія податей, что̀ и было отчасти исполнено; они выставляли всю невыгоду господскихъ правъ, которыя стѣсняли свободу крестьянской собственности и тяжкимъ бременемъ падали на низшіе классы. Такимъ образомъ, съ одной стороны, правительство побуждалось къ преобразованіямъ, съ другой стороны, общество̀ возбуждалось къ дѣятельности.

Въ это время возникъ вопросъ и объ общинномъ пользованіи землею. Французскія общины, какъ мы уже сказали, получили съ вольностью значительныя владѣнія. Вслѣдствіе насилій и плохой администраціи, многія изъ этихъ земель, въ смутныя времена, перешли въ частныя руки. Однако, правительство настояло на возвращеніи ихъ прежнимъ хозяевамъ, и, для предупрежденія дальнѣйшей расточительности, запретило отчуждать ихъ безъ своего разрѣшенія. Но теперь возникло сомнѣніе: не будетъ ли выгоднѣе раздѣлить эти земли между членами общины? Къ этому присоединился вопросъ объ отмѣненіи права пастбища. Послѣднее сдѣлалось предметомъ всеобщихъ нареканій: утверждали, что успѣшное сельское хозяйство невозможно, пока хлѣбопашцу не позволено огораживать свое поле. Повинуясь общему голосу, правительство разрѣшило огораживаніе участковъ, и тѣмъ оказало земледѣлію значительное благодѣяніе. Что̀ касается до общинныхъ земель, то пренія были весьма жаркія. Мѣстныя собранія трехъ сословій обсуждали вопросъ со всѣхъ сторонъ; однако, вообще, результатъ совѣщаній былъ неблагопріятенъ для общиннаго владѣнія. Нѣкоторыя провинціи, напримѣръ Беарнъ, совершили у себя раздѣлъ, и послѣдствія оправдали эту мѣру, ибо благосостояніе жителей было тамъ несравненно выше, нежели въ другихъ областяхъ. Правительство, съ своей стороны, пыталось идти среднею дорогой: такъ въ 1769 г. разрѣшено было общинамъ Трехъ Епископствъ раздѣлить свои земли на отдѣльные участки, но послѣдніе были объявлены недѣлимыми и неотчуждаемыми; они должны были переходить въ

видѣ маіоратства къ старшему сыну владѣльца или къ тому изъ сыновей, котораго назначалъ отецъ; въ случаѣ недостатка прямыхъ наслѣдниковъ, участокъ возвращался общинѣ, а та отдавала его одному изъ хозяевъ, не получившихъ еще земли. Однако, эта попытка не имѣла послѣдствій. Революція положила конецъ спору; свобода повлекла за собою и частную собственность, въ которой французскій крестьянинъ видитъ лучшее обезпеченіе своего труда. Въ 1792 г., законодательное собраніе предписало раздѣлить всѣ общинныя земли между хозяевами. Конвентъ въ слѣдующемъ году отдалъ это дѣло на волю самимъ общинамъ. Но при этомъ было постановлено, что трети голосовъ достаточно для законности приговора. Наконецъ, Наполеонъ предоставилъ рѣшеніе вопроса муниципальнымъ совѣтамъ, которые до послѣдняго времени выбирались изъ зажиточныхъ людей. До сихъ поръ, однако, французскія общины сохранили значительныя владѣнія, и на это жалуются сельскіе хозяева. Замѣчаютъ, что тѣ общины, которыя произвели у себя раздѣлъ, находятся въ лучшемъ положеніи, нежели остальныя. Лаверн утверждаетъ даже, что пока во Франціи общинныя земли не будутъ розданы въ руки частныхъ собственниковъ, земледѣліе не можетъ достигнуть въ ней такого цвѣтущаго состоянія, какъ въ Англіи и Шотландіи, гдѣ уже совершился этотъ переворотъ.

Въ царствованіе Людовика XVI-го уничтожены были въ королевскихъ владѣніяхъ послѣдніе остатки крѣпостнаго права. По этому случаю въ 1779 г. изданъ былъ указъ, въ которомъ было сказано:

«Имѣя постоянно въ виду все, что можетъ благопріятствовать счастью нашихъ подданныхъ, и полагая главную свою славу въ томъ, чтобы править свободнымъ и благороднымъ народомъ, мы не могли безъ огорченія видѣть остатки крѣпостнаго состоянія, которые существуютъ еще въ нѣкоторыхъ нашихъ провинціяхъ; мы скорбѣли, при мысли, что многіе изъ нашихъ подданныхъ, привязанные къ землѣ, считаются ея принадлежностью и, такъ-сказать, смѣшиваются съ нею; что, лишенные личной свободы и выгодъ собственности, они сами считаются въ числѣ феодальныхъ владѣній; что они не имѣютъ утѣшенія распоряжаться своимъ имуществомъ послѣ смерти, и, за исклю-

ченіемъ нѣкоторыхъ случаевъ, строго опредѣленныхъ, не могутъ даже передать дѣтямъ добытое собственнымъ трудомъ; что подобныя установленія препятствуютъ развитію промышленности и лишаютъ общество плодовъ той энергіи въ работѣ, которая можетъ быть внушена только чувствомъ свободнѣйшей собственности.

«Имѣя въ виду всѣ эти соображенія, мы желали бы уничтожить, безъ различія, всѣ эти слѣды строгаго феодализма; но состояніе нашихъ финансовъ не дозволяетъ намъ выкупить это право изъ рукъ господъ. Удерживаясь, такимъ образомъ, уваженіемъ, которое мы всегда будемъ питать къ праву собственности, надежнѣйшей опорѣ порядка и справедливости, мы усмотрѣли, однако, съ удовольствіемъ, что, сохраняя неприкосновенными эти начала, мы можемъ совершить часть желаннаго добра, уничтоженіемъ крѣпостныхъ правъ, не только во владѣніяхъ, находящихся въ нашихъ рукахъ, но и въ тѣхъ, которыя отданы подъ залогъ королями, нашими предшественниками. . . и чтобы побудить, во сколько отъ насъ зависитъ, господъ и общины къ послѣдованію нашему примѣру, также считая это освобожденіе, не столько отчужденіемъ права, сколько возвращеніемъ къ праву естественному, мы изъяли всѣ подобные акты отъ тѣхъ формальностей и пошлинъ, которымъ подчинила ихъ старинная феодальная строгость. Наконецъ, если высказанныя нами начала не позволяютъ намъ уничтожить безъ разбора крѣпостное состояніе, мы считаемъ, однако, что есть въ употребленіи этого права крайность, которую мы не можемъ не остановить, именно право преслѣдованія, въ силу котораго господа взыскивали иногда на свободныхъ земляхъ нашего государства, и даже въ самой нашей столицѣ, имущества и пріобрѣтенія гражданъ, давно вышедшихъ изъ мѣста укрѣпленія,—право чрезвычайное, которое судилища колебались признать, и которое начала общественной справедливости не дозволяютъ намъ долѣе терпѣть. Наконецъ, мы съ удовольствіемъ увидимъ, если нашъ примѣръ и любовь къ человѣчеству, столь свойственная французскому народу, приведутъ во время нашего царствованія къ полному уничтоженію крѣпостной зависимости нашихъ подданныхъ, которые, въ какомъ бы состояніи ни родились по волѣ Провидѣнія, составляютъ постоянный

предметъ нашего попеченія и имѣютъ равное право на нашу защиту и на наши благодѣянія.»

Уваженіе къ свободной дѣятельности общества, высказывающееся въ этомъ указѣ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ похвалы. Но оно совершенно неумѣстно въ такомъ порядкѣ, гдѣ немногимъ лицамъ принадлежатъ права, которыя наносятъ ущербъ другимъ. Въ такихъ случаяхъ правительство должно имѣть достаточно силы, чтобы заставить могучихъ людей смириться предъ требованіями общественной справедливости. Филантропическія воззванія Людовика XVI-го не служили ни къ чему. Иначе какъ принудительными мѣрами нельзя было склонить французское дворянство къ уступкамъ. Привязанность высшихъ сословій къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ ясно высказалась въ 1776 году, когда сочиненіе противъ господскихъ правъ, писанное по внушенію министра Тюргò, было публично сожжено парламентомъ. Этотъ духъ корысти и нетерпимости подался только при наступленіи революціи, когда весь старый порядокъ шатался уже до самыхъ основаній. Тогда лишь, но слишкомъ поздно, повинуясь силѣ неотразимыхъ событій, воодушевленное мгновеннымъ энтузіазмомъ, французское дворянство сложило всѣ свои права на алтарь отечества. Это совершилось въ памятную ночь 4-го августа 1789 года.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ИНДІЙСКОЕ ВОЗСТАНІЕ,

ЕГО ПРИЧИНЫ И ПОСЛѢДСТВІЯ.

—

Англія представляетъ такъ много прекраснаго, начиная съ ея превосходно воздѣланной почвы до швейной иглы и стальнаго пера, начиная съ полной почти свободы промышленности, торговли и печати до упорнаго консерватизма, что въ виду этихъ важныхъ и неоспоримыхъ преимуществъ, нѣтъ никакой надобности, говоря объ ней, принимать на себя неблагодарную роль присяжнаго панегириста и тщательно прикрывать ея слишкомъ явные грѣхи. Это было бы тѣмъ болѣе неумѣстно, что постоянная безкровная борьба ея политическихъ партій, по необходимости, приводитъ ихъ то къ безпощаднымъ самообличеніямъ, то къ вольнымъ и невольнымъ исповѣдямъ, раскрывающимъ глубокія общественныя язвы края и какъ бы выставляющимъ ихъ на всемірный судъ. Не сама ли Англія, устами корифеевъ своей новѣйшей литературы и громадными сборниками парламентскихъ донесеній, ознакомила насъ съ страшнымъ положеніемъ низшихъ классовъ своего населенія? Не сама ли она подымаетъ въ журналахъ сотни голосовъ противъ запутанности, медленности и дороговизны судопроизводства, во многихъ случаяхъ недоступнаго для небогатыхъ, то-есть, для огромнаго большинства? Не сама ли она, по поводу Восточной войны, раскрыла передъ нами совсѣмъ неожиданную картину административной безурядицы. Не сама ли, два года тому назадъ, ввела насъ въ закулисныя тайны своего управленія въ Индіи, обнаруживъ въ основаніи его цѣлую систему пытокъ,—систему хоть и не англійскаго изобрѣ-

тенія, однако все же отчасти падающую на тѣхъ, кто ее допускалъ и молча пользовался ею?

Но если, при такихъ громкихъ самообличеніяхъ, стороннему человѣку не приходится впадать въ сплошной панегиризмъ, то они же налагаютъ на него священную обязанность разборчиво принимать возгласы, часто внушаемые ожесточеніемъ политической борьбы и, вслѣдствіе того, преувеличенные, ставящіе спорный вопросъ въ ложномъ свѣтѣ, сводящіе причину зла на какое-нибудь одно, и при томъ часто второстепенное обстоятельство, тогда какъ причина, очевидно, многосложна и коренится глубоко.

Если для сужденій объ индійскомъ возстаніи взять за источникъ рѣчи, произносимыя на многихъ митингахъ, или статьи нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ журналовъ, то, разумѣется, выйдетъ, что Англичане только сосали кровь изъ Индіи, нисколько не заботясь о благосостояніи края; но эта ужасная картина, для которой можно подобрать многія, пожалуй даже неоспоримыя черты, будетъ существенно ложна въ основаніи, потому именно, что упуститъ изъ виду, вопервыхъ, смягчительныя обстоятельства, представляемыя историческимъ ходомъ дѣла, а вовторыхъ, то благотворное дѣйствіе, которое владычество Англичанъ имѣло по крайней мѣрѣ на нѣкоторые классы туземцевъ, сравнительно съ подавляющимъ деспотизмомъ, тяготѣвшимъ надъ Индіею въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ.

Упомянувъ о пыткахъ, употребляемыхъ въ Англо-индійскихъ владѣніяхъ для бездоимочнаго сбора податей и надѣлавшихъ вездѣ столько шуму въ послѣдніе два года, мы, разумѣется, далеки отъ мысли возлагать отвѣтственность за нихъ на Англію. Система пытокъ вполнѣ принадлежитъ тому продолжительному курсу туземнаго воспитанія, который выдержанъ Индійцемъ, сперва подъ вліяніемъ религіозной тираніи браминовъ, а потомъ подъ игомъ магометанскихъ завоевателей. Едва ли нужно припоминать, къ какого рода торжественнымъ зрѣлищамъ съ малолѣтства привыкаетъ благочестивый Индусъ. Съ какимъ, напримѣръ, спокойнымъ любопытствомъ смотритъ онъ на изувѣра, который, продѣвъ себѣ крюкъ за ребро или за спинной столбъ, раскачивается на вѣсу, не оказывая ни малѣйшаго чувства страданія! Гораздо менѣе извѣстно, какое страшное примѣненіе свѣтской пытки вытерпѣли Индійцы подъ монголь-

скимъ владычествомъ. Въ началѣ минувшаго столѣтія, бенгальскій Набобъ Мершидъ Али Ханъ обыкновенно наряжалъ неисправныхъ взносчиковъ податей въ длинные, широкіе кожаные шальвары, наполненные живыми кошками. Иногда онъ поилъ ихъ буйволовымъ молокомъ, съ солью, до тѣхъ поръ, пока они не дойдутъ до совершеннаго изнеможенія отъ разстройства въ желудкѣ. Кнутъ ходилъ по спинамъ несчастныхъ безъ отдыха; то вѣшали ихъ головою внизъ и били по пятамъ палками, то держали въ этомъ положеніи подъ водой, то выставляли нагихъ на палящее солнце, то привязывали къ пальмовому дереву, намазывая имъ все тѣло медомъ, для приманки красныхъ муравьевъ, то водили на веревкѣ по огромной помойной ямѣ, нарочно для того наполненной всѣмъ, что̀ ни есть самаго отвратительнаго!

Такіе или подобные имъ пріемы существуютъ въ различныхъ областяхъ Индіи до сихъ поръ, и—что̀ всего печальнѣе—простой народъ, благодаря этимъ обычаямъ, дошелъ до такого нравственнаго уничиженія и разврата, что смотритъ на понудительныя мѣры, какъ на совершенную необходимость при сборѣ податей: онъ думаетъ, что не слѣдъ и платить, пока не принудятъ. Надо замѣтить, что тѣлесное наказаніе вообще принадлежитъ къ самымъ укоренившимся обычаямъ въ Индіи: господа колотятъ слугъ, родители дѣтей, начальники подчиненныхъ, и это такъ вездѣ принято, что никого уже не удивляетъ. Въ простонародныхъ комедіяхъ всего болѣе нравится зрителямъ часто повторяемая сцена вымогательства податей, копѣйка за копѣйкой, посредствомъ приличнаго истязанія. Индійскій крестьянинъ (ройотъ), по свидѣтельству многихъ достойныхъ вѣры Англичанъ, до того привыкъ къ этому порядку, что иногда явится къ сборщику съ деньгами, но не отдастъ ихъ, если тотъ не пригрозитъ ему какъ слѣдуетъ. Случается, что крестьянинъ приноситъ полную сумму взноса, но разложитъ ее по разнымъ карманамъ и кисамъ, съ тѣмъ, чтобы выкладывать взносъ частицами, смотря по степени заданной острастки. Англо-индійскіе законы давно запретили подобное вымогательство; но запрещеніе осталось набумагѣ, а укоренившійся обычай, по прежнему, беретъ верхъ въ дѣйствительности.

И много такихъ своенародныхъ обычаевъ, много такихъ освященныхъ стариною золъ, по необходимости унаслѣдовали Ан-

гличане съ перваго появленія своего въ Индіи. До какой степени они старались смягчить или устранить ихъ, мы увидимъ при дальнѣйшемъ изложеніи предмета; но намъ необходимо прежде бросить бѣглый взглядъ на страну и древнихъ ея обитателей: иначе нельзя составить себѣ понятія о трудностяхъ, съ какими пришлось бороться Англичанамъ.

Теперь уже доказано, что Индусы не первобытные жители занятаго ими края. Это—отрасль великаго арійскаго племени, вторгшаяся въ Индію съ сѣвера. Всѣ преданія, всѣ древніе памятники указываютъ на сѣверную часть Индостана, какъ на сѣдалище браминскаго вѣроученія и законодательства, называя эту страну Аріявартой, или священною землей, и полагая ей предѣломъ хребетъ Гималая (т. е. снѣжный) къ сѣверу и хребетъ Виндъя (т. е. разорванный) къ югу. По крайней мѣрѣ за тысячу лѣтъ до Рождества Христова уже существовали въ этой «священной землѣ» двѣ, если не болѣе, могущественныя державы, въ которыхъ, судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ древне-санскритской литературы, процвѣтали наука, искусство и образованность. Столицами этихъ державъ были Айодъя, или Аудъ, и Пратистана, или Витора.

Хребетъ Виндъя раздѣляетъ Индію на двѣ огромныя части: къ сѣверу отъ него широко раскинулся Индостанъ, а къ югу идетъ, суживаясь, Деканъ, образующій родъ обширнаго полуострова, обрамленнаго вдоль береговъ горными цѣпями Гатовъ. У самой оконечности южнаго Декана лежитъ островъ Цейлонъ. Въ одной изъ эпическихъ поэмъ сѣверной Индіи, въ Рамаянѣ, воспѣвается походъ аудскаго царя Рамы противъ великановъ Цейлона или, по древнему, Ланки. Царь этого острова похитилъ у Рамы жену; раздраженный супругъ осадилъ столицу своего соперника и, послѣ разныхъ превратностей счастья, овладѣлъ ею съ помощью цѣлаго войска обезьянъ. Мы упомянули объ этомъ только потому, что нынѣшнее распредѣленіе индійскихъ племенъ вполнѣ подтверждаетъ древнюю сагу о существованіи сильнаго царства Индусовъ на сѣверѣ и о завовательномъ походѣ, предпринятомъ ими на югъ.

Первобытные обитатели края были только отчасти истреблены Индусами, преимущественно въ сѣверной его полосѣ; бо́льшая часть ихъ уцѣлѣла, но подпала различнымъ степенямъ зависи-

мости и угнетенія. На сѣверъ отъ Виндійскаго хребта, въ собственномъ Индостанѣ, слѣды ихъ, послѣ трехтысячелѣтняго владычества побѣдителей, изгладились болѣе всего; однакожь, и здѣсь легко еще отличить кореннаго туземца по тѣлосложенію, языку и нравамъ. На югъ же отъ Виндійской цѣпи завоеватели успѣли выдвинуть лишь нѣсколько поселеній, которыя обыкновенно встрѣчаются въ приморскихъ и низменныхъ равнинахъ, не представлявшихъ первобытнымъ обитателямъ такой защиты, какъ внутренніе гористые и нагорные края. Здѣсь-то сохранились они всего болѣе, и разсѣяны по всему пространству Декана и прилежащихъ къ нему острововъ.

Всѣ коренные жители Индіи, на сколько они теперь извѣстны, принадлежатъ къ отрасли тамульскихъ или дравидскихъ племенъ. Индусы придали имъ разныя, отчасти бранныя названія: Куліи, Паріи, Меры, Мины, Билли, Рамузи, Хонды, Туды и т. д. Имя Парій знакомѣе намъ всѣхъ другихъ, потому что Европейцы обозначаютъ имъ низшую касту Индусовъ; но послѣдніе весьма часто употребляютъ его для всѣхъ народовъ, не принадлежащихъ къ арійскому племени и состоящихъ, слѣдовательно, внѣ всякой касты. Мы не войдемъ теперь въ подробности объ этихъ племенахъ, предоставляя себѣ поговорить объ нихъ при болѣе удобномъ случаѣ: ограничимся на этотъ разъ только замѣчаніемъ, что, помимо совершенной дикости многихъ изъ первобытныхъ народовъ Индіи, одно уже разнообразіе языковъ и нарѣчій, употребительныхъ въ этомъ краѣ, необыкновенно затрудняло и затрудняетъ Англичанъ въ успѣшномъ проведеніи большей части мѣръ благоустроенной администраціи. Представьте, что въ одной сѣверной части Индіи, въ Индостанѣ, гдѣ господствуетъ вѣтвь санскритскихъ языковъ, насчитываютъ пять главныхъ ея подраздѣленій и болѣе осьмидесяти разныхъ нарѣчій или діалектовъ. Въ южной половинѣ края, то-есть въ Деканѣ, отрасль тамульскихъ языковъ также распадается на нѣсколько главныхъ группъ, съ великимъ множествомъ еще малоизвѣстныхъ доселѣ нарѣчій.

Не забудемъ, что англійскому владычеству въ Индіи непосредственно предшествовало, въ теченіе двухъ слишкомъ вѣковъ, господство такъ-называемыхъ Монголовъ. Столкновенія съ магометанскимъ міромъ начались у Индусовъ еще въ исходѣ VII

вѣка; въ XI загорѣлась между ними и султанами Газны, въ Афганистанѣ, почти безпрерывная борьба; а когда, въ началѣ XVI столѣтія, Афганистанъ подпалъ власти воинственныхъ потомковъ Тамерлана, то вслѣдъ за тѣмъ и Индія должна была покориться господству среднеазіатскихъ завоевателей, распространившихъ въ ней, вмѣстѣ съ магометанствомъ, оффиціальное употребленіе персидскаго языка. Нужно ли говорить, сколько новыхъ элементовъ розни, взаимнаго недовѣрія и нравственнаго разврата посѣяло это новое иго на безъ того уже разорванной и дряблой почвѣ Индійскаго полуострова?

Присоедините къ этому обширность страны, превосходящей величиною треть цѣлой Европы, знойный тропическій климатъ, недостатокъ путей сообщенія, свирѣпую дикость или многовѣковую развращенность туземцевъ, совершенную противоположность ихъ взглядовъ и понятій съ европейскими, и вы получите краткій очеркъ тѣхъ главныхъ препятствій, съ которыми предстояло бороться англійскому владычеству.

Излишняя строгость взгляда на дѣйствія Англичанъ въ Индіи проистекаетъ часто отъ того, что, соображая предлежавшую имъ многотрудную задачу, въ томъ видѣ, какъ она выяснилась мало-по-малу уже гораздо позже, совершенно забываютъ при этомъ слабые начатки первоначальнаго предпріятія, вовсе не соотвѣтствовавшіе размѣрамъ этой задачи, да нисколько и не имѣвшіе ея въ виду. Развѣ Англичане явились въ Индіи въ первый разъ съ готовою мыслью покорить ее своей власти, усвоить ее міру европейской гражданственности? Ни чуть не бывало: идя, можно сказать, ощупью по слѣдамъ Голландцевъ, они, въ самомъ началѣ XVII вѣка, завели для торговли съ Индіей небольшую компанію, наровнѣ съ такими же компаніями для торговли русской, турецкой, мѣховой. Начавъ съ маленькихъ торговыхъ конторъ или факторій, они постепенно, нечувствительно и часто даже противъ воли вовлечены были въ такую громадную борьбу цивилизаціи съ варварствомъ, которая подъ силу только всему европейскому міру.

Но, узнавъ наконецъ всю важность принятой ими на себя задачи, какъ пошли они къ ея разрѣшенію?

Не будемъ говорить о раннихъ періодахъ дѣятельности остъ-индской компаніи, которая, начавъ въ 1600 году съ скромнымъ капиталомъ въ *тридцать* тысячъ фунтовъ стерл., сперва основала въ Индіи и на сосѣднихъ островахъ нѣсколько факторій или укрѣпленныхъ купеческихъ конторъ, а потомъ, обороняя и расширяя мало-по-малу свои торговыя заведенія, явилась, къ концу втораго вѣка своего бытія, владѣтельницею такого обширнаго края, что защита его и управленіе имъ уже превышали мѣру силъ частнаго общества и потребовали содѣйствія государственной власти. Компанія, получавшая прежде до 200 процентовъ чистаго барыша и неоднократно ссужавшая деньгами правительство, теперь, при неожиданномъ расширеніи подвластныхъ ей земель, сама была вынуждена занять у него 1,400,000 фунт. стерл. И въ парламентѣ и въ обществѣ раздались, по этому случаю, сильныя жалобы на злоупотребленіе дарованныхъ Компаніи монополій и на безсовѣстные поступки ея съ индійскими племенами и владѣльцами. Начальникъ компанейскихъ войскъ въ Индіи, лордъ Клейвъ, даже отданъ былъ подъ судъ, однакожь оправданъ. Конечно, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній, Адамъ Смитъ высказалъ ту вѣрную мысль, что «управленіе, состоящее исключительно изъ компаніи купцовъ, есть, можетъ-быть, самое худшее изъ всѣхъ управленій для какого бы то ни было края». Напрасно Фоксъ хотѣлъ устранить вліяніе короны, предлагая поручить верховную власть надъ Индіей семи избраннымъ отъ парламента каммиссарамъ; послѣ долгихъ и жаркихъ преній, утвержденъ планъ Питта: составить при министерствѣ блюстительный совѣтъ (board of control) для главнаго надзора за индійскими дѣлами; предоставить королю назначеніе жалованья генералъ-губернатору и другимъ высшимъ правительственнымъ лицамъ; наконецъ, дозволить тайному комитету изъ трехъ директоровъ Компаніи совѣщаться съ блюстительнымъ совѣтомъ и рѣшать дѣла безъ вѣдома другихъ членовъ директоріи. Акціонеры, которые давно уже не получали болѣе осьми процентовъ дивиденда, сдѣлались съ тѣхъ поръ безгласными, а управленіе остъ-индскими дѣлами—тайною министерства. Блистательныя побѣды и завоеванія Гастингса кончились въ 1785 году тѣмъ, что долгъ Компаніи увеличился на $12^1/_2$ милліоновъ фунт. стерл., и проценты этого долга превы-

шали доходъ со всѣхъ вновь покоренныхъ областей. Вообще, компанейскіе расходы тогда уже не покрывались приходомъ, а между тѣмъ Англичане, служившіе въ Индіи, страшно обогащались: разумѣется, все это падало на бѣдный, угнетаемый народъ. Вина Компаніи состояла въ томъ, что она назначала своимъ агентамъ самое ничтожное содержаніе, и тѣмъ самымъ вызывала ихъ вознаграждать себя безсовѣстнымъ грабежомъ.

Преемникъ Гастингса на генералъ-губернаторскомъ постѣ, лордъ Корнваллисъ, много сдѣлалъ для облагороженія англо-индійскаго управленія. «Съ умомъ государственнаго человѣка и щедростью знатнаго барина, говоритъ г. Вальбезанъ (Valbezen), онъ понялъ, что единственное средство подсѣчь зло въ самомъ корнѣ, дать агентамъ силу противиться соблазнительнымъ искушеніямъ, окружавшимъ ихъ со всѣхъ сторонъ, состояло въ томъ, чтобъ назначить за службу въ Индіи такое большое жалованье, какого не даютъ нигдѣ въ мірѣ. Этимъ же способомъ можно было привлечь туда отличныхъ молодыхъ людей, почерпнувшихъ въ кругу почтенныхъ семей своихъ надежныя правила нравственности, — такихъ молодыхъ людей, которые до тѣхъ поръ обыкновенно уклонялись отъ компанейской службы. Таковы были въ то время путевыя опасности и лишенія, такъ дурна была репутація служащихъ, такія мелочныя и исключительно торгашескія были ихъ занятія, что къ услугамъ Компаніи являлись только проходимцы, готовые искать счастія, какимъ ни на есть путемъ. Изъ нихъ выдавались иногда великіе государственные люди: лордъ Клейвъ и Варренъ Гастингсъ, своей удатной смѣлостью, своимъ глубокимъ знаніемъ характера туземцевъ, положили широкія основы зданію англійскаго могущества въ Индіи; но даже эти высокіе умы, удаленные отъ Англіи съ самаго дѣтства, большею частію утратили тѣ честныя побужденія, ту ненависть къ обману и лжи, ту нравственную щекотливость, безъ которыхъ нѣтъ истинно значительнаго человѣка въ европейскомъ обществѣ. Поэтому, если, разсматривая ихъ поступки, мы повстрѣчаемъ такіе, которыхъ не одобритъ и самая снисходительная нравственность, то слѣдуетъ при этомъ подумать не только объ успѣхѣ, многое оправдывающемъ, но и о той растлѣнной и растляющей средѣ, въ которой жили они съ издѣтства.

«Когда лордъ Корваллисъ прибылъ въ Индію, Компанія не была уже только товариществомъ купцовъ, и не торговыя дѣла, а интересы другаго рода должны были преимущественно занимать ея непосредственныхъ представителей. Въ теченіе тридцати лѣтъ, побѣды Клейва и Гастингса доставили Англіи на Востокѣ такую державу, которая богатствомъ и обширностью ни сколько не уступала завоеваніямъ Кортеса и Пизарро. Гражданскимъ агентамъ Компаніи предстояла уже не перемѣрка сукна, не взвѣшиваніе селитры, но исполненіе многотруднѣйшихъ обязанностей, какія только могутъ пасть на общественнаго человѣка. Давать судъ милліонамъ людей, различныхъ по языку и нравамъ, управлять многосложною системою податнаго сбора въ округахъ, равняющихся цѣлымъ европейскимъ королевствамъ, поддерживать порядокъ и власть закона среди испорченнаго населенія, быть вмѣстѣ и судьею, и администраторомъ, и финансовымъ дѣльцомъ, и дипломатомъ, и часто даже воиномъ — таковы были разнородныя обязанности, лежавшія на гражданскихъ чиновникахъ Компаніи, и отъ ихъ безкорыстія, ихъ способности, ихъ усердія должна была зависѣть судьба Англіи на Востокѣ.» Лордъ Корнваллисъ назначилъ служащимъ въ Остъ-Индіи самое роскошное содержаніе, и этотъ штатъ оставался неизмѣннымъ до 1830 года, когда лордъ Вилльямъ Бентинкъ нѣсколько сократилъ его. Кромѣ того, лордъ Корнваллисъ старался, по возможности, и прямо устранять злоупотребленія, введенныя агентами Компаніи во вредъ туземнымъ промышленникамъ и торговцамъ.

Не такъ удачна, хотя, быть-можетъ, не менѣе благонамѣренна, была важная перемѣна, произведенная имъ въ крестьянскомъ быту, въ положеніи многочисленнаго и бѣднаго класса *рейотовъ*. Повидимому, съ незапамятныхъ временъ земля въ Индостанѣ считалась общею собственностью государя и народа, такъ что извѣстная доля дохода съ каждой волости или дачи шла въ казну, а все остальное принадлежало сидѣвшему на ней люду. Эти землевладѣльцы, или пользователи, никогда не живали въ одиночку: соединеніе, товарищество составляетъ на Востокѣ необходимое условіе для обезпеченія взаимной обороны. Каждая волость была тщательно размежевана съ другими, и какъ всѣ владѣвшіе въ ней участками жили въ городѣ или въ де-

ревнѣ, расположенныхъ большею частію посереди, то это и образовало родъ самостоятельной общины, которой всѣ отношенія къ правительству ограничивались только взносомъ опредѣленнаго съ земли оклада. Деревня собираетъ подать, слѣдующую въ казну, и суммы, необходимыя на мѣстныя потребности; она содержитъ свою собственную полицію и во множествѣ случаевъ творитъ судъ и расправу надъ своими членами. Для этихъ и разныхъ другихъ общественныхъ цѣлей, въ каждой индусской деревнѣ есть нѣсколько должностныхъ лицъ. Голова, *патиль*, распредѣляетъ и собираетъ подати, отдаетъ въ кортому земли, оставшіяся безъ владѣльца и, вообще, отправляетъ должность судьи. Счетчикъ, *патвари*, завѣдываетъ всѣми писцовыми граматами, въ которыхъ подробно обозначены участки и ихъ владѣльцы. Онъ же ведетъ частные счеты деревенскихъ обывателей и, вообще, заступаетъ мѣсто маклера или писца. Сторожъ, или *пикъ*, наблюдаетъ за сохранностію межъ и плодовъ земныхъ, а сверхъ того служитъ головѣ въ качествѣ главнаго полицейскаго. Въ отправленіи послѣдней должности помогаетъ ему весь его родъ, такъ какъ всѣ деревенскія должности наслѣдственны въ извѣстныхъ семействахъ. Кромѣ этихъ трехъ главныхъ лицъ, обыкновенно есть въ деревнѣ мѣняло, онъ же и серебряникъ,потомъ молельщикъ, звѣздочетъ—одинъ изъ двухъ послѣднихъ отправляетъ вмѣстѣ и должность учителя, — далѣе: кузнецъ, плотникъ, кожевникъ, горшечникъ и цырюльникъ; въ большей части деревень найдешь, сверхъ того, портнаго, прачку, лѣкаря, музыканта и проч., а на югѣ еще и плясунью. Всѣ они получаютъ извѣстную долю общаго дохода для своего содержанія.

Деревенскіе жители, вообще, называются рейотами, а сборщики слѣдующей съ нихъ казенной подати извѣстны подъ персидскимъ именемъ *земиндаровъ*, конечно водворившимся въ Индіи съ эпохи монгольскаго владычества.

Чтобъ обезпечить исправный сборъ казенныхъ податей, лордъ Корнваллисъ придумалъ сдѣлать этихъ баскаковъ помѣщиками, а рейотовъ обратилъ въ срочныхъ кортомщиковъ!

Не знаемъ, улучшился ли съ того времени сборъ податей, но что не улучшилось положеніе бѣдныхъ рейотовъ, на это имѣемъ мы многія доказательства. Вотъ, между прочимъ, что̀, че-

резъ полвѣка послѣ этихъ преобразованій, говорилъ въ «Эдинбургскомъ обозрѣніи» одинъ изъ защитниковъ постояннаго поземельнаго оклада (permanent settlement), въ томъ видѣ, какъ установилъ его лордъ Корнваллисъ: «Въ Индіи, точно такъ же, какъ въ южной и западной Ирландіи, находимъ мы густое населеніе, почти исключительно земледѣльческое, и въ обѣихъ странахъ господствуетъ система мелкихъ арендныхъ участковъ (cottiêr system). Въ обѣихъ, земля снимается часто не изъ первыхъ рукъ, а переходитъ чрезъ цѣлую лѣствицу посредниковъ; въ обѣихъ замѣтно между крестьянами сильное совмѣстничество получить землю непосредственно въ свои руки, и въ обѣихъ, благодаря этому совмѣстничеству, крестьянское сословіе, вообще, обречено пробавляться *самомалѣйшею* долею того, что̀ оно производитъ, — долею, которая достаточна лишь для поддержанія жизни бѣдняка и для распложенія при немъ семьи, ради горшаго нищенства... Въ Индіи, какъ и въ Ирландіи, поземельный доходъ постоянно клонится къ чрезмѣрности (there is a constant tendency in rent to be excessive), то-есть, другими словами, къ тому, чтобы поглотить часть заработной платы и часть прибыли отъ капитала; потому что народъ въ сущности прикрѣпленъ къ землѣ (practically tied to the soil), и каждый рвется, на перебой, выручить себѣ изъ нея хоть кусокъ хлѣба [1]).» Далѣе, тотъ же остроумный защитникъ англо-индійской политики, стараясь оправдать ее отъ взводимыхъ на нее обвиненій, слагаетъ всю вину на невѣжественность и безпечность народной массы. Но при этомъ невольно приходитъ на мысль, что вѣдь лучшимъ, прямымъ путемъ къ выходу, какъ изъ земледѣльческаго застоя, такъ и изъ невѣжественной безпечности, было бы развитіе промышленныхъ силъ края въ мануфактурахъ, заводахъ и фабрикахъ, тѣмъ болѣе, что еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ туземцы снабжали своими тканями не только сосѣдніе азіатскіе народы, но и Европейцевъ. Къ сожалѣнію, эта вѣрная мысль остается неприложимою на дѣлѣ, потому что интересы англійскаго фабриканта прямо сталкиваются здѣсь съ интересами Индіи, и Компанія не

---

[1]) Edinburgh Review, January 1840, стр. 403.

только не покровительствовала туземнымъ фабрикамъ, но безпошлиннымъ ввозомъ своихъ домашнихъ издѣлій въ короткое время разорила эти фабрики въ конецъ.

Среди часто слышимыхъ возгласовъ о полной свободѣ торговли и промышленности, иной читатель, быть-можетъ, удивится, что мы осмѣливаемся поднять свой слабый голосъ въ пользу покровительства, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ, для развитія силъ народныхъ, оно представляется совершенно необходимымъ. Но, вопервыхъ, не должно забывать, что полной свободы торговли и промышленности не существуетъ еще нигдѣ въ мірѣ, и что это лишь отдаленная цѣль, къ которой направляются народы въ своемъ историческомъ шествіи, а вовторыхъ, что̀ прикажете дѣлать въ такихъ случаяхъ, когда, какъ теперь въ Индостанѣ, свобода торговли, при подавляющемъ соперничествѣ Англичанъ, видимо задерживаетъ страну въ исключительно-земледѣльческомъ состояніи, которое давитъ само себя отсутствіемъ другихъ широкихъ путей народной дѣятельности?

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ОСОБЕННОСТИ НОВАГО СВѢТА.

(Изъ записокъ нѣмецкаго выходца).

—

Чрезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Нью-Іоркъ, я познакомился съ однимъ поселившимся тамъ англійскимъ врачемъ, который принялъ во мнѣ весьма живое участіе и непремѣнно хотѣлъ быть мнѣ полезнымъ. Онъ старался всѣми силами познакомить меня съ людьми, имѣвшими значеніе въ городѣ, и заинтересовать ихъ въ мою пользу. Отъ доктора я узналъ, что эти господа даже собирались для совѣщанія о томъ, какія средства нужно будетъ пустить въ ходъ, чтобы доставить мнѣ профессуру въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній Соединенныхъ Штатовъ, и если благія намѣренія первыхъ американскихъ друзей моихъ остались безъ исполненія, то виноватъ въ этомъ только я самъ. Мнѣ надоѣлъ безплодный идеализмъ германской жизни, и, желая отдѣлаться отъ него во что̀ бы то ни стало, я на первыхъ порахъ пребыванія своего въ Америкѣ впалъ въ противоположную крайность. Еще на кораблѣ я твердо рѣшился посвятить себя на томъ берегу какому-нибудь матеріальному промыслу, и всего менѣе желалъ носить въ Новомъ Свѣтѣ профессорскій титулъ, который въ послѣднее время и въ Германіи пользовался такимъ двусмысленнымъ почетомъ. Съ радостью ухватился я за первый представившійся мнѣ случай превратиться въ новаго человѣка, и чрезъ нѣсколько дней вступилъ въ компанію съ двумя нѣмецкими мыловарами.

Когда я сообщилъ это обстоятельство, какъ fait accompli, одному изъ новыхъ друзей своихъ, извѣстному въ Нью-Іоркѣ

адвокату, то можно было замѣтить, что оно не только озадачило, но даже оскорбило его. Много труда стоило мнѣ объяснить ему причины, побудившія меня дѣйствовать такимъ образомъ. «Вы соціалистъ, сказалъ онъ наконецъ, я нѣтъ.—«Надѣюсь, однакожь, замѣтилъ я, что мое новое занятіе не лишитъ меня вашей дружбы.»—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но согласитесь, что, будучи мыловаромъ, вы должны ограничить свое знакомство людьми, принадлежащими къ подобному кругу.»—«Въ такомъ случаѣ васъ, Американцевъ, можно упрекнуть въ общественныхъ предразсудкахъ, которыя даже у насъ, Европейцевъ, начинаютъ терять свою силу.» — «Можетъ быть, но отчего же и намъ не имѣть своихъ предразсудковъ, если другіе люди имѣютъ ихъ.» — «А что̀ скажутъ, если мнѣ удастся нажить мыловареннымъ заводомъ полмилліона доллеровъ? Вы сами знаете, что въ Нью-Іоркѣ это дѣло не совсѣмъ невозможное.» — «Скажутъ, что вы богатый мыловаръ, и больше ничего.» Я увѣренъ, что этотъ человѣкъ дѣйствительно желалъ мнѣ добра, и нахожу весьма естественнымъ, что онъ не могъ усвоить себѣ образа мыслей, съ которымъ я пріѣхалъ изъ Европы. Конечно, въ его взглядѣ на вещи было много индивидуальнаго, или, лучше сказать, это былъ взглядъ особеннаго аристократизма образованности и профессіи, который существуетъ и въ Америкѣ. Онъ готовъ было открыть мнѣ доступъ въ свою среду, а я предпочелъ ему грязную и вонючую мастерскую. Удивительно ли послѣ этого, что меня сочли за шута и человѣка съ дурнымъ вкусомъ? Вообще, мнѣ кажется, что въ Соединенныхъ Штатахъ общественное мнѣніе осуждаетъ всякаго, кто не стремится къ высшей, доступной для него степени. Общественный духъ отличается какимъ-то особеннымъ соединеніемъ аристократическаго и демократическаго направленія. Здѣсь ищутъ равенства не внизу, а вверху, изъ демократическихъ побужденій сочувствуютъ каждому, кто успѣлъ возвыситься надъ другими, и, наоборотъ, теряютъ всякое уваженіе къ тому, кто отстаетъ во всеобщей гоньбѣ за успѣхомъ. Худо уже и то, когда человѣкъ не въ состояніи поспѣть за другими, но если онъ отстаетъ добровольно, то это прямо относится къ его стыду; онъ, нѣкоторымъ образомъ, оскорбляетъ общество, не уважая того, что̀ всего болѣе уважается общественнымъ мнѣніемъ. *Возвыситься*,

во что бы то ни стало — вотъ въ чемъ заключается самая сущность сѣверо-американской морали. Отставать добровольно считается *безнравственнымъ*. Стóитъ только усвоить себѣ этотъ взглядъ, чтобы понять множество особенностей въ характерѣ американской жизни. Принимая въ соображеніе случай, подавшій мнѣ поводъ къ этимъ размышленіямъ, мнѣ могутъ замѣтить, что подъ возвышеніемъ все-таки нельзя разумѣть ничего инаго, кромѣ пріобрѣтенія богатства. Но я не согласенъ съ этимъ. Конечно, Европеецъ не ошибается, полагая, что въ Соединенныхъ Штатахъ дѣйствительное или мнимое богатство, или же занятіе, ведущее самымъ близкимъ и вѣрнымъ путемъ къ пріобрѣтенію богатства, имѣетъ болѣе значенія въ опредѣленіи общественнаго положенія человѣка, чѣмъ въ бóльшей части европейскихъ странъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что общественное мнѣніе, уважая богатство, съ одной стороны, какъ результатъ успѣшной дѣятельности, съ другой стороны, какъ средство къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, въ то же время равнодушно къ способу, которымъ оно пріобрѣтено, и къ умѣнью пользоваться имъ. Я даже почти увѣренъ, что при этомъ гораздо менѣе обращается вниманія на нравственную сторону вопроса, чѣмъ на таланты, послужившіе средствомъ къ достиженію цѣли. Общественное мнѣніе въ Америкѣ еще очень мало выработано въ томъ отношеніи, что оно, вообще, измѣряетъ достоинство по *успѣху*. Тѣмъ не менѣе, однакожь, значительный успѣхъ, достигаемый дарованіемъ, мужествомъ и вообще всякими душевными преимуществами, ставится несравненно выше успѣха, достигаемаго посредствомъ грязной экономіи, бездарнаго труда или слѣпаго случая. Конечно, справедливо и то, что подъ успѣхомъ, по которому измѣряется достоинство трудовъ въ области ума, здѣсь почти всегда разумѣютъ восторженные клики публики, неспособной къ вѣрной оцѣнкѣ, и еще болѣе матеріальныя выгоды, получаемыя отъ этихъ трудовъ; но все-таки это не лишаетъ ихъ права на уваженіе къ высшему ихъ значенію. Въ этомъ выражается только наивное сознаніе публики, что она еще не умѣетъ судить и, за неимѣніемъ другаго критеріума, держится купеческаго правила, что цѣна каждой вещи опредѣляется по доставляемой ею выгодѣ. Но если писатель, художникъ, медикъ, адвокатъ или

политикъ пріобрѣтетъ сто тысячъ долларовъ, то здѣшнее общественное мнѣніе навѣрно поставитъ его выше мыловара, нажившаго полмилліона.

Я не имѣю въ виду знакомить читателя съ частностями положенія, въ которое я былъ поставленъ выборомъ своей профессіи, и вовсе не коснулся бы этого обстоятельства, еслибъ оно не дало мнѣ повода высказать нѣсколько общихъ замѣчаній объ американской жизни. Чтобъ не нарушить связи моего разказа, достаточно упомянуть, что первый мой salto mortale изъ нѣмецкаго идеализма въ американскій реализмъ оказался неудачнымъ. Въ началѣ мая 1850 г., я сѣлъ въ вагонъ и покатился по желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Нью-Іорка въ Вашингтонъ и далѣе на югъ.

Въ одно прекрасное послѣ-обѣда я прибылъ въ главный союзный городъ Соединенныхъ Штатовъ, и первымъ долгомъ моимъ было осмотрѣть его съ наружной стороны. Люди, одѣтые въ черное платье, съ озабоченными лицами, въ которыхъ ясно выражалось сознаніе собственнаго вѣса, попадались мнѣ на каждомъ шагу на улицѣ, пролегающей между капитоліемъ и «бѣлымъ домомъ»[1]). По всему видно было, что я попалъ въ самый центръ американской политики. Троттуары, предъ дверьми гостинницы, были уставлены креслами, на которыхъ, растянувшись и покачиваясь, сидѣли джентельмены такого же вида, какъ вышеописанные—все законодатели, судьи, генералы, полковники, адвокаты, искатели политическихъ должностей, люди, добивающіеся патентовъ, заключающіе контракты, требующіе вознагражденія за понесенные убытки и, вообще, — имѣющіе какое нибудь дѣло до конгресса или правительства.

Извѣстно, что Вашингтонъ построенъ по плану, который, колоссальными размѣрами своими, при недостаткѣ соотвѣтствующаго числа жителей и домовъ, подалъ поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ насчетъ этого города. Его называютъ городомъ великолѣпныхъ разстояній и, поостроумному выраженію одного англійскаго путешественника, имѣющему болѣе глубокій смыслъ, городомъ великолѣпныхъ предначертаній. Нельзя не согласиться, что въ обоихъ отношеніяхъ, городъ Вашингтонъ можетъ служить представителемъ характера Соединенныхъ Штатовъ. Но

---

[1]) Жилищемъ президента.

какъ въ жизни страны, не взирая на страшную разницу, замѣчаемую иногда между огромнымъ масштабомъ проектовъ и весьма скромными размѣрами ихъ выполненія, все-таки есть много величаваго, грандіознаго; такъ и главному городу ея нельзя отказать въ какомъ-то наружномъ величіи, которое, можетъ-быть, и заключается именно въ этихъ намекахъ на невыполненныя предположенія. Мнѣ кажется, что великія намѣренія и ожиданія, какъ выраженіе безграничной увѣренности народа въ своихъ силахъ, имѣютъ уже сами по себѣ что-то поражающее, хотя бы исполненіе и не всегда имъ соотвѣтствовало. Къ тому же примѣры въ родѣ Санъ-Франциско показываютъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ трудно напередъ опредѣлить границу возможнаго для *великихъ* цѣлей.

Кратковременное пребываніе мое въ Вашингтонѣ повело меня къ сношеніямъ съ нѣкоторыми людьми, занимающими первыя мѣста въ Союзѣ. Само собою разумѣется, что эти сношенія были, такъ-сказать, мгновенныя, а потому читатель можетъ ожидать отъ меня только поверхностныхъ замѣчаній объ этихъ людяхъ. Если я позволю себѣ, въ послѣдствіи, мимоходомъ упомянуть объ нихъ, то развѣ только для того, чтобъ имѣть поводъ къ какому-нибудь болѣе общему замѣчанію.

Доступность оффиціальныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій въ Соединенныхъ Штатахъ, и именно въ главномъ городѣ Союза, который составляетъ общую національную собственность, и гдѣ каждый гражданинъ страны имѣетъ право отчасти считать себя какъ бы хозяиномъ, изумительна для Европейца. Отсутствіе неудобствъ, которыя во всякомъ другомъ мѣстѣ были бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ подобнаго порядка, принадлежитъ къ числу прекраснѣйшихъ впечатлѣній, оставляемыхъ жизнью этой страны, гдѣ, въ другихъ сферахъ, встрѣчается еще такъ много грубаго и незрѣлаго. Химера отвлеченнаго приличія и достодолжнаго почтенія, съ которою соразмѣряются въ Европѣ различныя степени покорности и которая породила нѣчто въ родѣ низкопоклонства, здѣсь совершенно неизвѣстна. Двери общественныхъ зданій открыты всѣмъ и каждому, и смѣшно было бы ожидать предъ ними часоваго. Въ присутственныя мѣста входятъ въ шляпахъ, садятся гдѣ и какъ кому удобно, и никто не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія. При этихъ

случаяхъ, безъ всякой церемоніи можно быть представлену лицамъ, занимающимъ высшія должности въ государственномъ управленіи и, такимъ образомъ, познакомиться съ замѣчательнѣйшими личностями Союза, а если нужно и переговорить съ ними о дѣлахъ. Возможность такой доступности объясняется нѣкоторыми прекрасными привычками Американцевъ, которыхъ мы тщетно стали бы искать въ Европѣ, или, по крайней мѣрѣ, на материкѣ Европы. Американецъ не болтливъ и не крикливъ въ выраженіи своихъ мыслей. Что̀ ему нужно сказать, онъ скажетъ коротко, ясно, опредѣленно, спокойно, и рѣдко возвыситъ при этомъ голосъ. Не слишкомъ громкій разговоръ считается условіемъ приличія даже между необразованными классами американскаго народа. На самомъ отдаленномъ Западѣ, на крайнихъ предѣлахъ цивилизаціи, отъ людей, которые въ Германіи принадлежали бы къ крестьянскому сословію какой-нибудь малоизвѣстной провинціи, мнѣ случилось однажды слышать замѣчаніе, что такой-то нѣмецкій принцъ не «джентельменъ», потому что онъ громко говорилъ за столомъ въ гостинницѣ. Выставляя эту черту, какъ достоинство въ отношеніи къ политической жизни, я готовъ однакожь допустить, что за такою скупостью на слова и педантическою тишиною кроется скудость идей, бѣдность фантазіи и недостатокъ душевной теплоты, которыя распространяютъ скуку въ общественной жизни. Для жителя европейскаго материка подобныя манеры несносны даже въ характерѣ Англичанъ, и онъ смѣется надъ ними, при каждомъ удобномъ случаѣ. Но я говорю здѣсь не о любезности американскаго характера, а о сообразности его съ требованіями политической жизни, и что̀ въ этомъ отношеніи примѣняется къ политической жизни, то же самое повторяется и въ торговлѣ, и во всѣхъ дѣловыхъ отношеніяхъ вообще. Многословіе и громогласіе континентальнаго Европейца въ дѣловыхъ разговорахъ здѣсь совершенно неизвѣстно, и если излишняя живость выраженія, по привычкѣ къ ней, не обращала прежде на себя вашего вниманія, то, поживъ нѣсколько времени въ Соединенныхъ Штатахъ, вы тотчасъ же узнаете новичка, по совершенно излишнему и крикливому многословію, которое онъ считаетъ необходимымъ для вразумленія своего собесѣдника и для достиженія своей цѣли,

Житель европейскаго материка такъ же одностороненъ въ этомъ отношеніи, какъ и Американецъ, только въ противоположную сторону. Первый не кстати допускаетъ болтливый тонъ обыкновенной житейской бесѣды въ дѣловыхъ отношеніяхъ; послѣдній такъ же точно не кстати переносить въ обыкновенныя житейскія отношенія сухой тонъ дѣловаго разговора, который ведетъ къ цѣли самымъ простымъ, прямымъ и короткимъ путемъ. Но я уже и прежде замѣтилъ, что въ человѣческомъ характерѣ есть свойства, которыя не уживаются между собою. Во всѣхъ странахъ можно повѣрить наблюденіе, что люди, въ характерѣ которыхъ преобладаютъ практическія привычки, обыкновенно говорятъ не много и не громко, между тѣмъ какъ теоретики и идеалисты, по большей части, бываютъ болтуны и крикуны. Это замѣчаніе, сдѣланное относительно отдѣльныхъ лицъ, кажется, можетъ быть примѣнено и къ народамъ.

«Поѣдемъ сегодня вечеромъ къ президенту», сказалъ мнѣ однажды послѣ обѣда мистеръ Стефанъ Пирль Андрузъ, который въ то время завѣдывалъ въ Нью-Іорскихъ вѣдомостяхъ отдѣломъ сенатскихъ преній. Это было въ одинъ изъ назначенныхъ дней, когда у президента Соединенныхъ Штатовъ, по вечерамъ, собирается общество. Доступъ открытъ каждому. Около десяти часовъ мы отправились въ «бѣлый домъ».

Пріемные вечера у президента неоднократно были описаны европейскими путешественниками, но такъ какъ, можетъ-быть, не всѣ мои читатели имѣютъ объ нихъ понятіе, то я позволю себѣ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ объ общемъ впечатлѣніи, которое они производятъ. Общество, обыкновенно, бываетъ очень многочисленно, и въ этотъ вечеръ всѣ комнаты, назначенныя для пріема, были совершенно наполнены мущинами и дамами. Европейцу и даже гражданину испанско-американскихъ республикъ должно показаться страннымъ, что у входа нѣтъ ни караула, ни швейцара и, вообще, никакой прислуги. Даже во внутреннихъ покояхъ не встрѣтишь слуги, котораго можно бы было отличить по какому-нибудь внѣшнему признаку. Множество мущинъ и дамъ съѣзжается засвидѣтельствовать свое почтеніе высшему правительственному лицу республики и вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворить чувству гражданскаго достоинства, потому что въ лицѣ его они видятъ власть, постав-

ленную ими самими. Всѣ свободно входятъ въ залъ. Для представленія президенту вновь прибывающихъ гостей нѣтъ особаго чиновника; каждый сколько-нибудь знакомый и даже вовсе незнакомый ему принимаетъ на себя эту обязанность. Генералъ Тайлоръ, человѣкъ средняго роста, съ простою наружностью фермера, въ которой, однакожь, выражается рѣшительность, практическій умъ, смыслъ, честность и добродушная веселость, стоялъ не подалеку отъ дверей и подавалъ каждому руку, соблюдая при этомъ самыя простыя условныя формы учтивости. — «Г-нъ президентъ, позвольте мнѣ представить вамъ г-на NN.» — «Г. NN. очень пріятно съ вами познакомиться.» — «Какъ ваше здоровье, г. президентъ.» — Вотъ фразы, въ которыхъ обыкновенно заключался обмѣнъ взаимныхъ учтивостей. Когда пришла моя очередь, и представлявшій меня господинъ упомянулъ объ одномъ уже умершемъ соотечественникѣ моемъ, судьба котораго возбудила живѣйшую симпатію въ Америкѣ, то президентъ выразилъ свое уваженіе къ его памяти низкимъ поклономъ. Лишь только я успѣлъ отойдти, какъ въ толпѣ, окружавшей президента, раздался смѣхъ. Ему представили молодую даму, носившую одну съ нимъ фамилію. Это обстоятельство подало ему поводъ объявить права на родство съ нею и, подъ предлогомъ этой шутки, поцѣловать ее. Всѣ радовались веселому расположенію духа стараго воина, и одна дама изъ круга, къ которому я принадлежалъ, замѣтила, что герой имѣетъ полное право цѣловать хорошенькихъ женщинъ. Немного подальше отъ дверей стояла дочь президента, супруга полковника Блисса, которая принимала представленныхъ ей гостей, въ качествѣ хозяйки дома.

Все многочисленное общество, оживленное непринужденною бесѣдою, совершенно свободно расхаживало по заламъ, какъ будто на публичномъ гуляньѣ. Въ послѣдствіи, тамъ и сямъ, на диванахъ и на креслахъ, образовались группы. По всему замѣтно было, что гости чувствовали себя какъ дома и, нисколько не стѣсняясь, пользовались всѣми удобствами. Около полуночи всѣ разъѣхались.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°,

на Лубянкѣ въ домѣ Сысалина,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ, издалъ А. Афанасьевъ; выпуски III и IV. М. 1857 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРІЯ, романъ Ивана Гончарова. Изданіе второе. Спб. 1858 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАГРАНИЧНЫХЪ ПИСЕМЪ, (1844 — 1848) Матвѣя Волкова. Спб. 1857 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ДНЕВНИКЪ КАМЕРЪ-ЮНКЕРА БЕРХГОЛЬЦА, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго, съ 1721—1725 годъ. Перевелъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. Часть I-я, 1721 г. Москва 1857 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р. 25 к.

АДЪ, ДАНТА АЛИГІЕРИ. Перевелъ съ итальянскаго, размѣрами подлинника, Дмитрій Минъ. М. 1855 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

ЗАВОЛЖСКАЯ ЧАСТЬ МАКАРЬЕВСКАГО УѢЗДА, НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ. Графа Н. С. Толстаго. Часть I. М. 1855 г. Ц. 50 к., съ перес. 80 к.

ЗАВОЛЖСКІЕ ОЧЕРКИ, ПРАКТИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ и РАЗСКАЗЫ. Графа Н. С. Толстаго. (Продолженіе заволжской части Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.) М. 1857 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. М. Погодина. Томъ IV. Періодъ Удѣльный, 1054—1240. М. 1850 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи. М. Погодина. Томъ V. Періодъ Удѣльный. М. 1857 г. Ц 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ЯНТАРНЫЕ ОСТРОВА НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ.

Die im Bernstein befindlichen organischen Reste der Vorwelt, gesammelt von Dr. G. C. Berendt. 1845—1856.

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ;
Янтарь въ устахъ его дымился.
Пушкинъ.

—

Жители Востока, говоря словами одного извѣстнаго писателя, обращаютъ каждый день свой и цѣлую жизнь въ тщетный дымъ, клубящійся изъ ихъ роскошныхъ янтарей. За нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ образованной Европѣ дымящіеся янтари были почти въ такомъ же всеобщемъ употребленіи, какъ и на Востокѣ. Самые серьёзные люди, повидимому весьма дорожившіе временемъ, и тѣ безъ всякаго разсчета всѣ свои досуги превращали въ клубящійся дымъ. Впрочемъ, мы не намѣрены принимать на себя роль моралиста,—это не наше дѣло;мы желали только спросить: многимъ ли изъ этихъ господъ приходило на мысль, что̀ такое самый янтарь, доставлявшій имъ столько наслажденія? Вѣроятно, немногимъ. Можно сказать навѣрное, что этотъ вопросъ предлагали себѣ одни ученые, которымъ до всего дѣло, которымъ все нужно знать.

Въ наше время янтарь принадлежитъ къ весьма обыкновеннымъ предметамъ, и потому мало обращаетъ на себя вниманія; но въ древности, когда привозили его изъ какихъ-то невѣдомыхъ странъ и съ большою опасностію, онъ почитался чрезвычайно рѣдкимъ, и порождалъ много вопросовъ относительно своего происхожденія.

Древніе Греки, жившіе въ близкомъ общеніи съ природой, иногда инстинктомъ постигали ее лучше, нежели многіе систематическіе изслѣдователи. Этому не мѣшало даже и то, что всѣ явленія, сильно дѣйствовавшія на ихъ живое воображеніе, облекали они въ поэтическіе вымыслы. Происхожденіе янтаря также было превращено ими въ миѳъ, самый поэтическій и граціозный. Онъ соединялся съ миѳомъ о Фаэтонѣ, сынѣ Геліоса, или Солнца, и Океаниды Климены. Побуждаемый матерью и своимъ собственнымъ честолюбіемъ, Фаэтонъ просилъ своего отца исполнить одно изъ его постоянныхъ и давнишнихъ желаній. Геліосъ, по неосторожности, далъ слово, и поклялся Стиксомъ, что ни въ какомъ случаѣ не измѣнитъ ему. Получивъ такое обѣщаніе, Фаэтонъ просилъ отца дозволить ему на одинъ день занять его мѣсто и править его колесницею. Не смотря на всѣ убѣжденія, онъ не отступилъ отъ своего требованія. Но когда взялся за управленіе огненными конями, тѣ тотчасъ почувствовали, что бразды находятся не въ прежнихъ мощныхъ рукахъ, понесли, сбились съ обыкновеннаго пути, и, направясь очень близко къ землѣ, пожгли многія страны и обратили ихъ въ безплодныя степи. Раздраженный Зевсъ поразилъ громомъ безразсуднаго Фаэтона, и низвергнулъ его въ рѣку Эриданъ. Сестры Фаэтона, долго его оплакивавшія, отъ горести превратились въ тополи; но всякій разъ, когда солнце согрѣвало ихъ своими лучами, онѣ снова начинали оплакивать брата, и слезы ихъ обращались въ прозрачный янтарь. Что̀ можетъ быть прелестнѣе этого миѳа, говорящаго такъ много воображенію и сердцу! но, сверхъ того, въ немъ кроется глубокая истина, именно, указаніе на то, что янтарь есть произведеніе растительное.

Греческіе и римскіе ученые,—Аристотель, Діоскоридъ, Плиній,—были того же мнѣнія о происхожденіи янтаря. Это всего лучше доказывается его латинскимъ названіемъ, succinum, отъ succus, сокъ. Растительное происхожденіе янтаря, какъ увидимъ ниже, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но такъ ли думали объ этомъ въ прошломъ столѣтіи, не смотря на то, что естественныя науки находились уже въ весьма блестящемъ состояніи? Господствующаго мнѣнія о происхожденіи янтаря тогда не было: всякій предлагалъ свое, и большею частію странное или даже

смѣшное. Къ числу такихъ странныхъ мнѣній принадлежитъ мнѣніе и величайшаго натуралиста того времени, Бюффона. Онъ думалъ, что янтарь есть отвердѣлый медъ! Самъ Линней, болѣе положительный изслѣдователь, выражался о происхожденіи янтаря неодинаково. Были однако люди, которые не увлеклись этими авторитетами, и, подобно древнимъ, признали янтарь за смолу, истекавшую нѣкогда изъ растеній. Къ числу этихъ немногихъ ученыхъ принадлежали Бокъ [1]), и еще прежде нашъ геніальный Ломоносовъ. Къ убѣжденію, о которомъ мы говоримъ, въ особенности привели ихъ органическіе остатки, такъ часто встрѣчающіеся въ янтарѣ. Ломоносовъ удивлялся, какимъ образомъ нѣкоторые извѣстные ученые принимаютъ янтарь за минералъ, когда растенія и животныя, въ немъ заключенныя, ясно противорѣчатъ этому мнѣнію [2]). Ту же мысль, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, онъ выражаетъ весьма поэтически. «Кто таковыхъ ясныхъ доказательствъ не принимаетъ (химическаго и физическаго сходства янтаря съ нынѣшними смолами), тотъ пусть послушаетъ, что̀ говорятъ включенные въ янтарь червяки и другія гадины. Пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ влажностью растеніямъ, искали и собирали все, что̀ служитъ къ нашему пропитанію; услаждались между собою пріятностію благорастворенного времени, и, послѣдуя разнымъ благовоннымъ духамъ, ползали и летали по травамъ, листамъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти. Итакъ, садились мы на истекшую изъ деревъ жидкую смолу, которая насъ, привязавъ къ себѣ липкостію, плѣнила и, безпрестанно изливаясь, покрыла и заключила отвсюду. Потомъ, отъ землетрясенія опустившееся внизъ лѣсное наше мѣсто вылившимся моремъ покрылось: деревья опроверглись, иломъ и пескомъ покрылись, купно со смолою и съ нами; гдѣ долготою времени минеральные соки въ смолу проникли, дали ей большую твердость, и, словомъ, въ янтарь претворили, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ. Въ рудныя жилы пришли мы неиначе и не въ другое время, какъ находящееся съ нами окаме-

[1]) F. S. Bock, Wirthschaftliche Naturgeschichte von Ost- und West-Preussen. Dessau 1782—85.

[2]) Сочиненія Ломоносова, изд. Смирдина, 1847 г., томъ II, стр. 168.

нѣлое и мозглое дерево»[1]). Ломоносовъ поддерживалъ въ этомъ случаѣ весьма умно не только преданіе древнихъ, но и общенародное у насъ мнѣніе, также принимающее янтарь за растительную смолу. Во всѣхъ приморскихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ когда-либо находили янтарь, его называли *морскимъ ладономъ*.

Теперь всѣ увѣрены, что янтарь есть растительная смола: но какая? чѣмъ она отличается отъ нынѣшнихъ смолъ? изъ какого дерева она истекала? Гдѣ и въ какое время росли эти деревья? Животныя, заключенныя въ янтарѣ, сходны ли съ нынѣшними, или особенныя? Въ какомъ климатѣ они жили? и проч. и проч.

Вопросы весьма естественные; безъ всякаго сомнѣнія, они приходили на мысль и прежнимъ натуралистамъ, особенно Ломоносову, который указываетъ даже и время, когда янтарь и заключенныя въ немъ насѣкомыя перешли въ ископаемое состояніе, именно: *въ одно время съ мозглымъ и окаменѣлымъ деревомъ*. Но, по тогдашнему состоянію геологіи, не было средствъ развить этотъ предметъ далѣе того, на чемъ остановился Ломоносовъ. Вопросы о янтарѣ долго оставались безъ надлежащаго изслѣдованія. Только въ три послѣднія десятилѣтія, явилось много попытокъ разрѣшить тотъ или другой изъ предложенныхъ вопросовъ, описать тѣ или другія изъ янтарныхъ органическихъ остатковъ. Отъ этихъ частныхъ изслѣдованій, предметъ становился часъ отъ часу яснѣе, но при всемъ томъ долго не получилъ бы окончательнаго развитія, еслибъ не явился человѣкъ, съ особенною любовію къ этому предмету, и не посвятилъ на него всей своей жизни. Я разумѣю данцигскаго ученаго, *Берендта*.

Берендтъ собралъ большую коллекцію янтарей, болѣе 2000 экземпляровъ, заключавшихъ въ себѣ около 800 видовъ животныхъ и около 50 видовъ растеній. Обладая такимъ богатымъ запасомъ и изучая его въ теченіи многихъ лѣтъ, онъ увидѣлъ всю важность изслѣдованія янтаря. Берендтъ сначала напечаталъ объ этомъ нѣсколько отдѣльныхъ статей, потомъ задумалъ составить полное описаніе янтаря со всѣми находящимися въ немъ растеніями и животными. Предпріятіе гигантское,

---

[1]) Тамъ же. Прибавленіе второе къ Металлургіи. Стр. 559.

требовавшее чрезвычайно разнообразныхъ спеціальныхъ свѣдѣній по части ботаники и зоологіи. Не довѣряя собственнымъ силамъ, Берендтъ прибѣгнулъ къ помощи многихъ ученыхъ, исключительно занимающихся какою-либо частію естественныхъ наукъ: такъ, для описанія янтарныхъ растеній, онъ пригласилъ бреславскаго профессора Гёпперта, одного изъ первыхъ знатоковъ этого предмета; для описанія янтарныхъ животныхъ, были приглашены имъ Кохъ, Германъ Лёвъ (Loew) и Пиктѐ, каждый по той части зоологіи, которая ему особенно извѣстна. Участіе столь многихъ ученыхъ, естественно, должно было увѣнчаться полнымъ успѣхомъ; общими усиліями они создали великолѣпный трудъ. Первый томъ этого труда явился еще въ 1845 году [1]). Онъ заключаетъ въ себѣ два отдѣла. Въ одномъ говорится о мѣстѣ залеганія янтаря въ Пруссіи, о времени образованія его, или о той формаціи, къ которой онъ принадлежитъ, о послѣдующемъ размытіи этой формаціи и разнесеніи янтаря; о физическихъ и химическихъ его свойствахъ; объ органическихъ остаткахъ, въ немъ заключающихся, и объ окончательныхъ изъ нихъ выводахъ. Въ другомъ отдѣлѣ помѣщено анатомическое описаніе янтарнаго дерева и другихъ растеній, существовавшихъ съ нимъ въ одно время. Второй томъ вышелъ спустя девять лѣтъ послѣ перваго, 1854 года [2]). Въ немъ заключаются общія изслѣдованія Берендта и Коха о янтарныхъ животныхъ, именно: о ракообразныхъ, многоногихъ, паукоподобныхъ и безкрылыхъ насѣкомыхъ. Третій томъ, заключающій въ себѣ описаніе полужесткокрылыхъ и прямокрылыхъ насѣкомыхъ, принадлежитъ Гермару съ Берендтомъ, и явился въ запрошломъ году [3]). Оба послѣдніе

---

[1]) Die im Bernstein befindlichen organischen Reste der Vorwelt, gesammelt, in Verbindung mit Mehreren bearbeitet und herausgegeben von Dr. G. C. Berendt. Erster Band. Der Bernstein und die in ihm befindlichen Pflanzenreste der Vorwelt, bearbeitet von Professor Dr. H. K. Goeppert in Breslau und Dr. G. C. Berendt in Danzig. Mit 7 lithographischen Tafeln. Berlin 1845, in folio.

[2]) Die im Bernstein befindlichen Crustaceen, Myriapoden, Arachniden und Apteren der Vorwelt, bearbeitet von C. L. Koch, königl. Bayr. Kreis-Forstrath in Regensburg, und Dr. G. C. Berendt in Danzig. Mit 17 lithogr. Tafeln. Berlin 1856.

[3]) Die im Bernstein befindlichen Hemipteren und Orthopteren der Vorwelt, bearbeitet von E. F. Germar, Hofrath und Professor in Halle, und Dr. G. C. Berendt in Danzig. Mit 4 Kupfertafeln. Berlin 1856.

тома вышли уже послѣ смерти Берендта и двухъ его сотоварищей—Коха и Гермара. Остаются еще неизданными труды Лёва о двукрылыхъ насѣкомыхъ, и Пиктѐ о сѣтчатокрылыхъ. Но главнѣйшіе результаты ихъ изслѣдованій уже извѣстны и помѣщены Берендтомъ въ первомъ томѣ его сочиненія и самимъ Пиктѐ въ Biblioth. Univers. de Genève за 1846 годъ, № 5. Слѣдовательно, предпріятіе Берендта можно считать оконченнымъ.

Къ какимъ же результатамъ привело изслѣдованіе янтаря столь многими учеными? Результаты чрезвычайно важны, какъ увидимъ ниже; они большею частію помѣщены въ первомъ томѣ общаго труда, и собственно принадлежатъ Берендту. Чтобы познакомиться съ этими результами, казалось, достаточнобъ прослѣдить сочиненіе Берендта отъ одного параграфа до другаго. Но, къ сожалѣнію, оно не представляетъ этого удобства. Берендтъ чрезвычайно подробенъ; въ этомъ отношеніи онъ, по преимуществу, нѣмецкій ученый. Конечно, подробность не бѣда, если авторъ умѣетъ сладить съ своимъ матеріаломъ, и представить его со всею ясностію. Но Берендтъ не обладаетъ этимъ даромъ; у него главное или существенное большею частію до того загромождено разными побочными обстоятельствами, что не легко даже отыскать его. Однимъ словомъ, изложеніе Берендта требуетъ отъ читателя весьма усиленнаго вниманія. Желая облегчить пониманіе этого важнаго труда, я сдѣлалъ попытку тотъ же матеріалъ обработать иначе, и представить въ порядкѣ, который казался мнѣ яснѣе принятаго Берендтомъ. Отдѣливъ главные предметы, и сгруппировавъ около нихъ только необходимыя подробности, я, повидимому, нашелъ возможнымъ не только удержать всю сущность разсматриваемаго сочиненія, но даже пополнить его нѣкоторыми новыми примѣчаніями, которыя ускользнули отъ Берендта, или которыя не входили въ его планъ.

Перехожу къ самымъ результатамъ, которыхъ достигли Берендтъ и его сотрудники.

Растительное происхожденіе янтаря въ началѣ нынѣшняго

вѣка преимущественно было защищаемо двумя учеными, Вреде[1]) и Швейгеромъ [2]), а въ послѣднее время Берендтомъ и Гёппертомъ, доведшими этотъ предметъ до осязаемой очевидности. Янтарь есть произведеніе растительное, въ этомъ убѣдились болѣе или менѣе и прежде; но что̀ касается до самаго дерева, источавшаго янтарную смолу, то это всегда составляло нерѣшенную задачу. Одни думали, что то была *пальма*, другіе *тополь*, третьи—тропическое растеніе Aloëxylon и т. п. Но самое вѣроятное мнѣніе принадлежитъ Плинію, который утверждалъ, что янтарь есть произведеніе *сосны*. То же мнѣніе поддерживали Бокъ, Ломоносовъ, Вреде, Швейгеръ, особенно же Берендтъ и Гёппертъ. Въ изслѣдованіяхъ бреславскаго профессора мы находимъ весьма убѣдительныя доказательства, что янтарь есть произведеніе особеннаго вида сосны. Онъ называетъ его Pinites succinifer. Впрочемъ, это названіе до времени должно быть почитаемо собирательнымъ именемъ: судя по игольчатымъ листьямъ, встрѣчающимся въ янтарѣ, въ прежнее время было по крайней мѣрѣ четыре вида сосны, и мы не знаемъ, всѣ ли четыре вида источали янтарь, или только нѣкоторые.

Янтарная сосна имѣетъ сходство съ нынѣшними, и отличается отъ нихъ только нѣкоторыми анатомическими признаками [3]), особенно же отдѣленіемъ смолы, гораздо въ большемъ количествѣ, нежели какое замѣчается во всѣхъ извѣстныхъ хвойныхъ растеніяхъ. Всѣ ткани янтарнаго дерева источали

---

[1]) Wrede, Geognost. Untersuchungen über die südbalt. Länder. Berlin, 1804. Его же Mineralogisch-geognostische Bemerkungen über Samland, bei Königsberg. Archiv für Naturwiss. etc. 1811.

[2]) Schweiger, Beobachtungen auf naturhistorischen Reisen. Berlin, 1819.

[3]) Для опредѣленія анатомическаго устройства хвойныхъ деревьевъ, необходимы три разрѣза: 1, *поперечный* (Querschnitt), дабы видѣть свойство клѣтокъ и сосудовъ въ отдѣльныхъ годовыхъ слояхъ, и тѣ же свойства сердцевинныхъ лучей въ горизонтальномъ направленіи; 2, *внутренній продольный* (Markstrahlenlaengsschnitt, Centrumschnitt), проходящій чрезъ центръ ствола вдоль сердцевинныхъ лучей, дабы видѣть боковое расположеніе самыхъ лучей и древесинныхъ клѣтокъ; и наконецъ 3, *наружный продольный* (Rindenlaengsschnitt), обнаруживающій концы сердцевинныхъ лучей, и свойство клѣтокъ и сосудовъ въ корѣ. По этимъ тремъ разрѣзамъ, въ янтарныхъ соснахъ открываются слѣдующіе признаки (Göppert. T. I. Стр. 88 и 89):

Паренхиматозныя клѣтки, изъ коихъ, близъ сердцевинной трубки и сердцевинныхъ лучей, состоитъ древесина, въ поперечномъ разрѣзѣ почти четвероуголь-

смолу. Гёппертъ находилъ ее въ сердцевинныхъ лучахъ, между годовыми кольцами древесины, между древесиною и корою, и, наконецъ, въ самой корѣ. Изъ нынѣшнихъ растеній, по количеству отдѣляющейся смолы, на янтарную сосну наиболѣе походятъ Damara australis и копаловыя растенія.

Итакъ, янтарь вытекалъ изъ прежнихъ сосенъ, подобно тому какъ въ настоящее время вытекаютъ различныя смолы и баль-

---

ныя. Бо́льшая часть изъ нихъ снабжена довольно широкими устьями; другія имѣютъ явственныя толстыя стѣнки, и меньше первыхъ. Число этихъ замѣчательныхъ клѣтокъ иногда очень мало; оттого и годовое кольцо въ то время весьма незначительно. Въ продольномъ разрѣзѣ къ оси видны по́ры или точки (Tüpfel), въ видѣ небольшихъ кружковъ, двойныхъ или тройныхъ, идущихъ по длинѣ клѣтокъ простыми рядами, болѣе или менѣе отстоящими одинъ отъ другаго, а иногда очень близкими; случается, что они расположены въ 2—4 ряда. Въ послѣднемъ случаѣ, по́ры непосредственно касаются однѣ другихъ. Вообще, по́ры находятся только на двухъ противоположныхъ сторонахъ, параллельныхъ сердцевиннымъ лучамъ, но иногда и на прочихъ, именно при тонкостѣнныхъ клѣткахъ, ограничивающихъ годовой ростъ дерева, хотя не въ такомъ большомъ количествѣ и меньшей величины. Сердцевинные лучи принадлежатъ къ такъ-называемымъ малымъ сердцевиннымъ лучамъ, которыми пересѣкаются не всѣ годовыя кольца. Для невооруженнаго глаза, они представляются весьма нѣжными, отъ центра къ окружности, расходящимися полосами (Streifen), которыя, подъ микроскопомъ, въ поперечномъ разрѣзѣ, обыкновенно, состоятъ только изъ одного, рѣдко изъ многихъ рядовъ паренхиматозныхъ клѣтокъ. Въ продольномъ разрѣзѣ коры, или въ разрѣзѣ параллельномъ съ корою, онѣ рѣдко являются отдѣльными клѣтками, обыкновенно же рядами изъ двухъ или трехъ налегающихъ одна на другую шестиугольныхъ клѣтокъ, иногда двойнымъ рядомъ и болѣе; въ послѣднемъ случаѣ, въ срединѣ, или чаще въ верхней части сердцевиннаго луча, находится большой смолистый сосудъ, отъ котораго къ обоимъ концамъ весь сердцевинный лучъ суживается, и оканчивается простымъ рядомъ клѣтокъ. Въ разрѣзѣ, по длинѣ оси, видны небольшія удлиненныя клѣтки, со многими по́рами или точками, состоящими изъ продолговатыхъ кружковъ. Смолистые сосуды встрѣчаются очень часто въ корѣ и въ древесинѣ, особенно же между толстостѣнными клѣтками годовыхъ колецъ.

Это—общее анатомическое устройство всѣхъ сосенъ, произраставшихъ въ янтарныхъ лѣсахъ; къ отличительнымъ же видовымъ признакамъ сосны, собственно называемой янтарною (Pinites succinifer), Гёппертъ относитъ слѣдующіе:

Деревенистые слои, имѣющіе явственное концентрическое расположеніе; прозенхиматозныя клѣтки тонкополосатыя, и къ предѣлу деревенистаго слоя исподволь суживающіяся; по́ры, отстоящія однѣ отъ другихъ на равномъ разстояніи, и расположенныя въ одинъ рядъ; сердцевинные лучи, состоящіе изъ одного до 16 рядовъ клѣтокъ, наложенныхъ другъ на друга. (P. stratis concentricis distinctis, cellulis prosenchymatosis leptotichis, ad limitem annuli sensim angustioribus, poris subremotis aeque distantibus uniserialibus, radiis medullaribus e cellulis 1—16 superpositis formatis.)

замы, — копалъ, элеми, ладонъ, мирра и другіе. Справедливость этого мнѣнія подтверждается всѣми свойствами янтаря, и наружными, и внутренними. Начнемъ съ формы. Дѣйствительно, не имѣетъ ли онъ форму смолы, вытекавшей болѣе или менѣе жидкою изъ различныхъ частей дерева? Въ естественномъ состояніи янтарь бываетъ, вопервыхъ, *каплями*, простыми или стебельчатыми, происходившими въ томъ случаѣ, когда янтарная смола вытекала изъ горизонтальныхъ вѣтвей дерева. Вися на нижней сторонѣ этихъ вѣтвей, она отвердѣвала въ простую и круглую каплю, а еще чаще, вытягивалась, и принимала форму груши, снабженной длиннымъ или коротенькимъ стебелькомъ. Величина капель и самая форма ихъ, простая или стебельчатая, очевидно зависѣла отъ количества янтарнаго сока и отъ степени его густоты. Самыя большія изъ нихъ имѣютъ величину утинаго яйца. Другая форма янтаря цилиндрическая. Она произошла изъ первой, когда стебельчатая капля, уже отвердѣвшая, нѣсколько разъ покрывалась вновь притекавшимъ янтарнымъ сокомъ. По строенію своему, цилиндрическія формы отчасти похожи на годовыя кольца древесины, и потому ошибочно были принимаемы иногда за древесину, превратившуюся въ янтарь. Въ самомъ же дѣлѣ такого превращенія до сихъ поръ еще не было замѣчено. Если янтарь изливался между годовыми кольцами древесины, либо между древесиною и корою, то принималъ не цилиндрическую форму, а форму *вогнутыхъ плитокъ*, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ округлости ствола. На обѣихъ сторонахъ этихъ плитокъ видны отпечатки древесинныхъ волоконъ, клѣтокъ и сердцевинныхъ лучей. Янтарный сокъ, отвердѣвавшій на самой поверхности ствола, большею частію составлялъ куски, имѣющіе наслойное образованіе и *плоскую* форму; впрочемъ, форма эта, какъ произведеніе нѣсколькихъ изліяній янтарнаго сока, болѣе или менѣе обильныхъ, не могла быть всегда одинаковою. Но самую различную и самую неопредѣленную форму получалъ янтарь, когда вытекалъ изъ трещинъ нижней части ствола, или изъ корней, и скоплялся въ углубленіяхъ почвы. Куски, тутъ образующіеся, въ теченіе времени могли достигнуть весьма большой величины.

Такова форма. Относительно цвѣта, прозрачности и другихъ

наружныхъ свойствъ, янтарь также имѣетъ сходство съ смолами, и особенно съ копаломъ; послѣдній до того похожъ на янтарь, что не рѣдко былъ за него принимаемъ.

Цвѣтъ янтаря, вообще, желтый, переходящій, съ одной стороны, въ гіацинтово-красный и бурый, а съ другой — въ бѣлый. Янтари голубаго, зеленаго и чернаго цвѣта весьма рѣдки. Чернымъ янтаремъ неправильно называютъ иногда *гагатъ*, или лигнитъ, близко подходящій къ каменному углю, и часто употребляемый на мелкія траурныя украшенія. Янтарь, большею частію, одинаковаго цвѣта, иногда же въ одномъ экземплярѣ представляетъ нѣсколько оттѣнковъ, или даже совершенно различные цвѣта, расположенные въ немъ полосами, точками, облаками, — подобно тому, какъ это бываетъ въ агатахъ и яшмахъ. Отъ цвѣта частію зависитъ бо́льшая или ме́ньшая прозрачность янтаря; вообще, самыми прозрачными бываютъ янтари желтаго цвѣта. Впрочемъ, цвѣтъ и прозрачность принадлежатъ къ самымъ непостояннымъ или измѣняющимся свойствамъ янтаря. Желтый и прозрачный янтарь въ теченіе времени, отъ дѣйствія свѣта и теплоты, дѣлается красноватымъ, мутнымъ и, наконецъ, почти непрозрачнымъ. Примѣромъ этого могутъ служить янтари, очень долго сохранявшіеся въ кабинетахъ, особенно если они не были защищены отъ солнца. То же самое бываетъ съ копаломъ, канадскимъ бальзамомъ и другими подобными веществами. Янтарь, находящійся внутри земли, представляетъ еще больше измѣненій. Обыкновенно, онъ покрывается корою, шереховатою, тусклою и непрозрачною. При большей степени измѣненія, эта кора, имѣющая отъ 1 до $1^1/_2$ линій толщины, растрескивается, и представляетъ ткань, состоящую изъ шестиугольныхъ щитиковъ, и весьма похожую на пчелиныя ячейки. Такія же измѣненія замѣчены и на копалѣ; но копалъ сверхъ того, по причинѣ своей чрезмѣрной трещиноватости, почти всегда бываетъ покрытъ микроскопическими чешуйками, или какъ бы мучнистою пылью: оттого самаго поверхность его не такъ суха и гладка, какъ поверхность янтаря; копалъ на ощупь почти жиренъ.

Изъ оптическихъ свойствъ янтаря, замѣчательна способность его сильно преломлять лучъ свѣта, способность, которая, не менѣе другихъ свойствъ, доказываетъ его смолистое или горючее происхожденіе.

Мы почитаемъ почти лишнимъ говорить о томъ свойствѣ янтаря, которое было извѣстно Ѳалесу, и въ настоящее время составляетъ источникъ величайшихъ открытій. Мы разумѣемъ электричество, котораго самое названіе заимствовано отъ янтаря, electron. Это свойство принадлежитъ всѣмъ смоламъ безъ исключенія, но ни одна изъ нихъ не обнаруживаетъ его въ такой степени, какъ янтарь.

Остальныя физическія свойства янтаря, именно твердость и удѣльный вѣсъ, также сближаютъ его съ нынѣшними смолами. Янтарь, вообще, тверже копала, и легко можетъ быть обработываемъ въ различныя искусственныя формы; копалъ, напротивъ, для этого менѣе удобенъ. Удѣльный вѣсъ обѣихъ смолъ почти одинаковъ и въ частности подвергается большимъ измѣненіямъ, что̀ зависитъ обыкновенно отъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Янтарь, вообще, въ полтора раза тяжеле воды, а есть янтари и легче воды; это обыкновенно тѣ, которые заключаютъ внутри себя множество воздушныхъ пузырьковъ.

Химическія свойства янтаря служатъ новымъ подтвержденіемъ, что это вещество дѣйствительно должно относиться къ растительнымъ смоламъ. Изслѣдованіемъ этихъ свойствъ мы въ особенности обязаны Іону, Берцеліусу, Драпье, Брандесу и Шрёттеру [1]).

Янтарь на огнѣ легко загорается, и горитъ желтоватымъ пламенемъ, съ отдѣленіемъ весьма пріятнаго запаха, извѣстнаго подъ названіемъ *амбры*. Самый янтарь поэтому также называется иногда *желтою амброю*. Во время горѣнія онъ кипитъ, но не превращается въ падающія капли. Послѣ сгаранія оставляетъ немного пепла [2]). Янтарь не можетъ совершенно растворяться ни въ алкоголѣ, ни въ эѳирѣ, ни въ терпентинѣ, и тѣмъ уже существенно отличается отъ копала, съ которымъ онъ, какъ мы видѣли, имѣетъ наибольшее сходство; копалъ распускается не только въ алкоголѣ или винномъ спиртѣ, но даже въ кипячей

---

[1]) Poggendorf, Annalen. 1843 Вд. LIX. Стр. 61—76.

[2]) Отъ горючаго свойства янтаря произошло его нѣмецкое названіе Bernstein или собственно Börnstein, горючій камень. Откуда происходитъ русское названіе янтаря? По-литовски онъ называется почти такъ же — gintaras. Въ старину величали его у насъ: камень горючь, алатырь.

водѣ. По ближайшему разложенію, янтарь состоитъ изъ небольшаго количества летучаго масла, янтарной кислоты, двухъ смолъ, растворимыхъ въ алкоголѣ и эѳирѣ, и битумена, самой главной и вовсе нерастворимой его части (90%). Первичныя или стихійныя части янтаря—углеродъ, водородъ и кислородъ. Количественное отношеніе этихъ элементовъ не всегда оказывается одинаковымъ, но всегда болѣе или менѣе близкимъ. Изъ прежнихъ или ископаемыхъ смолъ янтарь, по своему составу, всего ближе подходитъ къ *ретиниту* (Retinite, Resinit, Resinasphalt, Retinasphalt). По разложенію Шрёттера, онѣ различаются между собою тѣмъ, что одна изъ этихъ смолъ заключаетъ въ себѣ *янтарную кислоту*, а другая—*муравейную*. Стихійныя части ретинита соотвѣтствуютъ формулѣ: C^{12} H^{18} O, а формула янтаря: C^{10} H^{16} O. Въ смолахъ, принадлежащихъ нынѣшнимъ деревьямъ, вмѣсто янтарной и муравейной кислотъ, анализъ открываетъ *уксусную*. Нѣкоторыя изъ этихъ смолъ, именно мастика и элеми, выражаются совершенно одинаковою формулою съ янтаремъ, а другія близко подходящею. Изъ этого видно, что янтарная смола отличается отъ нынѣшнихъ не столько количественнымъ отношеніемъ началъ, сколько ближайшими составными частями, или способомъ соединенія этихъ началъ между собою.

Главнѣйшее отличіе ея составляютъ, какъ мы видѣли, янтарная кислота и большое количество нерастворимаго *битумена*. Отъ перваго изъ этихъ веществъ, полагаютъ, много зависитъ и запахъ янтаря, и цвѣтъ, и степень прозрачности. По крайней мѣрѣ замѣчено, что бѣлые и малопрозрачные янтари содержатъ въ себѣ гораздо большее количество янтарной кислоты, нежели другіе. Гёппертъ и Берендтъ думаютъ, однако, что цвѣтъ янтаря, или по крайней мѣрѣ различные оттѣнки цвѣта, должны зависѣть отъ возраста дерева, отъ почвы, на которой оно произрастало и т. д. Почти то же самое замѣчается и въ нынѣшнихъ соснахъ; смола измѣняется въ цвѣтѣ и прозрачности также по возрасту дерева или по времени года: весною она бѣла и прозрачна, какъ вода, а въ позднее лѣто полупрозрачнаго и молочно-бѣлаго, либо желтоватаго и даже буроватаго цвѣта. Въ нынѣщнихъ смолахъ это зависитъ отъ присоединенія къ нимъ изъ сока дерева дубильнаго начала, бѣлко-

вины или слизи, желѣзнаго окисла, и т. д. Къ янтарной смолѣ, по мнѣнію Гёпперта, также по времени должны были примѣшиваться различныя органическія части изъ соковъ дерева, и составлять главнѣйшую причину ихъ разноцвѣтія. Слѣды присутствія такихъ частей въ янтарѣ Гёппертъ доказалъ опытомъ. Мнѣніе Гёпперта весьма основательно; мы даже думаемъ, что оно нисколько не противорѣчитъ мнѣнію тѣхъ, которые причиною разноцвѣтія почитаютъ янтарную кислоту. Отчего не предположить, что въ сокахъ дерева, по мѣрѣ его возраста, вмѣстѣ съ другими началами, развивается и янтарная кислота, присоединившаяся къ смолѣ въ большемъ или меньшемъ количествѣ?

Второе отличительное вещество янтаря—нерастворимый битуменъ. Этому веществу, вѣроятно, мы обязаны тѣмъ, что янтарь, пролежавшій цѣлыя тысячелѣтія въ землѣ или на днѣ моря, дошелъ до насъ безъ всякаго существеннаго измѣненія, не обминералился, не окаменѣлъ, какъ многія другія органическія тѣла, погребенныя въ земныхъ нѣдрахъ. Вмѣстѣ съ янтаремъ находили иногда копалъ, также повидимому пролежавшій очень долго въ землѣ, и что же? онъ не имѣетъ никакой химической разницы съ нынѣшнимъ копаломъ. Послѣ этого, есть ли основаніе предполагать, чтобы янтарь подвергнулся какому-либо химическому измѣненію? Если же онъ не всегда одинаковъ, то эти различія скорѣе надобно отнести къ различію видовъ (species) самаго дерева, нежели къ какимъ-либо постороннимъ причинамъ. Не видимъ ли мы въ настоящее время, что каждый видъ сосны даетъ особенный сортъ терпентина: Pinus sylvestris—обыкновенный, Pinus montana—французскій и т. д.?

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

О ФРАНЦУЗСКИХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ.

(Окончаніе.)

—

Въ 89-мъ году, въ первый разъ вся Франція безъ различія была призвана къ пользованію политическими правами. Всякій, кто платилъ какую-нибудь подать (а платили всѣ) и кому минуло 25 лѣтъ, могъ участвовать въ избраніи депутатовъ въ генеральные штаты. Всѣхъ избирателей было болѣе пяти милліоновъ. Изъ нихъ огромное большинство принадлежало къ третьему сословію. Послѣднее состояло уже не изъ отдѣльныхъ общинъ, съ разнообразными правами; оно заключало въ себѣ почти весь народъ, и крестьяне составляли самую значительную его часть. Собраніе, вышедшее изъ этихъ выборовъ, должно было рѣшить судьбу Франціи, развязать всѣ запутанные вопросы, завѣщанные стариною. Къ несчастію, этому преобразованію суждено было совершиться не мирнымъ, а революціоннымъ путемъ, не согласнымъ дѣйствіемъ правительства и народа, а мѣрами, которыя нерѣдко вызывались взаимною враждою и, вмѣсто справедливости, узаконяли насиліе.

Вопросъ объ отмѣненіи феодальныхъ привилегій менѣе другихъ могъ ожидать себѣ правильнаго рѣшенія въ такую пору. Тамъ, гдѣ накопилась вѣковая вражда, гдѣ переплетаются многообразные частные интересы, тамъ законодатель долженъ поступать особенно осмотрительно, а исполнители должны со-

блюдать строгій порядокъ. Потому-то и слѣдуетъ разрѣшать эти вопросы заблаговременно, не дожидаясь крайнихъ обстоятельствъ; иначе неизбѣжны насилія. Послѣднее именно и случилось въ 89-мъ году. Какъ скоро дворъ сталъ во враждебное отношеніе къ Собранію и разнеслась по государству вѣсть о взятіи Бастиліи, вся Франція внезапно вооружилась для защиты своихъ выборныхъ. Прежнія власти исчезли: города, села были предоставлены самимъ себѣ. Вооруженныя массы крестьянъ, организовавшіяся сами собою, съ начальствами, возникшими изъ движенія, остались властителями страны. При такомъ внезапномъ переворотѣ нельзя было ожидать, чтобъ эти люди, недавно стоявшіе на низшихъ ступеняхъ общественной лѣствицы, воздержались отъ насильственныхъ поступковъ противъ тѣхъ, которые такъ долго держали ихъ въ подчиненіи. Дѣйствительно, скоро началось сожженіе ненавистныхъ феодальныхъ хартій, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стали разорять и самые зàмки.

При вѣсти объ этихъ безпорядкахъ, Учредительное Собраніе всколебалось, и здѣсь произошла одна изъ тѣхъ сценъ безкорыстія и воодушевленія, которыя дѣлаютъ наиболѣе чести французскому дворянству. Виконтъ Ноальскій, одинъ изъ бойцевъ за американскую свободу, первый предложилъ отреченіе отъ устарѣвшихъ привилегій. Онъ требовалъ уплаты податей всѣми жителями государства, сообразно съ ихъ средствами, разложенія государственныхъ тяжестей на всѣхъ безъ изъятія, выкупа феодальныхъ правъ, уничтоженія всѣхъ личныхъ повинностей. Виконтъ Ноальскій былъ небогатый дворянинъ, принадлежавшій къ младшей отрасли знатнаго рода; гораздо болѣе впечатлѣнія произвелъ герцогъ Эгильонскій, одинъ изъ самыхъ значительныхъ землевладѣльцевъ въ государствѣ, когда онъ подтвердилъ предыдущее предложеніе, и прибавилъ, что разорители зàмковъ, противъ которыхъ Собраніе постановило строгія мѣры, не могутъ быть осуждены безусловно, что надобно сначала удовлетворить справедливымъ ихъ требованіямъ, и тогда уже думать о наказаніи. Но неотразимое дѣйствіе произвелъ на Собраніе темный бретанскій депутатъ, Керенгаль, который никогда не говорилъ ни прежде, ни послѣ, и въ своей областной одеждѣ явился на трибунѣ. «Будемъ справедливы, господа, сказалъ онъ: пусть намъ принесутъ сюда эти граматы, которыя оскорбляютъ

и совѣсть, и человѣческое чувство; пусть намъ принесутъ эти граматы, которыя унижаютъ человѣчество, требуя, чтобы люди были запряжены въ телѣги какъ рабочій скотъ; пусть принесутъ намъ эти граматы, которыя заставляютъ людей цѣлыя ночи бить по прудамъ, чтобы лягушки не потревожили сна изнѣженнаго господина... Кто изъ насъ въ этомъ вѣкѣ просвѣщенія не зажжетъ искупительнаго костра изъ этихъ отвратительныхъ пергаментовъ и не понесетъ факела, чтобы воздвигнуть изъ нихъ жертву на алтарѣ общественнаго блага?.. Во имя мира, спѣшите дать Франціи эти обѣщанія. Всеобщій крикъ раздается; вы не можете терять ни одного мгновенія; день отсрочки будетъ причиною новыхъ пожаровъ. Паденіе царствъ возвѣщается съ меньшимъ шумомъ: или вы хотите дать законы Франціи разоренной?» Необъятнымъ восторгомъ исполнилось Собраніе; всякій спѣшилъ отказаться отъ сословныхъ выгодъ, принести жертву для общественной пользы, для слишкомъ поздней справедливости. Такимъ образомъ, въ одну ночь, всѣ остатки феодальнаго зданія, которое держалось столько вѣковъ, рухнули разомъ.

Однако, обнародованіе декретовъ замедлилось въ особенности потому, что король нескоро рѣшился ихъ утвердить. Безпорядки продолжались еще нѣкоторое время, и только въ февралѣ 90-го года утихли волненія въ деревняхъ.

Уничтоженіе господскихъ правъ совершилось, какъ сказано, не вполнѣ безвозмездно. Они раздѣлены были на два разряда. Къ первому отнесены тѣ обязанности, которыя лежали на лицахъ; Собраніе признало ихъ произведеніемъ господствовавшаго въ средніе вѣка права сильнаго, а потому отмѣнило ихъ безъ всякаго денежнаго вознагражденія господамъ. Другія обязанности, которыя лежали на землѣ, признаны были послѣдствіемъ договора, заключеннаго при освобожденіи. Будучи выраженіемъ права собственности, которое Собраніе считало неприкосновеннымъ, эти подати и повинности должны были выкупаться крестьянами по извѣстной оцѣнкѣ.

Но этимъ декретамъ не суждено было исполниться; потокъ революціи унесъ съ собою всѣ обезпеченія господскаго права. Законодательное собраніе, которое слѣдовало за Учредительнымъ, ратуя противъ эмигрантовъ, постановило, что право на выкупъ повинностей имѣютъ только тѣ землевладѣльцы, которые могутъ

представить подлинную договорную грамату о землѣ, уступленной крестьянамъ, что въ большей части случаевъ невозможно было исполнить. Конвентъ пошелъ еще далѣе. Однимъ революціоннымъ указомъ онъ уничтожилъ всѣ существующіе остатки феодализма, безъ всякаго вознагражденія бывшимъ владѣльцамъ. Эта мѣра имѣла очевидною цѣлью ослабить сословіе, враждебное новому порядку вещей, и привязать къ послѣднему массу земледѣльцевъ. Черезъ это крестьянская собственность избавилась отъ всѣхъ лежавшихъ на ней обязательствъ. Кромѣ того, она была значительно распространена. Учредительное собраніе отобрало у духовенства многочисленныя его земли; вскорѣ послѣ того были конфискованы имѣнія эмигрантовъ. Все это было пущено въ продажу и раскуплено большею частью крестьянами. Такимъ образомъ, классъ мелкихъ свободныхъ собственниковъ, который еще до революціи составлялъ значительную часть сельскаго народонаселенія, сдѣлался во Франціи основнымъ элементомъ государства. Онъ поддержалъ революцію въ борьбѣ ея съ старыми формами, онъ же потомъ составлялъ главную опору Наполеона, ибо первая потребность сельскаго населенія всегда есть порядокъ; только чрезвычайныя историческія обстоятельства могутъ заставить его выйдти изъ своего обычнаго положенія.

Съ революціи начинается новая эпоха въ жизни земледѣльческаго класса. Въ XIII-мъ и XIV-мъ столѣтіяхъ онъ пріобрѣлъ личную свободу и ограниченную собственность; въ концѣ XVIII свобода лица дополнилась свободою собственности; въ гражданскихъ правахъ крестьянинъ былъ уравненъ совсѣми остальными членами государства. Теперь ему предстоялъ иной путь—пріобрѣтеніе правъ политическихъ. Переворотъ 1789-го г. предоставилъ всему народонаселенію выборное право, какъ въ общинныя должности, такъ и въ центральное собраніе, но все это исчезло вмѣстѣ съ революціею. Нужно было новое, медленное движеніе, чтобы въ настоящемъ порядкѣ, основанномъ на равенствѣ, устроить, распространить и упрочить выборное начало. Вождями этого движенія опять явились преимущественно города, которые, въ продолженіе всей французской исторіи, шли всегда впереди на пути народнаго развитія. Зажиточный классъ, большею частью состоявшій изъ горожанъ, былъ главнымъ дѣятелемъ на политическомъ поприщѣ съ 1815 до 1848 года. Ему принадлежали и выборныя права.

Въ этотъ періодъ, устройство французскаго государства составляло такимъ образомъ тимократію,—образъ правленія, который обыкновенно является, какъ переходная форма между владычествомъ привилегированныхъ классовъ и чистою демократіей, гдѣ преобладаетъ народная масса. Въ аристократическихъ государствахъ право считается наслѣдственнымъ преимуществомъ сословій; въ демократическихъ оно принадлежитъ всѣмъ безъ различія; въ тимократіи же постановляется извѣстное условіе, цензъ, доступное всѣмъ, но фактически ограничивающее пріобрѣтеніе права. Чѣмъ выше податная единица, которая даетъ гражданину право голоса, тѣмъ въ меньшихъ рукахъ сосредоточивается власть. Задача мудраго законодательства состоитъ въ томъ, чтобы постепеннымъ пониженіемъ ценза призывать бо́льшую и бо́льшую массу гражданъ къ выборному праву. Черезъ это политическая жизнь, которая сначала сосредоточивается на вершинахъ общества, безъ борьбы, безъ потрясеній, распространяется на всѣхъ; черезъ это государственный порядокъ, получая болѣе и болѣе широкую основу, пріобрѣтаетъ необыкновенную крѣпость. Но французское мѣщанство не хотѣло подѣлиться завоеванными правами съ меньшею братьею; стоявшіе во главѣ ея доктринеры создали искусственную теорію, по которой тимократія объявлялась вѣчною формою государства. Отвѣтомъ на эти притязанія была революція 1848. года, которая сдѣлала право голоса всеобщимъ достояніемъ народа. Вслѣдствіе этого земледѣльскій классъ, количествомъ своимъ превосходя остальные, очутился верховнымъ властителемъ судьбы отечества. Эту дарованную ему силу онъ употребилъ на поддержаніе бонапартизма, который одинъ обѣщалъ ему установленіе прочнаго порядка. Какъ въ греческихъ городахъ демократія въ борьбѣ съ олигархическими преимуществами выставляла изъ среды себя эсимнетовъ или тиранновъ, которые своею диктаторскою властью окончательно разрушали старый порядокъ и приготовляли самоуправленіе народа, такъ и французская демократія, ниспровергнувъ владычество мѣщанства, выставила избраннаго народною волею монарха, съ властью, далеко превышающею прежнія. Отсюда могущество нынѣшняго правительства Франціи: опираясь на самую широкую народную основу, оно можетъ рѣшительно дѣйствовать во внѣшней политикѣ, и внутри государства подавлять

все, что̀ противится верховной волѣ. Это—демократическая диктатура, передъ которой должны исчезнуть всѣ остатки старины, опирающейся на отжившія права и преимущества.

Можно спросить себя: способна ли такая масса народа принимать участіе въ государственномъ управленіи? имѣетъ ли она достаточно образованности, чтобы выбирать людей достойныхъ и поддержать направленіе, наиболѣе полезное обществу? имѣетъ ли она даже достаточно матеріальнаго благосостоянія, чтобы пріобрѣсти потребную для политической жизни долю просвѣщенія? Чтобы отвѣчать на эти вопросы, необходимо бросить взглядъ на современное положеніе французскихъ крестьянъ, которые преимущественно должны обратить на себя наше вниманіе.

Что̀ касается, вопервыхъ, до матеріальнаго ихъ благосостоянія, то вообще должно сказать, что оно еще далеко не удовлетворительно. Если, съ одной стороны, вещественныя блага распредѣлены во Франціи болѣе равномѣрно, нежели въ Англіи, если клочекъ земли, принадлежащій французскому крестьянину, часто предохраняетъ его отъ нищеты, то съ другой стороны, промышленныя силы далеко не имѣютъ во Франціи надлежащаго развитія. Тогда какъ Англія, въ продолженіе болѣе полутораста лѣтъ, пользуется внутри себя невозмутимымъ спокойствіемъ и свободою, лучшими двигателями экономическаго развитія, Франція подвергалась переворотамъ, которые имѣли неблагопріятное дѣйствіе на земледѣліе. Едва государство поднялось отъ упадка, причиненнаго деспотизмомъ и войнами Людовика XIV, какъ настала страшная пора революціи, послѣ которой измученный и утомленный народъ подпалъ подъ новый деспотизмъ, истощенъ былъ новыми войнами. Съ 1815-го года началось сильное промышленное движеніе, но и здѣсь оно было задержано двумя революціями, которыя не могли не произвести въ обществѣ потрясеній и колебаній, вредныхъ для народнаго богатства. Кромѣ того, надобно замѣтить, что англійское хозяйство, стоящее на столь высокой степени совершенства, есть произведеніе капиталовъ и знаній высшихъ, богатыхъ классовъ общества, которые одни почти владѣютъ и пользуются землею; во Франціи же земледѣліе есть плодъ посильнаго труда бѣднаго крестьянина, который, въ продолженіе многихъ вѣковъ, долженъ

былъ оплачивать и расточительность дворянства, и прихоти правителей, а потому до сихъ поръ не имѣетъ достаточно капиталовъ для правильнаго хозяйства. Наконецъ, если климатомъ и почвою Франція вообще превосходитъ Англію, то съ другой стороны, французскій земледѣлецъ не всегда находитъ первое и необходимое условіе промышленнаго развитія—хорошій сбытъ произведеній. Отсюда неравное распредѣленіе богатства между различными частями государства: тогда какъ нѣкоторыя провинціи, напримѣръ Нормандія, пользуются значительною долею благосостоянія, тогда какъ сѣверо-восточная часть Франціи едва уступаетъ Англіи въ земледѣльческомъ развитіи [1]), другія области, особенно внутреннія, представляютъ печальныя картины бѣдности и невѣжества. Тамъ можно найдти и низшую степень земледѣлія, и покрытыя соломой землянки, которыя служатъ крестьянину постояннымъ жильемъ, и пищу, которая состоитъ изъ ржанаго и ячменнаго хлѣба. Не смотря однако на эти неблагопріятныя обстоятельства, положеніе низшаго класса во Франціи вообще лучше, нежели въ Англіи; Франція не имѣетъ такого пролетаріата, земледѣлецъ не превращается въ бездомнаго батрака, фермерское хозяйство не заставляетъ его переселяться въ города, гдѣ онъ съ трудомъ находитъ себѣ пропитаніе.

Что̀ касается до остальныхъ государствъ европейскаго материка, то, относительно земледѣлія, Франціи стоитъ выше всѣхъ, за исключеніемъ развѣ Бельгіи. Вообще, въ послѣднее полустолѣтіе матеріальное положеніе французскаго крестьянина значительно возвысилось. Этотъ успѣхъ проявляется въ улучшенной пищѣ, въ распространяющемся употребленіи мяса, въ замѣненіи соломенныхъ крышъ аспидными и черепицею, въ мощеніи конюшенъ и скотныхъ дворовъ, однимъ словомъ, въ тѣхъ мелочахъ домашней жизни, которыя служатъ признакомъ несомнѣннаго успѣха [2]). Въ настоящее время повсемѣстное проведеніе желѣзныхъ дорогъ, установленіе поземельнаго кредита,

---

[1]) См. статью Лаверня въ Journal des Economistes, 1856 г., мартовская и майская книжки.

[2]) См. Les paysans français par Anacharsis Combes et Hypolite Combes.

всеобщее вниманіе, устремленное на благосостояніе земледѣльцевъ, должны еще быстрѣе подвинуть улучшеніе ихъ быта.

Во французскомъ крестьянинѣ есть черта, которая служитъ самымъ сильнымъ двигателемъ труда, которая иногда до невѣроятной степени напрягаетъ его энергію. Это—любовь къ поземельной собственности; она составляетъ характеристическую его особенность. Тогда какъ англійскій земледѣлецъ охотно продаетъ свою землю, чтобы съ помощью маленькаго капитала обратиться въ фермера, французскій крестьянинъ работаетъ неутомимо, лишаетъ себя удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, тщательно сберегаетъ каждую копѣйку, съ цѣлью купить себѣ, наконецъ, клочекъ земли и сдѣлаться полнымъ, самостоятельнымъ хозяиномъ. Имѣть свой участокъ—это страсть французскаго крестьянина; это мысль, которую онъ лелѣетъ въ продолженіе всей жизни и которой осуществленіе составляетъ для него высшій идеалъ земнаго блаженства. Въ немъ онъ видитъ обезпеченіе своихъ правъ, ограду отъ нищеты. Онъ съ неимовѣрнымъ тщаніемъ обработываетъ каждую частичку почвы и привязанъ къ ней, какъ къ первой основѣ своего существованія.

Нельзя не сказать, что такое стремленіе къ пріобрѣтенію собственности имѣетъ нѣкоторыя вредныя послѣдствія. Хорошее земледѣліе требуетъ прежде всего капитала, а крестьянинъ, употребивъ послѣднюю копѣйку на покупку земли, приступаетъ къ ея обработкѣ, не имѣя ничего кромѣ рукъ. Понятно, что результатъ не можетъ быть благопріятенъ. Кромѣ того, при конкурренціи мелкихъ собственниковъ, участки продаются за неимовѣрно-высокую цѣну, такъ что добываемыя произведенія часто не въ состояніи окупить расходовъ. Наконецъ, что̀ хуже всего, крестьянинъ обыкновенно не дожидается накопленія полной суммы, потребной для покупки; онъ занимаетъ деньги у ростовщиковъ, за огромные проценты, и потомъ оказывается не въ силахъ заплатить свой долгъ. Вслѣдствіе этого, мелкая собственность во Франціи обременена слишкомъ значительными долговыми обязательствами. Въ этомъ состоитъ одно изъ главныхъ препятствій развитію земледѣлія и улучшенію народнаго благосостоянія. Впрочемъ, учрежденіе поземельнаго кредита въ новѣйшее время обѣщаетъ избавить земледѣльцевъ отъ этого зла.

Менѣе основательными кажутся возраженія, которыя дѣлаются противъ мелкой собственности вообще. Англичане, партизаны крупной поземельной собственности, ссылаются на примѣръ своего отечества, въ которомъ эта форма владѣнія довела земледѣліе до самаго цвѣтущаго состоянія. Противъ этого Французы, даже склонные къ превознесенію Англіи, какъ напримѣръ Лаверн, справедливо возражаютъ, указывая на многія мѣста собственнаго отечества, гдѣ мелкая собственность сдѣлала чудеса производительности. Особенно любопытенъ примѣръ острова Жерсей, французской колоніи подъ англійскимъ владычествомъ: этотъ затерянный въ морѣ уголокъ, пользуясь благами спокойствія и свободы, при чрезвычайно дробной собственности, не уступаетъ въ развитіи земледѣлія и благосостоянія ни какой странѣ въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если, съ одной стороны, мелкій собственникъ не можетъ иногда употреблять тѣ улучшенные способы земледѣлія, которыми пользуется богатый землевладѣлецъ-капиталистъ, то, съ другой стороны, работа перваго несравненно производительнѣе: мелкій собственникъ знаетъ каждый клочекъ своего участка, напрягаетъ всѣ свои силы и извлекаетъ изъ почвы все, что̀ она можетъ дать. Здѣсь только возможно то огородное хозяйство, которое представляетъ высшую степень земледѣльческаго искусства. Вообще, агрономы признаютъ, что мелкая собственность даетъ болѣе валоваго дохода, нежели крупная, но менѣе чистаго; если она требуетъ больше рукъ, то, съ другой стороны, она доставляетъ пропитаніе бо̀льшему числу людей и дѣлаетъ земледѣльца осѣдлымъ на своемъ пепелищѣ.

Однако, въ самой Франціи многіе опасаются чрезмѣрнаго измельченія собственности, вслѣдствіе равнаго права наслѣдованія, которое предоставляется дѣтямъ, по французскому закону. Одиннадцать съ половиною милліоновъ податныхъ участковъ, на которые дѣлится земля, представлялись какимъ-то страшилищемъ. Но и здѣсь новѣйшія изслѣдованія значительно ослабили возраженія. Воловскій, въ недавней запискѣ, читанной во французской Академіи, доказалъ неопровержимыми цыфрами, что опасенія ложны, что число мелкихъ участковъ не увеличивается на счетъ большихъ, какъ предполагали доселѣ, а что, напротивъ, при естественномъ стремленіи собственности къ сосредоточенію

въ рукахъ капиталистовъ, равенство дѣленія и страсть крестьянина къ пріобрѣтенію земли составляютъ необходимое противодѣйствіе, которымъ поддерживается равновѣсіе. Въ этомъ случаѣ свобода собственности, которая составляетъ существенное условіе сильнаго производства, ибо она позволяетъ землѣ поступать въ руки наиболѣе производительныя, сама же поправляетъ и могущія произойдти неправильности. Надобно притомъ замѣтить, что нерѣдко даже самые дробные участки составляютъ для французскаго крестьянина благодѣтельное пособіе въ жизни. Многіе собственники-земледѣльцы, нанимаясь въ работу у сосѣдей, при всемъ томъ не становятся батраками, ибо владѣютъ клочкомъ земли и имѣютъ свое жилище. Другіе занимаются ремеслами и фабричною работою, ибо во Франціи, такъ же какъ и у насъ, промышленность не сосредоточивается только въ городахъ, а въ значительной степени распространена и въ селахъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ нужды употреблять машины, фабриканты раздаютъ работу на домъ крестьянамъ, которые такимъ образомъ соединяютъ земледѣліе съ другими занятіями. Собственный участокъ земли служитъ имъ при этомъ обезпеченіемъ противъ случающихся въ фабричномъ производствѣ остановокъ работы и пониженій наемной платы. Многіе изъ подобныхъ промышленниковъ-земледѣльцевъ достигли значительнаго благосостоянія, какъ напримѣръ норманскіе ткачи.

Наконецъ, мелкая собственность не сказала еще послѣдняго своего слова: она можетъ достигнуть неизвѣданной доселѣ степени развитія, если къ ней будетъ приложено начало ассоціаціи, въ которой энергія личнаго труда, свобода собственности и справедливость распредѣленія соединятся съ выгодами совокупнаго производства и потребленія. Соціалисты проповѣдывали ассоціацію обязательную и организацію труда посредствомъ государственныхъ мѣръ. Ихъ требованія, которыя должны были имѣть послѣдствіемъ ниспроверженіе всего существующаго порядка, не нашли себѣ отголоска въ народѣ; испуганная этимъ страшилищемъ, Франція кинулась въ руки Людовика-Наполеона. Но свободная ассоціація не имѣетъ этихъ невыгодъ; она можетъ соединить за себя всѣ голоса, ибо не противорѣчитъ экономическому принципу промышленной свободы, и легко можетъ вмѣститься въ существующій порядокъ,

приготовляя, такимъ образомъ, будущее разрѣшеніе соціальныхъ вопросовъ. Въ настоящее время сами экономисты проповѣдываютъ ассоціацію, какъ лучшее лѣкарство противъ разобщенія и нищеты. Послѣ движеній 48-го года это начало нашло блистательное приложеніе во всѣхъ сферахъ экономической жизни. Такъ ассоціація капиталовъ движимаго кредита затмила собою прежнихъ властителей финансоваго міра. Еще поразительнѣе былъ успѣхъ національныхъ займовъ, которые совершались въ послѣднюю войну. Демократическая Франція подала первый примѣръ воззванія къ мелкимъ капиталистамъ, и эта смѣлая попытка обнаружила всю громадность средствъ, скрывающихся въ государствѣ.

Подобный результатъ можетъ оказаться и въ болѣе тѣсной сферѣ промышленнаго производства. Въ земледѣльческомъ быту, начало ассоціаціи имѣетъ до сихъ поръ мало приложенія. Правда, въ послѣднее время стали составляться компаніи на акціяхъ для покупки и найма земель; въ одномъ изъ угловъ Франціи, юрскіе земледѣльцы показали примѣръ ассоціацій для производства сыра, и предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ. Но все это составляетъ только исключеніе. До земледѣлія еще не дошла очередь; дѣло, по обыкновенію, началось съ городоваго населенія. Здѣсь духъ ассоціаціи произвелъ въ послѣднее время замѣчательныя явленія. Не говоримъ о ремесленныхъ товариществахъ (compagnonage), объ этихъ вѣковыхъ артеляхъ, которыя, вдали отъ закона, существуютъ въ продолженіе столѣтій и соединяютъ въ общій союзъ множество ремесленниковъ, разсѣянныхъ по всей Франціи. Но нельзя не обратить вниманія на огромное количество обществъ взаимной помощи, которыя возникли съ недавнихъ поръ. Въ одномъ Парижѣ ихъ 340 съ 5 милліонами капитала, въ Марсели 118 [1]). Нѣтъ почти города, въ которомъ бы ихъ не было по нѣскольку. Съ 48-го г. появились и союзы другаго рода: общества для валовой закупки предметовъ потребленія. Таково было, напримѣръ, Общество Человѣчества въ Лиллѣ, которое

---

[1]) Цифры 4854 г. См. Les populations ouvrières en France dans le mouvement social du XIX siècle, par Audiganne.

имѣло для работниковъ самые благодѣтельные результаты. Наконецъ въ Парижѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ образовались товарищества ремесленниковъ - капиталистовъ, которыя въ 48 году получили пособія отъ правительства. Нѣкоторыя изъ нихъ не сумѣли справиться съ сложными дѣлами, но другія удержались и процвѣтаютъ до сихъ поръ.

Такимъ образомъ средневѣковые союзы, которые образовались въ эпоху насилія, которые слишкомъ часто основаны были на крѣпостномъ правѣ, на исключительныхъ привилегіяхъ и не давали простора лицу, рушились передъ натискомъ гражданской свободы. Но возникшій изъ свободы индивидуализмъ, совершивъ свое дѣло, развивши въ лицѣ сознаніе отвѣтственности и необходимую для дѣятельности энергію, самъ стремится къ высшей формѣ промышленнаго устройства, къ разумному соединенію силъ, съ сохраненіемъ личной свободы и собственности, составляющей плодъ человѣческаго труда. Эта высшая форма общежитія можетъ установиться только въ новомъ гражданскомъ порядкѣ, въ которомъ государственный элементъ достаточно развитъ, чтобъ оградить права всѣхъ и не дать мѣста притѣсненію, насилію, привилегіямъ. Потому-то и важно созданіе прочнаго государственнаго быта и разрѣшеніе политическихъ вопросовъ, согласно съ духомъ и требованіями народа; это — условіе, безъ котораго невозможно дальнѣйшее движеніе впередъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не сказать, что настоящее положеніе Франціи не слишкомъ благопріятствуетъ образованію свободныхъ ассосіацій. Трудно предположить, чтобы между французскими работниками къ экономическимъ цѣлямъ не примѣшались политическія. Дѣйствительно, послѣ правительственнаго переворота 2-го декабря, многія изъ этихъ обществъ были закрыты; остальныя находятся подъ зоркимъ наблюденіемъ полиціи. Нѣтъ сомнѣнія, что такія стѣснительныя мѣры представляютъ значительную помѣху правильному развитію общественныхъ силъ. Работникъ не станетъ лишать себя необходимаго и копить свои сбереженія для дѣла, которое не обѣщаетъ прочной будущности. Не на полицейской почвѣ могутъ возникать свободныя товарищества. Новая эпоха экономическаго развитія можетъ наступить только тогда, когда, по выраженію нынѣшняго императора Французовъ, свобода увѣн-

чаетъ общественное зданіе. Но изъ этого ясно, что политическій вопросъ долженъ быть рѣшенъ прежде соціальнаго.

Что̀ касается до нравственнаго и умственнаго состоянія французскихъ крестьянъ, то въ нихъ замѣчаются тѣ же черты, которыя господствуютъ во всѣхъ вообще земледѣльческихъ классахъ — любовь къ старинѣ, слишкомъ часто переходящая въ невѣжество и рутину, развитіе религіознаго духа, нерѣдко выраждающееся въ обрядность и сопровождаемое суевѣріемъ, чистота нравовъ, умѣренность въ жизни, деспотическій характеръ семейной власти, который поэтому самому, вмѣсто любви, возбуждаетъ иногда неблагодарность. Просвѣщеніе, вообще говоря, не слишкомъ распространено въ селахъ, особенно во внутреннихъ областяхъ. Правда, съ 1835-го года, въ каждой французской общинѣ существуетъ элементарная школа, но двадцатилѣтній срокъ, протекшій со времени устройства первоначальнаго образованія, не могъ еще дать слишкомъ значительныхъ результатовъ. Граматность неоспоримо распространяется, но образованіе находитъ себѣ препятствіе въ мѣстной рутинѣ. Общины не всегда охотно несутъ возложенную на нихъ часть расходовъ по содержанію школы; положеніе учителей, по этому самому, недостаточно обезпечено, и значительная часть народонаселенія не умѣетъ даже читать и писать. Однако, общее движеніе идей въ образованной странѣ не могло остаться безъ вліянія на земледѣльческій классъ. Французскіе крестьяне никогда не держали себя особнякомъ, а находились въ постоянномъ общеніи съ горожанами, болѣе дѣятельными и подвижными. И тѣ и другіе вмѣстѣ составляли третье сословіе, которое играло такую значительную роль въ исторіи Франціи. И тѣ и другіе принимали участіе въ переворотахъ послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, которые, проникая до самыхъ глубокихъ слоевъ общества, возбуждали всѣхъ къ дѣятельности, вездѣ шевелили мысли и интересы. Такъ революція 1789 года отозвалась въ каждомъ селѣ; вездѣ крестьяне, получившіе неограниченное право выбора, вызваны были къ самодѣятельности, должны были примыкать къ той или другой партіи, обсуждать, по мѣрѣ силъ, тѣ разнообразныя идеи, которыя другъ за другомъ всплывали во всеобщемъ броженіи. Федераціи, сами собою возникшія по всей Франціи, показали, что уже въ то время крестьянинъ вышелъ

изъ тѣсной сферы сословныхъ и мѣстныхъ интересовъ и проникся чувствомъ интересовъ и потребностей цѣлаго отечества. Подобное же движеніе, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, произошло и въ 48-мъ году. Пропаганда соціалистовъ вызвала къ проповѣди и приверженцевъ существующаго порядка. Тѣ и другіе старались склонить народъ на свою сторону; пренія кипѣли по всѣмъ угламъ Франціи, вездѣ пробуждали мысль, и народъ не могъ смотрѣть на это равнодушно, ибо дѣло шло о самыхъ существенныхъ его интересахъ, о работѣ и собственности.

Можно сказать, что распространеніе выборнаго права на всѣхъ гражданъ оправдалось во Франціи на дѣлѣ. Народъ принималъ въ выборахъ болѣе дѣятельное участіе, нежели обыкновенно бываетъ даже въ Соединенныхъ Штатахъ, а между тѣмъ, вездѣ онъ пользовался своимъ правомъ мирно и въ порядкѣ. Въ 48-мъ году, когда подача голосовъ производилась по округамъ, цѣлыя общины съ своими знаменами, подъ предводительствомъ выборныхъ меровъ, шли на избраніе депутатовъ и президента, какъ на великое общественное дѣло. Крестьянинъ показалъ при этомъ и свою самостоятельность, ибо онъ подавалъ голосъ не всегда согласно съ желаніемъ существующаго правительства. Такъ Учредительное Собраніе было составлено большею частью изъ умѣренныхъ республиканцевъ, между тѣмъ какъ заправлявшій выборами министръ внутреннихъ дѣлъ былъ крайній демократъ. То же повторилось при выборѣ Людовика-Наполеона во время правленія генерала Кавеньяка. Наконецъ, самое Законодательное Собраніе на цѣлую треть состояло изъ красныхъ республиканцевъ, что̀ также можетъ свидѣтельствовать о самостоятельности выборовъ.

Нельзя однакоже не сказать, что съ распространеніемъ выборнаго права на весь народъ, первое мѣсто въ государствѣ занялъ элементъ, несравненно менѣе либеральный, нежели высшіе классы. Политическая власть, свобода преній составляютъ во Франціи потребность людей просвѣщенныхъ, привыкшихъ къ парламентской дѣятельности, къ политической жизни. Крестьянинъ естественно болѣе всего заботится о сохраненіи во что̀ бы ни стало порядка, необходимаго для ежедневной жиз-

ни, и готовъ поддерживать ту власть, которая обѣщаетъ удовлетворить насущнымъ его потребностямъ. Такимъ образомъ самое развитіе свободы ведетъ иногда къ ея уменьшенію. Пониженіе или отмѣненіе ценза представляется мѣрою либеральною: обыкновенно ее требуютъ друзья свободы; но нерѣдко она имѣетъ послѣдствіемъ временное удаленіе ихъ отъ общественныхъ дѣлъ, ибо низшее народонаселеніе, если у него нѣтъ существенныхъ побужденій къ измѣненію настоящаго порядка вещей, обыкновенно проникнуто духомъ охранительнымъ, и мало цѣнитъ тѣ духовныя блага, которыя для просвѣщенныхъ людей составляютъ высшее наслажденіе въ жизни. Однако, подобное обобщеніе права не остается безъ благодѣтельныхъ послѣдствій. Участіе въ политическихъ дѣлахъ возбуждаетъ въ народѣ дремавшую мысль и заставляетъ самые высшіе классы обратить должное вниманіе на менѣе просвѣщенныхъ братьевъ.

Во Франціи, во времена владычества либерализма, крестьяне оставались совершенно въ сторонѣ. Никто объ нихъ не заботился, никто не думалъ даже освѣдомляться объ ихъ положеніи. Всѣ общественные интересы сосредоточивались въ высшихъ сферахъ общества, и если взоры устремлялись иногда на низшіе слои, то исключительнымъ предметомъ вниманія были городовые работники, которые совершали революціи и вызывали ученія соціалистовъ. Теперь же и крестьяне, въ свою очередь, стали предметомъ всестороннихъ изслѣдованій и всеобщаго попеченія. Правительство обращается къ нимъ потому, что видитъ въ нихъ главную опору своего могущества, оппозиція—потому, что единственно съ ихъ помощью она можетъ приготовить торжество своихъ убѣжденій. Подобная дѣятельность, безъ сомнѣнія, будетъ имѣть наилучшія послѣдствія для благостоянія и просвѣщенія земледѣльческаго класса. Онъ воспользуется плодами тѣхъ демократическихъ учрежденій, которыя въ настоящее время составляютъ основу французскаго государства.

Выборное право крестьянъ имѣетъ для Франціи и другую выгодную сторону. Оно выдвигаетъ впередъ охранительный элементъ, въ которомъ сильно нуждается страна, обуреваемая слишкомъ частыми революціями. Крестьянинъ, по существу своему, консерваторъ: это вытекаетъ изъ свойства его занятій,

подчиненныхъ неизмѣннымъ законамъ природы, изъ привязанности его къ мѣсту, къ землѣ, его питающей, изъ медленности успѣховъ земледѣлія, въ которомъ трудъ, терпѣніе, бережливость имѣютъ болѣе значенія, нежели смѣлость и изобрѣтательность; наконецъ, изъ болѣе уединенной жизни, сосредоточенной въ семейномъ кругу, гдѣ наиболѣе сохраняются преданія старины. Городовая промышленность, напротивъ, возбуждая въ людяхъ безпрерывную дѣятельность и изобрѣтательность, поставляя ихъ подъ вліяніе неумолимаго соперничества, побуждая ихъ къ рискованнымъ предпріятіямъ, естественно внушаетъ человѣку энергію, подвижность, увѣренность въ своихъ силахъ, наклонность къ нововведеніямъ. Потому городовое сословіе обыкновенно представляетъ собою партію прогресса. Оба элемента равно необходимы для народа. Одинъ идетъ въ главѣ, пролагаетъ новые пути; другой умѣряетъ ходъ, воздерживаетъ слишкомъ быстрыя движенія перваго. Къ счастью, во Франціи эти противоположные элементы не находятся во враждѣ. Какъ мы уже имѣли случай сказать, они издавна составляютъ одно цѣлое и находятся въ тѣсномъ взаимнодѣйствіи. Крестьянинъ смотритъ на городъ, какъ на образецъ, въ особенности на городъ городовъ—Парижъ. Что̀ ни говорятъ противъ преобладанія столицы, для народа выгодно имѣть центръ просвѣщенія, къ которому обращается вся страна, который составляетъ какъ бы передовой постъ народнаго образованія. Парижъ не навязываетъ своего мнѣнія остальному государству: напротивъ, часто большинство идетъ ему наперекоръ; но окончательно мнѣніе его всегда является торжествующимъ. Сначала оно распространяется на другіе города, а оттуда и на села. Оттого для государственной власти такъ важно имѣть поддержку въ Парижѣ. Оттого нынѣшнее правительство Франціи съ нѣкоторымъ опасеніемъ смотрѣло на послѣдніе выборы, въ которыхъ Парижъ выставилъ пять республиканцевъ. Недавно еще министръ внутреннихъ дѣлъ, въ публичной рѣчи, упрекалъ парижскихъ работниковъ въ неблагодарности. И точно, правительство особенно старалось объ улучшеніи ихъ благосостоянія, ибо въ удовлетвореніи матеріальнымъ потребностямъ народа оно ищетъ залога своей прочности. Но парижскій работникъ идеалистъ:

въ 30-мъ году, онъ бился на баррикадахъ за свободу книгопечатанія. Энергическій и независимый его характеръ не терпитъ стѣсненія, а нынѣшняя Франція далеко не имѣетъ той свободы, къ какой она привыкла въ прежнее время.

Чѣмъ разрѣшится эта задача? Будетъ ли развитіе совершаться мирнымъ дѣйствіемъ всеобщаго права выбора, или Франція придетъ къ новому перевороту? Какую роль будутъ при этомъ играть земледѣльческій классъ и городовой? Все это покажетъ намъ исторія, за которой мы должны слѣдить въ качествѣ зрителей.

Б. Чичеринъ.

РАЗВИТІЕ ПОНЯТІЙ

О

ПРЕСТУПЛЕНІИ И НАКАЗАНІИ, ВЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ, ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Разсужденіе А. Богдановскаго. М. 1857 г.

—

При взглядѣ на новое изслѣдованіе по русскому праву, невольно представляются разные вопросы. У насъ почти вошло въ обычай жаловаться на бѣдность юридической литературы. Этимъ начинается почти каждая книга, каждая критическая статья. Въ самомъ дѣлѣ, жалобы имѣютъ законное основаніе. Мы еще очень небогаты важными результатами, самые существенные вопросы не только не рѣшены, но даже и не поставлены надлежащимъ образомъ. А между тѣмъ, въ матеріалѣ для науки вовсе нѣтъ недостатка. Источники безпрестанно умножаются, изслѣдованія тоже. Уголовное право, къ которому относится новая диссертація, была уже предметомъ нѣсколькихъ монографій. Итакъ мы принуждены сдѣлать не очень утѣшительное заключеніе: дѣйствительное обогащеніе науки не находится въ прямомъ отношеніи къ внѣшнему. Въ чемъ заключается причина такого печальнаго явленія, это другой вопросъ, но мы не думаемъ, чтобъ оно было преувеличено. Всякій, кто занимался русскимъ правомъ, знаетъ, по собственному опыту, съ какими трудностями здѣсь приходится бороться. Вмѣстѣ съ нѣсколькими замѣчательными трудами, которые бы

сдѣлали честь любой европейской литературѣ, надобно просмотрѣть множество изслѣдованій, скорѣе затрудняющихъ работу, чѣмъ помогающихъ ей. Дѣло не въ томъ, что между монографіями есть и плохія—гдѣ же и нѣтъ ихъ?—но въ томъ, что цѣлая литература отличается какою-то неровностію. Между тѣмъ какъ въ одномъ изслѣдованіи видно знакомство со всѣми средствами современной науки, видно большое общее образованіе, другое еще держится ученическихъ пріемовъ давно минувшаго времени. Критика находится при этомъ въ странномъ положеніи. Бѣдность литературы заставляетъ ее быть снисходительною и радоваться всякой сносной компиляціи, но въ то же время два-три образцовыхъ труда поднимаютъ мѣрку и увеличиваютъ требованія. Къ тому же на критикѣ лежитъ обязанность, строгимъ судомъ устранять изъ науки все, что не обогащаетъ ея дѣйствительно и умножаетъ безъ пользы работу будущихъ тружениковъ. Послѣ этого нельзя не быть довольнымъ, когда самъ авторъ, двумя-тремя словами, устанавливаетъ точку зрѣнія на свою книгу.

Это именно и сдѣлалъ г. Богдановскій. Уже изъ заглавія его труда видно, что новое разсужденіе не есть компиляція. Авторъ берется объяснить два основныхъ понятія уголовнаго права, по взгляду древней Россіи. Задача очень важная, но именно по ея важности мы и были нѣсколько удивлены подобнымъ выборомъ. Сочиненія, которыхъ цѣль — изобразить, въ общемъ очеркѣ, основныя начала науки, появляются обыкновенно или при первомъ зародышѣ ученой дѣятельности, или, напротивъ, въ очень богатой, обработанной литературѣ. И тамъ и здѣсь они имѣютъ свое значеніе. Въ первомъ случаѣ цѣль ихъ можетъ состоять въ указаніи важнѣйшихъ вопросовъ, которые подлежатъ рѣшенію; во второмъ, они приводятъ къ одному знаменателю всѣ сдѣланныя пріобрѣтенія и облегчаютъ для ученаго пользованіе многочисленными трудами его предшественниковъ. Но сколько намъ извѣстно, мы не находимся ни въ томъ, ни въ другомъ положеніи. Историко-юридическихъ изслѣдованій уже довольно много для того, чтобъ не было нужды въ предварительныхъ очеркахъ; а между тѣмъ древнее право не обработано еще на столько, чтобъ была возможность подвести общій итогъ сдѣланнымъ вы-

водамъ. Самъ авторъ отчасти согласенъ съ этимъ мнѣніемъ; онъ говоритъ, что не многіе изъ прежнихъ трудовъ были для него пособіемъ (см. предисловіе). Послѣ этого не въ правѣ ли мы удивляться обширному заглавію маленькой книжки?

Что̀ касается до способа изслѣдованія, то авторъ справедливо говоритъ, что «историческій методъ долженъ еще надолго оставаться девизомъ русской науки». Въ книгѣ попадаются ссылки на германское право. Все это, не смотря на обширность задачи, располагаетъ заранѣе въ пользу изслѣдованія. Благопріятное впечатлѣніе еще усиливается обѣщаніемъ показать отношеніе вопроса къ общему государственному развитію Россіи. При такихъ пріемахъ, читатель въ правѣ ожидать отъ автора не только дѣльной фактической обработки, но и болѣе яснаго взгляда на древнее уголовное право, чѣмъ въ большей части трудовъ прежняго времени. Вотъ почему странно, что въ тезисахъ, приложенныхъ къ книгѣ, новаго очень немного, и это немногое состоитъ изъ частныхъ замѣчаній, не касающихся сущности предмета. Все остальное не принадлежитъ самому автору. Въ его собственныхъ выводахъ именно основныя понятія нашихъ предковъ и затронуты очень мало.

Внимательное чтеніе книги объясняетъ, однако, эту бѣдность выводовъ. Г. Богдановскій недостаточно объяснилъ себѣ значеніе той методы, которой желалъ держаться. Неясный взглядъ на нее всего поразительнѣе въ сравненіяхъ между русскимъ правомъ и германскимъ. Авторъ дѣлаетъ ихъ только въ древнѣйшую эпоху, оставляя вовсе сравнительную методу въ большей половинѣ своего труда, между тѣмъ какъ по свойству задачи здѣсь-то она и была бы всего нужнѣе. Взявшись объяснить основныя понятія древней Россіи, въ сферѣ уголовнаго права, онъ тѣмъ самымъ обязанъ былъ показать, въ чемъ заключалась ихъ особенность, а при этомъ сравнительная метода была бы очень полезна. Ея отсутствіе отнимаетъ наглядность у выводовъ автора, дѣлая ихъ доступными только тѣмъ, кому извѣстенъ историческій ходъ уголовныхъ законодательствъ на Западѣ. Но этотъ недостатокъ еще не принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ, хотя безспорно уменьшаетъ достоинство сочиненія. Болѣе страненъ самый способъ, которымъ авторъ пользуется германскимъ правомъ. Трудно объяснить себѣ, для чего

онъ иногда къ нему обращается. Параллель не проведена постоянно, и это заставляетъ думать, что сравненіе дѣлается только для объясненія темныхъ вопросовъ въ нашей собственной исторіи, или для того, чтобъ воспользоваться общими выводами. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣшительно не видно ни той, ни другой цѣли. Такъ, напримѣръ, въ самомъ началѣ книги помѣщены довольно обширныя выписки изъ сочиненія Вильды: Strafrecht der Germanen, которыя рѣшительно ни къ чему не служатъ (стр. 7—10), ибо объясняютъ давно-извѣстную истину, — что у всѣхъ народовъ былъ періодъ кровной мести. Объ этомъ довольно было сказать въ двухъ словахъ. Не было никакой необходимости распространяться о томъ, что съ незапамятныхъ временъ составляетъ аксіому.

Едва ли яснѣе понимаетъ авторъ и просто историческую методу. Правда, онъ не смѣшиваетъ различныхъ эпохъ и старается показать ихъ границы. За это, конечно, нельзя не быть ему благодарнымъ, потому что у насъ еще цитуютъ иногда безразлично Русскую Правду и Уложеніе; но разграниченіе эпохъ всетаки сдѣлано чисто-внѣшнимъ образомъ и оттого не отличается ясностію. Чувствуя потребность показать постепенное развитіе уголовнаго права, авторъ удовлетворяетъ ей, однако, довольно поверхностно. Для этого онъ обращается къ извѣстной статьѣ г. Кавелина и выписываетъ изъ нея нѣсколько строкъ о появленіи въ XV вѣкѣ государственныхъ понятій, замѣняющихъ прежній, частный взглядъ князей. Но воспользоваться чужою вѣрною мыслію еще не значитъ вѣрно смотрѣть на вещи, и краснорѣчивая страница не много помогла г. Богдановскому. Она заставила его искать и въ уголовномъ правѣ того времени присутствія новыхъ началъ, но сущности этихъ началъ не могла открыть ему. Отсюда неясность и шаткость въ собственномъ мнѣніи автора о законахъ XV и XVI вѣковъ. Сначала онъ говоритъ, что въ это время выяснилось государственное, общественное значеніе преступленія, и оно становится царскимъ и земскимъ дѣломъ (стр. 105), а потомъ замѣчаетъ, что «въ Судебникѣ 1497 года, только тѣ преступленія имѣютъ вполнѣ общественное значеніе...., которыя совершаются вѣдомыми лихими людьми» (стр. 107). Откуда же взялось это ограниченіе, если уголовныя понятія уже выяснились въ это время? Признавъ

вмѣстѣ съ новою историческою школой важное значеніе XVI вѣка въ государственной жизни Россіи, авторъ почему-то считаетъ нужнымъ видѣть съ этихъ поръ коренной переворотъ въ законодательствѣ и безпрестанно впадаетъ въ противорѣчія, то съ источниками, то съ самимъ собою. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что въ промежуткѣ времени между 1-мъ и 2-мъ Судебникомъ выработывается понятіе объ уголовномъ процессѣ, въ отличіе отъ гражданскаго, и признакомъ этого полагаетъ учрежденіе губныхъ старостъ. Но если учрежденіе особаго вѣдомства для поимки разбойниковъ указываетъ на разграниченіе формъ процесса, то почему же не искать послѣдняго гораздо ранѣе? Еще до Судебника правительство отправляло сыщиковъ для поимки лихихъ людей. А послѣ, въ 1702 году, сыщики и губные старосты были уничтожены, и всѣ дѣла переданы воеводамъ. Съ своей точки зрѣнія авторъ долженъ видѣть въ этомъ шагъ назадъ, необъяснимый при томъ послѣдовательномъ развитіи уголовнаго права, какое онъ находитъ въ древней Россіи. Выводя значеніе различныхъ періодовъ законодательства, то изъ мнѣній исторической школы, принятыхъ имъ безъ дальнѣйшей разработки, то изъ двухъ-трехъ статей какого-нибудь памятника, онъ, какъ мы сказали, довольно часто противорѣчитъ себѣ. Напримѣръ, сначала онъ находитъ еще въ Русской Правдѣ зародыши новаго взгляда на преступленіе (стр. 100), а потомъ приписываетъ его исключительно вліянію государственныхъ идей XV вѣка. Но если въ эпоху Русской Правды государственныхъ идей еще не было, то откуда произошелъ новый взглядъ? Тутъ нѣтъ середины: или ходъ уголовнаго права не зависѣлъ до такой степени отъ развитія государства, или статьи Русской Правды объяснены невѣрно.

Все это происходитъ отъ ложной методы не только изложенія, но и самаго изученія предмета. Авторъ, очевидно, не написалъ, а *сочинилъ* свое изслѣдованіе, началъ не съ фактическаго изученія, а съ подведенія фактовъ подъ готовыя, но не ясныя понятія. Встрѣчая не совсѣмъ гибкіе факты, онъ или обходилъ ихъ, или толковалъ по своему. Способъ составленія книги отозвался на каждой страницѣ. Вездѣ видно, что въ основаніе легли общія идеи, обращающіяся въ нашей литературѣ, и потомъ къ къ нимъ пріурочено уголовное право. Еслибъ, напротивъ, ав-

торъ былъ заранѣе коротко знакомъ съ своимъ предметомъ, то во многихъ случаяхъ взглядъ его былъ бы опредѣленнѣе. Онъ не оставилъ бы безъ всякаго вывода собственную мысль, что преступленія получаютъ значеніе уголовныхъ(delicta publica) по степени той опасности, которая отъ нихъ происходитъ для общества. Ему не было бы никакой нужды проходить молчаніемъ, что въ Судебникѣ 1550 г. вѣдомые лихіе люди играютъ едва ли не бо́льшую роль, чѣмъ въ Судебникѣ 1497 г. При настоящемъ способѣ изслѣдованія, при восхожденіи отъ фактовъ къ общимъ идеямъ, а не обратно, объяснилось бы безъ труда настоящее отношеніе государственнаго быта къ частному, авторъ не сталъ бы искать въ ежедневномъ бытѣ гражданъ немедленнаго отраженія политическихъ идей древняго правительства. Наконецъ, отъ него не ускользнула бы до такой степени жизненная, фактическая сторона вопроса. А эта сторона какъ будто вовсе ему неизвѣстна, чему позволительно удивляться въ то время, когда и русская литература безпрестанно говоритъ о ней. Какимъ образомъ напр. въ диссертаціи, посвященной объясненію началъ уголовнаго права, могло быть оставлено безъ вниманія то противодѣйствіе, какое они встрѣчали, при своемъ появленіи, въ молодомъ, неразвитомъ обществѣ? Читая сочиненіе г. Богдановскаго, подумаешь, что все дѣло состояло въ сознаніи законодательной власти. Стоило ей признать такія-то преступленія уголовными, а не гражданскими, и все кончено. А въ исторіи было не такъ, и если авторъ взялся прослѣдить «процессъ внутренняго переработыванія идей въ умственной лабораторіи народа»(стр. 2), то надобно было показать, какъ и когда остановилось химическое броженіе. Это тѣмъ важнѣе, что тогда и законодательная дѣятельность была бы яснѣе и для автора, и для читателя. Особенности народнаго взгляда выступили бы ярко, и мы нашли бы въ сочиненіи отвѣтъ на такіе вопросы, которые теперь вовсе тамъ не встрѣчаются, напримѣръ: почему отпускать вора запрещено еще Судебникомъ, а «въ ножевомъ рѣзаньи» мирились и въ XVII вѣкѣ, да и запрещено это было не скоро. Отсутствіе строгаго анализа фактовъ видно даже и тамъ, гдѣ авторъ высказываетъ мысль совершенно вѣрную. Предѣлы ея почти никогда не указываются, и потому мнѣніе, по существу своему справедливое, становится несправедливымъ. Ав-

торъ много говоритъ о византійскомъ вліяніи, заимствовавъ эту мысль изъ Исторіи Россіи, г. Соловьева. Доказать ее фактически въ сферѣ русскаго законодательства было бы величайшею заслугой; но какъ же выполняетъ свою задачу г. Богдановскій? Онъ утверждаетъ голословно, что «съ XV столѣтія почва для воспринятія византійскихъ государственныхъ понятій была готова на Руси. А потому, начиная съ этого времени, мы замѣчаемъ дѣятельное взаимнодѣйствіе двухъ правъ—права чужеземнаго, принесеннаго изъ Византіи, которымъ руководилось духовенство въ своей дѣятельности, и права туземнаго, развившагося изъ народныхъ началъ.» (Стр. 106). О вліяніи Византіи на политическую сферу никто не станетъ спорить; но изъ чего видно юридическое ея вліяніе въ XV вѣкѣ? Развѣ изъ того, что даже церковныя постановленія въ это время плохо соблюдались и были мало извѣстны? что въ самомъ стоглавѣ они искажены невѣжествомъ?... Гдѣ слѣды этого вліянія въ судебникахъ, дополнительныхъ статьяхъ, или уставныхъ граматахъ? Ничего подобнаго авторомъ не доказано, да и доказать это невозможно. А между тѣмъ онъ говоритъ, что византійское право, какъ болѣе развитое, оказывало при этомъ и сильнѣйшее вліяніе, видоизмѣняя, совершенствуя понятія и учрежденія, выработанныя народнымъ правомъ (стр. 106). Этого незамѣтно даже и въ Уложеніи, гдѣ, однако, нѣкоторыя статьи взяты изъ градскихъ законовъ. Напротивъ, можно съ полнымъ правомъ сказать, что отношеніе было обратное, т. е. на первомъ планѣ стояли народныя начала, а византійскія понятія проникали въ слабой степени и занимали второстепенное мѣсто. Впрочемъ, худшее во взглядѣ автора совсѣмъ не то, что этотъ взглядъ ошибоченъ, а то, что онъ ничѣмъ не доказанъ. Единственная ссылка говоритъ скорѣе противъ него, чѣмъ въ его пользу. Авторъ ссылается на одинъ уставъ Ярослава. Мы не станемъ говорить о содержаніи этого памятника, но еслибъ въ немъ и было сильнѣйшее вліяніе Византіи, то развѣ онъ относится въ XV вѣку? Перерывъ въ цѣлыя шесть столѣтій между имъ и Уложеніемъ доказываетъ развѣ постоянство и силу византійскаго вліянія на наше свѣтское законодательство? Отсюда скорѣе можно вывести, что, ослабѣвъ съ теченіемъ времени, это вліяніе возобновилось только подъ конецъ древняго періода. На какомъ же основаніи г. Бог-

дановскій нисколько не задумался включить въ число тезисовъ свое афористическое сужденіе.

Афоризмъ, вообще, составляетъ слабую струну г. Богдановскаго. Онъ никакъ не хочетъ оставить читателя въ невѣдѣніи даже относительно тѣхъ своихъ убѣжденій, которыя нисколько не относятся къ дѣлу. Къ сожалѣнію, наука мало выигрываетъ отъ такого распространенія естественныхъ рамокъ, потому что авторъ всегда ограничивается голословнымъ заявленіемъ своего сочувствія къ тому или другому мнѣнію. Вслѣдствіе этого мы подробно узнаемъ, что́ любитъ и чего не любитъ г. Богдановскій, но свѣдѣнія наши объ уголовномъ правѣ нисколько не подвигаются. Приведемъ два любопытные образчика подобныхъ разсужденій. Недавно въ нашей литературѣ было высказано новое мнѣніе, встрѣченное жаркою полемикой, мнѣніе о господствѣ въ древней Россіи, по разложеніи родоваго быта, отдѣльной личности, что́ имѣло послѣдствіемъ отсутствіе союзнаго духа и распаденіе первоначальной общины. Г. Богдановскій почему-то считаетъ нужнымъ высказать свой взглядъ на спорный вопросъ, но какъ же онъ это дѣлаетъ? Въ отвѣтъ на толстую книгу, гдѣ это мнѣніе проведено почти отъ первой страницы до послѣдней, онъ объявляетъ, безъ всякихъ доказательствъ, что «такое хаотическое, безпорядочное состояніе не мыслимо», что русская исторія его не знаетъ, а знаетъ только «родовой бытъ, еще замѣтный для глаза историка на зарѣ ея» (только на зарѣ?) и потомъ общинный бытъ. (Стр. 93.) Такимъ образомъ, въ шести строчкахъ не только опровергается новый взглядъ на древнее общество, но мимоходомъ задѣвается теорія родоваго быта, составившая эпоху въ нашей литературѣ. Къ чему служатъ подобныя объявленія? Для большинства читающей публики, они рѣшительно безполезны, а въ спеціалистѣ способны развѣ возбудить негодованіе за легкомысленный взглядъ на науку. Точно такъ же авторъ говоритъ и о повальномъ обыскѣ. Извѣстно, что г. Чичеринъ высказалъ мнѣніе, что земское управленіе XVI вѣка было созданіемъ правительства. Эта мысль не нравится автору, и онъ пользуется случаемъ высказать мимоходомъ свою антипатію. Не имѣя особенной нужды говорить о происхожденіи повальнаго обыска, онъ «не колеблясь» рѣшается назвать его остаткомъ той судной власти, *какая*

искони, изъ глубокой древности. принадлежала отдѣльнымъ общинамъ.» Въ доказательство приведены статьи Руской Правды о разбоѣ, коневомъ татѣ и зажигательствѣ, съ ложнымъ, ни на чемъ не основаннымъ толкованіемъ, будто бы вервь могла не выдать преступника, заплативъ виру; да еще статья Двинской грамоты о душегубствѣ. (Стр. 109, примѣч.) Но гдѣ же тутъ судъ? гдѣ *искони*? гдѣ глубокая древность? Мысль г. Чичерина можетъ быть невѣрна, но авторъ нисколько не опровергъ ея.

По поводу афоризмовъ г. Богдановскаго нельзя не сдѣлать одного замѣчанія, которое можно бы назвать психологическимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ полемика между новою историческою школой и ея противниками возобновилась съ большею силой, нѣкоторые изъ молодыхъ изслѣдователей какъ будто чувствуютъ себя въ неловкомъ положеніи. Не хотя или не умѣя провѣрить собственнымъ трудомъ выводы различныхъ направленій, они стараются найдти между ними средній терминъ. Не сомнѣваясь въ добросовѣстномъ побужденіи, которое ими руководитъ, мы не думаемъ, однако, чтобъ ихъ попытки могли увѣнчаться успѣхомъ. Примиреніе различныхъ взглядовъ возможно только вслѣдствіе долгой обстоятельной разработки спорныхъ вопросовъ. Путемъ произвольнаго выбора, путемъ внѣшняго соглашенія тутъ ничего не сдѣлаешь. Это робкое мягконькое направленіе, къ сожалѣнію, сильно повредило автору. Полемика послѣднихъ двухъ годовъ, очевидно, тяготѣетъ надъ нимъ. Ему хочется, чтобъ всѣ были правы, и, въ окончательномъ результатѣ, всего менѣе правъ остается онъ самъ. Г. Богдановскій не можетъ сдѣлать шага, но вспомнивъ, что онъ сталкивается съ тѣмъ или другимъ мнѣніемъ. Отсюда и произошла бо̀льшая часть его афоризмовъ. Онъ точно боится упрека въ пристрастіи къ какой-нибудь партіи. Безпристрастіе, конечно, добродѣтель, но тогда только, когда ведетъ къ истинѣ, а не мѣшаетъ ее видѣть. Въ послѣднемъ случаѣ оно сбивается на индиферентизмъ, столь же вредный въ наукѣ, сколько и въ жизни; а что̀ всего хуже, на отсутствіе собственныхъ убѣжденій. Не упрекаемъ въ этомъ автора, но не можемъ не замѣтить, что въ его положеніяхъ мало единства. Они какъ-будто взяты изъ различныхъ сочиненій. Сказавъ наприм., что настоящее развитіе уголовнаго

права начинается только съ XV вѣка, подъ вліяніемъ государственныхъ идей, авторъ пытается связать эту мысль съ мнѣніемъ тѣхъ, которые хотятъ уже въ эпоху Русской Правды видѣть значительное развитіе общества. Это заставляетъ его находить зародышъ новаго взгляда въ такомъ первобытномъ наказаніи, какъ потокъ и разграбленіе. У него новгородцы грабятъ домъ преступника чуть-чуть не во имя высшей правды (любимое слово автора). Вообще, Русская Правда и г. Чичеринъ одинаково не даютъ ему покоя. Послѣдняго онъ то и дѣло опровергаетъ мимоходомъ, и мы видѣли уже, какимъ способомъ; а съ первою ему большая неудача. Немногія изъ собственныхъ замѣчаній г. Богдановскаго могутъ быть приняты. Нѣкоторыя очень странны. Автору вздумалось наприм. противопоставить неравенство женщины съ мущиной, по германскому праву, ихъ равенству въ древней Россіи. «Въ Русской Правдѣ, говоритъ онъ, мы имѣемъ ясное свидѣтельство, что убійца женщины судится такъ же, какъ и убійца мужчины: «аже кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа,» — а потомъ дѣлаетъ примѣчаніе: «продолженіе этой статьи: «аже будетъ виноватъ, то полвиры, 20 гривенъ,» — мы не умѣемъ объяснить.»(Стр. 133). Да что же тутъ непонятнато? Судъ одинаковый, а наказаніе за убійство женщины—меньше. Авторъ, очевидно, увлекся желаніемъ наградить Русскую Правду лишнимъ преимуществомъ. Но, право, въ этомъ не было никакой необходимости. Юридическое положеніе русской женщины и безъ того отличается независимостію; странная противоположность ея легальной самостоятельности съ фактическимъ подчиненіемъ могла бы даже быть предметомъ особаго, очень любопытнаго изслѣдованія. Нельзя не пожелать, чтобъ въ будущихъ своихъ произведеніяхъ авторъ далъ поболѣе мѣста самостоятельному труду и освободился изъ-подъ гнета чужихъ мнѣній, которыми его собственное опредѣляется теперь положительно или отрицательно.

Мы не станемъ подробно разбирать положеній г. Богдановскаго. Бо̀льшая часть ихъ состоитъ изъ повтореній, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, мнѣній прежнихъ изслѣдователей, и съ этой точки зрѣнія, его книга можетъ быть не безполезна для справокъ и доказываетъ знакомство съ литературными посо-

біями. Но этимъ и ограничиваются достоинства сочиненія. Новаго шага литература наша въ немъ не дѣлаетъ. Чтó касается до внѣшней стороны труда, то, къ сожалѣнію, и она не вполнѣ удовлетворительна. Юридическій языкъ долженъ отличаться опредѣленностію. Это его первое достоинство. А г. Богдановскій безпрестанно употребляетъ фразы въ родѣ слѣдующей: «идея преступленія не отливается въ своемъ развитіи ни въ какую видимую, внѣшнюю форму.» Чтó это значитъ? и неужели нельзя было сказать попроще? Не забудьте, что это выраженіе встрѣчается въ тезисахъ, гдѣ ясность всего нужнѣе. Подобными фразами усѣяна вся книга. Примиреніе божества, высшая правда не сходятъ съ языка у г. Богдановскаго. Эта ненужная торжественность мѣшаетъ ясности. Изъ-за нея читатель теряетъ нить самой мысли. Авторъ знакомъ съ юридическимъ языкомъ Германіи. Ему извѣстно, что нѣкоторые изъ тамошнихъ юристовъ отличаются изящностію слога, а вѣдь ни одинъ не прибѣгаетъ къ такимъ внѣшнимъ украшеніямъ. Притомъ и восторгъ г. Богдановскаго ничѣмъ не объясняется. Въ древнемъ уголовномъ правѣ были и хорошія и дурныя стороны, но идеями, не только высокими, но какими бы то ни было, оно совсѣмъ не отличалось. Сочувствіе къ родной старинѣ вовсе не требуетъ паѳоса, особенно въ ученыхъ разсужденіяхъ.

Ѳ. Дмитріевъ.

ІОАННЪ СЕБАСТІАНЪ БАХЪ.

I.

Христіанская музыка родилась вмѣстѣ съ христіанствомъ. Первые поклонники Христа, боясь преслѣдованія Римлянъ, отправляли свое богослуженіе въ тайныхъ убѣжищахъ и пѣли гимны Создателю, — гимны безыскусственные, прямо выливавшіеся изъ простыхъ сердецъ, переполненныхъ благоговѣніемъ. Первая музыка была музыка духовная. Невѣжество среднихъ вѣковъ, авторитетъ стѣснительныхъ греческихъ теорій и духъ католицизма, выразившійся въ приказаніи папы Григорія Великаго — не смѣть отступать отъ узаконенной нормы церковныхъ напѣвовъ, надолго задержали ея развитіе. Но оно всетаки совершалось. Ученые музыканты, по преимуществу лица духовнаго сословія, развивали теоретическую часть музыки, старались составить кодексъ гармоніи; трубадуры и миннезенгеры, предаваясь только своей фантазіи, изобрѣтали мелодіи. Къ сожалѣнію, эти двѣ стороны музыки развивались совершенно независимо, и даже враждебно одна относительно другой. Трубадуры не имѣли никакого понятія о правилахъ гармоніи, а ученые музыканты, съ высоты величія, съ презрѣніемъ смотрѣли на жалкихъ пѣвцовъ-невѣждъ и почли бы для себя оскорбленіемъ перенять у нихъ что̀ бы то ни было. Въ концѣ XV столѣтія, это разъединеніе достигло высшей своей точки. Ученые теоретики сдѣлали изъ музыки какую-то голово-

ломную работу; главная цѣль музыкальнаго произведенія, дѣйствовать на чувства, была совершенно оставлена; художество превратилось въ сухую формалистику; писали *каноны*, которыхъ достоинство измѣрялось рабскимъ повтореніемъ одного и того же напѣва во всѣхъ голосахъ, — если можно назвать напѣвомъ всякую послѣдовательность тоновъ. Изобрѣли круговой или безконечный канонъ, нѣчто въ родѣ докучной басни, канонъ обращенный, канонъ сфинксъ, передъ которымъ ставили вопросительный знакъ въ кружкѣ, что̀ означало: отгадай, когда каждый пѣвчій долженъ начинать свое пѣніе, и пр. Эти фокусы составляли тогда всю сущность ученой музыки, а преемники трубадуровъ продолжали между тѣмъ сочинять простыя мелодіи, безъ всякаго аккомпанимента.

Въ XVI вѣкѣ началось новое стремленіе — къ сліянію гармоніи съ мелодіей. Любопытенъ ходъ этого сліянія. Началось съ того, что ученые музыканты стали писать церковные гимны, мессы и пр. на свѣтскіе, иногда просто на площадные напѣвы, отдѣлывая ихъ по всѣмъ правиламъ контрапункта и примѣняя ихъ къ духовному тексту. Не для чего искать другаго доказательства отсутствія всякой музыкальной мысли и выраженія въ этихъ нелѣпыхъ сочетаніяхъ духовныхъ словъ и ученой отдѣлки съ народными и свѣтскими мелодіями? Но этого еще мало. Въ самомъ хорѣ одинъ пѣлъ Sanctus, другой въ то же время тянулъ Kyrie eleison, третій Gloria и т. д. Однимъ словомъ, это были произведенія чудовищныя въ эстетическомъ смыслѣ.

Что̀ же сталось въ это время съ тѣми напѣвами трубадуровъ, которые заставляли задумываться, плакать и смѣяться les preux chevaliers и les belles châtelaines? Что̀ сталось съ музыкой свѣтской? Она пала подъ вліяніемъ сухой учености контрапунктистовъ. Знаніе музыкальной теоріи и правилъ гармоніи вышло изъ-за стѣнъ монастырскихъ, проникло въ массу, и свѣтскія пѣсни начали отдѣлываться на ученый манеръ. Внѣшность мало-по-малу брала верхъ, и мелодія совершенно исчезла. Стали писать только четырехъ-голосныя сочиненія, и даже въ мистеріяхъ, которыя мало-по-малу перерождались въ оперу, арія не допускалась. Остались хоры и речитативъ, который, вѣроятно, былъ декламированъ, а не пѣтъ.

Но умы уже были въ броженіи, приближался переворотъ. Новое ученіе вспыхивало то тамъ, то сямъ, живымъ огнемъ, котораго не могли загасить ни казни, ни торжественныя отреченія. Съ реформаціею все ожило: ожила и музыка, и въ ней Лютеръ является преобразователемъ. Онъ собиралъ церковные напѣвы для новаго богослуженія, напѣвы, исполнявшіеся, какъ извѣстно, всѣмъ народомъ. Часть этихъ напѣвовъ была взята изъ католической сокровищницы, часть изъ народныхъ пѣсенъ (этотъ обычай еще не совсѣмъ искоренился), часть, наконецъ, вновь сочинена самимъ Лютеромъ и другими. Эти напѣвы называются *хоралами*; ихъ поютъ въ лютеранскихъ церквахъ съ аккомпаниментомъ органа. Необходимое условіе хораловъ заключалось въ простотѣ: музыка должна была быть понятною для всѣхъ, потому что всѣ ее пѣли. Обыкновенно, cantus firmus или главный напѣвъ помѣщали въ теноръ, остальные три голоса придѣлывались къ этому тенору, составлявшему главное основаніе сочиненія. Озіандеръ первый рѣшился помѣстить этотъ главный напѣвъ въ сопрано, говоря, что чрезъ это мелодія будетъ слышнѣе,и братія можетъ легче подтягивать. И дѣйствительно, въ многоголосномъ сочиненіи, очертанія сопрано выдаются гораздо рельефнѣе прочихъ голосовъ, и главная мелодія имѣетъ тамъ естественное мѣсто въ монофоническомъ сочиненіи.

По этому новому пути развивалась протестантская музыка. Сравненіе было слишкомъ невыгодно для католическаго церковнаго пѣнія. Духовенство, съ своей точки зрѣнія, видѣло преступленіе въ томъ, что были оставлены григоріанскія нормы, святотатство—въ уродливой смѣси свѣтскаго и площаднаго съ божественнымъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ 1562 г. на Тридентскомъ соборѣ. Уже положили было совершенно запретить фигуральную музыку и просто возстановить антифонарій Григорія Великаго. Такое запрещеніе грозило остановить дальнѣйшее развитіе музыки, потому что для всякаго развитія нужна свобода и открытое поле дѣятельности.

Къ счастію, нѣкоторые члены собора взглянули на этотъ вопросъ съ эстетической точки зрѣнія и нашли себѣ сильнаго представителя въ лицѣ императора Фердинанда I. Роковое рѣшеніе было отсрочено, и положили предварительно испытать,

нельзя ли, отбросивъ только свѣтскія мелодіи, придать духовной музыкѣ достоинство и величіе, которыхъ она совершенно лишалась. Послѣ многихъ разсужденій и колебаній, коммиссія, рѣшавшая этотъ вопросъ, поручила одному изъ музыкантовъ написать для пробы мессу въ новомъ стилѣ, который бы удовлетворилъ всѣмъ предписаннымъ требованіямъ. Я не стану здѣсь перечислять, въ чемъ состояли эти требованія; упомяну только о главнѣйшемъ: чтобы слова текста не были затемняемы музыкальною отдѣлкой. Это требованіе, очевидно, изгоняло форму фуги.

Композиторъ, которому поручено было написать пробную музыку, былъ великій Палестрина. Случайность, полная важныхъ послѣдствій! Московская публика имѣла случай, въ концертѣ пѣвческой капеллы кн. Голицына, познакомиться съ простымъ, но величественнымъ, широкимъ стилемъ Палестрины. Въ немъ кое-что кажется рѣзкимъ, — кто не платилъ дань своему вѣку?—но къ этой рѣзкости можно привыкнуть, и несмотря на нее, произведенія Палестрины носятъ на себѣ печать великаго генія.

Переворотъ совершился. Внѣшнія формы перестали быть цѣлью, Палестрина видѣлъ въ нихъ только средство для высшей цѣли, для смысла и выраженія. Все преклонилось передъ геніемъ, и музыка вступила въ новый міръ. Но, разумѣется, стиль Палестрины не исчерпывалъ всю сущность музыки. Ее освободили изъ прежней безвкусной и безсмысленной рамки, и вставили въ новую, изящную, — но все же рамку. Стиль Палестрины, то-есть исполненіе тридентскихъ требованій, сталъ новою нормой, новымъ тормазомъ для хода искусства впередъ. Но духовныя силы художниковъ должны были найдти себѣ исходъ, и нашли его — въ оперѣ. Тутъ собственно развилась мелодія, появился музыкальный речитативъ, возродилась арія. Это направленіе приняло характеръ реакціи, и, по общему закону всѣхъ реакцій, впало въ противоположную крайность. Съ ненавистью стали смотрѣть Италіанцы на контрапунктъ, принимая его за главную причину сухости и холодности нѣмецкой и, вообще, духовной музыки. Мало-по-малу самые исполнители, пѣвцы, пріобрѣтали болѣе и болѣе важное значеніе, и, наконецъ, faire valoir les voix стало девизомъ италіанской музыки. Желая

совершенно освободиться отъ оковъ контрапункта, композиторы стали, наконецъ, оставлять акомпаниментъ совершенно на произволъ исполнителя, обозначая только басъ и снабжая его цыфрами для указанія аккордовъ.

Это реактивное направленіе, въ свою очередь, оказало вліяніе на Германію. Удобопонятность италіянскихъ мелодій, простота отдѣлки, доступная для каждаго, наконецъ, можетъ-быть, самая новизна ихъ, возбудили всеобщій энтузіазмъ. Всѣ знатные люди, князья и владѣтели германскихъ земель стали зазывать къ себѣ Италіянцевъ, посылали Нѣмцевъ учиться музыкѣ въ Италію, при всѣхъ дворахъ появились италіянскія канеллы, и ни одинъ Нѣмецъ не могъ прослыть замѣчательнымъ музыкантомъ, не побывавъ въ Италіи.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, развитіе музыки пріостановилось. То было смутное время. Война за войною опустошала Европу. Религіозныя распри, тридцатилѣтняя война въ Германіи, преслѣдованіе Гугенотовъ во Франціи и т. д. отвлекли вниманіе народовъ отъ изящныхъ искусствъ. Только Италія отдыхала отъ своей несчастной доли—быть мѣстомъ побоища чужеземныхъ пришельцевъ.

Присутствіе во Франціи членовъ фамиліи Медичи и, вслѣдствіе этого, наплывъ Италіянцевъ, естественнымъ образомъ, познакомили Францію съ италіянской музыкой. Но она приняла тутъ еще пустѣйшій оттѣнокъ: первое мѣсто занялъ балетъ, и, наконецъ, французскій стиль сталъ отличаться отъ прочихъ утомительною вычурностью, фигурностью, кокетствомъ.

Таково было состояніе музыки въ Европѣ, когда появились на музыкальномъ горизонтѣ колоссальныя фигуры Баха и Генделя.

II.

Въ началѣ XVI вѣка, пресбургскій хлѣбникъ Фейтъ Бахъ бѣжалъ отъ религіозныхъ преслѣдованій изъ Венгріи въ Германію и поселился недалеко отъ Готы. Все потомство его отличалось необыкновенными способностями къ музыкѣ и патріархальностью нравовъ. Такъ, напримѣръ, правнуки его, въ назначен-

ный день съѣзжались одинъ разъ въ годъ и, въ обществѣ канторовъ, органистовъ и пр., посвящали эти дни свиданія исключительно музыкѣ. Одинъ изъ братьевъ, Іоаннъ Амвросій Бахъ, придворный и «государственный» музыкантъ въ Эйзенахѣ, былъ отецъ Іоанна Себастіана.

Кстати, сдѣлаемъ здѣсь оговорку. Каждый нѣмецкій князекъ имѣлъ у себя капеллу съ особеннымъ чиноположеніемъ, такъ что довольно трудно добраться до значенія тысячи отличій въ этомъ сумбурѣ капельмейстеровъ, концертмейстеровъ, гофъ-музикусовъ, штатсъ-музикусовъ, гофъ-и оберъ-органистовъ, композиторовъ, и пр.

У Амвросія былъ братъ-близнецъ до того съ нимъ схожій, что даже жены различали ихъ только по платью. *Іоаннъ Себастіанъ* былъ второй сынъ Амвросія и родился 21 марта 1685 г. Ему было 10 лѣтъ, когда онъ лишился отца; мать его умерла еще раньше, и онъ поступилъ подъ надзоръ старшаго брата своего Іоанна Христофа, органиста въ Ордруфѣ. Христофъ былъ строгій, сухой педантъ; онъ не понималъ, какой геній скрывается въ его братѣ, и не давалъ ему средствъ развиться. Когда Себастіанъ прошелъ подъ его руководствомъ весь курсъ музыкальной азбуки и граматики, то-есть все, что́ было извѣстно Христофу, онъ не позволялъ ему идти далѣе, приказалъ повторять старое и строго запретилъ заглядывать въ незнакомыя ноты. Но Себастіана уже мучила жажда звуковъ. Онъ замѣтилъ, куда братъ его прячетъ тетрадку нотъ, прельстившую его болѣе всего. Былъ у нихъ въ домѣ шкафъ съ рѣшетчатою дверью: ноты въ свиткѣ лежали тамъ, но шкафъ былъ запертъ на ключь. Себастіану удалось какъ-то просунуть рученку въ клѣточку рѣшетки, схватиться за свитокъ и вытянуть его. Цѣль была достигнута. Въ тетрадкѣ находились сочиненія знаменитыхъ въ то время представителей нѣмецкаго стиля и фуги: Керля, Пахельбеля, Букстегуде, Бема, Фробергера и др.

Букстегуде особенно славился удивительнымъ исполненіемъ фугъ на органѣ. Пахельбель и Фробергеръ оказали много услугъ музыкѣ, облагораживая стиль органныхъ и клавикордныхъ сочиненій. Пахельбель изобрѣлъ форму такъ-называемыхъ *увертюръ*, особеннаго рода небольшихъ пьесъ для клавикорда; Фробергеръ, кромѣ сочиненій, извѣстенъ еще своими романическими похожденіями. Онъ былъ уже вѣнскимъ придворнымъ капель-

TAYLOR INST. OXFORD

мейстеромъ, у всѣхъ въ чести; но ему не сидѣлось на мѣстѣ. Онъ оставилъ и славу, и деньги, и поѣхалъ въ Англію. Во Франціи, близь Кале, напали на него разбойники и обобрали его кругомъ. Почти въ одной рубашкѣ дошелъ онъ до города. Вскорѣ попутный вѣтеръ понесъ въ Англію корабль, на который сѣлъ Фробергеръ. Погода была превосходная, всѣ были веселы, и уже близокъ былъ берегъ,—какъ вдругъ раздаются выстрѣлы, безпечныхъ матросовъ окружаютъ корсары, и начинается морская битва. Вскорѣ корабль потерялъ мачту и получилъ нѣсколько ядеръ въ бока. Надо было сдаваться. Фробергеръ хорошо плавалъ. Разсчитывая на свои силы, онъ рѣшается броситься въ море и съ трудомъ доплываетъ до берега Англіи. И вотъ, промокши до костей, безъ копѣйки, очутился онъ на чужой землѣ, гдѣ его никто не знаетъ. Какой-то матросъ сжалился надъ несчастнымъ и далъ ему старое, поношенное, но по крайней мѣрѣ сухое тряпье. Фробергеръ пошелъ къ Лондону искать ночлега. Проходя Вестминстерское аббатство, онъ услышалъ звуки органа: въ церкви шло служеніе. Припавъ къ ступенямъ храма, Фробергеръ сталъ слушать, заслушался и забылся. Звуки прекратились, служба отошла, уже послѣдніе посѣтители вышли изъ церкви,—а онъ все сидѣлъ и мечталъ.

— Эй, пріятель, пора вставать! раздалось близь него. Фробергеръ вскочилъ; какой-то ворчунъ-старикъ запиралъ церковную дверь и указывалъ ему дорогу.—Что̀ съ тобою? Бѣда какая-нибудь случилась? спросилъ онъ, видя разстроенное лицо и жалкую одежду Фробергера.

Фробергеръ, не называя себя, разказалъ старику въ краткихъ словахъ всѣ свои похожденія.

— Теперь я остался безъ куска хлѣба и безъ пріюта на ночь, заключилъ онъ.

— Что-то больно мудрены твои похожденія, сказалъ старикъ: ну, да какъ бы то ни было, слушай: я органистъ здѣшней церкви и королевскаго двора. Не возмешься ли ты у меня раздувать мѣха? Я тебѣ дамъ квартиру, платье и столъ.

Съ радостью принялъ Фробергеръ неожиданное предложеніе. Но вскорѣ начались для него мученія другаго рода. Органистъ его былъ гордый, самолюбивый невѣжа, и Фробергеръ, раздувая

мѣха, и въ церкви во время служенія, и во дворцѣ, во время обѣда, по тогдашнему обыкновенію,—не могъ найдти ни разу удобнаго случая прикоснуться къ завѣтнымъ клавишамъ и отвести душу. Часто терпѣніе его готово было лопнуть, но онъ сдерживался и продолжалъ испытывать муки Тантала.

Въ Лондонѣ готовилось торжество. Карлъ II праздновалъ свою свадьбу съ Катериной Португальской. По этому случаю король давалъ пышный обѣдъ, залы дворца блистали бриллiантами и золотомъ, и Фробергеръ, съ органистомъ, были у своихъ постовъ на хорахъ. Король вошелъ. Раздались звуки органа, сначала pianissimo, потомъ сильнѣе и сильнѣе, и вдругъ, на самой срединѣ фразы, внезапно пресѣклись, и настало безмолвіе. Всѣ присутствовавшіе въ залѣ невольно обратили глаза къ органу, желая знать причину этой остановки: Фробергеру въ первый разъ привелось видѣть такое великолѣпіе и блескъ, онъ засмотрѣлся на раззолоченую толпу, и забылъ о несчастныхъ мѣхахъ. Органистъ, въ бѣшенствѣ, не смотря на присутствіе короля, избилъ Фробергера кулакомъ по лицу и, въ отчаяніи, выбѣжалъ вонъ. Тогда Фробергеръ отеръ, молча, выкатившуюся слезу, смѣло сѣлъ за органъ, поручивъ кому-то надувать мѣха, и сталъ фантазировать. Начавъ рѣзкими диссонансами, онъ разрѣшилъ ихъ въ мастерскую гармонію. Нечего описывать изумленіе слушателей. Привыкнувъ къ заученнымъ звукамъ своего органиста-ремесленника, они вдругъ вступили въ новый міръ, услышали органиста-художника.

— Кто это? Кто играетъ? раздавалось вездѣ. Одна изъ придворныхъ дамъ, будучи въ Вѣнѣ, брала у Фробергера уроки; она тотчасъ узнала его по оргиняльности игры и сказала объ этомъ королю. Карлъ подозвалъ его къ себѣ, выслушалъ разказъ о его похожденіяхъ, осыпалъ его милостями и деньгами, сдѣлалъ своимъ органистомъ и т. д. Наконецъ-то Фробергеръ могъ отдохнуть. Какъ бы не такъ! Не сидѣлось ему на мѣстѣ. Не много времени спустя, возвратился онъ въ Вѣну. Но тамъ уже отношенія перемѣнились: милость императора была потеряна, и Фробергеръ, получивъ отставку, кончилъ жизнь въ Майнцѣ, перебиваясь изъ куска хлѣба. Но возвратимся къ Баху.

Похитивъ завѣтный свертокъ, Себастіанъ сталъ его переписывать. Такъ какъ братъ его днемъ всегда бывалъ дома, а вечеромъ не давалъ ему свѣчи, то онъ переписывалъ ноты въ ясныя ночи, при лунномъ освѣщеніи. Шесть мѣсяцевъ употребилъ онъ на эту работу и уже приближался къ послѣдней страницѣ, какъ братъ случайно узналъ объ этой продѣлкѣ. Безжалостно отнялъ онъ у Себастіана и оригиналъ, и копію.

Вскорѣ смерть избавила Себастіана отъ ига брата, онъ отправился съ товарищемъ своимъ въ Люнебургъ и поступилъ пѣвчимъ, въ хоръ тамошней школы св. Михаила; одаренный отличнымъ сопрано, онъ занялъ тамъ почетное мѣсто между пѣвчими, но вскорѣ возмужалъ, голосъ его сталъ перемѣняться, при чемъ произошло, говорятъ, странное явленіе: вмѣстѣ съ сопрано слышалась, когда онъ пѣлъ, нижняя октава. Это продолжалось нѣсколько недѣль и разрѣшилось тѣмъ, что Бахъ совершенно потерялъ голосъ. Тогда посвятилъ онъ себя вполнѣ органу и клавирамъ, ѣздилъ въ Гамбургъ слушать знаменитаго Рейнеке, (который 60 лѣтъ сряду былъ тамъ органистомъ и умеръ почти ста лѣтъ отъ роду), а герцогская капелла въ Целле, состоявшая большею частью изъ Французовъ, познакомила его съ характеромъ французской музыки того времени. Въ 1703 поступилъ онъ въ гофъ-музикусы въ Веймаръ, въ 1704 перешелъ органистомъ въ Арнштадтъ, гдѣ ему впервые достался въ распоряженіе органъ. Тутъ дѣятельно сталъ онъ изучать творенія своихъ предшественниковъ, пошелъ пѣшкомъ въ Любекъ, чтобы познакомиться съ игрою знаменитаго Букстегуде и прожилъ тамъ три мѣсяца, никому не объявивъ своего имени. Между тѣмъ началъ онъ уже пріобрѣтать извѣстность. Въ 1707 г. сдѣланъ онъ органистомъ въ Мюльгаузенѣ, въ слѣдующемъ 1708 г., будучи въ Веймарѣ, онъ до того обворожилъ герцога своею игрою на органѣ, что тотъ предложилъ ему мѣсто гофъ-органиста. Тамъ прожилъ онъ девять лѣтъ; хотѣли его отсюда сманить въ Галле, но онъ не согласился покинуть мѣсто, съ которымъ свыкся и гдѣ пріобрѣлъ уже большую извѣстность. Въ 1717 году сдѣланъ онъ былъ концертмейстеромъ, что обязывало его сочинять духовную музыку и смотрѣть за ея исполненіемъ. Къ этому времени относится любопытный музыкальный поединокъ его съ Французомъ Маршаномъ.

Маршанъ (Marchant) родился въ Ліонѣ въ 1669 г. Еще въ молодыхъ лѣтахъ пріѣхалъ онъ въ Парижъ, безъ денегъ, безъ связей, безъ извѣстности. Случай привелъ его въ церковь іезуитовъ въ то время, когда тамъ ждали органиста. Онъ попросилъ позволенія сѣсть за органъ, и своею игрой привелъ въ восторгъ слушателей. Его приняли въ коллегіумъ, снабдили его всѣмъ необходимымъ, и вскорѣ онъ пріобрѣлъ такую извѣстность, что въ одно время занималъ въ Парижѣ шесть должностей органиста. Маршанъ былъ большой чудакъ. Какой-то вельможа предложилъ ему значительное жалованье, квартиру, столъ и экипажъ, за то только, чтобы онъ игралъ ему иногда на клавирахъ. Маршанъ принялъ предложеніе, но не прошло шести недѣль, какъ онъ явился къ своему покровителю и сказалъ ему, что отъ души благодаритъ его за всѣ милости, но такъ какъ его за это могутъ иногда заставить играть, когда ему не хочется, то онъ проситъ отпустить его на свободу, которая для него дороже всякаго жалованья. Въ 1717 г., изгнанный изъ Франціи, онъ путешествовалъ по Германіи и явился въ Дрезденъ, гдѣ король предложилъ ему мѣсто органиста, съ достаточнымъ окладомъ. Нѣмцамъ это не понравилось. Они знали, что Маршанъ прекрасный исполнитель, но что у него нѣтъ глубокихъ идей.

Дрезденскій концертмейстеръ предупредилъ объ этомъ короля и предложилъ, для убѣжденія въ справедливости такого мнѣнія, вызвать Баха на музыкальный поединокъ съ Маршаномъ. Послали въ Веймаръ. Бахъ немедленно явился и вѣжливою запиской предложилъ Маршану единоборство. Маршанъ принялъ вызовъ. По предложенію Баха, каждый на этомъ поединкѣ долженъ былъ фантазировать на тему противника. Собралась многочисленная публика; Бахъ пришелъ на турниръ, но Маршанъ еще съ утра взялъ лошадей—и былъ таковъ. Онъ возвратился во Францію, снова пріобрѣлъ въ Парижѣ извѣстность, вошелъ въ моду, такъ что не могъ даже удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Можетъ-быть, этою извѣстностью обязанъ онъ былъ отчасти своимъ странностямъ. Такъ, напримѣръ, онъ нанималъ 20 квартиръ въ разныхъ частяхъ города и жилъ въ каждой очень короткое время, чтобы давать уроки только по сосѣдству. За каждый урокъ платили ему по луидору. Но всѣ эти доходы онъ прокутилъ, и въ 1737 г. умеръ въ бѣдности.

Итакъ, поединокъ не состоялся, и Бахъ вышелъ побѣдителемъ безъ боя. Ему приказали выдать премію въ 100 луидоровъ, но придворный лакей разсчелъ, что ему гораздо приличнѣе самому владѣть этою суммой, нежели отдавать ее гаеру, — и Бахъ уѣхалъ домой съ пустыми руками.

Около этого времени получилъ Бахъ предложеніе отъ герцога ангальтъ-кетенскаго Леопольда, извѣстнаго меломана и покровителя артистовъ, и принялъ у него мѣсто капельмейстера. Около 1722 г. ѣздилъ онъ въ Гамбургъ, гдѣ столѣтній Рейнеке, въ восторгѣ отъ его импровизаціи на хоралъ An Wasserflüssen Babylon's (На водахъ вавилонскихъ) воскликнулъ:— Я думалъ, что органная игра уже умерла: нѣтъ! она еще живетъ въ васъ!

Похвала эта была тѣмъ безкорыстнѣе, что Рейнеке самъ когда-то обработалъ этотъ хоралъ, и считалъ эту обработку лучшимъ своимъ сочиненіемъ.

Въ 1723 г. Бахъ поступилъ канторомъ и директоромъ музыки въ Лейпцигъ, гдѣ и провелъ остатокъ дней своихъ. Различныя столкновенія съ начальствомъ повели къ тому, что король далъ Баху совершенно независимое положеніе и изобрѣлъ для него новый длинный, предлинный титулъ: королевско-польскій и курфиршеско-саксонскій придворный композиторъ. Двадцатьсемь лѣтъ оставался онъ въ Лейпцигѣ, не считая временныхъ отлучекъ. Жизнь его была чрезвычайно дѣятельна; онъ дирижировалъ разъ въ недѣлю публичнымъ концертомъ, участвовалъ въ музыкальномъ обществѣ, былъ директоромъ академіи музыки, и массами писалъ свои безсмертныя произведенія; мало того, самъ вырѣзывалъ ихъ на мѣди и печаталъ, при помощи своего любимаго сына Фридемана. Второй сынъ его, знаменитый Карлъ Филиппъ Эммануилъ, поступилъ въ 1740 г. на службу къ Фридриху Великому. Имя Себастіана Баха гремѣло повсюду, и Фридрихъ объявилъ Эммануилу, что желаетъ видѣть его отца. Себастіанъ не былъ честолюбивъ и не желалъ оставить множество дѣлъ изъ пустаго тщеславія. Но Фридрихъ продолжалъ настойчиво спрашивать у Эммануила, отчего его отецъ не ѣдетъ? Нечего было дѣлать. Въ 1747 г. поѣхалъ Бахъ въ Потсдамъ съ неразлучнымъ своимъ спутникомъ Фридеманомъ.

У короля былъ музыкальный вечеръ; онъ игралъ какое-то

соло на флейтѣ, когда дежурный офицеръ подалъ ему рапортъ. Фридрихъ положилъ флейту и, съ видимымъ безпокойствомъ, сказалъ бывшимъ при томъ музыкантамъ:

— Господа, старый Бахъ пріѣхалъ!

Немедленно потребовали Баха во дворецъ, не дали ему даже времени снять дорожное платье. Онъ долженъ былъ перепробовать всѣ Зильбермановскія фортепіано, бывшія во дворцѣ.

Фридрихъ далъ ему тему, и Бахъ импровизировалъ фугу. На другой день Фридрихъ заставилъ его перепробовать всѣ потсдамскіе органы. Бахъ вскорѣ послѣ того издалъ свои импровизаціи и посвятилъ ихъ Фридриху.

Это было его послѣднее путешествіе. Переписка нотъ при лунномъ свѣтѣ, о которой я выше упоминалъ, а еще болѣе гравированіе на мѣди испортили и, наконецъ, совершенно разрушили его зрѣніе. Не смотря на двѣ операціи и на всѣ лѣкарства, Бахъ ослѣпъ и чрезъ полгода умеръ.

Къ стыду Германцевъ, никто не знаетъ, гдѣ покоится прахъ великаго музыканта...

III.

Уже изъ этой краткой біографіи можно догадаться, что̀ такое былъ Бахъ, какъ человѣкъ. Рохлицъ справедливо находитъ въ немъ преобладаніе патріархальнаго элемента въ противоположность героическому элементу Генделя. Совершенно безкорыстно преданный своему искусству, Бахъ не заботился о похвалахъ публики. Внутри себя переработывалъ онъ идеи и смѣло полагался на свое собственное сужденіе? Всегда и со всѣми обходительный, онъ только улыбался потихоньку, когда какой-нибудь самолюбивый матадоръ хотѣлъ прихвастнуть своимъ талантомъ. Строгій, но справедливый въ сужденіи о другихъ, тщательный въ исполненіи своихъ обязанностей, превосходный учитель и начальникъ, примѣрный отецъ семейства, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Наружность его соотвѣтствовала характеру: онъ былъ плотно сложенъ, на устахъ постоянно видна была ясная, добрая улыбка, черные глаза го-

рѣли геніемъ. Онъ былъ два раза женатъ и имѣлъ 20 человѣкъ дѣтей: 11 сыновей и 9 дочерей. Особенно замѣчательны двое изъ его сыновей: любимецъ его, старшій сынъ Фридеманъ и рой, Карлъ Эммануилъ.

Тутъ не мѣсто входить въ подробности объ этихъ двухъ личностяхъ, но не могу не замѣтить, что онѣ представляютъ чрезвычайно важное явленіе, какъ въ психологическомъ отношеніи, такъ и по той роли, какую играли въ мірѣ искусства. Одинъ—углубленный въ себя, вѣчно разсѣянный, удивительный импровизаторъ и въ высшей степени субъективная натура, неуживчивый, грубый, не сдѣлавшій ничего для потомства и окончившій жизнь за чаркою вина; другой, свѣтскій человѣкъ, симпатическій, современный, объективный, воспринимавшій охотно всѣ внѣшнія впечатлѣнія, охотно дѣлившій съ другими свои идеи, человѣкъ прогресса, обезсмертилъ свое имя, проложивъ новые пути искусству, создавъ новую форму и воспринявъ новые элементы въ содержаніе своихъ твореній. Оба были учениками отца, оба благоговѣли предъ его памятью.

Но возвратимся къ Баху. Его дѣятельность такъ разнообразна, значеніе его въ исторіи искусства такъ велико, что объемъ журнальной статьи слишкомъ тѣсенъ для должной его оцѣнки. Цѣль моя, при составленіи ея, была только—показать роль его, какъ историческаго дѣятеля, въ самыхъ краткихъ чертахъ и обратить вниманіе особенно на его фортепіанныя и органныя сочиненія, тѣмъ болѣе, что ихъ можетъ всякій пріобрѣсть и познакомиться съ ними, между тѣмъ какъ его вокальныя и инструментальныя вещи, можетъ-быть, еще долго останутся terra incognita въ Россіи. А жаль. Отчего бы, напримѣръ, московскому Лютеранскому Обществу для одного изъ своихъ ежегодныхъ концертовъ не избрать его Passions-Musik по Матѳею? Вѣдь это стòитъ ораторій Маршнера.

Дѣятельность Баха замѣчательна не только какъ творческая дѣятельность великаго художника; она чрезвычайно важна также въ матеріальномъ отношеніи: онъ былъ первымъ преобразователемъ игры на клавирахъ и органѣ и проложилъ путь второму преобразователю, своему сыну Эммануилу. Не надо забывать, что̀ были клавиры и флигели того времени, чтобы судить о тѣхъ пьесахъ Баха, которыя написаны имъ собственно для этого ин-

струмента. Въ концѣ XVII вѣка существовало два сорта инструментовъ съ клавишами, не считая органа: *клавиры* и *флигели*. Флигель значитъ крыло. Такъ названы были эти инструменты, потому что форма ихъ, какъ и современнаго рояля, похожа на крыло мухи. Этотъ иструментъ существовалъ давно. Къ сожалѣнію, неизвѣстно имя его изобрѣтателя. Самое древнее извѣстіе упоминаетъ о какомъ-то Царлино, улучшившемъ въ 1548 г. строй его. Струны задѣвались кончикомъ вороньяго пера и такимъ образомъ приходили въ дрожаніе.

Клавиръ или клавихордъ былъ совершенно другой инструментъ. Каждая клавиша у него снабжена была приставкою въ родѣ коротенькаго смычка, который во время игры натиралъ струну и приводилъ ее въ дрожаніе. Звукъ клавихорда былъ чрезвычайно слабъ. Этотъ инструментъ еще старѣе флигеля. Нѣкоторые приписываютъ его изобрѣтеніе знаменитому Гвидо изъ Ареццо,— но чего ему не приписывали! Это былъ любимецъ славы.

Нѣкто Шрётеръ возымѣлъ счастливую мысль, замѣнить вороньи перья, производившія бренчанье, задѣваніемъ струны, замшевыми молоточками. Въ 1717 г. сдѣлалъ онъ двойную модель своего изобрѣтенія и представилъ въ Дрезденъ ко двору. Не имѣя достаточно денегъ, чтобы привести свое открытіе въ исполненіе, онъ долженъ былъ предоставить это другому. Богатый органный мастеръ Зильберманъ въ 1726 г. сдѣлалъ первое фортепіано по системѣ Шрётера и, какъ часто случается, прослылъ за изобрѣтателя, между тѣмъ какъ былъ только исполнителемъ чужой мысли. Новый инструментъ былъ несравненно лучше всѣхъ прежнихъ и потому сталъ входить во всеобщее употребленіе и мало-по-малу совершенствоваться. Но въ первое пятидесятилѣтіе былъ въ немъ существенный недостатокъ—отсутствіе *демферовъ* или *сурдинъ*. Струна звучала, пока могла, такъ что чѣмъ звучнѣе было фортепіано, тѣмъ хуже было на немъ играть. Эфектъ былъ такой же, какой бываетъ, когда отъ начала до конца пьесы не снимаютъ ноги съ педаля. Всѣ звуки сливаются въ нестройный гулъ, стаккато невозможно и пр. Только въ 1765 году Ленкеръ изобрѣлъ сурдины. Дальнѣйшій ходъ усовершенствованія этого инструмента сюда не относится.

Итакъ, при обсужденіи фортепіанныхъ сочиненій Баха, не надо терять изъ виду жалкое состояніе технической части

искусства. Другое дѣло органъ. Это былъ совершенный инструментъ, и какъ-будто бы созданный для Баха. Всѣмъ извѣстно, что Бахъ представитель полифонической музыки, то-есть музыки многоголосной, въ которой каждый голосъ поетъ самостоятельно, независимо, но, впрочемъ, такъ, чтобы сливаться съ остальными въ правильную гармонію. Каждый голосъ даетъ свою индивидуальную мысль,—всѣ сливаются въ общую идею. Фуга есть только частный случай полифоніи, когда каждый голосъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій, развиваетъ одинъ и тотъ же напѣвъ. Бахъ писалъ не однѣ фуги, но всегда полифоническія сочиненія. Вотъ отчего музыка его считается многими сухою, вотъ отчего она не можетъ быть доступна массѣ, требуетъ предварительнаго музыкальнаго развитія. Но есть ли это достоинство? Не должна ли скорѣе истинно хорошая музыка быть доступна всякому, имѣющему уши и сердце? Не разъ случалось мнѣ слышать такой вопросъ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, поклонникъ нѣмецкой музыки, отвѣчалъ на него сравненіемъ. —Что̀ лучше, сказалъ онъ, водка или сотернъ? Водку пьютъ всѣ, и человѣкъ съ неразвитымъ гастрономическимъ чувствомъ предпочтетъ ее сотерну. Чтобы оцѣнить сотернъ, нужны навыкъ и тонкость вкуса.

Бахъ съ самой ранней юности, какъ мы видѣли, изучалъ представителей фуги. Форма полифоніи такъ слилась съ нимъ, что сдѣлалась единственною возможною формой для его сочиненій. Онъ довелъ ее до высшей степени развитія; всякая музыкальная идея, говорятъ почти всѣ его критики и біографы, раждалась у него вмѣстѣ со всѣми своими развитіями, уклоненіями, во всѣхъ возможныхъ видахъ. Спокойно, съ совершеннымъ самообладаніемъ разсматривалъ и развивалъ онъ эту идею со всѣхъ сторонъ, и это спокойствіе и самообладаніе составляютъ его характеристическія черты.

Говорятъ, что его музыка суха, что въ ней нѣтъ мелодіи. Этому опять причиною форма, которую принимаютъ за содержаніе. Со словомъ *фуга* привыкли соединять идею о сухомъ формализмѣ, объ отсутствіи всякаго чувства. Это несправедливо. Совѣтую тому, кто имѣетъ такое убѣжденіе, познакомиться съ фугами Мендельсона (Sechs Praeludien und Fugen), съ его полифоническою обработкою хорала Aus tiefer Noth, и если онъ,

прослушавъ ихъ, не откажется отъ своего мнѣнія, то для него не существуетъ полифоніи, его музыкальность еще недостаточно развита. Фуги Мендельсона для насъ доступнѣе фугъ Баха, точно такъ же, какъ поэзія Гёте и Гейне доступнѣе поэзіи Гомера и Горація. Горація можетъ вполнѣ понять и почувствовать его поэзію только тотъ, кто знакомъ съ римскимъ міромъ, кто усвоилъ себѣ всѣ вопросы, составлявшіе сущность духовной жизни древняго человѣка. Это относится ко всѣмъ художественнымъ произведеніямъ. Надо освоиться съ натурою художника, съ тѣми условіями, въ которыя онъ былъ поставленъ извнѣ, чтобы произнести о немъ сужденіе.

Такимъ образомъ, мнимую сухость формы относятъ къ сухости содержанія и, не освоившись достаточно съ сущностью полифоніи, порицаютъ Баха въ томъ, за что̀ его никакъ нельзя порицать. Правда, есть немногія изъ его сочиненій, о которыхъ можно сказать, что они сухи: но какія это сочиненія? Тѣ, которыя написаны съ педагогическою цѣлью, музыкальные учебники его, Kunst der Fuge, гдѣ онъ одну и ту же пьесу развиваетъ въ нѣсколькихъ фугахъ съ единственною цѣлью, показать ученикамъ своимъ всѣ виды этой формы художественнаго произведенія. Сухи также нѣкоторыя фуги изъ его Wohltemperirtes Klavier (Clavecin bien tempéré), что̀ также объясняется тѣмъ, что онѣ служатъ какъ бы дополненіемъ до назначеннаго впередъ числа 48 фугъ и прелюдій во всѣхъ тонахъ. Но зато между ними же есть глубоко прочувствованныя, превосходящія все, что̀ до сихъ поръ было написано въ этомъ родѣ. Всего очевиднѣе ошибочность этого мнѣнія проявляется тамъ, гдѣ Бахъ поневолѣ оставляетъ полифонію,—въ речитативахъ. Я не знаю речитативовъ, которые были бы глубже прочувствованы, чѣмъ речитативы Баха. Что̀ касается до отсутствія мелодіи въ его сочиненіяхъ, то Форкель въ своей біографіи Баха возражаетъ на это тѣмъ, что гармонія полифоническаго сочиненія есть результатъ единовременно звучащихъ мелодій и, слѣдовательно, усовершенствовать гармонію въ полифоніи значитъ усовершенствовать мелодію каждаго голоса.

Это возраженіе, можетъ-быть, и не выдержало бы критики, еслибы Бахъ для мелодіи часто не жертвовалъ правилами гармоніи. Доказательствомъ могутъ служить встрѣчаемыя у него

квинты и октавы. *Химера*, которую г. Улыбышевъ нашелъ въ несчастномъ Бетховенѣ старѣе, нежели онъ думалъ. У Баха встрѣчаются вещи гораздо *ужаснѣе* окончанія Alegretto 7-й симфоніи, такъ сильно оскорбившаго знаменитаго біографа Моцарта. «Бахъ и Бетховенъ иначе понимали музыку», говоритъ Марксъ въ своей Kompositionslehre. Желающій видѣть примѣръ баховскихъ квинтъ можетъ заглянуть въ I-й томъ 4-го изданія Маркса на стр. 425.

Форкель упоминаетъ еще объ октавахъ, которыя вставлены Бахомъ въ E-dur-ную фугу 1-й части Wohlt. Clav., между 5 и 4 тактомъ отъ конца, вставлены уже послѣ, при пересмотрѣ втораго изданія, только для того, чтобы ходъ голосовъ былъ естественнѣе. Въ изданіи Черни этихъ октавъ нѣтъ.

Сочиненія его собственно для клавихорда, который онъ предпочиталъ флигелю, устарѣли, потому что ни одинъ композиторъ не обращалъ до такой степени вниманія на характеръ инструмента, для котораго писалъ. Онъ извлекалъ изъ него все, что̀ было возможно, но не выходилъ изъ рамки, опредѣляемой техническими несовершенствами. Я упоминалъ выше объ услугахъ, оказанныхъ Бахомъ собственно механической части игры на фортепіано и органѣ. Вотъ въ чемъ состояло это преобразованіе.

«Покойный отецъ мой, говоритъ Эммануилъ Бахъ въ своемъ классическомъ сочиненіи [1]), разказывалъ мнѣ, что въ его молодости даже знаменитые виртуозы ударяли клавиши большимъ пальцемъ только тогда, когда надо было взять очень большой интервалъ.» Для насъ кажется почти невозможнымъ обойдтись безъ большаго пальца, а между тѣмъ до Баха онъ считался чѣмъ-то въ родѣ лишняго нароста на рукѣ. Гаммы игрались такою послѣдовательностью пальцевъ: 2, 3, 4, 3, 4, 3, 4 . . .

или 4, 3, 2, 3, 2, 3, 4 . . .

и т. п. При такомъ уродливомъ doigté, разумѣется, нечего было и думать о бѣглой игрѣ и отчетливомъ исполненіи. Бахъ первый далъ большому пальцу главную роль и совершенно преобразовалъ аппликатуру. Сынъ его, въ вышеупомянутомъ сочиненіи, посвящаетъ этому предмету длинную главу.

---

1) Versuch über die wahre Art das Clavier zu spielen.

Весь геній Баха проявляется въ его сочиненіяхъ для органа и въ духовныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ для хора, съ оркестромъ. Духовная музыка была его сфера. Преобладаніе религіознаго элемента уже показываетъ, что онъ былъ исключительно субъективенъ. Свои собственныя вѣрованія и убѣжденія переносилъ онъ въ міръ звуковъ, и, можетъ-быть, это и есть одна изъ главныхъ причинъ, почему музыка его не всѣмъ доступна. Но кто способенъ понять его, того увлечетъ онъ своею мощью, того заставитъ онъ перечувствовать все то, что̀ самъ такъ сильно чувствовалъ.

Есть произведенія, въ которыхъ весь геній художника высказывается болѣе, нежели въ другихъ: таковъ Донъ-Жуанъ Моцарта, такова 9-я симфонія Бетховена, такова Passions-Musik Баха, по Евангелію Матѳея. Это просто текстъ 26-й и 27-й главы Евангелія, со вставками арій, хоровъ и хораловъ. Аріи и хоры сочинены Пикандеромъ. Все произведеніе дѣлится на двѣ части, написано для двухъ хоровъ. Текстъ рецитируетъ Евангелистъ, рѣчи текста влагаются въ уста говорящаго. Замѣчательно, что у речитативовъ Евангелиста, Бахъ помѣтилъ только басъ, предоставляя, по тогдашнему обычаю, самому исполнителю придѣлать гармонію; въ речитативахъ же Іисуса помѣченъ полный аккомпаниментъ. Эту партію Бахъ не хотѣлъ предоставить случайному искаженію со стороны плохого концертмейстера.

Исключительность формы произведеній Баха причиною, что въ музыкальной критикѣ мы встрѣчаемъ касательно его самыя странныя противорѣчія. Одни, какъ Марксъ, ставятъ Баха чуть не во главѣ всѣхъ композиторовъ, другіе, какъ der Wohlbekannte, возстаютъ противъ бахоманіи и впадаютъ въ другую крайность. И тѣ и другіе ошибаются, потому что сужденіе ихъ не основано на исторической критикѣ. Художникъ находится въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, отъ степени развитія искусства, отъ направленія его, отъ тѣхъ вопросовъ, которые занимаютъ всѣхъ въ его время. Абсолютно безсмертныхъ произведеній не можетъ быть. Всѣ они должны, наконецъ, сохранить только историческое значеніе. Утверждать противное, значитъ отрицать прогрессъ художества. Техническая часть измѣняется, совершенствуется, жалкіе клавиры замѣ-

няются Эрарами: какъ же можно требовать, чтобы сочиненіе, написанное для жалкихъ гуслей, сохранило свое значеніе, не смотря на такой переворотъ въ механизмѣ инструмента? Въ этомъ случаѣ возможна, правда, реставрація: уже Моцартъ предпринималъ оркестровку Генделевскихъ ораторій. Но перекрасить картину Рафаэля имѣетъ право только Рафаэль. Нѣкоторые инструменты, бывшіе во времена Баха, уже совсѣмъ не существуютъ или вышли изъ употребленія. Такъ одна изъ арій Passions-Musik (№ 66 Komm süsses Kreuz) написана съ аккомпаниментомъ liuto и viola da gamba: первый инструментъ—лютня, родъ 24 струнной гитары, второй—альтъ для нотъ, родъ 6-ти или 7-ми струннаго віолончеля.

Повторяемъ: о художникѣ нельзя судить, не освоившись совершенно съ духомъ его времени, со средствами, которыми онъ могъ располагать; вѣрная оцѣнка художественнаго произведенія можетъ быть сдѣлана только съ исторической точки зрѣнія. А такая оцѣнка покажетъ въ произведеніяхъ Баха необыкновенную мощь, строгую логическую послѣдовательность въ обработкѣ идей, совершенно свободное обладаніе формой, торжественное спокойствіе,—и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое религіозное чувство, субъективность, замкнутость въ самомъ себѣ, вмѣстѣ съ противоположнымъ качествомъ, отчетливою характеристикою въ тѣхъ немногихъ произведеніяхъ, гдѣ есть драматическая сторона. Разсмотрите въ подробности фугу Баха. Какая тщательная отдѣлка во всѣхъ мелочахъ, какъ свободно движутся всѣ голоса, и вмѣстѣ съ тѣмъ какое гармоническое единство въ ихъ совокупности! Это единство признаютъ даже тѣ, которые не допускаютъ въ Бахѣ мелодіи. Да сыграйте Cis-mol-ную фугу первой части Wohltemp. Clav. или Es-dur-ную второй. Это ли не мелодія? Гдѣ же ее искать?

А. Кронеберг.

ИНДІЙСКОЕ ВОЗСТАНІЕ,

ЕГО ПРИЧИНЫ И ПОСЛѢДСТВІЯ.

(Продолженіе.)

—

Преобразованіе, лишившее поземельной собственности многіе милліоны людей, у которыхъ не было ничего, кромѣ надежды на прочность клочка земли подъ ихъ ногами, — это крутое преобразованіе кажется неимовѣрнымъ въ наше время, но шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ общественное мнѣніе въ Европѣ и въ самой Англіи было далеко не такъ развито и не такъ демократически-щекотливо, какъ нынѣ. Мѣры лорда Корнваллиса заслужили общее одобреніе первѣйшихъ государственныхъ людей его родины, Питта, Гренвилля, Мельвилля, Веллесли: онѣ были совершенно въ духѣ землевладѣльческой аристократіи. А въ остальной Европѣ, озадаченной гигантскими судорогами французской революціи, едва ли кто обратилъ на нихъ вниманіе, да не многіе объ нихъ и узнали.

Надо притомъ замѣтить, къ чести лорда Корнваллиса, что сначала онъ привелъ въ исполненіе свой планъ только въ тѣхъ краяхъ Индіи, гдѣ, какъ въ Бенгалѣ, Бигарѣ, Ориссѣ, продолжительное магометанское владычество и безотвѣтственный деспотизмъ собиравшихъ подати земиндаровъ значительно подготовили къ тому почву. Земиндары, пользуясь смутами и междуусобіями магометанской эпохи, захватили себѣ власть надъ подвѣдомыми имъ округами и часто играли роль незави-

симыхъ князей и владѣльцевъ, попирая ногами не только древніе законы и обычаи Индусовъ, но даже и жалованныя граматы магометанскихъ государей.

Гораздо труднѣе было ввести новый порядокъ вещей въ южной части полуострова, гдѣ магометанское иго было гораздо новѣе и гораздо менѣе распространено. Тамъ напрасно старались отыскать какіе-нибудь зародыши крупнаго землевладѣльчества, на которые можно было бы опереться, и наконецъ, въ 1802 году, прибѣгли къ послѣднему, отчаянному средству: въ разныхъ мѣстностяхъ Мадрасскаго президенства силою водворены были помѣщики, обязанные отвѣчать за исправный взносъ податей по постоянному окладу. Въ земляхъ, отнятыхъ около того же времени у Майсурскаго государства, допущено, однакожь, по настоянію бывшаго тогда губернаторомъ въ Мадрасѣ, лорда Бентинка, начало непосредственнаго соглашенія казны съ наличными владѣльцами мелкихъ участковъ, при чемъ, къ удовольствію обѣихъ сторонъ, каждому селянину предоставлено двѣ трети валоваго дохода, съ тѣмъ чтобы остальная треть поступала въ казну. При этомъ порядкѣ, на долю казенныхъ сборщиковъ падало, конечно, болѣе хлопотъ, но за то выигрывалось все то, что̀ при системѣ Корнваллиса уходило на многочисленныхъ посредниковъ сбора, — на самихъ земиндаровъ, на откупщиковъ, которые снимаютъ у нихъ этотъ сборъ оптомъ или частями и, наконецъ, на разнообразныхъ агентовъ откупа, смотрителей, ревизоровъ и т. д. Любопытно, что преемникъ лорда Бентинка въ Мадрасѣ, честный, но узкоголовый сэръ-Джоржъ Барло, задерживалъ введеніе этой системы въ томъ краю и пытался замѣнить ее Бенгальскою; однакожь, по удаленіи его отъ службы, директорія Остъ-Индской компаніи предписала возвратиться по мѣрѣ возможности къ ежегоднымъ окладамъ, взимаемымъ непосредственно съ участковыхъ владѣльцевъ, поселянъ.

Сэръ-Джоржъ Барло, выслужившійся изъ мелкихъ компанейскихъ агентовъ въ Индіи, былъ можно-сказать настоящимъ представителемъ узкаго купеческаго взгляда на управленіе. Исполняя съ неосмотрительною точностью наказы директоровъ, онъ принялся разрывать всѣ связи съ туземными владѣльцами, находившимися въ отношеніи союзниковъ

или вассаловъ къ Англичанамъ, чтобы предоставить этихъ враждебныхъ другъ другу князей ихъ собственной судьбѣ, и ограничить дѣятельность Компаніи непосредственно подвластными ей землями. Кажется, что благоразумнѣе этой умѣренности, этого равнодушія къ распрямъ сосѣдей! Но нѣтъ такой добродѣтели, которая выручала бы вездѣ и всегда: такъ и умѣренность Барло надѣлала только путаницы. Его съежившаяся политика совершенно противорѣчила образу дѣйствій предмѣстниковъ его, Клейва, Гастингса, Корнваллиса и особенно Веллесли. Послѣдній, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, знаменитымъ потомъ Веллингтономъ, начальствовавшимъ тогда въ англо-индійской арміи, руководился въ своей энергической дѣятельности тѣмъ убѣжденіемъ, что для упроченія англійскаго могущества въ Индіи нѣтъ другаго пути, какъ сдѣлаться рѣшителемъ судебъ всего края и поставить въ полную отъ себя зависимость всѣхъ туземныхъ князей. Поступки преемника его, Барло, [1]) скоро повели къ громкому неудовольствію въ самой Индіи. Союзные Англичанамъ или подручные имъ туземные государи справедливо жаловались, что они обмануты, что Англичане постоянно вовлекали ихъ въ союзъ съ собою, а теперь вдругъ вѣроломно выдаютъ врагамъ. Не меньшею близорукостью отличалось и внутреннее управленіе «компанейскаго» генералъ-губернатора. Въ видахъ сокращенія расходовъ онъ неосмотрительно уменьшилъ армію, придумалъ, за недоданное жалованье, вознаграждать служащихъ землями, многія необходимыя должности совершенно уничтожилъ, по другимъ значительно убавилъ содержаніе. Экономія отъ всего этого была только временная, да и та сопровождалась множествомъ соотвѣтственныхъ невыгодъ. Министерство, которому на ту пору понадобились теплыя мѣста для его друзей, настояло на удаленіи Барло съ генералъ-губернаторскаго поста, и блюстительный совѣтъ индійскихъ дѣлъ постановилъ по этому случаю слѣдующее характеристическое мнѣніе: «Чиновникъ, выслужившійся съ низшихъ мѣстъ, неспособенъ носить санъ генералъ-губер-

---

[1]) Послѣ Веллесли генералъ-губернаторомъ въ Индію назначенъ былъ вторично лордъ Корнваллисъ, но вскорѣ по прибытіи на мѣсто онъ умеръ, и должность его возложена на сэръ-Джоржа Барло.

натора. Уваженіе, вліяніе, авторитетъ рѣдко достаются въ удѣлъ выскочкамъ: отсюда обычай насылать генералъ-губернаторовъ и главнокомандующихъ изъ метрополіи и выбирать ихъ изъ среды аристократическихъ фамилій англійскаго сената. Честному Барло мѣшаетъ только его индійское служебное поприще.» Въ замѣнъ Барло, министерство предложило просвѣщеннаго графа Лодерделя, отъявленнаго врага Остъ-Индской компаніи и всякихъ монополій вообще. Директорія отнюдь не допускала этого, и тогда, по взаимному соглашенію, назначенъ былъ лордъ Минто (1807).

Мы нарочно остановились на этихъ подробностяхъ, чтобы нагляднѣе объяснить ту неизбѣжную борьбу частныхъ интересовъ Остъ-Индской компаніи съ общими интересами государства, которая обнаружилась реформою 1783 года. Представителемъ первыхъ была директорія, представителемъ послѣднихъ — блюстительный совѣтъ, разумѣется, подъ непосредственнымъ вліяніемъ министерства. Генералъ-губернаторъ и высшіе сановники индійскаго управленія постоянно находятся такимъ образомъ между двухъ огней и, пользуясь самою обширною властію, состоятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ двойной зависимости, требующей отъ нихъ соединенія большаго такта съ высокою степенью энергіи. Но каковы бы ни были личныя способности избираемыхъ на эти мѣста, борьба двухъ противоположныхъ вліяній неизбѣжно отражается въ управленіи страною и мѣшаетъ утвердиться той послѣдовательности, безъ которой нѣтъ надежды на успѣхъ для начинающагося развитія. Бѣдные Индійцы часто не знаютъ, что̀ подумать о своемъ правителствѣ и переходятъ отъ недоумѣнія къ недоумѣнію, тогда какъ было бы всего важнѣе укрѣпить въ нихъ довѣріе къ неизмѣнной прямизнѣ пути, по которому ведетъ ихъ могучій вожатый. Мы уже видѣли примѣры подобныхъ колебаній и могли бы привести ихъ безчисленное множество, но упомянемъ только объ одномъ, потому что онъ особенно важенъ для всего хода управленія въ томъ краѣ. Генералъ-губернаторъ, маркизъ Веллесли, основалъ въ 1800 году такъ-называемую Коллегію Форта-Вильяма въ Калькуттѣ, предназначая ее быть великимъ разсадникомъ гражданскихъ правителей Индіи. Но издержки, сопряженныя съ исполненіемъ его обширныхъ предначертаній, до того перепу-

гали строгую экономію директоровъ, что благородный лордъ долженъ былъ отказаться отъ своего плана и дать коллегіи самые скромные размѣры, при которыхъ остается она и до сихъ поръ. А между тѣмъ, недостатокъ европейски-образованныхъ людей, знакомыхъ въ то же время съ языками, законами, обычаями и нравами разноплеменнаго индійскаго населенія, парализируетъ всѣ лучшія намѣренія, даже такихъ образцовыхъ правителей, каковъ былъ достойный лордъ Бентинкъ.

Одно усиленіе окладовъ служащихъ въ индійскомъ управленіи, далеко не принесло всей ожиданной пользы. Правда, благодаря преобразованіямъ лорда Корнваллиса по этой части, прежніе агенты Компаніи изъ мелкихъ купеческихъ прикащиковъ вышли въ сановники, въ большіе господа; ни одинъ изъ нихъ, круглымъ числомъ, не получалъ менѣе двухъ тысячъ фунт. стерл. оклада. Но вѣдь люди въ такомъ положеніи естественно уклоняются отъ скучныхъ, безпокойныхъ дрязговъ администраціи, тѣмъ болѣе, что и число ихъ, сколь оно ни велико — именно тысячъ до десяти — все же крайне недостаточно для исполненія безчисленнаго множества тѣхъ второстепенныхъ обязанностей, которыя приводятъ несущаго ихъ въ безпрерывное соприкосновеніе съ чернью, съ простонародьемъ. Поэтому, всѣ подробности мѣстнаго управленія въ Индіи лежатъ на цѣлой арміи мелкихъ служителей изъ туземцевъ, получающихъ ничтожное содержаніе и, разумѣется, вознаграждающихъ себя взятками,—этой преміей, которую невѣжество обыкновенно платитъ недобросовѣстности, какъ бы нарочно для того, чтобы долѣе поддержать другъ друга, взаимно продлить себѣ свое существованіе. Постыдное и страшно-распространенное употребленіе пытки при сборѣ податей и всѣ возможныя злоупотребленія власти падаютъ преимущественно на этихъ своенародныхъ агентовъ англо-индійской администраціи; но отвѣтственность за нихъ, не только въ глазахъ Индусовъ, но и въ глазахъ цѣлаго свѣта, несутъ властители Индіи, Англичане, и надо сказать правду, — отчасти подѣломъ.

Прошло ужь болѣе полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ они убѣдились въ несостоятельности частной привилегированной Компаніи для управленія нѣсколькими областями такого обшир-

наго и многолюднаго края, каковъ Индійскій полуостровъ, и не смотря на то, даже и теперь, когда онъ весь покоренъ ихъ владычеству, они съ свойственнымъ имъ упорнымъ консерватизмомъ все еще держатся за Остъ-Индскую компанію, какъ за Кивотъ Завѣта, дозволяя себѣ лишь постепенно отнимать у нея право за правомъ, преимущество за преимуществомъ, но тщательно храня остовъ учрежденія, пока онъ самъ собою не разсыплется въ прахъ. Теперь, когда министерство приготовляетъ, повидимому, рѣшительный, послѣдній ударъ существованію Компаніи, любопытно вглядѣться въ причины столь долгаго отлагательства и береженья. Тутъ дѣйствуетъ не одна привычка уважать всякое давно-возникшее право, каково бы ни было его содержаніе; тутъ, очевидно, есть борьба частнаго сословнаго интереса съ интересомъ цѣлаго общества, какъ государства — борьба, на которую мы уже имѣли случай указать. Дѣло въ томъ, что въ купеческихъ рукахъ директоровъ Компаніи, Индія служитъ просторнымъ пріютомъ для цѣлыхъ тысячей бездольныхъ младшихъ сыновей изъ семействъ средняго сословія, и въ особенности торговаго класса. Сословіе это находитъ для себя тамъ нѣкоторое вознагражденіе за тѣ преимущества, которыми высшее и низшее дворянство пользуется при занятіи всѣхъ лучшихъ мѣстъ въ самой Англіи и въ другихъ колоніяхъ, подвѣдомыхъ непосредственно государству. Возвращаясь, по истеченіи служебнаго срока, домой въ Европу, чиновники индійскаго управленія обыкновенно привозятъ съ собой хорошій запасъ на всю жизнь, потому что, не говоря о наличномъ капиталѣ, они пріобрѣтаютъ право на значительную пенсію, передаваемую вдовамъ и дѣтямъ. Вотъ какъ одинъ изъ безпристрастнѣйшихъ англійскихъ журналовъ, Westminster Review, опредѣляетъ финансовую цѣнность Индіи для своихъ согражданъ: «Издерживая ежегодно 27 милліоновъ фунт. стерл. индійскихъ государственныхъ доходовъ, мы призираемъ великое множество своихъ соотечественниковъ и пріумножаемъ такимъ образомъ общее благосостояніе британскаго народа. Не менѣе десяти тысячъ должностныхъ лицъ высшаго разряда насчитывается по гражданской и военной службѣ въ Индіи, съ ежегоднымъ окладомъ отъ 200 до 25,000 фунт. стерл.

на каждое лицо [1]). Всѣ они по большей части благовоспитанные люди изъ среднихъ сословій Англіи. Сумма получаемыхъ ими ежегодныхъ окладовъ составляетъ въ сложности не менѣе шести или семи милліоновъ фунт. стерл. Къ этому присоединяются европейскіе унтеръ-офицеры и солдаты, которыхъ до возстанія считалось въ Индіи 30,000, а впередъ будетъ отъ 70 до 80,000 по крайней мѣрѣ. Всѣ они—состоятъ ли на королевской или на компанейской службѣ, все равно—должны получать отъ индійской казны болѣе трехъ милліоновъ фунт. стерл. За тѣмъ идутъ пенсіи гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ, платимыя Индіей, а проживаемыя въ Англіи. Однимъ словомъ, мы вѣрно не много ошибемся, если прямую денежную цѣнность Индіи для нашего края опредѣлимъ ежегодно въ *десять милліоновъ фунт. стерл.* Право, это не дурная субсидія, выплачиваемая одной страною въ пользу другой.»

Дѣйствительно, не дурная! и, принимая ее въ разсчетъ, легко помириться съ тѣмъ незначительнымъ дефицитомъ, который, въ неблагопріятные годы, иногда оказывается по оффиціальнымъ отчетамъ индійскаго управленія. Понятна послѣ этого и та неподатливая цѣпкость, съ какою среднее сословіе держится за послѣдній остатокъ исчезающихъ компанейскихъ правъ.

Мы видѣли, что еще въ 1783 году началось подчиненіе Компаніи правительственному надзору. Съ тѣхъ поръ, при каждомъ возобновленіи ея жалованной граматы, то-есть непремѣнно чрезъ каждыя двадцать лѣтъ, а иногда и до истеченія этого срока, министерство и парламентъ находили нужнымъ все болѣе и болѣе стѣснять кругъ ея торговыхъ монополій и исключительныхъ политическихъ преимуществъ, не сообразныхъ ни съ духомъ времени, ни съ тѣмъ неизмѣннымъ ходомъ государственной централизаціи, которая такъ явно преуспѣваетъ въ Англіи съ воцаренія Вильгельма Оранскаго и особенно съ

1) 25,000 фунт., то-есть болѣе 300,000 рубл. серебр., получаетъ одинъ генералъ-губернаторъ; губернаторы мадрасскій и бомбейскій получаютъ по 12,000 фунт., вице-губернаторъ агрскій—8,000, члены верховнаго совѣта въ Калькуттѣ—по 10,000, члены совѣтовъ въ Мадрасѣ и Бомбеѣ—по 6,200, областные инспекторы—по 3,500, ихъ помощники—отъ 1,200 до 1,800, областные судьи и казначеи—по 2,800 каждый, ихъ помощники—отъ 840 до 1,200, письмоводители—по 480 фунт. и т. д.

усиленія партіи виговъ. Такъ, въ 1793 году Компанія лишилась своего права предпринимать, безъ разрѣшенія правительства, новыя завоеванія[1]); въ 1813, положено начало свободной торговлѣ всѣхъ англійскихъ купцовъ съ Индіей; за Компаніей оставлено только исключительное право вывоза чаю изъ Китая и ввоза туда опіума; въ 1843 утратила она вмѣстѣ съ послѣдними монополіями (кромѣ соляной) значеніе торговаго общества и существуетъ съ тѣхъ поръ только какъ политическій органъ высшаго управленія Индіи, подчиненный во всѣхъ важныхъ вопросахъ контролю блюстительнаго совѣта; наконецъ, въ 1853 году, грамата Компаніи уже вовсе не возобновлялась, а директорія преобразована такъ, что вмѣсто 30 директоровъ положено только 18, и притомъ шестеро изъ нихъ назначаются отъ короны; Компаніи, раздававшей прежде военныя должности, нынѣ предоставлено только замѣщать кадетскія или юнкерскія вакансіи; назначеніе членовъ генералъ-губернаторскаго совѣта переходитъ отъ нея къ коронѣ; правительство учреждаетъ для Индіи законодательный совѣтъ, состоящій изъ 12 членовъ, и наряжаетъ особую коммиссію для немедленной обработки законодательства того края. Въ то время, какъ мы пишемъ эти строки, въ Англіи идетъ жаркій споръ объ окончательномъ упраздненіи Остъ-Индской компаніи. Многіе либеральные журналы, въ томъ числѣ нашъ лондонскій соименникъ, Athenaeum, сильно ратуютъ въ ея пользу и взводятъ на правительство главную вину за то слишкомъ быстрое и непомѣрное расширеніе англо-индійскихъ владѣній, котораго вся тягость особенно чувствуется въ настоящую минуту.

Нельзя, конечно, вполнѣ оправдать образъ дѣйствій правительства, которое на нашихъ глазахъ терпѣло и даже одобряло завоевательную политику Окленда, Элленборо, Гардинга и Дальгузи; но нельзя же не признать и того, что, вопервыхъ, эта политика была прямымъ слѣдствіемъ прежнихъ компанейскихъ захватовъ, а вовторыхъ, она, вѣроятно, одобрялась и самою Компаніей, которая всего одинъ только разъ воспользовалась предоставленнымъ ей правомъ отзывать генералъ-губернаторовъ, смѣнивъ непокорнаго ея волѣ графа Элленборо. Для

---

[1]) Право войны и мира съ нехристіянскими народами дано ей было въ 1661 году.

безпристрастнаго наблюдателя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что двоевластіе Компаніи и правительства было для Индіи источникомъ великихъ золъ: мѣшали ли эти разнородныя власти одна другой въ своихъ дѣйствіяхъ, или шли на взаимныя сдѣлки и уступки, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ страна терпѣла отъ нихъ вдвойнѣ. Нѣтъ ничего хуже такого безотвѣтственнаго раздвоенія правительства, гдѣ каждая сторона можетъ выставить себя правою и всегда сложить вину на другую.

Но если это дѣйствительно такъ, тогда все дѣло въ выборѣ между двумя властями—властью государства и властью частной компаніи. Никто, даже изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ привилегированныхъ корпорацій, не станетъ спорить противъ того, что по крайней мѣрѣ въ нашъ вѣкъ невозможно предоставить въ частныя руки судьбу обширнаго края, со ста осьмидесятью милліонами жителей. Только въ Англіи, съ ея норовомъ консерватизма, можно еще поддерживать жаркія пренія по такому вопросу, да и тамъ лишь подъ предлогомъ запоздалаго опасенія, чтобъ, жертвуя пережившею себя частною привилегіей, не усилить чрезмѣрно государственной власти.

Въ этомъ спорѣ особенно громко раздается голосъ англійскаго средняго сословія, — замѣтимъ однако—не всего, а преимущественно лондонскаго; но мы уже знаемъ, что голосъ этотъ далеко не безпристрастенъ. Совсѣмъ другое слышится изъ Индіи: тамъ жаждутъ освобожденія отъ удушливой компанейской опеки и со всѣхъ сторонъ взываютъ о помощи къ государству. Нѣтъ, впрочемъ, никакого сомнѣнія, что и въ самой Англіи скоро выяснится неосновательность распространяемыхъ теперь страховъ, что министерство будетъ болѣе злоупотреблять раздачею мѣстъ въ Индіи, нежели директорія, на которую многіе такъ жалуются теперь. Когда въ 1852 году особые комитеты обѣихъ палатъ парламента, наряженные для изслѣдованія индійскихъ дѣлъ, спросили директорію, много ли мѣстъ роздано ею за отличныя государственныя заслуги, она отвѣчала: « ни одного ». По ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось, что изъ 4922 мѣстъ только 1418 предоставлено было сыновьямъ индійскихъ гражданскихъ чиновниковъ и офицеровъ; за тѣмъ сорокъ должностей на сто приходилось на сыновей самихъ директоровъ или ихъ старыхъ знакомыхъ, не говоря о множествѣ

другихъ, розданныхъ роднымъ и двоюроднымъ братцамъ, племянникамъ, зятьямъ и т. д., такъ что на долю всѣхъ остальныхъ членовъ многочисленнаго средняго сословія едва ли досталась и половина. Какой на свѣтѣ отвѣтственный министръ, особенно въ странѣ, созрѣвшей до гласности и свободной печати, рѣшится на распредѣленіе должностей, до такой степени проникнутое связями родства и дружбы? Изъ всѣхъ доводовъ противъ упраздненія Остъ-Индской компаніи основательнымъ представляется одинъ: министерство, имѣя въ своихъ рукахъ раздачу множества должностей въ Индіи, дѣйствительно получитъ больше средствъ располагать парламентскими голосами въ свою пользу. Но это усиленіе министерскаго патроната можно разными законными ограниченіями привести къ самымъ незначительнымъ размѣрамъ, а оставлять изъ-за него Индію въ томъ печальномъ положеніи, до какого довело ее пагубное двоевластіе, было бы, конечно, безразсудно и преступно.

Если, какъ мы не сомнѣваемся, прямымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ индійскаго возстанія будетъ водвореніе въ томъ краѣ единой законной власти государства, то можно питать твердую надежду, что въ неотдаленной еще будущности откроется передъ нами великая картина непрерывнаго ряда послѣдовательныхъ преобразованій въ родѣ тѣхъ, какія предприняты были незабвеннымъ правителемъ Индіи, лордомъ Бентинкомъ. Къ несчастію, ему суждено было не долго дѣйствовать на этомъ поприщѣ мирной славы и видѣть потомъ многія изъ лучшихъ своихъ мѣръ не оцѣненными по достоинству или забытыми среди шума новыхъ завоеваній. Мы будемъ имѣть случай поговорить объ этомъ въ послѣдней части нашей статьи, при разсмотрѣніи тѣхъ главныхъ препятствій, которыя встрѣчаетъ въ Индіи *всякаго* преобразованіе.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

въ 3-мъ № Атенея,

на стран.	*напечатано*	*вмѣсто*
139	умные	устные
150	дядя жилъ	домъ былъ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. М. ЩЕПКИНА И К°,

на Лубянкѣ въ домѣ Сысалина,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВНОВЬ ВЫШЕДШІЯ КНИГИ:

НИКОЛАЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ СТАНКЕВИЧЪ. Переписка его и біографія, написанная П. В. Анненковымъ. Съ портретомъ. Москва 1858 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. М. ЯЗЫКОВА. При нихъ приложены его портретъ, fac-simile, свѣдѣнія о его жизни и значеніи и написанное о немъ въ разныхъ періодическихъ и другихъ изданіяхъ. 2 части. Спб. 1858 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. И. ЛОЖЕЧНИКОВА. Семь томовъ. Вышли томы I-й и II-й. Спб. 1858 г. Ц. 7 р., съ пер. 9 р.

ПѢСНИ БЕРАНЖЕ. Переводы Василія Курочкина, съ портретомъ. Спб. 1858 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ПОРТРЕТЪ НИКОЛАЯ НОВИКОВА. М. 1858 г. Цѣна 50 к., съ перес. 90 к.

СОЧИНЕНІЕ А. С. ПУШКИНА. VII-й послѣдній дополнительный томъ. Спб. 1857 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАПИСКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ. Н. Берга. Съ двумя планами. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. Два тома. М. 1858 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 3 р.

СЕВАСТОПОЛЬСКІЙ АЛЬБОМЪ. Н. Берга. Съ 37-ю рисунками большаго формата, при нихъ шесть на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Изданіе К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1858 г. Ц. 7 р., съ перес. 8 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ГЕЙНЕ. Сновидѣнія. Пѣсни. Романсы. Сонеты. (Съ описаніемъ послѣднихъ годовъ жизни Гейне, сдѣланнымъ А. Мейснеромъ, съ литографированнымъ и печатаннымъ на китайской бумагѣ портретомъ Гейне.) Перев. И. Семенова. Спб. 1858 года, въ 8-ю долю листа, 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 1 ф.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

О НАРОДНОСТИ ВЪ НАУКѢ.

—

Споръ о народности въ наукѣ грозитъ протянуться въ безконечность. Русская Бесѣда въ каждой книжкѣ занимается этимъ вопросомъ, не смотря на то, что давно уже объявила его рѣшеннымъ окончательно своими сотрудниками. Мы не намѣрены возобновлять этихъ преній, которыя не обѣщаютъ для науки существенныхъ результатовъ. Но такъ какъ защитники народности обыкновенно излагаютъ противоположныя мнѣнія въ искаженномъ видѣ, то мы считаемъ не лишнимъ въ наглядномъ примѣрѣ выставить различіе того и другаго воззрѣнія. Примѣръ этотъ мы не выдумаемъ сами; мы заимствуемъ его у Русской Бесѣды, которая употребила его именно по поводу настоящаго вопроса.

Вотъ что̀ мы читаемъ въ послѣдней книжкѣ славянофильскаго журнала: [1])

«Въ извѣстный годъ, мѣсяцъ и число астрономы ожидаютъ солнечнаго затмѣнія. При приближеніи столь важнаго дня науки явленія, какое-нибудь ученое общество или просто люди любознательные выражаютъ желаніе и предлагаютъ, чтобъ обыкно-

---

[1]) Русская Бесѣда за 1857 г. книжка 4-я, половина 2-я, стр. 174—5.

венныя въ такихъ случаяхъ наблюденія произведены были не въ одномъ только мѣстѣ и не однимъ лицомъ, но чтобъ было сколько возможно большее число пунктовъ наблюденія и сколь возможно большее число наблюдателей. Къ этому люди любознательные или ученое общество прибавили бы, чтобы наблюдатели со всею тщательностію описали, какъ явленіе будетъ представляться каждому изъ нихъ, собственно съ его точки зрѣнія и именно лично ему—чтобъ ни одинъ изъ нихъ не упустилъ ни малѣйшей особенности своего личнаго наблюденія, и чтобы никакъ не увлекался готовыми, хотя бы въ наукѣ существующими для сего данными и вычисленіями. Такое сохраненіе всѣхъ особенностей мѣстнаго и личнаго наблюденія—говорили бы любознательные люди—чрезвычайно дорого; именно эти-то особенности и важны для науки, которая ждетъ предстоящаго явленія, чтобы разъяснить имъ нѣкоторые свои темные вопросы и провѣрить прежнія не вполнѣ достовѣрныя вычисленія. Но вдругъ на такое предложеніе послышались бы крики людей, которые назвали бы себя ревнителями прогресса и просвѣщенія: Какъ? Что̀ вы дѣлаете? Да какъ это возможно? Къ чему эти разномѣстныя наблюденія? И требовать притомъ, чтобы каждый наблюдатель дорожилъ особенностями своего личнаго наблюденія! Что̀ за смѣшная и дикая мысль! Да и говорить еще, что это важно для науки! Да развѣ въ наукѣ терпятся личныя точки зрѣнія? Ея дѣло—общіе законы движенія небесныхъ тѣлъ. А развѣ въ законахъ круговращенія небесныхъ тѣлъ высказываются чьи бы то ни было личныя точки зрѣнія? Да это просто невозможно. Точь въ точь то же случилось съ вашей журнальной программой и послѣдовавшими за нею спорами.»

Примѣръ выбранъ удачно, но вотъ ка̀къ слѣдуетъ его объяснить.

Возражавшіе противъ мнѣній Русской Бесѣды о народности въ наукѣ никогда не думали говорить, что не нужно дѣлать мѣстныхъ наблюденій. Напротивъ, они постоянно ссылались на факты, какъ на единственное основаніе правильныхъ выводовъ въ опытныхъ наукахъ, за что̀, какъ помнится, подвергались строгому осужденію со стороны противниковъ. Факты же добываются именно посредствомъ разнообразныхъ мѣстныхъ и частныхъ наблюденій. Слѣдовательно, солнечное затмѣніе надобно

наблюдать вездѣ. Но мы утверждали, возражая на мнѣнія Русской Бесѣды, что наблюдатель не долженъ приступать къ наблюденію съ готовымъ, лично ему принадлежащимъ воззрѣніемъ на предметъ. Онъ приноситъ сюда наблюдательную способность, а не воззрѣніе, выработанное внѣ науки. Онъ записываетъ только фактическое явленіе, а не вноситъ въ него субъективныхъ своихъ требованій. Поэтому мы убѣждены, что мѣстныя научныя наблюденія не составляютъ особенной принадлежности мѣстныхъ жителей, ни какъ дѣятельность, ни какъ результатъ. Французъ точно съ такимъ же успѣхомъ можетъ наблюдать затмѣніе въ Германіи, какъ и Нѣмецъ во Франціи, и результатъ ихъ опытовъ равно принадлежитъ всѣмъ. Если по повѣркѣ и сличеніи съ другими, наблюденіе окажется достовѣрнымъ, оно поступаетъ въ общую для всего человѣчества сокровищницу науки, гдѣ имъ одинаково пользуются всѣ. Итакъ факты, какъ матеріалъ науки, одни для всѣхъ. Однако наука этимъ не ограничивается; собраніе воедино разнообразныхъ наблюденій составляетъ для нея только предварительную работу; настоящая ея задача—сравнить факты между собою, свести ихъ къ общему итогу и сдѣлать изъ нихъ общіе выводы, одинакіе для всѣхъ людей. Потому мы считаемъ ее единою, общечеловѣческою. Въ этой дальнѣйшей разработкѣ предмета совершенно уже должна исчезнуть личная или мѣстная точка зрѣнія. Истинный ученый не болѣе дорожитъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, какъ и всякимъ другимъ. Въ своихъ выводахъ онъ отправляется не отъ тѣхъ только данныхъ, которыя представляетъ ему мѣстность, а отъ всей совокупности данныхъ, пріобрѣтенныхъ наукою. Какъ ученый, онъ долженъ отрѣшиться отъ мѣстныхъ представленій и стать на высшую, господствующую, сравнительную, общую для всѣхъ точку зрѣнія, съ которой обозрѣвается все широкое поле науки. Чѣмъ менѣе онъ при этомъ окажетъ пристрастія къ тому или другому мѣстному взгляду, тѣмъ правильнѣе будутъ его выводы. Такимъ образомъ въ наукѣ свое и чужое — понятія неумѣстныя, скажемъ лучше, безобразныя.

Противъ этого защитники народности въ наукѣ возражаютъ слѣдующимъ образомъ: ученый, говорятъ они, не можетъ отрѣшиться отъ своего мѣстнаго представленія и возвыситься на

точку зрѣнія общую, ибо чрезъ это нарушается цѣльность его жизни. Такое требованіе разсматриваетъ человѣка, какъ шкафъ съ различными ящиками, изъ которыхъ въ одномъ находятся общія воззрѣнія, а въ другомъ мѣстныя. Въ человѣкѣ нѣтъ подобныхъ перегородокъ жизнь; затопляетъ всѣ заборы. Мѣстный наблюдатель, живя цѣльною жизнью, насквозь проникнувшись особенностями окружающей среды, не въ состояніи даже вообразить себѣ иную точку зрѣнія; мѣстное представленіе кажется ему общею истиной, которая должна быть признана всѣми. Потому, когда онъ работаетъ для науки, онъ отправляется не отъ всей совокупности наблюденій, сличенныхъ и свѣренныхъ между собою, а именно отъ своего. Но вслѣдствіе этого самые его выводы непремѣнно носятъ на себѣ отпечатокъ первоначальнаго своего происхожденія. Такъ напримѣръ, если въ настоящемъ случаѣ онъ видѣлъ солнечное затмѣніе частное, то возможно ли ему представить себѣ, что оно въ другихъ мѣстахъ было полное? Онъ и дѣлаетъ свои астрономическіе разсчеты въ томъ предположеніи, что на землѣ затмѣніе было частное. Положимъ, здѣсь будетъ ошибка; но она неизбѣжна. Жизненная цѣльность наблюдателя дѣлаетъ ее закономъ его природы. Не старайтесь возражать ему, представляя другія наблюденія: онъ вамъ отвѣтитъ, что прежде всего онъ долженъ оберегать себя отъ чужой ограниченности, и что во всякомъ случаѣ онъ не можетъ поставить чужія наблюденія на ряду съ своимъ. Первыя онъ постигаетъ только разсудкомъ, второе же составляетъ для него плодъ жизненнаго опыта, почему онъ и дорожитъ всѣми его особенностями. Онъ въ наукѣ видитъ органическое произведеніе жизни, а не созданіе отвлеченнаго разума. Какъ химическое тѣло вбираетъ въ себя только тѣ сосѣдніе элементы, которые ему сродны, такъ и мѣстный наблюдатель принимаетъ изъ чужихъ представленій только тѣ, которыя сходны съ его собственнымъ. Остальныя онъ откидываетъ, какъ ему несвойственныя.

Послѣдствія этого взгляда на науку очевидны. Наблюдатель нашъ не только останется при той мысли, что затмѣніе было частное, но, основываясь на жизненномъ опытѣ, онъ признаетъ, что солнце ходитъ вокругъ земли и отвергнетъ доказательства отвлеченнаго разсудка въ пользу круговращенія нашей плане-

ты. Разсудокъ, говоритъ сотрудникъ Русской Бесѣды, истязуетъ жизнь, разрушая въ человѣкѣ вѣру въ то, что представляетъ ему естественное чувство.

Разумѣется, при этихъ объясненіяхъ, для бо́льшаго затемнѣнія вопроса, постоянно смѣшивается теоретическое изслѣдованіе истины, о которомъ идетъ дѣло, съ практическимъ ея приложеніемъ. Новѣйшіе философы Русской Бесѣды, какъ великіе мыслители, припутали сюда даже самое изложеніе. Какъ не согласиться напримѣръ, что одни и тѣ же астрономическіе законы различными учеными излагаются различно, и что въ этомъ выражается особенность каждаго? Удивляемся только, почему до сихъ поръ въ доказательство народности въ наукѣ намъ не привели то извѣстное всѣмъ обстоятельство, что ученыя книги пишутся на разныхъ языкахъ. Вѣдь языкъ—проявленіе народнаго духа, выраженіе свойственнаго каждому народу способа представленія. Сто́итъ перевести астрономическую книгу на отечественный языкъ—вотъ и будетъ народная наука. Но въ такомъ случаѣ подражательное направленіе, противъ котораго возстаетъ Бесѣда, есть чистый миѳъ: всякое ученое сочиненіе, выходящее на русскомъ языкѣ, всякій ученый вопросъ, изложенный русскимъ человѣкомъ, есть выраженіе своеобразнаго воззрѣнія русскаго народа.

Итакъ, въ области науки одни подчиняютъ мѣстный элементъ общему, другіе общій мѣстному. Въ практической сферѣ совсѣмъ другое; объ этомъ не было и спора. Истина одна, но ея приложенія могутъ быть безконечно разнообразны, и каждое сообразуется съ частными условіями данной мѣстности или явленія. Отсюда различіе человѣческой дѣятельности въ той и другой области. Тогда какъ ученый, даже въ прикладныхъ наукахъ, разсматриваетъ теоретически, въ общемъ ихъ видѣ, всю совокупность условій, которыя видоизмѣняютъ извѣстный законъ, практикъ изъ всѣхъ возможныхъ способовъ приложенія выбираетъ въ каждомъ случаѣ одинъ и пользуется имъ исключительно. Для этого требуется совершенно особенная способность, отличная отъ теоретической. Потому величайшій ученый можетъ иногда быть весьма плохимъ практикомъ. Въ приложеніи къ собственной жизни каждый имѣетъ полное право отвергать даже то, что онъ самъ признаетъ за лучшее, если оно не при-

ходится къ его организаціи. Потому и сравненіе съ химическимъ тѣломъ, которое странно звучитъ, когда дѣло идетъ о наукѣ, совершенно умѣстно для практики. Надобно только замѣтить, что если хотятъ науку раздѣлить по народностямъ на основаніи различія въ ея практическомъ приложеніи, то не за чѣмъ останавливаться на полудорогѣ. Отчего намъ не говорятъ о наукѣ губернской, уѣздной и наконецъ личной? Можно, не ошибаясь, сказать, что нѣтъ въ мірѣ двухъ человѣческихъ организмовъ, которые бы не были различны между собою и потому не потребовали бы различнаго приложенія медицины. Для каждаго больнаго будетъ слѣдовательно своя наука: одна будетъ медицина Ивана Ивановича, другая будетъ медицина Петра Петровича, хотя бы ихъ лѣчилъ одинъ докторъ. Или, взявши прежній свой примѣръ, мы увидимъ, что мѣстныя наблюденія надъ солнечнымъ затмѣніемъ служатъ основаніемъ для вывода астрономическихъ законовъ, а послѣдніе, въ свою очередь, прикладываются къ повѣркѣ часовъ въ каждой мѣстности. Но извѣстно, что каждый градусъ долготы имѣетъ свое часовое время и каждый градусъ широты свое наклоненіе стрѣлки солнечныхъ часовъ; слѣдовательно будетъ одна астрономія 30-го градуса, другая 31-го и т. д. кругомъ всей земли.

Въ такомъ видѣ и въ такихъ предѣлахъ былъ поставленъ вопросъ съ самаго начала. Спрашивается: которая изъ двухъ сторонъ имѣетъ болѣе просвѣщенное воззрѣніе на науку? [1])

---

[1]) Авторъ статьи, изъ которой мы заимствовали примѣръ, удивляется безсмыслію тѣхъ писателей, которые говорятъ, что наука допускаетъ одно воззрѣніе—просвѣщенное. По его мнѣнію, это значитъ сказать: наука допускаетъ одно воззрѣніе—то, которое допускается наукою. «Ну скажите, не знаменито ли это?» восклицаетъ онъ. Знаменито здѣсь одно:такое усиленное стараніе автора быть глубокомысленнымъ, что самыя простыя вещи перестаютъ быть для него понятными. Наука дѣйствительно допускаетъ одно воззрѣніе—то, которое дается изученіемъ науки; это воззрѣніе *просвѣщенное*, которое, впрочемъ, не исключаетъ разногласія по вопросамъ, не достаточно обслѣдованнымъ. Но кромѣ того можетъ быть множество воззрѣній *непросвѣщенныхъ;* это тѣ, которыя составляются различными путями, помимо науки, или вносятся въ нее извнѣ, изъ *жизни*, какъ обыкновенно довольно сбивчивымъ образомъ выражаются сотрудники Русской Бесѣды. Такъ, напримѣръ, понятія о физическихъ явленіяхъ пріобрѣтаются просвѣщенными людьми изъ знакомства съ наукою физики; но безграмотные люди изъ собственнаго жизненнаго опыта и мѣстныхъ предразсудковъ выносятъ обыкновенно самыя дикія представленія о явленіяхъ природы. Первые всѣ убѣж-

Но этого мало. Для того, чтобы наблюденіе получило право гражданства въ наукѣ, надобно, чтобы оно было произведено методическимъ путемъ, съ помощью указанныхъ наукою средствъ и пріемовъ. Въ жизни ежедневно дѣлаются физическія наблюденія, но для науки они значенія не имѣютъ, ибо познаніе пріобрѣтается здѣсь безъ научной методы. Поэтому противники Русской Бесѣды говорятъ: если вы хотите производить астрономическія наблюденія, выучитесь сначала астрономіи, усвойте себѣ ея методу, переймите выработанные наукою пріемы, выпишите телескопы, и тогда приступайте къ дѣлу. Это не значитъ однакоже, что метода наблюденія не можетъ быть усовершенствована; человѣческому разуму нельзя положить такихъ границъ. Метода можетъ быть еще строже, еще точнѣе; могутъ быть изобрѣтены телескопы, которые покажутъ намъ предметы еще съ большею ясностью и въ большей величинѣ, нежели въ настоящее время. Но чтобы сдѣлать подобныя усовершенствованія, необходимо сначала умѣть дѣйствовать тѣми средствами, которыя существуютъ нынѣ, надобно, чтобы

дены, что молнія есть сліяніе двухъ противоположныхъ электричествъ, что радуга есть преломленіе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ каплях, что роса есть осажденіе паровъ на охлажденной землѣ. Послѣдніе же могутъ имѣть самыя разнообразныя воззрѣнія на эти предметы, и всѣ эти воззрѣнія одинаково должны быть названы *непросвѣщенными*. Вкусъ автора, мы знаемъ, влечетъ его къ разнообразію.—Еще знаменитѣе то, что возражатель объявляетъ безсмыслицею выраженіе: общечеловѣческое воззрѣніе. Воззрѣніе, говоритъ онъ, непремѣнно должно быть чье-нибудь. Потому можно сказать: народное воззрѣніе, воззрѣніе Русской Бесѣды, ибо здѣсь видно, кому оно именно принадлежитъ, но воззрѣніе общечеловѣческое неизвѣстно чье; слѣдовательно это безсмыслица. Читатель, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ доводомъ; но удивленіе его возрастетъ, когда онъ увидитъ, что «*направленіе* общечеловѣческое» сказать можно, ибо тутъ извѣстно чье оно, а «*воззрѣніе*» никакъ нельзя. Чтобы разрѣшить эту хитрую загадку, стòитъ спросить у порядочнаго ученика: чтò значитъ воззрѣніе общечеловѣческое? онъ, разумѣется, отвѣтитъ: воззрѣніе общее всѣмъ людямъ. Изъ отвѣта тотчасъ откроется, кому оно принадлежитъ. При этомъ, однако, можетъ быть недоразумѣніе: можно подумать, что оно принадлежитъ всѣмъ людямъ безъ исключенія. Чтобъ устранить подобную мысль и объяснить настоящее значеніе слова, прибавляютъ, что это воззрѣніе просвѣщенное, то-есть, что оно принадлежитъ всѣмъ людямъ, поколику они причастны общему всѣмъ просвѣщенію. Кажется, ничего не можетъ быть проще; но Русская Бесѣда никакъ не можетъ доискаться здѣсь смысла. Видно у нея и смыслъ свой собственный, именно ей принадлежащій, никому другому несвойственный—смыслъ Русской Бесѣды, а отнюдь не общечеловѣческій.

наблюдатель вполнѣ усвоилъ себѣ науку астрономіи. Оттого мы прежде всего настаиваемъ на необходимости ученія; мы видимъ въ немъ единственный путь къ самостоятельнымъ наблюденіямъ. Разумѣется при этомъ, что желающій учиться долженъ поступать не какъ обезьяна, которая безсмысленно перенимаетъ однѣ внѣшнія уловки, не сознавая ихъ значенія, а какъ разумное существо, которое вникаетъ въ причины вещей и понимаетъ то, что̀ оно дѣлаетъ.

Кажется, все это до такой степени просто и естественно, что ни одинъ благоразумный наблюдатель не станетъ противъ этого возражать. Однакоже находятся люди, которые говорятъ: «Мы не хотимъ, чтобы намъ навязывали начала выработанныя гдѣ-то, когда-то, и кѣмъ-то; мы хотимъ все черпать изъ самихъ себя, изъ собственной жизни. Наши противники, подъ вліяніемъ иноземныхъ книжныхъ теорій, требуютъ, чтобы мы переняли чужія методы и усвоили себѣ выработанныя другими астрономическія понятія; да это значитъ уничтожить въ насъ всякую самобытность, осудить насъ на вѣчное рабское подражаніе другимъ! Подобныя ученія могутъ проповѣдывать только люди, которые неспособны постигнуть свою народность и потому не въ состояніи произвести ничего своего. Притомъ же ваша астрономическая наука, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, намъ не приходится. Ваши методы, ваши пріемы, ваши телескопы—все это плодъ разсудочнаго мышленія, которое истязуетъ свободное развитіе жизни; все это произведеніе механическаго воззрѣнія на науку, а мы науку понимаемъ, какъ органическое проявленіе народности. Мы станемъ дѣлать свои наблюденія, ибо мы хотимъ доказать свою самостоятельность, но мы будемъ производить ихъ своимъ способомъ, не слушаясь никого. Мы найдемъ себѣ орудія не въ мертвыхъ изобрѣтеніяхъ отвлеченной разсудочности, а въ живой средѣ народной жизни, въ величественномъ быту того сословія, которое одно сохранило въ себѣ неприкосновенными наши народныя начала.»

И вотъ будущій наблюдатель беретъ употребляемое крестьянами стекло, котораго шероховатая поверхность пропускаетъ изображенія предметовъ въ весьма искаженномъ видѣ; онъ коптитъ его въ дыму русской печи, и вооруженный такимъ инструментомъ, принимается за работу. Не думайте впрочемъ, чтобы онъ внимательно сталъ слѣдить за явленіемъ, чтобъ онъ

искалъ точныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно сдѣлать по возможности правильный выводъ. Это было бы возвращеніемъ къ разсудочному анализу, къ механическому способу выводовъ. Чего добраго, нашъ наблюдатель можетъ сдѣлать открытія, противорѣчащія предразсудкамъ, которые срослись съ его естествомъ; такимъ образомъ нарушится его жизненная цѣльность, чего онъ допустить не можетъ. Онъ не дастъ отвлеченному разуму такой власти надъ собою, а потому онъ приступаетъ къ наблюденію съ готовымъ воззрѣніемъ, которое, по его понятію, вытекло изъ органическаго развитія его жизни. Опытъ служитъ для него не основаніемъ убѣжденій, а случайнымъ матеріаломъ, который втѣсняется въ формулу, принесенную извнѣ. Наблюдатель нашъ взглянулъ на солнце сквозь свое закопченное стеклышко—и у него готова уже цѣлая астрономическая система, основанная на чисто національныхъ космологическихъ понятіяхъ простаго народа. Разумѣется, сдѣлавши такія великолѣпныя открытія, онъ начинаетъ считать себя верховнымъ обладателемъ человѣческой мудрости, онъ видитъ въ себѣ избранное существо, пролагающее міру новые пути; онъ толкуетъ не въ попадъ о всякихъ астрономическихъ сочиненіяхъ, не считая даже нужнымъ предварительно съ ними познакомиться; онъ кричитъ во всеуслышаніе, что онъ одинъ понимаетъ свою народность, и съ высоты своего величія смотритъ на тѣхъ жалкихъ подражателей, которые стараются дѣлать мѣстныя наблюденія съ помощью указанныхъ наукою средствъ.

Спрашивается: какъ назоветъ такого наблюдателя всякій человѣкъ, нѣсколько знакомый съ астрономіею.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній съ цѣлью возстановить въ надлежащемъ видѣ очень обыкновенную мысль, которая между прочимъ была нами высказана въ спорѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: Русская Бесѣда, въ заботѣ о самостоятельности, послѣдовательно дошла до отрицанія преемственности человѣческаго развитія; она утверждаетъ, что образованіе для каждаго поколѣнія начинается сызнова. «Думаютъ ли въ самомъ дѣлѣ, говоритъ авторъ упомянутой статьи, что образованіе переходило, какъ товаръ, отъ народа къ народу? Или по крайней мѣрѣ такъ, какъ переходитъ наслѣдство отъ отца къ сыну? Это была бы мысль оригинальная. Я, напримѣръ,

доучился въ математикѣ до уравненій: сынъ мой облегченъ, ему приходится начинать не съ начала; а внукъ — какое счастіе! можетъ-быть начнетъ прямо съ дифференціальныхъ исчисленій. Какъ же вѣдь? Видите, древніе оставили новымъ народамъ науку, и эти, образовываясь, не проходятъ снова всего, что пройдено двѣ тысячи лѣтъ назадъ, не перевѣряютъ прежнихъ изысканій, не пользуются ими только, какъ пособіемъ при самостоятельномъ изученіи. Нѣтъ, они только *продолжаютъ*.» И на основаніи этого разсужденія, авторъ, по своему обыкновенію, объявляетъ, что приложеніе къ наукѣ понятія о наслѣдствѣ или выраженіе: «догнать другихъ въ образованіи», есть безсмыслица.

Въ самомъ дѣлѣ, силлогизмъ поразительный. Всякій ученикъ начинаетъ съ ариѳметики, а не съ дифференціальнаго исчисленія; слѣдовательно онъ сызнова передѣлываетъ то, надъ чѣмъ трудились его предки, онъ перерабатываетъ науку съ самаго начала. Это ясно. Что станешь на это отвѣчать?

Здѣсь поневолѣ намъ приходитъ въ голову прискорбная мысль: неужели мы должны объяснять такія простыя вещи? Это даже нѣсколько совѣстно. Увы! съ сокрушеніемъ сердечнымъ мы должны признаться, что у насъ еще это иногда необходимо; странный характеръ нашихъ споровъ происходитъ именно оттого, что мы начинаемъ не съ начала и забираемся въ высоту, не разъяснивши себѣ предварительныхъ, элементарныхъ понятій. Нечего дѣлать, приступимъ.

Создать науку и усвоить себѣ то, что сдѣлано другими— двѣ вещи разныя. Одно требуетъ тысячелѣтнихъ усиленныхъ трудовъ, другое совершается въ нѣсколько лѣтъ. Человѣчество въ продолженіи тысячелѣтій разработывало математику; но въ наше время смышленый ученикъ можетъ изучить ее въ три-четыре года. Почему? потому что передъ нимъ лежатъ готовые результаты трудовъ предшествующихъ поколѣній; ему не нужно начинать работу сызнова, а надобно только усвоить себѣ уже сдѣланное другими. Усвоить — значитъ понять и припомнить данное развитіе мысли, такъ, чтобы оно сдѣлалось какъ бы нашею собственностью. Безсмысленный ученикъ вытвердитъ урокъ наизусть: онъ усвоитъ себѣ только внѣшнее сцѣпленіе словъ или знаковъ; разумный же ученикъ вникнетъ въ самую внутреннюю связь понятій и будетъ въ состояніи воспроизвести отъ

себя цѣлую нить математическихъ выводовъ. Въ то время, какъ онъ учится, онъ не вноситъ въ математику ничего своего; онъ не переработываетъ ея на новый ладъ, не дѣлаетъ въ ней ни открытій, ни усовершенствованій. Онъ ограничивается пока усвоеніемъ прежнихъ результатовъ. Въ это время созданная предшественниками наука не служитъ для него только пособіемъ для дальнѣйшаго хода; нѣтъ, она составляетъ единственную цѣль его занятій. Когда же онъ вполнѣ овладѣлъ предметомъ и сталъ въ уровень съ настоящимъ положеніемъ науки, то-есть уподобился въ знаніяхъ своимъ предшественникамъ и современникамъ, тогда онъ можетъ идти далѣе: за періодомъ ученія слѣдуетъ періодъ самостоятельной разработки предмета. Тогда усвоенныя познанія становятся исходною точкою для дальнѣйшей дѣятельности. Послѣднее однакоже не идетъ такъ скоро, какъ первое. Выучить математику отъ ариѳметики до высшихъ исчисленій можетъ въ нѣсколько лѣтъ всякій человѣкъ съ обыкновенными дарованіями. Но для того, чтобы прибавить къ ней хотя частичку своего, нерѣдко нужна цѣлая человѣческая жизнь, да и то еще это дается только людямъ съ высшими способностями. Если вмѣсто математики мы возьмемъ другую науку, не столь совершенную, то и здѣсь увидимъ то же самое. Ученикъ, который изучаетъ химію, не дѣлаетъ въ ней новыхъ открытій, не вноситъ въ нее ничего своего, а напротивъ, обращаетъ въ свою духовную собственность то, что̀ сдѣлано другими. Здѣсь не нужно даже повторять, какъ въ математикѣ, весь предшествующій ходъ научнаго познанія: не только ученикъ, но и ученѣйшій химикъ въ мірѣ не въ состояніи повторить всѣхъ сдѣланныхъ опытовъ; для этого не достало бы и двадцати человѣческихъ жизней. Если опытъ произведенъ методически, если онъ повѣренъ другими изслѣдователями и найденъ удовлетворительнымъ, онъ принимается, какъ данное, которое полагается въ основаніе выводовъ. Только въ случаѣ сомнѣнія производится новая повѣрка.

Изъ этого простаго разсужденія мы можемъ понять значеніе спора, который возникъ въ недавнее время. Одинъ нашъ почтенный ученый назвалъ ученіе подражаніемъ; ему возразили, что оно есть возбужденіе самостоятельнаго мышленія. Возраженіе съ перваго взгляда кажется благовиднымъ, а между тѣмъ

оно основано на игрѣ словъ. Дѣло въ томъ, что оба выраженія: подражаніе и самостоятельное мышленіе имѣютъ различный смыслъ, почему необходимо уяснить себѣ, что̀ подъ ними разумѣется. Подражаніе значитъ воспроизведеніе того, что̀ дѣлаютъ другіе. Но, какъ мы замѣтили выше, воспроизведеніе можетъ быть двоякое: ученикъ математики можетъ воспроизвести либо внѣшнее сцѣпленіе словъ или знаковъ, либо внутреннее сцѣпленіе математическихъ выводовъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ въ извѣстномъ смыслѣ будетъ подражателемъ, но подражателемъ разумнымъ, и никто не требуетъ отъ ученика болѣе, нежели подобнаго разумнаго подражанія. Когда его испытываютъ въ знаніяхъ, у него не спрашиваютъ: сдѣлалъ ли онъ въ математикѣ открытія или усовершенствованія, а требуютъ только, чтобъ онъ сознательно воспроизвелъ данныя теоремы и доказательства. Только подобное воспроизведеніе выработаннаго другими дѣлаетъ его *способнымъ* къ дальнѣйшему, самостоятельному труду. Прежде того у него есть способность къ занятіямъ, но нѣтъ еще достаточной силы для самостоятельной разработки науки.

Съ другой стороны самое слово: самостоятельное мышленіе можетъ быть принято въ двухъ значеніяхъ. Если подъ этимъ понимать сознательное и разумное усвоеніе данныхъ результатовъ науки, то это совпадаетъ съ предшествующимъ значеніемъ слова: подражаніе, и возраженіе было неумѣстно. Если же подъ самостоятельнымъ мышленіемъ разумѣть новую, своеобразную разработку науки, новыя открытія и усовершенствованія, то это вовсе не дѣло ученика. Періодъ самостоятельности въ этомъ смыслѣ наступаетъ уже послѣ ученія, и имѣетъ необходимымъ условіемъ предшествующую подражательную дѣятельность. Когда Русская Бесѣда говоритъ объ ученіи, она съ одной стороны постоянно проповѣдуетъ послѣдняго рода самостоятельность подъ видомъ первой, откуда проистекаетъ спутанность понятій, съ другой стороны она всегда притворяется, что ея противники принимаютъ ученіе въ смыслѣ обезьянства, и побѣдоносно опровергаетъ подобныя мнѣнія. Впрочемъ надобно сказать, что въ неправомъ спорѣ единственное убѣжище — придираться къ словамъ и толковать ихъ криво.

Теперь мы можемъ разъяснить и другое сомнѣніе, которое

возникло по поводу спора о народности въ наукѣ. Можетъ ли быть что-нибудь проще и обиходнѣе той мысли, что мы, Русскіе, съ помощью разумнаго ученія, можемъ догнать въ образованіи тѣ народы, которые опередили насъ на этомъ пути? Однако Русская Бесѣда никакъ съ этимъ не соглашается. И точно, если допустить понятія, которыя ясны для простаго общечеловѣческаго смысла, то вся исключительно ей принадлежащая логика должна исчезнуть, какъ дымъ. Поэтому она объявила, что подобная мысль есть не болѣе, какъ шутка. Образованіе, говорятъ защитники народности въ наукѣ, безпрерывно подвигается впередъ; слѣдовательно, когда мы придемъ на ту точку, на которой находятся теперь западные народы, они снова будутъ впереди насъ. Такимъ образомъ мы никогда ихъ не догонимъ. Такое возраженіе довольно забавно; точно какъ будто авторъ хотѣлъ имъ морочить дѣтей. Изъ него выходитъ, что если мы хотимъ сравняться съ другими въ образованіи, мы должны не идти путемъ постепеннаго ученія, а разомъ сдѣлать богатырскій скачекъ, который поставитъ насъ впереди всѣхъ. Другіе сотрудники Бесѣды не довольствуются даже и этимъ: они утверждаютъ, что самое выраженіе: «догнать другихъ въ образованіи» не имѣетъ смысла, ибо каждое поколѣніе начинаетъ работу сызнова. Мы видѣли уже, какъ должно это понимать, и потому скажемъ вкратцѣ, что между ученикомъ математики и учителемъ въ началѣ ученія безконечная разница, но въ концѣ ученія они сравнялись: ученикъ догналъ учителя. Если же послѣдній въ это время сдѣлалъ новыя открытія и самъ ушелъ впередъ; то ученику, вполнѣ знакомому съ наукою, легко будетъ усвоить себѣ и эти новые результаты. Тѣ усовершенствованія, которыя учителю стоили многолѣтняго труда, ученикъ пойметъ въ короткое время. Такимъ образомъ, по окончаніи ученія, ученикъ и учитель стали на одну доску: какъ самостоятельные дѣятели науки, они поучаютъ другъ друга.

Итакъ мы должны придти къ заключенію, что ученикъ не начинаетъ сызнова разработку науки; онъ усвоиваетъ себѣ данные результаты, и потомъ уже, овладѣвъ ими, развиваетъ ихъ далѣе. Если эти плоды предшествующаго труда, которые передаются отъ старшаго поколѣнія младшему и отъ старшаго въ развитіи народа младшему, нельзя назвать наслѣдіемъ; если

этотъ періодъ ученія, въ продолженіи котораго младшее поколѣніе становится на ту точку, до которой дошло старшее, не установляетъ непрерывности развитія въ умственной жизни, то въ человѣческой головѣ нѣтъ смысла, и мы должны отказаться не только отъ преній, но даже и отъ всякаго связнаго изложенія своихъ понятій.

Читатель, надѣюсь, извинитъ совершенно элементарный характеръ этихъ объясненій. Что же дѣлать, если для того, чтобы не прослыть безсмысленными людьми, мы должны преважно толковать о томъ, что 2-ды 5—10 или что снѣгъ идетъ зимою, а дождь лѣтомъ? Русская Бесѣда затѣяла споръ о самыхъ высокихъ предметахъ; но скоро, къ прискорбію, оказалось, что это ни къ чему не ведетъ, что надобно спуститься гораздо ниже и, оставивъ въ сторонѣ проложеніе новыхъ путей для человѣчества, ограничиться пока основательнымъ изученіемъ грамматики и другими подобными упражненіями.

Въ настоящемъ случаѣ мы опасаемся, что даже и эти годныя въ прописи объясненія покажутся непонятными критикамъ-философамъ, которые въ своемъ глубокомысліи не могутъ найдти смысла въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ.

Представленія, можетъ-быть, имъ сподручнѣе понятій, а потому мы прибѣгнемъ къ сравненію. Для объясненія преемственнаго хода образованія, мы представимъ науку въ видѣ хозяйства, которое передается отъ отца сыну. Сравненіе не будетъ неумѣстно, ибо, какъ въ наукѣ, такъ и въ хозяйствѣ, есть извѣстная дѣятельность съ извѣстными результатами.

Положимъ, что отецъ, человѣкъ бѣдный, но съ замѣчательными дарованіями, скопилъ деньжонокъ, устроилъ себѣ хозяйство, приложилъ къ нему всевозможное попеченіе, безпрерывно расширялъ его и усовершенствовалъ, и такимъ образомъ достигъ значительнаго богатства. Хозяйство его не есть верхъ совершенства; однако оно устроено разумно, идетъ хорошо и доставляетъ владѣльцу большіе доходы. Отецъ передаетъ это наслѣдіе сыну. Что̀ же будетъ дѣлать послѣдній? Если онъ благоразуменъ, онъ прежде всего постарается ознакомиться съ дѣломъ, станетъ вникать въ то, что̀ устроено отцомъ, будетъ объяснять себѣ, гдѣ, что̀, какъ и почему дѣлается? Это будетъ періодъ его ученія, въ продолженіе котораго хозяйство будетъ

идти на отцовскій ладъ. Поддержаніемъ того, что ему передано, сынъ покажетъ свои способности къ управленію. Похозяйничавъ такимъ образомъ, ознакомившись вполнѣ съ предметомъ своихъ занятій, онъ можетъ приступить и къ усовершенствованіямъ. Знаніе дѣла откроетъ ему, гдѣ что упущено, и нѣтъ ли возможности расширить и улучшить хозяйство; а успѣхъ его усовершенствованій покажетъ ему, что онъ обладаетъ изобрѣтательностію и способенъ повести хозяйство далѣе. Со временемъ онъ можетъ сдѣлаться замѣчательнымъ хозяиномъ и совершить такія преобразованія, что помѣстье будетъ давать ему втрое или вчетверо болѣе дохода, нежели оно доставляло отцу.

Такъ поступитъ благоразумный наслѣдникъ. Къ несчастью, нашъ молодой хозяинъ начитался Русской Бесѣды и хочетъ приложить къ дѣлу ея ученіе о самостоятельности. Поэтому онъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Отецъ передалъ мнѣ хозяйство; за это я ему очень благодаренъ. Но я не долженъ забывать, что оно устроено другимъ, что оно не есть органическое произведеніе моей личности. Если я стану хозяйничать по примѣру отца, я буду жалкимъ подражателемъ, прихвостнемъ своего отца. Чтобъ выразить свою самостоятельность, я долженъ передѣлать хозяйство на собственный ладъ, преобразовать его на основаніи воззрѣній, которыя вытекаютъ изъ моей жизненной цѣльности. Положимъ, что я этимъ дѣломъ никогда не занимался и потому не имѣю объ немъ понятія. Но зато во мнѣ есть другіе, высшіе элементы: я считаю себя добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ, хожу въ церковь, сохраняю неизмѣнную вѣрность своей супругѣ, кромѣ того, имѣю обширныя владѣнія. Чего же нужно болѣе для того, чтобы подвергнуть критикѣ все отцовское хозяйство и поставить его на новую ногу?» И вотъ начинаются странные опыты, въ которыхъ молодой наслѣдникъ хочетъ показать свою самостоятельность.

Эти разсужденія довольно интересны; но они еще не раскрываютъ намъ всей сущности мысли новаго хозяина. Подобныя рѣчи онъ ведетъ въ хорошія минуты, когда хочетъ блеснуть передъ міромъ своею умѣренностію. Въ порывахъ откровенности, когда онъ весь на распашку и предоставляетъ полный разгулъ своимъ стремленіямъ къ самостоятельности, онъ идетъ гораздо далѣе.

«Я не хочу, чтобы мнѣ навязывали отцовское наслѣдіе, говоритъ онъ. Развѣ я его устроилъ? Это чуждый мнѣ элементъ, съ которымъ я могу соединиться только механически, и который поэтому нарушитъ мою самостоятельность, исказитъ всю мою жизнь. Я все хочу черпать изъ самого себя, развиваться путемъ органическимъ, отъ центра къ окружности. Я чувствую, что во мнѣ есть зачатки, съ которыми ничто не можетъ сравниться: Отцовское хозяйство есть плодъ отвлеченнаго разсудка, а моя жизненная цѣльность не имѣетъ себѣ подобной. Отецъ и въ подметки мнѣ не годился, ибо онъ былъ развращенъ логикой: стану ли я ему подражать? Да и что̀ такое наслѣдство? Это пустое безсмысленное слово, которое употребляется поверхностными людьми. Развѣ можетъ хозяйство, какъ товаръ, переходить отъ отца къ сыну? Вѣдь я все равно долженъ учиться ему сызнова, начиная съ самыхъ элементарныхъ понятій. Такъ я лучше заведу свое. Я помимо отца имѣю право на всѣ блага міра, а потому я хочу доказать свою свободу, добывая все самъ, слѣдуя только собственнымъ внушеніямъ и не слушаясь ни чьихъ совѣтовъ.»

Одно обстоятельство нѣсколько смущаетъ нашего героя, впрочемъ, утѣшимся, не въ такой степени, чтобы заставить его хотя на минуту усомниться въ самомъ себѣ. Дѣло въ томъ, что его самостоятельное развитіе отчасти уже искажено воспитаніемъ.

«Я помню время, говоритъ онъ, когда я былъ совершенное дитя природы: дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, развивался извнутри себя и босикомъ бѣгалъ съ мальчишками по двору. Кончилось наконецъ это золотое раздолье. Отецъ мой, зараженный чужестранными идеями, посадилъ меня за книгу; надѣли на меня куртку, вмѣсто стараго дядьки отдали меня иностранцу-гувернёру, который сталъ учить меня разнымъ басурманскимъ наукамъ, и когда я ревѣлъ и бунтовалъ противъ ученія, меня подвергали наказаніямъ, нарушая тѣмъ естественное развитіе моей жизни. Отецъ мой не понималъ, что органическое существо развивается отъ центра къ окружности. Такимъ образомъ всѣ мои понятія были совершенно искажены. Поступивши въ университетъ, я въ безуміи своемъ даже съ нѣкоторою охотою учился иноземнымъ наукамъ, забывая, что я прежде всего долженъ обе-

регать себя отъ чужой ограниченности, не понимая, что я добровольно убиваю свою самостоятельность, низвожу себя на степень жалкаго раба. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ сдѣлалъ я для науки? Ничего. Это явное доказательство, что чужое мнѣ не приходится. Но жизнь затопила наконецъ всѣ заборы; я увидѣлъ ту бездну, въ которую я попалъ, и рѣшился возвратиться на первоначальный путь. Я отстраню отъ себя все иностранное ученіе, для того, чтобы прежнія, естественныя мои воззрѣнія, вытекшія изъ моей жизненной цѣльности, но подавленныя воспитаніемъ, могли *прорости* въ будущее мое развитіе. Къ счастью, у меня живъ еще старый дядька, который не учился иноземнымъ наукамъ; я спрошу у него, какіе у меня въ молодости были взгляды на вещи, и эти уцѣлѣвшія въ немъ воззрѣнія я *внесу* въ настоящую свою жизнь.»

Нашъ герой съ большимъ усердіемъ начинаетъ забывать все, чему учился. Онъ становится Донъ-Кихотомъ народности, и посылаетъ въ Русскую Бесѣду краснорѣчивыя статьи, въ которыхъ описываетъ, какимъ онъ былъ мудрецомъ прежде, нежели его посадили за книгу. Когда же ему доказываютъ, что онъ въ то время былъ ребенкомъ, онъ считаетъ это за отрицательное направленіе.

Б. Чичеринъ.

TAYLOR INST. OXFORD

ЯНТАРНЫЕ ОСТРОВА НА БАЛТІЙСКОМЪ МОРѢ.

(Окончаніе.)

—

Разсмотрѣвъ физическія и химическія свойства янтаря, обращаемся къ самой интересной его части,—къ растеніямъ и животнымъ, которыя заключены внутри его и представляютъ не только исторію самаго янтаря, но и цѣлый періодъ изъ исторіи земнаго шара.

Органическія тѣла, погребенныя внутри земли, называются обыкновенно *ископаемыми*. Органическіе остатки, заключенные въ янтарѣ, также называются ископаемыми, но подъ этимъ не надобно разумѣть, чтобы они потерпѣли какое-либо измѣненіе вещества, или были превращены въ янтарь; они только одѣты или пропитаны янтаремъ; ихъ можно было бы назвать осмоленными или объянтаренными органическими остатками, *ископаемыми муміями*. Большее или меньшее осмоленіе янтарныхъ ископаемыхъ зависѣло отъ того состоянія, въ какомъ находился янтарь: вѣроятно, онъ не всегда обладалъ тою степенью жидкости, какая была нужна, чтобы проникнуть во всѣ органическія ткани, и отвердѣвалъ прежде, нежели успѣвалъ проникнуть. Сверхъ того, такому прониканію должны были препятствовать воздухъ и жидкости, находившіяся въ погруженныхъ тѣлахъ. Янтарныя ископаемыя, цѣлостію своею, большею частію обязаны не столько совершенному осмоленію, сколько тому, что

были погружены въ твердую и плотно облегающую ихъ массу. Эта масса, первоначально жидкая, свободно воспринимала ихъ, и такъ же мало измѣняла ихъ формы, какъ масло муху, въ него попавшую. Гніеніе было отвращено, и всякое дѣйствіе позднѣйшихъ физическихъ переворотовъ не оставило на нихъ никакого слѣда. Оттого янтарныя ископаемыя доселѣ сохраняютъ свой первоначальный видъ, то самое положеніе, какое было имъ свойственно въ моментъ погруженія, или при жизни. Нѣкоторыя изъ насѣкомыхъ, особенно мелкія, покоятся въ янтарѣ съ распростертыми крылышками, и такъ естественно, что повидимому ожидаютъ только пробуждающей силы, чтобы выйдти изъ своего каталептическаго состоянія и полетѣть.

Какія же растенія и какія животныя погребены въ янтарѣ, въ этой великолѣпной гробницѣ, по выраженію Ломоносова? Безъ сомнѣнія, тѣ растенія, изъ которыхъ состояли лѣса, и тѣ животныя, которыя жили въ этихъ лѣсахъ, ползали по самымъ деревьямъ, летали около ихъ, или, другимъ образомъ, приходили въ прикосновеніе съ янтарною смолою, и были ею обволакиваемы.

Сперва разсмотримъ растительные остатки, и по нимъ постараемся составить себѣ понятіе о тѣхъ лѣсахъ, въ которыхъ произрастали янтарныя деревья.

Растительные остатки или растенія, открываемые въ янтарѣ, съ перваго взгляда не представляютъ ничего необыкновеннаго, ничего такого, съ чѣмъ бы вы не были знакомы; но, всмотрѣвшись въ нихъ пристально, вы увѣритесь, что эти повидимому знакомыя вамъ растенія, имѣютъ въ себѣ нѣчто особенное, чѣмъ они существенно отличаются отъ нынѣшнихъ, сродныхъ съ ними растеній. Дѣйствительно, это такіе *виды* растеній (species), которые давно исчезли съ лица земли, и находятся только въ ископаемомъ состояніи.

Всѣхъ растительныхъ видовъ, доселѣ открытыхъ въ янтарѣ, считается 48 или не болѣе 50. Главнѣйшую часть ихъ составляютъ *хвойныя* растенія (coniferae), именно: *сосна* (pinites), *ель* (abietites), *кипарисъ* (cupressites), *таксодій* (taxodites), *туйя* (thuites), *можжевельникъ* (iuniperites), *тисъ* (taxites) и *эфедра* (ephedrites). Сосна представляетъ четыре вида, ель—три, туйя—пять, тисъ—два, таксодій, кипарисъ, можжевельникъ и эфедра—по одному. Изъ лиственныхъ деревьевъ, судя по най-

деннымъ цвѣтамъ и листьямъ, въ янтарныхъ лѣсахъ произрастали: *дубъ* (quercites), *грабъ* (carpinites), *лещина* (corylites), *тополь* (populites), *ольха* (alnites) и *орѣшникъ* (iuglandites). Тутъ были и кустарниковыя растенія, именно *вересковыя* (ericasceae), сходныя съ нынѣшними: андромедою, кальміемъ, рододендрономъ, и др. Почва, на которой росли янтарные лѣса, будучи защищена отъ солнца густою древесною тѣнью, вѣроятно была сырою, болотистою, и отъ согнивающаго листопада покрывалась толстымъ слоемъ чернозема. Такая почва, безъ всякаго сомнѣнія, была способна для питанія множества тайно-цвѣтныхъ растеній. Изъ числа ихъ, въ янтарѣ сохранились остатки весьма красиваго *папоротника* (pecopteris), и одного вида *глейхеніи*; потомъ много лиственныхъ и печеночныхъ *мховъ*, *конфервы* и мелкіе виды *грибовъ*. Водяныхъ растеній въ янтарѣ до сихъ поръ не замѣчено. Конфервы, повидимому, росли не въ водѣ, а на гніющихъ деревьяхъ. Нѣкоторые изъ грибовъ также были паразитами на умершихъ насѣкомыхъ.

Всѣ выше исчисленныя растенія принадлежатъ къ извѣстнымъ или существующимъ родамъ, и отличаются отъ нынѣшнихъ одною *видовою* формою. Но посреди ихъ, въ тѣхъ же янтарныхъ лѣсахъ, росли и такія растенія, которыя имѣли совершенно особенную *родовую* форму. До сихъ поръ замѣчено только двѣ такія формы. Одну изъ нихъ Гёппертъ называетъ *Берендція* (Berendtia), а другую—*Зенделія* (Sendelia), по имени двухъ извѣстныхъ натуралистовъ. Оба означенные рода относятся къ отдѣлу *вѣнкоцвѣтныхъ* растеній (corolliflorae DL).

Янтарныхъ растеній, какъ видно изъ предыдущаго, открыто весьма немного. Эта бѣдность отчасти восполняется животными остатками, которые извѣстны намъ гораздо въ большемъ количествѣ, нежели растительные.

Янтарную фавну, преимущественно, составляютъ *суставчатыя* (articulata), именно: ракообразныя (crustacea), многоногія (myriapoda), и насѣкомыя (insecta). Янтарь въ особенности назначенъ для сохраненія этого обширнаго отдѣла ископаемыхъ животныхъ; безъ его помощи, будучи плохо защищены отъ внѣшнихъ вліяній, они должны были бы уничтожиться и остаться вовсе неизвѣстными для науки. И дѣйствительно, внутри земли, посреди слоевъ, заключающихъ въ себѣ множество раковинъ и

другихъ животныхъ, одаренныхъ твердыми покровами, суставчатыя встрѣчаются чрезвычайно рѣдко.

При настоящемъ состояніи науки намъ извѣстно около 900 видовъ янтарныхъ животныхъ, именно: 308 видовъ двукрылыхъ насѣкомыхъ (diptera), 280 жесткокрылыхъ (coleoptera), 56 полужесткокрылыхъ (hemiptera), 87 сѣтчатокрылыхъ (neuroptera), 8 прямокрылыхъ (orthoptera), 21 безкрылыхъ (aptera), 2 вида ракообразныхъ животныхъ (crustacea), 10 многоногихъ (myriapoda) и 123 паукоподобныхъ (arachnoida). Янтарная фавна, какъ видно, почти вся состояла изъ насѣкомыхъ. Пестрые рои этихъ животныхъ оживляли собою янтарные лѣса. По всему вѣроятію, одни изъ нихъ жили въ разсѣлинахъ коры и между иглами хвойныхъ деревьевъ, въ то время господствовавшихъ; другія — въ самомъ лубѣ и древесинѣ; множество муравьевъ, весьма различныхъ видовъ, кишѣли вокругъ древесныхъ корней, и громоздили около нихъ свои постройки и т. д.

Янтарныя животныя, съ перваго взгляда, весьма похожи на нынѣшнихъ, но не смотря на это, всѣ относятся къ особеннымъ *видамъ* (species). Многія изъ *родовыхъ* формъ (genus) также оказываются вымершими. Нѣкоторыя изъ нихъ даже не замѣнились никакими живыми, близко къ нимъ подходящими. Числовое отношеніе вымершихъ родовъ къ нынѣшнимъ или живымъ, въ каждомъ разрядѣ, оказывается особеннымъ. Такъ, на 68 родовъ двукрылыхъ насѣкомыхъ приходится около 26 вымершихъ; почти такое же отношеніе, повидимому, представляютъ и жесткокрылыя; напротивъ, между сѣтчатокрылыми найдено только два такихъ рода, а между полужесткокрылыми и прямокрылыми не открыто ни одного вымершаго рода. Семейства янтарныхъ животныхъ тѣ же самыя, какія находятся нынѣ, за исключеніемъ одного. Оно принадлежитъ къ классу паукоподобныхъ животныхъ, и названо *Архаидами* (Archaidae). Въ нѣкоторыхъ разрядахъ, число семействъ почти одинаково съ нынѣшнимъ, напримѣръ въ сѣтчатокрылыхъ. Вообще же, число живыхъ семействъ значительно превосходитъ число тѣхъ, которыя открыты въ янтарѣ.

Янтарныя насѣкомыя, кромѣ тѣхъ особенностей, о которыхъ мы говорили выше, представляютъ еще одну: они, вообще,

мельче нынѣшнихъ. По свидѣтельству Берендта, между нынѣшними насѣкомыми нельзя найдти столько же мелкихъ видовыхъ формъ, сколько ихъ находится между янтарными. Это явленіе, зависѣло, быть-можетъ, отъ климатическихъ причинъ, а быть-можетъ и отъ того, что большія и сильныя животныя рѣже попадались въ янтарь, нежели мелкія и слабыя.

Само собою разумѣется, что янтарные лѣса заключали въ себѣ гораздо большее число растеній и животныхъ, нежели какое открыто въ янтарѣ. Можно ли допустить, чтобы всѣ растенія и животныя, существовавшія въ одно время съ янтарными деревьями, приходили въ соприкосновеніе съ смолою, изъ нихъ истекавшею, и всегда оставляли въ ней какой-либо слѣдъ? Это весьма невѣроятно, особенно относительно животныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были такъ велики, что янтарь не въ состояніи былъ заключить ихъ въ себя, а другія не могли приходить съ нимъ ни въ какое соприкосновеніе, по мѣсту своего пребыванія, напримѣръ водяныя. Можно сказать навѣрное, что въ янтарныхъ лѣсахъ, кромѣ суставчатыхъ животныхъ, находилось много другихъ, каковы: слизняки, кольчатники, рыбы, амфибіи, птицы и звѣри. Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ оставили по себѣ память даже въ самомъ янтарѣ. Существованіе птицъ въ тогдашнее время доказывается перомъ, которое найдено Берендтомъ въ одномъ уже просверленномъ и ошлифованномъ янтарѣ. Отъ звѣрей осталось нѣсколько шерсти. Самый замѣчательный экземпляръ, о которомъ упоминаетъ Берендтъ, состоитъ изъ пучка мягкихъ волосъ, въ $1^1/_2$ дюйма длиною. По мнѣнію профессора Корда, эти волосы принадлежали летучей мыши, и притомъ изъ числа тѣхъ видовъ, которые сходны съ нынѣшними индійскими. Амфибіи и рыбы часто встрѣчались въ янтарѣ, но всегда искусственно приготовленныя [1]). Изъ коль-

[1]) Частыя требованія и высокія цѣны, которыя платились за куски янтаря съ рѣдкими, содержащимися въ нихъ растеніями и животными, подали поводъ къ обманамъ и поддѣлкамъ. Появились янтари не только съ различными насѣкомыми, но и съ небольшими рыбками, ящерицами и т. п. Для этого брали обыкновенно двѣ одинаковыя пластинки янтаря, дѣлали въ нихъ углубленіе, клали туда животныхъ и заливали копаломъ. То же вещество служило цементомъ для самыхъ пластинокъ. Но если такой кусокъ янтаря положить въ кипячую воду, или въ винный спиртъ, то копалъ распустится, и обнаружитъ обманъ. Вмѣсто янтаря часто продавали копалъ съ различными насѣкомыми и другими органическими тѣлами.

чатниковъ и слизняковъ, единственными примѣрами почитаются дождевой червь (lumbricus), и двѣ маленькія раковины, Turritella и Turbo.

Остатки подобныхъ животныхъ, безъ всякаго сомнѣнія, должны быть чрезвычайно рѣдки въ янтарѣ. Онъ, какъ мы видѣли, преимущественно назначенъ для сохраненія суставчатыхъ животныхъ. Но нѣкоторыя изъ нихъ, вѣроятно, также ускользнули отъ янтарной гробницы, и остались для насъ вовсе неизвѣстными. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ вполнѣ и тѣхъ животныхъ, которыя заключены въ янтарѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ встрѣчаются такими отрывочными частями, или въ такомъ искаженномъ положеніи, что отнимаютъ всякую возможность опредѣлить то животное или то растеніе, которымъ принадлежали эти отдѣльныя части. Сверхъ того, самый янтарь не всегда имѣетъ ту степень прозрачности, какая необходима для наблюденій. Но самое главное, надобно представить себѣ, сколько янтаря сокрыто еще внутри земли, какая масса этого вещества въ теченіи времени разрушена, и физическими вліяніями, и равнодушіемъ человѣка, и какъ мало, въ сравненіи съ этою массою, удалось намъ собрать! Что̀ значатъ 2000 кусковъ янтаря, собранныхъ Берендтомъ, передъ тѣмъ, конечно, огромнымъ количествомъ, которое должно было погибнуть невозвратно, или которое лежитъ внутри земли, и также, быть-можетъ, не будетъ достояніемъ науки! Судя по тому, что въ этихъ 2000 экземплярахъ найдено 800 видовъ животныхъ, янтарная фавна должна быть чрезвычайно богата и разнообразна. Между 20 вновь пріобрѣтенными кусками, Берендтъ всегда находилъ по крайней мѣрѣ одинъ съ новымъ видомъ, а при двойномъ числѣ и новый родъ. Разнообразіе тогдашнихъ насѣкомыхъ такъ велико, говоритъ онъ, что во многихъ семействахъ встрѣчаются особенные роды, а въ нѣкоторыхъ родахъ почти каждое насѣкомое оказывается особеннымъ видомъ. Однимъ словомъ, можно быть увѣреннымъ, что при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, въ янтарѣ откроется еще много и новыхъ растеній, и новыхъ животныхъ.

Еслибы надежды наши осуществились, то янтарные лѣса, со всѣми обитавшими въ нихъ животными, предстали бы предъ нами въ самой живой и разнообразной картинѣ. Тогда легко

было бы сравнить ихъ съ нынѣшними лѣсами, или даже мысленно пересадить на нашу почву, и посмотрѣть, гдѣ бы они могли расти въ наше время, подъ какимъ небомъ, въ какомъ климатѣ. Но, при нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ объ янтарныхъ растеніяхъ и животныхъ, мы должны ограничиться одними предположеніями, и произносить ихъ съ большою осторожностію. Для любопытства читателей, мы укажемъ на нѣкоторыя относящіяся сюда данныя.

Янтарныя растенія, какъ показываютъ наблюденія, большею частію сходны съ тѣми, которыя въ настоящее время живутъ въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ; нѣкоторыя же изъ нихъ, что̀ особенно замѣчательно, исключительно принадлежатъ западной половинѣ земнаго шара, или сѣверной Америкѣ. Остальныя янтарныя растенія обнаруживаютъ тропическій характеръ: таковы эфедра, пекоптерисъ, туйя и кипарисъ; впрочемъ, два послѣдніе рода, какъ всѣ кипарисовыя (cupressineae), растутъ и въ южной Европѣ, или, вообще, между 20° и 40° сѣв. ш. Въ янтарныхъ животныхъ замѣчаются такіе же типы, или даже болѣе опредѣленные, нежели въ растеніяхъ. Нѣкоторыя изъ янтарныхъ насѣкомыхъ, по сравненію съ нынѣшними, имѣли характеръ сѣверо-американскій, или южно-европейскій. Соединенные Штаты, средняя Германія, южная Франція, Греція, въ фавнахъ своихъ, заключаютъ много такихъ родовъ насѣкомыхъ, которые существовали уже въ янтарныхъ лѣсахъ. Но удивительно, что тамъ же находились и такіе роды, которые въ настоящее время почитаются весьма сѣверными обитателями Европы. Прочія насѣкомыя имѣютъ настоящій тропическій характеръ; многія изъ нихъ сходны съ тѣми, которыя живутъ въ Бразиліи, Египтѣ, на Малабарскомъ берегу и въ Новой Голландіи. Изъ этого видно, что янтарные лѣса, съ своими обитателями, большею частію имѣли характеръ полутропическаго или умѣреннаго климата; нѣкоторые изъ нихъ въ наше время, могли бы расти въ южной Европѣ, или въ Соединенныхъ Штатахъ, а другіе—ближе къ тропикамъ. Но дѣйствительно ли существованіе ихъ ограничивалось означенными полосами?

Янтарные лѣса, вѣроятно, расли въ тѣхъ самыхъ странахъ, гдѣ въ настоящее время находится янтарь, или по сосѣдству съ

этими странами. Но янтарь находятъ во многихъ мѣстахъ: по одному направленію, отъ западныхъ береговъ Европы до Камчатки и Китая, по другому, отъ острова Канина и береговъ Ледовитаго моря до Бирманскаго царства и острова Явы. Не значитъ ли это, что янтарные лѣса могли расти во всѣхъ географическихъ полосахъ? Явленіе странное, но оно легко объяснится, если допустимъ, что эти лѣса не вездѣ имѣли одинаковый характеръ, и что самые климаты тогдашняго времени не представляли тѣхъ рѣзкихъ различій, какія существуютъ въ наше время. Возможность перваго предположенія представить себѣ не трудно, но возможность втораго требуетъ объясненій. Дѣйствительно, отчего климаты могли быть менѣе различными, и когда же это было?

Для рѣшенія этого и другихъ вопросовъ, относительно янтарныхъ лѣсовъ, самою классическою страною почитается сѣверная половина Германіи, и особенно Пруссія, издавна доставляющая весьма большое количество янтаря. Тамошній янтарь, какъ извѣстно, находится вмѣстѣ съ бурымъ углемъ, образовавшимся изъ тѣхъ самыхъ лѣсовъ, въ которыхъ расли янтарныя деревья. Къ сѣверу отъ Дуная, этотъ уголь, или точнѣе фармаціи, его заключающія, занимаютъ весьма большое пространство, и составляютъ семь бассейновъ: верхнерейнскій, рейнъ-гессенскій, нижнерейнскій, тюрингенъ-саксонскій, богемскій, силезскій и сѣверо-германскій. Время, въ которое образовались означенные бассейны, составляетъ въ исторіи земли особый періодъ. Въ геологіи его называютъ третичнымъ, или точнѣе, *міоценовымъ* періодомъ. Къ тому же времени, безъ сомнѣнія, должно относиться и образованіе янтаря въ этихъ бассейнахъ. Но въ Пруссіи янтарь находится не столько между міоценовыми осадками, сколько между дилювіальными или эрратическими, которые произошли гораздо позднѣе міоцена. Въ такомъ же, или еще въ большемъ количествѣ онъ находится въ самомъ морѣ, и выбрасывается имъ на прусскіе берега.

Янтарь, заключающійся въ дилювіальныхъ наносахъ Пруссіи, очевидно, занесенъ сюда изъ другихъ мѣстъ; родина или тѣ лѣса, въ которыхъ образовался тамошній янтарь, должны были находиться собственно не въ Пруссіи, а по сосѣдству съ нею. Гдѣ же, въ какую сторону? Судя по тому, что янтарь и въ настоящее

время выбрасывается моремъ, надобно полагать, что эти лѣса лежали къ сѣверу отъ Пруссіи. Мы имѣемъ даже достаточныя причины думать, что они расли недалеко отъ нынѣшняго берега. Это доказывается слѣдующими обстоятельствами.

Янтарь добывается, какъ извѣстно, по всему Балтійскому поморью, но не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ. Въ этомъ отношеніи, самою замѣчательною мѣстностію почитается берегъ Замландіи, лежащій между Куришъ-Гафомъ и Фришъ-Гафомъ, или точнѣе, между Пиллау и Гроссъ-Губникеномъ, небольшою деревнею. Отсюда, количество янтаря въ обѣ стороны по направленію берега уменьшается, и самыми крайними предѣлами его распространенія оказываются Померанія и Курляндія. Внутри самой Пруссіи, по свидѣтельству Бока [1]), янтарь распространенъ повсюду; въ ней нѣтъ почти ни одного селенія, въ которомъ не находили бы янтаря; конечно, не вездѣ въ такомъ количествѣ, чтобы можно было добывать его съ выгодою. Озера, рѣки, пруды также заключаютъ въ себѣ янтарь. Но, не смотря на это всеобщее распространеніе, нельзя сказать, чтобы положеніе янтаря внутри Пруссіи было совершенно неправильное. Напротивъ, тамъ находится много такихъ мѣстностей, которыя особенно богаты янтаремъ; если эти мѣстности, раздѣленныя иногда одна отъ другой большими промежутками, соединить между собою прямыми линіями, направляющимися къ сѣверу, то откроется, что эти линіи суть радіусы, выходящіе изъ одного общаго центра. Къ немалому удивленію, этимъ центромъ оказывается та самая страна, отъ которой янтарь разносился по всему Балтійскому поморью, именно Замландія, или собственно точка, которая находится къ сѣверо-западу отъ Замландіи, въ юго-восточной части Балтійскаго моря, подъ 55° с. ш. и 37—38° в. д. Не значитъ ли это, что около этой точки, по преимуществу, должны были расти тѣ лѣса, которые были родиною прусскаго янтаря? Вѣроятно, они покрывали какой-либо низменный островъ, а, быть-можетъ, и цѣлый низменный архипелагъ, составлявшій какъ бы продолженіе нынѣшней Замландіи. При такомъ положеніи, янтарные лѣса, отъ времени до времени заливаемые мо-

---

[1]) Ueber Bernstein bei Brandenburg. Froriep's Notizen, 1844, № 303. Berendt, l. c. стр. 14.

ремъ, могли легко превратиться въ деревенистый торфъ, или въ бурый уголь, и, наконецъ, вмѣстѣ съ островами, погрузиться въ море. Находясь подъ водою, они необходимо должны были размываться бурями и морскими теченіями. Янтарь и бурый уголь, при этомъ случаѣ, неслись въ нынѣшнюю Пруссію, находившуюся въ то время также подъ водою. Вѣроятно, это тотъ самый уголь, который расбросанъ по всей Пруссіи, и почитается однимъ изъ лучшихъ указателей тамошняго янтаря. Въ настоящее время разнесеніе балтійскаго янтаря происходитъ точно такимъ же образомъ, какъ прежде. Бури до сихъ поръ продолжаютъ размывать погрузившіеся острова, и прибивать янтарь къ той части Пруссіи, которая лежитъ между Данцигомъ и Мемелемъ. Повидимому, самое направленіе бурь, свирѣпствующихъ при берегахъ Пруссіи, осталось почти то же, какое, можно предполагать, было въ эпоху разнесенія янтаря.

Когда же существовали предполагаемые нами лѣса на Балтійскомъ морѣ? И въ какое время эти лѣса погрузились въ его нѣдра, и, будучи размываемы имъ, неслись въ видѣ щебня въ нынѣшнюю Пруссію, также составлявшую дно моря?

Существованіе янтарныхъ лѣсовъ на Балтійскомъ морѣ должно относиться къ міоценовому періоду, къ тому же времени, къ которому относились лѣса, произраставшіе нѣкогда во всей сѣверной половинѣ Германіи, и въ послѣдствіи превратившіеся въ бурый уголь. Тѣ и другіе повидимому, совершенно одинаковы между собою. Янтарь, заключающійся въ буромъ углѣ, и самый уголь или растенія, изъ которыхъ онъ образовался, въ сущности нисколько не отличаются отъ прусскаго янтаря и тѣхъ растеній, которыя въ немъ открыты. Правда, флора бураго угля представляется болѣе богатою и болѣе разнообразною, нежели янтарная; но, не смотря на это, она приводитъ къ тѣмъ же заключеніямъ, какія мы вывели изъ янтарныхъ растеній. Она также, по преимуществу, состояла изъ хвойныхъ деревьевъ, и обнаруживаетъ такой же полутропическій характеръ. Изъ 146 видовъ растеній, которые найдены въ нижнерейнскомъ бассейнѣ и опредѣлены Оттономъ Веберомъ, только 26 тропическихъ, а всѣ прочіе полутропическаго или умѣреннаго климата. Въ силезскомъ бассейнѣ найдено 184 вида; по свидѣтельству Гепперта, эти виды большею частію различны отъ тѣхъ, которые

опредѣлены Веберомъ, но всѣ указываютъ на климатъ полутропическій и такую флору, которая теперь находится въ южной части Соединенныхъ Штатовъ и въ сѣверной части Мексики. Почти то же самое замѣчаетъ Рейсъ относительно флоры богемскаго бассейна: она обнаруживаетъ характеръ частію прибрежный Средиземнаго моря, частію сѣверо-американскій [1]). Однимъ словомъ, все доказываетъ, что янтарные лѣса балтійскихъ острововъ существовали въ одно время съ такими же лѣсами во всей сѣверной половинѣ Германіи, именно въ міоценовый періодъ. Этимъ же легко объясняется, почему янтарные лѣса могли расти во всѣхъ географическихъ широтахъ и вездѣ обнаруживали почти одинаковый характеръ. Это, вѣроятно, зависѣло отъ того, что въ міоценовый періодъ земная кора еще не успѣла охладиться, и была такъ горяча, что могла отчасти обезразличивать климаты, и дѣлать ихъ повсюду болѣе или менѣе одинаковыми. Сверхъ того, тогдашніе материки, быть-можетъ, не были такъ обширны и непрерывны, какъ теперь; прорѣзанные большими бухтами, и отдѣленные одинъ отъ другаго частыми проливами, они могли имѣть довольно однообразный островской климатъ.

Такимъ образомъ, разрѣшается первая часть нашего вопроса; остается опредѣлить, когда эти лѣсистые острова погрузились въ море, и когда самая Пруссія находилась подъ водой.

Мы видѣли выше, что янтарь, добываемый внутри Пруссіи, обыкновенно выкапывается изъ дилювіальныхъ или эрратическихъ наносовъ. Это значитъ, другими словами, что тамошній янтарь зенесенъ въ Пруссію въ одно время съ дилювіальными наносами, а въ это время дѣйствительно, какъ доказываетъ геологія, не только Пруссія, но и ближайшія къ ней страны и вся сѣверная половина Россіи находились подъ водою [2]). Причиною этого было поднятіе Скандинавіи (Швеціи, Норвегіи и Лапландіи). Земная кора, поднявшись въ одномъ мѣстѣ изъ моря, должна была опуститься въ другомъ, и затопить образо-

---

[1]) Dr. C. Fr. Naumann, Lehrbuch der Geognosie. 1854. Leipzig. Zweiter Band. Стр. 1084 и 1085.

[2]) Моя статья объ *эрратическихъ явленіяхъ*, помѣщенная въ № 19-мъ «Русскаго Вѣстника», 1856 года, и мое же изслѣдованіе о *колебательномъ движеніи Европейскаго материка*, въ собраніи рѣчей московскихъ профессоровъ, 1856 г.

вавшуюся при этомъ котловину,—нынѣшнія при-балтійскія страны и Россію. По дну этого обширнаго моря бурными потоками, направлявшимися лучеобразно отъ береговъ Скандинавіи, разносились огромныя массы эрратическихъ наносовъ. Что же удивительнаго, что тѣ же потоки были причиною разрушенія янтарныхъ острововъ, находившихся уже подъ водою, и лучеобразнаго разнесенія янтаря, вмѣстѣ съ другими веществами, по дну моря, покрывавшаго нынѣшнюю Пруссію?

Послѣ эрратическаго періода при-балтійскія страны и Россія, составлявшія дно моря, начали выходить наружу. Съ поднятіемъ ихъ, море болѣе и болѣе удалялось, и наконецъ пришло въ границы нынѣшняго Балтійскаго моря. Янтарь и дилювіальные наносы, покрывавшіе Пруссію, при этомъ случаѣ также вышли на поверхность земли. Событія, о которыхъ мы говорили, могутъ показаться невѣроятными, но они продолжаются и въ наше время. При-балтійскія страны до сихъ поръ находятся въ колебательномъ движеніи, подымаясь въ однихъ мѣстахъ и опускаясь въ другихъ; Балтійское море съ каждымъ годомъ уступаетъ часть своихъ владѣній ближайшимъ материкамъ. Но янтарные острова, не смотря на близость свою къ берегу, все еще находятся подъ водою; море не охотно разстается съ ними. Бури продолжаютъ разрушать ихъ, и вымытый янтарь несутъ къ берегамъ Пруссіи.

Итакъ острова, обогатившіе Балтійское поморье янтаремъ, издавна погружены въ море. О какихъ же янтарныхъ островахъ упоминается у древнихъ писателей? Нашъ геологическій выводъ не будетъ ли въ противорѣчіи съ историческими указаніями?

Дѣйствительно, у Грековъ и Римлянъ, получавшихъ янтарь изъ отдаленнаго для нихъ сѣвера, много говорилось о существованіи тамъ янтарныхъ острововъ. Греки называли ихъ *электридами*, Римляне *глессаріями*. Нигдѣ, однако, эти названія не встрѣчаются у нихъ собственными именами, а только эпитетами такихъ острововъ, на которыхъ находится янтарь, electron, glessum. Первыя, болѣе положительныя свѣдѣнія объ этихъ островахъ сообщилъ Пиѳеасъ (Pytheas), извѣстный греческій ученый, астрономъ и натуралистъ, жившій во времена Александра Великаго. Онъ предпринималъ морское путе-

шествіе, съ цѣлію изслѣдовать, гдѣ находится янтарь, привозившійся въ то время съ сѣвера. Пиѳеасъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи о какой-то прибрежной полосѣ, часто прерываемой моремъ, Mentonomon, и объ янтарномъ островѣ Abalus, лежащемъ еще далѣе на одинъ день пути. По мнѣнію Плинія, Mentonomon есть прибрежная страна Балтійскаго моря, отъ Киммерійскаго полуострова до устья рѣки Вислы, а островъ Abalus, надобно полагать, нынѣшняя Замландія. Тимей (Timaeus) обозначаетъ янтарные острова названіями Bannomana, Bannona и Raunona. Адамъ Бременскій говоритъ о трехъ балтійскихъ островахъ, изъ которыхъ одинъ называетъ *Замландіею*. Указанія Страбона, Діодора Сицилійскаго и Птоломея на географію Балтійскаго края еще неопредѣленнѣе. Впрочемъ, всѣ извѣстія древнихъ, еслибъ даже они были и гораздо опредѣлительнѣе, не могутъ относиться къ тѣмъ островамъ, о которыхъ мы говорили выше. Янтарные острова, какъ видно изъ предыдущаго, существовали въ міоценовый періодъ, отдѣляющійся отъ историческаго времени огромнѣйшимъ промежуткомъ. Ихъ не было даже въ эрратическій періодъ, который предшествовалъ историческому. Весьма сомнительно, чтобы во времена Римлянъ и Грековъ эти острова выходили наружу, и потомъ опять погрузились въ море. Съ большею вѣроятностію подъ электридами и глессаріями надобно разумѣть намывные острова, такъ часто образующіеся при берегахъ, или даже полуострова, на которые море выбрасывало янтарь, приносимый бурями, подобно тому, какъ оно выбрасываетъ въ наше время. Въ какомъ мѣстѣ балтійскаго прибрежья находились такіе острова, объ этомъ въ настоящее время судить трудно. Въ балтійскомъ побережьѣ съ того времени произошло множество измѣненій; теперь оно нисколько не похоже на то, какимъ было въ эпоху Грековъ и Римлянъ[1]). Само

---

[1]) Припомнимъ нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій, которыя произошли въ прусскихъ берегахъ уже въ теченіе шести послѣднихъ столѣтій (Berendt, l. c. B. I. Стр. 5—7).

По сказаніямъ древнѣйшаго прусскаго лѣтописца Петра Дусбургскаго, въ первой половинѣ XIII вѣка волны Балтійскаго моря должны были достигать нынѣшнихъ городовъ Меве и Кульма. По свидѣтельству Гарткноха, корабли нѣкогда доходили до Торна. Въ то же время дельта рѣки Вислы была лѣсистымъ болотомъ, изъ котораго кой-гдѣ выдавались низменные острова, и только къ концу

собою разумѣется, что послѣ такихъ преобразованій, мы тщетно будемъ искать электридъ или глессарій, хотя бы Пиѳеасъ умѣлъ обозначить ихъ даже со всею астрономическою точностію.

До сихъ поръ мы старались рѣшить, основываясь на извѣстныхъ данныхъ, одинъ только научный вопросъ объ янтарѣ. Теперь обращаемся къ другой сторонѣ предмета, — къ его добычѣ и коммерческому значенію.

Балтійскій янтарь, какъ сказано выше, выкапывается изъ земли, собирается на песчаномъ берегу, либо ловится въ морѣ сѣтями во время сильныхъ бурь. Для подземныхъ работъ избираются мѣста, особенно богатыя янтаремъ, и называемыя обыкновенно *жилами*, либо *гнѣздами*. Впрочемъ, это не тѣ жилы или гнѣзда, въ какихъ бываютъ различныя металлическія руды и другіе минералы. Нѣтъ, это просто наносы глины или песку, вмѣстѣ съ янтаремъ и остатками бураго угля. Эти наносы, имѣющіе видъ длинныхъ полосъ, либо небольшаго округлаго пространства, напоминаютъ собою янтарь, прибиваемый къ прежнимъ берегамъ Балтійскаго моря и случайно попадавшій въ его углубленія, бухты или заливы. Говоря точнѣе, янтарныя жилы суть ничто иное какъ *прежнія окраины берега*, или *отрывки этихъ окраинъ*, а гнѣзда — тѣ *углубленія прежняго берега, въ которыхъ случайно собралось большое количество янтаря*. Съ удаленіемъ моря, или съ поднятіемъ морскаго дна, балтійское прибрежье постоянно подвигалось къ

XIII столѣтія дѣятельностію человѣка превращены въ плодоносныя нивы. Береговой валъ или нерунгъ, которымъ фришъ-гафъ отдѣляется отъ моря, въ настоящее время имѣетъ видъ длиннаго меча, а на картѣ Геннебергера, относящейся ко второй половинѣ XV вѣка, тутъ изображены три острова. Болѣе опредѣленное образованіе нынѣшнихъ заливовъ при берегахъ Пруссіи, Балгерскаго, Кенигсбергскаго и Пиллауского, также началось со второй половины XV вѣка, и представляло цѣлый рядъ непрерывныхъ измѣненій.

Еще не такъ давно крѣпко вѣрили въ существованіе подводныхъ развалинъ города Винеты, противъ деревни Дамерова, лежащей на островѣ Уведонѣ. Еслибы дѣйствительно такія развалины существовали, то это служило бы доказательствомъ пониженія балтійскаго прибрежья во времена историческія. Но болѣе точныя изслѣдованія убѣдили, что всѣ сказанія о подводныхъ развалинахъ Винеты есть чистая басня, случайно пущенная въ ходъ Альбрехтомъ Кранцемъ, Кантцеемъ и Шпреліемъ, и поддержанная дамеровскими рыбаками. См. Сочиненія *Т. Н. Грановскаго*. 1856. Томъ I. стр. 245—261.

сѣверу, и подавало поводъ къ образованію новыхъ жилъ и новыхъ гнѣздъ, и т. д. Всѣ такія скопленія надобно почитать памятниками прежнихъ бурь, направлявшихся отъ янтарныхъ острововъ къ берегамъ Пруссіи, болѣе и болѣе возникавшей изъ моря. Жилы и гнѣзда рѣдко заключаютъ въ себѣ столько янтаря, чтобы въ состояніи были окупить всѣ издержки, употребляемыя на ихъ разработку. Извлеченіе янтаря изъ моря вообще представляетъ гораздо болѣе выгодъ, нежели подземныя работы. Мы опишемъ этотъ способъ, руководствуясь свѣдѣніями, какія сообщаетъ объ нихъ Леонгардъ [1]). Если появится морской вѣтеръ, то море начинаетъ выбрасывать янтарь на берегъ, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ бураго и рыхлаго дерева, морскою травою (fucus vesicuselus, f. fastigiatus, zostera marina) и другими веществами. Тогда туземцы, занимающіеся ловлею янтаря, спѣшатъ на берегъ. Съ своими небольшими сѣтями, укрѣпленными на весьма длинныхъ шестахъ, вступаютъ они въ борьбу съ морскими волнами, захватываютъ куски дерева, траву, и съ ними вмѣстѣ янтарь. Только большія волны прибыльны для нихъ; двѣ или три такія волны достаточны бываютъ для наполненія сѣти; не рѣдко одна волна забрасываетъ въ сѣть нѣсколько фунтовъ превосходнаго янтаря. Въ то же время дѣти и женщины на берегу занимаются отыскиваніемъ и разборкою янтаря. Сильныя бури бываютъ преимущественно осенью; поэтому занимающіеся янтарною ловлею должны быть люди особенно привычные къ холоду, и смѣлые. Ужасный и потрясающій видъ, когда лодки этихъ смѣльчаковъ ныряютъ между бушующими волнами, ежеминутно готовыми поглотить ихъ! По успокоеніи моря, ловля янтаря большею частію производится уже на ботахъ. Глазъ ловца до того зорокъ, что на нѣсколькихъ аршинахъ глубины въ состояніи различать куски янтаря. На такихъ-то мѣстахъ онъ бросаетъ свои сѣти; между тѣмъ, ботъ подвигается впередъ и вытаскиваетъ ихъ изъ моря.

Исчезнувшіе острова, о которыхъ мы говорили, должны быть чрезвычайно богаты янтаремъ. Сколько времени они разру-

---

[1]) K. C. v. Leonhard, Geologie oder Naturgeschichte der Erde. Stuttgart, 1840. Dritter B. Стр. 374, 375.

шаются, и все еще остаются неистощимы. Всего удивительнѣе то, что количество янтаря, добываемое въ Пруссіи, почти одинаково, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ начали обращать на это вниманіе, именно съ 1535 года. Съ 1661 по 1811 годъ добывалось среднимъ числомъ до 150 тоннъ ежегодно[1]). Въ частности почти никогда не было весьма значительныхъ уклоненій отъ этого количества.

Для торговли янтарь разбирается по цвѣту, формѣ, прозрачности и величинѣ кусковъ. Первый сортъ янтаря составляютъ чистые и прозранные куски, вѣсомъ въ пять лотовъ и болѣе (Sortiment). Второй сортъ — такого же достоинства, но меньшей величины, отъ 30 до 40 кусковъ на фунтъ (Tonnenstein). Третій сортъ — янтари мелкіе, но чистые, отъ одного до двухъ квадратныхъ дюймовъ величиною (Fernitz). Куски мельче предыдущихъ относятся къ четвертому сорту (Sandstein), если прозрачны, и къ пятому (Schluck), если не прозрачны и не чисты. По свидѣтельству Густава Розе[2]), въ 150 тоннахъ ежегодно добываемаго янтаря процентное содержаніе между означенными сортами бываетъ обыкновенно такое:

перваго сорта	0,788
втораго	9,642
третьяго	5,959
четвертаго	64,695
пятаго	18,916

Изъ этого видно, какую рѣдкость составляютъ куски янтаря большіе и чистые, относящіеся къ первому сорту. Самый большой кусокъ янтаря, какой до сихъ поръ извѣстенъ, находится въ королевскомъ собраніи въ Берлинѣ. Онъ длиною въ $13^3/_4$ рейнск. дюйма, шириною въ $8^1/_2$, толщиною отъ $3^1/_2$ до $5^5/_8$ дюйма; вѣсомъ въ 13 фунт. $15^3/_4$ лота; прозраченъ и пріятнаго цвѣта. Цѣнится въ 10,000 талеровъ. Найденъ 1803 года, въ имѣніи Шлаппахенъ, между Гумбинненомъ и Инстербургомъ[3]). Добыча янтаря въ Пруссіи отдается правительствомъ на откупъ за

---

[1]) Hagen, Beiträge zur Kunde Preussens. Th. 6. стр. 309. Тонна = 62 пудамъ.

[2]) Gust. Rose, Mineralogisch-geognostische Reise nach dem Ural, dem Altai etc., Berlin, 1837. Erster B. стр. 6.

[3]) Gust. Rose, l c. Стр. 8.

10,000 талеровъ ежегодно. Для обыкновенной оцѣнки его я прилагаю подробное раздѣленіе на сорты, какое принимается въ Данцигѣ и Кёнигсбергѣ, главнѣйшихъ мѣстахъ торговли янтаремъ[1]). Впрочемъ, цѣна янтаря большею частію опредѣляется обстоятельствами и вкусомъ покупщика. Изъ прозрачныхъ янтарей въ особенности уважаются тѣ, которые чисты, какъ вода, безъ трещинъ и другихъ недостатковъ, цвѣта бѣлаго или свѣтложелтаго. Изъ непрозрачныхъ наибольшую цѣну имѣютъ янтари бѣломолочнаго цвѣта; на Востокѣ предпочитаются всѣмъ прочимъ янтари блѣдноцвѣтные и малопрозрачные.

Обработкою янтаря въ различныя болѣе или менѣе красивыя формы преимущественно занимаются въ Кёнигсбергѣ, Данцигѣ, въ Китаѣ и Константинополѣ. Но въ самой изящной формѣ получаютъ янтари изъ Парижа, такой тонкой работы, какъ-будто они сдѣланы изъ слоновой кости или перламутра. Изъ различныхъ украшеній и галантерейныхъ вещей, приготовляемыхъ изъ янтаря, особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы, неправильно называемыя кораллами, и мундштуки для курительныхъ трубокъ. Янтарные кораллы, назначаемые обыкновенно для шейныхъ и дру-

---

[1]) Такъ дѣлятъ его такимъ образомъ: 1. Крупный янтарь, куда относятся куски болѣе осьми лотовъ вѣсомъ, такъ чтобы среднимъ числомъ по крайней мѣрѣ два куска приходилось на фунтъ. Цѣна такихъ янтарей отъ 50 до 55 рейхсталеровъ за фунтъ. Но куски прекрасной формы и цвѣта, вѣсомъ болѣе фунта, цѣнятся по 100 рейхст. и болѣе за фунтъ. 2. Куски въ 5 лотовъ и болѣе, отъ 6 до 7 на фунтъ (Zehner). Нынѣшняя обыкновенная цѣна отъ 28 до 30 рейхст. за фунтъ. 3. Куски въ 2 лота величиною, въ фунтѣ должно быть отъ 15 до 16 кусковъ (Dreissiger), въ половину дешевле предыдущаго сорта. 4. Куски въ лотъ и нѣсколько болѣе (Claccen); цѣна отъ 9 до 10 рейхст. за фунтъ.

Эти четыре сорта составляютъ сортиментъ.

Просвѣчивающіе и непрозрачные янтари раздѣляются такимъ же образомъ, какъ предидущіе прозрачные; но они почти втрое дешевле сортимента.

Къ мелкому товару принадлежатъ три сорта, но два изъ нихъ можно было бы отнести къ сортименту.

a) Куски величиною въ бобъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ идти на бусы или кораллы (Grundstein). Цѣна за фунтъ 1 рейхст. 5 зильбергрош. b) Болѣе мелкій янтарь, изъ котораго однако можно также приготовлять бусы, величиною въ горошину и мельче (Knibbel). Цѣна за фунтъ 17 зильбергр. c) Самый мелкій, употребляющійся на приготовленіе лаковъ, масла и кислоты, и для благовонныхъ куреній (Abgänge). Этотъ послѣдній сортъ подраздѣляется еще на пять, цѣною отъ 12—15 до 2—3 зильбергрошей за фунтъ. См. Blum, Lithurgik. Стр. 462-464.

гихъ женскихъ украшеній, отправляются преимущественно въ Египетъ. Для восточной Индіи приготовляются особенные кораллы, большой величины, плоскіе и не совсѣмъ красивые. Наибольшій сбытъ сыраго или необдѣланнаго янтаря производится въ Константинополь, гдѣ приготовляются изъ него мундштуки для трубокъ. Сверхъ того, изъ янтаря дѣлаютъ табакерки, флаконы, четки, игорныя шашки, пуговицы и другія вещи [1]). Онъ же идетъ на приготовленіе янтарнаго масла, янтарной кислоты и лучшихъ лаковъ, составляющихъ красивую, блестящую и прочную покрышку для мебели и другихъ вещей. Но самый большой сбытъ янтаря зависитъ отъ того ароматическаго запаха, который обнаруживается въ немъ при горѣніи. Для этой цѣли онъ отправляется преимущественно на Востокъ, и въ огромномъ количествѣ. Китайцы, Японцы и Персы запахъ янтаря предпочитаютъ всѣмъ другимъ ароматическимъ веществамъ, которыми такъ богата Азія. При религіозныхъ обрядахъ и на большихъ пиршествахъ, тамъ имѣютъ обыкновеніе курить янтаремъ, и это почитается признакомъ большаго великолѣпія. Если китайскій вельможа назначаетъ какое-либо торжество, и желаетъ выказать на немъ свое богатство, то приказываетъ принесть въ залъ три или четыре сосуда съ горящими угольями, и посыпать на нихъ желтую амбру. Чѣмъ болѣе сжигается янтаря, тѣмъ великолѣпнѣе торжество.

Многіе изъ древнихъ народовъ придавали янтарю большую цѣну. Во время троянской войны, женщины на шеѣ и на рукахъ носили повязки изъ янтаря; суевѣріе почитало его цѣлительнымъ средствомъ отъ болѣзней и талисманомъ отъ несчастій; въ храмахъ янтарь употребляли для куреній. У древнихъ Грековъ онъ назывался *электронъ*. Подъ тѣмъ же названіемъ у нихъ былъ извѣстенъ металлъ, представляющій соединеніе золота съ серебромъ, и по цвѣту очень близко подходящій къ блѣдно-желтому янтарю. Оба вещества употреблялись для украшенія, и потому иногда трудно бываетъ опредѣлить, что̀ разумѣли древніе авторы при описаніи такихъ украшеній, янтарь или металлъ. Въ настоящее время серебристое золото тоже называется электрумъ.

---

[1]) Одна изъ залъ Императорскаго царскосельскаго дворца, сверху до низу покрыта янтаремъ, подаркомъ Фридриха Великаго.

СВЯТОЧНЫЙ РАЗКАЗЪ

(Изъ путевыхъ замѣтокъ чиновника.)

I.

Въ 18** году, и именно въ ночь на Рождество Христово, пришлось мнѣ ѣхать по большому коммерческому тракту, ведущему отъ города Срывнаго къ Усть-Дёминской пристани. «Завтра, или лучше сказать, даже сегодня, большой праздникъ», думалъ я: «нѣтъ того человѣка въ цѣломъ православномъ мірѣ, который бы на этотъ день не успокоился, не отложилъ всякое попеченіе, и не предался всѣмъ наслажденіямъ и отрадамъ семейнаго очага; нѣтъ той убогой хижины, которая не освѣтилась бы привѣтнымъ лучомъ радости; нѣтъ того нищаго, бездомнаго и увѣчнаго, который не испыталъ бы на себѣ благотворное дѣйство великаго праздника! Я одинъ, горькимъ насильствомъ судьбы, вынужденъ ѣхать въ эту зимнюю, морозную ночь, между тѣмъ какъ всѣ мысли такъ естественно и такъ неудержимо стремятся къ теплому углу, ѣхать Богъ вѣсть куда, и Богъ вѣсть зачѣмъ, перестать жить самъ и мѣшать жить другимъ?» Мысли эти неотступно осаждали мою голову и дѣлали положеніе мое, и безъ того непріятное, почти невыносимымъ. Всѣ воспоминанія дѣтства, съ ихъ безмятежными, озаренными мягкимъ свѣтомъ картинами, всѣ лучшіе часы и даже мгновенія моего прошлаго, какъ нарочно, возставали передо мной самыми симпатическими, ласкающими своими сторо-

нами. «Какъ было тогда хорошо!» отзывался тихій голосъ гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ моей души: «и какъ, напротивъ того, все теперь непріятно и безучастно вокругъ!»

Кибитка между тѣмъ быстро катилась, однообразно и мѣрно постукивая передкомъ объ уступы, выбитые копытами возовыхъ лошадей. Дорога узенькою снѣговой лентой бѣжала все вдаль и вдаль; колокольцы, привязанные къ низенькой дугѣ коренника, будили оцѣпенѣвшую окрестность то яснымъ и отчетливымъ звономъ, когда лошади бѣжали рысью, то какимъ-то безпорядочнымъ гуломъ, когда онѣ пускались вскачь; по временамъ, этотъ звонъ и гулъ смѣшивался съ визгомъ полозьевъ, когда они врѣзывались въ полосу рыхлаго снѣга, нанесенную внезапнымъ вихремъ; по временамъ, впереди кибитки поднималось и нѣсколько мгновеній стояло недвижно въ воздухѣ облако морозной пыли, застилая собой всю окрестность... Горы, рѣчки, овраги — все какъ-будто замерло, все сдѣлалось безразличнымъ подъ пушистою пеленою снѣга.

«Зачѣмъ я ѣду?» безпрестанно повторялъ я самъ себѣ, пожимаясь отъ проникавшаго меня холода: «за тѣмъ ли, чтобы безполезно и произвольно впадать въ жизнь и спокойствіе себѣ подобныхъ? за тѣмъ ли, чтобъ удовлетворить извѣстной потребности времени или общества? затѣмъ ли, наконецъ, чтобы преслѣдовать свои личныя цѣли?»

И разныя странныя, противорѣчивыя мысли, одна за другой отвѣчали мнѣ на этотъ вопросъ. То думалось, что вотъ пріѣду я въ указанную мнѣ мѣстность, пріючусь, съ горемъ пополамъ, въ курной избѣ, буду по цѣлымъ днямъ шататься, плутать въ непроходимыхъ лѣсахъ, и искать.. «Чего жь искать, однакожь?» мелькнула вдругъ въ головѣ мысль, но, не останавливаясь на этомъ вопросѣ, продолжала прерванную работу. И вотъ я опять среди снѣговъ, среди сувоевъ, среди лѣсной чащи; я хлопочу, я выбиваюсь изъ силъ... и наконецъ, мое усердіе, то усердіе, которое все превозмогаетъ, увѣнчивается полнымъ успѣхомъ, и я получаю возможность насладиться плодами моего трудолюбія... въ видѣ трехъ-четырехъ бабъ полу-глухихъ, полу-слѣпыхъ, полу-безногихъ, изъ которыхъ младшей не менѣе семидесяти лѣтъ!.. «Господи! а ну какъ да онѣ прослышали какъ-нибудь?» шепчетъ мнѣ тотъ же враждебный голосъ, который,

очевидно, считаетъ обязанностью всѣ мои мечты отравлять сомнѣніями: «что̀ если Еванѳія... Е-ван-ѳі-я!... куда-нибудь скрылась?» Но съ другой стороны... зачѣмъ мнѣ Еванѳія? зачѣмъ мнѣ всѣ эти бабы? и кому онѣ нужны, кому отъ того убытокъ, что онѣ ушли куда-то въ глушь, сложить тамъ свои старыя кости? А все-таки хорошо бы, кабы Еванѳію на мѣстѣ застать!.. Привели бы ее ко мнѣ: «ага, голубушка, тебя-то мнѣ и нужно!» сказалъ бы я. «Позвольте, ваше высокоблагородіе!» шепнулъ бы мнѣ въ это время становой приставъ (тотъ самый, который изловилъ Еванѳію, покуда я сидѣлъ въ курной избѣ, и отъ скуки посвистывалъ): «позвольте-съ; я дозналъ, что въ такой-то мѣстности еще столько-то безногихъ старухъ секретно проживаетъ?» — О Боже! да это просто подарокъ! восклицаю я (не потому, чтобъ у меня было злое сердце, а просто потому, что я ужь зарвался въ порывѣ усердія), и снова спѣшу, и задыхаюсь, и открываю... Господи! что̀ я открываю!.. Чтожь, однакожь, изъ этого? къ какому результату ведутъ эти усилія? Къ тому ли, чтобъ перевернуть вверхъ дномъ жизнь десятка полуистлѣвшихъ старухъ?.. Нѣтъ, видно, въ самой мыслительной моей способности имѣется какой-нибудь порокъ, что я даже не могу найдти приличнаго отвѣта на вопросъ, безъ того, чтобы снова, дѣйствіемъ какого-то досаднаго волшебства, не возвратиться все къ тому же вопросу, изъ котораго первоначально вышелъ.

Между тѣмъ, повозка начала все чаще и чаще постукивать передкомъ; полозья, по временамъ раскатываясь, скользили по обледѣнелому черепу дороги; все это составляло несомнѣнный признакъ жила, и дѣйствительно, высунувшись изъ кибитки, я увидѣлъ, что мы въѣхали въ большое село.

— Вотъ и до мѣста доѣхали! молвилъ ямщикъ, поворачиваясь ко мнѣ.

Заиндевѣвшая его борода и жалкій бѣлый понитокъ, составлявшій, вмѣстѣ съ дырявымъ и совершенно вытертымъ полушубкомъ, единственную его защиту отъ лютаго мороза, бросились мнѣ въ глаза. Странное ощущеніе испыталъ я въ эту минуту! Хотя и обледенѣлыя бороды и худые бѣлые понитки до того примелькались мнѣ во время моихъ частыхъ скитаній по дорогамъ, что я почти пересталъ обращать на нихъ вниманіе,

но тутъ я совершенно невольнымъ и естественнымъ путемъ поставленъ былъ въ невозможность обойдти ихъ.

— Какъ-то придется тебѣ встрѣтить Христовъ праздникъ! подумалъ я, и тутъ же, по какому-то озорному сопряженію идей, прибавилъ: — а я вотъ ѣду въ теплой шубѣ, а не въ пониткѣ... ты сидишь на облучкѣ, и безпрестанно вскакиваешь, чтобъ попугать кнутомъ переднюю лошадь, а я сижу себѣ развалившись и занимаюсь мечтаніями... ты долженъ будешь, какъ пріѣдемъ на станцію, прежде всего лошадей на морозѣ распречь, а я *велю* ввести себя прямо въ тепло, *велю* поставить самоваръ, *велю* напоить себя чаемъ, *велю* собрать походную кровать, и засну сномъ невинныхъ...

Въ селѣ было пусто; былъ шестой часъ утра, а въ это время, какъ извѣстно, по большимъ праздникамъ, идетъ уже обѣдня въ тѣхъ селахъ, гдѣ нѣтъ помѣщиковъ, и гдѣ массу прихожанъ составляетъ сѣрый народъ. И дѣйствительно, хотя мы почти мгновенно промчались мимо церкви, но я успѣлъ, сквозь отворенную ея дверь, разсмотрѣть, что она полна народомъ, что глубина ея горитъ огнями по праздничному, и что густой паръ стоитъ надъ толпою, одѣвая туманомъ и богомольцевъ и яркоосвѣщенный иконостасъ.

Наконецъ, лошади остановились у просторной избы. Это была станція, но не почтовая, гдѣ, хоть съ грѣхомъ пополамъ, путешественникъ можетъ пріютить свою голову, безъ опасенія быть ежеминутно встревоженнымъ шумомъ и говоромъ людей, хлопаньемъ дверей и никогда не засыпающею дѣятельностью дня; это была простая изба, назначенная по отводу для отдыха проѣзжающихъ по казенной надобности чиновниковъ, покуда сбираютъ для нихъ свѣжихъ обывательскихъ лошадей. Сверхъ моего ожиданія, горница, въ которую меня ввели, оказалась просторною, теплою и даже чистою; полъ и вдѣланныя по стѣнамъ лавки были наканунѣ выскоблены и вымыты; передъ образами весело теплилась лампадка; четырехугольный столъ, за которымъ обыкновенно трапезуютъ крестьяне, былъ накрытъ чистымъ бѣлымъ переборомъ, а въ ближайшемъ ко входу углѣ, около огромной русской печи, возилась баба-деньщица, очевидно спѣша окончить свою стряпню къ приходу семейныхъ отъ обѣдни. На одной изъ лавокъ, возлѣ передняго угла, сидѣлъ

слѣпой и ветхій дѣдушко, въ родѣ тѣхъ, которыми почти фаталистически снабжается всякая сколько-нибудь многочисленная крестьянская семья, и держалъ въ рукѣ деревянную палку, которою задумчиво чертилъ по полу. Онъ дѣлалъ это дѣло съ необычайнымъ терпѣніемъ, какъ-будто оно составляло послѣднюю задачу его жизни, и нащупавъ палкой какую-нибудь неровность, сердился и ворчалъ.

Пріѣздъ мой не произвелъ, однакожь, особеннаго впечатлѣнія, такъ какъ, по случаю отвода избы подъ станцію, хозяева ея скоро свыкаются съ общимъ видомъ чиновника, котораго появленіе составляетъ въ кругу ихъ фактъ почти ежедневный. Деньщица, которая, по разсмотрѣніи, оказалась молодухой, продолжала усердно дѣлать свое дѣло, а дѣдушко, попрежнему, водилъ палкой по полу, и ворчалъ про себя. На полатяхъ возились и потягивались ребятишки.

— Далеко отсюда становой живетъ? спросилъ я.

— Да верстъ, чай, съ восемь будетъ, отвѣчала деньщица, дѣйствуя въ то же время ухватомъ, которымъ отправляла въ печь горшокъ съ похлебкой.

— А ты говори дѣло, а не «чай», вступился мой спутникъ и каммердинеръ Гриша, во всякое другое время очень добрый малый, но теперь сильно озлобившійся вслѣдствіе мороза и другихъ дорожныхъ непріятностей.

— А вотъ мужики придутъ — они тебѣ дѣло и скажутъ... ишь больно строгъ: съ бабы спрашиваетъ!

— Эхъ ты! баба такъ баба и есть! отозвался Гриша, но съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что я сразу созналъ глубокую разницу, существующую между привилегированнымъ поломъ и непривилегированнымъ.

— Никакъ кто пришелъ? съ кѣмъ это ты, Татьяна, разговариваешь? откликнулся дѣдушко.

— Становой далеко отсюда живетъ? спросилъ я, обращаясь къ старику.

— Ась?

— Ишь ты! глухіе да глупые — вотъ и жди отъ нихъ толку! злобно замѣтилъ Гриша.

— Баринъ пріѣхалъ... чиновникъ, дѣдушко! кричала между тѣмъ Татьяна, наклонясь къ самому уху старика: — спрашиваютъ, далече ли до становаго будетъ?

— Да верстъ пятокъ - поболѣ будетъ, прошамкалъ старикъ: — выѣдешь ты, сударь, за околицу, и поѣзжай все вправо... тамъ три сосенки такія будутъ... древнія, сударь, еще дѣдушко мой ихъ помнилъ — вò какія сосны!.. Отъ нихъ повертывай прямо направо, будетъ тебѣ тамъ озеро, и поѣзжай ты черезъ него все прямо, все прямо... Лѣтомъ-то, сударь, здѣся-ко не проѣдешь, а надо кругомъ, такъ въ тý-пору, вмѣсто пяти-то верстъ, и пятнадцать-поди будетъ!.. Ну, а за озеромъ, прямо и представится тебѣ господинъ становой... такъ-то!

— Такъ нельзя ли лошадей поскорѣй заложить? спросилъ я.

— А у насъ и робятъ-то никого нѣтъ, всѣ въ церкву ушли, отвѣчала молодуха: — видно, ужь тебѣ, баринъ, обождать придется!

— Дѣдушка! какъ бы лошадей заложить? снова спросилъ я, наклоняясь къ дѣдушкѣ.

— А что жь, сударь, для-че не заложить! кòни нонѣ дома, мигомъ заложатъ! Татьяна, сбѣгай пó-мужа-то, скажи, молъ чиновникъ наѣхалъ!

Но покуда Татьяна сбиралась, семейные ужь возвратились изъ церкви, и гурьбой ввалились въ избу. Прежде всѣхъ, некъ водится, влетѣлъ никѣмъ не прошенный клубъ морознаго воздуха, и мигомъ наполнилъ комнату бѣлесоватымъ туманомъ; за нимъ вошелъ старшій сынъ дѣдушки, мужичекъ лѣтъ пятидесяти слишкомъ, очень сановитой и бодрой наружности, одѣтый, по праздничному, въ синюю сибирку.

— Съ праздникомъ, батюшка! сказалъ онъ, помолившись напередъ образамъ: — Богъ милости прислалъ!

— Ну, слава Богу, слава Богу! прошамкалъ старикъ, привставая съ лавки: — вотъ и опять мы съ праздникомъ! Съ вами что ли некрутъ-то?

— Здѣсь, дѣдушко, будь здоровъ! молвилъ, выступая впередъ, молодой парень.

Я вспомнилъ, что, по случаю военныхъ обстоятельствъ, объявленъ былъ въ то время чрезвычайный наборъ, и невольно полюбопытствовалъ взглянуть на рекрута. Физіономія его была чрезвычайно симпатична: хотя гладко выстриженные волоса нѣсколько портили его лицо, тѣмъ не менѣе общее его выра-

женіе было весьма пріятно; то было одно изъ тѣхъ мягкихъ, полу-стыдливыхъ, полу-застѣнчивыхъ выраженій, которыя составляютъ почти общую принадлежность нашего народнаго типа. Смирно стоялъ онъ передъ старикомъ дѣдушкой, въ своемъ коротенькомъ рекрутскомъ полушубкѣ, засунувъ руку за пазуху и слегка понуривъ голову; въ голубыхъ его глазахъ не видно было огня строптивости или затаеннаго чувства ропота; напротивъ того, вся его любящая, безпредѣльно кроткая душа свѣтилась въ этомъ задумчивомъ и разсѣянно-блуждавшемъ взорѣ, какъ бы свидѣтельствуя о его вѣчной и безпрекословной готовности идти всюду, куда укажетъ судьба.

— Ну, дай Богъ здоровья начальникамъ... отпустили тебя, Петруня... и насъ сдѣлали съ праздникомъ! сказалъ старикъ.

Покуда старикъ говорилъ, сзади, у печки, послышались сначала вздохи, а потомъ и довольно громкія всхлипыванья. Петруня какъ-то болѣзненно весь сжался, услышавъ ихъ.

— Ну, вотъ пошла баба голосить! уйми ты ее, Иванъ! обратился старикъ къ старшему сыну: — нѐшто лучше бы было, кабы не отпустили сына-то... такъ ты бы радовалась, не-чѣмъ горевать!

— Такъ неужтожь и пожалѣть нельзя! отозвалась изъ угла баба: — собирались нонѣ женить въ мясоѣдъ парня, анъ, замѣстъ-того, вонъ онъ куда угодилъ... и не чаяли!

Петруня, казалось, еще болѣе сжался при послѣднихъ словахъ матери.

— Ничего, съ Богомъ... не на грѣхъ идетъ! чай, еще не сколько мученья-то принялъ, Петруня? спросилъ дѣдушка.

— Мученьевъ, дѣдушко, нѣтъ, а вотъ унтеръ сказывалъ, что черезъ десять дѣнъ въ походъ идти велѣно, отвѣчалъ Петруня тихо и дрожащимъ голосомъ.

— Ну что жь, и въ походъ пойдешь, коли велѣно! Да ты слушай, голова! и я вѣдь молоденекъ бывалъ, тоже чуть-чуть въ некруты въ ту-пору не угодилъ... ужь и что хлопотъ-то у насъ въ тѣ поры съ батюшкой вышло!

— То-то «чуть-чуть»! въ сердцахъ ворчала мать: — вотъ не сдали же, а тутъ какъ есть одинъ сынъ, да и тотъ не въ домъ, а изъ дому вонъ бѣжитъ!

— А кто жь тебѣ не велѣлъ другаго припасти! сказалъ дѣду-

шка полушутливо, полудосадливо: — то-то вотъ баба: замѣстъ-того, чтобъ потѣшить сыночка о праздникѣ, а она еще пуще его въ разстрой приводитъ! Ты пойми, глупая, что онъ у тебя въ гостяхъ здѣсь! Вотъ ужо́ вели ко́ней въ саночки запречь... погуляй покуда, Петруня, съ робятками-то, погуляй, милой!

Иванъ, однако, не принималъ никакого участія въ разговорѣ. Онъ спокойно раздѣвался въ это время, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалъ обычныя распоряженія по дому. Но это равнодушіе было только кажущееся, а въ сущности, онъ не менѣе жены печалился участью сына. Вообще, нашего крестьянина трудно чѣмъ-нибудь расшевелить, удивить или душевно растрогать. Ежеминутно имѣя прямое отношеніе лишь къ самой незамысловатой и неизукрашенной дѣйствительности, ежеминутно встрѣчая лицомъ къ лицу свою насущную жизнь, которая часто представляетъ для него одну безконечную невзгоду, и во всякомъ случаѣ, многаго никогда ему не даетъ, онъ привыкаетъ смѣло смотрѣть въ глаза этой суровой мачихѣ, которая, по временамъ, еще осмѣливается заговаривать льстивыми голосами и называть себя родною матерью. Поэтому, всякая потеря, всякая неудача, всякое безвременье составляютъ для крестьянина такой простой фактъ, передъ которымъ нечего и задумываться, а только слѣдуетъ терпѣливо и бодро снести. Даже смерть наиболѣе любимаго и почитаемаго лица не подавляетъ его, и не производитъ особеннаго переполоха въ душѣ; мало того: я не одинъ разъ видалъ на своемъ вѣку умирающихъ крестьянъ, и всегда (кромѣ, впрочемъ, очень молодыхъ парней, которымъ труднѣе было разставаться съ жизнью) замѣчалъ въ нихъ какое-то твердое и вмѣстѣ съ тѣмъ почти младенческое спокойствіе, которое многіе, конечно, не затруднились бы назвать геройствомъ, еслибъ оно не выражалось столь просто и неизысканно. Всѣ страданія, всѣ душевныя тревоги крестьянинъ привыкъ сосредоточивать въ самомъ себѣ, и если изъ этого правила имѣются исключенія, то они составляютъ предметъ хотя добродушныхъ, но всегда общихъ насмѣшекъ. Такихъ людей называютъ нюнями, бабами, стрекозами, и никогда разсудливый мужикъ не станетъ говорить съ ними объ дѣлѣ. Правда, дрогнетъ иногда у крестьянина голосъ, если обстоятельства ужь слишкомъ круто повернутъ его, измѣнится и какъ-будто переко-

сится на мигъ лицо, насупятся брови — и только; но жалоба, суетливость и безплодное аханье никогда не найдутъ мѣста въ его груди. Повторяю: невзгода представляется для крестьянина столь обычнымъ фактомъ, что онъ не только не обороняется отъ него, но даже и не готовится къ принятію удара, ибо и безъ того всегда къ нему готовъ. Всю чувствительность, всѣ жалобы онъ, кажется, предоставилъ въ удѣлъ бабамъ, которыя и въ крестьянскомъ быту, какъ и вездѣ, по самой природѣ, болѣе склонны представлять себѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ, и потому не такъ легко примиряются съ ея неудачами.

— Рекрутъ что ли у васъ? спросилъ я Ивана.

— Рекрутъ, сударь, сыномъ мнѣ-ка приходится.

— А велика у васъ семья?

— Сѐмья, нечего Бога гнѣвить, большая; четверо насъ братовей, сударь, да дѣтки, въ законъ еще не вышли... вотъ Петрушка одинъ и вышелъ...

— Тяжело, чай, разставаться-то?

Иванъ съ изумленіемъ взглянулъ на меня, и я, не безъ внутренной досады, долженъ былъ сознаться, что сдѣланный мною вопросъ совершенно праздный и ни къ чему не ведущій.

— Божья власть, сударь! отвѣчалъ онъ, и обращаясь къ старику прибавилъ:—обѣдать что ли собирать батюшка?

— Вели сбирать, Иванушко, пора! чай, и свѣтъ скоро будетъ!.. Да за конями-то пошли что ли?

— Давно Васютку услалъ, приведутъ сейчасъ.

Петруня, между тѣмъ, незамѣтно скрылся за дверь. Не смотря на то, что изба была довольно просторная, воздухъ въ ней, отъ множества собравшагося народа, былъ до того спертъ, что непривычному трудно было дышать въ немъ. Кромѣ сыновей стараго дѣдушки съ ихъ женами, тутъ находилось еще цѣлое поколѣніе подростковъ и малолѣтковъ, которые немилосердно возились и болтали, походя пичкая себя хлѣбомъ и сдобными лепешками.

— Кто-то вотъ насъ кормить на старости лѣтъ будетъ? промолвила, между тѣмъ, хозяйка Ивана, по прежнему стоя въ углу и пригорюнившись.

— Чай, братовья тоже есть, сѐмья не маленькая! отвѣчалъ дѣдушка, съ трудомъ скрывая досаду.

— Да, дожидайся, пока они накормятъ . . . чай, по тѣхъ поръ ихъ и видѣли, поколь ты живъ!

— Не дѣло, Марья, говоришь! замѣтилъ второй братъ Ивана.

— Ее не переслушаешь! отозвался третій братъ.

Окончанія разговора я не дослушалъ, потому что не могъ долѣе выносить этого спертаго, насыщеннаго парами разныхъ похлебокъ воздуха, и вышелъ въ сѣнцы. Тамъ было совершенно темно. Глухо доносились до меня и голоса ямщиковъ, суетившихся около повозки, и дребезжащее позвякиваніе колокольцовъ, накрѣпко привязанныхъ къ дугѣ, и еще какіе-то смутные звуки, которые непремѣнно услышишь на каждомъ крестьянскомъ дворѣ, гдѣ хозяинъ живетъ мало-мальски запасливо.

— Какъ же быть-то? сказалъ неподалеку отъ меня милый и чрезвычайно мягкій женскій голосъ.

— Какъ быть! повторилъ, повидимому, совершенно безсознательно другой голосъ, который я скоро призналъ за голосъ Петруни.

— Скоро, чай, и сряжаться станете? снова началъ женскій голосъ послѣ непродолжительнаго молчанія.

Петруня не промолвилъ ни слова и только вздохнулъ.

— Портяночки-то у тебя теплыя есть ли? вновь заговорилъ женскій голосъ.

— Есть.

— Ахъ, не близкая, чай, дорога!

Снова наступило молчаніе, въ продолженіе котораго я слышалъ только учащенные вздохи разговаривающихъ.

— Ужь и какъ тяжко-то мнѣ, Петруня, кабы ты только зналъ! сказалъ женскій голосъ.

— Чего тяжко! чай, замужъ выдешь! молвилъ Петруня дрожащимъ голосомъ.

— А что̀ станешь дѣлать . . . и выду!

— То-то. . . чай, за стараго. . . за вдовца дѣтнаго. . .

— За стараго-то лучше бы. . . покрайности, хоть любить бы не стала, Петруня!

— А молодаго, небось, полюбила бы!... То-то вотъ вы: потоль у васъ и милъ, поколь въ глазахъ! сказалъ Петруня, котораго загодя мучила ревность.

— Ой, ужь не говори ты лучше!.. умерла бы я, не-чѣмъ съ тобой разставаться—вотъ сколь мнѣ тебя жалко!

— А меня, небось, въ страженіяхъ убьютъ, покуда ты здѣсь замужъ выходить будешь!.. дѣтей, чай, народишь!.. вотъ унтеръ намеднись сказывалъ, что въ страженьи какъ есть ни одинъ человѣкъ цѣлъ не будетъ—всѣхъ побьютъ!

Вмѣсто отвѣта, мнѣ послышались тихія, словно дѣтскія всхлипыванья.

— Ну чтожь, и пущай бьютъ! продолжалъ Петруня, находя какое-то горькое удовольствіе въ страданіяхъ своей собесѣдницы.

Всхлипыванья послышались горче прежняго.

— Ахъ, пропадай моя голова . . . хочешь сбѣгу, Мавруша? внезапно спросилъ Петруня.

— Что̀ ты, что̀ ты, Петруня! чтожь это будетъ! отвѣчала Мавруша голосомъ, въ которомъ слышался испугъ.

— Убѣгу да и всё тутъ, продолжалъ Петруня:—уйду въ лѣса къ старцамъ. . . ищи, лови тогда!

— Стариковъ-то твоихъ, чай, въ ту-пору такъ и засудятъ! робко замѣтила Мавруша.

Петруня молчалъ.

— Въ раззоренье-поди приведутъ? продолжала Мавруша, какъ бы разсуждая сама съ собой.

Тоже молчаніе.

— Нѣтъ, ты ужь лучше не бѣгай, Петруня! какъ-нибудь, Богъ дастъ, и свидимся!

— То-то «свидимся» замужъ, чай, хочется, а не «свидимся!» Ты бы напрямки такъ и говорила. . . а то «свидимся» . . . Такъ бѣжать что ли?

— Куда жь бѣжать? коли для меня ты хочешь бѣжать, такъ я за тобой вѣдь бѣжать не могу!

Петруня заплакалъ.

— Петруня! желанный ты мой! прошептала Мавруша.

Петруня заплакалъ пуще прежняго.

— Охъ, да хоть бы не плакалъ ты! сказала Мавруша какимъ-то утомленнымъ, замученнымъ голосомъ.

— Вотъ каково дѣло, что и пособить нечѣмъ! говорилъ Петруня, обрываясь почти на каждомъ словѣ:—куда я теперь дѣ-

нусь! Охъ, да подумай же ты, Мавруша, какъ бы намъ хорошо-то было!.. жили бы мы теперь съ тобой.... и мясоѣдъ вотъ на дворѣ.... И всё-то вѣдь прахомъ пошло... точно ничего и не было! Намеднись вотъ унтеръ сказывалъ, верстъ тысячи за двѣ поведутъ... такъ когда же тутъ свидѣться!

— Петруня! гдѣ же ты запропалъ? раздался сзади меня голосъ женщины.

— Здѣсь: обѣдать что ли? откликнулся Петруня.

— Обѣдать дѣдушко зоветъ!

— Сейчасъ. Прощай, Мавруша! нонѣ къ ночи надо опять въ городъ ѣхать.... прощай! можетъ, ужь и не свидимся!

— Развѣ на село-то не пойдете съ партіей? хошь бы посмотрѣла я на тебя!

— Нѣтъ, по почтовой пойдемъ; вотъ развѣ что: ужò дѣдушка коней посулилъ... погуляемъ что ли?

— Не пустятъ, Петруня, тихо отвѣчала Мавруша: — а ужь какъ бы не погулять! Старики-то нонѣ у меня больно зорки стали: поди, и теперь, чай, ищутъ меня!

— Ну, такъ инъ Богъ съ тобой, прощай же, Мавруша!

Голоса стихли, но Петруня нѣсколько времени еще не проходилъ въ избу; минуты съ двѣ слышались мнѣ и глубокіе вздохи, и неясный шопотъ, прерываемый рыданіями, и стало мнѣ самому такъ обидно, тяжко и больно, какъ-будто внезапно лишили меня всего, чтò было дорого моему сердцу. «Вотъ, думалъ я, простая, кажется, съ виду штука, а поди-ко переживи ее!» И должно сознаться, что до тѣхъ поръ никогда эта мысль не заходила мнѣ въ голову.

— Иди что ли! снова раздался сзади меня голосъ деньщицы.

— Иду, иду! отвѣчалъ Петруня: — прощай, Мавруша! продолжалъ онъ какимъ-то гортаннымъ, задыхающимся голосомъ: — прощай же, касатка!

И вслѣдъ за тѣмъ онъ бѣгомъ взбѣжалъ на лѣстницу и направился быстрыми шагами въ избу.

Когда я, черезъ четверть часа, снова вошелъ въ избу, вся семья обѣдала, но общій ея видъ былъ не радошенъ. Какое-то принужденіе носилось надъ ней, и хотя дѣдушка старался завести обычную бесѣду, но усилія его не имѣли успѣха. Иванъ молчалъ и смотрѣлъ угрюмо; Марья потихоньку всхлипывала;

Петруня сидѣлъ съ заплаканными глазами и ничего не ѣлъ; прочіе члены семьи, хотя и менѣе заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, невольно слѣдовали, однакожь, за общимъ настроеніемъ чувствъ; даже малолѣтки, обыкновенно столь неугомонные, какъ-то притихли и сжались. Однимъ словомъ, тутъ только и было праздничнаго, что кушанья, которыхъ было перемѣнъ шесть, и которыя однообразно слѣдовали одно за другимъ, ни въ комъ не возбуждая веселья. Я тоже невольно задумался, глядя на эту семью... и о чемъ задумался?

«Что-то дѣлается, думалъ я, въ томъ далекомъ-далекомъ городѣ, который, какъ червь неусыпающій, никогда не знаетъ ни усталости, ни покоя? Радуются ли, нѣтъ ли тамъ Божьему празднику? и кто радуется? и какъ радуется? Не подналъ ли тамъ праздникъ подъ общее, тлетворное владычество простой обрядности, безъ всякаго внутренняго смысла? не сдѣлался ли онъ тамъ днемъ, къ которому надо особеннымъ образомъ искривить ротъ въ видѣ улыбки, къ которому надо накупить много конфетъ, много нарядовъ, въ который, по условному обычаю, слѣдуетъ призвать въ гостиную дѣтей, съ тѣмъ чтобы вдоволь натѣшиться ихъ благоприличными манерами, и за тѣмъ вновь отослать ихъ въ дѣтскую, считая всѣ обязанности въ отношеніи къ нимъ уже исполненными до слѣдующаго праздника? Сохранилъ ли тамъ праздникъ свое христіанское, братское значеніе, въ силу котораго сама собой обновляется душа человѣка, сами собой отверзаются его объятія, само собой раскрывается его сердце? Вѣдь праздникъ есть такая же потребность человѣческой жизни, какъ радость—потребность человѣческаго сердца: это потребность успокоенія и отдыха, потребность хоть на время сбросить съ себя тяжесть жизненныхъ узъ, съ тѣмъ чтобы безусловно предаться одному ликованію!»

И передо мной незамѣтно раскрылся знакомый рядъ картинъ, свидѣтелей моего прошедшаго, картинъ, въ которыхъ много было движенія, много суеты, много даже какихъ-то неясныхъ очертаній и смутныхъ намековъ на жизнь, радость и наслажденіе... Но была ли это радость дѣйствительная, было ли это то чистое наслажденіе, которое не оставляетъ послѣ себя въ сердцѣ никакого осадка горечи? Вотъ онъ, этотъ громадный городъ, въ которомъ воздухъ кажется спертымъ отъ множества люд-

скихъ дыханій, вотъ онъ, городъ скорбей и никогда неудовлетворяемыхъ желаній, городъ желчныхъ честолюбій и ревнивыхъ, завистливыхъ надеждъ, городъ гнусно-искривленныхъ улыбокъ и заражающихъ воздухъ признательностей! Какъ волшебенъ онъ теперь при свѣтѣ своихъ милліоновъ огней, какая страшная струя смерти совершаетъ свой безконечный, разъѣдающій оборотъ среди этого вѣчнаго шума, среди вѣчнаго тумана, среди міазмовъ, безпощадно врывающихся со всѣхъ сторонъ! Сколько мученій, сколько никѣмъ незнаемыхъ и никѣмъ нераздѣленныхъ надеждъ, сколько горькихъ разочарованій, и вновь надеждъ и вновь разочарованій!

«Господи! надо же было надъ Петруней такой бѣдѣ стрястись! Кабы не это, сидѣлъ бы онъ здѣсь беззаботный и радостный; весело бесѣдовало бы теперь за трапезой честное потомство слѣпенькаго дѣдушки... и надо же было слѣпому случаю пройдти безпощаднымъ своимъ плугомъ по этому прекрасному земному лугу, чтобы взбуровить его ровную поверхность и исполосать ее черными безобразными бороздами!»

Размышленія эти были прерваны докладомъ о томъ, что лошади готовы. Горько мнѣ было садиться одному въ сани, горько было разставаться съ людьми, особливо въ этотъ праздникъ, когда, и вслѣдствіе воспоминаній прошедшаго, и вслѣдствіе всего склада жизни, необходимость общества людей какъ-то особенно живо чувствуется. Казалось бы, что̀ общаго между мной и этою случайно встрѣченною мной семьей, какое тайное звено можетъ соединять насъ другъ съ другомъ? и между тѣмъ я несомнѣнно сознавалъ присутствіе этой связи, я несомнѣнно ощущалъ, что въ сердцѣ моемъ таится невидимая, но горячая струя, которая, безъ вѣдома для меня самого, пріобщаетъ меня къ первоначальнымъ и вѣчно-бьющимъ источникамъ народной жизни.

II.

На дворѣ было еще темно̀, хотя свѣтъ, очевидно, готовился уже вступить въ права свои; морозъ сдѣлался какъ-будто еще лютѣе прежняго; крѣпкій верховой вѣтеръ сильно буровилъ здѣсь и тамъ снѣжную равнину, и поднявъ цѣлые столбы снѣга,

направлялъ свой путь далѣе, съ тѣмъ чтобы опять черезъ минуту вернуться, и поднявъ новые снѣжные столбы, опять нестись куда-то далеко-далеко. Холодъ и вѣтеръ тѣмъ болѣе были для меня ощутительны, что я ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ, потому что долженъ былъ, послѣ необходимыхъ объясненій съ становымъ приставомъ, опять вернуться на станцію, гдѣ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, я и заблагоразсудилъ оставить свою повозку.

Вотъ и тѣ три сосенки, о которыхъ толковалъ мнѣ старикъ; сквозь мутное облако частаго, тонкаго снѣга я видѣлъ только очертанія ихъ, но вѣроятно, душа моя была слишкомъ особеннымъ образомъ настроена, что за плавнымъ покачиваніемъ широкихъ ихъ вершинъ, мнѣ именно слышалось, будто онѣ жалуются и говорятъ о томъ, какъ надоѣла имъ эта долгая, почти безконечная жизнь, какъ устали онѣ отъ этихъ отвсюду вторгающихся вѣтровъ, которые безпрепятственно и безнаказанно оскорбляютъ ихъ, то обламывая самые крѣпкіе ихъ побѣги, то разбрасывая мохнатыя ихъ вѣтви въ какой-то тоскливой безпорядочности. Вотъ и озеро, которое подало мнѣ о себѣ вѣсть особенностью звука, издаваемаго копытами лошадей, и вѣшками, которыя часто натыканы здѣсь по обѣимъ сторонамъ дороги... Я глянулъ въ даль, и не знаю почему, тамъ, на самомъ концѣ ея, представился мнѣ становой приставъ, въ видѣ страшнаго, лохматаго чудовища, съ семью головами, съ длинными желѣзными когтями и долгимъ огненнымъ языкомъ. И такъ ясно и отчетливо мелькало передо мной это странное и къ счастью совершенно невѣроятное видѣніе, что мнѣ стало жутко, и я поспѣшилъ плотнѣе закутаться въ шубу, чтобъ не видать его кривляній.

Черезъ полчаса, я въѣзжалъ въ огромное торговое село, въ которомъ было много домовъ совершенно городской постройки. Въ одномъ изъ нихъ помѣщалась квартира становаго пристава, и я еще издали могъ налюбоваться на множество огней, которые, очевидно, были зажжены на дѣтской ёлкѣ. Огни горѣли весело, и проходя сквозь обледенѣлыя стёкла оконъ, принимали самые измѣнчивые и разнообразные цвѣта.

Становой, или, какъ его обыкновенно зовутъ крестьяне, «баринъ», былъ дома. Звали его Ермолаемъ Петровичемъ, по

фамиліи Бондыревымъ; по наружности же былъ онъ мущина дюжій, и вслѣдствіе того постоянно отдувался и дышалъ тяжело, словно запаленная лошадь. Лицо его, пухлое и отеклое, было покрыто слоемъ жирнаго вещества, который придавалъ его кожѣ лоскъ почти зеркальный; огромная его лысина, по общему отзыву сослуживцевъ, имѣла свойство испускать изъ себя облако тумана въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: во время губернаторской ревизіи, когда, какъ извѣстно, сердечныя движенія въ уѣздномъ чиновникѣ дѣлаются особенно сильны и остры, и по выпитіи двадцать пятой рюмки очищенной. Голосъ у него былъ сильный густой басъ, сопровождаемый легкою хрипотой, и выходилъ изъ гортани какъ бы коломъ. Къ величайшему моему удивленію, это несоразмѣрное преобладаніе матеріи ни мало не тяготило его; вообще онъ былъ на службѣ легокъ какъ пухъ, и когда исполненіе служебныхъ обязанностей требовало съ его стороны уже слишкомъ усиленной дѣятельности, то вся его досада проявлялась въ томъ только, что онъ пыхтѣлъ и ругался пуще обыкновеннаго. Впрочемъ, онъ былъ, въ сущности, малый добродушный, и когда принималъ благодарность, то всегда говорилъ спасибо, и этимъ весьма льстилъ самолюбію доброхотныхъ дателей.

— Милости просимъ побесѣдовать въ комнату, ваше высокоблагородіе! сказалъ онъ, встрѣтивъ меня въ прихожей: — у меня ныньче праздникъ, дѣтки вотъ развозились...

— А мнѣ надо бы скорѣе ѣхать, отвѣчалъ я не совсѣмъ впопадъ, все еще находясь подъ вліяніемъ лохматаго чудовища.

— Что же такъ-съ? часомъ раньше, часомъ позже — дѣло не волкъ, въ лѣсъ не уйдетъ-съ. За одно ужь у насъ покушаете, а послѣ обѣда и въ путь-съ. Мнѣ вѣдь тоже съ вами надо будетъ отправляться, такъ если сейчасъ же и ѣхать, не будетъ ли ужь очень это обидно? Вѣдь праздникъ-съ...

Я остался, и отчасти былъ даже доволенъ этой задержкой, потому что очень усталъ съ дороги. Въ комнатѣ, въ которую ввелъ меня Бондыревъ, было все его семейство и сверхъ того еще нѣсколько постороннихъ лицъ, съ которыми онъ однакожь не заблагоразсудилъ меня познакомить. Онъ только указалъ мнѣ рукой на дѣтей, сказавъ: «а вотъ и потроха мои!»

и затѣмъ насильственно усадилъ меня на диванъ. Изъ семейныхъ были тутъ: жена Ермолая Петровича, бабочка лѣтъ двадцати пяти, которая была бы недурна собой, еслибъ не такъ усердно мазалась свинцовыми бѣлилами и не носила столь туго накрахмаленныхъ юбокъ; мать ея, худенькая, повязанная платкомъ старуха съ фіолетовымъ носомъ, которую Бондыревъ, неизвѣстно почему, величалъ вашимъ превосходительствомъ, и четверо дѣтей, которыя основательностью своего тѣлосложенія напоминали Ермолая Петровича, и чуть ли даже, подобно ему, не похрипывали.

— Не угодно ли чаю съ дороги? спросила меня жена.

— Что чай! вотъ мы его высокоблагородіе водочкой попросимъ! отозвался Бондыревъ: — я, ваше высокоблагородіе, этой китайской травы въ ротъ не беру — оттого и здоровъ-съ.

— Вы изъ «губерніи» изволите ѣхать? обратилась ко мнѣ старуха-тёща.

— Да, я недавно оттуда.

— Такъ-съ. А какъ, я думаю, тамъ теперича хорошо должно быть! Предсѣдательствующіе, по случаю праздника, въ соборѣ въ мундирахъ стоятъ.... самъ генералъ, чай, насупившись....

— Ну, пошла, ваше превосходительство, огородъ городить! замѣтилъ Бондыревъ: — ну, скажите намилость, за чѣмъ генералу насупившись стоять! чай, для праздника-то Христова, и имъ бровки свои пораздвинуть можно!

— Ахъ, батюшка мой! насупившись стоитъ по той причинѣ, что озабоченъ очень.... обуза вѣдь не маленькая!

— А по мнѣ, такъ всего лучше пѣвчіе.... это восхитительно! вступилась жена: — при слабости нервъ даже слушать почти невозможно!

— Нѣтъ, вотъ на моей памяти бывали въ соборѣ пѣвчіе — такъ это именно, что всѣхъ въ слезы приводили! перебила теща:—ужь на что былъ въ ту-пору губернаторъ суровый человѣкъ, а и тотъ воздержаться никакъ не въ силахъ былъ! Особливо былъ тутъ одинъ черноватенькій: запоетъ, бывало, сначала тихонько-тихонько, а потомъ и переливается, и переливается... даже словно журчитъ весь! Авдотья Степановна, втораго діа-

кона жена, сказывала, что ему по два дня ѣсть ничего не давывали, чтобъ голосъ чище былъ!

— Вотъ распроклятая-то жизнь! молвилъ Ермолай Петровичъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ, и потомъ, обращаясь къ тещѣ, прибавилъ: — а какъ посмотрю я на ваше превосходительство, такъ все-то у васъ однѣ глупости да малодушества на умѣ.

Но ея превосходительство, должно-быть, ужь привыкла къ подобнымъ апострофамъ, потому что, нимало не конфузясь, продолжала:

— Ужь я, бывало, такъ и не дышу, словно туманъ у меня въ глазахъ, какъ они-это выводить-то зачнутъ! Да, такой ужь у меня характеръ: коли передъ глазами у меня что-нибудь божественное, такъ я, можно сказать, сама себя не помню... такъ это все тамъ и колышется!

Мадамъ Бондырева глубоко и сосредоточенно вздохнула.

— Да, въ деревнѣ ничего этого не увидишь! сказала она.

— Гдѣ увидать! одни выходы у его превосходительства чего стоятъ! Всѣ чиновники, бывало, въ мундирахъ стоятъ, и каждому его превосходительство свой репримандъ сдѣлаетъ! И пойдутъ-это потомъ кажный день закуски да обѣды — однѣхъ свиней для колбасъ сколько въ батальонѣ, при солдатской кухнѣ, откармливали!

— Ну, это-то заведенье и доднесь, пожалуй, осталось — скорбѣть объ этомъ нечего! флегматически объяснилъ Ермолай Петровичъ.—А что, ваше высокоблагородіе, не угодно ли будетъ повторить отъ скуки? Водка у насъ, осмѣлюсь вамъ доложить, отличная: сразу, что называется, ожжетъ, а потомъ и пойдетъ ползкомъ по всѣмъ суставчикамъ... каждый изноетъ-съ!

— Вотъ у моего покойника, снова обратилась ко мнѣ тёща,— хорошу водку на столъ подавали. Онъ только и говоритъ, бывало: лучше ничѣмъ меня откупщикъ не почти, а водкой почти!

— Ну, это опять неосновательно, замѣтилъ Бондыревъ: — пословица гласитъ: пей, да ума не пропей — стало-быть, зачѣмъ же я изъ-за водки другія статьи буду неглижировать?

— Да вѣдь и онъ, сударь, не неглижировалъ, а такъ только къ слову это говаривалъ. Онъ водку-то черезъ кубъ, для крѣпости, переганивалъ...

— Ну, а ваши какъ дѣла? спросилъ я Бондырева.

— Слава Богу, ваше высокоблагородіе, слава Богу! дай Богъ здоровья добрымъ начальникамъ: милостями своими не оставляютъ... нынѣ вотъ подъ судъ отдали!

— Какъ-такъ?

— Да просто-съ. Чтой-то ужь ваше высокоблагородіе будто и не знаете! чай, и вы тутъ ручку приложили!

— Въ первый разъ слышу.

— Чтожь-съ, и тутъ мудренаго нѣтъ! извѣстно, не читать же вашимъ высокоблагородіямъ всего, что̀ подписывать изволите!

— Скажите, по крайней мѣрѣ, за что̀ вы отданы подъ судъ?

— А неизвѣстно-съ. Оно, конечно, довольно тутъ на справку вывели, и жизнь-то, кажется, наизнанку всю выворотили... однѣхъ неисполнительностей штукъ до полсотни подыскали — даже подивился я, откуда весь этотъ соръ выгребли. — Да-съ; тяжеленька-таки наша служба; губернское-то правленіе не то чтобы, какъ мать, по родительски тебѣ спустило, а пуще считаетъ тебя, какъ бы сказать, за подкидыша: ты-дескать, такой-сякой, все за̀-разъ сдѣлать должо̀нъ!

— По пословицѣ, Ермолай Петровичъ, по пословицѣ! «Свекровь снохѣ говорила: сношенька, будетъ молоть; отдохни — потолки!»

Послѣднія слова произнесъ неизвѣстный мнѣ старикъ, стоявшій до сихъ поръ въ углу, и не принимавшій никакого участія въ разговорѣ. По всему было видно, что этотъ новый собесѣдникъ принадлежалъ къ числу тѣхъ жалкихъ жертвъ провинціальнаго бюрократизма, которыя, преждевременно созрѣвъ подъ сѣнію крючкотворства, столь же преждевременно утрачиваютъ душевныя свои силы, вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія водки, и за тѣмъ на всю жизнь дѣлаются неспособными ни къ какому дѣлу или занятію, требующему умственныхъ соображеній. Онъ былъ одѣтъ въ вицъ-мундиръ стариннаго покроя съ узенькими фалдочками и до такой степени порыжѣлый, что даже самый опытный глазъ не могъ бы угадать здѣсь признаковъ первобытнаго зеленаго цвѣта. Но всего замѣчательнѣе въ этомъ человѣкѣ былъ необыкновенный, грибовидный его носъ, на которомъ, какъ на палитрѣ, сочетавались всѣ возмож-

ные цвѣта, начиная отъ чисто-тѣлеснаго и кончая самымъ темнымъ яхонтовымъ. Носъ этотъ, какъ послѣ оказалось, былъ источникомъ горькихъ несчастій и глубокихъ разочарованій для своего обладателя.

— Это жаль однакожь, сказалъ я Бондыреву, ощущая невольное угрызеніе совѣсти при видѣ человѣка, котораго погибели я самъ нѣкоторымъ образомъ содѣйствовалъ.

— Ничего, ваше высокоблагородіе! мы въ уголовной-то словно въ банькѣ выпаримся... еще бодрѣй послѣ того будемъ!

— Это истинно такъ! пояснилъ обладатель носа.

— А что, видно, и тебѣ горловину-то прочистить хочется? обратился къ нему Бондыревъ. — Ваше высокоблагородіе! позвольте представить! Егоръ Павловъ Абессаломовъ, служитъ у меня въ вольнонаемныхъ; проку-то отъ него, признаться, мало, такъ больше вотъ для забавы, для домашнихъ-съ держу... Театровъ у насъ нѣтъ, такъ, покрайности, хоть онъ развлечетъ.

— Ну ужь, нашли какую замѣну! презрительно процѣдила жена.

— А чтожь! по деревнѣ, лучше и быть не надо! продолжалъ Ермолай Петровичъ: — объ ину пору онъ насъ, ваше высокоблагородіе, до слезъ мимикой своей смѣшитъ!

— Если его высокоблагородію не гнусно, такъ я и теперь свое представленіе сдѣлать могу! отрекомендовался Абессаломовъ, выпрямляясь, какъ бы предъ наитіемъ вдохновенія.

— Прикажите, ваше высокоблагородіе! Не-чѣмъ такъ-то сидѣть, такъ хоть на диковинки наши посмотрите... Катай, Абессаломовъ.

«Іюля пятаго числа»... началъ Абессаломовъ.

— Нѣтъ, стой! не такъ разказываешь! прервалъ его Ермолай Петровичъ: — а ты коли охотишься разказывать, такъ разказывай дѣломъ: и въ позицію стань, и начало сдѣлай! Развозовъ! маршъ сюда и ты!

Послѣднія слова относились къ молодому человѣку, служившему письмоводителемъ у Бондырева. Какъ оказалось въ послѣдствіи, онъ долженъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подавать Абессаломову реплику, черезъ что представленію сообщалась

особенная живость и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся комизмъ. Очевидно, что кто-то (чуть ли даже не самъ Бондыревъ) съ любовью работалъ надъ этой потѣхой, чтобы возвести ее отъ простаго разказа до степени драматической пьесы.

Абессаломовъ сталъ въ позицію, то-есть выдвинулъ впередъ одну ногу, правую руку отставилъ наотмашь, и выпрямившись всѣмъ корпусомъ, голову закинулъ нѣсколько назадъ. Всѣ присутствующіе улыбались, а нѣкоторые даже откровенно фыркали, заранѣе предвкушая предстоящее имъ наслажденіе. Абессаломовъ началъ:

Невыгодный носъ.

(Интермедія въ лицахъ).

«Милостивые господа и госпожи! имѣю доложить вамъ о происшествіи, котораго удивительность равняется лишь его необыкновенности! (*Смѣхъ въ аудиторіи*).

«Источникомъ какъ сего происшествія, такъ и другихъ многихъ отъ него золъ текущихъ, есть сей самый носъ (*теребитъ себя за носъ*), который здѣ предстоитъ предъ вами! А въ чемъ сіе происшествіе, тому слѣдуютъ пункты. (*«Ишь ты! по пунктамъ!» раздается въ аудиторіи. Смѣхъ усиливается.*)

«Іюля пятаго числа 18** года, въ девять часовъ утра, слѣдовалъ я, по издревле принятому еще предками нашими обычаю, на службу. Необходимо, однако, предварительно доложить вашимъ благородіямъ, что съ самаго съ Петра и Павла, неизвѣстно отъ какихъ причинъ, подвергнулся я необыкновенной тоскѣ. То-есть, тоска не тоска, а тянетъ-вотъ, тянетъ тебя цѣлый день, да и вся не долга. Даже жена удивлялась. «Чтой-то, говоритъ, душечка (она у меня въ пансіонѣ французскому языку обучалась, такъ нѣжное-то обращеніе знаетъ)! Чтой-то, говоритъ, душечка! на тебя даже смотрѣть словно тошно—ты бы хоть водочки выпилъ!»—Худо, говорю я, худо это, Прасковья Петровна! это большое несчастіе обозначаетъ!.. Однакожь, выпилъ въ ту пору маленько водочки—оно и поотлегло!

«Вотъ только наступило это пятое число. Не успѣлъ я выдти на улицу, какъ идетъ мнѣ встрѣчу нѣкоторый озорникъ, идетъ и очи на меня пучитъ. «Вотъ, говоритъ, носъ! для двухъ росъ! а одному достался!» (*Взрывъ хохота въ аудиторіи.*) Однако, я

ничего, пошелъ своей дорогой и даже подумалъ про себя: «погоди, братъ! не больно прытко! можетъ, у тебя и рыло-то все наизнанку выворотитъ!» Не успѣлъ я это, государи мои, подумать, какъ встрѣчается со мной другой озорникъ. «А позвольте, говоритъ, милостивый государь! извѣстно ли вамъ, что у васъ на лицѣ состоитъ феноменъ?» И все это, знаете, съ усмѣшкой, и рожа-то у него поганымъ манеромъ отъ смѣху перекосилась.... «Милостивый государь!» сказалъ я, начиная обижаться. «Да нѣтъ, говоритъ, вы и сами не понимаете, какимъ обладаете сокровищемъ... да господа Англичане милліонъ рублей вамъ дадутъ, ежели вы позволите имъ отрѣзать... вашъ носъ!»

«Развозовъ. А чтожь, это вѣдь правда: носъ-то у тебя именно феноменъ!

«Абессаломовъ. Отстань ты...дай говорить!.. Ну-съ, отвязался онъ отъ меня коё-какъ, и пришлось мнѣ послѣ того мимо резиденціи ихъ превосходительства идти. А ихъ превосходительство, какъ на грѣхъ, на ту пору чай на балконѣ кушали... Ну занятіевъ у нихъ никакихъ тогда не случилось, смотрѣли, значитъ, больше по сторонамъ, да смотрѣвши и узрѣли меня многогрѣшнаго. Вскипѣли. «Что это, говорятъ, за чиновникъ? какой у него противный носъ!» Не спорю я... не прекословлю! Точно, что носъ мой въ присутственномъ мѣстѣ терпимъ быть не можетъ! Однако, терпѣли же меня двадцать пять лѣтъ, да и ихъ превосходительство, можетъ, отъ праздности только замѣтили... а вышло совсѣмъ наоборотъ-съ. Пересказали, должно-быть, эти слова мои завистники; только сижу я въ этотъ самый день въ присутствіи, приходитъ нашъ предсѣдательствующій, и часа черезъ два, что́ бы вы думали, я слышу? *(Съ разстановкой)*. Что объ моемъ, государи мои, увольненіи ужь и постановленіе состоялось!

«Развозовъ. Однако, живо же они тебя обработали.

«Абессаломовъ. Спѣшнымъ журналомъ-съ. Даже закономъ предписанныхъ формъ не соблюли, потому что въ законахъ имянно строжайше повелѣно никакихъ штрафовъ не налагать, а кольми паче насильственному умертвію не предавать, не истребовавъ предварительно объясненія!

«Развозовъ. Въ чемъ же, однако, объясненія отъ тебя требовать?

TAYLOR INST. OXFORD

«Абессаломовъ. Все же-съ! а если не въ чемъ мнѣ объясняться, такъ тѣмъ паче-съ! Вѣдь это обидно...я не одинъ... тутъ все потомство мое, можно сказать, изъ-за носа страждетъ! Въ законахъ имянно сказано, чтобъ на лицо не взирать!

«Развозовъ. Ты это оставь. Это не наша инстанція. Такъ даже скажу: если и напредки тебѣ на этотъ счетъ языкомъ побаловать захочется, такъ ты вспомни пословицу: *языкъ мой врагъ мой*, и вспомнивши плюнь. Я тридцать пять лѣтъ служу *(Развозову было всего лѣтъ двадцать пять)*, и то все кругомъ да около хожу, а въ центру ни въ жизнь еще не попадалъ!

«Абессаломовъ. Вотъ-съ прихожу я послѣ того домой. Человѣкъ я дѣтный; жена у меня золотушная, такъ каждый годъ все либо дочку, либо сынка подаритъ...

«Развозовъ. И все, чай, съ такими же носами?

«Абессаломовъ. Какъ можно—сохрани Богъ! старшенькая у меня дочь, Наташенька, совсѣмъ даже схожаго со мной ничего не имѣетъ.... красавица! Такъ прихожу я-это домой: ну, говорю, жена! Богъ милости прислалъ! — А что-такъ? — Да такъ, говорю, ѣздилъ въ пиръ Кирило, да подаренъ тамъ въ рыло.... уволенъ, братъ, въ чистую! (*Общій хохотъ. Абессаломовъ, въ волненіи, не можетъ нѣкоторое время продолжать*). И вотъ-съ, стали мы послѣ того жить да поживать да добра наживать; живемъ, нече сказать, богато, со двора покато, за что̀ ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись; запасовъ всякихъ многое множество, а пуще всего всякаго нѣта запасено съ самаго съ лѣта. Жена скоро покойницей стала, бо для насъ время гладно настало, а дочекъ-красотокъ люди пріютили, бо родители имъ продовольствіе прекратили, а за тѣмъ остаюсь, безъ дальнѣйшихъ словъ, покорный вашъ слуга Егоръ Павловъ Абессаломо̀въ. (*Общія рукоплесканія; жена становаго презрительно усмѣхается.*)

Окончивъ представленіе, Абессаломовъ немедленно подошелъ къ подносу съ закуской и сряду выпилъ три рюмки водки; послѣ того, онъ удалился въ уголъ, и, сѣвъ на стулъ, почти мгновенно заснулъ.

— А что, ваше высокоблагородіе! обратился ко мнѣ Бонды-

ревъ: — вотъ вы и въ столицахъ изволили быть, а этакого въ своемъ родѣ дарованія и тамъ, чай, со свѣчкой поищешь!

Но я не отвѣчалъ ни слова на этотъ вопросъ, потому что впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ страннымъ существомъ и его разказомъ, было изъ самыхъ тяжелыхъ. Не смотря на грубо-комическій колоритъ разказа, видно было, что весь тонъ его фальшивый, и что за нимъ слышится нѣчто до того похожее на страданіе, что невозможно и непозволительно было увлечься этою мнимою веселостью. Вообще, если Ермолай Петровичъ разсчитывалъ на то, чтобы позабавить меня, то далеко не достигъ своей цѣли, и день мой былъ окончательно испорченъ этимъ представленіемъ. Я ѣхалъ сюда измученный моимъ одиночествомъ; все существо мое было настроено къ принятію тѣхъ благодатныхъ свѣтлыхъ впечатлѣній, которыя, Богъ вѣсть почему, въ извѣстные дни и эпохи неотразимо и неизмѣнно носятся надъ душой, но странное «представленіе» мигомъ разрушило это свѣтлое, гармоническое настроеніе. Такъ иногда случается, что въ правильное и совершенно плавное теченіе жизни вдругъ врѣзывается обстоятельство въ полномъ смыслѣ слова ей постороннее, и врѣзывается съ такою силой, что не только заставляетъ принять себя, но и деспотически подчиняетъ себѣ весь строй этой жизни.

III.

Начинало уже смеркаться, когда мы пріѣхали на станцію. По селу тамъ и сямъ бродили группы подгулявшихъ крестьянъ, а передъ станціоннымъ домомъ стояла даже цѣлая толпа народу.

— Вѣрно, что-нибудь случилось! еще издали замѣтилъ мнѣ Бондыревъ, указывая на толпу.

И дѣйствительно, толпа, казалось, тревожно выжидала нашего пріѣзда. Едва успѣли мы выйдти изъ саней, какъ все это вдругъ заговорило и безпорядочно замахало руками. Изъ избы долетали до насъ звуки того унылаго голошенья, услышавъ которое даже самый опытный наблюдатель не въ состояніи бываетъ опредѣлить, что̀ скрывается за этими взвизгиваньями и завываньями: искреннее ли чувство, или простой формализмъ.

— Что̀ случилось, спросилъ Бондыревъ.

— Петруха.... Петруха.... раздалось въ толпѣ.

Сердце мое болѣзненно дрогнуло.

— Племянникъ у насъ бѣжалъ, ваше благородіе! отвѣчалъ, выступая впередъ, одинъ изъ сыновей дѣдушки.

— Рекрутъ что ли?

— Рекрутъ, ваше благородіе.

— Ахъ шельмы вы этакіе! и снисхожденья-то вамъ сдѣлать нельзя!

— Имàютъ его, ваше благородіе! самъ отецъ пошелъ, робко проговорилъ дядя Петруни.

— Да, изымаютъ, держи карманъ! А не было ли у него на селѣ любезной? спросилъ Бондыревъ, чутьемъ угадывая истину.

— Маврушка Савельева, чай, знаетъ! молвилъ кто-то въ толпѣ.

— Чтò ты! перекрестись! почти завопилъ, проталкиваясь сквозь толпу, сѣдой старикъ, должно-быть, отецъ Мавруши:— ничѣмъ моя Маврушка тутотка непричастна, ваше благородіе.

— Ишь ты какое дѣло случилось! снова началъ дядя Петруни:—ничѣмъ мы, кажется, его не изобидѣли, а онъ вотъ чтò съ нами сдѣлалъ!

— А вотъ мы это послѣ разберемъ! отвѣчалъ Бондыревъ, и, обращаясь къ толпѣ, примолвилъ:—чтобъ былъ у меня рекрутъ найденъ! всѣ маршъ въ лѣсъ искать!

И сказавъ это, величественнымъ шагомъ потекъ въ избу поправить въ теплѣ свое бѣлое тѣло.

Н. Щедринъ.

ИНДІЙСКОЕ ВОЗСТАНІЕ,

ЕГО ПРИЧИНЫ И ПОСЛѢДСТВІЯ.

(Окончаніе.)

—

Мы имѣли случай указать на противоположность матеріальныхъ интересовъ Англіи и ея индійскихъ владѣній; но интересы нравственные, коренные обычаи и понятія Индійцевъ и Англичанъ представляютъ между собою еще болѣе вопіющихъ противорѣчій, и здѣсь-то безспорно главная преграда успѣху европейскаго вліянія въ томъ краѣ,—преграда, на которой, при самой живой вѣрѣ въ прогрессъ, невольно останавливаешься съ глубокимъ раздумьемъ.

Будь Индія малонаселенною страной, не имѣй она такихъ закоренѣлыхъ преданій частнаго и общественнаго быта, вліяніе Европейцевъ распространилось бы сравнительно легко; она испытала бы участь Новаго Свѣта, гдѣ первобытные жители или совсѣмъ исчезли передъ европейскою колонизаціей, или перемѣшались съ нею, или оттѣсненные въ далекіе лѣса и степи, тщетно силятся избѣжать судьбы, постигшей остальныя племена американскаго населенія. Наша великая колонизація въ Сибири, далеко не такъ истребительная, какъ водвореніе Европейцевъ въ Америкѣ, тоже не встрѣтила себѣ неодолимыхъ препят-

ствій ни въ многолюдствѣ, ни въ заматерѣлой общественности туземцевъ. Сибирь стала вполнѣ русскою землей, и каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы ея, останется русскою навѣки.

Совсѣмъ не таково было отношеніе Англичанъ къ индійскому міру. Тамъ нашли они болѣе полутораста милліоновъ населенія, живущаго мѣстами тѣснѣе, нежели обитатели самыхъ людныхъ полосъ Англіи, Бельгіи, Германіи; они нашли нѣсколько своеобразныхъ гражданственностей, наслоенныхъ одна на другую и прикрывающихъ уцѣлѣвшую еще дикость первобытныхъ обитателей. Громадная эта масса, при всей пестротѣ, при всей враждебности составныхъ ея элементовъ, прониклась, благодаря вѣковому сожительству, тою особенною силою сродства, которая, не уничтожая ихъ взаимной розни, отталкиваетъ однакожь вполнѣ чуждое имъ вліяніе заморскихъ пришельцевъ. Браманистъ, буддистъ, магометанинъ, парсъ и даже полудикій поклонникъ свѣтилъ или почитатель демоновъ, всѣ они единодушны по крайней мѣрѣ въ томъ страдательномъ сопротивленіи, которое такъ рѣзко отличаетъ Восточнаго человѣка отъ энергически-дѣятельнаго и нетерпѣливаго Европейца. Мы, разумѣется, говоримъ здѣсь объ огромномъ большинствѣ: образованнѣйшіе изъ Индійцевъ, которые, какъ знаменитый браминъ Раммогунъ Рой, составляли до сихъ поръ весьма рѣдкое исключеніе, конечно умѣютъ цѣнить блага европейской гражданственности, но за то они зорко видятъ недостатки ея приложенія и грѣхи англо-индійской системы вообще.

Еслибъ на вопросъ: чѣмъ въ особенности взглядъ Восточнаго человѣка разнится отъ взгляда Европейца? намъ пришлось отвѣчать въ двухъ-трехъ словахъ, мы сказали бы не обинуясь: — отсутствіемъ или замѣчательной слабостью понятія о правѣ. Европеецъ прилагаетъ идею права къ большей части своихъ житейскихъ отношеній, тогда какъ Азіатецъ, обсуждая любой поступокъ, общественный или частный, спроситъ прежде всего, выгоденъ ли онъ или невыгоденъ, глупъ или хитеръ, удалъ или неудалъ, приличенъ или неприличенъ. Одна эта разность во взглядѣ служитъ источникомъ безконечныхъ недоразумѣній между воспитавшимися на ней людьми. Но этого еще мало. «Народамъ жреческимъ — Египтянамъ, Инду-

самъ и другимъ — недостаетъ, по вѣрному замѣчанію умнаго оріенталиста Неймана, той человѣчной личности, которая привлекаетъ насъ въ Грекахъ, въ Римлянахъ и у новыхъ народовъ. Люди разсматриваются тамъ не сами въ себѣ, а какъ символы, какъ типы. Ихъ религіи враждебны свободѣ, матери всякой личной особности. Отъ этого нѣтъ у Индусовъ и Египтянъ исторіи: всѣ прочитанныя до сихъ поръ надписи не содержатъ въ себѣ исторіи въ настоящемъ смыслѣ слова. Лживость, неизбѣжный плодъ первоначальнаго обмана и деспотизма, есть притомъ самый общераспространенный порокъ между восточными народами, равно какъ и между тѣми, которые управляются на восточный ладъ. «Перейдемъ ли къ магометанамъ?» Въ силу корана, утверждаютъ мусульманскіе законники, подобаетъ мірскому властителю еще большее повиновеніе, чѣмъ Божеству; ибо послѣднему должно повиноваться, на сколько кто сможетъ, а о властелинѣ священная книга безусловно говоритъ: «слушайте и повинуйтесь.» Вѣрно или невѣрно поняты здѣсь слова корана, во всякомъ случаѣ самое это толкованіе живо изображаетъ печальную дѣйствительность всѣхъ магометанскихъ правленій. Тамъ если и есть гдѣ писанные уставы, то по крайней мѣрѣ въ дѣйствительной жизни восточныхъ деспотій нѣтъ никогда рѣчи о правѣ и законности... Кто нынче былъ рабомъ, становится завтра господиномъ, а послѣ завтра лишается жизни или зрѣнія, потому что слѣпой слыветъ неспособнымъ управлять. Тайные заговоры, явные мятежи, убійства заступаютъ мѣсто законныхъ обезпеченій. И это совершенно въ порядкѣ вещей. Кто неправомѣрно поступаетъ съ другими, тотъ самъ теряетъ права свои и отдаетъ себя въ жертву хитрости и грубой силѣ.»

Правда, разнообразіе жизненныхъ случайностей, неисчерпаемое какъ море, даже и въ этомъ мірѣ безправности и самовольства выноситъ иногда на своихъ волнахъ такія рѣдкія явленія, какова, напримѣръ, личность Акбера, но за то этотъ дивный монголъ и шагнулъ за предѣлы восточнаго человѣчества, за то благородныя его стремленія вскорѣ по его смерти забыты и обращены въ ничто. Вообще же надо сказать, что, не смотря на продолжительную власть свою въ Индустанѣ, мусульманство имѣло тамъ менѣе успѣха, нежели въ какой-либо другой изъ

покорныхъ ему странъ: такъ прочно утвердили въ Индіи свое ученіе дальновидные брамины, которые недаромъ, по законамъ Мену, освободили себя отъ отвѣта за всевозможныя преступленія, если только вытвердятъ наизусть всю Ригведу, и недаромъ внушали послушному народу, что еслибъ даже самъ царь умиралъ съ голоду, то и тогда нельзя наложить на ученаго брамина какую бы то ни было подать. При всемъ томъ, индійскіе мусульмане гораздо ближе къ Индусамъ, нежели Европейцы, и они всегда поддерживали въ своихъ единоземцахъ непримиримую вражду къ господству Англичанъ, вдвойнѣ ненавидя ихъ, какъ разрушителей магометанской власти въ Индіи и какъ злѣйшихъ враговъ Пророка, невѣрныхъ христіанъ. Вотъ почему обычное прозвище Англичанамъ въ цѣлой Индіи — *свиноѣдъ, винопійца*, тогда какъ Индусамъ слѣдовало бы скорѣе проклинать въ нихъ истребителей браминской святыни, то-есть коровъ.

Чтобы бороться съ препятствіями, которыя такъ глубоко укоренены въ народной почвѣ и поддерживаются климатомъ, преданіями, навыкомъ и вѣрой, потребны, конечно, не узкіе своекорыстные взгляды торговой компаніи, но зрѣлыя глубокія убѣжденія истинно-государственныхъ людей,—людей безъ сословныхъ и сектаторскихъ предразсудковъ, вполнѣ сознающихъ великое призваніе государства—быть высшимъ орудіемъ человѣческаго образованія, носителемъ его свѣтлаго знамени, той уравновѣшивающей идеи права, безъ которой это образованіе никогда не осуществимо вполнѣ. Но подобные люди рѣдки даже и въ Англіи: сословный, сектаторскій, иногда болѣе мелкій, личный интересъ слишкомъ часто заглушаетъ тамъ широкое пониманіе, какого слѣдовало бы ожидать отъ питомцевъ страны, пользующейся долѣе всѣхъ другихъ благами гражданской и политической свободы. Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ исключеній былъ остъ-индскій генералъ-губернаторъ лордъ Вильямъ Бентинкъ, котораго семилѣтнее управленіе (1828—35) составило эпоху для того края и котораго память высоко чтится у Индійцевъ до сихъ поръ.

Случалось, правда, и до него, что не только правительство, но даже сами директоры Компаніи высказывали иногда желаніе установить въ Индіи гражданскій порядокъ, сообразный съ по-

требностями населенія, а не ограничиваться однимъ перенесеніемъ туда англійскихъ законовъ, крайне запутанныхъ даже и для самихъ Англичанъ; но это оставалось лишь въ видѣ желанія, а на дѣлѣ происходило совсѣмъ другое. Не только англійскіе законы, со всею ихъ запутанностью, со всѣми крючкотворными пріемами и сноровками устарѣлаго дѣлопроизводства, наложены были тяжкимъ гнетомъ на совершенно чуждыя имъ отношенія, но, какъ мы уже видѣли, ниспровергнуты всѣ условія поземельной собственности и податнаго сбора, нарушены безъ всякой необходимости исконные обычаи и замѣнены произвольными распоряженіями, не имѣвшими никакихъ основаній въ дѣйствительной жизни и потребностяхъ края. Надо сказать правду, что въ концѣ прошлаго столѣтія англійская правительственная аристократія играла и у себя дома слишкомъ не завидную роль, и только гроза страшнаго французскаго переворота заставила ее осмотрѣться и пробудила въ ней болѣе просвѣщенную и ревностную дѣятельность. Въ самой Англіи, говоритъ безпристрастный Арнольдъ [1]), небрегли всѣми учрежденіями и мѣрами для развитія народа. Торговля и промышленный оборотъ страдали отъ множества частныхъ привилегій; доходныя мѣста безъ дѣла (sinecures) поглощали часть народнаго достоянія; уголовное законодательство и тюрьмы были въ ужасающемъ положеніи, служа только къ уничиженію человѣчества въ нравственномъ и физическомъ смыслѣ; воспитаніе народныхъ массъ шло дурно или было совершенно забыто. Чего же, послѣ этого, можно было ожидать для Индіи?

Вся первая четверть нынѣшняго вѣка почти исключительно посвящена была расширенію англійскихъ владѣній въ томъ краѣ. Частныя усилія такихъ людей, какъ Бентинкъ, тогда еще губернаторъ въ Мадрасѣ, Эльфинстонъ и Мёнро (Munro), конечно представляются отрадными исключеніями, но полезная дѣятельность ихъ часто встрѣчала себѣ преграды со стороны Компаніи — Бентинкъ былъ даже отставленъ ею,—да не имѣла и того простора, какой необходимъ для совершенія значительныхъ общенародныхъ преобразованій.

---

[1]) Lectures on modern history 1842.

Болѣе счастливое положеніе выпало на долю Бентинка, когда онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ 1828 году. Мы остановимся нѣсколько минутъ на этой лучшей эпохѣ англійскаго владычества въ Индіи, тѣмъ болѣе, что она нагляднѣе ознакомитъ насъ съ тѣми особенностями туземнаго населенія, о которыхъ мы могли упомянуть только вскользь.

Лордъ Бентинкъ началъ съ сокращенія всѣхъ излишнихъ расходовъ, какъ для поправленія финансовъ Индіи, запущенныхъ его предмѣстникомъ [1]), такъ въ особенности для того, чтобъ этой бережливостью снискать себѣ у директоровъ Компаніи все довѣріе, которое было ему потомъ необходимо при введеніи смѣлыхъ преобразованій, не имѣвшихъ уже ничего общаго съ компанейскимъ барышомъ. Мѣры разсчетливой экономіи не замедлили возбудить неудовольствія со стороны тѣхъ, кто потерпѣлъ чрезъ нихъ какой-нибудь ущербъ въ своихъ доходахъ. Индійскія газеты наполнились рѣзкими порицаніями. Въ то время свобода печати въ Индіи не обезпечивалась еще закономъ, и лордъ Бентинкъ легко бы могъ подавить громкія жалобы, но онъ не прибѣгалъ къ этому средству во все свое управленіе, и обезоруживъ такимъ великодушнымъ образомъ дѣйствій ожесточеніе своихъ враговъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ приготовилъ достойному преемнику своему, сэръ-Чарлзу Меткофу (Metcalfe), полную возможность облечь этотъ исключительный порядокъ дѣлъ въ форму постояннаго закона.

Еще болѣе благоразумной твердости нужно ему было для принятія рѣшительныхъ мѣръ противъ тѣхъ религіозныхъ обычаевъ и тѣхъ вѣковыхъ злоупотребленій, до которыхъ, не смотря на очевидную ихъ преступность, не дерзала прежде коснуться ничья рука. Внимательно распросивъ и выслушавъ всѣхъ тѣхъ, кто отличался знаніемъ дѣла и добросовѣстностью, лордъ Бентинкъ принялъ неизмѣнное рѣшеніе подъ наитіемъ высокой любви къ человѣчеству и искренняго доброжелательства къ странѣ, которою суждено ему было править. Вотъ отчего онъ былъ смѣлѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, — смѣлѣе и передъ согражданами, которые привыкли видѣть въ

---

[1]) Лордомъ Ангерстомъ.

Индіи одну добычу, смѣлѣе и передъ туземцами, которыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать настоящими людьми, безъ пощады къ ихъ народнымъ предразсудкамъ.

Священный у Индусовъ обычай сожиганія вдовъ онъ первый рѣшился объявить уголовнымъ преступленіемъ. Разсчитываютъ, что ежегодно болѣе тридцати тысячъ молодыхъ и старухъ становилось жертвою этого безчеловѣчнаго обряда, состоящаго въ непосредственной связи съ ученіемъ браминовъ о тщетѣ жизни и съ ихъ заботою о чистотѣ кастъ: жизнь — юдоль плача, ея не стóитъ щадить; вдова же, соскучась одиночествомъ, еще вздумаетъ, пожалуй, выйдти за человѣка низшей касты, а это—величайшее преступленіе: слѣдовательно, дать себя сжечь—со стороны вдовы и похвально и богоугодно. Такова всегда логика жрецовъ, и однакожь она царитъ, торжествуетъ цѣлыя столѣтія, пока какой-нибудь лордъ Бентинкъ не объявитъ ее просто злодѣйствомъ. Образованнѣйшіе изъ Индусовъ, да, вѣроятно, втайнѣ и многія вдовы, благодарили лорда за этотъ рѣшительный шагъ, а толпа старовѣровъ посѣтовала, попеняла—и замолкла. Такъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ.

Лордъ Бентинкъ, какъ истинно просвѣщенный человѣкъ, старался окружить себя всѣми свѣдѣніями объ индійскомъ управленіи прежде чѣмъ приступить къ коренной перемѣнѣ его системы. При этомъ оказалось, что старинное мусульманское управленіе было во многихъ отношеніяхъ лучше англійскаго въ XIX вѣкѣ. Магометанскіе завоеватели водворились въ покоренной странѣ; старались сближаться съ туземцами, вступали въ брачные узы съ ихъ дочерями; дали имъ участіе въ управленіи. Вскорѣ у тѣхъ и у другихъ явилась общность интересовъ; только религія представляла неодолимую преграду. Совершенною всему этому противоположностью было управленіе Англичанъ. Оно холодно, своекорыстно, бездушно; все находится въ рукахъ завоевателей и все должно служить на пользу какихъ-то заморскихъ господъ, дѣйствующихъ именемъ Компаніи. Эта вѣрная картина поразила Бентинка, и онъ рѣшился управлять Индіей для ея собственной пользы, а не для выгоды нѣсколькихъ тысячъ пришлецовъ, которые спѣшатъ набить себѣ карманы. Онъ предоставилъ туземцамъ гораздо болѣе мѣстъ по судебной части и по сбору податей; онъ исходатайствовалъ

учрежденіе въ Индіи особаго законодательнаго комитета, который бы соображался въ своихъ дѣйствіяхъ не съ одними англійскими законами, но главное съ потребностями и условіями края. Рѣшительными мѣрами преслѣдованія и немедленной расправы положилъ онъ конецъ страшному воровству распространившагося по всей Индіи братства *таговъ*, то-есть мошенниковъ, у которыхъ всѣ тонкости ихъ ремесла передавались изъ рода въ родъ и дошли наконецъ до ужасающаго совершенства.

Но среди этихъ непрерывныхъ заботъ и успѣшныхъ преобразованій, его не покидала мысль о томъ, что никакія частныя улучшенія не могутъ принести надежнаго плода безъ совершеннаго обновленія общественнаго быта чрезъ воспитаніе юныхъ поколѣній. Исторгнуть ихъ изъ мглы браминскаго омраченія, заглушающаго всякое семя истины и добра, — вотъ что̀ полагалъ онъ главною цѣлью, а средствомъ къ ея достиженію — не безсильную теперь въ Индіи новую религіозную проповѣдь, а европейскую литературу и науку. Въ дѣйствительности этихъ средствъ убѣждали его примѣры такихъ людей, какъ Раммогунъ-Рой и Дварканнатъ-Тагоръ, которые изъ глубины браминства достигли вершинъ европейской образованности, не только не утративъ сочувствія къ родной землѣ и родному племени, но готовые положить за нихъ свою душу. Когда въ 1831 году Раммогунъ прибылъ въ Англію, онъ очаровалъ Бентама и изумилъ парламентскій комитетъ обширностью, глубиною свѣдѣній, свободою мысли и задушевностью своего индійскаго патріотизма. И онъ, и товарищъ его Дварканнатъ, были одного мнѣнія съ Бентинкомъ насчетъ необходимости открыть для Индіи широкій путь европейскаго образованія. «Намъ нужны не миссіонеры ваши, говорилъ Нейману Дварканнатъ-Тагоръ, а народныя школы, хорошіе учители, физическія, географическія, математическія и историческія книги на новѣйшихъ языкахъ и діалектахъ Индіи. Противъ христіанскаго нравоученія о общечеловѣческихъ истинъ Евангелія не имѣемъ мы ровно ничего; мы, деисты, готовы обратиться хоть завтра [1]). Но дайте моло-

---

[1]) Многіе изъ просвѣщеннѣйшихъ браманистовъ и парсовъ въ Индіи дѣйствительно оставили многобожіе и обратились къ деизму.

дому Индусу немножко познакомиться съ географіей, вотъ у него тотчасъ и пропадетъ богоносная гора Меру въ средоточіи вселенной; исчезнутъ всѣ алмазныя, золотыя и серебряныя жилища боговъ вмѣстѣ съ семью островами и семью морями.»

Лордъ Бентинкъ обратилъ все свое вниманіе на училища и особенно на распространеніе естественныхъ наукъ. Вопреки многимъ противорѣчіямъ не только со стороны Индусовъ, но и со стороны англійскихъ оріенталистовъ, онъ смѣло упразднилъ восточно-врачебную коллегію, разсадникъ всѣхъ нелѣпостей арабской и индійской пачкотни, и завелъ вмѣсто ея настоящую медицинскую школу. Туземцы поступали туда безъ всякаго различія кастъ, слушали европейскія науки на языкахъ своей родины и выходили оттуда дѣльными врачами. Преобразованіе народныхъ школъ было однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для возрастающаго поколѣнія. При тщательномъ осмотрѣ ихъ, посланный Бентинкомъ инспекторъ удостовѣрился между прочимъ въ томъ, что многія учебныя книги заключали въ себѣ правила самаго низкаго своекорыстія, отъявленной двуличности, предательства и обмана. Но какъ ни плохо было школьное обученіе, домашнее оказалось еще хуже. Дѣвочекъ, напримѣръ, почти совсѣмъ не учили, изъ суевѣрія, что граматныя очень скоро вдовѣютъ, а овдовѣть тамъ—сущая бѣда. Въ Индіи, какъ и во всѣхъ тѣхъ краяхъ, гдѣ наука составляетъ принадлежность касты, не видно со стороны привилегированнаго сословія никакой заботы о распространеніи образованности. Браминъ учится и знаетъ про себя, пользуясь этимъ преимуществомъ, чтобъ получать какъ можно больше выгодъ для своей особы и своей братіи. Съ этимъ-то исключительнымъ направленіемъ туземной науки вступилъ лордъ Бентинкъ въ рѣшительную борьбу, тогда какъ всѣ прежніе правители волей или неволей должны были держаться совсѣмъ противоположнаго начала: Остъ-Индская Компанія и ея многочисленные защитники и кліэнты находили свою выгоду въ томъ, чтобъ не прививать Индійцамъ европейскаго образованія и, подъ предлогомъ уваженія къ народной старинѣ, удерживать ихъ во тьмѣ многобожія и невѣжества. Легко себѣ представить, какую ненависть мѣры лорда Бентинка возбудили въ англо-индійской бюрократіи. «Молодой человѣкъ, говорили ея кле-

вреты, юноша, у котораго голова набита математикой, у котораго Шекспиръ, Джонсонъ и Аддисонъ не сходятъ съ языка, такой человѣкъ не способенъ къ отправленію обычной гражданской службы. Да будь онъ даже и способенъ, всѣ образованные Индусы — заклятые враги христіанства, враги чужевластія, особенно, когда изъ исторіи они узнаютъ тайну происхожденія англійскаго могущества въ Индіи... Если мы когда-нибудь утратимъ этотъ край, виною тому будутъ школы.» [1]).

Есть доля правды въ этомъ отчаянномъ воплѣ своекорыстія. Вступивъ однажды на путь широкихъ преобразованій, должно или не покидать его, или ждать себѣ большихъ хлопотъ. Лордъ Бентинкъ, рѣшительно избравшій столбовую дорогу прогресса, былъ слишкомъ скоро отозванъ отъ своей должности. Преемники его, то подъ вліяніемъ военныхъ обстоятельствъ, то въ угоду директоріи, то, наконецъ, по своимъ личнымъ наклонностямъ, отступились отъ многихъ благодѣтельныхъ его начинаній. Вотъ почему, рядомъ съ посѣяннымъ при немъ образованіемъ, на индійской почвѣ расли почти невозбранно и тѣ злоупотребленія, которыхъ онъ не успѣлъ вполнѣ искоренить; рядомъ съ благодарнымъ воспоминаніемъ о великодушныхъ его мѣрахъ, расло негодованіе на тѣхъ, кто забывалъ, порицалъ или отмѣнялъ ихъ. Такое опасное сосѣдство могло, конечно, содѣйствовать къ подготовкѣ нынѣшняго возстанія, но вина за то падаетъ не на Бентинка, а на тѣхъ, кто не умѣлъ понять и оцѣнить его высокихъ стремленій. Память его останется священною не для однихъ Индійцевъ, и будущіе правители этого народа должны избрать ее себѣ путеводною звѣздой.

Е. К.

---

[1]) Это сказано въ одномъ изъ донесеній парламенту.

въ 4-мъ № АТЕНЕЯ

на стран.	напечатано	вмасто
258	альтъ для нотъ	альтѣ для нотъ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. И. ЩЕПКИНА И К°,

на Лубянкѣ въ домѣ Сисалина,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ:

ДѢТСКІЕ ГОДЫ БАГРОВА-ВНУКА, служащіе продолженіемъ Семейной хроники. С. Аксакова. Москва. 1858 г. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 60 к.

СПУТНИКЪ ѢДУЩИМЪ ЗА ГРАНИЦУ. Справочная книга, составилъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ и по собственнымъ наблюденіямъ А. Старскій. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

О ТОРФѢ И ЕГО ДОБЫВАНІИ ВО ФРАНЦІИ. Соч. В. Шмидта, магистра химіи. Спб. 1858 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 30 к.

О ФИЗИЧЕСКОМЪ ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ ПЕРВАГО ВОЗРАСТА. Соч. Бекляра, перевелъ докторъ медицины С. Ловцовъ. Спб. 1857 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

НОВѢЙШІЯ И ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ МОНОГРАФІИ, по части врачебныхъ наукъ, издаваемыя докторомъ медицины С. Ловцовымъ, выпускъ 1-й. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. 25 к.

ПАТАЛОГІЯ И ТЕРАПІЯ ДѢТСКИХЪ БОЛѢЗНЕЙ Чарльза Веста со втораго нѣмецкаго изданія доктора Венгера, перевелъ докторъ медицины С. Ловцовъ. Часть I-я. Спб. 1858 г. Ц. за обѣ части 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к. Вторая часть выйдетъ въ февралѣ сего года. На полученіе ея выдается билетъ.

По уменьшеннымъ цѣнамъ:

ЗАПИСКИ ДЮКА ЛИРІЙСКАГО И БЕРВИКСКАГО, 1729—1730 годовъ. Перев. съ Французскаго Д. Языкова. Спб. 1845 г. Ц. 20 к., съ перес. 40 к.

ЕГИПЕТЪ ВЪ ПРЕЖНЕМЪ И НЫНѢШНЕМЪ СВОЕМЪ СОСТОЯНІИ. Соч. А. Б. Клота-Бея, въ двухъ частяхъ съ портретами, картами и планами. Переводъ съ Французскаго Андрея Александровича Краевскаго. Спб. 1843 г. Двѣ части Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 2 р.

АНГЛІЯ ВЪ XVI ВѢКѢ.

(Статья первая.)

(History of England from the fall ot Wolsey to the death of Elisabeth. By James Anthony Froude. 1856, vol. I, II.)

—

XVI вѣкъ для государствъ западной Европы былъ временемъ выхода ихъ изъ-подъ опеки Римской церкви. Въ такъ-называемые средніе вѣка Римская церковь держала молодую семью народовъ-братій подъ однимъ общимъ ученіемъ, подъ одною общею дисциплиною, направляя ихъ юные порывы къ общей дѣятельности. Но пришла пора — народы возмужали, и каждый изъ нихъ, взявши свою долю наслѣдства, устремился къ самостоятельной дѣятельности. Опекунъ-папа не хотѣлъ признать этого совершеннолѣтія своихъ воспитанниковъ, не хотѣлъ удовлетворить ихъ требованіямъ—и опека была порвана насильственно. Само собою разумѣется, какой высокій интересъ эта эпоха совершеннолѣтія, выхода изъ-подъ опеки имѣетъ для исторіи западной Европы; понятно, что названная нами книга Фрода: «Исторія Англіи, отъ паденія Вольсея до смерти Елисаветы» уже по одному содержанію своему должна была встрѣтить живое сочувствіе въ англійской публикѣ; думаемъ, что не безполезно будетъ познакомить съ нею и русскихъ читателей.

Первую главу своей книги авторъ посвящаетъ обзору общественнаго состоянія Англіи въ XVI вѣкѣ. Народонаселеніе королевства въ это время простиралось до 5,000,000. Вообще до реформаціи народонаселеніе увеличивалось очень медленно, что зависѣло преимущественно отъ тогдашняго положенія рабочаго

класса. Теперь земледѣлецъ, какъ скоро достигаетъ совершеннолѣтія, то уже получаетъ такое жалованье, какое будетъ получать и въ послѣдствіи: не имѣя никакого непосредственнаго отношенія къ хозяину и считая себя способнымъ имѣть собственное хозяйство, онъ женится и обыкновенно до тридцати лѣтъ онъ уже отецъ семейства. Но до реформаціи земледѣлецъ, живущій особо въ своей избѣ, былъ явленіемъ исключительнымъ; полевыя работы производились, какъ теперь въ обширныхъ фермахъ Америки и Австраліи, работниками, которые жили въ семействахъ хозяевъ или фермеровъ, и по своему положенію, обыкновенно оставались холостыми, женились же только тогда, когда скапливали сумму, достаточную для перехода къ другому образу жизни.

Теперь съ понятіемъ объ Англіи у насъ тѣсно связывается понятіе о мануфактурной промышленности, развитой въ самыхъ исполинскихъ размѣрахъ; но три вѣка тому назадъ правительство должно было употреблять усилія, чтобъ водворить въ народѣ мануфактурную промышленность, принудить къ труду лѣнивую массу, возбудить соревнованіе къ другимъ народамъ, опередившимъ Англичанъ на этомъ поприщѣ. Въ одномъ изъ постановленій, изданныхъ Генрихомъ VIII, читаемъ: «Его королевское высочество, обращая вниманіе на большое количество празднаго народа, ежедневно увеличивающееся въ государствѣ, полагаетъ, что главная причина тому заключается въ привозѣ изъ-за моря большаго количества мануфактурныхъ произведеній, особенно полотенъ; иностранныя государства посредствомъ выдѣлки и продажи этихъ товаровъ чрезвычайно обогатились: тамъ огромное количество народа, мущины, женщины и дѣти сидятъ за работой, спасены отъ праздности, что̀ ведетъ къ великому преуспѣянію государственному; а наши подданные принуждены покупать у нихъ полотна за большія деньги, и народъ, мущины и женщины, которые бъ могли заниматься выдѣлкою полотенъ, пребываютъ въ праздности, къ великому прогнѣвленію Всемогущаго Бога, къ крайнему упадку и обѣдненію государства. И потому его королевское величество, чтобъ спасти свой народъ отъ гнуснаго грѣха праздности, по совѣту и согласію лордовъ и выборныхъ отъ общинъ, въ парламентѣ собранныхъ, постановляетъ, чтобъ каждый землевладѣ-

лецъ изъ пятидесяти акровъ, находящихся подъ плугомъ, четверть акра засѣвалъ льномъ или пенькою.»

Этотъ законъ всего яснѣе показываетъ намъ состояніе Англіи въ описываемое время: Генрихъ VIII и его парламентъ въ XVI вѣкѣ могли сказать то же самое, что у насъ говорилъ Петръ Великій въ XVIII вѣкѣ: «Мало охотниковъ заводить фабрики и заводы, понеже нашъ народъ яко дѣти, неученія ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ.» Считая своею обязанностію направлять хозяйственную дѣятельность народа, англійское правительство въ XVI вѣкѣ съ одной стороны требуетъ, чтобъ извѣстное количество земель засѣвалось льномъ и пенькою, а съ другой не допускаетъ излишняго распространенія овцеводства, которое могло повредить земледѣлію, оставить много рукъ безъ работы; другой законъ Генриха VIII говоритъ: «Нѣкоторые изъ подданныхъ нашихъ, которыхъ Богъ благословилъ обиліемъ денегъ, изъ желанія получить больше дохода, сосредоточиваютъ въ немногихъ рукахъ великое множество фермъ и скота, преимущественно овецъ, и обращаютъ земли не на пашни, а на пастбища, отъ чего неимовѣрно увеличилась арендная плата и вдвое вздорожали всѣ жизненныя потребности, такъ что огромному количеству бѣднаго народа нечего ѣсть, пить и не во что одѣваться съ своими семействами: имъ ничего не остается больше дѣлать, какъ воровать, разбойничать или помирать съ голоду и холоду. Вслѣдствіе этого постановляется, чтобъ никто не могъ имѣть болѣе двухъ фермъ, и чтобъ никто не смѣлъ держать на нихъ болѣе 2000 овецъ.»

Изъ желанія уничтожить въ англійскомъ народѣ гнусный грѣхъ праздности проистекали строгіе законы противъ нищихъ и бродягъ: «Такъ какъ, говоритъ законъ 1531 года, по всему королевству англійскому уже давно увеличилось число бродягъ и нищихъ и ежедневно увеличивается по причинѣ праздности, матери и корня всѣхъ пороковъ, откуда проистекаютъ и день ото дня усиливаются воровства, смертоубійства и другія беззаконія; такъ какъ не смотря на постановленія, въ настоящее царствованіе и при прежнихъ короляхъ изданныя, зло нисколько не уменьшается, а увеличивается, и бродяги ходятъ цѣлыми

толпами: то начальствующимъ лицамъ вмѣняется въ обязанность старательно розыскивать, кто дѣйствительно старъ, бѣденъ и немощенъ и долженъ кормиться милостынею: такимъ давать письменное позволеніе просить милостыню, но въ извѣстной только мѣстности; если будутъ ходить по міру безъ позволенія, то подвергать ихъ бичеванію, а если нельзя подвергнуть ихъ этому наказанію, то сажать въ оковы на три дня и три ночи. Если же человѣкъ способный работать будетъ побираться милостынею или будетъ схваченъ въ бродяжничествѣ и не дастъ отчета, какимъ законнымъ способомъ снискиваетъ себѣ пропитаніе, такихъ бичевать до тѣхъ поръ, пока тѣло ихъ покроется кровью, и потомъ взять съ нихъ клятву, что возвратятся немедленно же на прежнее мѣсто жительства. Студенты университетовъ оксфордскаго и кембриджскаго, корабельщики, которые будутъ просить милостыню безъ дозволенія начальства, подъ тѣмъ предлогомъ, что потеряли свои корабли и имѣніе, подвергаются такому же наказанію, равно какъ люди, обманывающіе народъ, предсказатели будущаго, снотолкователи и т. п.: послѣднихъ бичевать въ продолженіи двухъ дней, а если попадутся въ другой разъ, то бичевать два дня, на третій привязать къ позорному столбу и отрѣзать правое ухо; если будутъ схвачены въ третій разъ, то отрѣзать и другое ухо.» Но на этомъ не остановились: въ послѣдствіи узаконено, что бродяга, попавшійся въ третій разъ въ бродяжничествѣ, казнится смертію. Въ царствованіе Елисаветы законъ этотъ былъ подтвержденъ. Частнымъ лицамъ было запрещено, подъ страхомъ жестокаго наказанія, давать деньги нищимъ; деньги, назначаемыя на милостыню, собирались въ церквахъ по праздничнымъ днямъ; приходскій священникъ завѣдывалъ приходомъ и расходомъ ихъ. — Эти строгіе законы противъ бродяжничества и нищенства напоминаютъ наши русскіе законы, направленные противъ того же явленія въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ, когда энергическое правительство также хотѣло возбудить народъ къ промышленному труду, когда царственный работникъ, самъ трудясь неутомимо, всего болѣе возставалъ противъ тунеядства. Въ ноябрѣ 1691 года изданъ былъ имянной указъ: «Извѣстно великимъ государямъ, что на Москвѣ гулящіе люди, подвязавъ руки и ноги, а иные глаза завѣся и зажмуря, будто

слѣпы и хромы, притворнымъ лукавствомъ просятъ на Христово имя милостыни, а по осмотру они всѣ здоровы: такихъ людей хватать и распрашивать и ссылать — посадскихъ людей въ тѣ же города въ посады, изъ которыхъ они пришли, а дворцовыхъ крестьянъ въ дворцовыя волости, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ крестьянъ отдавать помѣщикамъ и вотчинникамъ; а если эти люди впередъ объявятся на Москвѣ въ томъ же нищенскомъ образѣ и притворномъ лукавствѣ, то имъ чинить жестокое наказанье, бить кнутомъ и отсылать въ ссылку въ дальніе сибирскіе города.» Въ 1712 году подъ страхомъ жестокаго наказанія запрещено вообще просить милостыню въ Москвѣ. Въ 1730 году, при императрицѣ Аннѣ, изданъ указъ о высылкѣ изъ богадѣленъ тунеядцевъ и опредѣленіи ихъ въ работу, а прямыхъ нищихъ велѣно въ богадѣльню ввесть, чтобъ по улицамъ и дорогамъ не валялись и не бродили, а помѣщиковыхъ отдавать помѣщикамъ, посадскихъ въ посады для пропитанія; дѣтей мужескаго пола отдавать въ гарнизонныя школы, чтобъ послѣ годились въ службу, вмѣсто рекрутъ, а женскаго пола дѣтей отдавать на фабрики. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ было объявлено, что съ полиціи будетъ взыскано жестоко, если впередъ явятся нищіе по улицамъ.

Мы видимъ, что русскіе законы относительно бродяжничества, имѣя сходство съ англійскими, сильно однако и разнятся отъ нихъ: наши законодатели не думали о смертной казни, какъ о средствѣ прекратить бродяжничество. Любопытно видѣть, какъ англійскій авторъ разсуждаетъ объ этомъ средствѣ своего законодательства. Онъ говоритъ, что въ назначеніи смертной казни за тунеядство выразилось убѣжденіе англійскаго народа, что лучше для человѣка не жить вовсе, чѣмъ жить безполезною и недостойною жизнію. Далѣе говоритъ, что эта мѣра была диктована отчасти политикою: положеніе страны было критическое, бродяжничество грозило крайнею опасностію; кромѣ того, эта мѣра соотвѣтствовала желѣзному характеру вѣка; народъ былъ могучій и суровый, требовалъ и управленія такого же; суровость англійскаго управленія въ XVI вѣкѣ оправдывается успѣхомъ: этой суровости Англичане обязаны тѣмъ, что благополучно выдержали кризисъ реформаціи, не потерявши самообладанія, какъ потеряли его при встрѣчѣ съ тѣмъ же испы-

таніемъ Италіянцы, Испанцы, Нѣмцы, Французы, хотя Италіянцы — современники Микель Анжело, Испанцы — современники Кортеса, Нѣмцы — современники Лютера, и блестящіе рыцари Франциска I-го не были обыкновенные люди.

Намъ кажется, напрасно историкъ присвоиваетъ себѣ право слишкомъ произвольно распоряжаться народными убѣжденіями для объясненія того или другаго явленія. Что-нибудь одно: или назначеніе смертной казни за бродяжничество вытекало изъ постояннаго убѣжденія англійскаго народа, что лучше человѣку вовсе не жить, чѣмъ жить безполезною и недостойною жизнію, или это назначеніе было слѣдствіемъ желѣзнаго характера времени, т. е. англійскій народъ имѣлъ такое убѣжденіе только въ извѣстное время, отличавшееся желѣзнымъ характеромъ. Вовторыхъ, еслибы дѣйствительно англійскій народъ въ XVI вѣкѣ имѣлъ такое убѣжденіе, что лучше не жить вовсе, чѣмъ жить праздно и недостойно, то правительству его вовсе не нужно было бы прибѣгать къ кровавымъ мѣрамъ для искорененія гнуснаго порока праздности, который усиливался день ото дня. Авторъ, желая во что бы то ни стало оправдать извѣстную мѣру любимой эпохи, явно уклонился отъ своего предмета. Англійское правительство XVI вѣка вооружается строгими мѣрами противъ праздности: надобно было показать, эта праздность искоренилась ли вслѣдствіе строгихъ мѣръ или вслѣдствіе чего-нибудь другаго? Какимъ образомъ народъ, который въ XVI вѣкѣ упрекаютъ въ склонности къ тунеядству, въ отсталости отъ другихъ народовъ на поприщѣ промышленности, скоро сталъ удивлять міръ громаднымъ развитіемъ промышленнаго труда? Разумѣется, при внимательномъ разсмотрѣніи постоянныхъ условій англійскаго быта и условій временныхъ описываемой эпохи, никто не припишетъ этого явленія строгимъ законамъ Генриха VIII. Природа сдѣлала Англію морскою, торговою державою, исторія населила ее двукратно племенемъ предпріимчивымъ, дѣятельнымъ, способнымъ воспользоваться природными удобствами, природными указаніями; но во время такъ-называемыхъ Среднихъ вѣковъ, неразвитость мореплаванія вообще въ Европѣ и удаленіе Англіи отъ Средиземнаго моря, на берегахъ котораго, по старинѣ, сосредоточивалась всемірная торговля, были причиною того, что Англія отстала въ промышленномъ и

торговомъ отношеніи и отъ далекой Италіи, и отъ близкой Фландріи и Нидерландъ. Но съ XVI вѣка пришла ея пора, когда вслѣдствіе открытія Америки и морскаго пути въ Азію чрезъ мысъ Доброй Надежды, большою всемірною дорогою сталъ ея родной Атлантическій океанъ. До сихъ поръ Англія, можно сказать, была прикована къ материку Европы, находилась въ зависимости отъ торговыхъ и промышленныхъ Нидерландовъ, какъ теперь, напримѣръ, государства Пиренейскаго полуострова находятся въ зависимости отъ нея самой; торговля Англіи производилась преимущественно съ Нидерландами, которыя поглощали всѣ англійскіе товары, состоявшіе въ сырьѣ, нужномъ для нидерландскихъ фабрикъ; 15,000 Фламандцевъ жило въ Лондонѣ. Выставляя своему народу въ примѣръ другой заморскій народъ, гдѣ мущины, женщины и дѣти сидятъ за работою, спасены отъ праздности и обогащаютъ государство, Генрихъ VIII имѣлъ въ виду Нидерланды; потомъ, когда Филиппъ II поднялъ гоненіе на протестантовъ, множество Фламандцевъ, принужденныхъ оставить отечество, перенесли въ Англію свое трудолюбіе и искусство. Итакъ, не жестокіе законы Генриха VIII истребили въ Англіи тунеядство и способствовали развитію промышленности, но особенныя счастливыя обстоятельства, возникшія съ XVI вѣка, тѣсная связь съ народомъ, опередившимъ Англичанъ на поприщѣ мануфактурной дѣятельности и перенесшимъ эту дѣятельность въ Англію, наконецъ благопріятныя природныя условія страны.

Торговля сильно поднялась въ Англіи съ XVI вѣка: лучшимъ доказательствомъ тому служитъ приведенный выше актъ, гдѣ говорится о накопленіи капиталовъ и о стремленіи владѣльцевъ ихъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ большое количество земель и обращать эти земли на пастбища. Правительство, замѣтивъ это вредное для земледѣльческой промышленности стремленіе, поспѣшило остановить его и указывало капиталистамъ на мануфактурную промышленность какъ на средство употребить свои капиталы съ пользою для себя и для страны. Нѣтъ сомнѣнія, что эта невозможность употреблять свои капиталы въ промышленности первоначальной много содѣйствовала усиленію англійской торговли и мануфактурной промышленности; теченіе капиталовъ, искусственно отведенное правительствомъ

отъ одного направленія, тѣмъ съ большею силою устремилось по другому.

Рядомъ съ сильнымъ движеніемъ промышленнымъ и торговымъ шло въ XVI вѣкѣ сильное движеніе умственное какъ на материкѣ Европы, такъ и въ Англіи. Не смотря на то, что еще въ царствованіе Эдуарда VI нѣкоторые лорды стараго покроя не умѣли читать, просвѣщеніе между свѣтскими людьми быстро распространилось вслѣдствіе изобрѣтенія книгопечатанія и важныхъ вопросовъ, поднятыхъ религіознымъ движеніемъ. Генрихъ VIII говорилъ на четырехъ языкахъ, былъ большой начетчикъ въ исторіи и богословіи; Томасъ Морусъ, Элліоттъ и другіе ученые Англичане этого времени оправдываютъ замѣчаніе Эразма, сдѣланное имъ относительно всей западной Европы: «Удивительна измѣнчивость человѣческихъ вещей! говоритъ онъ: нѣкогда ученость была достояніемъ духовенства; а теперь, въ то время какъ духовенство предалось сластолюбію и корыстолюбію, любовь къ знанію перешла къ свѣтскимъ князьямъ, ко двору, къ дворянству. Не стыдно ли намъ? Пиры духовенства отличаются обиліемъ возліяній, нескромными шутками, неумѣреннымъ шумомъ, только и слышно на нихъ, что злорѣчіе, клеветы, порицаніе ближняго, тогда какъ у князей свѣтскихъ обѣды проходятъ въ скромныхъ разговорахъ о вещахъ, касающихся науки и благочестія.»

Эти слова Эразма всего лучше объясняютъ намъ религіозный переворотъ, происшедшій въ Англіи и во всей сѣверо-западной Европѣ въ XVI вѣкѣ. Времена измѣнились въ Англіи съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ II долженъ былъ идти босой по улицамъ кантерберійскимъ и претерпѣть бичеваніе отъ рукъ монаховъ за убійство Бекета. Духовенство одержало побѣду въ борьбѣ, потому что было достойно одержать ее; оно не было чуждо слабостей и заблужденій, но оно понимало значеніе своего званія, и пользовалось своею властію гораздо справедливѣе и умѣреннѣе, чѣмъ правительство свѣтское: вотъ почему послѣднее и должно было преклониться предъ нимъ. Побѣда была велика, но, подобно многимъ побѣдамъ, она была гибельна для побѣдителей. Она поселила въ нихъ тщеславіе властію, они забыли свои обязанности и видѣли только свои права, и когда столѣтіе спустя борьба возобновилась, то исходъ ея былъ уже

другой. Въ 1306 году изданъ былъ парламентскій актъ, въ которомъ говорилось, что монастыри основаны королями и людьми знатными во славу Божію, на пользу церкви, даны имъ земли для того, чтобъ больные и неимущіе имѣли прибѣжище и содержаніе, чтобъ была поминовенная служба по душамъ основателей и потомковъ ихъ: но вмѣсто того, пріоры чужеземцы наложили на подчиненные имъ монастыри невыносимыя подати, и отъ тѣхъ податей пѣнія по монастырямъ нѣтъ и милостынь бѣднымъ не раздаютъ, нѣтъ попеченія ни о душахъ умершихъ, ни о здоровьи живыхъ, и что въ старыя времена шло на добрыя дѣла и на службу Божію, то теперь обращено на дурныя дѣла къ великому соблазну народа: и потому запрещается духовнымъ лицамъ подъ какимъ-либо предлогомъ или формою высылать изъ королевства подати и доходы, и пріорамъ чужеземцамъ запрещается налагать подати на монастыри.

Актъ этотъ написанъ былъ очень осторожно, папа не названъ; но въ 1351 году изданъ былъ новый актъ, въ которомъ говорилось прямо, что папа отдаетъ англійскіе епископства и монастыри чужеземцамъ, которые никогда не живутъ въ Англіи, отъ чего деньги въ большомъ количествѣ идутъ за границу, и симонія достигла такой степени, что англійскіе епископства и монастыри явно продаются при папскомъ дворѣ каждому, кто захочетъ купить ихъ, будь то Англичанинъ или иноземецъ. Постановлено, чтобъ впредь избранія на епископство были свободны какъ въ старину, чтобъ права патроновъ были соблюдены, и тотъ, кто осмѣлится впредь покупать при Римскомъ дворѣ англійскія духовныя достоинства, будетъ подвергаться наказанію. Папа сталъ грозить отлученіемъ за приведеніе въ исполненіе этого статута: тогда въ 1389 году было постановлено, что если кто привезетъ въ Англію папскую буллу съ отлученіемъ, то будетъ казненъ смертію, а если какой-нибудь прелатъ осмѣлится привесть въ исполненіе папскій приговоръ—то лишается своихъ волостей, которыя отбираются на короля. Папа Бонифацій IX не обратилъ на это никакого вниманія и далъ англійскую пребенду одному италіянскому кардиналу; но король назначилъ своего, и англійскіе епископы рѣшили дѣло въ пользу послѣдняго, за что папа отлучилъ ихъ отъ церкви. Тогда нижній парламентъ объявилъ, что не вступиться въ это дѣло—значитъ

подчинить папѣ англійскую корону, которая никогда не была подчинена никакой земной власти, законы королевства будутъ нарушаемы папою по его произволу, что поведетъ за собою ослабленіе власти королевской: и потому англійскія общины хотятъ стоять и помирать за своего государя короля и за свое государство, и просятъ короля спросить у лордовъ духовныхъ и свѣтскихъ, что̀ ихъ мысль объ этомъ дѣлѣ? Свѣтскіе лорды отвѣчали прямо, что они будутъ стоять за корону. Епископы отвѣчали, что они не рѣшатъ вопроса, имѣлъ ли папа право отлучить ихъ отъ церкви или не имѣлъ; но ясно, что будь оно законно или не законно, это отлученіе противно привилегіямъ англійской короны, и потому они какъ вѣрные подданные будутъ стоять за корону. Папа долженъ былъ уступить.

Этою уступкою остановлена была дальнѣйшая реформа, на цѣлый вѣкъ все осталось по прежнему, но католическое духовенство не воспользовалось этимъ временемъ, чтобъ возстановить свое нравственное значеніе: напротивъ, поведеніемъ своимъ оно все болѣе и болѣе теряло уваженіе въ глазахъ англійскаго народа; жизнь въ монастыряхъ становилась все хуже и хуже; церковь не занималась болѣе народнымъ образованіемъ, церковные суды отличались несправедливостію; приходскіе священники, пользуясь покровительствомъ власти, забирали въ свои руки по одиннадцати бенефицій; епископы соединяли подъ своимъ управленіемъ нѣсколько епархій, и, не имѣя возможности управлять какъ должно всѣми ими, не управляли ни одною. Самъ Вольсей, который хлопоталъ о преобразованіи церкви, объ улучшеніи нравственности духовенства, былъ въ одно время архіепископомъ іоркскимъ, епископомъ винчестерскимъ, батскимъ, дургамскимъ и аббатомъ сентъ-албанскимъ. А между тѣмъ явился Лютеръ, и вся сѣверная Германія встала на его голосъ противъ Римской церкви. Изъ той самой страны, которая снабжала Англію фабричными произведеніями, начали приходить въ Англію и запрещенные переводы св. Писанія на народномъ языкѣ и протестантскія сочиненія. Оксфордскій студентъ, Тиндаль, получивши отъ лондонскаго альдермана Монмута десять фунтовъ стерлинговъ, отправился въ Виттенбергъ къ Лютеру, а Монмутъ въ крѣпость за вспоможеніе еретику; въ Виттенбергѣ Тиндаль перевелъ Евангеліе и Апостолъ на англійскій языкъ,

послѣ чего поселился въ Антверпенѣ, гдѣ соединились съ нимъ другіе Англичане, принявшіе новое ученіе; здѣсь основана была типографія, и печатались протестантскія книги для Англіи. Но англійское правительство, Генрихъ VIII и кардиналъ Вольсей, хотя и видѣли необходимость преобразованій въ духовенствѣ, вовсе не хотѣли однако преобразованій въ протестантскомъ смыслѣ; Генрихъ VIII выступилъ съ нападками противъ Лютера, и протестанты въ Англіи подверглись сильному преслѣдованію. Въ исторіи этого преслѣдованія любопытенъ слѣдующій случай: Гарретъ, одинъ изъ главныхъ распространителей протестантизма, узнавши, что его велѣно схватить, скрылся изъ Оксфорда, такъ что ни какъ не могли отыскать его слѣдовъ; тогда правитель Новаго Коллегіума въ Оксфордскомъ университетѣ, духовное лицо, обратился къ колдуну, чтобъ тотъ открылъ мѣсто убѣжища Гаррета; колдунъ указалъ на Лондонъ, и правитель Новаго Коллегіума писалъ къ архіепископу кантерберійскому о средствѣ имъ употребленномъ и о показаніи колдуна, прося сообщить объ этомъ епископу лондонскому и самому кардиналу. Такимъ образомъ, отыскивая еретика для преданія его смерти, правитель Коллегіума совершалъ преступленіе, подвергавшее его самого смерти, ибо чародѣйство наказывалось сожженіемъ, наровнѣ съ ересью; мало того, онъ дѣлалъ участниками своего преступленія три главныя духовныя особы въ королевствѣ. Но въ глазахъ этихъ особъ цѣль оправдывала средства, и почтенный правитель не подвергнулся никакому наказанію.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда послѣдовалъ знаменитый разводъ Генриха VIII съ Катериною Аррагонскою.

С. Соловьевъ.

МІРЪ БОЖІЙ.

РУКОВОДСТВО ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Составилъ А. Разинъ. С.-Петербургъ. 1857.

—

Заглавіе книги, по поводу которой мы намѣрены поговорить съ читателями, указываетъ на ея назначеніе: это книга для чтенія, служащая вмѣстѣ съ тѣмъ руководствомъ къ изученію отечественнаго языка для дѣтей перваго возраста. Назначеніе этого руководства и задача, рѣшеніе которой взялъ на себя авторъ его, — весьма важный предметъ въ дѣлѣ нашего образованія.

Въ послѣдніе два года, въ нашей литературѣ, между другими вопросами, поднятъ былъ вопросъ о преподаваніи вообще и русскаго языка въ частности. Вопросъ о чтеніи тѣсно связанъ съ вопросомъ объ изученіи отечественнаго языка и, идя далѣе, съ вопросомъ о просвѣщеніи вообще. Нельзя не сознаться, что ни одинъ учебный предметъ не коснѣетъ у насъ въ такой рутинѣ, какъ русскій языкъ. Это доказывается, вопервыхъ, многочисленной фалангой сторонниковъ устарѣлаго метода, еще такъ недавно вооружавшихся противъ современнаго, раціональнаго преподаванія отечественнаго языка, а, вовторыхъ, тѣмъ, что въ нашихъ второстепенныхъ школахъ, едва ли не за исключеніемъ военно-учебныхъ заведеній, еще прочно держится эта рутина. Старая школа не признаетъ никакого живаго начала въ изученіи роднаго языка; послѣдователи ея не хотятъ знать успѣховъ, сдѣланныхъ современной филологіей, называя эти

успѣхи порожденіемъ злаго духа нѣмецкой фантазіи. Требованія ихъ при изученіи отечественнаго языка отличаются какимъ-то удивительнымъ канцелярскимъ смиреніемъ: безошибочное правописаніе и гладенькій, тщедушный слогъ, по ихъ понятію, составляютъ главнѣйшую цѣль занятій своимъ роднымъ языкомъ. Для первой цѣли имъ служитъ граматика, для второй— теорія словесности. И та и другая наука достигаютъ этихъ цѣлей слѣдующими средствами: граматика учитъ склоненіямъ и спряженіямъ съ безчисленнымъ множествомъ исключеній, опредѣленію частей рѣчи, согласованію и управленію словъ, правописанію, впрочемъ, довольно безтолковому, въ которомъ буква *ѣ* играетъ первую роль и которое не научаетъ правильно ставить знаки препинанія; обучающееся поколѣніе обязывается знать наизусть этотъ граматическій кодексъ. Такая граматика русскимъ языкомъ считаетъ языкъ Карамзина, Жуковскаго, гг. А, Б, Г, и только; и хотя дѣлаетъ иногда уступки вѣку, отзываясь благосклонно о языкѣ Пушкина и Лермонтова, у которыхъ, впрочемъ, находитъ много погрѣшностей, но зато не терпитъ языка Гоголя и ничего не находитъ въ языкѣ гг. Аксакова, Тургенева, Григоровича и другихъ современныхъ нашихъ писателей. Вообще, она смотритъ на языкъ, какъ на нѣчто окаменѣлое, не подлежащее ни малѣйшему развитію. Что касается до ея литературныхъ воззрѣній, до ея теоріи словесности, то старую школу можно раздѣлить въ этомъ отношеніи на двѣ враждебныя части: одна довольствуется допотопными идеями Кошанскаго и семинарскихъ риторикъ, другая хотя и усвоила себѣ новыя идеи, оставаясь съ тѣми же воззрѣніями на языкъ, но въ учебникахъ ея царитъ все тотъ же безжизненный пріемъ, тотъ же окаменѣлый методъ, какъ и при изученіи языка — увѣренность образовать писателей по однимъ сухимъ и отвлеченнымъ теоріямъ, въ которыхъ дается необузданный просторъ игрѣ фразами, признаніе этихъ теорій чѣмъ-то безошибочнымъ, conditio sine qua non словеснаго искусства; практическое же знакомство съ самыми образцами этого искусства если и не запрещается, то предполагается, по какому-то странному пуризму, почти лишнимъ, по крайней мѣрѣ, умышленно, или неумышленно, оно часто обходится, особенно въ школахъ. При такомъ взглядѣ на языкъ и словесное искусство,

понятно, чего требовала отъ книгъ для чтенія старая школа: она или составляла тощія хрестоматіи изъ произведеній такъ-называемыхъ классическихъ писателей, начиная рядъ ихъ съ Ломоносова и оканчивая Карамзинымъ и любимыми своими авторами, или пребывала въ блаженной увѣренности — по чемъ бы ни выучиться читать, лишь бы выучиться: книга для чтенія еще не такая важная вещь. Впрочемъ, нельзя не сознаться, что если старая школа смотрѣла на книги для чтенія нѣсколько свысока, то, къ чести ея надо сказать, она не всегда ограничивала чтеніе однимъ процессомъ, какъ Петрушка Чичикова: у нея были свои, болѣе или менѣе дѣльныя, требованія. Она требовала отъ книгъ для чтенія: занимательности, пользы въ отношеніи умственнаго развитія и понятнаго для читателей (дѣтей, которыхъ и мы имѣемъ въ виду) и вмѣстѣ правильнаго языка. Со всѣми этими требованіями отъ книгъ для чтенія никакъ нельзя согласиться. Конечно, о занимательности нечего говорить — законность подобнаго требованія не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но о пользѣ, которой требуютъ отъ книгъ для чтенія, и о языкѣ ихъ считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ.

Книга для чтенія есть первая духовная пища, которую начинаетъ вкушать неразвитый умъ, познакомившійся съ великимъ изобрѣтеніемъ Гуттенберга. Научиться читать дѣйствительно можно по чемъ угодно, по самой нелѣпой книжонкѣ. Но книга, по которой начинаютъ читать уже выучившіеся этому искусству, составляетъ весьма важный предметъ въ дѣлѣ образованія. Что такая книга должна быть занимательна — въ этомъ, какъ мы сказали, не можетъ быть сомнѣнія; что она должна быть полезна — разумѣется, тоже; но польза — понятіе слишкомъ относительное. Весьма важно въ дѣлѣ воспитанія подготовить воспитывающихся къ тому, что̀ имъ придется узнать въ послѣдствіи, развить ихъ нѣсколько прежде, чѣмъ начнется серьёзное преподаваніе наукъ. Это подготовленіе можетъ быть очень разнообразно: отъ изложенія какой-нибудь науки (исторіи, географіи, ботаники и т. п.) до цѣлой дѣтской энциклопедіи. Эту обязанность возлагаютъ на тѣ книги для чтенія, которыя мы имѣемъ въ виду. Что̀ сказать о такомъ требованіи? Еслибы была возможность составить подобную книгу для чте-

нія, удовлетворяющую вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ требованіямъ отъ учебниковъ этого рода, о чемъ мы скажемъ ниже, то появленіе такой книги составило бы эпоху въ исторіи просвѣщенія; но въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ возможности исполнить подобную задачу, потому именно, что она слишкомъ обширна. Знакомство съ научными свѣдѣніями по той или другой отрасли вѣдѣнія, или по всѣмъ разомъ, прежде чѣмъ будетъ усвоенъ вполнѣ литературный языкъ, какъ орудіе просвѣщенія, по нашему мнѣнію, мало принесетъ пользы. Въ дѣлѣ образованія первою заботою должно быть усвоеніе обучающимися языка книжнаго, второю — но потомъ составляйте книги для чтенія съ какою вамъ угодно цѣлью. Сверхъ того, утилитарный характеръ книгъ для чтенія не во всѣхъ школахъ, не при всякомъ методѣ воспитанія достигаетъ прямой своей цѣли; это можно сказать вообще о всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, о нашихъ тѣмъ болѣе. Въ домашнемъ воспитаніи, когда вы имѣете дѣло съ немногими учениками, когда вы полный господинъ своего времени и можете по произволу располагать тѣмъ, или другимъ методомъ, книга для чтенія съ исключительно-утилитарнымъ направленіемъ принесетъ несомнѣнную пользу; она не помѣшаетъ вамъ достигнуть того, чего сама не даетъ — знакомства съ литературнымъ языкомъ. Но что̀ дѣлать съ такой книгою въ школѣ? Время у васъ отмѣренное; вы подлежите повѣркѣ; къ извѣстному сроку вы обязаны пройдти извѣстный урокъ; составъ, лѣта и развитіе вашихъ воспитанниковъ до чрезвычайности разнообразны; если одни съ любопытствомъ слушаютъ разказъ вашъ объ овсѣ, то другимъ, знакомымъ съ природою, онъ покажется смѣшонъ. Вы можете быть дѣльнымъ преподавателемъ русскаго языка, даже недюжиннымъ знатокомъ его, и между тѣмъ не знать естественной исторіи, астрономіи, сельскаго хозяйства. Что̀ вы, какъ учитель русскаго языка, сдѣлаете съ книгой, въ которой обо всемъ этомъ говорится? Очень мало. Вы будете готовиться, положимъ, къ лекціямъ. Прекрасно! Разказы ваши выиграютъ въ занимательности, но для языка, къ изученію котораго книга для чтенія должна служить первымъ руководствомъ, вы почти ничего не сдѣлаете. Заботясь о развитіи, вы упускаете изъ виду главное. Вы предлагаете свои услуги разнымъ наукамъ, поддѣлываетесь подъ дѣтскій говоръ,

между тѣмъ какъ вы обязаны послужить одной вашей — языку. Конечно, еслибы за составленіе книгъ для чтенія, преслѣдующихъ обширныя задачи, брались Пушкины, Лермонтовы, Аксаковы, Тургеневы и другіе писатели, художественно владѣющіе русскимъ языкомъ, книги вышли бы превосходны. Но если первоклассные писатели не обязаны быть учеными спеціалистами и педагогами, то и послѣднимъ не зачѣмъ принимать на себя роли первоклассныхъ писателей. Что мы сказали о книгахъ для чтенія вообще, то же самое, даже въ большей степени, можно примѣнить къ книгамъ для чтенія народнаго. Замѣчено, что дѣти, имѣвшія возможность познакомиться дома съ литературнымъ языкомъ, въ школѣ учатся лучше тѣхъ, которыя лишены были этой возможности. Народъ, если хотимъ его образованія, прежде всего надобно, по возможности, познакомить съ литературнымъ языкомъ, что бы ни говорили о послѣднемъ. Согласны, что дѣло не легкое, но и не невозможное. Въ книгахъ для дѣтскаго и народнаго чтенія больше всего надобно остерегаться отъ неумѣстныхъ поддѣлокъ подъ говоръ читателей этого рода; поддѣлки эти, носящія часто ложное названіе популярности, никогда не достигаютъ своей цѣли: онѣ или производятъ въ читателяхъ гомерическій смѣхъ, или досаду, потому что народъ и дѣти инстинктивно понимаютъ, что языкъ книгъ не долженъ быть точно такой же, какъ ихъ языкъ. Впрочемъ, какъ ни трудно изученіе книжнаго языка, языка современныхъ образцовыхъ писателей, съ другими взглядами на языкъ вообще, предложенными новой школой, легко преодолѣть всѣ препятствія его изученіи.

Новая школа, основанная Боппомъ, Вильгельмомъ Гумбольдтомъ и Гриммами, смотритъ на языкъ, какъ на живое органическое тѣло, подверженное безконечнымъ видоизмѣненіямъ, имѣющее такую же разнообразную жизнь, какъ и самъ народъ, который говоритъ на немъ. Взглядъ ея послѣдователей на языкъ весьма обширенъ: онъ идетъ отъ эпохи, не извѣстной исторіи, во весь длинный періодъ народной жизни. Новая школа видитъ въ языкѣ полнѣйшее проявленіе народнаго генія и считаетъ его произведеніемъ двухъ силъ, главнѣйше дѣйствующихъ въ духовной природѣ человѣка—разума и фантазіи. Она создаетъ его исторію, которая открываетъ таившуюся до сихъ поръ подъ по-

кровомъ древности жизнь народа съ ея религіозными вѣрованіями, нравомъ, поэзіей и т. п. Она признаетъ, что поэтическій геній народнаго языка не только выше генія гг. А, Б, Г, но даже выше Карамзина и Пушкина; что сказать, что какой-нибудь писатель создалъ такой-то языкъ есть чистѣйшая нелѣпость. Она, наконецъ, не только сближаетъ то, что до сихъ поръ считалось почти чуждымъ, какъ языкъ литературный, языкъ образованнаго класса и языкъ всего народа, но и указываетъ на родство тамъ, гдѣ прежде и не подозрѣвали его, — напримѣръ на родство всѣхъ языковъ европейскихъ. Изъ такого взгляда на языкъ будутъ понятны тѣ стремленія, которыя преслѣдуетъ новѣйшее языковѣдѣніе. Оно, при изученіи языка какого-нибудь народа, разлагаетъ его на составныя части: языкъ народный, языкъ литературный, исторія языка и т. п. Граматика, хотя не считается кодексомъ, какъ у послѣдователей старой школы, хотя и не навязывается ей невозможная задача — выучить говорить (l'art de parler), но получаетъ опредѣленное, а не миѳическое значеніе — знакомство съ формами и составомъ языка вообще и съ исторіей этихъ формъ. Теорія Словесности, въ особенности поэзіи, составляется не a priori, а извлекается изъ разбора образцовыхъ писателей и притомъ въ связи съ языкомъ и его исторіей, безъ которой необъяснима, напримѣръ, древняя эпическая поэзія. Искусство владѣть литературнымъ языкомъ пріобрѣтается не выучиваніемъ правилъ согласованія и управленія словъ, не теоріей стилистики, выѣзжающей на фразахъ, а все тѣмъ же изученіемъ образцовыхъ писателей. Изученіе это достигается различными путями, безпрестаннымъ чтеніемъ и затверживаніемъ, разложеніемъ ихъ произведеній, подражаніями имъ и т. п. Вмѣсто того, чтобы писать сочиненія на избитыя темы, въ родѣ утра, вечера, прогулки, торжества добродѣтели и т. п., пріучающія къ приторной сантиментальности и фразерству, новая школа совѣтуетъ начать дѣло съ подражанія образцовымъ писателямъ, какъ начинаютъ обучающіеся другимъ искусствамъ съ подражанія первоклассныхъ художникамъ. Изученіе литературнаго языка дѣло трудное и продолжительное, потому что въ немъ много безжизненныхъ слоевъ, много искусственности, такъ сказать, архитектурнаго: онъ не дорожитъ словомъ, онъ беретъ

его какъ ни попало, лишь бы выразить мысль; чтобы свободно владѣть имъ, необходимо каждому быть болѣе или менѣе искуснымъ зодчимъ. Нашъ русскій книжный языкъ представляетъ больше трудностей при изученіи, чѣмъ какой-нибудь изъ языковъ европейскихъ. Основанный на языкѣ церковно-славянскомъ, который долгое время былъ у насъ литературнымъ, онъ почти до самаго Карамзина представлялъ monstrum horrendum, что-то безобразное и безжизненное, потому что реформа Ломоносова для прозаическаго языка мало принесла пользы. Эта безжизненность объясняется временемъ появленія и характеромъ Петровскихъ преобразованій: книжный языкъ застигнутъ былъ въ-расплохъ, не былъ приготовленъ къ великому дѣлу никакимъ предварительнымъ развитіемъ. Голосъ народной поэзіи давно замолкъ, свѣтской литературы почти не существовало, даже юридическій языкъ, наиболѣе народный, съ одной стороны (въ поэтическомъ отношеніи) представлялъ древнее замѣчательное богатство, съ другой (въ синтаксическомъ отношеніи) коснѣлъ въ отжившихъ эпическихъ формахъ. Реформа Карамзина, вліяніе которой до сихъ поръ продолжается, не могла поправить дѣла разомъ. Заслуга незабвеннаго писателя велика, но языку нашему еще много придется испытать перемѣнъ. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что сдѣлано его послѣдователями, писателями Пушкинскаго и Гоголевскаго періодовъ. Труды ихъ чрезвычайно подвинули впередъ дѣло усовершенствованія литературнаго языка. И дѣйствительно, теперь онъ постоянно улучшается; но самый процессъ усовершенствованія замедляетъ успѣхи его развитія, потому что въ какой степени оживляетъ его народная рѣчь, которой онъ по преимуществу долженъ бы былъ пополняться, въ такой степени мертвитъ его церковно-славянскій элементъ, которымъ онъ пополняется на самомъ дѣлѣ до сихъ поръ. Усовершенствованіе нашего литературнаго языка зависитъ отъ образованія всей массы русскаго народа: образуется народъ — усовершенствуется и книжный языкъ, которому тогда легче будетъ заимствовать изъ живой народной рѣчи, чѣмъ изъ мертваго старославянскаго нарѣчія. Но это дѣло будущаго, а въ настоящемъ пока — и прежде всего — надобно изучать теперешній литературный языкъ, каковъ онъ ни есть, какъ орудіе мысли и

образованія. Изученіе его должно начинаться чтеніемъ, къ которому мы и возвращаемся. Чтеніе слѣдуетъ начинать съ ранняго возраста, съ самыхъ первыхъ классовъ училищъ. Оно должно состоять, кромѣ собственнаго чтенія: 1) изъ разбора вещественнаго, объясняющаго значеніе словъ, 2) разбора логическаго, указывающаго мѣсто каждаго слова въ мысли, и дѣлающаго легкимъ потомъ изученіе граматики, 3) пересказыванія прочитаннаго своими словами, 4) выучиванія наизусть прочитаннаго, 5) писанія выученнаго на бумагѣ или на доскѣ, 6) изъ писанія того же своими словами, 7) изъ списыванія съ книги (для слабыхъ), 8) изъ подражанія выученному или прочитанному. Если занимать воспитанниковъ такимъ образомъ съ ранняго возраста въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ, успѣхъ будетъ огромный. Въ занятіяхъ русскимъ языкомъ можно достигнуть блистательныхъ результатовъ, употребивъ, напримѣръ, три класса уѣздныхъ училищъ, или три низшихъ класса среднихъ школъ на подобное дѣло. Результатъ будетъ блистательнымъ, потому что воспитанники станутъ бойко владѣть литературнымъ языкомъ — великое пріобрѣтеніе для образованія! Какъ облегчится для многихъ путь къ нему! Какъ уменьшится цыфра тупыхъ и бездарныхъ, которые нерѣдко слывутъ такими только въ школѣ! Подобныя занятія должны идти объ руку съ изученіемъ граматики; конечно, нѣтъ никакой надобности спѣшить знакомить дѣтей съ этой наукой: въ дѣлѣ воспитанія непремѣнно надо удѣлить года два на занятія, указанныя нами. О преподаваніи граматики здѣсь говорить считаемъ лишнимъ.

Но по чемъ же учить дѣтей русскому языку? спросятъ насъ. Конечно, лучше бы всего предоставить матеріалъ для чтенія выбору преподавателя; но это не удобно потому вопервыхъ, что преподаватель долженъ въ такомъ случаѣ имѣть цѣлую библіотеку образцовыхъ писателей, что, конечно, нельзя сдѣлать обязательнымъ, а вовторыхъ потому, что если и устранить это затрудненіе, то одну и ту же книгу придется имѣть во множествѣ экземпляровъ, чего требовать нельзя. Итакъ, составленіе книги для чтенія необходимо. Но при этомъ всякое утилитарное направленіе должно быть оставлено, или, по крайней мѣрѣ, отодвинуто на послѣдній планъ. Книга для чтенія, какъ ни на-

зывайте ее: хрестоматіей, руководствомъ и т. п., должна состоять изъ произведеній образцовыхъ писателей, въ прозѣ по преимуществу, въ стихахъ отчасти, но изъ произведеній наиболѣе поэтическихъ; слогъ ихъ долженъ отличаться болѣе логическими достоинствами (ясностію и точностію), чѣмъ художественными (тропами и фигурами.) Въ дѣлѣ первоначальнаго изученія языка стихи очень полезны для разбора вещественнаго и для знакомства съ церковно-славянской стихіей: въ стихотворномъ языкѣ попадается множество словъ, объясненіе которыхъ принесетъ не меньшую пользу, чѣмъ книга съ исключительно-утилитарнымъ направленіемъ, а встрѣчающіяся въ немъ старо-славянскія выраженія и слова заранѣе познакомятъ воспитанниковъ съ тѣмъ источникомъ, изъ котораго долго еще суждено питаться нашему книжному языку. Изъ произведеній прозы только историческія сочиненія занимаютъ дѣтей ранняго возраста; говоримъ это на основаніи многолѣтняго опыта. Голая истина, поражающая зрѣлый умъ, не нравится живой, поэтической по преимуществу, натурѣ ребенка. Ему нравится то, что̀ шевелитъ его фантазію, что возбуждаетъ ея самодѣятельность: народная сказка, поэтическое описаніе природы, жизнь человѣка, историческаго или идеальнаго, — вотъ что̀ займетъ дитя. Но онъ останется глухъ къ самымъ дѣльнымъ и добросовѣстно составленнымъ разказамъ объ устройствѣ органовъ зрѣнія, слуха, объ образованіи грозы, дождя и т. п. Положимъ, онъ и пойметъ это, согласны, что нѣкоторыхъ изъ дѣтей даже перваго возраста и займетъ это (всѣхъ—никогда); но въ примѣненіи къ главной цѣли—изученію языка—эти разказы совершенно безполезны: выучатъ ихъ воспитанники наизусть, начнутъ говорить своими словами—и какой жалкій и несвязный разказъ вы услышите! Это не проза Семейной Хроники, Бѣжина Луга, Пѣвцовъ, Сна Обломова, благоуханіе которой отразится даже въ дѣтскомъ разказѣ, которая съ жадностію слушается и не возбуждаетъ сладкой дремоты.

Изъ всего сказаннаго читатели поймутъ, чего мы требуемъ отъ книгъ для чтенія. Теперь обращаемся къ изданію г. Разина.

«Міръ Божій» знакомитъ своихъ читателей съ природой и человѣкомъ. Авторъ, какъ самъ говоритъ (въ предисловіи (стр. II—III), сначала представилъ небольшую картину разнообразія

природы, въ системѣ, которая однакоже скрыта отъ ученика. Потомъ онъ описалъ по одному или по нѣскольку недѣлимыхъ изъ каждаго класса животныхъ. Далѣе, онъ разсмотрѣлъ землю и другія планеты и органы чувствъ человѣка, наблюдающаго природу, за тѣмъ разказалъ о враждебныхъ ея силахъ (о климатѣ, болѣзняхъ и т. п.) и о борьбѣ съ ними человѣка. Описаніе всего этого занимаетъ почти половину книги: 220 страницъ изъ 473. Описавъ природу физическую, авторъ приступаетъ къ разказу о человѣкѣ, къ исторіи. Въ этомъ отдѣлѣ содержится: краткій очеркъ жизни главнѣйшихъ историческихъ народовъ и болѣе подробный—народа русскаго (и тотъ и другой занимаютъ 107 страницъ, на долю перваго отдѣла приходится только 25); далѣе, представляется характеристика разныхъ народовъ (24 страницы) и способы, употребляемые ими при нападеніи и защитѣ (22 страницы); наконецъ описаніе средствъ, способствующихъ къ достиженію удобствъ въ жизни (29 страницъ) и, въ заключеніе, 67 страницъ назначено, какъ выражается авторъ, «для развитія понятій о прекрасномъ въ архитектурѣ, живописи, скульптурѣ, поэзіи и музыкѣ.» (Стр. III). Книга снабжена отрывками, числомъ болѣе 50, и небольшими цѣльными сочиненіями въ прозѣ (числомъ 8) и стихахъ Жуковскаго, Батюшкова, Козлова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Гоголя и др. Изданіе г. Разина принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ нашей педагогическою литературой въ послѣднее время. Еслибы почтенный авторъ былъ только редакторомъ книги, то и тогда критика должна бы съ похвалою отозваться о трудѣ его; но такой самостоятельный трудъ, какъ «Міръ Божій», прекрасно изданный и замѣчательный по богатству содержанія, заслуживаетъ полной благодарности тѣмъ болѣе, что онъ исполненъ однимъ лицомъ, которому предстояла громадная работа, познакомить наглядно дѣтей со всѣми науками. И въ самомъ дѣлѣ, г. Разинъ въ своемъ сочиненіи даетъ понятіе почти о всѣхъ наукахъ: зоологія, ботаника, геогнозія, физіологія, физика, медицина, химія, исторія, культура, дипломація, этнографія, артиллерія и фортификація, механика и эстетика въ большемъ или меньшемъ объемѣ вошли въ составъ его книги. Изложеніе научныхъ данныхъ весьма просто и понятно для дѣтей. Нѣкоторые отдѣлы

сочиненія г. Разина удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ, кромѣ перваго отдѣла, весьма дѣльно изложеннаго (въ немъ особенно хорошо разказаны астрономическія данныя), весьма замѣчательны отдѣлы этнографіи и эстетики. Послѣдній, напоминающій превосходныя статьи Шиллера (Ueber das Pathetische, Ueber das Erhabene и др.), можетъ цѣликомъ войдти въ любой курсъ словесности. Благородная мысль «*знаніе есть сила*», взятая авторомъ эпиграфомъ, проведена по всему его сочиненію. Онъ почти на каждой страницѣ своей книги является поборникомъ просвѣщенія; такія идеи, какъ: «мысль никогда не умираетъ; неотразимое могущество пріобрѣтается науками; образованіе состоитъ въ торжествѣ ума надъ тѣлесной силой; всякая война для того ведется, чтобы послѣ нея былъ миръ» — плодотворнымъ образомъ подѣйствуютъ на юныхъ читателей и ни въ какомъ случаѣ не пропадутъ даромъ. Но то, что̀ составляетъ неотъемлемое достоинство сочиненія г. Разина, какъ книги для чтенія съ утилитарнымъ направленіемъ, далеко уменьшаетъ значеніе труда его, какъ книги для чтенія вообще. Дѣйствительно, Міръ Божій составленъ больше съ цѣлію приготовительнаго образованія дѣтей, чѣмъ изученія языка. И хотя авторъ желалъ согласить и то и другое направленіе, однако это ему не удалось: пятьдесятъ отрывковъ изъ сочиненій образцовыхъ писателей, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ его сочиненія, и слишкомъ кратки, и почти всѣ состоятъ изъ стиховъ, и не всегда удачны по выбору. Между писателями, приводимыми авторомъ, мы не встрѣчаемъ ни строчки Карамзина, С. Т. Аксакова, Гончарова, Григоровича, Тургенева. Жаль также, что г. Разинъ не обратилъ должнаго вниманія на тотъ отдѣлъ своей книги, который у него положительно плохъ, но который долженъ бы былъ занимать въ ней первое мѣсто. Мы говоримъ объ исторіи. А сколько бы интересныхъ предметовъ для разказа доставила ему всеобщая и отечественная исторія, и какъ бы благодарны ему были дѣти! — Главное дѣло при употребленіи книгъ для чтенія есть разказъ, дѣтскій разказъ прочитаннаго. А какая мальчику возможность разказывать то, въ чемъ нисколько не участвуетъ его фантазія, гдѣ нѣтъ нити разказа, того, что̀ называется интригой. Занимать учащихся такими раз-

казами — только терять безплодно время: масса свѣдѣній мальчика чрезъ это не многимъ увеличится, если только увеличится, а главное-то дѣло — изученіе книжнаго языка не подвинется впередъ ни на волосъ. Намъ, именно намъ Русскимъ, эти преждевременныя знанія — излишняя роскошь; имъ наши дѣти успѣютъ научиться въ высшихъ школьныхъ классахъ. Насъ прежде всего научите языку, этому несносному литературному языку, который пока служитъ камнемъ преткновенія на пути нашего просвѣщенія. Мы не стоимъ за его абсолютное совершенство, мы уже указали въ немъ безжизненные, застывшіе слои; но мы убѣждены, что онъ обновится и воспрянетъ къ новой жизни не подъ перомъ будущаго генія нашей литературы (не отвергаемъ рѣшительно и этого), но когда онъ будетъ въ совершенствѣ усвоенъ нашими дѣтьми, нашимъ русскимъ народомъ, т. е. грамотною его частію: только тогда онъ изъ народной рѣчи, какъ сказочный богатырь, достанетъ живую воду, которой спрыснетъ свои омертвѣлые члены — даже и не онъ достанетъ, а сама жаръ-птица, народная рѣчь, добудетъ для него этой воды. Въ книгѣ г. Разина, заключающей въ себѣ 473 страницы, только 130 удобны для разказа, переложеній и ученія наизусть: именно отдѣлъ историческій (самый слабый) и характеристика разныхъ народовъ. Остальные отдѣлы, составляющіе болѣе $^2/_3$ книги, невозможно ни разказывать, ни заучивать, по причинѣ безпрестанныхъ ссылокъ на рисунки и чертежи, объясненій послѣднихъ, исключительно научнаго интереса статей, нечуждыхъ сухости, по крайней мѣрѣ во мнѣніи читателей «Міра Божьяго.» Что̀ касается до языка разбираемаго нами сочиненія, то онъ, какъ и самое изложеніе, совершенно удовлетворяетъ цѣлямъ автора. Конечно, попадаются такія выраженія, какъ: «Олегъ ужасно *настращалъ* Византійцевъ; Карлъ *побилъ* ихъ (Мавровъ) однажды; иной рыцарь ужасно тяжелымъ топоромъ сразу разнесетъ и шлемъ своего непріятеля, и голову, *да тутъ же кстати и половину тѣла; большущій островъ; большущій дворецъ;* тутъ *пропасть пользы* очень многимъ (отъ фабрикаціи стеариновыхъ свѣчъ); *на этомъ* (итальянскомъ) *солнцѣ* зрѣетъ превосходный виноградъ и *зрѣютъ отличные живописцы и скульпторы; понадобляется* (вм. понадобится); — но

въ такомъ большомъ сочиненіи, какъ «Міръ Божій», они не замѣтны и притомъ, при новомъ изданіи, легко могутъ быть исправлены. — Errare humanum est. Если мы не сходимся съ авторомъ «Міра Божьяго» во взглядахъ на книги для чтенія, то это не мѣшаетъ намъ однако же повторить, что трудъ его достоинъ всякаго уваженія и удовлетворительно рѣшаетъ избранную имъ задачу.

М. де-Пуле.

Воронежъ.
Ноябрь 1857 года.

НОВЫЙ АТЛАСЪ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ИСТОРІИ ИСКУССТВА.

Denkmäler der Kunst zur Uebersicht ihres Entwickelungsganges von den ersten künstlerischen Versuchen bis zu den Standpunkten der Gegenwart; herausgegeben von D. W. Lübke und J. Caspar. Stuttgart. 1857. Zweite Auflage.

—

Если изученіе величайшихъ произведеній, созданныхъ человѣческимъ геніемъ въ сферѣ зодчества, ваянія и живописи, — произведеній въ которыхъ столь глубокомысленно отразился весь ходъ всемірной цивилизаціи, составляетъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ принадлежность однихъ немногочисленныхъ и безкорыстныхъ приверженцевъ высшихъ идеаловъ изящнаго, то это, на первый взглядъ странное явленіе, можетъ быть объяснено многими причинами. Какую вѣтвь изъ многочисленныхъ проявленій человѣческаго духа въ искусствѣ ни изберете вы предметомъ историческаго изученія, вамъ необходимо начать свои занятія прилежнымъ изученіемъ величайшихъ произведеній искусства въ *оригиналѣ*. Ни одно описаніе не можетъ дать вамъ яснаго и полнаго понятія объ архитектурныхъ формахъ Пареенона или Кёльнскаго собора, о статуяхъ Микель-Анджело или о колоритѣ Тиціана и Рембрандта. Вы должны собственными глазами видѣть и разсмотрѣть ихъ во всѣхъ подробностяхъ. Но главнѣйшими произведеніями искусства еще не ограничивается изученіе его исторіи: каждый, желающій посвятить себя этой наукѣ, долженъ прослѣдить *на памятникахъ* полную исторію архитектуры, скульптуры и живописи, начиная отъ первыхъ робкихъ попытокъ искусства до эпохи ихъ

TAYLOR INST. OXFORD

современнаго состоянія. Глаза наши должны видѣть образцы всѣхъ ступеней ихъ развитія, начиная, напримѣръ, съ первыхъ опытовъ христіанской живописи въ римскихъ катакомбахъ до картинъ Энгра, Корнеліуса и Овербека. Только пройдя этотъ длинный рядъ произведеній, созданныхъ въ теченіе почти двухъ тысячелѣтій, глазъ можетъ пріобрѣсть полное воспитаніе, то-есть наглядку. Но въ трудности легко и удобно пріобрѣсть это драгоцѣнное качество и лежитъ то огромное препятствіе, вслѣдствіе котораго наука объ искусствѣ до сихъ поръ составляетъ исключительную принадлежность только небольшаго числа избранныхъ. Именно, драгоцѣннѣйшія произведенія искусства разсѣяны по всѣмъ замѣчательнымъ точкамъ Европы и части Азіи и Африки. Если лучшія созданія скульптуры и живописи, какъ предметы удобопереносимые, сосредоточены въ музеяхъ главнѣйшихъ городовъ европейскихъ, то произведенія архитектуры прикованы на вѣки къ одному мѣсту. Но даже и для изученія первыхъ, необходимо посѣтить множество отдаленныхъ другъ отъ друга городовъ. Кто, напримѣръ, захочетъ изучить хоть одного Рафаэля, тотъ долженъ видѣть Петербургъ, Берлинъ, Дрезденъ, Флоренцію, Римъ, Парижъ, Лондонъ, Мадридъ и цѣлый рядъ другихъ городовъ, менѣе важныхъ. Изученіе исторіи архитектуры сопряжено еще съ бо́льшими затрудненіями. Первые опыты зодчества находятся на берегахъ Нила, Ганга и Тигра; потомъ архитектура переходитъ въ Малую Азію, Грецію, Сицилію, Италію и, наконецъ, покрываетъ своими неоцѣненными произведеніями и внутренность Европейскаго материка. Понятно, что желающій узнать исторію искусства долженъ вполнѣ располагать слѣдующими двумя необходимыми средствами для достиженія своей цѣли: онъ долженъ быть полнымъ властелиномъ своего времени и имѣть значительныя матеріальныя средства. Долговременныя путешествія требуютъ большихъ издержекъ. Ясно, что только весьма ограниченное число счастливцевъ можетъ видѣть всѣ сколько-нибудь замѣчательныя созданія искусства. Даже первоклассные европейскіе знатоки не видѣли многихъ знаменитыхъ собраній. Извѣстный знатокъ живописи, профессоръ Ваагенъ, всегда съ глубокимъ сожалѣніемъ говорилъ мнѣ, что онъ не имѣлъ возможности посѣтить галлерею Мадридскую и Импера-

торскій эрмитажъ въ Петербургѣ; Куглеръ никогда не посѣщалъ Востока, а геніальный возсоздатель истинныхъ законовъ греческой архитектуры — профессоръ Бёттихеръ никогда не бывалъ въ Греціи!

Но эти, почти неизбѣжные пробѣлы въ художественномъ образованіи даже лучшихъ цѣнителей искусства могутъ быть дополнены другимъ способомъ, правда никогда не достигающимъ полноты впечатлѣнія, производимаго созерцаніемъ самыхъ памятниковъ. Давно уже карандашъ рисовальщика и рѣзецъ гравёра старались сохранить для современныхъ и будущихъ поколѣній изображенія замѣчательнѣйшихъ созданій искусства. Правда, они, большею частію, не достигали своихъ цѣлей; труды ихъ, за немногими исключеніями, не удовлетворительны: они не умѣли передавать *стиль* произведеній, находившихся передъ ихъ глазами. Эти художники не имѣли чувства и такта для пониманія художественнаго стиля прошлыхъ вѣковъ: они созерцали произведенія, отъ которыхъ были раздѣлены цѣлымъ рядомъ вѣковъ, глазами искусства своего времени. Съ тѣхъ поръ многія изъ этихъ произведеній погибли навсегда и сохранились для насъ только въ книгахъ; но по книгамъ мы можемъ судить о сюжетѣ, а не о стилѣ произведенія. Такимъ образомъ погибшія картины римскихъ катакомбъ, сохраненныя въ важномъ сочиненіи Бозіо, или мозаики въ драгоцѣнномъ трудѣ Чіампини, относительно художественнаго стиля потеряны на вѣки для исторіи искусства. Только въ новѣйшее время поняли историческое значеніе художественнаго стиля всѣхъ эпохъ, и гравёръ старается нынѣ передать его съ рабскою вѣрностью: онъ отказывается сознательно отъ своей личности или отъ любимыхъ манеръ своего вѣка. Поэтому, кто знакомъ нагляднымъ образомъ съ возможно бо́льшимъ числомъ произведеній искусства, тотъ въ наше время легко дополнитъ пробѣлы въ своемъ наглядномъ образованіи изученіемъ лучшихъ рисунковъ или гравюръ. Такъ, напримѣръ, изучавшему на мѣстѣ лучшія произведенія готической архитектуры, легко будетъ архитектурныя формы памятниковъ невиданной имъ Нормандіи изслѣдовать по великолѣпнымъ изданіямъ этихъ памятниковъ.

Хотя этотъ второй способъ можетъ съ перваго взгляда по-

казаться общедоступнымъ для начинающихъ изучать исторію искусства, однако и онъ сопряженъ съ затрудненіями, которыя могутъ быть преодолѣны только въ большихъ центрахъ европейскаго просвѣщенія. Лучшія и самыя роскошно изданныя сочиненія по части искусства, обыкновенно съ приложеніемъ большаго числа гравюръ, отличаются дороговизною. Множество сочиненій, касающихся отдѣльныхъ вопросовъ науки, напримѣръ искусства въ Египтѣ, Ниневіи, Персіи, Малой Азіи и т. д., стоятъ большею частію отъ 300 до 600 рублей каждое. Они недоступны частному лицу, обладающему даже хорошими денежными средствами: развѣ только какой-нибудь богатый меценатъ можетъ имѣть ихъ въ своей библіотекѣ. Мнѣ извѣстны всего лишь три книгохранилища въ Европѣ, которыя имѣютъ самый богатый выборъ сочиненій по этой части: это Королевская библіотека въ Берлинѣ, Императорская въ Парижѣ и библіотека Британскаго музея въ Лондонѣ. Да и онѣ полны не по всѣмъ отраслямъ исторіи искусства. По новѣйшимъ отчетамъ Императорская публичная библіотека въ Петербургѣ скоро явится достойною соперницею этихъ огромныхъ собраній. Другія старинныя и славящіяся въ лѣтописяхъ науки библіотеки, напр. Гейдельбергская, рѣшительно ими бѣдны. И до такихъ гигантскихъ размѣровъ нынѣ разрослась эта литература въ Германіи, Франціи, Англіи и Италіи, что начинающій легко можетъ потеряться въ громадномъ ея лабиринтѣ безъ путеводной нити. Такъ каталогъ книгъ графа Чиконьяры, изданныхъ объ одномъ италіянскомъ искусствѣ, состоитъ изъ двухъ толстыхъ томовъ въ осьмую долю листа.

Уже съ самаго начала нынѣшняго столѣтія явились ученые, которые изъ огромной массы матеріяла, входящаго въ составъ этой науки, начали дѣлать выборъ, ограничиваясь или одною вѣтвію, или однимъ періодомъ искусства. Однимъ изъ первыхъ и значительнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ былъ французскій писатель д'Аженкуръ, который издалъ исторію средневѣковаго искусства по памятникамъ. Къ его сочиненію приложенъ атласъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ 300 гравюръ in-fol. Въ нихъ изображены важнѣйшія произведенія этого періода, находящіяся преимущественно въ Италіи. Другой французскій ученый, неутомимый графъ Кларакъ, издалъ подобный же атласъ всѣхъ

произведеній греческой и римской скульптуры, отличающійся необыкновенною полнотою. Наконецъ третій французскій ученый собиратель, Гальябò, издалъ прекрасно гравированный выборъ замѣчательнѣйшихъ зданій всѣхъ эпохъ и народовъ. Изъ этихъ трехъ примѣровъ, которыми я удовольствуюсь, видно, что всѣ названныя изданія посвящены только нѣкоторымъ частямъ исторіи искусства, и не смотря на то, по своей дороговизнѣ, они доступны очень небольшому числу богатыхъ любителей. Сколько найдется любознательныхъ людей, которые за три вышеприведенныя изданія въ состояніи заплатить около 400 рубл. серебромъ?

Германія, при ограниченности средствъ ея ученыхъ и учащихся и при жаждѣ знанія ее отличающей, первая вознамѣрилась устранить это важное препятствіе. Какъ страна, которая ранѣе другихъ ввела въ университетское преподаваніе исторію искусства, она прежде прочихъ начала заботиться объ изданіи вѣрныхъ и дешевыхъ изображеній лучшихъ произведеній искусства, равно какъ и лучшихъ руководствъ и другихъ вспомогательныхъ пособій для его изученія. Такъ Отфридъ Мюллеръ, издавъ свой классическій учебникъ античнаго искусства, первый позаботился о присоединеніи къ нему дешеваго атласа вѣрныхъ и точныхъ изображеній. Каждый студентъ, слушая лекціи профессора, получилъ такимъ образомъ возможность имѣть постоянно передъ глазами отчетливое изображеніе описываемаго предмета. Нынѣ этотъ атласъ дѣйствительно находится въ рукахъ всего обучающагося юношества въ Германіи; даже давно уже потребовалось второе, исправленное и умноженное его изданіе. Когда въ недавнее время въ Германіи создана была всеобщая исторія искусства, то бывшій профессоръ академіи художествъ въ Берлинѣ, Францъ Куглеръ, напечатавъ свой превосходный учебникъ, о значеніи котораго я имѣлъ случай говорить въ другомъ мѣстѣ [1]), тотчасъ созналъ необходимость издать обширный атласъ, который могъ бы провести передъ глазами читателя полную картину всего историческаго развитія искусства. Собраны были матеріалы для этого огром-

1) См. статью: Нынѣшнее состояніе исторіи и археологіи искусства въ Германіи, въ Отечественныхъ Запискахъ 1857, іюнь № 6.

наго труда, пріисканы надежные художники для выполненія, и не смотря на то, начатое изданіе подвигалось очень медленно впередъ: первая тетрадь его появилась въ 1845, послѣдняя въ 1857 г. Итакъ, около 12 лѣтъ потребовалось для окончанія этого труда, не рѣдко мѣнявшаго редактора для текста. За то нынѣ передъ нами лежатъ четыре тома in-fol. oblongo, состоящіе изъ 154 гравированныхъ листовъ, на которыхъ находится до 1700 изображеній. Заглавіе этого изданія, которое, по своему объему, значенію и исполненію, можетъ назваться сравнительно дешевымъ, стоитъ въ началѣ нашей статьи. Но, въ то время, когда еще выходили послѣдніе его выпуски потребовалось уже *новое* изданіе цѣлаго труда: какой утѣшительный фактъ представляетъ это живое участіе, принимаемое небогатою средствами публикой въ дѣлѣ, посвященномъ не матеріяльнымъ интересамъ!

Второе изданіе во всѣхъ отношеніяхъ превосходитъ первое. Обработку обширнаго текста принялъ на себя молодой и даровитый профессоръ Берлинской академіи художествъ, д-ръ Любке, уже извѣстный въ Германіи своими многочисленными трудами по этой части. Текстъ будетъ состоять изъ двухъ прекрасно напечатанныхъ томовъ объясненій къ рисункамъ; эти объясненія въ свою очередь составятъ важное дополненіе къ капитальному труду Куглера. Число гравюръ увеличено новыми; подъ каждымъ изображеніемъ помѣщены объяснительныя надписи. Такимъ образомъ это новое изданіе, котораго первыя тетради лежатъ передо мною, удовлетворяетъ всѣмъ практическимъ требованіямъ и почти безъ исключенія всѣмъ строгимъ условіямъ науки.

И какое обогащеніе любознательному уму представляетъ прилежное разсматриваніе этого атласа! Съ тѣхъ поръ, какъ мы сознали, что искусство можетъ быть понято глубоко только при всестороннемъ изученіи хода его развитія, ни одно изданіе не облегчало въ такой степени историческое изученіе памятниковъ искусства, какъ настоящій атласъ. Всѣ замѣчательныя произведенія зодчества, ваянія и живописи размѣщены здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ. Они начинаются первыми, самыми грубыми опытами. Человѣкъ на первыхъ ступеняхъ развитія уже чувствуетъ потребность увѣковѣчить

свою мысль монументальнымъ образомъ, и онъ воздвигаетъ или курганъ въ память лежащаго въ землѣ героя, или слагаетъ искусственно нѣсколько камней, чтобы ознаменовать ими мѣсто служенія своему богу. На второй ступени развитія человѣчества курганъ уже принимаетъ усовершенствованную форму пирамиды, а изъ сгроможденныхъ камней (менгировъ и кромлеховъ) возникаютъ обелиски и храмы. Какъ любопытны картины древнѣйшаго искусства въ Египтѣ, Ниневіи, Персіи, Малой Азіи! Здѣсь видимъ мы, какъ въ Египтѣ, не только надъ искусствомъ, но и надъ цѣлою жизнію властвуетъ каста жрецовъ, мощная своимъ исключительнымъ всезнаніемъ; тогда какъ въ Ниневіи и Персіи надъ всѣми сферами жизни господствуетъ власть деспотическая, основанная на силѣ. Въ египетской архитектурѣ основною идеею всѣхъ зданій служитъ храмъ: онъ даетъ имъ всѣмъ и планъ и формы; въ ассирійской и персидской первообразомъ всего—дворецъ, эта крѣпкая цитадель властелина. Въ Египтѣ цѣлыя династіи строятъ одинъ и тотъ же храмъ или чертогъ, который получаетъ форму храма; въ Ассиріи—каждое новое царствованіе хочетъ выразить новою блестящею постройкою идею царской власти, и каждый царь строитъ себѣ новый огромный дворецъ. Таковъ характеръ дворцовъ въ Нимрудѣ, Хорсабадѣ и Куюнджикѣ: каждый изъ этихъ дворцовъ построенъ для прославленія новаго властелина. Стѣны египетскаго храма украшены загадочными изображеніями боговъ; на стѣнахъ ассирійскихъ и персидскихъ дворцовъ изображена жизнь царя со всѣми ея достославными подвигами. Какую противуположность съ созданіями этихъ народовъ Востока представляетъ граціозное искусство Грековъ или величавое искусство Римлянъ, направленное болѣе къ удовлетворенію практическихъ потребностей! Съ появленіемъ христіанства рѣзкія національныя различія, которыя были столь поразительны въ искусствѣ древнихъ, видимо сглаживаются: передъ нами у самыхъ разноплеменныхъ народовъ Европы развивается картина *одного* искусства, созданнаго подъ наитіемъ *одной* идеи. Для всякаго мыслящаго необыкновенно любопытенъ весь ходъ развитія христіанскаго искусства, живущаго сначала элементами уже отжитой эпохи, но вскорѣ проявляющаго необыкновенное внутреннее богатство въ формахъ и въ содержаніи. Второй и третій томъ названнаго атласа

посвящены древне-христіанскому, романскому, готическому искусству и наконецъ искусству новыхъ временъ. Но въ высшей степени новъ по своему содержанію четвертый томъ, составляющій отдѣльное цѣлое, съ совершенно новымъ текстомъ, не опирающимся уже на книгу Куглера: онъ содержитъ въ себѣ исторію искусства новѣйшаго, искусства нашихъ дней, возродившагося въ началѣ двадцатыхъ годовъ одновременно въ Германіи и Франціи, и, нѣсколько позднѣе, въ Англіи и Бельгіи. Куглеръ въ своемъ «Руководствѣ къ исторіи искусства» остановился на эпохѣ появленія Корнеліуса и Овербека; четвертый томъ атласа, изданный профессоромъ Любке, продолжаетъ его трудъ до половины настоящаго столѣтія. Здѣсь представлено около 300 произведеній болѣе чѣмъ двухъ сотъ художниковъ различныхъ странъ. Особенно удачно передалъ рѣзецъ граверовъ лучшія произведенія новѣйшей ландшафтной живописи, играющей столь важную роль въ современномъ искусствѣ.

Таковъ, въ краткомъ очеркѣ, характеръ этого изданія, по объему и по исполненію своему единственнаго во всей европейской литературѣ. Желательно, чтобъ наша просвѣщенная публика особенно обратила вниманіе на это художественное изданіе, потому что для желающихъ ознакомиться съ исторіею искусства оно можетъ замѣнить у насъ цѣлую библіотеку.

К. Гёрцъ.

ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ.

Письмо первое.

—

Писать въ наше время письма изъ-за границы—я говорю о письмахъ, назначаемыхъ для печати — и легко, и трудно. Легко, если хочешь ограничиться сообщеніемъ ежедневныхъ и случайныхъ впечатлѣній, въ надеждѣ занять читателя новостью или необычностью описываемыхъ предметовъ; трудно, если желаешь передать—не говорю уже общій смыслъ—но даже нѣкоторыя общія черты жизни намъ чужой и не легко дающейся чужому. При всемъ стараніи не впадать въ мелочь и не судить по мелочамъ, при самой добросовѣстной рѣшимости избѣгать опрометчивыхъ отвлеченностей и не повторять передъ лицомъ дѣйствительныхъ явленій—уже напередъ составленныя объ нихъ мнѣнія,—каждому путешественнику грозитъ опасность пойдти по стопамъ извѣстнаго Англичанина, который, увидѣвъ въ одномъ городѣ рыжую женщину, записалъ въ своей памятной книжкѣ, что все женское народонеселеніе того города—рыжее. А потому, не желая впасть въ подобную ошибку, я прошу позволенія у васъ, любезный Е. Ѳ.,въ письмахъ моихъ къ вамъ обращать вниманіе не столько на страну, о которой будетъ идти рѣчь, сколько на отношеніе къ ней и къ ея жизни самихъ путешествующихъ Русскихъ. И тутъ легко ошибиться—отъ этой бѣды вполнѣ уберечься невозможно,—все-таки это дѣло болѣе подручное и близкое. Спѣшу прибавить, что я не намѣренъ отказываться отъ передачи и оцѣнки того, что̀ я видѣлъ или слышалъ,—но мнѣ будетъ легче и вольнѣе писать послѣ моей вступительной оговорки. Въ исполненіе моего намѣренія, хочу въ нынѣшнемъ письмѣ побесѣдовать съ вами объ одномъ, уже прежде мною подмѣченномъ, но въ послѣднее время поразив-

шемъ меня явленіи, а именно о той горькой, ѣдкой, впрочемъ тщательно скрываемой скукѣ, которой подвергается бо̀льшая часть русскихъ путешественниковъ, и которой я предлагаю придать, какъ придаютъ особое названіе новооткрытой болѣзни, названіе заграничной скуки Русскихъ.

«Какъ? скажутъ мнѣ,—Русскіе скучаютъ за границей, тѣ самые Русскіе, которые съ такою радостью покидаютъ свои родныя гнѣзда и съ такимъ восторгомъ толкуютъ о Европѣ по возвращеніи домой — они скучаютъ? Это невозможно, это парадоксъ!»—И со всѣмъ тѣмъ—сказанное мною справедливо; ссылаюсь на тайный голосъ самихъ гг. путешественниковъ (громко они, вѣроятно, не захотятъ въ томъ сознаться). Сто̀итъ только хорошенько вглядѣться въ лица девяти Русскихъ изъ десяти встрѣчаемыхъ за границей, чтобы согласиться со мною. Какая тоска въ нихъ сказывается, какая усталость, какое недоумѣнье! — Все, кажется, такъ и вопіетъ въ нихъ: «скучно намъ! намъ скучно!» (Есть, правда, одно мѣсто на свѣтѣ, гдѣ Русскіе не скучаютъ: Парижъ. О немъ рѣчь будетъ впереди, во второмъ моемъ письмѣ.) Но отчего же такъ скучно Русскимъ?

На то есть нѣсколько причинъ. Попытаюсь ихъ перечислить. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Русскіе, путешествующіе по чужимъ краямъ (я, разумѣется, говорю не обо всѣхъ Русскихъ), въ сущности мало знакомятся съ чужими краями; то-есть, они видятъ города, зданія, лица, одежды людей, горы, поля, рѣки; но въ дѣйствительное, живое соприкосновеніе съ народомъ, среди котораго странствуютъ, они не вступаютъ. Они переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто, окруженные все тою же сферою, или, какъ говорится нынѣ, «средою» гостинницъ, кельнеровъ, длинныхъ счетовъ, звонковъ, общихъ обѣдовъ, наемныхъ слугъ, наемныхъ каретъ, наемныхъ ослов и провожатыхъ; изъ этой «среды» путешественники наши, отъ врожденной ли робости, отъ гордости ли, отъ неумѣнья ли сближаться съ людьми, или отъ лѣни, почти никогда не выходятъ; что̀ же касается до удовольствія, проистекающаго изъ пребыванія въ странѣ, прошедшее которой вамъ хорошо знакомо, изъ личной повѣрки историческихъ воспоминаній и данныхъ, изъ того особеннаго чувства, которое овладѣваетъ человѣкомъ въ виду слѣдовъ или памятниковъ великой народной жизни, то должно со-

знаться, что для многихъ изъ нашихъ туристовъ всѣ эти ощущенія не существуютъ; они слишкомъ мало подготовлены по этой части; для нихъ имена городовъ, историческихъ лицъ и событій остаются одними именами, и какъ арестантъ въ «Мертвыхъ душахъ» удовольствовался замѣчаньемъ, что въ Весьёгонскѣ тюрьма почище будетъ, а въ Царевококшайскѣ еще почище, такъ и туристы наши только и могутъ сказать, что Франкфуртъ городъ побольше будетъ Нюренберга, а Берлинъ еще побольше.

Остается природа и искусство.

Природа всегда сильно дѣйствуетъ на русскую душу, и мнѣ случалось видѣть даже генераловъ, военныхъ и штатскихъ, пришедшихъ въ истинный восторгъ отъ какого-нибудь прекраснаго пейзажа, водопада или горы; но одна природа удовлетворить вполнѣ человѣка не можетъ. Идиллія—идилліей, а генералъ остается генераломъ. Искусство.... но и тутъ едва ли не придется повторить то, что̀ сейчасъ было сказано; и тутъ, и на этомъ поприщѣ туристы наши такъ же слабо подготовлены. Напрасно думаютъ иные, что для того, чтобы наслаждаться искусствомъ, достаточно одного врожденнаго чувства красоты; безъ уразумѣнія нѣтъ и полнаго наслажденья; и самое чувство красоты такъ же способно постепенно уясняться и созрѣвать подъ вліяніемъ предварительныхъ трудовъ, размышленія и изученія великихъ образцовъ, какъ и все человѣческое. Безъ тонко-развитаго вкуса нѣтъ полныхъ художественныхъ радостей; а никто еще не родился съ тонкимъ вкусомъ, и тѣ любители прекраснаго, которые съ такой запальчивостью кричатъ: «Намъ не учености нужно, не глубины, а подавайте намъ что̀ бы насъ трогало, что̀ бы за̀живо насъ задѣвало», большей частью трогаются и задѣваются полькой, французской гравюрой или просто — пятью онёрами въ козырной масти. Увы! приходится сознаться, что наши художественныя радости слишкомъ часто ограничиваются мучительнымъ дежурствомъ передъ «любопытными предметами» и «знаменитыми произведеніями». Въ этомъ отношеніи особенно поучительное зрѣлище представляетъ небольшая комнатка въ Дрезденской галлереѣ, гдѣ находится Мадонна св. Сикста: стоящій передъ нею диванъ, на который въ теченьи стольких лѣтъ садились и донынѣ садятся поколѣнія за поколѣніями русскихъ путешест-

венниковъ, не однажды мнѣ казался мѣстомъ или орудіемъ духовной пытки, не уступающимъ въ своемъ родѣ тѣмъ остаткамъ средне-вѣковой мглы, орудіямъ пытки тѣлесной, которые показываются любопытнымъ проѣзжимъ въ старинныхъ оружейныхъ палатахъ.

Да, бо̀льшая часть нашихъ туристовъ скучаетъ за границей. Съ нѣкоторой точки зрѣнія можно сказать, что это имъ даже честь приноситъ: это показываетъ, что они не удовлетворяются одними удобствами заграничной цивилизаціи, что у нихъ есть другія, высшія требованія, что имъ, живымъ людямъ, тяжело жить какою-то мертвенной, при всей суетнѣ, при всемъ кажущемся разнообразіи, глубоко-мертвенной жизнью. Скукѣ этой слѣдуетъ, между прочимъ, приписать и жадную ихъ готовность сблизиться съ каждымъ встрѣчнымъ соотечественникомъ; съ нимъ можно, по крайней мѣрѣ, Русь помянуть.... а не-то и въ картишки перекинуть.

Да, все это правда, но я бы тотчасъ отказался отъ словъ моихъ, еслибъ кто-нибудь вздумалъ вывести изъ нихъ такое заключеніе: «путешествовать скучно—стало-быть лучше сидѣть дома». Не говоря уже о пользѣ заграничной поѣздки для нашихъ молодыхъ ученыхъ, художниковъ, вообще для всѣхъ желающихъ изучить наглядно, на мѣстѣ (а всякое другое изученіе недостаточно) науку, жизнь, просвѣщеніе Европы, не говоря также и о томъ, что многіе изъ насъ умѣютъ путешествовать съ пользой и толкомъ, мы всѣ очень хорошо знаемъ, что полезное часто бываетъ скучнымъ, а знакомство—даже поверхностное знакомство съ Европой каждому изъ насъ полезно. Пусть наши туристы скучаютъ—и все-таки ѣздятъ за границу; никто изъ насъ не можетъ сказать, какимъ образомъ и подъ какимъ видомъ западаютъ въ него и когда созрѣваютъ въ немъ сѣмена правды, добра, образованности. «Для этого нѣтъ необходимости покидать свою родину», возразятъ мнѣ. Согласенъ: сѣмена эти носятся въ каждомъ воздухѣ; но путешествіе въ чужой странѣ то же что̀ знакомство съ чужимъ языкомъ; это—обогащеніе внутренняго человѣка, а нашему брату не для чего прикидываться, что ему своего за-глаза довольно. Надобно только умѣть пользоваться чужимъ богатствомъ. «Чужое богатство въ прокъ нейдетъ», пожалуй, скажутъ мнѣ другіе — и

сказавши это, подумаютъ, что они выразили патріотическое чувство; съ этими господами я спорить не стану; скажу одно: изъ посильныхъ моихъ наблюденій я убѣдился въ томъ, что, вопреки общепринятому мнѣнію, самобытность русскаго человѣка и въ хорошемъ и въ дурномъ по меньшей мѣрѣ равна его воспріимчивости, — а потому я плохо вѣрю въ такъ-называемый вредъ путешествій, о которомъ такъ охотно распространяются иные, впрочемъ почтенные люди. Чужеземное вліяніе сбиваетъ только того съ дороги, кто и безъ того никуда не шелъ.

«Was ist der langen Rede kurzer Sinn? Къ чему ведете вы вашу рѣчь?» спросите вы меня. А вотъ къ чему: кто скучаетъ за границей, самъ виноватъ; нельзя въ наше время путешествовать безъ надлежащаго приготовленія; пора простаго «глазѣнья», приличнаго дѣтямъ, миновала, и вѣрное разочарованье готовитъ себѣ тотъ, кто воображаетъ, что быть на Рейнѣ или гдѣ-нибудь подъ утесомъ въ Швейцаріи уже значитъ: наслаждаться. И за границей жареныя куропатки не летаютъ по воздуху, а на деревьяхъ растутъ листья обыкновенные, не золотые. Путешествовать (я не говорю о тѣхъ, которые ѣздятъ за границу для поправленія своего здоровья или для одного разсѣянія), путешествовать, не сближаясь съ иностранцами, не узнавая ихъ быта, право, не стóитъ; въ самомъ дѣлѣ, не для дого же мы покидаемъ все намъ дорогое, привычное, чтобы дышать пошлымъ воздухомъ пошлыхъ комнатъ разныхъ: Hôtel Vittoria, des Princes, Stadt Berlin и т. п., а сближаться съ иностранцами можно только на почвѣ общихъ интересовъ, сочувствій, общаго знанья. Конечно, это не легко; иностранцы (на этотъ счетъ нечего себя обманывать) смотрятъ на насъ съ тайной недовѣрчивостью, почти съ недоброжелательствомъ, а мы, какъ Пушкинъ сказалъ, «лѣнивы и нелюбопытны»; но вѣдь и путешествіе, если кто хочетъ извлечь изъ него пользу, точно такой же трудъ, какъ и все въ жизни.

Мнѣ остается сказать, почему въ Парижѣ не скучаютъ Русскіе, и какое собственно значеніе этого города для нашихъ туристовъ; но объ этомъ я потолкую съ вами въ слѣдующемъ письмѣ.

Римъ, 19/31 декабря 1857.

И. Тургеневъ.

БЛАЖНАЯ.

(Разказъ Павла Гейзе.)

—

Солнце еще не всходило. Надъ Везувіемъ лежала широкая сѣрая гряда тумана, которая тянулась къ Неаполю и застилала маленькіе городки тамошняго побережья. Море было тихо. Но на пристани у маленькаго залива, подъ высокими утесами Сорентинскаго берега, гомозились уже рыбаки и рыбачки, причаливая на большихъ канатахъ ладьи съ неводами, выдвинутыя на ночь въ море для рыбной ловли. Другіе снаряжали свои суда, готовили паруса и таскали весла и реи изъ большихъ обрѣшеченныхъ подваловъ, устроенныхъ въ глубинѣ скалы для храненія на ночь судовыхъ принадлежностей. Никто не оставался празденъ; даже старики, уже не пускавщіеся въ море, становились въ ряды тѣхъ, кто тянулъ неводы. Тамъ и сямъ стояла на плоской кровлѣ какая-нибудь бабушка съ своей прялкой; другая суетилась около внучекъ, заступая мѣсто дочери, пока та помогала мужу.

— Видишь, Ракела? вонъ нашъ «падре курато» (батюшка-священникъ), говорила одна старушка маленькой десятилѣтней дѣвочкѣ, которая стояла съ прялкой возлѣ нея. — Вонъ онъ садится въ лодку-то. Вишь Антонино везетъ его на Капри. Пресвятая Дѣва! да какой онъ, прости Господи, еще заспанный!— И при этомъ издали поздоровалась она рукой съ маленькимъ дружелюбно смотрѣвшимъ патеромъ, который только что усаживался въ ладью, тщательно приподымая свою черную рясу и расправляя ее вдоль сидѣнья. Всѣ бывшіе на берегу пріостановились въ работѣ, чтобъ проводить глазами своего «батюшку», а тотъ дружески кивалъ и кланялся направо и налѣво.

— Да зачѣмъ же ему въ Капри, бабушка? спросило дитя. — Развѣ у нихъ тамъ нѣтъ священника, что имъ понадобился здѣшній?

— Дурочка ты, сказала старуха: — и священниковъ тамъ вдоволь, и церкви, какихъ лучше быть нельзя, и даже есть то, чего у насъ нѣтъ — пустынникъ. Тамъ, видишь ты, есть одна знатная синьіора; она долго жила здѣсь въ Сорренто и ужь больно не домогала, такъ что нашъ батюшка не разъ ходилъ къ ней съ Дарами, когда думали, что ей не пережить и дня. Вотъ Пресвятая Дѣва и помогла ей, синьіора совсѣмъ поправилась и стала каждый день купаться въ морѣ. Какъ собралась она отсюда въ Капри, такъ подарила въ церковь и на бѣдныхъ порядочную кучку дукатовъ, да, видишь, и съ батюшки взяла слово, чтобъ онъ ее тамъ навѣщалъ: исповѣдаться у него хочетъ. Ужь какъ она уважаетъ его, такъ на диво. Да и намъ перекреститься можно, что онъ у насъ священникомъ: надѣленъ свыше отъ Господа, что̀ твой архіепископъ, ну и большіе господа такъ за нимъ и присылаютъ. Храни его Матерь Божія! — И при этомъ она еще разъ кивнула къ той сторонѣ, гдѣ лодка уже совсѣмъ готова была отчалить.

— А хороша у насъ будетъ погода, другъ? спросилъ приземистый патеръ, заботливо посматривая къ Неаполю.

— Солнце еще не глянуло, отвѣчалъ молодой парень. — Великъ ли это туманъ; съ нимъ оно управится.

— Такъ ступай же, чтобъ намъ до жару быть на мѣстѣ.

Антонино только было ухватился за длинное весло, чтобъ отпихнуться отъ берега, какъ вдругъ остановился и поглядѣлъ вверхъ по крутой дорогѣ, ведущей отъ городка Сорренто къ пристани.

Тамъ виднѣлась стройная дѣвичья фигура, поспѣшно спускавшаяся по камнямъ и махавшая платкомъ. Она несла подъ мышкой узелокъ, и одѣта была довольно бѣдно; но у ней была почти величавая, хоть и немножко рѣзкая манера закидывать назадъ голову, а обвивавшая эту голову черная коса возвышалась надъ самымъ лбомъ какъ діадема.

— Чего жь мы еще ждемъ? спросилъ патеръ.

— Тамъ вонъ кто-то идетъ къ пристани, вѣрно тоже хочетъ

на Капри. Позвольте, батюшка; отъ этого задержки не будетъ — молоденькая всего лѣтъ осьмнадцать, и того нѣтъ.

Въ это самое время дѣвушка показалась изъ-за ограды, которою окаймлена извилистая дорога. — Лаурелла! сказалъ патеръ: — что у ней за дѣла тамъ на островѣ?

Антонино пожалъ плечами. Дѣвушка шла быстрымъ шагомъ, не оглядываясь по сторонамъ.

— Здравствуй, здравствуй, *блажная*! закричало нѣсколько молодыхъ лодочниковъ. Они бы вѣрно на этомъ не остановились, еслибъ не сдерживало ихъ присутствіе священника: безмолвная строптивость, съ какою дѣвушка приняла ихъ поклонъ, кажется раздражила своевольныхъ парней.

— Здравствуй, Лаурелла, заговорилъ тогда и священникъ: — какъ поживаешь? Съ нами на Капри, что ли?

— Если позволите, батюшка.

— Спросись у Антонино, онъ хозяинъ ладьѣ. Каждый властенъ въ своей собственности, а Богъ надъ всѣми нами.

— Вотъ полкарлина, сказала Лаурелла, не глядя на молодаго лодочника: — если за это можно...

— Тебѣ онъ лучше пригодится, нежели мнѣ, пробормоталъ парень и отодвинулъ нѣсколько корзинъ съ апельсинами, чтобъ опростать для нея мѣсто. Онъ везъ апельсины на продажу въ Капри, потому что скалистый островъ не родитъ ихъ достаточно для множества посѣтителей.

— Я не хочу ѣхать даромъ, возразила дѣвушка, и черныя ея брови какъ-то подернуло при этихъ словахъ.

— Ну поѣдемъ, дитя, сказалъ священникъ. — Онъ славный малой и не хочетъ богатѣть насчетъ такой бѣдняжки, какъ ты. Ступай же — тутъ онъ подалъ ей руку — и садись со мной рядомъ. Вонъ онъ подостлалъ для тебя свою куртку, чтобы мягче было сидѣть. Небось, меня такъ не балуетъ. Ну, да молодежь всегда такъ. Объ какой-нибудь дѣвочкѣ гораздо больше заботы, чѣмъ о десяткѣ такихъ почтенныхъ господъ, какъ я. Да ужь ты пожалуста не извиняйся, Тонино. Ровня къ ровнѣ и льнетъ, на то воля Божія.

Лаурелла вошла между тѣмъ въ ладью и усѣлась, отсунувъ напередъ куртку въ сторону, не говоря ни слова. Лодочникъ не подобралъ куртки, только проворчалъ что-то про себя. По-

томъ онъ сильно оттолкнулся отъ береговой плотины, и маленькая лодка ринулась въ заливъ стрѣлой.

— Что у тебя тамъ въ узелкѣ? спросилъ священникъ, когда они заскользили по морю, только что озолоченному первыми лучами солнца.

— Шелкъ, пряжа, да хлѣбъ, батюшка. Шелкъ я продамъ одной женщинѣ въ Капри, она ленточница, а пряжу — другой.

— Сама напряла?

— Да, батюшка.

— Помнится, ты выучилась и ленты ткать.

— Какъ же-съ. Да вотъ матушкѣ-то стало хуже; со двора ходить нельзя, а ткацкій станокъ купить не на что.

— Опять хуже! Ай, ай! А вѣдь какъ я былъ у васъ о Святой, она ужь тогда сидѣла.

— Весна для нея хуже всего. Съ тѣхъ поръ, какъ были эти страшныя бури да землетрясеніе, она не вставала съ постели.

— Молись, душа моя, усердно молись, да явитъ Святая Дѣва свое предстательство. Да будь честна и прилежна, чтобъ молитва твоя услышалась.

Послѣ нѣкотораго молчанія: — Когда ты давича спускалась къ берегу, тебѣ кричали: здравствуй, блажная! Отчего они тебя такъ зовутъ? Это для христіанки не хорошее прозвище: христіанкѣ надо быть кроткой и смиренной.

Смуглое лицо дѣвушки все вспыхнуло; глаза ея засверкали.

— Они смѣются надо мной потому, что я не пляшу, не пою, не болтаю много, какъ другія. Оставили бы меня въ покоѣ; вѣдь я имъ ничего не дѣлаю.

— Однакожь, отчего тебѣ не быть радушной и доброй ко всѣмъ. Пусть себѣ пляшутъ и поютъ другія, кому легче живется. Но сказать человѣку доброе слово должно и въ сокрушеніи.

Она потупилась и нахмурила густыя брови, словно хотѣла схоронить подъ ними свои черные глаза. Молча плыли они нѣсколько времени. Солнце великолѣпно встало надъ горами, вершина Везувія выникала изъ облачной гряды, еще облегавшей его подошву, и домики на соррентинской равнинѣ ярко бѣлѣлись изъ-за зелени оранжевыхъ садовъ.

— А тотъ живописецъ-то, ну Неаполитанецъ, что за тебя

сватался, — ничего не слыхать объ немъ, Лаурелла? спросилъ патеръ.

Она помотала головой.

— Вѣдь онъ хотѣлъ тогда списать съ тебя портретъ. Зачѣмъ ты ему отказала?

— А на что̀ ему? Есть другія и получше меня. Да и кто знаетъ, что̀ сталъ бы онъ съ нимъ дѣлать. Пожалуй еще околдуетъ, или испортитъ, или изведетъ совсѣмъ, говорила мать.

— Не вѣрь такимъ грѣховнымъ рѣчамъ, заговорилъ патеръ уже серьёзно. — Не всегда ли ты въ рукѣ Божіей, безъ Его же воли ни единый волосъ не падетъ съ головы? Чтожь сдѣлаетъ тутъ человѣкъ твоимъ портретомъ?.. Да ты же могла видѣть, что онъ желаетъ тебѣ добра. Иначе, захотѣлъ ли бы онъ на тебѣ жениться?

Она молчала.

— И зачѣмъ ты отказала ему? Онъ, говорятъ, славный человѣкъ и съ хорошимъ достаткомъ; онъ могъ бы содержать тебя и мать гораздо лучше, нежели вы живете теперь твоей пряжей и размоткой шелковъ.

— Мы бѣдные люди, сказала она съ горячностью:—и матушка ужь такъ давно больна. Мы были бы ему въ тягость. Да я и не гожусь для синьіора, для барича. Придутъ къ нему знакомые, онъ будетъ меня стыдиться.

— Вотъ пустяки! Вѣдь говорятъ тебѣ, что онъ славный малой. Притомъ, онъ хотѣлъ переселиться въ Сорренто. Не скоро сыщется другой такой человѣкъ. Онъ какъ-будто былъ посланъ самимъ Небомъ, чтобъ пособить вамъ.

— Я не хочу идти замужъ, никогда! сказала она рѣшительно и какъ бы про себя.

— Чтожь, ты дала обѣщаніе, или собираешься въ монастырь?

Она помотала головой.

— Подѣломъ же тебя укоряютъ въ блажи, хоть прозвище-то и нехорошо. Подумай, ты вѣдь не одна на свѣтѣ; своимъ упрямствомъ ты вредишь больной матери, ты отравляешь ей и послѣдній остатокъ жизни. Какія у тебя важныя причины отвергать честную руку, которой хочется поддержать тебя и мать? Скажи-ко мнѣ, Лаурелла!

— Причина-то у меня есть, отвѣчала она тихо и медлительно: — да сказать нельзя.

— Сказать нельзя? Даже и мнѣ? Даже и отцу духовному? Вѣдь вѣришь же ты, что я худа тебѣ не желаю? Или не вѣришь?

Она утвердительно кивнула головой.

— Такъ облегчи свою душу, мой другъ. Если ты права, я первый похвалю тебя. Но ты еще молода, мало свѣтъ знаешь, и пожалуй послѣ будешь каяться, когда изъ-за пустыхъ ребяческихъ затѣй потеряешь свое счастье.

Она бросила бѣглый, робкій взглядъ на молодаго парня, который, усердно гребя веслами, сидѣлъ на заднемъ концѣ лодки и надвинулъ шерстяную шапку на самый лобъ. Онъ пристально глядѣлъ въ сторону на струи моря и казался погруженъ въ свои собственныя размышленія. Священникъ замѣтилъ ея взглядъ и наклонился ухомъ къ ней ближе.

— Вы не знали моего отца, сказала она шепотомъ, и взоръ ея потемнѣлъ какъ ночь.

— Отца? Да, кажется, Царство ему Небесное! вѣдь онъ умеръ, когда тебѣ было всего лѣтъ десять. Чтожь общаго между твоей блажью и имъ?

— Вы не знавали его, батюшка, такъ не знаете и того, что онъ причиной матушкиной болѣзни.

— Какъ такъ?

— Что̀ онъ съ ней дѣлалъ! какъ онъ ее билъ, топталъ ногами! Я помню еще ночи, когда онъ бывало придетъ домой, лютый, прелютый. Она ему никогда ни полслова, и дѣлаетъ все по его. А онъ-то бьетъ ее, такъ что сердце у меня разрывалось на это глядя. Накроюсь бывало одѣяломъ съ головой, да и притворюсь, что заснула, а сама плачу, плачу цѣлую ночь... И бывало, какъ увидитъ онъ ее на полу чуть живую, вдругъ перемѣнится, подниметъ и начнетъ такъ крѣпко цѣловать, что она кричитъ: Ой, задушишь! Мать заказала мнѣ никогда объ этомъ не говорить; но столько, бѣдная, вытерпѣла, что много лѣтъ прошло послѣ его смерти, а она все никакъ не можетъ поправиться. И если, храни Богъ, она рано умретъ, ужь я знаю, кто уходилъ ее!

Приземистый патеръ покачалъ головой и казался въ нерѣшимости, на сколько оправдать свою духовную дочь. Наконецъ

онъ сказалъ ей: — Прости ему, какъ простила твоя мать. Не останавливай мыслей на этихъ печальныхъ воспоминаніяхъ. Для тебя придетъ лучшая пора, и тогда ты все забудешь.

— *Никогда* этого не забуду, сказала она съ содроганьемъ. — И знайте, батюшка, для того я и хочу остаться незамужней, чтобъ никто не могъ бить меня и потомъ ласкать. Если теперь кто вздумаетъ меня поцѣловать или ударить, я сумѣю постоять за себя. Но мать не смѣла ужь обороняться, ни отъ поцѣлуевъ, ни отъ побой, потому что больно его любила. А я никого не хочу любить дотого, чтобъ изъ-за него захирѣть и, пожалуй, совсѣмъ известися.

— Ну не дитя ли ты и не говоришь ли, какъ дѣвочка, безъ всякаго понятія о томъ, что̀ бываетъ на свѣтѣ? Развѣ всѣ мущины такіе, какъ твой отецъ? Развѣ всѣ уступаютъ каждой прихоти, каждой страсти и дурно обходятся съ женами? Не видала ты вдоволь честныхъ людей въ цѣломъ околодкѣ, и женъ, которыя живутъ съ мужьями въ мирѣ и согласіи?

— Вѣдь и про моего отца никто не зналъ, каковъ онъ былъ съ матерью: она лучше согласилась бы принять тысячу смертей, чѣмъ кому-нибудь сказать объ этомъ или пожаловаться. А все оттого, что любила его. Если ужь всегда такъ съ любовью, что она смыкаетъ человѣку уста, когда надо бы крикомъ кричать о помощи, и оставляетъ безъ защиты противъ того, чего не пожелалъ бы и врагу, такъ не хочу я приковывать сердца ни къ одному мущинѣ.

— Говорятъ тебѣ, что ты дитя и сама не знаешь, что̀ болтаешь. Да! спросится у тебя сердце, угодно тебѣ любить, или нѣтъ, когда приспѣетъ ему время: тутъ ужь ничего не поможетъ, что̀ ни забивай себѣ въ голову. — Потомъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: — А про живописца ты тоже думала, что онъ будетъ крутъ съ тобою?

— Да онъ бывало смотритъ точно мой отецъ, когда тотъ просилъ у матери прощенья и бралъ ее на руки, чтобъ умаслить и задобрить. О, я знаю *этотъ* взглядъ. Такъ умѣютъ глядѣть и тѣ, у кого достанетъ духу избить жену ни за̀ что, ни про̀ что. Меня ужасъ взялъ, когда я опять увидѣла этотъ самый взглядъ.

За тѣмъ она упорно молчала. Молчалъ и священникъ. Ему пришло на память много прекрасныхъ нравоученій, подходя-

щихъ къ случаю; но присутствіе молодаго лодочника, который къ концу исповѣди сталъ замѣтно безпокоенъ, невольно заграждало патеру уста.

Когда, послѣ двухчасоваго плаванья, они достигли маленькой пристани на островѣ Капри, Антонино поднялъ священника изъ ладьи, перенесъ его по мелководью и почтительно поставилъ на берегъ. Но Лаурелла не хотѣла дождаться пока онъ воротится за ней; она подобрала юбочку, взяла деревянныя туфли въ правую руку, узелокъ въ лѣвую и, поплескивая ногами, быстро перешла по водѣ.

— Я нынче долго пробуду на Капри, сказалъ патеръ:—тебѣ нечего меня ждать. Можетъ статься, я даже ворочусь только завтра утромъ. А ты, Лаурелла, когда придешь домой, поклонись отъ меня матери. Я навѣщу васъ на этой же недѣлѣ. Ты вѣдь къ вечеру и назадъ?

— Да, если будетъ случай, отвѣчала дѣвушка и принялась оправлять свое платье.

— Ты знаешь, что мнѣ надо домой, сказалъ Антонино, и, какъ онъ думалъ, очень равнодушнымъ голосомъ. — Я жду тебя до вечеренъ. А если не придешь и къ этому времени, мнѣ все равно.

— Приходи же, Лаурелла, замѣтилъ патеръ: — тебѣ нельзя оставить мать на ночь одну. Да куда ты, далеко ли?

— На Анакапри [1]).

— А мнѣ надо къ Капри. Храни тебя Богъ, другъ мой, и тебя, Антонино!

Лаурелла поцѣловала у него руку и на прощанье поклонилась такъ, что патеръ и Антонино могли бы подѣлиться ея поклономъ. Но молодой лодочникъ не взялъ ничего на свою часть. Онъ снялъ шапку передъ священникомъ, а на Лауреллу не бросилъ и взгляда. Когда же они повернулись къ нему спиной, глаза его очень недолго слѣдили за патеромъ, съ трудомъ пробиравшимся по толстому слою намывнаго хрящу, и тотчасъ перешли на дѣвушку, которая подымалась въ гору направо, прикрывая рукой глаза отъ ослѣпительнаго блеска солнца. Наверху, прежде чѣмъ дорога исчезла за стѣнами постро-

---

[1]) Одинъ изъ двухъ городковъ острова Капри; другой носитъ одно имя съ самимъ островомъ.

екъ, Лаурелла остановилась на минуту, какъ-будто для того чтобъ перевести духъ, и окинула глазомъ окрестность. Пристань лежала у ея ногъ, кругомъ громоздились каменные утесы, море синѣло въ дивномъ великолѣпіи — стоило остановиться и посмотрѣть на этотъ видъ. Глаза ея, пробѣгая мимо лодки Антонино, случайно встрѣтились съ его глазами, устремленными прямо на нее. Оба они сдѣлали такое движеніе, какъ-будто бы хотѣли извиниться другъ передъ другомъ въ какой-то неумышленной ошибкѣ; потомъ, немного надувши губы, дѣвушка пошла своимъ путемъ.

Было еще только часъ за полдень, а Антонино давно уже сидѣлъ на лавочкѣ у рыбацкой харчевни. Что-то запало ему въ голову, потому что, не проходило пяти минутъ, онъ вскакивалъ съ мѣста, выходилъ на солнышко и заботливо оглядывалъ дороги, которыя, одна налѣво, другая направо, ведутъ къ двумъ тамошнимъ городкамъ. Погода что-то сомнительна, говорилъ онъ потомъ хозяйкѣ харчевни. Оно ясно-то, ясно, да ему ужь знакомъ этотъ особенный цвѣтъ неба и воды. Такъ точно было и передъ послѣднею большою бурей, когда онъ едва успѣлъ доставить на берегъ одно англійское семейство. — Да вы, вѣрно, это помните, заключилъ онъ.

— Нѣтъ, не припомню, отвѣчала хозяйка.

— Ну такъ теперь попомните мои слова, еще къ вечеру перемѣнится погода.

— А много у васъ пріѣзжихъ господъ? спросила хозяйка, погодя немного.

— Теперь только начинаютъ съѣзжаться. До сихъ поръ стояла для насъ плохая пора. Долго никого не было на морскихъ купаньяхъ.

— Весна-то, видишь, запоздала. А какъ у васъ заработки? лучшего нашего, или нѣтъ?

— Да будь у меня только одинъ перевозъ, такъ не хватило бы и два раза въ недѣлю на макароны. Доставишь иногда письмецо въ Неаполь или вывезешь какого-нибудь синьіора въ море поудить, — вотъ и все тутъ. Но вѣдь вы знаете, у моего дяди большіе апельсинные сады; онъ человѣкъ съ достаткомъ. «Тонино, говоритъ онъ мнѣ, пока я живъ, ты не будешь нуждаться,

да и послѣ не останешься безъ куска хлѣба.» Ну такъ я съ Божіей помощью зиму-то и промаячилъ.

— А дѣтишки у дяди есть?

— Не! онъ и женатъ никогда не былъ; долго жилъ въ чужихъ краяхъ, тамъ и сгоношилъ себѣ добрую казну. Теперь хочетъ начать большую рыбную ловлю и меня посадить надъ ней набольшимъ.

— Такъ вотъ ужь вы и совсѣмъ человѣкъ, Антонино.

Молодой лодочникъ пожалъ плечами.

— У всякаго своя ноша, сказалъ онъ, и при этомъ опять вскочилъ съ мѣста и посмотрѣлъ направо и налѣво, какова погода, хоть ненастье наступаетъ обыкновенно съ одной только стороны.

— Вынесу я вамъ еще бутылочку. Дядя небось заплатитъ, молвила хозяйка.

— Нѣтъ, будетъ и стакана, а то винцо-то у васъ больно забористо. Голова у меня такъ и горитъ.

— Ничего, это вѣдь въ кровь не входитъ. Пейте, сколько душѣ угодно. Да вотъ и мужъ мой идетъ! Ну какъ не посидѣть и не покалякать съ нимъ за бутылкой.

Дѣйствительно, осанистый хозяинъ харчевни спустился съ прибрежной высоты, неводъ за плечами и красная шапка на курчавой головѣ. Онъ отнесъ въ городъ рыбу, по заказу извѣстной барыни, для угощенія соррентинскаго патера, нашего знакомца. Едва завидѣлъ онъ молодаго лодочника, какъ издали поздоровался съ нимъ отъ всей души, а потомъ присѣлъ къ нему на лавку, и начались распросы и росказни. Въ то самое время, какъ хозяйка принесла еще бутылку настоящаго чистаго Капри, крупный береговой песокъ захрустѣлъ съ лѣвой стороны, и Лаурелла подошла по дорогѣ изъ Анакапри. Она слегка кивнула головой и въ нерѣшимости остановилась поодаль.

Антонино мигомъ вскочилъ на ноги. — Мнѣ надо сейчасъ идти, сказалъ онъ:—это дѣвушка изъ Сорренто; она пріѣхала нынче рано съ священникомъ нашего прихода и должна воротиться на ночь къ больной матери.

— Ну, полно, до ночи еще долго, возразилъ рыбакъ:—и *она* успѣетъ выпить стаканчикъ. Давай-ко еще стаканъ, жена!

— Благодарю покорно, я не пью, сказала Лаурелла и не подходила ближе.

— Наливай, жена, наливай! Надо ее поневолить.

— Оставьте ее, замѣтилъ лодочникъ:—она упрямa; чего разъ не захочетъ, не переломить ее никому.

Тутъ онъ поспѣшно распрощался съ ними, побѣжалъ къ своей лодкѣ, отвязалъ канатъ и сталъ въ готовности, ожидая Лауреллы. Она еще разъ поклонилась хозяевамъ и какъ-то нерѣшительно пошла къ ладьѣ. Сначала она оглянулась во всѣ стороны, словно поджидая, не найдется ли еще попутчикъ. Но пристань была совсѣмъ безлюдна; рыбаки или спали крѣпкимъ сномъ, или ходили въ морѣ съ удами и неводами; лишь нѣсколько женщинъ и дѣтей сидѣло передъ дверями: кто спалъ, кто былъ занятъ пряжей, а пріѣзжіе, наѣхавшіе съ утра, выжидали прохлады вечера, чтобы пуститься обратно. Да Лаурелла и не могла долго осматриваться; прежде чѣмъ она успѣла замѣтить это, Антонино подхватилъ ее на руки и перенесъ, какъ дитя, въ ладью. Потомъ онъ самъ спрыгнулъ за нею, — нѣсколько ударовъ веслами, и они очутились въ открытомъ морѣ.

Она сѣла въ передней части лодки и полуобернулась къ нему спиной, такъ что онъ могъ видѣть ее только съ боку. Черты ея были теперь еще серьёзнѣе обыкновеннаго. Волоса совсѣмъ спустились на маленькій лобъ, около тонкихъ ноздрей вилась змѣйкой черта упрямства, полныя губы были крѣпко сомкнуты. Нѣсколько времени скользили они по морю не говоря ни слова; солнечный зной заставилъ ее вынуть изъ узелка хлѣбъ, чтобъ накрыться платкомъ, въ который онъ былъ завернутъ. Потомъ принялась она за хлѣбъ, въ видѣ обѣда, потому что на островѣ не проглотила ни куска.

Антонино не долго смотрѣлъ на это. Онъ досталъ два апельсина, уцѣлѣвшіе въ одной изъ опорожненныхъ корзинъ и сказалъ, подавая ихъ дѣвушкѣ: — Вотъ тебѣ, Лаурелла, прикуска къ твоему хлѣбу. Не подумай, чтобъ я приберегъ ихъ для тебя. Они выпали изъ корзины, и я нашелъ ихъ уже послѣ на днѣ лодки.

— Нѣтъ, ѣшь ихъ самъ. Съ меня и хлѣба довольно.

— А въ жаръ вѣдь хорошо; ты же далеко бѣгала.

— Мнѣ подали тамъ стаканъ воды, я и освѣжилась.

— Ну, какъ хочешь, отвѣчалъ онъ, и опустилъ апельсины въ корзинку.

Опять молчаніе. Море было гладко, какъ зеркало, и едва струилось около киля. Даже бѣлыя морскія птицы, что̀ гнѣздятся въ береговыхъ пещерахъ, и тѣ безмолвно опускались на добычу.

— Ну, отдала бы апельсины-то матери, началъ опять Антонино.

— У насъ еще есть они дома, а какъ всѣ выдутъ, я пойду, куплю.

— Снеси ей, да и съ моимъ поклономъ.

— Вѣдь она тебя не знаетъ.

— Ну ты бы ей сказала, кто я.

— Да и я не знаю тебя.

Уже не въ первый разъ она такимъ образомъ отрекалась отъ Антонино. Однажды, когда пріѣзжій изъ Неаполя живописецъ повздорилъ съ молодымъ лодочникомъ за то, что этотъ, играя въ шары, зашибъ ему по неосторожности ногу, Лаурелла, на распросы объ немъ пріѣзжаго, отвѣчала, что и знать его не знаетъ. А между тѣмъ, и прежде и потомъ, при встрѣчѣ съ Антонино, она всегда его узнавала.

И вотъ сидятъ они въ лодкѣ, какъ злѣйшіе враги, и у обоихъ смертельно бьется сердце. Всегда добродушное лицо Антонино раскраснѣлось какъ ракъ; онъ билъ по водѣ веслами, такъ что его обдавало пѣной, и губы у него по временамъ дрожали и шевелились, какъ-будто бормоча недобрыя слова. Она дѣлала, что ничего этого не замѣчаетъ, принимала самый беззаботный видъ, нагибалась черезъ край лодки и пропускала воду сквозь пальчики. Потомъ снимала съ головы платокъ и поправляла косу, какъ-будто бы сидитъ въ ладьѣ совершенно одна. Только брови у ней подергивало, и напрасно, чтобъ освѣжиться, прикладывала она мокрыя руки къ разгорѣвшимся щекамъ.

Они были теперь среди моря, и ни одного паруса не было видно ни въ близи, ни въ дали. Островъ исчезъ за ними, а противоположный берегъ еще тонулъ въ золотомъ туманѣ ранняго заката. Ни одна чайка не нарушала полетомъ глубокаго одиночества. Въ Антонино какъ-будто пробудилась какая-то

мысль. Румянецъ внезапно отлилъ отъ лица его, весла у него опустились. Лаурелла невольно посмотрѣла на него пристально, но безъ страха.

— Надо мнѣ покончить все это, сказалъ вдругъ лодочникъ:— оно ужь слишкомъ долго тянется, и я дивлюсь только одному, какъ давно не пропалъ я и не сгинулъ. Такъ ты не знаешь меня, а? Мало ты насмотрѣлась, какъ я ходилъ мимо тебя какъ помѣшанный и не зналъ, какъ вымолвить, что̀ у меня тамъ накопилось на сердцѣ? а ты только дѣлала свои злыя губы да поворачивалась ко мнѣ спиной.

— А что̀ мнѣ было говорить съ тобой? Я видѣла, тебѣ хотѣлось со мной связаться, да я-то не хотѣла ни за̀ что, ни про̀ что попасть къ добрымъ людямъ на зубокъ. Выйдти за тебя замужъ я не намѣрена, ни за тебя, да и ни за кого другаго.

— Ни за кого другаго? Ты не всегда такъ будешь говорить. Чтожь, что ты спровадила живописца? Это ничего не значитъ! Ты была еще дитя. Небось, придетъ время, соскучишься, и тогда, съ своимъ бѣшенымъ нравомъ, возьмешь перваго, кто попадется.

— Никто не знаетъ, что̀ будетъ впереди. Можетъ-статься, я и перемѣню мысли. Тебѣ что до этого за дѣло?

— Что *мнѣ* за дѣло? вскрикнулъ онъ и вскочилъ съ своего сидѣнья, такъ что лодка покачнулась на бокъ: — Что *мнѣ* за дѣло? И ты еще можешь спрашивать, когда знаешь, что̀ у меня на душѣ? Да пропади онъ совсѣмъ, тотъ, кого ты лучше полюбишь!

— Развѣ я когда обѣщалась за тебя выйдти? Виновата ли я, что у тебя такая безумная голова? Какое ты на меня имѣешь право?

— О, конечно, возразилъ онъ,—это нигдѣ не записано и не явлено, никакой адвокатъ не маралъ тутъ по-латыни и не прикладывалъ печать; но я знаю одно, я имѣю на тебя такое же право, какъ попасть въ рай небесный, если я былъ добрый человѣкъ. И ты думаешь, я дамъ тебѣ пойдти въ церковь съ кѣмъ-нибудь другимъ, а дѣвушки, проходя мимо меня, станутъ пожимать плечами? Я доживу до этого посрамленія?

— Дѣлай, что хочешь. Тебѣ меня не испугать, какъ ни стращай. Я тоже сдѣлаю по своему.

— Не долго ты такъ поговоришь, сказалъ онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ. — На столько хватитъ у меня силъ, чтобъ не дать такой озорницѣ, какъ ты, перегадить мнѣ жизнь хуже худшаго. Знаешь ли, что ты здѣсь у меня въ рукахъ и должна дѣлать что̀ *я* хочу.

Она немножко оторопѣла и бросила на него огненный взглядъ.

— Убей меня, коли смѣешь, сказала она медленно.

— Ничего не надо дѣлать вполовину, отвѣчалъ онъ, и голосъ его звучалъ тише прежняго:—въ морѣ есть мѣсто для насъ обоихъ. Пособить тебѣ, душа, я не могу — онъ произнесъ это почти жалобно, какъ-будто въ просонкахъ — но намъ надо туда, обоимъ, разомъ, и теперь же! закончилъ онъ оглушительнымъ голосомъ и вдругъ схватилъ ее обѣими руками. Но въ тотъ же мигъ отнялъ правую; кровь брызнула ключомъ — Лаурелла страшно его укусила.

— Такъ сдѣлать, чего ты хочешь? вскричала она, быстро оттолкнувъ его отъ себя: — посмотримъ, въ твоей ли я власти! — Она кинулась въ море и на минуту исчезла въ глубинѣ.

Немедленно всплыла она наверхъ; юпка плотно облегала ея члены, волоса распустились отъ воды и тяжело висѣли по шеѣ черными насмами; она усильно гребла руками и, безмолвна, плыла отъ ладьи въ направленіи къ берегу. Страшный испугъ повидимому отнялъ у Антонино всякую память. Онъ стоялъ въ лодкѣ, наклонясь, и глядѣлъ во всѣ глаза на Лауреллу, какъ-будто бы передъ нимъ совершалось чудо. Вдругъ онъ опомнился, бросился къ весламъ и погнался за ней что было силъ; кровь ручьемъ текла на дно лодки. Онъ мигомъ настигъ плывущую.

Ради Пресвятой Дѣвы, кричалъ онъ, — войди опять въ ладью! Я съ ума сошелъ; Богъ знаетъ, что̀ меня такъ отуманило. Словно молнія ударила мнѣ въ голову, я самъ не помнилъ, что дѣлаю и говорю. Не прощай меня, Лаурелла, только спаси жизнь свою и войди въ лодку.

Она плыла по прежнему, какъ-будто ничего не слыхала.

— Тебѣ не доплыть, вѣдь еще двѣ мили до берега. Вспомни свою мать. Случись съ тобой бѣда, она навѣрно умретъ съ горя.

Лаурелла смѣрила взглядомъ разстояніе до берега. Потомъ, не отвѣтивъ ни слова, подплыла къ ладьѣ и схватилась за край

руками. Онъ встаялъ, чтобы помочь ей; его куртка, лежавшая на скамьѣ, соскользнула въ море, когда ладья накренилась на одну сторону подъ тяжестью Лаурелды. Ловко прыгнула она въ челнокъ и пробралась на прежнее свое мѣсто. Антонино, лишь только увидѣлъ ее безопасною, принялся опять за весла. А она подбирала между тѣмъ свое мокрое платье и выжимала волоса. Тутъ только кинулась ей въ глаза кровь на днѣ лодки. Быстро взглянула она на руку, двигавшую весломъ, какъ-будто не было на ней раны. — На! сказала она и подала ему платокъ. Онъ покачалъ головой и не покидалъ гребли. Наконецъ она встала, подошла къ нему и крѣпко перевязала глубокую рану. Потомъ, сколько онъ ни отнѣкивался, она взяла у него окровавленное весло, сѣла насупротивъ, не глядя на своего товарища, и усиленно погнала лодку. Оба они были блѣдны и безмолвны. Когда они стали подходить къ берегу, имъ попались на встрѣчу рыбаки, выѣхавшіе бросить сѣти на ночь. Они окликали Антонино и поддразнивали Лаурелду. Ни онъ, ни она не отвѣчали ни словомъ, ни взглядомъ.

Солнце стояло еще довольно высоко надъ Прочидой [1]), когда они вошли въ пристань. Лаурелла встряхнула свое платье, которое почти обсохло во время пути, и спрыгнула на берегъ. Старая пряха, еще утромъ смотрѣвшая на ихъ отъѣздъ, опять стояла на кровлѣ. — Что̀ это у тебя съ рукой, Тонино? закричала она внизъ. — Сыне Божій, да и вся лодка въ крови!

— Ничего, кумушка, отвѣчалъ парень: — оцарапался объ гвоздь. Завтра и слѣда не будетъ.

— Дай, я приложу травки, куманекъ. Погоди, зайду къ тебѣ непремѣнно.

— Не трудись, кумушка. Все сдѣлано, что̀ нужно; къ завтрему все заживетъ.

— Прощай! сказала Лаурелла и повернула по дорожкѣ въ гору.

— Прощай! кликнулъ ей вслѣдъ Антонино, не глядя на нее. Потомъ онъ вынесъ изъ лодки корзины и всѣ принадлежности и поднялся по маленькой каменной лѣсенкѣ къ себѣ въ избу.

---

[1]) Островъ, по другую сторону Неаполитанскаго залива.

Никого, кромѣ его, не было въ двухъ горенкахъ, по которымъ онъ расхаживалъ взадъ и впередъ. Въ полыя окошечки, закрываемыя только деревянными ставнями, тянуло посвѣжѣй чѣмъ на спокойномъ пространствѣ моря, и хорошо ему было въ одиночествѣ. Долго стоялъ онъ противъ образка Богоматери и благоговѣйно смотрѣлъ на сіяніе, наклеенное изъ серебряной бумаги. Однакожь молиться не пришло ему на мысль. Да и о чемъ молиться, когда онъ ни на что больше не надѣялся.

День какъ-будто остановился на мѣстѣ. А ему желалось темноты: онъ очень усталъ, и потеря крови ослабила его болѣе нежели самъ онъ думалъ. Чувствуя въ рукѣ сильную боль, онъ сѣлъ на скамью и снялъ перевязку. Задержанная кровь брызнула опять, и рука около раны сильно опухла. Онъ тщательно обмылъ ее и долго освѣжалъ. Осматривая ее снова, онъ явственно различилъ слѣды Лауреллиныхъ зубовъ. — Она права, сказалъ онъ: я былъ настоящимъ скотомъ, и ничего лучше не заслуживаю. Завтра же отошлю ей платокъ съ Джузеппе. Меня она больше никогда не увидитъ.

Тутъ онъ тщательно вымылъ платокъ и развѣсилъ его на солнцѣ, перевязавъ себѣ напередъ рану лѣвою рукой и зубами, какъ сумѣлъ. Тогда бросился онъ на постель и забылся.

Свѣтлый мѣсяцъ пробудилъ его отъ полусна, да и боль въ рукѣ не давала покоя. Онъ только-что всталъ опять на ноги, чтобъ поугомонить водою жаръ сильно напирающей крови, какъ услышалъ шорохъ у своихъ дверей. — Кто тамъ? спросилъ онъ и отворилъ. Передъ нимъ стояла Лаурелла.

Она вошла прямо, безъ дальнихъ распросовъ. Сбросила платокъ, которымъ была обвернута ея голова, и поставила на столъ корзиночку. Затѣмъ она глубоко перевела духъ.

— Ты за платкомъ пришла, сказалъ онъ. — Могла бы и не трудиться: завтра ранешенько я попросилъ бы Джузеппе отнести его тебѣ.

— Совсѣмъ не за платкомъ, поспѣшила она отвѣтомъ. — Я ходила на гору собирать травы, чѣмъ унимаютъ кровь. Вотъ онѣ! — И она сняла крышку съ корзиночки.

— Напрасно безпокоилась, сказалъ онъ впрочемъ безъ всякой горечи: — напрасно безпокоилась. Теперь мнѣ гораздо лучше; да еслибъ стало и хуже, такъ подѣломъ. И зачѣмъ ты здѣсь въ

такую пору? Ну если кто застанетъ тебя! Вѣдь знаешь, какъ тамъ болтаютъ, хоть сами не знаютъ что̀ говорятъ.

— А что мнѣ до кого! сказала она запальчиво. — Руку-то ты покажи и дай наложить тра̀вы: вѣдь лѣвою тебѣ не совладать.

— Говорятъ тебѣ, не нужно.

— Такъ покажи, — я и повѣрю.

Она безъ дальнихъ спросовъ овладѣла ослабѣвшею рукой и сняла перевязку. Увидѣвъ сильную опухоль: — Матерь Божія! вскричала она, ужаснувшись.

— Маленько вздулась, сказалъ онъ: — это пройдетъ въ одни сутки.

Она покачала головой. — Пожалуй, тебѣ цѣлую недѣлю нельзя будетъ въ море.

— А я такъ думаю, до послѣ завтра. Да и чтожь тутъ за бѣда.

Между тѣмъ Лаурелла отыскала тазикъ и снова промыла рану, чему онъ поддался какъ дитя. Потомъ наложила она цѣлебныхъ травъ и перевязала руку холстинными бинтами, которые также принесла съ собой изъ дому.

Когда все было кончено, онъ сказалъ: — Спасибо. Да слушай, хочешь ты сдѣлать мнѣ еще одно одолженіе? Такъ прости, что такое безумство зашло мнѣ нынче въ голову, забудь все, что̀ я наговорилъ и надѣлалъ. Самъ не знаю, откуда все это взялось. Ты меня никогда ни на что не наводила, вотъ ужь правда, что никогда. И во̀ вѣки вѣковъ ты не услышишь отъ меня ничего себѣ въ обиду.

— *Мнѣ* надо просить у тебя прощенья, перебила она: — мнѣ слѣдовало уговаривать тебя совсѣмъ не такъ; я только бѣсила тебя, упрямо отмалчиваясь. А тутъ вотъ еще и рана....

— Да нельзя же иначе, пора было меня образумить. И притомъ это сущій вздоръ. Нѣтъ, ужь ты не говори о прощеньи. Ты добро мнѣ сдѣлала, и я тебѣ благодаренъ. Ну, ступай теперь спать.... да вотъ и платокъ твой, захвати его кстати.

Онъ подалъ ей платокъ, но она все еще стояла и какъ-будто боролась сама съ собой. Наконецъ она сказала: — Вотъ ты изъ-за меня и куртку упустилъ въ море, а я знаю, что въ ней были деньги, которыя ты выручилъ за апельсины. Все это вспо-

миналось мнѣ дорогою. Заплатить тебѣ я не могу: у насъ нѣтъ столько; да еслибъ и было, такъ все не мое, а материно. Но вотъ тебѣ серебряный крестъ, который положилъ мнѣ на столъ тотъ живописецъ, когда пришелъ проститься съ нами. Я съ тѣхъ поръ и не взглянула на него, и зачѣмъ ему даромъ лежать у меня въ ящикѣ. Ты продай его — мать говорила, что онъ піастра два стòитъ, — вотъ и наверсталъ бы свой убытокъ, а чего не достанетъ, я ужь какъ-нибудь заработаю по ночамъ, когда мать спитъ.

— Ничего не возьму, сказалъ онъ обрывисто и оттолкнулъ свѣтлый крестикъ, который она вынула изъ кармана.

— Ты долженъ взять. Кто знаетъ какъ долго ты не сможешь работать изъ-за этой раны. Вотъ я положу его здѣсь, и чтобъ мнѣ никогда больше не видать его!

— Такъ брось его въ море.

— Вѣдь это не подарокъ отъ меня, ты пойми. Ты имѣешь на него все право.

— Право? Никакого права не имѣю я ни на что отъ тебя. Если ты мнѣ когда встрѣтишься, ради Бога и не смотри на меня, чтобъ не думалось, вотъ напоминаетъ мнѣ, какъ я передъ ней провинился. Такъ прощай же, прощай въ послѣдній разъ.

Онъ положилъ ей платокъ въ корзинку вмѣстѣ съ крестикомъ и накрылъ ее крышкой. Когда онъ потомъ глянулъ Лауреллѣ въ лицо, онъ испугался. Крупныя, тяжелыя капли катились у ней по щекамъ. Она не старалась удержать ихъ.

— Пресвятая Дѣва! вскрикнулъ онъ, — что съ тобой? ужь не больна ли ты? Ты вся дрожишь....

— Ничего, сказала она:—пойду домой!—и тихо побрела къ двери. Тутъ слезы одолѣли ее, она прислонилась лбомъ къ притолкѣ и громко зарыдала. Но прежде нежели онъ успѣлъ подбѣжать къ ней, чтобъ ее остановить, она вдругъ кинулась къ нему на шею.

— Не могу вынести, кричала она и прижимала его къ себѣ съ неимовѣрной силой,—не могу слышать, что ты говоришь со мной добромъ и отпускаешь меня отъ себя съ такою виной на совѣсти. Бей меня, топчи меня ногами, проклинай меня!... Или, если правда, что ты еще любишь меня послѣ всего зла, чтò я тебѣ сдѣлала, такъ возьми меня, оставь у себя и дѣлай изъ

меня что̀ хочешь. Но такъ, просто, ради Бога, не отсылай!...

Слова ея прервались новымъ горькимъ рыданіемъ.

Съ минуту продержалъ онъ ее безмолвно въ своихъ рукахъ. —Люблю ли *я* тебя? сказалъ онъ потомъ... Ахъ, Матерь Божія! да развѣ ты думаешь, этой маленькой ранкой вылилась у меня изъ сердца вся до капельки кровь. Развѣ не слышишь, какъ оно бьетъ у меня въ груди молотомъ, будто рвется къ тебѣ навстрѣчу? Если ты такъ говоришь только, чтобъ испытать меня, или изъ жалости къ моему горю, такъ ступай себѣ, я и этого тебѣ не попомню...

— Нѣтъ, сказала она рѣшительно, глядя сквозь слезы прямо ему въ лицо: — я люблю тебя, и если сказала это только теперь, такъ, право, потому, что долго боялась и переламывала сама себя. А теперь я буду совсѣмъ другая, не могу больше вытерпѣть, чтобъ не глядѣть на тебя, когда ты проходишь мимо по улицѣ. Теперь я стану тебя цѣловать, чтобъ ты ужь не сомнѣвался больше, чтобъ могъ сказать себѣ: она цѣловала меня, а Лаурелла поцѣлуетъ только того, за кого вздумаетъ выйдти замужъ.

Она поцѣловала его три раза, потомъ вырвалась у него и сказала: — Прощай, мой миленькій! Ложись спать и лѣчи руку, а меня прошу не провожать: вѣдь, кромѣ тебя, я не боюсь никого на свѣтѣ.

Она проскользнула въ дверь и мигомъ исчезла въ тѣни строеній. Антонино долго глядѣлъ еще въ окно на̀ море, надъ которымъ какъ-будто колыхались звѣзды.

Вскорѣ послѣ этого, приземистый патеръ съ улыбкой вышелъ однажды изъ исповѣдальни, гдѣ Лаурелла долго простояла на колѣняхъ. « Кто бы подумалъ, говорилъ онъ про себя, что Богъ такъ скоро умилостивится надъ этимъ чуднымъ сердчишкомъ. А я еще укорялъ себя, зачѣмъ такъ слабо возставалъ противъ демона блажи. Но куда намъ близорукимъ слѣдить неисповѣдимые пути Промысла. Благослови же ихъ, Господи, и даруй мнѣ дожить до того, чтобъ когда-нибудь старшій сынъ Лауреллы, замѣсто отца, перевезъ меня по морю на островъ! Вотъ тебѣ и блажная! ай, ай, ай! »

(Съ итальянскаго.)

НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ИРЛАНДІИ.

—

Ирландія, этотъ зеленый, благословенный островъ, который еще недавно цѣпенѣлъ въ грязи и нищетѣ, скоро обратится въ одну изъ плодоноснѣйшихъ и благодатнѣйшихъ странъ Европы. Въ населеніи ея, какъ извѣстно, произошла изумительная перемѣна. Оно состояло:

въ 1805	году	изъ	5,395,456	душъ.
— 1811	—	—	5,937,856	—
— 1821	—	—	6,801,827	—
— 1831	—	—	7,734,365	—
— 1841	—	—	8,175,124	—
— 1851	—	—	6,552,385	—
— 1855	—	—	6,077,283	—

Три ужасныя силы, голодъ, тифъ и выселеніе, опустошили страну, и изъ этихъ трехъ причинъ первая и третья дѣйствовали исключительно на ирландское населеніе, не касаясь саксонскаго элемента, который, напротивъ того, еще выигралъ отъ прилива новыхъ колонистовъ. Кельтскій языкъ уже начинаетъ исчезать на островѣ. Въ 1851 году только 23 1/3 процента всего населенія говорили по-ирландски, и въ томъ числѣ только 4,88 процента исключительно по-ирландски, не владѣя притомъ англійскимъ языкомъ. Въ восточныхъ провинціяхъ, Лейсстерѣ и Ульстерѣ, гдѣ только 3,54 и 6,78 процентовъ говорятъ еще по-ирландски, туземный языкъ почти совершенно вытѣсненъ англійскимъ; въ Мунстерѣ, гдѣ еще 43,91 процента владѣютъ ирландскимъ языкомъ, большинство все-таки уже на сторонѣ англійскаго; только въ Коннаутѣ за кельтскимъ элементомъ осталось слабое большинство 50,77 процентовъ. Въ такомъ положеніи находились дѣла въ 1851 году. Съ тѣхъ поръ переселеніе

Ирландцевъ на тотъ берегъ Атлантическаго океана продолжалось безпрерывно до настоящаго времени [1]), и тѣ изъ нихъ, которые остались покуда на мѣстѣ, вѣроятно будутъ окончательно вытѣснены или поглощены саксонскимъ элементомъ еще на глазахъ нашего поколѣнія.

На ряду съ этимъ великимъ этнографическимъ процессомъ совершается не менѣе замѣчательный процессъ нравственный и экономическій. До 1845 года страна была заселена народомъ, покинутымъ на произволъ судьбы и дошедшимъ до полудикаго состоянія. Онъ жилъ въ жалкихъ лачугахъ, состоявшихъ изъ одного покоя, въ которомъ люди и скотъ помогали другъ другу заражать воздухъ. Всѣ домочадцы, безъ различія пола и возраста, тѣснились на одномъ общемъ ложѣ. Когда-то въ избахъ были оконницы, но по мѣрѣ того, какъ разбивались стекла, ихъ затыкали чѣмъ попало, такъ что наконецъ свѣтъ и воздухъ могли проникать въ эти закопченыя норы только всегда отворенными настежъ дверями. Три необходимыя орудія опрятности, мыло, гребень и зеркало, стали въ этомъ царствѣ вѣчной грязи предметомъ неслыханной роскоши. Заработная плата не превышала, среднимъ числомъ, 8 пенсовъ (21 к. сер.) въ сутки, т. е. была втрое ниже, чѣмъ въ Англіи. Вслѣдствіе этого деревенскіе бѣдняки принуждены были питаться однимъ картофелемъ. Прежняя бездушная и ограниченная политика Великобританіи систематически лишила островъ почти всякой промышленности, и населеніе было обречено на мелкополосное хозяйство, самое невыгодное для земледѣлія.

Господствующіе западные вѣтры наносятъ съ Атлантическаго океана большія массы дождевыхъ тучъ. При внимательномъ разсмотрѣніи дождевой карты Британскаго королевства не трудно замѣтить, что количество падающей на землю воды уменьшается по направленію отъ запада къ востоку. Ирландія получаетъ съ моря обильный запасъ влажнаго воздуха, который, подвигаясь на востокъ, постепенно теряетъ часть своей влаги дождями и становится суше. На этомъ метеорологическомъ условіи основано сельское хозяйство Великобританіи: всѣ запад-

---

[1]) Въ 1856 году переселилось только 29,791 человѣкъ, но въ 1857 году число переселенцевъ снова увеличилось до 72,186.

ныя, сырыя графства занимаются больше скотоводствомъ, всѣ восточныя — больше хлѣбопашествомъ. Сообразно съ этимъ Ирландіи слѣдовало бы преимущественно разводить скотъ, тѣмъ болѣе, что въ близкомъ сосѣдствѣ ея находится величайшій въ Европѣ мясной рынокъ — Лондонъ. Но такъ какъ Ирландія не производила мяса, то Англія принуждена была получать необходимые ей запасы изъ Шлезвига и Голштиніи. Скотоводство возможно только въ такихъ странахъ, гдѣ довольно обширныя земли соединены подъ одно хозяйство. Ирландія, обремененная излишнимъ народонаселеніемъ и вынужденная, вслѣдствіе этого, посвятить себя исключительно земледѣлію, должна была, для прокормленія своихъ жителей, прибѣгнуть къ мелкополосному хозяйству и разведенію картофеля, какъ средствамъ, которыя, хотя и съ наименьшею выгодой, доставляютъ наибольшее количество продовольствія. Но вотъ въ 1845 году явился ужасный бичъ природы, картофельная болѣзнь. Съ 1846 по 1849 годъ не менѣе 17,500 человѣкъ буквально умерло съ голоду. За голодомъ шелъ неизмѣнный товарищъ его — тифъ, который распорядился еще рѣшительнѣе. Тифозная горячка не имѣетъ, подобно голоду, аристократическихъ наклонностей; она придерживается начала равенства и братства и, безъ разбору, поражаетъ богатыхъ и бѣдныхъ. Въ короткое время въ Ирландіи оказался недочетъ въ полтора милліона душъ, частію погибшихъ отъ голода и болѣзни, частію выселившихся въ другія части свѣта. Для оказанія помощи голодавшему населенію, рѣшились наконецъ занять его публичными работами, и именно постройкою дорогъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ вполнѣ вѣрному правилу, что лучше предпринимать безполезныя работы, чѣмъ раздавать милостыню въ праздныя руки. Такимъ образомъ не менѣе 734,000 отцовъ семействъ, представлявшихъ собою по крайней мѣрѣ три милліона жителей, т. е. болѣе трети всего народонаселенія, содержались въ 1847 году на общественное иждивеніе.

Вотъ до какихъ ужасовъ надо было дойдти, прежде чѣмъ обстоятельства могли измѣниться къ лучшему! Такъ человѣкъ не скоро рѣшается на мучительное лѣченье и лучше носится съ своимъ недугомъ до послѣдней крайности. Нѣтъ сомнѣнія, что островъ обязанъ настоящимъ цвѣтущимъ состояніемъ своимъ

выселенію кельтическаго племени и замѣщенію его саксонскимъ; но прежде чѣмъ благодарная почва его могла перейдти въ новыя дѣятельнѣйшія руки, аграрное устройство страны должно было подвергнуться совершенному преобразованію. Въ Англіи земледѣльческое населеніе состоитъ изъ трехъ классовъ: изъ землевладѣльцевъ, которые отдаютъ свои земли въ аренду, изъ арендаторовъ и изъ батраковъ или поденщиковъ, которыхъ арендаторы нанимаютъ для извѣстныхъ работъ. Крестьянскаго сословія, т. е. такихъ землевладѣльцевъ, которые сами обработываютъ свои поля, нѣтъ вовсе, а если и есть, то они составляютъ рѣдкое исключеніе; равнымъ образомъ нѣтъ и крестьянской челяди, т. е. такихъ работниковъ и работницъ, которые изъ году въ годъ живутъ по найму на одномъ и томъ же участкѣ земли. Въ Ирландіи отношенія были гораздо сложнѣе. Самъ помѣщикъ обыкновенно не жилъ въ томъ краѣ; мѣсто его заступалъ его повѣренный или вассалъ, который въ сущности былъ настоящимъ владѣльцемъ и соединялъ въ себѣ всѣ недостатки сельской аристократіи, вовсе не имѣя достоинствъ этого класса. Но вассалъ не занимался хлѣбопашествомъ: онъ сдавалъ землю арендатору-посреднику, какому-нибудь спекулятору изъ городскихъ жителей, который заключалъ контракты на долгій срокъ и также не занимался хозяйствомъ, а разбивалъ землю на участки и отдавалъ ихъ въ аренду уже настоящимъ кортомщикамъ. Посредствующія-то лица и портили все дѣло. Избыточное народонаселеніе, не имѣя ни какой промышленности, ни даже наклонности къ промышленному производству, должно было ограничиться однимъ земледѣліемъ; поэтому, при отдачѣ земель въ аренду, на торги постоянно являлось гораздо болѣе охотниковъ нежели сколько было участковъ. Необходимымъ слѣдствіемъ такого совмѣстничества была непомѣрно высокая арендная плата, какъ и вездѣ, гдѣ преобладаетъ мѣлкополосное хозяйство. Контракты заключались на самые короткіе сроки, не долѣе года, потому что посредникъ не имѣлъ другаго способа принудить бѣдняка къ платежу денегъ, кромѣ угрозы — согнать его съ земли. Объ улучшеніяхъ, о систематическомъ хозяйствѣ, о приложеніи науки къ земледѣлію нельзя было и помышлять. Послѣдній, настоящій арендаторъ, будучи самъ у себя и батракомъ и лошадью, находился въ гораздо худшемъ

положенія, чѣмъ всякій крѣпостной. Но главнымъ корнемъ зла было то, что помѣщикъ или вовсе не могъ, или могъ только съ величайшимъ затрудненіемъ приступить къ продажѣ своего имѣнья. Наслѣдственный владѣлецъ несостоятельной собственности былъ въ этомъ случаѣ связанъ самымъ закономъ, который всячески затруднялъ продажу земель, изъ устарѣлаго теперь опасенія, чтобы протестантскія помѣстья не перешли въ руки католиковъ. Зато помѣщикамъ была предоставлена неограниченная свобода обременять свои земли долгами, и—надо отдать имъ справедливость — они пользовались этою свободой безъ зазрѣнія совѣсти: ипотеки, или займы подъ залогъ земель далеко превышали настоящую цѣнность послѣднихъ. Съ другой стороны и кредиторамъ стоило большаго труда получать обратно свои ссуды. Для учрежденія конкурса предварительно начиналось нескончаемое дѣлопроизводство, а между тѣмъ имѣніе отдавалось подъ секвестръ и поступало въ руки ненасытныхъ администраторовъ. Залогъ не иначе могъ подвергнуться продажѣ съ публичнаго торга, какъ по приведеніи въ извѣстность всѣхъ имѣющихся на него претензій; но и тутъ еще покупщикъ не могъ быть увѣренъ въ прочности своего пріобрѣтенія, потому что позднѣйшій кредиторъ наддачей противъ перваго могъ низпровергнуть его право. Такимъ образомъ конкурсы тянулись по нѣскольку лѣтъ, и, при извѣстной дороговизнѣ британскаго судопроизводства, въ большей части случаевъ гораздо благоразумнѣе было вовсе не прибѣгать къ помощи правосудія. Наконецъ состоялся законъ, извѣстный подъ названіемъ акта о задолжавшихъ имѣніяхъ (Encumbered Estates Act), и ему-то Ирландія болѣе всего обязана настоящимъ своимъ благосостояніемъ. Законъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ разрѣшенія ускореннаго производства конкурсныхъ дѣлъ: онъ предоставляетъ какъ должнику, такъ и кредитору требовать немедленной продажи обремененной долгами поземельной собственности. Земля, безъ дальнѣйшихъ околичностей, продается съ аукціоннаго торга, покупщикъ пріобрѣтаетъ на нее неотъемлемое право, а вырученныя отъ продажи деньги обращаются на удовлетвореніе кредиторовъ.

По слѣдующимъ цыфрамъ можно составить себѣ понятіе о томъ, какое огромное вліяніе имѣлъ новый конкурсный порядокъ

въ Ирландіи на положеніе дѣлъ вообще. Изъ всей поверхности страны воздѣлывалось только 14 милліоновъ акровъ [1]), а 6 милліоновъ акровъ пустовали и были предоставлены въ полное распоряженіе куликамъ и дикимъ уткамъ, не смотря на то, что только треть этого пространства дѣйствительно была недоступна для воздѣлки, и что народонаселеніе ежегодно уменьшалось вслѣдствіе голода. Четырнадцать милліоновъ акровъ плодоносной почвы были раздѣлены на 691, 200 арендныхъ участковъ, и только 48,600 хозяйствъ имѣли въ своемъ распоряженіи болѣе 30 акровъ земли. Съ 25 октября 1849 по 25 мая 1857 года поступило 4109 прошеній о продажѣ задолжавшихъ имѣній, и въ томъ числѣ 1195 отъ самихъ владѣльцевъ; 3,500,000 акровъ, приносящихъ 1,230,000 ф. ст. годоваго дохода, уже проданы; сверхъ того производятся дѣла о продажѣ еще 600,000 акровъ съ 220,000 ф. ст. дохода. Проданная земля была заложена въ 36 милліоновъ ф. ст., слѣдовательно долгъ почти въ 25 разъ превышалъ годовой доходъ. — Отъ продажи выручено только 20,194,201 ф. ст., и изъ нихъ 18 милліоновъ уже розданы кредиторамъ. Все количество земли раздѣлилось при продажѣ на 11,123 участка (такъ что въ каждомъ участкѣ приходилось круглымъ числомъ болѣе 300 акровъ) и досталось 7,216 покупщикамъ, въ числѣ которыхъ было 6,902 Ирландца. Такимъ образомъ четверть всей плодоносной поверхности острова перешла въ руки новыхъ владѣльцевъ. Конечно, такая общая перетасовка собственности не могла обойдтись безъ горестныхъ послѣдствій: многія семейства обѣднѣли, многіе достаточные люди разорились, многіе кредиторы лишились своего состоянія; но эти частныя бѣдствія ничего не значатъ въ сравненіи съ возстановленіемъ общаго благоденствія. Теперь, по крайней мѣрѣ, извѣстно, кто настоящій владѣлецъ, и можно опять свободно распоряжаться плодоносною землею; а прежде въ имѣніяхъ, которымъ угрожала продажа за долги, ни одинъ арендаторъ не могъ заключить сколько-нибудь выгоднаго контракта и потому земля доставалась въ руки самаго худшаго разряда хлѣбопашцевъ. Сначала цѣнность земли, естественно, должна была понизиться, но, спустя два года послѣ большихъ продажъ, она снова поднялась и теперь стоитъ выше, чѣмъ когда-либо прежде.

---

[1]) $2^3/_4$ акра составляютъ не много больше нашей десятины.

Дренажи[1]) производятся въ обширныхъ размѣрахъ, и въ 1856 году было осушено 120,000 акровъ болотъ, вслѣдствіе чего поземельный доходъ увеличился на 40,000 ф. ст.

Въ 1841 году пустопорожнія, невоздѣланныя земли занимали пространство въ $6^1/_4$ милліоновъ акровъ, а въ 1855 году ихъ оставалось уже только 4,890,000 акровъ. Количество участковъ, заключающихъ въ себѣ болѣе 30 акровъ, составляло въ 1841 году только 7 процентовъ, а въ 1855 году возрасло до 26 процентовъ и занимало собою три четверти всего пространства, такъ что на долю мелкополоснаго хозяйства приходилась уже самомалѣйшая часть земли. Вслѣдствіе этого скотоводство усилилось, и цѣнность скота съ 1841 по 1855 годъ возросла отъ $19^2/_5$ до $33^1/_2$ милліоновъ фунт. ст. Акцизный сборъ, поднявшійся съ 1850 по 1856 годъ отъ 1,400,000 до 2,600,000 ф. ст., также можетъ служить доказательствомъ возрастающаго благосостоянія. Въ 1851 году, сравнительно съ 1841 годомъ, число большихъ домовъ увеличилось на 10,084, число домовъ средней величины на 54,574, число избъ о двухъ и четырехъ покояхъ на 8,415; напротивъ того число грязныхъ лачугъ убавилось на 355,689. Изъ 43,5 процентовъ жителей, населявшихъ эти лачуги, осталось только 21, 8 процентовъ; число поденщиковъ понизилось съ 67, 9 на 49 процентовъ. Пролетаріатъ, который въ голодные годы сотнями тысячъ существовалъ на счетъ общественной благотворительности, мало-по-малу почти совсѣмъ исчезъ. Въ 1849 году, когда бѣдствіе достигало высшей степени, 2,177,651 ф. ст. было роздано въ видѣ милостыни 2,142,766 лицамъ; а къ 1856 году число лицъ, получающихъ милостыню, уменьшилось до 47,677, и такса въ пользу бѣдныхъ составляла только 1 шиллингъ $2^1/_2$ пенса на каждый фунтъ ст. прямыхъ налоговъ. Съ успѣхами благосостоянія уменьшилось число преступленій: въ 1852, 1853, 1854 и 1855 годахъ число опредѣленныхъ по суду наказаній убыло въ слѣдующей постепенности: 10,454, 8,714, 7,051, 5,220. Такое же уменьшеніе замѣчается и въ числѣ смертныхъ приговоровъ (22, 15, 6, 5), которыхъ вообще приведено въ исполненіе только 19. Съ 1845 по 1851 годъ число тоннъ прибывшихъ и отбывшихъ кораблей

---

[1]) Осушка посредствомъ глиняныхъ трубъ.

баго здоровья. Исчезли всѣ надежды; исчезла всякая привязанность, если прежде была какая-либо; нелюбезный характеръ королевы, который не очень еще замѣчался молодымъ мужемъ въ молодой и красивой женѣ, теперь высказался со всею полнотою въ женщинѣ, лишенной всякой привлекательности. Но чѣмъ болѣе Генрихъ удалялся отъ нелюбимой жены, тѣмъ болѣе Катерина настаивала, что онъ *не имѣетъ права* отъ нея удаляться, требовала, чтобъ онъ исполнялъ законъ. Коса нашла на камень; оба, и мужъ и жена, отличались крайнимъ упорствомъ; но Генрихъ былъ пылокъ и стремителенъ, Катерина холодна и сдержлива; страсти руководили Генрихомъ; Катерина, суровая Испанка, соразмѣряла свои шаги съ буквою закона.

Не смотря на то, по всѣмъ вѣроятностямъ Генрихъ, удалившись отъ нелюбимой жены, не рѣшился бы на разводъ, еслибъ нельзя было оправдать его, еслибъ король не могъ опереться на требованія государственныя, и еслибъ не были возбуждены сомнѣнія относительно законности брака его съ Катериной. Порядокъ престолонаслѣдія еще не былъ утвержденъ; право дочерей королевскихъ наслѣдовать престолъ хотя не было формально отрицаемо, но, съ другой стороны, не было и утверждено. Недавно происходила страшная усобица за престолонаслѣдіе, война Алой и Бѣлой розы, и мысль о возможности возобновленія подобной усобицы, вслѣдствіе смерти Генриха VIII безъ потомства мужескаго пола, эта мысль приводила въ трепетъ англійскихъ государственныхъ людей. Ближайшимъ наслѣдникомъ престола въ случаѣ смерти болѣзненной Маріи или отстраненія ея отъ престола, былъ Яковъ, король шотландскій: но ненависть между Англичанами и Шотландцами доходила въ это время до того, что, по выраженію современниковъ, камни лондонскихъ мостовыхъ поднялись бы, еслибъ шотландскій король предъявилъ свои притязанія на престолъ англійскій; парламентъ прямо объявлялъ, что будетъ противиться этому до послѣдней крайности. Но король шотландскій согласится ли отказаться отъ своихъ правъ и не будетъ ли защищать ихъ съ помощію французскаго войска? А тутъ внутри Англіи другіе претенденты, знамя Бѣлой Розы не замедлитъ подняться какъ скоро король умретъ безъ наслѣдника...

Генрихъ хотѣлъ раздѣлить интересы Франціи и Шотландіи и

АНГЛІЯ ВЪ XVI ВѢКѢ.

(Статья вторая.)

(History of England from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth. By James Anthony Froude. 1856, vol. I, II.)

—

Генриху VIII было 12 лѣтъ, когда умеръ старшій братъ его Артуръ, пять мѣсяцевъ тому назадъ женившійся на Катеринѣ, дочери Фердинанда Католика Аррагонскаго. Генрихъ былъ провозглашенъ принцемъ Валлійскимъ, наслѣдникомъ престола; но вмѣстѣ съ этимъ наслѣдствомъ послѣ брата онъ долженъ былъ получить и другое: его обручили со вдовою Артуровою, Катериною, которая была старше его шестью годами. Фердинанду Католику хотѣлось, чтобъ дочь не возвращалась къ нему вдовою изъ Англіи; но часть англійскихъ прелатовъ смотрѣла на этотъ бракъ какъ незаконный; папа нехотя далъ разрѣшеніе. Скоро самъ король, Генрихъ VII, раскаялся и потребовалъ отъ сына, чтобъ тотъ отказался отъ брака; но по смерти отца, Генрихъ VIII, слѣдуя мнѣнію большинства членовъ своего совѣта, обвѣнчался на Катеринѣ, не смотря на возраженіе примаса королевства, архіепископа кантерберійскаго. Нѣсколько лѣтъ все шло хорошо, пока еще оба супруга, не смотря на разницу лѣтъ, были молоды, и Катерина сохраняла свою красоту; но потомъ эта разница въ годахъ стала ощутительна, особенно когда Катерина истощила свое здоровье, потеряла красоту, не пріобрѣтя въ то же время права на привязанность мужа и короля: всѣ сыновья или родились мертвыми, или умирали нѣсколько дней спустя послѣ рожденія; дочь Марія выросла, но была сла-

TAYLOR INST. OXFORD

желая избѣжать необходимости сказать рѣшительное да или нѣтъ, чтобъ не оскорбить кого-нибудь, и болѣе всего желая выиграть время, въ надеждѣ, что какое-нибудь непредвидѣнное обстоятельство выведетъ его изъ затрудненія. Но въ Англіи не хотѣли дожидаться: послы за послами являлись оттуда къ папѣ все съ бо́льшими и бо́льшими угрозами; одинъ изъ нихъ такъ говорилъ папѣ и кардиналамъ: «Король, государь мой, и лорды должны подумать, что ваше святѣйшество и эти почтенные и ученые совѣтники ваши или не хотятъ дать отвѣта въ нашемъ дѣлѣ, или не могутъ. Если вы не хотите указать путь блуждающему человѣку, попеченіе о которомъ возложено на васъ Богомъ, то они скажутъ: «Эти люди забыли свою священную обязанность! Обязанные быть чистыми какъ голуби, являются исполненными обмана и притворства». Если желаніе королевское справедливо, скажите, что оно справедливо, если же нѣтъ, то и скажите прямо — нѣтъ. Если же вы имѣете все доброе желаніе рѣшить дѣло, но не можете этого сдѣлать, то ясно, что Богъ отнялъ у васъ ключъ вѣдѣнія, и король съ вельможами поневолѣ склонятся ко мнѣнію людей, утверждающихъ, что папскіе законы, которыхъ ни самъ папа, ни совѣтъ его не могутъ истолковать, заслуживаютъ только быть брошенными въ огонь.»

Папа продолжалъ тянуть дѣло, и въ 1529 году въ королевскомъ совѣтѣ было опредѣлено отдать его на рѣшеніе университетамъ и ученымъ людямъ во всей Европѣ: и вотъ англійскіе агенты были отправлены въ Германію, Италію и Францію, снабженные всѣми средствами къ убѣжденію, умственными, нравственными и матеріальными, а между тѣмъ графъ Вильтширъ, съ Кранмеромъ, епископомъ лондонскимъ и Эдуардомъ Ли, который былъ послѣ епископомъ іоркскимъ, были отправлены въ Болонью защищать дѣло Генриха передъ самимъ императоромъ, пріѣхавшимъ въ этотъ городъ короноваться. Несчастный Климентъ, трепеща отъ безсильнаго гнѣва, съ горькимъ вздохомъ возложилъ корону на ненавистнаго Карла; въ угоду послѣднему онъ долженъ былъ грозить отлученіемъ отъ церкви Генриху, если тотъ не откажется отъ развода, но тайкомъ говорилъ французскому послу, епископу тарбскому, что былъ бы очень доволенъ, еслибъ англійскій король уже развелся и же-

нился въ другой разъ или съ разрѣшенія англійскаго легата или какимъ-нибудь другимъ образомъ, только бы безъ его папскаго согласія и не въ ущербъ его власти. Англійскіе послы не могли убѣдить императора согласиться на разводъ, и папа остался между двухъ огней: объявить себя противъ развода — значило лишиться Англіи, объявить за разводъ — лишиться Германіи, Фландріи и самой Испаніи; по прежнему оставалось одно средство — длить время.

Между тѣмъ англійскіе агенты собирали голоса ученыхъ въ пользу своего короля. Въ Италіи сначала огромное большинство объявило себя за разводъ; но Карлъ, всесильный тогда въ этой странѣ, принялъ также свои мѣры: письма англійскаго агента были распечатываемы, и лица, о которыхъ онъ отзывался какъ о приверженцахъ своего короля, стали подвергаться преслѣдованію: имъ прямо грозили смертію, если они осмѣлятся подать голосъ за разводъ. Такимъ образомъ успѣхъ англійскаго агента въ Италіи былъ остановленъ, и деньги не помогали. Въ парижскомъ университетѣ большинство докторовъ объявило себя также въ пользу развода; но одинъ изъ нихъ, именно докторъ Беда, простный ультрамонтанъ, началъ утверждать, что по вопросу, касающемуся папской власти, они не имѣютъ права произносить сужденія безъ позволенія самого его святѣйшества. Это мнѣніе было поддержано испанскою и италіянскою партіею въ университетѣ, начались горячіе споры, и наконецъ доктора разошлись въ сердцахъ другъ на друга, ничего не порѣшивши. Беда между прочимъ кричалъ, что имѣетъ тайное согласіе короля своего, Франциска I, который желаетъ торжества папы. Это дошло до англійскаго посланника, который немедленно подалъ жалобу. Францискъ, совершенно равнодушный къ справедливости дѣла, руководился однимъ личнымъ интересомъ, а этотъ интересъ требовалъ раздувать вражду между Генрихомъ и Карломъ; вотъ почему въ іюнѣ 1530 года онъ отправилъ къ президенту парижскаго парламента такую грамату: «Вѣдомо намъ учинилось, къ великому нашему неудовольствію, что какой-то Беда, имперіалистъ, осмѣлился учинить смуту между богословами, уговаривая ихъ не подавать голоса въ пользу короля англійскаго. И какъ эта наша грамата къ вамъ придетъ, то вы бы позвали того Беду къ себѣ и объявили ему нашъ гнѣвъ; да

скажите ему, что если онъ не передѣлаетъ своего дѣла, то будетъ долго помнить, что̀ значитъ человѣку его званія мѣшаться въ дѣла государскія. Если онъ осмѣлится возражать, скажетъ, что это дѣло совѣсти и что прежде всего необходимо снестись съ папою, то объявите ему нашимъ именемъ, чтобы не смѣлъ сноситься; и если онъ или кто другой посмѣетъ сноситься съ папою или даже говорить, что надобно сноситься, то будетъ примѣрно наказанъ. Здѣсь дѣло идетъ о свободѣ галликанской церкви, о независимости нашего богословскаго совѣта, а это такія привилегіи, которыя мы болѣе всего хотимъ поддерживать.» Грамата королевская произвела желаемое дѣйствіе; университетскіе богословы объявили себя въ пользу развода.

Въ англійскихъ университетахъ, оксфордскомъ и кембриджскомъ, старшіе члены были готовы подать мнѣніе за разводъ, но младшіе объявили себя противъ. Хотѣли устроить дѣло такъ, чтобъ въ коммиссіи, назначенной для обсужденія королевскаго предложенія, участвовали одни старшіе; но младшіе на совѣтѣ, пользуясь своею многочисленностью, воспротивились и этому. Тогда король прислалъ грамату, въ которой обнаружилъ свое неудовольствіе и удивленіе, что бо́льшая часть университетской молодежи не обращаетъ вниманія на свои подданническія обязанности къ государю и не согласуется съ мнѣніями и приказаніями добродѣтельныхъ, мудрыхъ, глубоко-ученыхъ членовъ университета. Мы, продолжаетъ король, полагаемся на ловкость и благоразуміе университетскихъ ученыхъ, вполнѣ увѣрены, что они заставятъ молодыхъ людей поступать надлежащимъ образомъ; если же послѣдніе будутъ продолжать поступать такъ, какъ начали, то мы не сомнѣваемся, что они увидятъ, какъ не хорошо дразнить осъ (non est bonum irritare crabrones). И въ Англіи королевская грамата произвела такое же дѣйствіе, какъ и во Франціи: университеты объявили себя за разводъ.

Но заставить замолчать университетскую оппозицію еще не значило покончить дѣло; исповѣданіемъ англійскаго народа, исключительно признаваемымъ, оставался по прежнему католицизмъ, слѣдовательно у папы и королевы Катерины было много вѣрныхъ слугъ. Католицизмъ употребилъ въ дѣло всѣ свои средства — и ясно обнаружилъ свою слабость, ибо вмѣсто силъ нравственныхъ прибѣгнулъ къ суевѣрію и обману. Нищенству-

ющіе монахи разсѣялись по государству, порицая разводъ, предсказывая гнѣвъ Божій, гибель королю. Самымъ видимымъ орудіемъ католицизма въ этомъ дѣлѣ была знаменитая кентская монахиня, сомнамбулка Елисавета Бартонъ: ея келья въ Кантербери въ продолженіе трехъ лѣтъ была Дельфами католическаго оракула, велѣнія котораго, какъ велѣнія неба, сообщались самому папѣ. Елисавета объявила торжественно, что если Генрихъ разведется съ своею женою, то не процарствуетъ и мѣсяца, но умретъ дурною смертію. Она нашла доступъ къ самому королю, но не успѣла напугать его; тогда она обратилась къ епископамъ, начала возбуждать ихъ къ сопротивленію; архіепископъ-примасъ повѣрилъ ей и представилъ ее кардиналу-правителю Вольсею: и этотъ также поколебался. Елисавета познакомилась и съ папскими послами, и чрезъ нихъ стала грозить Клименту за его медленность въ отказѣ относительно развода.

Не смотря однако на эти движенія королевиной партіи, члены обоихъ парламентовъ, по выслушаніи университетскихъ рѣшеній, отправили къ папѣ грамату, въ которой просили его о немедленномъ рѣшеніи дѣла, о немедленномъ подтвержденіи университетскаго приговора: «если же вы этого не сдѣлаете, говорилось въ граматѣ, если вы, нашъ отецъ, рѣшились оставить насъ сиротами, и поступать съ нами какъ съ людьми, не стоющими вниманія, то намъ ничего не остается больше дѣлать, какъ промышлять самимъ о себѣ, искать другимъ путемъ средства избавиться отъ бѣды. Мы не желаемъ быть доведенными до такой крайности, и потому умоляемъ ваше святѣйшество безъ отлагательствъ удовлетворить справедливымъ желаніямъ нашего государя. Дѣло его величества есть собственное дѣло каждаго изъ насъ: страданіе головы должно отзываться во всѣхъ членахъ.»

Папа молчалъ. Всѣ его усилія теперь были направлены къ тому, чтобъ Карлъ V, съ своей стороны, не требовалъ отъ него также немедленнаго рѣшенія дѣла въ пользу Катерины, и чтобы Францискъ I не затянулся въ союзъ съ Генрихомъ VIII: тогда послѣдній, по разсчету Климента, оставленный всѣми, долженъ будетъ уступить. Дѣйствительно папѣ удалось сблизиться съ Францискомъ, котораго сынъ женился на племянницѣ Климен-

та, знаменитой въ послѣдствіи Катеринѣ Медичи; но Климентъ жестоко обманулся въ своихъ разсчетахъ относительно Генриха VIII: послѣдній, по характеру своему, не былъ способенъ уступать, отказываться отъ своихъ страстныхъ желаній, тѣмъ болѣе, что его дѣло, благодаря именно прикосновенности къ нему папы, было дѣломъ народнымъ. Зданіе было расшатано, нуженъ былъ только одинъ случайный толчекъ, чтобъ дорушить его. Англійскій король и парламентъ обращались съ своимъ дѣломъ къ папѣ, какъ общему отцу западныхъ христіанъ, но папы давно уже не было, давно уже не было той нравственной силы, того духа, который составлялъ папство: вмѣсто папы былъ италіянскій владѣлецъ, слабый между сильными, который спасенія своего искалъ въ ловкости, хитрости, въ тѣхъ средствахъ, какими отличались тогда его соотечественники. Папа сказалъ англійскому послу: «Менѣе скандала было бы разрѣшить королю имѣть двухъ женъ, чѣмъ позволить ему разводъ и вступленіе во второй бракъ.» Но отъ чего же происходилъ этотъ скандалъ для папы? Оттого, что Катерина была тетка императора Карла V!

Генриху наскучило дожидаться, и онъ женился на своей любовницѣ, Аннѣ Болинъ, бывшей фрейлинѣ королевы Катерины; бракъ съ Катериною былъ объявленъ незаконнымъ, ее запрещено называть королевою, при ней остался только титулъ вдовствующей принцессы. Когда ей оффиціально дали знать объ этомъ, то она отвѣчала: «Знаю я все это, и знаю какъ это сдѣлано, силою вынуждено. Университеты и парламентъ сдѣлали то, что король имъ велѣлъ, и поступили вопреки своей совѣсти; но мнѣ до этого нѣтъ нужды: мое дѣло въ рукахъ папы, Божія намѣстника, и я не признаю никакого другаго судьи.» Ни просьбы, ни угрозы не помогли. «Я законная жена короля, которая Катерина, и никогда не отрекусь отъ имени королевы до тѣхъ поръ, пока папа рѣшитъ, что я должна отъ него отречься.» Но она очень хорошо знала, что папа не произнесетъ такого рѣшенія. 12 мая 1533 года Климентъ прислалъ Генриху позывъ къ суду; Генрихъ отвѣчалъ, что переноситъ свое дѣло на будущій соборъ, который долженъ быть созванъ для прекращенія смутъ, возникшихъ въ западномъ христіанствѣ. Папа сталъ наконецъ дѣйствовать рѣшительно: онъ объявилъ разводъ незаконнымъ

и короля заслуживающимъ отлученія: если онъ хочетъ избѣжать этого наказанія, то долженъ возстановить всѣ отношенія какъ они были до развода. Генрихъ писалъ по этому случаю къ французскому королю: «Что касается до папскаго требованія, то мы скажемъ свое *нѣтъ* такимъ образомъ, что весь міръ его услышитъ и папа почувствуетъ. Если государи могутъ быть вызываемы къ папскому двору въ случаѣ дѣлъ о бракѣ, то они могутъ быть вызываемы во всякомъ другомъ случаѣ по папской прихоти, и тогда свободныя государства Европы превратятся въ провинціи, зависящія отъ римскаго престола; польза и честь всѣхъ государей требуютъ, чтобъ они противились такимъ притязаніямъ.» — Срокъ, назначенный Генриху папою на покаяніе, прошелъ, и король англійскій съ королевою и примасомъ, архіепископомъ кантерберійскимъ, были отлучены отъ церкви.

Генрихъ отвѣчалъ на это объявленіемъ, что власть папы въ Англіи не больше власти всякаго другаго епископа (7 апрѣля 1534 г.). Еслибъ пять лѣтъ тому назадъ какой-нибудь еретикъ осмѣлился высказать подобное мнѣніе, то былъ бы сожженъ, и духовенство заткнуло бъ уши при такой хулѣ: а теперь оно наперерывъ высказывало свое согласіе съ волею королевскою. Епископы получали обязанность объяснить духовенству, а духовенство, въ свою очередь, должно было объяснить народу, въ чѣмъ состояла перемѣна; аббаты должны были объяснить это своимъ монахамъ, господа слугамъ, отцы семействъ женамъ и дѣтямъ. Каждый епископъ долженъ былъ присягнуть королю, какъ главѣ церкви; церковныя книги, въ которыхъ упоминалось имя папы, были истреблены; запрещено было упоминать имя папы иначе, какъ съ прибавкою бранныхъ выраженій.

И народъ, то-есть огромное большинство его признало перемѣну законною. Католицизмъ не уступилъ безъ борьбы, онъ выставилъ и нравственныя силы, выставилъ мучениковъ: протестовалъ и погибъ Фишеръ, епископъ рочестерскій, протестовалъ и погибъ знаменитый ученый канцлеръ, Томасъ Морусъ, протестовали и погибли картезіанскіе монахи, поведеніемъ своимъ напомнившіе поведеніе древнихъ иноковъ во времена искушеній. Но впечатлѣніе, произведенное обнаруженіемъ этихъ нравственныхъ силъ, было пересилено впечатлѣніемъ, произведеннымъ Елисаветою Бартонъ, которая всего болѣе содѣйствовала паде-

нію католицизма, отнявши у большинства вѣру въ его нравственныя силы. Мы видѣли, какъ она объявила, что если король женится на Аннѣ Болинъ, то погибнетъ. Король женился; прошелъ мѣсяцъ, шесть мѣсяцевъ, восемь, девять — и король все оставался королемъ. Придумали объясненіе: Генрихъ царствуетъ; но и Саулъ продолжалъ царствовать, хотя и былъ отверженъ Богомъ; Генрихъ отвержемъ Богомъ съ той самой минуты, какъ совершилъ беззаконіе, и никто не обязанъ болѣе смотрѣть на него какъ на короля. Нищенствующіе монахи разносили это объясненіе по государству. Тогда Елисавету, съ пятью сообщниками ея, монахами Христовой Церкви въ Кантербери, посадили въ крѣпость, и тутъ они признались во всемъ: признались, что монахи помогали Елисаветѣ вымышлять откровенія и потомъ разносили ихъ по королевству; огромное число аббатовъ, пріоровъ, монаховъ и священниковъ, деревенскаго дворянства и лондонскихъ купцовъ—вѣрило имъ на слово. Епископъ рочестерскій плакалъ отъ радости, слушая пророчества Елисаветы, Томасъ Морусъ также находилъ въ нихъ великое утѣшеніе духовное. Наконецъ Елисавета и сообщники ея признались, что находились въ сношеніяхъ съ вдовствующею принцессою Катериною и дочерью ея Маріею; сопротивленіе послѣднихъ уступать требованіямъ короля поддерживалось откровеніями Елисаветы, которая провозглашала, что Марія получитъ помощь, что никто не отниметъ у нея ея правъ. Елисавета набрала цѣлую толпу монаховъ, которые, по данному ею знаку, должны были возбудить въ народѣ возстаніе противъ короля во имя повелѣній Божіихъ, открытыхъ Елисаветѣ. Когда слѣдствіе было кончено, Елисавета и ея сообщники должны были торжественно въ церкви передъ всѣмъ народомъ объявить свои показанія, послѣ чего 21 апрѣля 1534 года они были казнены. Передъ смертію Елисаветѣ было позволено сказать нѣсколько словъ народу, и она сказала слѣдующія горькія слова: «Пришла я сюда умирать, и сама я причиною своей смерти, и не одной своей, а всѣхъ этихъ людей, которыхъ казнятъ вмѣстѣ со мною. Но нельзя же меня во всемъ винить: вѣдь всѣмъ было извѣстно, что я была бѣдная неученая дѣвушка, и эти ученые люди могли легко открыть, что я говорила вздоръ. Но такъ какъ вещи, которыя я выдумывала, были имъ полезны, то они стали меня расхваливать и внушать,

что св. Духъ говоритъ черезъ меня. Надменная ихъ похвалами, впала я въ гордость, вообразила, что могу выдумывать все, что̀ мнѣ угодно — и вотъ къ чему это привело! »

Въ этихъ словахъ несчастной Бартонъ заключался приговоръ католицизму въ Англіи. Учрежденіе, которое хочетъ быть крѣпко, должно употреблять нравственныя средства.

С. Соловьевъ.

КЛАССИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Weimar und Jena in den Jahren 1794—1806. Von Julian Schmidt. Leipzig, 1855.

—

Юліанъ Шмитъ, о сочиненіи котораго намѣрены мы представить отчетъ читателямъ [1]), извѣстенъ въ Германіи какъ критикъ, какъ авторъ исторіи нѣмецкой литературы XIX-го вѣка, и какъ одинъ изъ издателей литературно-политическаго журнала «Grenzboten». Его критика не ограничивается эстетическою оцѣнкой литературныхъ произведеній, но отличается строгими нравственными требованіями, преслѣдованіемъ романтической туманности и неопредѣленности понятій, фантастическаго и отвлеченнаго направленія литературы, поэзіи, безъ отношенія къ жизни, жизни внѣ дѣйствительности. Юліанъ Шмитъ признается, что, по его мнѣнію, историкъ литературы недавней эпохи болѣе всего долженъ имѣть въ виду современное поколѣніе, указывать ему вліянія направленій литературы и ошибокъ ея на его жизнь. Историкъ современной или близкой намъ

---

[1]) Для статьи нашей мы пользовались отчасти самою книгою Шмита, но главнѣйшимъ пособіемъ служили намъ слѣдующія сочиненія: Geschichte der deutschen Dichtung von Gerwinus, IV, V; Geschichte der deutschen Poesie nach ihren antiken Elementen von C. L. Cholevius; die deutsche National-Literatur von J. Hillebrand, т. II; W. Humboldt's gesammelte Werke, II, 215—241, IV.; Briefwechsel zwischen Schiller und Göthe, второе изданіе, 1856 г. Мы пользовались указаніями Saupe въ его Die Schiller-Göthischen Xenien, и другими, болѣе или менѣе общеизвѣстными критическими и историческими сочиненіями о нѣмецкой литературѣ, а также самыми произведеніями классическихъ нѣмецкихъ поэтовъ, и проч.

эпохи долженъ отказаться, думаетъ Шмитъ, отъ безстрастной науки; главное его дѣло строгая, неумолимая критика [1]. Понятно, что не почитая безпристрастія необходимымъ условіемъ критики, Шмитъ не всегда можетъ избѣжать въ ней односторонних сужденій и приговоровъ, не смотря на талантъ и умъ, отличающіе его сочиненія.

Новый трудъ Шмита «Веймаръ и Іена между 1794—1806 годами» является дополненіемъ къ изданной имъ прежде исторіи литературы XIX вѣка. Авторъ предлагаетъ въ немъ изображеніе періода нѣмецкой литературы, справедливо признаваемаго классическимъ періодомъ. Въ Германіи и до 1794 года были писатели, которыхъ называютъ иногда классическими: таковы, не говоря о другихъ, Клопштокъ, Виландъ, Гердеръ. Но если подъ названіемъ классическаго обыкновенно разумѣется произведеніе, которое въ формѣ, достигшей возможнаго совершенства, передаетъ потомству богатое и значительное содержаніе извѣстной эпохи цивилизаціи, то, конечно, ни одно изъ произведеній этихъ писателей не можетъ быть названо классическимъ. Какъ ни великъ былъ геній Лессинга, произведенія его [2] принадлежатъ еще переходному, неопредѣлившемуся литературному періоду и носятъ на себѣ слѣды трудныхъ стремленій къ открытію новаго пути. Не могутъ быть названы классическими также и произведенія юности Гёте и Шиллера. Дружеское сближеніе послѣднихъ поэтовъ между собою начинается съ 1794 года, и съ этого же времени начинается классическій періодъ нѣмецкой литературы, оканчивающійся съ смертію Шиллера въ 1805 году. Въ одиннадцать лѣтъ этого періода внутренняя, необходимая связь соединяетъ умы замѣчательнѣйшихъ писателей Германіи, а сочиненія ихъ представляютъ полнѣйшее выраженіе нѣмецкой образованности, въ формѣ, достигшей возможнаго для нѣмецкаго языка совершенства. «Этотъ періодъ, говоритъ Шмитъ, можно назвать классическимъ еще и въ другомъ смыслѣ: онъ основывается совершенно и исключительно на изученіи древнихъ классиковъ.» Слова эти не вполнѣ справедливы: какъ ни важно и какъ ни необходимо было

---

[1]) См. Введеніе къ его Geschichte der deutschen Nationalliteratur.

[2]) Здѣсь разумѣются поэтическія произведенія Лессинга

для Германіи изученіе классической древности въ концѣ XVIII вѣка, литература не основывалась тогда исключительно на такомъ изученіи; естествознаніе, исторія, новая философія, вліяніе современной жизни оставили несомнѣнные слѣды въ произведеніяхъ лучшихъ поэтовъ и писателей той эпохи.

Приступая къ изложенію классическаго періода нѣмецкой литературы, Шмитъ предпосылаетъ ему краткое обозрѣніе общественнаго и умственнаго состоянія Германіи XVIII вѣка и значенія тѣхъ писателей, которые своею дѣятельностію приготовили этотъ періодъ литературы.

Политическая жизнь Германіи въ половинѣ XVIII вѣка представляла только формы, лишенныя всякаго содержанія и вполнѣ исключала народное участіе; только въ немногихъ отдаленныхъ краяхъ ея сохранились еще первобытныя простыя отношенія, идеализируемыя фантазіей нѣкоторыхъ нѣмецкихъ патріотовъ. Единственный великій историческій образъ тогдашней Германіи, герой семилѣтней войны, совершенно принадлежалъ французской образованности, и значительная часть Германіи видѣла въ немъ своего врага, а сеймы, имперскіе суды, придворные скандалы, угнетенія бюрократіи, мелкія дипломатическія интриги, — все это было такъ пусто и жалко, что едва представляло содержаніе для сатиры. Кто былъ одаренъ историческимъ смысломъ, тотъ изучалъ Французовъ и Англичанъ. Для поэзіи національная политическая сфера конечно не представляла никакой пищи.

Не въ лучшемъ видѣ была и общественная жизнь Германіи. Въ знатныхъ кругахъ общества господствовалъ исключительно французскій вкусъ и французскій языкъ. Такъ-называемое хорошее общество, стараясь достичь высоты французской образованности, отказалось отъ сознанія своей національности, отъ перешедшихъ къ нему по преданію формъ, нравовъ и предразсудковъ, и для нѣмецкаго барона сдѣлалось высочайшею задачею жизни смѣнить Парижъ неуклюжимъ подражаніемъ французскому разврату. Среднее сословіе не имѣло ни самостоятельности, ни уваженія къ самому себѣ; въ піетизмѣ оно утратило бодрость духа. Послѣдній чиновникъ былъ въ глазахъ его существомъ высшаго разряда. Поэты не могли, углубляясь въ низшіе слои народа, искать тамъ древнихъ преданій и съ помощью народныхъ пѣсенъ, сказаній, сказокъ постепенно

доходить до Тора и Одина, не могли тѣмъ болѣе, что все это не было тогда еще достаточно извѣстно. Государство было погружено въ безсмысленный матеріализмъ, а частная жизнь представляла безнравственныя и безобразныя явленія: суетность изъ подражанія и піэтическіе предразсудки, спѣсь, разъединяющую сословія, и соперничество въ пресмыкательствѣ передъ знатнымъ лицомъ, ограниченность въ понятіяхъ и терпимость ко всякой безсмыслицѣ, надутый, сухой раціонализмъ и неспособность устоять противъ какого бы то ни было энергическаго духовнаго вліянія, условную нравственность и развратную образованность, отъ которой изсякала всякая поэзія. Изучая пѣвцовъ и мудрецовъ средняго сословія той эпохи, изумляешься ихъ гибкой морали, выставляющей себя за добродѣтель, растлѣнію ихъ чувства, выдающему себя за благородство природы, и совершенному отсутствію въ нихъ всего серьёзнаго, опредѣленности, силы, душевной бодрости. Надобно живо представить себѣ всѣ эти отношенія, чтобы понять энергію, съ которою такому сухому, безнравственному и вмѣстѣ безсильному содержанію поэзія противопоставила права и требованія личности, а философія идею абсолютнаго долга. Условіями того времени равно объясняются мягкая чувствительность Вертера, дикая отвага «Разбойниковъ» Шиллера, и суровый характеръ философіи Канта. Тогдашніе писатели провозглашали какъ новую, радостную вѣсть, что сердце, изсыхавшее среди отвлеченностей и пустаго формализма, имѣетъ свои права и свою самостоятельность; тогда было смѣлостью создавать образы, подобные Вертеру, Карлу Мору, Фаусту, Маркизу Позѣ, Тассу, которымъ вседневная жизнь казалась мукою, хотя, покуда, они могли противопоставить ей только неясное чувство, неопредѣленный идеалъ, только внутреннее броженіе, увлекавшее ихъ, они сами не знали, куда. Права природы противопоставлялись тогда условіямъ нравственности, а субъективныя влеченія выдавались за истины жизни. Поэзія изображала титановъ, которые силою страстей разрушали вседневную жизнь, или же представляла чувствительныя сердца, которыя, запутавшись въ сѣть окружающей ихъ среды, въ тихомъ страданіи истекали кровью.

Протестантизмъ XVIII вѣка не представлялъ пищи ни для взволнованныхъ умовъ, ни для фантазіи. Его приверженцы

запутывались въ преніяхъ, напоминавшихъ хитрости адвокатовъ и казуистику іезуитовъ. Не удовлетворяясь подобнымъ содержаніемъ, чувствительныя души удалялись отъ церкви, молились и сокрушались въ уединеніи, или соединялись для той же цѣли въ братскія общины. Этотъ піэтизмъ былъ единственнымъ остаткомъ истинной религіозности, и люди, подобные Лафатеру, Клаудіусу, Гаману, Штольбергу, Якоби, мечтали достигнуть на такомъ основаніи возрожденія религіи и удовлетворить потребностямъ сердецъ.

Если протестантизмъ не могъ питать поэзіи, то то же должно сказать и о догматической философіи, окончательно развитой Христіаномъ Вольфомъ и представлявшей въ тяжкой и схоластической формѣ весьма скудное содержаніе. Занимая ученыхъ, она была недоступна ни поэзіи, ни народу. Жаждущіе мудрости утоляли свою жажду, поступая въ тайные ордена и, упражняясь тамъ въ безсмысленныхъ символахъ, они были убѣждены, что имъ сообщалась полная абсолютная мудрость въ странномъ, таинственномъ ученіи. Мало заботились о томъ, что̀ разумѣлось подъ такою мудростью, искусство ли дѣлать золото или вызывать духовъ, искусство всячески осчастливливать человѣчество или длить жизнь далѣе естественнаго срока. Напряженное воображеніе, за недостаткомъ дѣйствительнаго содержанія, радовалось пустѣйшею забавою, если только она носила признаки символа.

Естественныя науки всего менѣе могли удовлетворить безпокойному стремленію сердецъ. Физика, которая извѣстна была въ Германіи изъ французскихъ изложеній, изъ Encyclopédie и изъ Système de la nature, казалась страшнымъ привидѣніемъ, умерщвляющимъ все живое. Умъ просвѣтителей, воспитавшихся на математикѣ и химіи, отвращался отъ всякихъ дѣйствительно историческихъ отношеній, отъ всего первобытнаго и индивидуальнаго, отъ всего, что̀ недоступно точному анализу. Какъ ни было важно и благотворно во многихъ отношеніяхъ вліяніе французской философіи XVIII вѣка на современное общество, оно не могло оживить поэзію. Понятіе духа было низведено до понятія волоконъ и нервовъ; наконецъ до зубовъ и когтей.

Ни одна сторона жизни не была благопріятна для поэзіи. Сохранилась еще наука древности. Она уже нѣкогда содѣйство-

вала возрожденію Европы, и хотя съ тѣхъ поръ была искажена въ школахъ вліяніемъ теологіи, но очищенная критикою, могла еще возродить искусство къ новой жизни. Только въ классической древности могъ открыться въ то время источникъ поэзіи, и если послѣдняя, черпая изъ него, порою противорѣчила содержанію нѣмецкой жизни, то въ этомъ не было ея вины, не было произвола съ ея стороны.

Необходимость сближенія нѣмецкой поэзіи прошлаго вѣка съ классическою древностію признаетъ и положительно высказываетъ самъ Шмитъ, но иногда противорѣча собственнымъ словамъ, порицаетъ это сближеніе. Прежде чѣмъ послѣдуемъ за Шмитомъ въ обозрѣніи классическаго періода нѣмецкой литературы, скажемъ нѣсколько словъ о періодѣ ея, извѣстномъ подъ названіемъ «бурнаго и стремительнаго» (Sturm- und Drang-Periode) или періода оригинальныхъ геніевъ [1]). Сближеніе нѣмецкой литературы съ древнею классическою кажется необходимѣе и понятнѣе, когда припомнимъ направленіе, господствовавшее въ первой въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Уже появленіе исторіи древняго искусства Винкельмана (1764) и Лаокоона Лессинга (1766) предвѣщало совершенный переворотъ нѣмецкому искусству и литературѣ. Въ 1768 году появилось много сочиненій, возбудившихъ новое движеніе: драматургія Лессинга основывала строгую критику, отвергала французскіе образцы драматической поэзіи и возстановляла истинную теорію Аристотеля. Произведенія Виланда обращали вниманіе читателей къ Греціи, Оссіанъ, въ переводѣ Дениса, предлагалъ современной чувствительности свѣжую, болѣе здоровую пищу. Броженіе выказалось не въ одной только сферѣ поэзіи и искусства: первыя произведенія Лафатера уже обозначали будущій образъ этого писателя, пытавшагося оживить ослабѣвшія вѣрованія; воззваніе Базедова къ человѣчеству о преобразованіи школъ и воспитанія внушало современникамъ сочувствіе и раздумье. Въ 1773 году появились Гецъ и Вертеръ Гёте. Среди поколѣнія, воспитавшагося со времени появленія произведеній Клопштока и Лессинга, возрасли сѣмена, посѣянныя предшествующими литераторами и поэтами. Новое направленіе разви-

---

[1]) Gervinus, т. IV, Periode des Originalgenies.

валось въ немъ съ необыкновенною силою. Писатели и поэты, подобные Броксу, Дроллингеру, Клейсту, Геснеру, пробудили въ немъ способность наслаждаться природою. Въ поэзіи ожили времена патріарховъ и пастырей, первоначальные дни народовъ и первобытный міръ Германіи. Оссіанъ и Гомеръ находили сочувствіе въ нѣмецкой націи; въ ней возникло понятіе о первобытной безыскуственной поэзіи и распространялось открытіемъ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ и англійскихъ романсовъ. Во всемъ замѣтно было стремленіе возвратиться отъ условныхъ формъ жизни къ простотѣ и природѣ. Поколѣніе юныхъ поэтовъ возставало противъ всего старческаго и разсудочно-сухаго, противъ педантизма и тяжелой учености, противъ всего, что казалось ему стѣснительнымъ въ школѣ и жизни. Возбужденное воображеніе этихъ людей породило въ нихъ впечатлительность и раздражительность. Чувственность, бурныя страсти, высоко парящія идеи, напряженное состояніе духа и тѣла, и, какъ слѣдствія всего этого, нервическое раздраженіе, ипохондрія, преждевременная смерть и сумасшествіе, были довольно обыкновенными явленіями въ средѣ молодаго поколѣнія. Друзья, окружавшіе юнаго Гёте, не были чужды вѣрованій въ темныя, таинственныя силы природы и духа. Люди крѣпкаго и трезваго ума, какъ напримѣръ Форстеръ и Лихтенбергъ, въ юности заплатили въ этомъ отношеніи дань своему времени. Во всемъ искали тогда первобытнаго, простаго, самороднаго, и въ существѣ человѣка старались открыть непосредственныя и первоначальныя силы. Дѣйствія людей подчинялись тогда природному чувству и инстинкту: въ область знанія допускались предчувствія и гаданія, въ сферѣ искусства и поэзіи требовали дара, не подчиняющагося правиламъ и законамъ, а собственною силою порождающаго такія произведенія, которыя сами въ себѣ носятъ свои законы. Этотъ даръ назывался геніемъ; произведеніе генія, какъ самостоятельное созданіе, должно занимать мѣсто въ ряду и наровнѣ съ другими произведеніями природы. Геніальность, оригинальность и природа были девизами поэтовъ въ краткій періодъ нѣмецкой литературы, извѣстный подъ названіемъ бурнаго и стремительнаго. Юные геніи вскорѣ начали отвергать всякую критику, всякіе законы искусства; не довольствуясь отрицаніемъ французскихъ образ-

цевъ, провозглашенными Лессингомъ, они уже косо смотрѣли на древніе, классическіе образцы, начинали уже враждовать съ теоріею Аристотеля.

Можно было предполагать, что безграничное уваженіе къ генію, очищенный вкусъ, живость ощущеній и воспріимчивость юнаго поколѣнія будутъ вполнѣ благопріятны для поэзіи. Безъискусственная, натуральная поэзія, занимавшая молодыхъ писателей, народныя пѣсни, поэзія Востока, а также вліяніе Оссіана и Шекспира дѣйствительно сообщали ихъ произведеніямъ нѣкоторую простоту и свѣжесть. Однакоже только одинъ Гёте оправдалъ возбужденныя имъ ожиданія. Многіе изъ юношей, почитавшихъ себя геніями, не имѣли даже и поэтическаго таланта; Меркъ, Мёзеръ, Шлоссеръ, Ф. Якоби и др. порывались напрасно къ поэтической дѣятельности. Нѣкоторые изъ послѣднихъ имѣли болѣе способностей къ наукѣ, чѣмъ къ искусству: многіе рано кончили путь свой, истощивъ силы въ напрасныхъ стремленіяхъ; иные сдѣлались жертвою воображенія, съ которымъ не могли совладать, и впали въ безумство. Юные поэты стремясь къ естественности, не остереглись отъ грубости, немощность приняли за простоту; избѣгая крайностей разсудка, отдались страстямъ и чувственнымъ наслажденіямъ. Для творчества имъ часто недоставало содержанія, а всемосущество генія не могло творить изъ ничего. Стремленія къ природѣ и естественности свергнули искусство съ идеальной высоты; а такъ какъ все еще чувствовали, что искусство не можетъ обойдтись безъ идеала, то старались преобразовать на поэтическій ладъ жизнь и дѣйствительность, къ которымъ обращалось искусство, старались поправити обычаи и нравы, измѣнить обычныя ощущенія и понятія и пытались всему сообщить возвышенное и натянутое значеніе. Результатомъ явилось въ поэзіи отрицаніе всякихъ правилъ, а въ жизни—отрицаніе нравственнаго закона.

Крайности, въ которыя впадало молодое поколѣніе, должны были скоро вызвать противодѣйствіе. Даже въ его собственной средѣ явились отступники и противники его. Цѣлый рядъ романовъ противоборствовалъ нововведеніямъ геніевъ, физіономистовъ-прорицателей, тайныхъ обществъ, философовъ. Вецель, Николаи, Гиппель, Музеусъ, Тюммель были представителями поэзіи дѣйствительности, копирующаго искусства, противопола-

гаемаго искусству гиперболическому. Но и эти писатели мѣркою поэзіи брали природу и правдоподобіе, изображали оригинальные характеры, искали въ дѣйствительности исключительныхъ явленій, а потому были такими же дѣтьми своего времени, какъ и писатели геніальнаго направленія. Если въ произведеніяхъ послѣднихъ много ложнаго было порождено воображеніемъ, то такихъ же ошибокъ не могли избѣгнуть и сочиненія писателей, вдохновляемыхъ разсудкомъ. Лучшія произведенія принадлежали тѣмъ изъ юныхъ поэтовъ, которые обращались къ образцамъ древней литературы и не слишкомъ смѣло ввѣрялись геніальности: таковы были поэты геттингенскаго кружка [1]). Изученіе классическаго искусства должно было спасти нѣмецкую поэзію отъ пошлости и грубости, до которыхъ она была доведена стремленіями къ естественности и оригинальности. Гёте въ пору удалился изъ среды геніевъ, отъ ихъ понятій и нравовъ, но вполнѣ развился его поэтическій даръ только тогда, когда сѣверъ онъ покинулъ для юга, когда онъ сблизился съ древнимъ міромъ и его искусствомъ въ Италіи, которой уже обязанъ былъ своимъ развитіемъ Винкельманъ и куда уже стремился Лессингъ. Подъ вліяніемъ дѣятельности послѣднихъ, изученіе древности сдѣлало великіе успѣхи въ Германіи. Винкельманъ, сколько своими сочиненіями, столько же и характеромъ своей личности, сильно содѣйствовалъ разрушенію устарѣлыхъ воззрѣній и узкихъ понятій нѣмецкихъ ученыхъ. Онъ какъ бы снова открылъ греческое искусство. Смыслъ греческой поэзіи оставался бы для насъ холоденъ и мертвъ, если бъ онъ не былъ наглядно переданъ намъ пластическимъ искусствомъ. Винкельманъ, указывая въ своемъ классическомъ творенія идеалъ красоты древнихъ, осуществленный ими въ чувственныхъ образахъ, указалъ нѣмецкой наукѣ и искусству новые пути. Въ личностяхъ Гёте и Винкельмана было много родственнаго, и изученіе Винкельмана имѣло большое вліяніе на развитіе Гёте.

Лессингъ также глубоко понималъ древнее искусство, хотя по духу и направленію своему нисколько не походилъ на Винкельмана. Спокойный, совершенный идеалъ красоты былъ высо-

---

[1]) Особенно братья Штольберги и Фоссъ.

чайшею цѣлью стремленій послѣдняго; Лессингъ же просилъ у Создателя не прекрасной или полной истины, а живаго и вѣчнаго стремленія къ ней, даже и при сознаніи, что цѣль никогда не можетъ быть достигнута. « Не отъ обладанія истиною, говорилъ Лессингъ, но отъ пытливости, направленной къ ней, растутъ силы человѣка, а въ этомъ и состоитъ его постоянное совершенствованіе. » Если философскій умъ заключается въ стремленіи къ истинѣ, въ стремленіи, никогда не останавливающемся на готовомъ вѣрованіи, но проникающемъ въ глубину предметовъ, то Лессингъ въ высшей степени одаренъ былъ философскими способностями, хотя и не избиралъ философію задачею своей жизни. Онъ возродилъ въ Германіи критику; его пытливость касалась всѣхъ сферъ жизни, за исключеніемъ историко-политической сферы, въ которой не было въ его время мѣста для свободнаго мыслителя. Задача, выпавшая на его долю, была дѣятельность въ области искусства, науки и религіозныхъ вопросовъ. Въ искусствѣ главнымъ дѣломъ Лессинга было отстраненіе ложнаго классицизма объясненіемъ истиннаго. Французы оправдывали свое условное искусство, ссылаясь на Аристотеля; Лессингъ опровергалъ ихъ, основываясь на теоріи Аристотеля же. Не заботясь о томъ, чтобы привести свои понятія объ искусствѣ въ строгую систему, онъ старался приложить ихъ къ отдѣльнымъ явленіямъ, и самъ создалъ произведенія, которыя, какъ говорилъ онъ, должны были показать, что критика до нѣкоторой степени можетъ замѣнять творческую способность. Въ наукѣ, и именно въ филологіи, изслѣдованія его также были образцы къ отдѣльнымъ предметамъ, и статьями своими онъ представилъ классическіе образцы нѣмецкой прозы. Если многіе предметы полемическихъ сочиненій Лессинга не внушаютъ уже интереса сами по себѣ, то всѣ эти сочиненія, одушевленныя могучею и увлекательною мыслію, привлекаютъ и теперь глубокое участіе читателя.

Винкельманъ и Лессингъ объясняли своимъ соотечественникамъ классическую древность въ ея чистомъ, неискаженномъ видѣ; Клопштокъ и Гердеръ старались о примѣненіи ея къ нѣмецкой жизни и нѣмецкому искусству. Въ настоящее время поэзія Клопштока не возбуждаетъ уже прямаго участія, а научныя сочиненія Гердера не могутъ выдержать строгаго разбора

современной критики; тѣмъ не менѣе, въ исторіи развитія нѣмецкой націи, какъ тотъ, такъ и другой занимаютъ высокое мѣсто.

Чувство патріотизма впервые было возбуждено въ Германіи Клопштокомъ, хотя вскорѣ оно было ослаблено космополитическими понятіями и стремленіями, и только позднѣе должно было возродиться съ новою силою. Это чувство было порождено въ Клопштокѣ не нѣмецкою исторіей или литературой, а впечатлѣніями древности. Прельщенный любовью къ отечеству, отличавшею Римлянъ, Клопштокъ старался создать ее и для своей націи. Такимъ образомъ любовь къ отечеству должна была возникнуть въ Германіи тогда, когда, при чрезмѣрной дробности владѣній и разрозненности политическихъ интересовъ, тамъ не существовало еще предмета для такой любви. Усилія Клопштока сочинить себѣ отечество по своимъ потребностямъ производятъ отчасти трогательное, отчасти комическое впечатлѣніе. Онъ избралъ героемъ своей поэзіи Арминія, хотя онъ уже давно исчезъ изъ народнаго преданія и принадлежитъ собственно доисторической эпохѣ края. Въ поэзіи Клопштока являются и Воданъ и Фреія потому, что онъ видѣлъ изъ древнихъ образцовъ, что миѳологическіе образы усиливаютъ поэтическое впечатлѣніе. У Тацита нашелъ онъ образецъ нѣмецкаго характера, удовлетворявшій собственнымъ наклонностямъ и достоинствамъ Клопштока, хотя въ послѣдующей исторической жизни Германіи едва ли можно было встрѣтить что-нибудь подобное. Попытка представить народное содержаніе въ дѣйствительныхъ образахъ не могла быть удачна, потому что сама современная жизнь противилась ей. Любовь къ отечеству могла находить только лирическое выраженіе. Произведенія древнихъ литературъ имѣли большое вліяніе также на форму поэзіи Клопштока, поэтическая дѣятельность котораго облагородила нѣмецкую рѣчь, хотя языкъ его не чуждъ напыщенности. Филологическое образованіе играло важную роль и у послѣдователей школы Клопштока; ихъ любовь къ отечеству, свободѣ и природѣ воспиталась вліяніемъ греческой и римской литературы.

Гердера привлекала иная, поэтическая сторона древности. Римляне не внушали ему сочувствія; его привлекали къ себѣ

Гомеръ и первобытная поэзія народовъ. Гердеръ не былъ одаренъ ни сильнымъ производительнымъ, ни рѣшительнымъ критическимъ талантомъ. Его собственныя поэтическія произведенія не значительны ни по формѣ, ни по содержанію. Критика его, часто возбуждавшаяся критическими сочиненіями Лессинга, не можетъ быть и сравниваема съ послѣдними. Въ ней нѣтъ ни силы, ни опредѣленности, ни проницательности критики Лессинга; но чтобы справедливо судить о дѣятельности Гердера, надо помнить, что въ его время, при бѣдномъ состояніи литературы, указаніе прекрасныхъ образцовъ поэзіи было дѣломъ столько же важнымъ, какъ и утвержденіе строгихъ началъ искусства. Гердеръ, увлеченный первобытною поэзіею Гомера и поэзіею Евреевъ, искалъ ея и у другихъ народовъ. Въ «Голосахъ народовъ» (Stimmen der Völker) онъ собралъ и вѣрно передалъ лучшіе образцы народной лирики разныхъ націй, различнаго характера и разныхъ временъ. Гердеръ болѣе понималъ поэзію первобытныхъ эпохъ, нежели сознательно творящее искусство. Длинный рядъ переводовъ былъ результатомъ дѣятельности Гердера. Воспріимчивость къ чуждой поэзіи и къ чуждымъ литературамъ составляетъ національную черту нѣмецкаго народа, и въ этомъ отношеніи дѣятельность и способности Гердера совершенно соотвѣтствовали духу его націи. Весьма значительно было вліяніе Гердера на Гёте. Гердеръ былъ старше послѣдняго пятью годами, когда встрѣтился съ нимъ въ Страсбургѣ. Указаніемъ на народную поэзію Гердеръ убѣдилъ его, что поэзія есть достояніе всего міра и всѣхъ народовъ, а не принадлежность только утонченно-образованныхъ людей. Гердеръ старался также обратить вниманіе Гёте отъ содержанія поэтическихъ произведеній къ формальной ихъ сторонѣ.

Писатели, о которыхъ мы упоминали до сихъ поръ, обращались къ греческому міру, чтобы просвѣтить и оживить современность. Къ тому же стремилась и филологія. Въ этомъ отношеніи Фридрихъ Августъ Вольфъ, какъ филологъ, сдѣлалъ не менѣе нѣмецкихъ поэтовъ. Его дѣятельность въ Галле относится къ 1783 — 1807 годамъ. Въ это время Вольфъ былъ главнымъ представителемъ науки древности. Знаменитѣйшіе изъ филологовъ, Бекъ, Эммануилъ Беккеръ, Гейндорфъ, образовались въ его школѣ. Въ нѣмецкой литературѣ имя Вольфа оста-

нется памятнымъ по его изслѣдованіямъ о происхожденіи поэмъ Гомера.

Между филологами, имѣвшими рѣшительное вліяніе на образованность Германіи, на ряду съ Вольфомъ занимаетъ мѣсто Генрихъ Фоссъ, какъ переводчикъ Гомера. Слѣдствія перевода Фосса для нѣмецкой литературы и образованности были весьма значительны: Гомеръ, извѣстный прежде только ученымъ и филологамъ, сдѣлался доступенъ всѣмъ образованнымъ людямъ. Переводъ Фосса распространилъ въ Германіи вѣрныя понятія о поэтической формѣ и о греческой древности вообще. Шиллеръ часто перечитывалъ его въ Веймарѣ, а Гёте только послѣ появленія перевода Фосса совершенно отказался отъ прозы въ своихъ драмахъ. Кто сравнитъ образованныхъ людей Германіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка съ людьми предшествующихъ поколѣній, тотъ убѣдится, что жизнь первыхъ уже измѣнилась подъ вліяніемъ туманнаго образованія, что понятія ихъ расширились подъ вліяніемъ свѣтлаго искусства и классическаго обученія, что среди ихъ распространились вкусъ и чувство прекраснаго. Переводы классиковъ на нѣмецкій языкъ, усвоеніе ихъ нѣмецкой литературѣ открывали и поэзіи, блуждавшей въ ложномъ направленіи, прямой и вѣрный путь къ цѣли.

Вниманіе поэтовъ занимало не одно только изученіе древности и филологіи; его должна была занимать и философія, возрожденная Кантомъ. Основная мысль философіи Канта заключалась въ томъ, что мышленіе не можетъ проникать за предѣлы сферы мысли, и что задача философскаго умозрѣнія ограничивается изслѣдованіемъ закона мышленія и означеніемъ границъ послѣдняго. Кантъ не признавалъ за умозрѣніемъ возможности производить или открывать что бы то ни было, кромѣ идей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показывалъ всю важность послѣднихъ, показывалъ, что онѣ безконечно значительнѣе, чѣмъ такъ-называемая дѣйствительность. Великая, хотя и смущающая сторона ученія Канта въ критикѣ практическаго разума, заключалась въ томъ, что оно требовало исполненія долга, ради долга, безъ всякой эгоистической примѣси, безъ всякаго представленія о соединенныхъ съ выполненіемъ долга воздаяніи или наградѣ.

Строгость, съ которою развивалось послѣднее положеніе въ ученіи Канта, объясняется отношеніемъ его философіи къ совре-

мешности. «Ему предстояло, говоритъ Шиллеръ о Кантѣ, не изучать невѣжество, а исправлять ложь. Лѣченіе требовало потрясенія, и чѣмъ рѣзче истинный принципъ отличался отъ господствующихъ правилъ, тѣмъ болѣе могъ Кантъ надѣяться возбудить размышленіе о немъ.» Успѣхъ оправдалъ принципъ Канта. Едва ли какая-нибудь другая философія дѣйствовала такъ благотворно на частную нравственность, какъ его философія. Всѣ государственные люди, стоявшіе во главѣ движенія восточной Пруссіи во время войны за освобожденіе, были слушателями Канта и хранили въ сердцѣ его уроки.

Кантъ не отличался живою воспріимчивостью къ поэзіи, а положеніе современной критики искусства не было достаточно извѣстно ему. Его эстетическія идеи возникли изъ умозрѣнія, а не изъ созерцанія явленій искусства. Анализируя сущность прекраснаго, Кантъ находилъ, что высокое и чистое наслажденіе человѣческаго духа можетъ представляться мысли безъ отношенія къ дѣйствительности. Прекраснымъ называемъ мы то, что возбуждаетъ въ насъ безкорыстное удовольствіе, что кажется намъ вполнѣ соотвѣтствующимъ своему собственному назначенію, безъ отношенія къ какой-либо опредѣленной внѣшней цѣли, и что само по себѣ, не подвергаясь анализу, признается предметомъ общаго и необходимаго удовольствія. Хотя такимъ образомъ искусство является какъ бы забавою, игрою, не состоя въ связи съ обыкновенными цѣлями жизни, тѣмъ не менѣе оно удовлетворяетъ потребности человѣческаго духа, который, наслаждаясь имъ, сознаетъ, что творецъ этого наслажденія — онъ самъ. Гораздо значительнѣе въ ученіи Канта анализъ высокаго, которымъ онъ показывалъ свободу духа отъ условій природы въ способности къ идеалу. В. Гумбольдъ и Шиллеръ развили съ большею полнотою отвлеченныя понятія Канта о предметахъ эстетики.

Философія, филологія и изученіе древности, открывая поэзіи область идеаловъ, идей и прекрасныхъ образовъ, приготовляли классическій ея періодъ, главными представителями котораго были Гёте и Шиллеръ. Со времени личнаго сближенія послѣднихъ между собою и общей ихъ дѣятельности начинается классическій періодъ нѣмецкой литературы.

Въ 1787 году Шиллеръ прибылъ въ первый разъ въ Веймаръ,

Гёте былъ тогда въ Италіи, но тонъ, сообщенный имъ людямъ веймарскаго литературнаго круга, продолжалъ господствовать въ немъ. «Духомъ Гёте, писалъ Шиллеръ къ Кёрнеру, въ августѣ 1787 года, проникнуты всѣ люди его кружка; гордое презрѣніе ко всякому умозрѣнію, до крайности доведенное пристрастіе къ природѣ и подчиненіе своимъ пяти чувствамъ, словомъ, какая-то дѣтская простота разума отличаютъ его самого и всѣхъ здѣшнихъ послѣдователей его». Холодно встрѣтились Гёте и Шиллеръ въ 1786 году въ Рудольштатѣ, въ домѣ г-жи фонъ-Ленгефельдъ. Холодность Гёте зависѣла частью отъ того настроенія духа, въ которомъ онъ находился тогда. Не охотно разстался онъ съ Италіей, откуда возвратился въ Веймаръ, внутренно вполнѣ измѣнившись. Еще до поѣздки въ Италію, поселясь въ Веймарѣ, Гёте началъ отдаляться отъ друзей своей юности, съ которыми раздѣлялъ прежде геніальныя стремленія и вѣрованія. Отъ сѣверной поэзіи, отъ Шекспира и Оссіана, онъ обратился къ Аріосту и Гомеру, живое пониманіе которыхъ сдѣлалось доступно ему только въ Италіи: тамъ обрѣлъ онъ невѣданное счастье, тамъ прежніе его порывы и стремленія нашли себѣ ясную цѣль, мѣру и удовлетвореніе. Титаническія идеи его юности уже казались ему тогда только «призраками, предвѣщавшими болѣе достойный періодъ жизни». Онъ отдалился еще болѣе отъ Лафатера, Якоби и прочихъ друзей юности. Изъ созерцанія пластическихъ античныхъ твореній, Гёте почерпалъ чистыя понятія объ искусствѣ и поэзіи. Въ высокихъ произведеніяхъ греческой скульптуры, природа и искусство, идеалъ и дѣйствительность примирены между собою; ту же гармонію находилъ Гёте и у греческихъ поэтовъ. Вѣрность природѣ соединена у Гомера съ идеальностью и чистотою, которыя понималъ и которыхъ искалъ Гёте въ этотъ новый періодъ своей жизни. Возвратившись въ Веймаръ, онъ не нашелъ тамъ живаго сочувствія своимъ новымъ воззрѣніямъ. Его слова, восторги, возбуждаемые недавнимъ созерцаніемъ древняго искусства, принимались холодно. Поэтъ сталъ скрытенъ и заключился въ себѣ. Осторожность Гёте оскорбляла его друзей, она казалась имъ холодностью и эгоизмомъ. — Приближеніе французской революціи было также одною изъ причинъ мрачнаго настроенія Гёте. Уже въ 1785 году, когда во Франціи возникъ извѣстный скандальный

процессъ по поводу ожерелья, Гёте былъ необыкновенно смущенъ и пораженъ «страшными слѣдствіями, которыя, какъ привидѣнія, глядѣли изъ пропасти разврата», открывавшейся этимъ происшествіемъ. Кромѣ мрачнаго настроенія Гёте была еще одна причина, удалявшая его отъ Шиллера. При тѣхъ понятіяхъ объ искусствѣ, которыя вынесъ первый изъ Италіи, успѣхъ «Разбойниковъ» Шиллера и другихъ произведеній подобнаго рода — не могъ не оскорблять Гёте. Въ нихъ выражалось то направленіе, которому слѣдовалъ онъ въ произведеніяхъ своей молодости, въ Гёцѣ и Вертерѣ, и отъ котораго онъ еще недавно вполнѣ освободился. Его пугало, что нравственные и театральные парадоксы встрѣчали полное одобреніе и между студентами, и между придворными дамами. Шиллеръ сомнѣвался, послѣ перваго свиданья съ Гёте, чтобы они когда-нибудь сблизились. «Уже все его существо, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, совсѣмъ несходно съ моимъ; его міръ не мой, наши понятія существенно различны.» Шиллера привлекалъ къ себѣ умъ и глубокій художественный смыслъ Гёте, но въ характерѣ послѣдняго было для него нѣчто отталкивающее. Въ письмѣ къ Кёрнеру изъ Веймара (февраль 1789) Шиллеръ говоритъ о Гёте: «Онъ возбудилъ во мнѣ странное смѣшеніе ненависти и любви, чувство отчасти похожее на то, которое должны были питать къ Цезарю Брутъ и Кассій....»

Шиллеръ въ 1789 году издалъ исторію отпаденія Нидерландовъ, и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ профессоромъ исторіи въ Іенѣ. Исторія тридцатилѣтней войны издана имъ въ 1790 году. Какъ ни великъ былъ природный историческій смыслъ Шиллера, отношенія современной ему Германіи не благопріятствовали развитію этого смысла. Въ его историческихъ сочиненіяхъ высказывается болѣе поэтъ, чѣмъ историкъ, созидающій свое зданіе изъ самостоятельнаго, фактическаго матеріала. Тѣмъ не менѣе историческія занятія Шиллера имѣли значительное вліяніе на развитіе и направленіе его поэзіи. Шиллеръ самъ сознавалъ, что исторія оказала ему гораздо болѣе услуги, чѣмъ онъ ей. Нельзя не замѣтить однакоже, что въ выборѣ предметовъ историческихъ сочиненій выразился историко-политическій смыслъ Шиллера; онъ брался за изображеніе тѣхъ эпохъ и событій, которыя имѣли нѣкоторую аналогію съ

современными событіями. Ю. Шмитъ, давая преувеличенное значеніе пристрастію Шиллера къ древнему греческому міру, не замѣчаетъ того, въ чемъ выражалось его живое сочувствіе къ современности. Посредствомъ Рейнгольда, преподававшаго философію въ Іенѣ, Шиллеръ ознакомился съ ученіемъ Канта. Вотъ что пишетъ онъ о Гёте, послѣ разговора съ послѣднимъ о Кантѣ: «Любопытно видѣть все, что онъ ни читалъ, преобразуетъ онъ совершенно по своему и передаетъ вновь такъ, какъ не ожидаешь; но я не желалъ бы спорить съ нимъ о вещахъ, сильно меня интересующихъ. Онъ не способенъ принять въ чемъ бы то ни было сердечное участіе. Для него вся философія субъективна, а въ такомъ случаѣ не можетъ быть ни убѣжденія, ни спора. Его философія также не совсѣмъ по мнѣ: она слишкомъ много черпаетъ изъ чувственнаго міра тамъ, гдѣ я черпаю изъ души. Вообще, его воззрѣнія слишкомъ чувственны и, по моему, слишкомъ руководятся осязаніемъ. Но духъ его дѣятеленъ и пытливъ во всѣхъ направленіяхъ и стремится создать себѣ цѣлое, а это дѣлаетъ его въ глазахъ моихъ великимъ человѣкомъ.» (1-го ноября 1790).

В. Гумбольдтъ прибылъ въ Іену въ 1793 году. Между нимъ и Шиллеромъ возникла тѣсная, дружеская связь. Друзья видѣлись ежедневно два раза и проводили цѣлыя ночи въ бесѣдѣ о предметахъ искусства. Филологическая и философская ученость Гумбольдта оказала благотворное вліяніе на образованность Шиллера. Посредничествомъ новаго друга древность сдѣлалась яснѣе и доступнѣе пониманію Шиллера.

Въ 1794 году, послѣ тяжкой болѣзни и глубокаго унынія, въ которое не разъ впадалъ Шиллеръ, онъ возвратился въ Іену съ поѣздки на свою швабскую родину снова въ бодромъ духѣ. Онъ составилъ планъ періодическаго изданія «Нореи», въ которомъ надѣялся соединить дѣятельность замѣчательнѣйшихъ талантовъ. Въ Веймарѣ и Іенѣ обѣщали свое сотрудничество для этого изданія В. Гумбольдтъ, Гердеръ, Фихте, Вольтманъ, Кнебель. Кантъ также обѣщалъ свое содѣйствіе. Въ іюнѣ 1794 года отнеслись и къ Гёте съ приглашеніемъ участвовать въ новомъ изданіи. Спокойная жизнь Гёте была возмущена въ это время многими обстоятельствами. Среди разныхъ тревогъ онъ мало-по-малу утратилъ не совсѣмъ благосклонное чувство, ко-

тероеиталъ прежде къ философскимъ и поэтическимъ трудамъ Шиллера. Занятія Гёте естественными науками удалили отъ него нѣкоторыхъ друзей, не соглашавшихся съ его воззрѣніями. Его отношенія къ Христіанѣ Вульпіусъ нѣсколько отдалили отъ него дворъ и дамъ, съ которыми онъ прежде былъ близокъ. Гёте начиналъ чувствовать свое одиночество. Успѣхи революціи, которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ во время похода въ Шампанію и при осадѣ Майнца, отвращали его отъ дѣйствительной жизни.

«Я держался за занятія естествовѣдѣніемъ, говоритъ онъ, какъ за бревно во время кораблекрушенія; потому что въ теченіи двухъ лѣтъ я лично переживалъ страшное низпроверженіе всѣхъ отношеній.... Быть личнымъ свидѣтелемъ въ высшей степени важныхъ и угрожающихъ міру переворотовъ, видѣть собственными глазами величайшее бѣдствіе, раздѣлять со всѣми такое положеніе — все это пораждало самое мрачное настроеніе духа... Внѣшнія войны взволнованной націи стремились неудержимо впередъ, потрясали міръ, и всему, что еще устояло, грозили если не гибелью, то переворотомъ. Между тѣмъ всѣ жили будто во снѣ, среди какой-то боязливой безпечности.... Но кто отдавалъ себѣ отчетъ въ такомъ положеніи, тотъ долженъ былъ признаться, что среди страха и заботъ всѣ обманывали себя напрасными надеждами....» [1])

При такихъ обстоятельствахъ Гёте чувствовалъ расположеніе примкнуть къ кружку талантливыхъ людей, соединенныхъ Шиллеромъ для одной цѣли. Личная встрѣча двухъ поэтовъ и бесѣда, въ которой проявилось все несходство ихъ натуръ, а вмѣстѣ и взаимная готовность понять и оцѣнить другъ друга, имѣли слѣдствіемъ большее сближеніе поэтовъ. Шиллеръ привлекалъ къ себѣ всѣхъ, кто приближался къ нему; къ тому же общіе труды для предпринятаго изданія скрѣпили еще болѣе союзъ между Шиллеромъ и Гёте, союзъ идеализма съ реализмомъ. Для Гёте, по собственному его признанію, наступила тогда новая, радостная весна. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что самъ не знаетъ, что было бы съ нимъ въ то время, еслибы онъ не встрѣтилъ Шиллера. Рѣшительный

1) Goethe's W. XXVII, 19, 21.

шагъ къ окрѣпленію новыхъ отношеній былъ сдѣланъ Шиллеромъ. Въ письмѣ отъ 23 августа 1794 года онъ объяснялъ Гёте его собственное нравственное состояніе. Шиллеръ говорилъ въ этомъ письмѣ о стремленіяхъ Гёте, изученіемъ природы и греческаго искусства достигнуть до понятія необходимаго и пополнить недостатки, свойственные художнику, рожденному на сѣверѣ. «Какъ отъ созерцанія, совѣтовалъ Шиллеръ, вы перешли къ отвлеченнымъ понятіямъ, такъ теперь вы снова должны понятія сдѣлать созерцаніями и мысли превратить въ чувства, потому что геній творитъ только посредствомъ послѣднихъ.»

Это объясненіе встрѣтило со стороны Гёте признательный пріемъ, и отношенія поэтовъ приняли дружескій характеръ. То не была дружба, заключенная въ молодости и питающаяся общимъ прошедшимъ, но дружба мужескаго возраста, основанная на общихъ трудахъ и интересахъ. Все, что совершили тогда вмѣстѣ Гёте и Шиллеръ, важно не только по исполненію, но и потому, что остается выраженіемъ возвышеннаго, идеальнаго направленія, овладѣвшаго всѣми живыми умами Германіи того времени. Если на свои размышленія объ искусствѣ, на изученіе греческихъ поэтовъ и Аристотеля, Гёте и Шиллеръ смотрѣли тогда какъ на приготовительные труды для своихъ твореній, то все это было также согласно съ общимъ направленіемъ нѣмецкаго образованія той эпохи. Шиллеръ помѣщалъ въ Нотен свои изслѣдованія вопросовъ эстетики. Упомянемъ о важнѣйшихъ изъ нихъ. Шиллеръ, изучавшій Аристотеля, Лессинга и Винкельмана и находившій много поучительнаго въ ихъ эмпирическихъ изысканіяхъ и объясненіяхъ произведеній искусства, видѣлъ всю недостаточность метафизическихъ изслѣдованій Канта тамъ, гдѣ они касались искусства, и это возбуждало въ немъ желаніе собственною дѣятельностію пополнить то, чего недоставало эстетическому ученію философа. Уже въ статьѣ *О причинѣ удовольствія отъ трагическихъ предметовъ*, напечатанной въ 1792 году, Шиллеръ примѣнялъ идеи Канта о высокомъ къ трагедіи. Цѣлью и заслугой искусства признаетъ Шиллеръ въ этой статьѣ доставленіе удовольствія. Нравственное вліяніе искусства зависитъ не отъ того, что оно дѣйствуетъ нравственными средствами, а отъ того, что удовольствіе, производимое искусствомъ, дѣлается средствомъ нравственности.

Статья «О прелести и достоинствѣ» (Ueber Anmuth und Würde, 1793) заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе понятія прелестнаго, какъ выраженія прекрасной души, и понятія достоинства, какъ выраженія возвышеннаго нравственнаго настроенія. Говоря въ ней о долгѣ, какъ о склонности къ добродѣтели, Шиллеръ удаляется отъ строгаго пониманія долга, провозглашеннаго Кантомъ. Говоря о подчиненіи требованій природы закону разума, при столкновеніи первыхъ съ требованіями нравственности, Шиллеръ обнаружилъ строгость мнѣній, которая вмѣстѣ съ другими причинами была препятствіемъ къ его сближенію съ Гете. Послѣдній видѣлъ во многихъ мѣстахъ этой статьи намеки на себя. Въ сочиненіи о прелести и достоинствѣ замѣтно стремленіе Шиллера указать на идеалъ совершеннаго человѣчества, въ которомъ чувственность и нравственность совершенно уравновѣшены и ни одна изъ нихъ не подавлена ради другой. — Значительнѣе и зрѣлѣе всѣхъ другихъ изслѣдованій Шиллера о вопросахъ эстетики его *Письма объ эстетическомъ воспитаніи человѣка*, появившіяся въ Horen въ 1795 году. Ни одно изъ современныхъ вліяній не было чуждо душѣ Шиллера. Философія, исторія, поэзія глубоко интересовали его, и онъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ современному политическому движенію. Послѣднее возбуждало въ немъ вопросы объ отношеніи государства къ литературѣ, политики къ поэзіи. Эти вопросы принялъ онъ исходною точкою своихъ писемъ объ эстетическомъ воспитаніи. Шиллеръ замѣчаетъ, что въ новѣйшихъ обществахъ низшія сословія находятся въ одичаломъ состояніи, а высшія въ состояніи разслабленія и искаженія. Между тѣмъ только облагороженный характеръ человѣка можетъ быть источникомъ политическихъ улучшеній. Гдѣ же средство облагородить характеръ людей? Поэтъ видитъ это средство въ прекрасномъ искусствѣ. Строгость правилъ пугаетъ людей, но въ игрѣ они принимаютъ ихъ, и здѣсь долженъ художникъ овладѣвать людьми. Безъ успѣха будетъ онъ нападать на ихъ правила, осуждать ихъ дѣла, но досугъ ихъ представляетъ ему возможность успѣха. Шиллеръ указываетъ путь, которому слѣдуетъ человѣческій духъ въ своемъ развитіи: человѣкъ въ физическомъ состояніи находится во власти природы, освобождается отъ нея въ эстетическомъ состояніи и

господствуетъ надъ нею въ нравственномъ посредствомъ воли и разума; таковы три эпохи развитія человѣчества и отдѣльнаго лица. Идея взаимнаго отношенія эстетическаго и политическаго образованія не была окончательно развита въ письмахъ Шиллера; съ этой стороны они представляютъ нѣчто отрывочное, незавершенное. Конечно, современное Шиллеру состояніе общества не благопріятствовало окончательному рѣшенію вопроса, котораго онъ коснулся. Эстетическое образованіе нѣмецкой націи еще только совершалось при жизни поэта; съ тѣхъ поръ Германія начинала переходъ отъ жизни созерцательной къ дѣятельной, отъ эстетической къ нравственно-практической. При какихъ условіяхъ нація не останавливается на эстетическомъ образованіи, а идетъ далѣе? При какихъ условіяхъ она довольствуется имъ однимъ или даже не въ силахъ сохранить и его? Отвѣты на эти вопросы были бы дальнѣйшимъ разрѣшеніемъ проблемы, которой коснулся Шиллеръ.

Изъ содержанія писемъ объ эстетическомъ воспитаніи [1]) ясно, что Шиллеръ не признавалъ искусства и эстетическаго развитія послѣдней цѣлью стремленій націи и человѣка, и что въ глазахъ его искусство не унижалось отношеніемъ къ дѣйствительной жизни, какъ утверждаетъ это Шмитъ. — Въ сочиненіи о наивной и сентиментальной поэзіи, какъ о различныхъ родахъ дѣятельности поэтическаго генія, Шиллеръ, конечно, имѣлъ въ виду параллель, образуемую его собственной поэзіей и поэзіею Гёте. Шиллеръ, уже лично сблизившійся съ Гёте, старался въ этой статьѣ опредѣлить свое собственное мѣсто въ области поэзіи возлѣ высоко цѣнимаго имъ поэта, а также защитить поэзію новаго времени противъ Гете, преимущественно стоявшаго за древнюю поэзію. Въ стремленіи людей новаго времени къ предметамъ природы, Шиллеръ находитъ сущность сентиментальности, которая была чужда юношескому возрасту человѣчества; наше чувство къ природѣ похоже на чувство больнаго къ здоровью. Образованность Грековъ не удалялась отъ природы; они чувствовали естественно, натурально;

---

[1]) Собственно эстетическое ученіе, представленное въ письмахъ Шиллера о воспитаніи, изложено на русскомъ языкѣ И. Я. Кронбергомъ въ его «Матеріалахъ для Исторіи Эстетики». Харьковъ, 1836. Брошюра подъ N 5.

мы же только чувствуемъ натуральное, природное! Поэты или сами бываютъ природою, или стремятся найдти утраченную природу, отчего являются или наивными, или сентиментальными поэтами. Древніе поэты дѣйствуютъ на насъ природою, чувственною, истинною, живымъ настоящимъ, поэты новѣйшихъ временъ — идеями. Наивный поэтъ превосходитъ сентиментальнаго въ реальности, онъ осуществляетъ то, къ чему послѣдній пробуждаетъ только стремленіе, но за то сентиментальный поэтъ и стремленію можетъ указать болѣе высокую цѣль. Ни одинъ изъ двухъ родовъ поэзіи не можетъ самъ по себѣ исчерпать идеалъ изящнаго человѣчества, который можетъ воспроизводиться только тѣснымъ соединеніемъ обоихъ родовъ. Оба они имѣютъ свое основаніе въ природѣ человѣка.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ИЗЪ ПОДЛИННЫХЪ ЗАПИСОКЪ А. К. К—НА.

НАЧАЛО.

Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ!
И. Дмитріевъ.

Цѣль моихъ записокъ познакомить свое потомство съ его предками и сказать нѣсколько словъ о себѣ. Конечно, жизнь моя, какъ жизнь частнаго человѣка, тихо идущаго своею дорогой, безъ всякихъ притязаній на исторію, не можетъ быть занимательна; но я ограничивался болѣе анекдотами, или характеристическими чертами, которые можетъ прочесть всякой. Впрочемъ это писано не для печати и на скорую руку. Пусть мои потомки, если захотятъ, узнаютъ меня покороче, чѣмъ покойный мой отецъ познакомилъ меня съ своимъ отцомъ. Только въ кіевскомъ патерикѣ отыскалъ я одну собственноручную замѣтку отца моего о дѣдѣ, слѣдующаго содержанія: «1789 года Апрѣля 3 дня, бывшее на страстной недѣлѣ во вторникъ, въ 10 часовъ утра, преставился родитель мой Стефанъ Ѳедоровичь К....нъ, отроду 55 лѣтъ.»—Это хуже формулярнаго списка!

Я родился М* уѣзда, въ сельцѣ Симоновѣ, 31 августа 1796 года, въ три часа по полуночи. Говорятъ, что я явился на свѣтъ съ большой головою и долго не могъ держать ее на плечахъ. Кормилица, любя меня, пророчествовала, что я буду чрезвычайно уменъ; но добрая женщина не знала, что умъ не всегда живетъ въ просторныхъ покояхъ. Отъ головы моей я получаю одни убытки, не находя иногда по ней шляпъ; а заказныя вещи, извѣстно, всегда дороже, кромѣ однихъ произведеній словесности.

До десятилѣтняго возраста я воспитывался въ домѣ родительскомъ. Первымъ моимъ учителемъ былъ старичокъ, какой-то заштатный поповичъ, Иванъ Семеновичъ. Фамиліи, какъ его, такъ и слѣдующихъ за нимъ двухъ домашнихъ учителей, я не помню и, кажется, никогда не зналъ, полагая для всякаго человѣка весьма достаточнымъ одного

священнаго имени Ивана Семеновича. Онъ училъ меня читать по гражданской азбукѣ, а молитвы и акаѳисты по кіевскимъ церковной печати святцамъ. Слѣдственно, образованіе мое было среднее, между классицизмомъ незнакомаго мнѣ часовника и между романтическимъ названіемъ буквъ на французскій ладъ, хотя я и до сихъ поръ не понимаю, почему легче складывать эль—ю, нежели люди—ю: въ обоихъ случаяхъ *лю* условно. Второй учитель былъ Василій Ѳедоровичъ, военный офицеръ, за буйство при Государѣ Павлѣ сосланный въ Сибирь. Этого человѣка я почиталъ мудрецомъ, когда онъ въ разграфленыхъ квадратахъ нарисовалъ мнѣ Пиѳагора съ таблицею умноженія, и вечеромъ пустилъ ракету. За нимъ слѣдовалъ Иванъ Ивановичъ, лысый Нѣмецъ, учитель французскаго языка, котораго онъ не зналъ и самъ. Всѣ эти три ментора имѣли участь изгнанниковъ. Поповичъ за лѣность, потому что не являлся по цѣлымъ днямъ, любя ловить перепеловъ; математикъ за любовь къ Бахусу; а Нѣмецъ за любовь — въ собственномъ значеніи — къ одной изъ нашихъ сѣнныхъ дѣвушекъ.

Весело протекло для меня золотое время безпечности. Мы жили постоянно въ Симоновѣ. Большой садъ, пруды, луга, рощи,—сколько удовольствій для молодаго рѣзвяки? Впрочемъ, кажется, я никогда не былъ большимъ шалуномъ, и братъ Николай, будучи меня годомъ моложе, бралъ въ этомъ первенство, за что отецъ съ матерью звали его Котикомъ, а меня просто Сашенькой. Я смиренно сиживалъ возлѣ маменьки, когда она варила варенье и, какъ старшій сынъ, имѣлъ почетное право на снимаемыя съ него пѣнки. Любовь къ сладкому еще и теперь меня не оставила, хотя я и расплатился уже за то нѣсколькими зубами. Но кто не любитъ сладкаго? И такими ли пожертвованіями расплачиваются люди за лакомый кусочекъ?

Первая моя съ самодовольствіемъ совершенная шалость, сколько могу припомнить, была слѣдующая: я былъ лѣтъ девяти. Въ великій постъ намъ (старшимъ дѣтямъ) не давали скоромнаго, и я сряду нѣсколько дней, забравшись въ дѣтскую комнату, съѣдалъ тамъ потихоньку приготовленную для малютокъ молочную кашу. Въ первый день расхищенія, кормилицы и няньки немедленно отрапортовали объ этомъ матушкѣ. Пошло слѣдствіе, и братъ Николай, какъ болѣе шаловливый, остался въ подозрѣніи. На другой день пало подозрѣніе на одну маленькую горничную дѣвочку, потому что она за обѣдомъ мало ѣла. Бѣдняжкѣ выдрали уши и сбирались сѣчь. Однѣ горькія ея слезы, съ ужасной божбою, могли остановить исполненіе приговора. На третій день въ сумерки, когда никого не было въ дѣтской, я опять очутился тамъ. Опять знакомый горшечекъ съ манной кашею, немного початой, стоитъ на лежанкѣ. Опять соблазнъ; но мнѣ жаль стало дѣвочки, которую непре-

мѣнно бы высѣкли, и я съ минуту колебался — ѣсть, или нѣтъ? — Вдругъ показался въ комнатѣ Васька котъ, старинный мой непріятель, и счастливая мысль мелькнула въ головѣ моей. Я схватилъ его, мигомъ съѣлъ кашу, остатками вымазалъ ему морду и представилъ его въ судъ, какъ пойманнаго мною на самомъ дѣйствіи вора. Умы были уже взволнованы; отъ Васьки не потребовали даже должныхъ объясненій. Его высѣкли на лежанкѣ предъ пустымъ горшкомъ и сослали въ людскія избы, съ воспрещеніемъ появляться въ господскомъ домѣ. — Ахъ! онъ прокудникъ, говорила старая няня, вымывая тщательно горшечекъ, да этого за нимъ прежде не важивалось!

ГИМНАЗИЧЕСКОЕ УЧЕНІЕ.

Всѣ говорятъ: ученье свѣтъ.
Не знаю, правда ль то, иль нѣтъ;
Но свѣчи въ классахъ зажигаютъ. . . .

Осенью, въ 1806-мъ году, сама матушка отвезла меня съ братомъ Николаемъ въ смоленскую гимназію. Добрая мать — въ хорошемъ значеніи этого слова, — одаренная природнымъ умомъ, старалась о нашемъ образованіи, сколько отъ нея зависѣло. Она при всякомъ случаѣ внушала намъ, чтобъ мы дорожили временемъ ученья для собственнаго нашего благополучія; но, прося учителей заниматься нами преимущественно, не забыла попросить, чтобъ насъ изъ уваженія къ дворянской граматѣ не сѣкли. Горько намъ было съ нею разставаться; но оставленныя полныя банки варенья, постила и прочія лакомства подсластили разлуку. Мы утерли слезы, принялись за тетрадки, и лѣтомъ 1807 года, послѣ публичнаго экзамена, я явился домой съ книгою «Іисусъ, другъ дѣтей», на переплетѣ коей золотыми буквами было напечатано «за прилежаніе». А на другой годъ (1808) подарена мнѣ на экзаменѣ книга: «О познаніи себя Іоанна Масона», съ золотымъ орломъ и надписью «За отличные успѣхи». Признаюсь, эти награды чрезвычайно меня восхищали. Я спалъ вмѣстѣ съ ними, не рѣдко видѣлъ во снѣ, что ихъ у меня украли, или замарали; тогда вскрикивалъ, просыпался и, увѣрившись, что онѣ подъ подушкою живы и здоровы, снова принимался радоваться. Блаженное время! Только однажды послѣ того я былъ столько же восхищенъ, получивши первой офицерскій чинъ. Теперь произведи меня въ генералы, подари мнѣ Императорскую публичную библіотеку, — право такъ не обрадуюсь, и будетъ ли подобная третья радость, не знаю.

Въ Смоленскѣ мы съ братомъ учились два года, будучи своекоштными, то-есть, нанимая особую квартирку, ходили въ гимназію только въ классы. Свободное время было посвящено на разсматриваніе множества

любопытныхъ и для насъ совершенно новыхъ предметовъ. Не видавши до того ни одного губернскаго города, въ Смоленскѣ мы открыли новый міръ. Въ то время Наполеонъ придалъ движенія Россіи, закипѣла милиція, и новые воины, разлученные съ родными, пировали съ горя. Ежедневные смотры и выступленія въ походъ войскъ казались мнѣ ребенку прекрасными игрушками. Всякаго генерала, скачущаго на лошади, я почиталъ достойнымъ чести быть изображеннымъ на картинкѣ у суздальскаго разнощика. Золото и серебро на мундирахъ еще меня не очень удивляли, потому что я видалъ *однозолотые* кокошники на кормилицахъ и душегрѣйки съ позументами, но на комъ были шляпы съ перьями, тѣ казались мнѣ совершенными героями.

Съ какою гордостью надѣлъ я въ Смоленскѣ однобортный гимназическій синій сертукъ, съ малиновымъ стоячимъ воротникомъ, закрывающимъ почти всѣ уши! Другой нарядъ, не менѣе памятный, былъ у меня вишневаго цвѣта черкеска, обшитая кругомъ золотымъ въ палецъ позументомъ, съ дутыми золочеными пуговицами и съ краснымъ сафьяннымъ ремнемъ, обрисовывающимъ талію 11-лѣтняго гимназиста. Въ предупрежденіе могущихъ въ потомствѣ возникнуть споровъ вразсужденіи теперешней моей толстоты, долгомъ считаю объяснить, что я въ то время былъ стройный мальчикъ и отнюдь не брюханъ 1839-го года. Дородность моя, которою я такъ горжусь, есть собственность пріобрѣтенная на службѣ, — неусыпный плодъ трудовъ усыпительныхъ. Если-бы кто спросилъ у меня, что̀ пріобрѣлъ я службою? Я бы отвѣчалъ: чинъ коллежскаго совѣтника, 22 года къ итогу жизни и три пуда жирной собственной говядины. — Но обратимся къ нарядной черкескѣ. Къ ней принадлежала зеленобархатная шапочка съ позументомъ и котикомъ по опушкѣ. Золотые шнурки раздѣляли ея валики, сходившіеся къ верху подъ большую парчевую пуговицу. — Въ этомъ нарядѣ, почти каждый праздникъ, я и братъ Николай отправлялись по утру съ поздравленіемъ къ директору гимназіи [1]), потомъ къ обѣднѣ, гдѣ служивалъ архіерей, а послѣ обѣда гулять на Блоньѣ, или по городской каменной стѣнѣ. — Чьи это дѣти? часто спрашивали дамы, останавливая нашего дядьку. Это должно быть полоненые Турченятки, толковали между собою уличныя торговки, осматривая насъ съ головы до ногъ; а я въ свою очередь съ любопытствомъ посматривалъ какъ онѣ прятали себѣ подъ ноги, для теплоты, горшки съ горячими углями. — Черкесскій, или правильнѣе: такъ-называемый черкесскій нашъ нарядъ, доставилъ намъ знакомство съ тогдашнимъ военнымъ губернаторомъ Смоленска, Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ. Однажды на фейерверкѣ подарилъ онъ мнѣ

---

[1]) Левъ Ѳедоровичъ Людоговскій.

фунтъ конфетъ, и когда пріѣзжалъ въ соборъ къ обѣднѣ, то не допускалъ насъ уступать ему мѣста. — А! знакомые! говаривалъ онъ, стойте впереди, вы мнѣ не мѣшаете.

Въ смоленской гимназіи въ то время учили очень хорошо. Если я что-либо теперь знаю, то закладка этому невещественному капиталу сдѣлана въ Смоленскѣ. Однакожь отецъ мой вычислилъ, что до Смоленска отъ нашей деревни болѣе двухъ-сотъ верстъ, тогда какъ Калуга во ста верстахъ, слѣдственно ближе будетъ посылать за нами лошадей во время отпусковъ, а потому и перевелъ насъ въ калужскую гимназію. По прошествіи же еще двухъ лѣтъ, углубляясь далѣе въ изчисленіе разстояній, онъ перевелъ насъ въ Лѣсной Институтъ, находившійся близь Козельска, и всего отъ Симонова по прямымъ проселочнымъ дорогамъ въ 70 верстахъ. — О воспитаніи нашемъ не было дѣлано никакого предварительнаго плана. Я помню, что батюшка, на вопросы знакомыхъ, какіе онъ имѣетъ виды, отдавши насъ въ *лѣсники*, отвѣчалъ лаконизмомъ: «чтобъ не вертѣлись на глазахъ.» Изъ всѣхъ своихъ философическихъ разсужденій, онъ выводилъ одно заключеніе: *Все тарара!* — И вѣроятно думалъ, что близко подходитъ къ Соломону.

Итакъ, въ 1808-мъ году, по вышесказанной мною причинѣ, основанной на разстояніи мѣстностей, отецъ перевелъ меня съ братомъ въ калужскую гимназію, гдѣ науки двигались впередъ со скоростью черепахи. Директоръ П..... дремалъ, а потому и все спало. Два года были у насъ почти потеряны.

Въ Калугѣ, какъ и въ Смоленскѣ, мы также были своекоштными. Тотъ же дядька, свой человѣкъ, Ѳирсъ Осиповичъ, съ своею супругою Ѳеклистою Ѳедоровною, которая жива еще и теперь. Старикъ былъ оригиналенъ. Большой ястребиный, почти чрезъ губу висячій носъ придавалъ ему много важности. Каждыя пять минутъ набивая его табакомъ, онъ послѣ каждой такой операціи поправлялъ его пальцомъ съ права и съ лѣва, какъ-будто опасаясь, чтобъ носъ его по своей величинѣ не загнулся въ какую-либо сторону. Ѳирсъ Осиповичъ былъ смирное существо, любилъ насъ и любилъ чарочку.

Вмѣсто наукъ я буду говорить о калужскихъ шалостяхъ. Я полагаю, что жалѣть о нихъ, какъ о потерянномъ времени, а особливо въ молодости, не должно. Школьныя шалости должно дѣлить на два разряда. На *мирныя*, то-есть безвредныя, между товарищами, и на *войну съ учителями*. Нужна особенная смѣтливость каждому наставнику, чтобъ рѣзвая молодежь не открыла въ немъ смѣшную сторону: тогда вся его премудрость ни къ чему не годится. Иногда ничего не значащая шутка, которую при первомъ разѣ учитель не могъ перенести равнодушно, дѣлаетъ его пред-

метомъ безпрестанныхъ насмѣшекъ. Напримѣръ: въ Калугѣ учитель гимназіи Блаж., котораго мы прежде слушались и уважали, идучи въ классы остановился на улицѣ покупать у разнощика груши. При видѣ этого, мнѣ пришло въ голову сказать глупую эпиграмму:

Блаженъ мужъ,
Объѣлся грушь.

Товарищи всѣ захохотали. Одинъ посмѣлѣе высунулся въ окно и мой экспромтъ прокричалъ басомъ. Б* услышалъ, разсердился, началъ строго разыскивать; но виноватаго не оказалось. Послѣ этого, гдѣ бы онъ ни шелъ, изъ-за каждаго угла и забора только и слышалось: «блаженъ мужъ, объѣлся грушь». Онъ бѣсился, дрался, и часто выходили у него на улицахъ съ мальчишками пресмѣшныя сцены.

Изъ числа калужскихъ шалостей осталось въ моей памяти два происшествія: вознесеніе корзины и путешествіе по лѣстницѣ въ столовомъ ящикѣ. Въ первомъ я былъ дѣйствующимъ лицомъ. Классъ находился во второмъ этажѣ, окнами на улицу, а подъ ними внизу у воротъ стояла скамья, на которой повадился отдыхать конфетчикъ. Корзину, съ деревянною стоячею ручкою, онъ обыкновенно ставилъ на скамью возлѣ себя, а самъ, прислонясь къ стѣнѣ, сидя дремалъ. Искушеніе было передъ глазами: разные пряники, коврижки, леденецъ, конфеты въ цвѣтныхъ бумажкахъ, такъ мило пестрѣлись, что тотчасъ былъ составленъ планъ воздушной дороги. Ненужно было, подобно Герстнеру, выписывать изъ Англіи, или Бельгіи ни рельсовъ, ни паровозовъ. Все было сдѣлано въ Россіи и русскими художниками — молодыми шалунами. Простой деревянный крючокъ спустился изъ окна втораго этажа на веревкѣ, составленной изъ помочей, шейныхъ и носовыхъ платковъ, подцѣпилъ за рукоятку корзину и потащилъ ее вверхъ скорѣе, нежели по желѣзной дорогѣ. — Корзина задѣла угломъ по шляпѣ хозяина, онъ проснулся, хотѣлъ схватить бѣглянку и стоялъ въ изумленіи съ распростертыми руками. Вознесеніе совершалось предъ его глазами. Наконецъ, пришедши въ себя онъ вскричалъ: эка оказія! и бросился жаловаться; но достояніе корзины вмигъ было расхищено, а сама она, какъ ненужная вещь, вылетѣла обратно на улицу. Надзиратель засталъ всѣхъ учениковъ на мѣстахъ, окна опущены, въ карманахъ одни носовые платки, и никто ничего не слыхалъ и не знаетъ. «Ну ужь оказія!» повторилъ конфетчикъ, хлопнувши обѣими руками по кафтану, и въ вознагражденіе за потерю получилъ прозвище: оказія!

Путешествіе въ столовомъ ящикѣ было очень накладно для путешествующаго. Отецъ хотѣлъ отдать меня съ братомъ въ дворянскій пансіонъ, находившійся при гимназіи и расположенный въ 3-мъ этажѣ. Надзиратель, какой-то Датчанинъ, баронъ Кампенгаузенъ, или что-то

въ этомъ родѣ, провожалъ насъ туда и хвасталъ заведеннымъ имъ порядкомъ. Вдругъ почти на самомъ верху лѣстницы встрѣчается съ нами дилижансъ, состоящій изъ столоваго ящика, въ которомъ сидѣлъ дворянскій пансіонеръ; два товарища спускали его на веревкахъ въ томъ ящикѣ по лѣстницѣ. Увидѣвши надзирателя и насъ, кондукторы бросили веревки и обратились въ бѣгство, а пасажиръ кувыркомъ отправился внизъ, то отставая, то опереживая свой экипажъ. Мы едва успѣли посторониться, а надзиратель, желая остановить скачущихъ, раненъ былъ въ ногу. Нѣкогда и некому было показывать заведенія. Путешественнику нужна была скорая помощь, надзиратель хромалъ, и мы, ничего не видавши, отправились обратно. — Этотъ ничтожный случай былъ причиною, что мы не поступили въ дворянскій пансіонъ, откуда, поучивши, отправляли воспитанниковъ въ петербургскіе военные корпуса, или въ дворянскій полкъ. Злодѣй столовый ящикъ! ты лишилъ меня счастія быть героемъ и носить шляпу съ перомъ! Ты сдѣлалъ изъ меня форштмейстера. Въ 1810-мъ году былъ я съ братомъ Николаемъ уже въ калужскомъ форштъ-институтѣ.

ВАЛЬДБУРГЪ. *

Здѣсь, по милости судьбы,
Урожай былъ на клубнику,
На орѣхи, костенику,
На малину и грибы.

Здѣсь мы попались въ руки къ Нѣмцамъ. Каспаръ Богдановичъ фонъ-Вюльфингъ—директоръ иститута; Мельхіоръ Богдановичъ фонъ-Вюльфингъ — инспекторъ института; Антонъ Богдановичъ фонъ-Вюльфингъ— учитель форштъ-таксаціи, форштъ-технологіи и вообще учитель всего, предъ чѣмъ только можно поставить слово *форштъ*, хотя и носились слухи, что до того онъ въ Казани, сидя въ погребкѣ, торговалъ винами. Директоръ служилъ прежде въ морской службѣ, гдѣ въ какомъ-то сраженіи осколкомъ мачты переломило ему ногу, отъ чего онъ всегда ее волочилъ. Потомъ онъ былъ калужскимъ оберъ-форштмейстеромъ и, какъ великій прожектеръ, исходатайствовалъ разрѣшеніе на заведеніе лѣснаго училища, гдѣ пріютилъ и всѣхъ своихъ пресловутыхъ братцевъ. Каспаръ, надобно отдать ему справедливость, былъ человѣкъ довольно ученый. Институтъ онъ выстроилъ въ 10 верстахъ отъ города Козельска и въ двухъ отъ деревни Слаговищъ, на пустомъ мѣстѣ у казенной засѣки, для удобности ботанизированія и геодезическихъ

* Такъ называли мы калужскій лѣсной институтъ.

практикъ, гдѣ и посвятилъ себя на воспитаніе дѣтей, фасоли и цвѣтной капусты. Онъ былъ масонъ; ради чего, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, имѣлъ большія связи и поддержки въ Петербургѣ. Первый выпускъ кадетъ Каспаръ Богдановичъ возилъ самъ въ Петербургъ на экзаменъ, гдѣ многіе отличились и получили 12 класса чины, а ему дана Анна на шею.

Въ эту-то эпоху, послѣ перваго выпуска, когда калужскій лѣсной институтъ находился на высшей точкѣ своей славы, поступилъ я въ оный съ братомъ Николаемъ; но въ 1813 году соединили его съ петербургскимъ, куда перевезли и всѣхъ кадетъ. Теперь на мѣстѣ Вальдбурга — запустѣніе.

Два съ половиною года, проведенные мною въ калужскомъ институтѣ, были не безъ успѣховъ въ наукахъ; а общественная жизнь въ казенномъ заведеніи до сихъ поръ оставила во мнѣ пріятныя воспоминанья. Мы вставали въ 6 часовъ утра. Въ 7 собирались въ залѣ на молитву, гдѣ насъ строили въ двѣ шеренги и потомъ давали по куску бѣлаго хлѣба. Съ 8 до 12 и послѣ обѣда отъ 2 до 6 мы учились. Колокольчикъ былъ сигналомъ для всѣхъ нашихъ занятій, обѣдовъ и ужиновъ. Пища была простая, но вкусная: щи съ говядиной, холодное и «гречишная каша», игравшая важную роль въ гастрономіи институтской кухни. Въ праздники прибавлялось четвертое блюдо. А какъ почти всѣ кадеты были дѣти по близости живущихъ родителей, то почти всѣ имѣли собственный чай и еще кое-что для подсластки казеннаго обѣда. У насъ была даже собственная корова, присланная отъ матушки, чтобы мы не нуждались въ молокѣ. Директора нельзя было упрекнуть въ скупости: на 30 человѣкъ комплектныхъ кадетъ отпускалось всего 15 тыс. рубл. асс., и чуть ли не въ томъ же числѣ и жалованье учителямъ. Пансіонеровъ было до 20 человѣкъ, съ платою по 300 рубл. Это очень умѣренно.

Какое удовольствіе, когда бывало отправляешься на практику снимать лѣса, дѣлить ихъ по форштъ-таксаціи на ревиры и дистрикты и брать пробы десятинъ, для узнанія кубическаго содержанія; или жечь уголь, поташъ и прочее, предписываемое много-ученою и вельми-хозяйственною нѣмецкою лѣсною технологіею! Кочевая жизнь въ какой-либо деревнѣ [1]), или просто въ лѣсу на бивакахъ, при пылающихъ кострахъ, въ прекрасное время года, сколько доставляла пріятности молодымъ людямъ! Тутъ разныя игры, шутки, смѣхъ. Иногда бывалъ съ нами на практикѣ самъ директоръ, и ужь *всегда* братецъ его Антонъ Богдановичъ, великій магистръ форштъ-таксаціи, въ рыжемъ парикѣ, съ

[1]) Я помню между прочимъ деревню Красный Клинъ.

TAYLOR INST. OXFORD

краснымъ носомъ,—предметъ безпрестанныхъ кадетскихъ проказъ. Бывало, когда онъ станетъ записывать ромбъ, нѣсколько человѣкъ обступятъ астролябію подъ предлогомъ любопытства, а между тѣмъ одинъ потихоньку желѣзомъ отведетъ магнитную стрѣлку совсѣмъ въ другую сторону, и бѣдный таксаторъ никакъ не можетъ объяснить, почему сѣверный конецъ стрѣлки указываетъ на полдень. Иногда сгоряча онъ даже заспоритъ, что компасъ вѣренъ, но солнышко уличаетъ въ противномъ, и глупый Антонъ Богдановичъ, при общемъ смѣхѣ, самъ недовѣрчиво смѣется и говоритъ: *это чудеса!*

Послѣ смерти Мельхіора Богдановича, красноносому Антону Богдановичу поручено было инспекторство института, къ обидѣ главнаго надзирателя, маіора Дероше, какъ старшаго чиномъ. Этого было достаточно, чтобы главный надзиратель смотрѣлъ на наши шалости сквозь пальцы, и чтобы мы при всякой оказіи дурачили новаго инспектора, который и такъ былъ недалекъ, а любилъ иногда выкушать винца. — Вотъ какъ отучили мы его, чтобъ онъ не присутствовалъ при нашихъ обѣдахъ. Достали перепелиную дудочку, и когда онъ находится у одного конца стола, то на противоположной сторонѣ подъ столомъ слышится тю-тю, тю-тю! — *Шево-съ это!* вскричитъ новый инспекторъ и побѣжитъ на голосъ дудочки, которая подъ столомъ незамѣтно передается изъ рукъ въ руки, и покуда кого-либо изъ извѣстныхъ шалуновъ обыскиваютъ, голосъ ея раздается уже въ другомъ мѣстѣ. Антону Богдановичу не приходитъ въ голову, что весь институтъ противъ него въ заговорѣ. Онъ бѣгаетъ за дудочкой какъ угорѣлый и напослѣдокъ съ досады уйдетъ домой, сопровождаемый общимъ смѣхомъ. Если вздумаетъ опять когда пожаловать къ обѣду, — опять начинается та же комедія: мы олицетворили въ немъ перепела, который, какъ извѣстно, всегда бѣжитъ на дудочку, воображая, что его кличетъ самка.

Въ институтѣ послѣ экзаменовъ бывали балы, музыка, танцы и театры. Въ нѣкоторыхъ піэсахъ я самъ игралъ, и по большой части женскія роли. Помню *Князя трубочиста* и *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Въ послѣдней піэсѣ посягали мы на честь Коцебу, который тогда былъ въ модѣ. Директорская дочь Софья, предметъ воздыханій всего института, и дщерь Антона Богдановича Луиза, толстая картавая дѣва, также играли на театрѣ. Однажды, помнится, играла тамъ какую-то роль сестра моя Екатерина. Къ экзаменамъ съѣзжались, кромѣ окольныхъ сосѣдей, многіе родители кадетъ съ своими семействами, въ томъ числѣ и наши. Однажды батюшка съ матушкою давали въ институтѣ обѣдъ, послѣ котораго матушка съ директоромъ для шутки танцовала *менуэтъ*, и всѣ смотрѣли на этотъ танецъ съ любопытствомъ, какъ на старичка, уже отжившаго свое время. Но величайшимъ наслажде-

ніемъ, выше всѣхъ баловъ и театровъ, были послѣ экзаменовъ отпуски на ваканцію. Сколько радости отправиться домой къ роднымъ, побѣгать, погулять въ мѣстахъ своего рожденія, гдѣ каждое деревцо смотритъ на тебя стариннымъ знакомцемъ. За то сколько вздоховъ, печали, когда наступаетъ время возвращенія на школьную скамейку.

Находясь въ институтѣ, каждое воскресенье должны мы были ходить въ домъ къ директору на нѣмецкое богослуженіе, не смотря на то, кто какаго исповѣданія. Русскихъ противъ Нѣмцевъ было по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе и на половину такихъ, которые не знали по-нѣмецки ни одного слова; и однакожь всѣ должны были пѣть хоромъ нѣмецкія молитвы, смѣясь изъ-подтишка, когда иной задорный Нѣмецъ фальшиво возвыситъ козлиный свой голосокъ, не прикрываемый, какъ въ киркѣ, хорошими органами. Вѣроятно этимъ насъ скорѣе хотѣли ознакомить съ нѣмецкимъ языкомъ, но вышло противное. Нѣмецкая служба, отнимая у насъ въ праздники свободное время для гулянья, казалась намъ, Русскимъ, невыносимымъ притѣсненіемъ. Кто сказывался больнымъ, кто приносилъ какой-либо романъ и, осторожно заложивъ его въ нѣмецкій молитвенникъ, читалъ про себя; а чтобы не замѣтили, машинально вторилъ голосомъ за поющею братіею. Видя, что мы не дѣлаемъ успѣховъ въ нѣмецкомъ языкѣ, учредили билетъ для разговаривающихъ по-русски, и у кого оный оказывался при обѣдѣ, тотъ лишался одного блюда. Напослѣдокъ, когда это не помогало, стали за тотъ же билетъ оставлять совсѣмъ безъ обѣда. Съ нами поступали неосторожно, думая силою наказанія заставить говорить по-нѣмецки. Какое-либо поощреніе скорѣе бы подѣйствовало. Мы составили заговоръ, во что бы ни стало не говорить на басурманскомъ языкѣ и, подстрекаемые ложнымъ патріотизмомъ[1]), что изъ насъ хотятъ сдѣлать Нѣмцевъ и чрезъ билетъ всѣхъ перессорить, рѣшились по череди оставаться безъ обѣда. Мы поставили на своемъ; но кто въ убыткѣ?... Послѣ я дорого заплатилъ бы за то, чтобы въ подлинникѣ понимать Шиллера и Гёте.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Вдругъ неожиданно, весною 1813 года, только что успѣлъ стаять снѣгъ съ полей, явились къ намъ два чиновника, чтобы перевезти насъ въ Петербургъ и такимъ образомъ изъ двухъ существовавшихъ въ Россіи лѣсныхъ училищъ составить одно. Дѣти рады всякой пере-

---

[1]) Это было въ 1812 году.

мѣнѣ. Намъ наскучило уединеніе и прогулки по кустамъ за орѣхами и ягодами. Мы желали видѣть столицу съ ея чудесами, царя, дворъ, гвардію, и безъ сожалѣнія оставили мирныя обители Вальдбургскихъ гамадріадъ. Намъ едва дали время съѣздить домой проститься съ родными и, на долгихъ, по 3 и по 4 человѣка въ повозкѣ, потащили на берега Невы чрезъ Юхновъ, Гжатскъ и Старицу. Гжатскъ тогда, послѣ посѣщенія Французовъ, только начиналъ строиться; но въ каждомъ домѣ былъ арсеналъ, изъ оружія подобраннаго на мѣстахъ сраженій, и мы дешево накупили тамъ ружей, сабель и прочихъ бранноносностей разнокалиберной Европы. Въ Торжкѣ накупили золотомъ шитыхъ капшуковъ, для курительнаго табаку, а въ Валдаѣ колокольчиковъ. Все это намъ такъ же нужно было, какъ японскому императору модный французскій чепчикъ; но какъ удержаться отъ покупокъ, когда имѣешь рублей 50 въ карманѣ? а у нѣкоторыхъ крезовъ, изъ нашей братіи, было даже и по сту рублей, данныхъ на дорогу отъ родителей. Да и скажите, ради Бога, какъ обойдтись безъ капшука, когда позволяется курить трубку? А трубку позволялось курить только кадетамъ высшихъ классовъ, ходящимъ на практику; слѣдственно трубка служила знакомъ достоинства, что я уже вышелъ изъ мальчишекъ и гляжу въ офицеры. Она была предвѣстницею шпаги, а для этой чести — хоть тошнило меня на пропалую — я всё-таки курилъ русской фабрики гамбургскій вагштафъ, съ подписью «superfine tobaco», по 40 копѣекъ за фунтовой картузъ.

Въ Петербургѣ насъ привезли прямо на Милліонную, въ домъ къ графу Григорію Владиміровичу Орлову, бывшему въ то время директоромъ департамента государственныхъ имуществъ. Мы были въ бѣлыхъ холщевыхъ мундирахъ съ зелеными воротниками. Въ двѣ шеренги поставили насъ у него въ залѣ. Графъ принялъ насъ ласково, спрашивалъ о здоровьи, подчивалъ чаемъ; но камердинеръ его удивилъ насъ своею фамильярностью. «Что, ребята, какова дорога?» Мы вспыхнули отъ негодованія и не отвѣчали ему ни слова. Но еще болѣе удивились, когда онъ, обращаясь къ петербургскому оберъ-форштмейстеру, перевозившему нашъ институтъ, сказалъ ему съ упрекомъ дружества. «А ты, братъ, обѣщалъ табаку, да не присылаешь?» О** отшучивался, имѣя на то, можетъ-быть, свои причины; но для насъ картины такого рода были совершенно новы!

Директоръ петербургскаго института, обошелся съ нами еще хуже графскаго лакея. Начать съ того, когда насъ привезли къ нему въ институтъ за Выборгскую заставу, то съ полчаса заставили дожидаться на дворѣ, пока отвели комнаты. Потомъ явился директоръ въ вицемундирѣ, безъ галстуха, въ туфляхъ и съ трубкою въ зубахъ.

«Прошу не драть обоевъ!» сказалъ онъ вмѣсто всякаго привѣтствія, грубымъ повелительнымъ голосомъ, и съ этимъ словомъ, повернувшись, ушелъ.

Англійская ферма, гдѣ помѣщался институтъ, состояла изъ многихъ отдѣльныхъ строеній. Въ одномъ домѣ жили кадеты, въ другомъ директоръ, въ третьемъ учителя, въ четвертый ходили мы обѣдать, въ пятый учиться, и такъ далѣе. Прежде тамъ какой-то Англичанинъ заводилъ иностранный скотъ, промотался, бѣжалъ, и взятая въ казну ферма обращена въ институтъ. Это превращеніе было обидно для нашей гордости. За ласковый пріемъ директора я написалъ на него эпиграмму. Она очутилась у директора въ карманѣ. Итакъ, съ самаго нашего пріѣзда начались неудовольствія [1]).

3-го сентября 1814 года произошло публичное испытаніе, и меня въ числѣ прочихъ удостоили къ выпуску. Братъ Николай хотя и выдержалъ экзаменъ, но за молодостію оставленъ въ институтѣ, и я долженъ былъ съ нимъ въ первый разъ въ жизни разстаться.

Когда министръ послѣ экзамена сказалъ: «Поздравляю васъ, господа!» это слово галванически пробѣжало по всѣмъ нашимъ жилкамъ, и я вспрыгнулъ по крайней мѣрѣ на четверть. Сидѣвши лѣтъ десять за книгами, видя въ каждомъ учителѣ болѣе или менѣе притѣснителя своей свободы,—вдругъ сдѣлаться самостоятельною особою, которая, въ случаѣ невѣжливости вчерашняго ментора, можетъ сказать ему: «милостивый государь! не забудьте кто я!» — да отъ такой перемѣны можно съ ума сойдти! — Сейчасъ послѣ министерскаго поздравленія мы надѣли форштмейстерскіе съ шитьемъ мундиры, навязали темляки на шпаги, привинтили шпоры и отправились пировать на Крестовскій островъ. Прощай, кадетское затворничество!

Въ полтора года, проведенные мною въ петербургскомъ институтѣ, я успѣлъ многое видѣть. При мнѣ хоронили тамъ Князя Смоленскаго. Тогда, по случаю войны, мало было войскъ въ Петербургѣ; но выстроили военные кадетскіе корпуса, и какъ только можно пышнѣе отдавали послѣдній долгъ спасителю Россіи, котораго тѣло на богатой колесницѣ везъ народъ. — 30 августа 1813 года я видѣлъ въ Александроневской лаврѣ всю царскую фамилію, кромѣ Государя, бывшаго въ то время за границею. Нынѣшній Государь [2]) шелъ рядомъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Оба были безъ шпагъ, въ александровскихъ лентахъ и съ завитыми волосами. Императора Александра Павловича

---

[1]) Здѣсь мы пропускаемъ нѣкоторыя подробности, теперь еще неудобныя для печати. *Ред.*

[2]) Писано въ 1839 г.

увидѣлъ я въ первый разъ на набережной, у Мраморнаго дворца. Онъ ѣхалъ съ Барклаемъ де-Толли. Я остановился, сдернулъ фуражку, Государь поднесъ руку къ шляпѣ, а Барклай хоть бы кивнулъ головой. Я счелъ его за гордеца, но мнѣ растолковали, и только съ тѣхъ поръ я узналъ, что при старшемъ младшій не кланяется.

Театръ посѣщалъ я очень часто. Тогда былъ въ Петербургѣ только одинъ малый театръ у Аничковскаго дворца, гдѣ играли по-русски; да другой нѣмецкій, на дворцовой площади, въ Кушелевомъ домѣ. Французскаго театра не существовало. Еще въ свѣжей памяти былъ 1812 годъ, и патріотизмъ бралъ верхъ надъ модою. Я видѣлъ знаменитаго Яковлева въ трагедіяхъ: Димитріи Донскомъ и Фингалѣ; видѣлъ Колпакова, Шушерина и Боброва. Помню балетмейстеровъ Вальберха, Огюста и Люстиха; помню старшую Колосову въ балетѣ: Взятіе Парижа; помню пѣвицъ, старушку Сундунову и Самойлову, первая играла пожилыхъ волшебницъ; помню комиковъ Воробьева и Величкина, отличавшихся во всѣхъ родахъ Филатокъ. Если высшая публика любила до пристрастія Яковлева, который, отъ сильнаго топленія спиртомъ верхняго своего этажа, сильно кричалъ и махалъ руками, то равномѣрно раёкъ безъ ума аплодировалъ Величкину, когда онъ на масляницѣ съ блиномъ въ рукахъ появлялся на сценѣ. Какихъ бывало стоило трудовъ за пять верстъ идти съ англійской фермы въ театръ? Надобно отправляться тотчасъ послѣ обѣда, чтобъ захватить раньше мѣста у застойки, гдѣ раздавались рублевые билеты въ партеръ, безъ всякихъ нумеровъ, и кто получалъ ихъ ранѣе, тѣ захватывали скамьи, а прочіе за тѣ же деньги должны были стоять. Потомъ должно было присутствовать при зажиганіи люстры и вынести всю пиэкотню при настройкѣ оркестра. Что дѣлать? — Кадетскій карманъ не гармонировалъ съ достоинствомъ креселъ, гдѣ вашъ нумеръ никто занять не смѣетъ. По выходѣ изъ театра опять бѣда: идти ночью обратно пять верстъ въ институтъ, а иногда разводили на Невѣ Троицкій мостъ и должно было обходить на Воскресенскій перевозъ. Охота пуще неволи. Впрочемъ, отправляясь въ театръ съ удовольствіемъ, я весьма часто выходилъ оттуда, жалѣя о рублѣ, о ногахъ и о потерянномъ вечерѣ. За то въ другое время театръ доставлялъ мнѣ истинное наслажденіе. Тогда разлитъ былъ въ обществѣ энтузіазмъ къ отечеству, и всѣ патріотическія пѣсни раздавались прежде на театрѣ. Напримѣръ въ честь Витгенштейна:

Защитника Петрова града
Велитъ гласить намъ правды гласъ.

Или въ честь Платова:

Грянулъ внезапно громъ надъ Москвою,
Выступилъ Донъ съ крутыхъ береговъ.

На Александровъ день, въ 1813 году, послѣ трагедіи «Титово милосердіе», актеръ — кажется Бобровъ — пѣлъ стихи въ честь Государя Александра:

Хвала тебѣ, нашъ новый Титъ!
Блескъ сѣвера, Европы щитъ!

И потомъ, обращаясь къ царской ложѣ, гдѣ сидѣла императрица Марія Ѳеодоровна, пропѣлъ куплетъ въ благодарность ей за рожденіе добраго монарха. Зрѣлище было умилительное! Всѣ зрители вскочили съ мѣстъ, обратились къ Государынѣ, и громкое ура едва не снесло кровли съ малаго театра. Императрица плакала и раскланивалась на всѣ стороны.

При мнѣ горѣла въ Петербургѣ трехъ-дневная иллюминація по случаю взятія Парижа. Съ англійской фермы виднѣлось надъ Петербургомъ ужасное зарево, какъ отъ повсемѣстнаго пожара. Какой былъ прекрасный видъ въ это время при переѣздѣ моемъ въ лодкѣ чрезъ Неву съ Выборгской стороны на дворцовую набережную! Изъ безчисленнаго количества плошекъ, каждая отражалась въ водѣ длинною огненною полосою, и всѣ вмѣстѣ составляли опрокинутый видъ другой иллюминаціи, въ областяхъ Нептуна. Весь Петербургъ облитъ былъ разноцвѣтными огнями, разныя посольства старались перещеголять другъ друга, вездѣ прозрачныя аллегорическія картины, вензеля, надписи. Бульвары кипѣли народомъ. Кареты за тѣснотою не рѣдко останавливались на улицахъ, и пѣхотинцы перелѣзали чрезъ постромки между дышловыхъ и форейторскихъ лошадей. По отдаленному крику «ура!» можно было распознавать приближаются ли къ вамъ, или отдаляются императорскіе экипажи. Въ первомъ случаѣ далекое ура растетъ-растетъ, усиливается и наконецъ переходитъ въ оглушительный крикъ. Тутъ вы по неволѣ должны снять шляпу и крѣпче держать ее въ рукахъ, потому что всѣ снимаютъ шляпы и махаютъ ими надъ головами. Одинъ мужикъ по сосѣдству со мной не успѣлъ этого сдѣлать, и съ него кто-то въ толпѣ схватилъ шапку и бросилъ вверхъ. Разумѣется, она не попала уже на голову своего хозяина, который вмѣсто «ура» кричалъ: «Ай батюшки, шапка! Дана три съ полтиной!»

Я не былъ при встрѣчѣ гвардіи, возвращавшейся изъ Парижа, не видалъ какъ ее угощали; но на народномъ праздникѣ было чему посмѣяться. Начинается съ того, что приходитъ въ домъ къ одному моему знакомому Калитину, у коего я былъ въ гостяхъ, квартальный надзиратель съ повѣсткой отъ генералъ-губернатора, что Государю по окончаніи войны благоугодно такого-то числа угощать народъ, и что тѣ господа, которые не отпустятъ своихъ людей на праздникъ, будутъ почтены за неисполнителей Высочайшей воли. Калитинъ былъ человѣкъ испол-

нительный, въ то время еще служащій штабъ-офицеръ александрійскаго «безсмертнаго» казачьяго полка; онъ, не отпуская квартальнаго, собралъ всю свою дворню и при немъ же объявилъ имъ о царскомъ приглашеніи. Жена Калитина удѣлила кое-что изъ своего гардероба двумъ своимъ горничнымъ дѣвушкамъ, и онѣ, принарядившись, отправились въ 10 часовъ утра на праздникъ, за Петергофскую заставу. Пришедши на мѣсто, онѣ издали любовались на столы съ грудами калачей и на цѣлыхъ жареныхъ барановъ съ золотыми рогами, на березки съ привязанными къ нимъ яблоками, на фонтаны съ виномъ и прочія рѣдкости; но брать и даже дотрогиваться полиція ни до чего не позволяла. Такъ прошло до 2 часовъ, желудокъ напоминалъ уже имъ съ выгодной стороны о домашнихъ щахъ, какъ вдругъ показался Государь, и всему православному народу скомандовали «милости просимъ!» По этому магическому слову все вдругъ бросилось къ столамъ, началась давка, потомъ ссора, крикъ, драка, и полиція, чтобъ разнять гостей, принялась поливать всѣхъ безъ разбора изъ пожарныхъ трубъ водой, смѣшанной съ сажею. Въ нѣсколько минутъ все угощеніе было расхватано, и на долю бѣдныхъ дѣвушекъ досталось только водицы съ сажицей. Онѣ, цѣлый день ничего не ѣвши, стыдились въ перепачканыхъ бѣлыхъ платьяхъ, возвратиться засвѣтло въ Петербургъ и пришли усталыя и голодныя въ 10 часовъ вечера.

Еще насмотрѣлся я въ Петербургѣ на фейерверки, на балаганные фокусъ-покусы, на гулянья по разнымъ дачамъ, и въ томъ числѣ по прекрасной сосѣдкѣ нашей, «Кушелевской дачѣ», куда насъ, правду сказать, не охотно пускали, послѣ того какъ одинъ кадетъ застрѣлилъ тамъ лебедя; но это былъ Нѣмецъ, за что мы его міромъ поколотили...

За тѣмъ прощай, Питеръ!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

ПАРЛАМЕНТСКІЕ ВЫБОРЫ И ПАРЛАМЕНТСКІЯ РЕФОРМЫ ВЪ АНГЛІИ.

(Статья первая.)

—

Въ послѣднее время, не въ одной въ нашей литературѣ былъ поднятъ весьма важный и живой вопросъ о централизаціи. Сравнивая политическую исторію Англіи, такъ прочно выковавшую ея государственныя учрежденія, съ политическою исторіей Франціи, исполненною бурь и невзгодъ и возвратившеюся отъ республики къ бонапартизму съ сохраненіемъ всеобщей подачи голосовъ, одни пришли къ тому заключенію, что Франція можетъ позавидовать Англіи; другіе, напротивъ, принимая за основаніе идею государственнаго единства въ логической чистотѣ ея, съ неумолимою и вмѣстѣ утѣшительною послѣдовательностію выводовъ пришли къ совершенно противоположному заключенію. Вопросъ о централизаціи былъ объясненъ ими не съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ обстоятельствъ, а въ общемъ историческомъ его значеніи и развитіи. Никто, конечно, не откажется допустить необходимость общихъ законовъ въ государствѣ, ибо безъ нихъ государство существовать не можетъ. По мѣрѣ того какъ оно растетъ и выравнивается, потребность общихъ законовъ, сплачивающихъ массу населенія въ одинъ стройный организмъ, становится болѣе и болѣе ощутительною, и государство идетъ къ политической централизаціи, чрезъ которую рано или поздно долженъ пройдти всякій народъ, чтобы не остановиться въ своемъ поступательномъ движеніи. У одного изъ современныхъ намъ передовыхъ народовъ она выработалась быстрѣе, чѣмъ у другихъ, и этотъ народъ, конечно, ближе другихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ на политическомъ поприщѣ. Нужды нѣтъ, что отъ времени до времени постигаютъ его тяжкія невзгоды и испытанія: было бы близорукостью или односторонностью не видѣть, что и этотъ народъ въ свою очередь дѣлаетъ дѣло всего человѣчества.... По-

нятно, что лучшіе, хотя и не новые люди этого народа, исполненные скорби объ утратѣ прошедшаго и недовѣрія къ общимъ всемірно-историческимъ идеямъ, ищутъ спасенія въ обычаѣ и преданіи. Это отчасти напоминаетъ тѣ благородные умы прошлаго вѣка, которые, пугаясь крайностей тогдашней новизны, предавались пастушескимъ мечтаніямъ и грустили по первобытнымъ условіямъ жизни. Но намъ, стороннимъ зрителямъ той внутренней работы, которая совершается теперь въ западно-европейскихъ обществахъ, должно быть доступно болѣе спокойное и ясное обсужденіе текущихъ событій. Мы должны различать необходимую и благодѣтельную централизацію отъ ея искаженій, и чрезмѣрное обиліе общихъ законовъ, безъ разбора примѣняемыхъ къ цѣлому государству и потому подавляющихъ его силы, отъ такихъ существенныхъ общихъ законовъ, которые выражаютъ собою идею государственнаго единства и общечеловѣческую идею современной образованности, давая при этомъ возможный просторъ чисто мѣстнымъ условіямъ и интересамъ.

Съ этой точки зрѣнія, исторія англійскаго, какъ и всякаго другаго европейскаго законодательства, представляетъ борьбу между обычнымъ мѣстнымъ правомъ и общимъ государственнымъ законодательствомъ. Особенность Англіи заключается въ крайней медленности этого процесса, въ живучести средневѣковыхъ учрежденій, не выдерживающихъ критическаго прикосновенія современной политической науки. За неоспоримой политическою свободой и гласностью, которымъ удивляется Европа, за изумительною прочностью государственныхъ учрежденій, которыхъ пока не могли поколебать никакіе перевороты на материкѣ, скрываются въ Англіи разныя принадлежности средневѣковаго неравенства, давно отжившія въ Европѣ. Они еще сильны какъ внутри Англіи, въ ея гражданскихъ обычаяхъ и въ политикѣ правительственнаго класса, такъ и во внѣшней политикѣ, не пользующейся особеннымъ уваженіемъ и довѣріемъ другихъ народовъ. Въ самой Англіи отъ времени до времени раздаются голоса въ пользу лучшаго порядка вещей, въ которомъ человѣкъ не былъ бы опутанъ средневѣковыми условіями жизни; но эти голоса не всегда имѣютъ вліяніе въ сферѣ правительства, къ которой принадлежатъ корона, министры и парламентъ. Всякое нововведеніе, полезное до очевидности, цѣлыя десятилѣтія встрѣчаетъ

постоянный отпоръ со стороны парламентскаго большинства, и потому не удивительно, что наконецъ одобренное послѣднимъ послѣ долгихъ усилій меньшинства, оно прочно и не отмѣнимо. Отмѣнить какой-нибудь, разъ принятый прогрессивный законъ въ Англіи совсѣмъ не то, что отмѣнить его во Франціи; ибо въ Англіи такая мѣра была бы возвращеніемъ къ средневѣковому порядку, въ которомъ такъ тяжело народу, тогда какъ во Франціи, этомъ питомникѣ общечеловѣческихъ идей, средневѣковыя условія уже не имѣютъ почвы. Все это необходимо принять въ соображеніе при обсужденіи относительнаго достоинства учрежденій того и другаго народа. Если мы считаемъ несчастною и угнетенною страну, въ которой крайности централизаціи доживаютъ свое послѣднее время; то едва ли можетъ удовлетворить насъ другая страна, еще стоящая по ту сторону разумной централизаціи, гдѣ общій законъ съ трудомъ пробивается сквозь средневѣковые формы и обычаи, иногда очень почтенные, но тяжелые для большинства народа и уже не соотвѣтствующіе потребностямъ новаго времени. Признавая великія стороны англійскаго характера и важность англійскихъ учрежденій, мы однако не считаемъ себя вправѣ умолчать о томъ, что̀ есть въ нихъ недостаточнаго, когда сами Англичане громко говорятъ объ этомъ.

Къ числу важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ, возбужденныхъ въ Англіи въ настоящее время и требующихъ безотлагательнаго разрѣшенія, принадлежитъ вопросъ объ избирательной реформѣ. Министерство обязалось представить въ нынѣшнемъ періодѣ засѣданій парламента, открытыхъ 4-го февраля н. с., проектъ преобразованія выборовъ [1]). Вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ настоящимъ положеніемъ этого вопроса, внимательное разсмотрѣніе котораго внушило намъ вышеизложенныя мысли.

Англійская конституція обязана своимъ происхожденіемъ не теоріи, не признанію общихъ правъ человѣка, равняющему всѣ сословія передъ закономъ и обществомъ; она созидалась подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ и условій, она еще не-

---

[1]) По новѣйшимъ извѣстіямъ, представленіе билля о реформѣ отложено опять, но ужь конечно не на долгое время.

давно была исполнена поразительныхъ несообразностей и носитъ на себѣ до сихъ поръ глубокій отпечатокъ своего историческаго происхожденья. Всѣмъ извѣстны важнѣйшія послѣдствія завоеванія Англіи Норманнами въ XI вѣкѣ; извѣстно, что покоренный народъ былъ лишенъ поземельной собственности, раздѣленной побѣдителемъ на три части: одну онъ взялъ себѣ, другую отдалъ церкви, третью своимъ дружинникамъ. Разные бароны, оказавшіе наиболѣе услугъ завоевателю, получили обширныя земли, города, провинціи; простые солдаты надѣлены были домами и участками земли. Завоевавъ страну, надо было удержать ее за собою, и каждый баронъ былъ обязанъ помогать королю личною службой или своимъ достояніемъ; король собиралъ ихъ для этой цѣли, и отсюда ведетъ свое начало представительное правленіе въ Англіи. Главнѣйшіе бароны сами присутствовали въ собраніяхъ; но многочисленные владѣльцы небольшихъ леновъ не могли съѣзжаться всѣ, и выбирали, въ каждомъ изъ сорока графствъ, на которыя дѣлилась тогда Англія, по два депутата изъ среды своей. На такое происхожденіе депутатовъ отъ графствъ доселѣ указываетъ титулъ Knights (рыцари), придаваемый членамъ парламента; три вѣка послѣ завоеванія, король Ричардъ II, созывая парламентъ, въ своей прокламаціи совѣтовалъ графствамъ прислать idoneos milites, gladio cinctos, то-есть рыцарей, годныхъ и носящихъ мечъ. Такимъ образомъ, только военное дворянство первоначально составляло парламентъ, въ которомъ съ самаго начала замѣтны однако два элемента: одни члены, участвовавшіе въ немъ отъ себя, въ послѣдствіи составили верхнюю палату; другіе, будучи депутатами низшаго дворянства, составили нижнюю. Къ этимъ двумъ элементамъ присоединился третій, когда въ парламентѣ получили мѣсто депутаты городовъ. При Іоаннѣ Безземельномъ, возставшіе бароны склонили на свою сторону важнѣйшіе города, которые съ тѣхъ поръ получили право присылать своихъ депутатовъ въ парламентъ (эти депутаты назывались citizens). Но это не было общею мѣрой, распространенною на всѣ города; напротивъ, число городовъ, получившихъ право представительства, было опредѣлено обстоятельствами и не было значительно. Порядокъ выборовъ также не былъ опредѣленъ закономъ и установлялся мѣстнымъ обычаемъ; составъ избирательнаго сословія былъ

различенъ въ разныхъ городахъ и большею частію совпадалъ съ мѣстнымъ составомъ избирателей въ городскія должности. Представители мѣстечекъ (boroughs) послѣдніе получили мѣсто въ парламентѣ; но они вскорѣ пріобрѣли важное значеніе вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ: короли Англіи, опасаясь дворянства и духовенства, владѣвшихъ почти всею землею, стали искать для себя опоры въ общинахъ, не менѣе терпѣвшихъ отъ дворянства и духовенства. Корона надѣлила мѣстечки хартіями, сообщившими имъ право присылать депутатовъ въ парламентъ. Доходы, которые давала феодальная система, не покрывали нуждъ короны, а чрезвычайныя субсидіи ставили ее въ зависимость отъ аристократіи. Уже въ 1292 году Эдуардъ I потребовалъ, чтобы нетолько каждое графство присылало отъ себя двухъ депутатовъ изъ землевладѣльцевъ (knights), составлявшихъ низшее дворянство, но и каждый городъ, каждое мѣстечко (ихъ считалось тогда 120) избирали бы по два депутата. Это важное нововведеніе доставило среднему сословію участіе въ государственныхъ дѣлахъ и дало жизнь нижней палатѣ, образовавшейся въ 1343 году изъ представителей низшаго дворянства (gentry), городовъ и мѣстечекъ. Съ тѣхъ поръ число мѣстечекъ, пользовавшихся избирательнымъ правомъ, значительно увеличилось. При Генрихѣ VI, число депутатовъ отъ мѣстечекъ уже простиралось до трехъ сотъ человѣкъ, а во время реформы Грея, о которой намъ предстоитъ говорить ниже, ихъ было четыреста восемьдесятъ девять человѣкъ, принадлежавшихъ одной Англіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова.

Таково было первое важное вмѣшательство центральной власти въ вопросъ о составѣ парламента. Оно имѣло послѣдствіемъ раздѣленіе депутатовъ въ Англіи на двѣ категоріи, доселѣ сохраняющіяся: на депутатовъ отъ графствъ, которые отличаются консервативнымъ направленіемъ и отстаиваютъ существующія учрежденія, и депутатовъ отъ городовъ и мѣстечекъ, которые вносятъ въ парламентъ болѣе прогрессивныя и демократическія начала. Такая система, конечно, представляла огромныя выгоды; но и она не имѣла характера общей государственной мѣры и тоже вела за собою крайне неравномѣрное распредѣленіе избирательнаго права между городами, и тотъ же разнообразный составъ сословія избирателей. Эта неравномѣрность и раз-

нообразіе объясняются именно тѣмъ, что мѣстечки обязаны были своими избирательными правами разнымъ причинамъ: то своему значенію, то привилегіямъ, дарованнымъ короною, то случайнымъ обстоятельствамъ. Самый способъ пользованія избирательнымъ правомъ опредѣлялся не общимъ закономъ, а мѣстными городскими статутами и обычаями. Государство не имѣло контроля надъ выборами: оно смотрѣло на выборы какъ на дѣло чисто-мѣстное. Тѣмъ не менѣе эта система, дававшая такъ много простора узкимъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ и захолустьевъ, держалась въ Англіи съ XIII вѣка по 1832 годъ.

Правда, обычай и преданія, пріучившіе англійскій народъ, по крайней мѣрѣ меньшинство его, принимать участіе въ управленіи государственными дѣлами, сохранились, не смотря на то, что корона отъ времени до времени заслоняла его собою, какъ это было въ XV, XVI и въ первой половинѣ XVII столѣтія; но слабость общихъ началъ, черезъ которыя централизація непремѣнно должна провести страну, чтобы выровнять угловатые интересы разныхъ мѣстностей и сословій и подчинить ихъ интересамъ всенароднымъ и государственнымъ, породила злоупотребленія, которыя считаемъ нужнымъ изложить здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, чтобы уяснить значеніе избирательной реформы въ Англіи.

Сценою важнѣйшихъ и самыхъ вопіющихъ злоупотребленій были мѣстечки. Съ теченіемъ времени многія изъ нихъ утратили всякое значеніе, но сохраняли право посылать отъ себя депутатовъ въ парламентъ. Эти мѣстечки получили названіе гнилыхъ (rotten boroughs). Избирательныя права ихъ мало-помалу перешли отъ прежнихъ избирателей въ собственность къ нѣсколькимъ богатымъ фамиліямъ, которымъ право первородства доставило огромныя помѣстья. Несообразности доходили до того, что Лондонъ, при его населенности и торговлѣ, назначалъ четырехъ депутатовъ, между тѣмъ какъ мѣстечки Старый-и Новый-Саромъ, изъ которыхъ одно представляло лишь груду развалинъ, имѣли столько же представителей въ парламентѣ. Сто пятьдесятъ семь членовъ послѣдняго, т. е. почти четвертая часть депутатовъ, были назначаемы такимъ образомъ. Владѣльцевъ гнилыхъ мѣстечекъ прямо называли borough-mongers, торгашами, ибо честь попасть въ члены нижней палаты не рѣдко

продавалась за чистыя деньги. Эти злоупотребленія были всѣмъ извѣстны; въ теченіе всего осьмнадцатаго вѣка литераторы и журналисты предавали ихъ на судъ общественнаго мнѣнія; но обычай такъ вкоренился, такъ сросся съ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ Англіи, съ преобладавшими интересами аристократіи, что нужны были два переворота во Франціи и распространеніе идей 1789 и 1830 годовъ для того, чтобы аристократія отказалась наконецъ отъ одной изъ своихъ вопіющихъ привилегій. Виги и торіи, попеременно составляя оппозицію въ прошломъ вѣкѣ, и разоблачая злоупотребленія при выборахъ, болѣе имѣли въ виду ниспроверженіе министерствъ, нежели дѣйствительное прекращеніе этихъ злоупотребленій. Оттого оппозиція тѣхъ и другихъ такъ долго не приносила пользы вопросу о парламентской реформѣ. Въ самомъ парламентѣ впервые заговорили объ этомъ серьёзно не раньше 1809 года. Тогда же оказалось, что въ обширныхъ коронныхъ помѣстьяхъ было нѣсколько гнилыхъ мѣстечекъ, представительство которыхъ продавалось съ молотка въ казначействѣ, и что вырученныя деньги употреблялись министерствомъ на усиленіе правительственнаго вліянія въ парламентѣ. Канцлеръ казначейства, Персиваль, не только не опровергалъ этихъ свѣдѣній, но даже объявилъ ихъ слишкомъ старыми и общеизвѣстными. Въ парламентѣ нашлись ораторы, люди съ большимъ талантомъ и вліяніемъ, которые защищали существующій порядокъ политическою необходимостью, и доставили министерству побѣду надъ оппозиціей.

Такимъ образомъ право посылать депутатовъ въ парламентъ, недоступное для такихъ городовъ какъ Манчестеръ и Бирмингамъ, продолжало принадлежать развалинамъ древнихъ мѣстечекъ, составлявшимъ собственность землевладѣльца; послѣдній дозволялъ селиться въ полуразрушенныхъ домахъ только тѣмъ, голосами которыхъ онъ могъ произвольно располагать при выборахъ. Въ 1820 году, владѣлецъ одного такого мѣстечка, лордъ Лонсдель, нанялъ работниковъ, велѣлъ построить имъ избы и такимъ образомъ пріобрѣлъ необходимое число голосовъ для своего кандидата. Работники были рудокопы, и онъ называлъ ихъ своими *черными аристократами*. Право посылать депутата въ парламентъ передавалось наслѣдникамъ по

завѣщанію или даренію, или продавалось съ молотка. Цѣны доходили иногда до двухъ и трехъ сотъ тысячъ рублей на наши деньги. И теперь еще продажа офицерскихъ мѣстъ въ англійской арміи напоминаетъ прежнюю продажу мѣстъ въ парламентѣ. Кажется, она еще не скоро будетъ вытѣснена изъ обычая общимъ раціональнымъ закономъ. Дѣло въ томъ, что какъ въ прежнее время выборы въ члены парламента, такъ нынѣ продажа мѣстъ въ арміи, поддерживаетъ преобладающее вліяніе аристократіи на государственныя дѣла.

Въ другихъ мѣстечкахъ, еще сохранявшихъ нѣкоторую независимость, право участвовать въ выборахъ принадлежало низшему классу населенія, нерѣдко съ исключеніемъ тѣхъ, которые по своему положенію и образованію имѣли болѣе права быть избирателями. Обыкновенно право участвовать въ выборахъ присвоивалось *фрименамъ* (freeman), жителямъ, которые пользовались правомъ гражданства и участія въ частныхъ городскихъ выборахъ независимо отъ ихъ состоянія, а по происхожденію, по ремеслу или по особому приговору городскаго совѣта, который нерѣдко злоупотреблялъ своимъ согласіемъ, въ интересахъ того или другаго кандидата. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, особенно въ Шотландіи, кругъ избирателей былъ неумѣренно ограниченъ; право избирать депутата принадлежало городскимъ совѣтамъ, состоявшимъ изъ старшинъ разныхъ корпорацій. Въ Эдинбургѣ, напримѣръ, выборъ депутата принадлежалъ только тридцати тремъ избирателямъ.

Какъ въ мѣстечкахъ, такъ и въ графствахъ, условія избирательнаго права, юридически сохранившіяся въ теченіе вѣковъ, на самомъ дѣлѣ совершенно измѣнились. Недостаточные законы, имѣвшіе болѣе характеръ обычая и преданія, чѣмъ законовъ, дѣлались безмысленными, какъ скоро не стало обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ они сложились. Въ графствахъ самостоятельные землевладѣльцы, нѣкогда пользовавшіеся высшею мѣрою феодальныхъ правъ, присвоили себѣ монополію участія въ выборахъ; но съ теченіемъ времени, рядомъ съ этими собственниками, возникъ и получилъ значеніе другой классъ землевладѣльцевъ, который пріобрѣлъ отъ нихъ землю на ленномъ правѣ и получилъ потомъ независимость: эти землевладѣльцы не участвовали въ выборахъ. Слѣдовательно, различное происхо-

жденіе правъ собственности на землю вело за собою различіе въ политическихъ правахъ. Фермеры тоже не участвовали въ выборахъ, не смотря на свое важное значеніе въ земледѣльческой промышленности Англіи.

Итакъ, отсутствіе разумной централизаціи и общихъ законовъ привело народное представительство къ самому печальному состоянію. Въ верхней палатѣ засѣдали перы, не какъ представители народа, а какъ представители собственныхъ интересовъ; исключеніе составляли лишь лорды Шотландіи и Ирландіи, которые избирались членами своего сословія. Въ нижней палатѣ, конечно, засѣдали депутаты графствъ и мѣстечекъ, и даже пользовались исключительными правами разрѣшать коронѣ сборъ податей; но способъ избранія былъ до того несообразенъ, что народъ собственно не имѣлъ никакого участія въ законодательной власти. Чтобы выразить свои желанія, народъ долженъ былъ прибѣгать къ подаче общихъ просьбъ, къ журналамъ и многозначительнымъ собраніямъ, которымъ министерство могло однакожь препятствовать приложеніемъ старинныхъ законовъ, утратившихъ жизненное начало. Въ графствахъ выборами вполнѣ распоряжалась аристократія, пользовавшаяся своимъ огромнымъ вліяніемъ для доставленія младшимъ сыновьямъ депутатскихъ мѣстъ въ нижней палатѣ, такъ что мѣста эти сдѣлались наслѣдственными въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ. Почти тоже, какъ мы видѣли, было съ выборами депутатовъ въ мѣстечкахъ, изъ коихъ многія имѣли наконецъ только по сту, даже по пятидесяти избирателей, состоявшихъ въ полномъ распоряженіи богатыхъ землевладѣльцевъ. Словомъ, вліяніе аристократіи дошло до того, что изъ 513 членовъ нижней палаты, только 70 дѣйствительно выбирались независимыми избирателями.

Самое общество было въ сильной степени заражено обычаемъ прибѣгать къ подкупамъ въ затруднительныхъ случаяхъ. Съ царствованія королевы Елизаветы этотъ обычай укоренился въ политическомъ быту Англіи, чему, разумѣется, не мало способствовало отсутствіе общихъ политическихъ идей и преобладаніе аристократіи. Не далѣе какъ за тридцать лѣтъ подкупы и незаконное вліяніе сильнаго на слабаго были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ на англійскихъ выборахъ, которые нерѣдко

разрѣшались кровопролитіемъ, особенно въ Ирландіи. Раздача денегъ была запрещена; но не трудно было обходить это запрещеніе или просто ограничиваться подарками: избиратели получали скотъ, мебель; по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, однажды передъ выборами, на избирателей посыпался градъ новыхъ шляпъ, новаго платья, новыхъ сапогъ. Иногда подарки были другаго рода: герцогиня Девонширская публично купила голосъ одного купца въ пользу своего кандидата (Фокса) цѣною поцѣлуя. Угощеніе избирателей (treating) служило дополненіемъ къ подкупу. Расходы кандидатовъ доходили до невѣроятныхъ, разорительныхъ размѣровъ: они простирались иногда до 170,000 и до 250,000 ф. ст. Присоедините къ этому грубыя средневѣковыя хитрости, невозможныя въ наше время, и вы получите удовлетворительную картину англійскихъ выборовъ до 1832 года. Эти хитрости состояли въ томъ, что одинъ изъ кандидатовъ усыплялъ, спаивалъ или просто запиралъ доброжелателей своего соперника, чтобы помѣшать имъ явиться на выборы; нанималъ всѣхъ лошадей и всѣ экипажи, чтобы помѣшать тѣмъ, которымъ предстояло пріѣхать издалека на мѣсто выборовъ; съ помощію своихъ приверженцевъ, посреди дороги снималъ колеса съ экипажей или пересѣкалъ дорогу широкимъ рвомъ, чтобы не было проѣзда. Увѣряютъ даже, что однажды избиратели, отправившіеся къ мѣсту выборовъ на кораблѣ, который состоялъ подъ командой капитана, преданнаго сопернику ихъ кандидата, принуждены были совершить далекое плаваніе и были высажены на берегъ въ Амстердамѣ.

Наконецъ, упомянемъ о господствовавшей въ Англіи религіозной нетерпимости, вслѣдствіе которой англиканская присяга не допускала ни диссидентовъ, ни католиковъ въ парламентъ, и объ отсутствіи правильныхъ избирательныхъ списковъ, возбуждавшемъ шумные споры и драки, и мы увидимъ, что значила для Англіи хорошая парламентская реформа.

О другихъ недостаткахъ избирательной системы въ Англіи до 1832 года и нынѣшнихъ мы упомянемъ въ слѣдующей статьѣ, излагая реформу Грея и дополнительные законы, состоявшіеся съ 1832 года по настоящее время.

В. Коршъ.

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ.

ИЗДАЕТСЯ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ПРИ ШТАБѢ ОТДѢЛЬНАГО ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА.

Выходитъ ежемѣсячно, книжками до 20 листовъ или 320 страницъ въ каждой. Изданіе начнется съ 1-го мая 1858 года,

---

Изданіе это предпринимается съ цѣлію доставить офицерамъ всѣхъ оружій занимательное и полезное чтеніе, и въ то же время каждому наблюдательному и желающему общей пользы офицеру дать средство сообщать своимъ товарищамъ по оружію наблюденія и замѣчанія свои о всѣхъ предметахъ, касающихся матеріальнаго и нравственнаго быта нашихъ войскъ.

По назначенію своему, «Военный Сборникъ» будетъ журналомъ не спеціально-военнымъ, а *военно-литературнымъ*. Каждая книжка его, согласно Высочайше одобренной программѣ, будетъ имѣть *четыре отдѣла:*

I. ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ. а) Извлеченія изъ Высочайшихъ приказовъ, приказовъ Главнокомандующихъ арміями, Военнаго Министра, Генералъ-Инспектора по Инженерной части, Генералъ-Фельдцейхмейстера, Начальника Главнаго Штаба по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ и. командировъ Отдѣльныхъ Корпусовъ. б) Извлеченія изъ циркулярныхъ объявленій Департаментовъ Военнаго Министерства. в) Тѣ изъ общихъ узаконеній, которыя имѣютъ какое-либо соотношеніе съ военнымъ бытомъ.

Въ извлеченіяхъ этихъ будетъ заключаться все, относящееся до измѣненія состава войскъ, управленія ихъ, вооруженія, формы одежды и проч., въ той мѣрѣ, въ какой необходимо знать это каждому офицеру. Такимъ образомъ, отдѣлъ этотъ будетъ служить подручнымъ сборникомъ всѣхъ современныхъ постановленій и узаконеній.

(Извлеченія эти, само собою разумѣется, не могутъ замѣнить подлинныхъ приказовъ и циркуляровъ, которые въ настоящее время обязаны выписывать различные Штабы и другія управленія.)

II. ОТДѢЛЪ ВОЕННЫХЪ НАУКЪ. а) Тактика. б) Военная исторія. в) Военная администрація. г) Военная статистика. д) Фортификація и артиллерія.

По тактикѣ будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, клонящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событіями послѣдней войны, какъ-то: о дѣйствіи въ бою пѣхоты вообще и въ особенности пѣхоты легкой, объ организаціи и употребленіи кавалеріи и артиллеріи, о соотвѣтствующихъ современному состоянію военнаго искусства способахъ обученія войскъ и т. п.

По военной исторіи будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы тѣхъ сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ приложены соотвѣтствующія карты и планы.

По военной администраціи — все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По военной статистикѣ и географіи — обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По фортификаціи и артиллеріи будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ, по отношенію ихъ къ дѣйствію войскъ, избѣгая техническихъ подробностей, для изслѣдованія которыхъ существуютъ у насъ спеціальные журналы.

III. ОТДѢЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. а) Разсказы изъ военнаго быта. б) Записки военныхъ людей (мемуары). в) Путешествія, имѣющія военный интересъ. г) Жизнеописанія замѣчательныхъ военныхъ людей.

IV. СМѢСЬ. а) Извлеченія изъ журналовъ Коммиссіи Улучшеній по военной части и всѣхъ отдѣленій Военно-Ученаго Комитета. б) Открытія и опыты разнаго рода, за границею и у насъ въ Россіи произведенные. в) Выдержки изъ журналовъ русскихъ и иностранныхъ. г) Библіографическія извѣстія о военныхъ книгахъ и статьяхъ различныхъ журналовъ, выходящихъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. д) Всѣ нововведенія по военно-административной и строевой части во всѣхъ государствахъ.

Чтобы соотвѣтствовать своему значенію, «Военный Сборникъ» будетъ стараться изложеніе всѣхъ статей сдѣлать общедоступнымъ и общеинтереснымъ, заботясь о соединеніи ученыхъ достоинствъ ихъ съ популярностію. Редакція употребитъ всѣ усилія, чтобы наполнять журналъ по преимуществу такими статьями, которыя имѣли бы живое значеніе для нашего военнаго быта и возбуждали бы въ читателяхъ дѣятельность мысли. Всестороннее, добросовѣстное изученіе настоящаго матеріальнаго и нравственнаго состоянія нашихъ войскъ будетъ первою обязанностію журнала.

Редакція сознаетъ всю важность этой обязанности, всю трудность ея исполненія; преодолѣть эту трудность она надѣется только при помощи всѣхъ образованныхъ и заботящихся объ общемъ благѣ русскихъ офицеровъ; поэтому и обращается ко всѣмъ служащимъ и служившимъ въ рядахъ нашей арміи офицерамъ съ просьбою содѣйствовать ей въ дѣлѣ изученія нашего военнаго быта, и распространенія въ войскахъ всѣхъ свѣдѣній, до военнаго дѣла относящихся.

Въ какой бы формѣ ни была написана статья, основательно излагающая состояніе того или другаго отдѣла нашихъ войскъ, той или другой стороны военной нашей жизни, она будетъ съ равною признательностію принята «Военнымъ Сборникомъ». Систематическое изслѣдованіе, простой разсказъ, замѣтки въ формѣ воспоминаній или наблюденій,—все можетъ быть равно прекрасно и полезно, лишь бы только было дѣльно и правдиво. Многіе изъ опытнѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей, въ совершенствѣ знающихъ свою часть, затрудняются передавать на общую пользу, посредствомъ печати, плоды своихъ наблюденій только потому, что ихъ останавливаютъ требованія такъ называемой литературной формы; но знаніе дѣла и здравый взглядъ на него—достоинства болѣе важныя, нежели изящество языка, и если статья написана человѣкомъ дѣльнымъ, ясно понимающимъ свой предметъ и излагающимъ мысли основательно обдуманныя, она всегда будетъ оцѣнена по ея внутреннему достоинству. Такія статьи «Сборникъ» будетъ считать лучшимъ своимъ украшеніемъ.

Желая сколь возможно избѣгнуть односторонности воззрѣній, редакція будетъ охотно помѣщать въ « Сборникѣ » всѣ возраженія и замѣчанія на статьи, въ немъ же напечатанныя.

Относительно каждой присылаемой въ редакцію « Военнаго Сборника» статьи, авторъ будетъ получать отъ редакціи увѣдомленіе, намѣрена ли редакція помѣстить ее въ журналѣ, если только потребуетъ увѣдомленія объ этомъ.

Если авторъ, по какой-либо причинѣ, не желаетъ подписывать своимъ именемъ принадлежащую ему статью, имя это останется ненарушимою тайною редакціи.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ «Военномъ Сборникѣ», опредѣлено: за извлеченія и компиляціи по 30 р. сер. съ печатнаго листа, а за оргинальныя статьи—до 50 руб. сер., и въ нѣкоторыхъ случаяхъ выше.

Авторъ можетъ, сверхъ того, если пожелаетъ, получать безплатно отъ 25 до 50 отдѣльныхъ оттисковъ своей статьи: для этого нужно ему только отмѣтить на самой статьѣ, что онъ желаетъ имѣть отдѣльные оттиски.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на «Военный Сборникъ» принимается въ С Петербургѣ, по адресу: въ Редакцію «Военнаго Сборника», при Штабѣ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, или: въ Контору «Военнаго Сборника», при книжномъ магазинѣ Давыдова, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова Дворца, въ домѣ Завѣтнаго.

Цѣна за полное годовое изданіе «Военнаго Сборника» назначается въ 6 рублей серебромъ (по 50 коп. за книжку); въ нынѣшнемъ же 1858 году — 4 рубля серебромъ (за 8 книжекъ). Лица, служащія въ войскахъ и обращающіяся съ требованіями на «Военный Сборникъ» чрезъ свои начальства или прямо отъ себя въ Штабъ Отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса, за пересылку ничего не платятъ; журналъ будетъ доставляться на ихъ имя въ ту часть войскъ, къ которой они принадлежатъ. Лица же, къ войскамъ не принадлежащія, прилагаютъ въ подписной цѣнѣ, за пересылку въ другіе города, или въ С. Петербургѣ за доставку на домъ, 1 руб. 50 коп. сер.

Редакторы: Генеральнаго Штаба Подполковникъ В. АНИЧКОВЪ.
Гвардейскаго Генеральнаго Штаба Капитанъ Н. ОБРУЧЕВЪ.
Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

КЛАССИЧЕСКІЙ ПЕРІОДЪ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Weimar und Jena in den Jahren 1794—1806. Von Julian Schmidt. Leipzig, 1855.

(Продолженіе.)

—

В. Гумбольдтъ находилъ, что въ изслѣдованіяхъ Шиллера высказаны всѣ существенныя истины о прекрасномъ и объ искусствѣ. Шиллеръ положилъ новыя основанія эстетики. Его идеи сдѣлались общимъ національнымъ достояніемъ Германіи и были приняты и другими націями. «Мы носимъ ихъ въ душѣ, говоритъ современный историкъ нѣмецкой литературы, не зная сами откуда онѣ у насъ, и конечно стóитъ вспомнить о забытыхъ источникахъ, изъ которыхъ, какъ многіе могутъ замѣтить, вытекли ихъ лучшія чувства, понятія и надежды.»

Вскорѣ послѣ появленія сочиненія Шиллера о наивной и сентиментальной поэзіи, появилось, какъ введеніе во всеобщую исторію поэзіи, разсужденіе Фридриха Шлегеля объ отношеніи древней поэзіи къ новой. Онъ началъ также исторію греческой поэзіи, предпріятіе, скоро оставленное имъ. Въ этихъ опытахъ Фр. Шлегель указывалъ, что новая поэзія есть результатъ прерваннаго естественнаго развитія. Греческое искусство было зрѣлымъ и полнымъ выраженіемъ природы греческой націи; но уже въ средніе вѣка эстетическое развитіе условливалось не одними естественными, природными побужденіями, а христіанскими понятіями; естественное и идеальное стремленія вытекали уже изъ различныхъ источниковъ. Отсюда преобладаніе мысли и отсутствіе цѣльнаго характера въ новѣйшей поэзіи.

TAYLOR INST.

Братья Шлегели (Фридрихъ и Августъ Вильгельмъ) такъ же, какъ Гёте и Шиллеръ, изучали греческій міръ, и многіе изъ замѣчательнѣйшихъ ихъ послѣдователей образовались въ школѣ классической филологіи. Въ первоначальныхъ критическихъ статьяхъ и историко-литературныхъ сочиненіяхъ Шлегелей высказывались воззрѣнія и идеи, сходныя съ идеями Шиллера, хотя впослѣдствіи Шлегели противорѣчили имъ. Заслуга Шлегелей состояла въ основаніи исторіи литературы, — науки, существовавшей прежде только по имени. Дѣятельность Шлегелей главнѣйшимъ образомъ принадлежитъ позднѣйшей романтической школѣ, но въ первыхъ ихъ произведеніяхъ видна связь этой школы съ литературою классическаго періода.

Обозрѣвая лирическую поэзію послѣдняго, Шмитъ преимущественно обращаетъ вниманіе на отношеніе ея къ классической древности. — Шмитъ замѣчаетъ также, что сравненіе лирическихъ произведеній Шиллера съ лирикой Гёте внушаетъ убѣжденіе, что Шиллеръ не былъ рожденъ для лирической поэзіи. Стихотворенія его юности тяжелы и незвучны; даже въ стихотвореніяхъ, написанныхъ имъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, замѣтны недостатки исполненія. Имъ недостаетъ иногда единства тона, иногда благозвучія формы, иногда стройнаго развитія мысли, они носятъ на себѣ печать усилія и не всегда удавшагося труда. Шиллеръ былъ лишенъ дара уловлять минутныя чувства въ звукъ и образъ, онъ долженъ былъ распространять свою рѣчь, и выраженіе индивидуальнаго чувства дополнять блескомъ изображеній и богатствомъ мысли. Нельзя не признать истину этихъ замѣчаній: лирика Шиллера не рѣдко склоняется къ дидактическому роду; во многихъ изъ его стихотвореній высказываются напряженныя философскія созерцанія и понятія, и нельзя не согласиться, что чувства, выражаемыя иными изъ нихъ, могутъ показаться неясными, а выраженіе ихъ ложнымъ тому, для кого не ясны самые предметы этихъ чувствъ. Признавая все это, надо однакоже признать и то, чего не замѣчаетъ Шмитъ, а именно, что энергія духа, поэтическаго одушевленія и нравственнаго идеализма, которыми запечатлѣны лирическія произведенія Шиллера, заставляютъ забывать недостатки послѣднихъ и оставляютъ въ читателѣ глубокое и прочное впечатлѣніе.

Въ лирической поэзіи Шиллера часто высказывается мысль объ искусствѣ, возникнувшемъ въ Греціи и назначенномъ пробудить человѣчество отъ долгаго мрачнаго усыпленія. Въ стихотвореніи «Боги Греціи», написанномъ поэтомъ еще ранѣе его дружескаго союза съ Гёте, выражена скорбь объ утратѣ поэтическаго міра Греціи, свѣтлыхъ наивныхъ понятій юнаго человѣчества, скорбь объ утратѣ того времени, когда добродѣтель человѣка не была противорѣчіемъ голосу природы,—времени, которое не знало безжизненныхъ отвлеченностей и мрачныхъ идеаловъ. Стихотвореніе заключается словами: «что̀ вѣчно должно жить въ пѣсняхъ, то должно погибнуть въ жизни». Шмитъ объясняетъ скорбь поэта объ утраченной гармонической жизни современнымъ ему ханжествомъ, которое представляло жизнь юдолью скорби, и не признавало стремленій человѣческаго сердца. Но Шмитъ возстаетъ противъ заключительныхъ словъ стихотворенія: «Живутъ, говоритъ онъ, только живые, изъ міра тѣней не почерпается истинное вдохновеніе, изъ могилъ не возникаетъ истинная поэзія.» Какъ ни справедливы замѣчанія Шмита въ смыслѣ общихъ требованій отъ искусства, не думаемъ, чтобы онъ былъ правъ, осуждая поэзію Шиллера за то, что она нерѣдко вдохновлялась воспоминаніями древности. Стремленіемъ къ послѣдней, къ ея понятіямъ и къ ея искусству поэзія Шиллера выражала настроеніе лучшихъ умовъ его націи и слѣдовательно черпала свое вдохновеніе не изъ могилъ и не изъ міра тѣней. Мы не послѣдуемъ за Шмитомъ въ разборѣ другихъ стихотвореній Шиллера; замѣтимъ только то, что̀ онъ говоритъ по поводу стихотворенія «Прогулка.» «Еслибы классицизмъ не подарилъ насъ ни чѣмъ, кромѣ этого прекраснаго произведенія, въ которомъ солнце Гомера свѣтитъ и нашему одичалому поколѣнію, то и тогда мы должны были бы благодарить его за стремленіе въ даль.» Какъ согласить эти слова съ порицаніемъ направленія нѣмецкой поэзіи классическаго періода?

Гёте сравнительно съ Шиллеромъ обладалъ болѣе обширнымъ и глубокимъ знаніемъ греческаго міра. Шиллеръ только стремился къ гармонической жизни Грековъ, и его лирическая поэзія выражала скорбь объ утратѣ золотаго времени. Гёте хотѣлъ, на сколько возможно для поэта новой эпохи, воз-

становить это время въ своей личной жизни и поэзіи. Однако же въ греческихъ формахъ поэзіи онъ выражалъ общія человѣческія чувства и черты общей природы человѣка. Такъ элегія «Алексисъ и Дора», не смотря на греческіе образы и даже на размышленія въ греческомъ духѣ, представляетъ содержаніе, не принадлежащее исключительно греческому міру. Содержаніе элегіи Эвфрозина внушено было поэту отношеніемъ его личной жизни. Не смотря на греческую пластичность римскихъ элегій Гёте, въ нихъ замѣтно мечтательное настроеніе, свойственное поэту сѣвера и новаго времени. Пестро смѣшиваются здѣсь величіе древняго искусства, прекрасная природа, легкая веселая жизнь людей, чувственныя наслажденія, католическій маскарадъ и т. д. Гёте удалялся отъ всего, что̀ могло его повести къ анализу, онъ отвращался отъ историческаго созерцанія, отъ прошедшаго прекрасной страны и слѣдовалъ за шаловливымъ эротомъ, который среди разложенія итальянской цивилизаціи указывалъ ему свѣжую жизнь. Право на свободное наслажденіе послѣднею давала Гёте односторонняя, узкая мораль, стѣснявшая прежнихъ нѣмецкихъ писателей. Показывая богатство явленій жизни и природы во всей полнотѣ, Гёте освобождалъ своихъ соотечественниковъ отъ предразсудковъ и гнета отвлеченностей, но онъ умѣлъ сохранять мѣру среди сильнѣйшей чувственности: въ этомъ отношеніи нельзя не замѣтить грѣховъ его послѣдователей, когда сравнишь ихъ съ Гёте.— Отъ чахлаго нѣмецкаго піэтистическаго быта поэтъ спасся въ страну, къ которой давно влекло его страстное желаніе, въ убѣжище греческаго искусства. Однакоже онъ оставался поэтомъ новаго времени; онъ не сдѣлался въ самомъ дѣлѣ древнимъ Грекомъ, какъ не преклонялся онъ, подобно язычнику, передъ образами греческихъ боговъ; Гёте дѣйствительно преклонялся только передъ природою. Спиноза научилъ его понимать природу какъ цѣлое, никогда себѣ не противорѣчащее, если только недоразумѣніе человѣка не вноситъ въ него противорѣчія, и покорность, съ какою въ самыхъ зрѣлыхъ произведеніяхъ Гёте сильнѣйшія чувства человѣка смиряются предъ опредѣленіемъ боговъ, есть не что иное какъ признаніе той природной необходимости, среди которой страданье есть только призракъ.

За элегіями въ античномъ духѣ появились въ нѣмецкой лите-

ратурѣ съ 1797 года баллады, въ которыхъ поэты пытались олицетворить живыми образами явленія греческаго языческаго міра. Въ этомъ родѣ поэзіи Шиллеръ отклонился отъ пути, избраннаго до него Бюргеромъ. Произведенія послѣдняго были близки къ нѣмецкимъ и англійскимъ народнымъ пѣснямъ; Шиллеръ заимствовалъ содержаніе своихъ балладъ изъ греческой древности. Въ нихъ также замѣтна наклонность поэта смѣшивать поэзію съ философскими и эстетическими размышленіями. Во многихъ произведеніяхъ этого рода, написанныхъ А. В. Шлегелемъ, замѣтно вліяніе стиля Шиллера: они, подобно поэзіи послѣдняго, славятъ искусство и его власть надъ человѣческой душею и надъ природой. Какъ ни владѣлъ Шлегель языкомъ, всѣ эти произведенія бѣдны и жалки, если сравнить ихъ съ произведеніями того же рода, созданными Гёте и Шиллеромъ. Баллады послѣдняго возбудили множество подражаній, и Шиллеръ самъ уже долженъ былъ отклонять юныхъ поэтовъ отъ подобныхъ опытовъ. Если геніальные люди могли сообщить поэтическую жизнь чуждымъ образамъ греческаго міра и язычества, то трудность такой задачи выказывалась ярче всего, когда за нее брались второстепенные поэты и слабые таланты. Имена подражателей балладамъ Шиллера давно забыты. Шмитъ даже въ сумасшествіи молодаго поэта Фридриха Гельдерлина, болѣзненнаго и разстроеннаго несчастною любовью, хочетъ видѣть слѣдствіе отклоненія поэзіи отъ народнаго содержанія и дѣйствительной жизни.

Изданіе « Horen », въ которомъ являлись лирическія произведенія Гёте и Шиллера, не имѣло успѣха въ публикѣ. Причины этого заключались отчасти въ недостаточномъ числѣ способныхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, а отчасти въ томъ, что публика, привыкнувъ находить въ другихъ изданіяхъ чтеніе, не требовавшее отъ нея ни сосредоточеннаго вниманія, ни труда мысли, холодно встрѣчала статьи серьезнаго содержанія. — Поэты, раздраженные неудачею, присоединили къ издаваемому Шиллеромъ альманаху музъ остроумныя «Ксеніи», желая представить соотечественникамъ свои мнѣнія и убѣжденія, хотя бы и въ краткой эпиграматической формѣ. Они безпощадно поражали Ксеніями все ложное, посредственное и мелкое, все

враждебное дѣльному направленію и истинѣ въ наукѣ и искусствѣ.

Ксеніи появились осенью 1796 года, распространились по Германіи въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и произвели много шума и раздраженія; онѣ подняли въ нѣмецкой литературѣ озлобленную, яростную полемику. Изъ Ксеній можно видѣть, кто были главные противники идеально-художественнаго направленія искусства. Прежде всего это были такъ-называемые филистеры, люди благоразумные и пошлые, которые постоянно твердили азбуку здраваго смысла, и всякаго, кто шелъ далѣе, считали за мечтателя и сумасброда. Въ главѣ ихъ стоялъ Николаи, книгопродавецъ и редакторъ «Общаго нѣмецкаго ежемѣсячнаго изданія.» Николаи, какъ писатель, заслуживалъ всѣ сыпавшіяся на него нападки. Вмѣстѣ съ нимъ терпѣлъ отъ Ксеній Гарлибъ Меркель, Лифляндецъ, писавшій обозрѣнія нѣмецкой литературы, въ которыхъ между справедливыми замѣчаніями встрѣчались нападенія на замѣчательнѣйшихъ ея дѣятелей. Ксеніи были довольно снисходительны къ Коцебу, хотя онъ принадлежалъ къ тому же роду людей, какъ Николаи и Меркель.

Второй разрядъ враговъ, съ которыми воевали Ксеніи, составляли политики, думавшіе, что истину своихъ убѣжденій должно доказывать циническими формами. По мнѣнію этихъ людей, Шиллеръ и Гёте принадлежали аристократическому направленію. Ксеніи бичевали преимущественно Рейгарта, какъ представителя этой категоріи противниковъ. Къ сожалѣнію, Ксеніи не удержались отъ грубыхъ выходокъ противъ Георга Форстера, мужа, признававшаго все прекрасное и благородное. Изъ старыхъ друзей юности Гёте, изъ оригинальныхъ геніевъ, Ксеніи особенно преслѣдовали Штольберга; нападенія на него производились преимущественно Шиллеромъ. Уже тогда было предсказано Штольбергу, что онъ будетъ наконецъ католикомъ. Ксеніи удачно опредѣляли суетный и тщеславный характеръ Лафатера, въ лицѣ котораго соединялись лукавство и благородство, высокое и низкое. Клаудіусъ, Штилингъ, Шлосеръ также не были забыты Ксеніями.

Замѣчательно, что послѣднія издѣвались и надъ слишкомъ ревностными послѣдователями веймарской художественной

школы, которые готовы были преслѣдовать здравый человѣческой смыслъ, лишь бы дать полную свободу фантазіи. Много было удачныхъ остротъ надъ Ф. Шмилемъ; не были забыты ни эмансипированная Каролина Шлегель, ни А. В. Шлегель.

Юл. Шмитъ напрасно сожалѣетъ объ отрицательномъ и насмѣшливомъ направленіи Ксеній. Послѣднее не мѣшало поэтамъ продолжать свои серьезные и положительные труды; тѣ же люди, которые остались бы равнодушны къ разсужденіямъ о прекрасномъ и истинномъ въ искусствѣ и литературѣ, не поняли бы или вовсе не читали бы ихъ, — тѣ же люди были привлечены юморомъ и остротами Ксеній. Стихи, забавлявшіе такихъ людей, возбуждали въ нихъ литературный интересъ и болѣе очищенный вкусъ; а посредственность и рутина, неисправимыя и гордыя передъ ученой критикой, боятся остроты и насмѣшки, которыя поражаютъ ихъ въ глазахъ массы. Еслиже какое-нибудь дѣло не можетъ устоять противъ насмѣшекъ, то это уже не говоритъ въ его пользу. Вообще, излишняя чувствительность къ остротамъ, пародіямъ и сатирѣ составляетъ признакъ юныхъ литературъ и неразвитой общественности.—Гёте былъ доволенъ впечатлѣніемъ произведеннымъ Ксеніями, и забавлялся наблюденіями надъ тѣмъ, что̀ именно задѣваетъ людей, чѣмъ они въ свою очередь думаютъ задѣть другихъ, и какъ они не умѣютъ этого дѣлать. Шиллеръ же, напротивъ, жалѣлъ о всей тревогѣ, возбужденной Ксеніями, раздражался грубостями, которыя онѣ вызвали, и въ этомъ, конечно, высказались минуты слабости поэта. Только нѣкоторыя изъ Ксеній были дѣйствительно неудачны или неумѣстны; особенно нельзя не сказать этого о жалкихъ остротахъ, сопровождавшихъ трагическую судьбу Форстера и доказавшихъ до какой степени былъ не развитъ историческій и политическій смыслъ у самыхъ замѣчательныхъ людей тогдашней Германіи. Тѣмъ не менѣе общее значеніе Ксеній было благотворно, и онѣ остаются живымъ памятникомъ современной имъ литературы; историкъ послѣдней можетъ почерпать изъ нихъ вѣрныя понятія о ней.

Прекративъ изданіе Ксеній поэты продолжали положительные труды, которые уже своимъ достоинствомъ унижали ихъ противниковъ. Краткій періодъ классической нѣмецкой литературы былъ прекраснымъ, исполненнымъ одушевленія и жизни временемъ. Два великіе поэта въ дружномъ союзѣ стремились къ ве-

ликому и прекрасному и могущественно увлекали за собою юныя поколѣнія. Около нихъ образовался кругъ избранныхъ, образованныхъ женщинъ, среди котораго общія идеи дѣлались индивидуальнымъ чувствомъ. Гёте имѣлъ право сказать о созданныхъ имъ женскихъ образахъ:

Es sind nicht Schatten, die der Wahn erzeugte;
Ich weiss es, sie sind ewig, denn sie sind.

Наука въ то время начала сближаться съ жизнію и поэзіею. Философія отказывалась отъ прежней суровой формы и старалась занимать фантазію: она прозрѣвала въ область природы и исторіи, она оживляла своимъ свѣтомъ сухое эмпирическое знаніе и дѣлала его доступнымъ поэзіи. Идеи добра и красоты, разъединенныя отвлеченностью понятій, снова примирялись между собою; рядомъ съ правомъ идеала было признано и право чувственности. Этотъ прекрасный, идеальный міръ охранялся постояннымъ художественнымъ стремленіемъ, создавшимъ совершенство поэтической формы. Прекрасный языкъ того времени, утраченный современною намъ нѣмецкою поэзіею, былъ выраженіемъ прекраснаго, гармоническаго настроенія духа поэтовъ.

«При универсальномъ направленіи нѣмецкаго искусства, замѣчаетъ Шмитъ, было счастіемъ, что оно избрало временнымъ центромъ своимъ греческій міръ; нѣмецкіе поэты учились изъ сочиненій древнихъ писателей созерцать и чувствовать, какъ созерцало и чувствовало юное человѣчество. Для нашего языка, для нашихъ чувствъ, для науки и искусства, мы искали образцовъ болѣе въ нихъ, чѣмъ въ писателяхъ новѣйшихъ временъ. . . . . Кто вздумалъ бы теперь пренебрегать Греками, тотъ долженъ исключить изъ собственной нашей жизни лучшую часть ея» [1]. — «У классическихъ поэтовъ всѣхъ другихъ націй, говоритъ онъ далѣе, основою чувствъ было сознаніе народа, они стремились просвѣтить и очистить его, но не измѣнить его сущность. Въ наше же классическое время, напротивъ, идеализмъ противополагался дѣйствительности: поэзія искала своихъ идеаловъ, т. е. своей эстетической совѣсти у язычниковъ, у католиковъ, у Грековъ, у Индійцевъ, она искала ея въ учебникахъ

[1]) См. стр. 77.

физики и химіи, въ миѳахъ варварскихъ племенъ, она искала ее всюду, но не въ собственномъ народѣ. Это гордое пренебреженіе врожденнаго инстинкта рано или поздно влечетъ за собою отмщеніе. Эстетическая нравственность прекрасныхъ душъ, сохранившая Гёте и его современниковъ отъ заблужденій послѣдующаго поколѣнія, есть только даръ избранныхъ натуръ и не можетъ быть даромъ прочнымъ. Преемникамъ, отъ этой поэтической мудрости остается только совершенная безпомощность въ выборѣ воззрѣній, жалкая неспособность любить и ненавидѣть, хотѣть и рѣшаться» [1]). Эти слова противорѣчатъ собственнымъ мнѣніямъ Шмита о благотворномъ вліяніи изученія древности и сближенія нѣмецкой литературы съ древнею классическою на образованность Германіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Эти слова клевещутъ на смыслъ всей дѣятельности великихъ поэтовъ Германіи. Если поэзія послѣднихъ воспитывалась содержаніемъ чуждымъ жизни ихъ націи, то это было по необходимости, зависѣло отъ скудости народной почвы и благотворно дѣйствовало на нее. Такое направленіе поэзіи не противорѣчило потребностямъ и стремленіямъ націи, а удовлетворяло имъ. Изученіе древности, обращеніе къ ней и сближеніе нѣмецкой поэзіи съ нею въ концѣ XVIII вѣка сообщали не однимъ современникамъ Шиллера и Гёте правильный и свободный взглядъ на природу человѣка, уничтожали узкія и ограниченныя понятія, развивали эстетическое чувство. Подобное вліяніе нѣмецкой поэзіи конца XVIII вѣка могло ли производить въ людяхъ неспособность любить и ненавидѣть, хотѣть и рѣшаться? Нельзя не замѣтить также, что требованія вполнѣ исключительной національности не могутъ быть удовлетворены литературами новѣйшихъ временъ. Распространеніе образованія и ученія открываетъ людямъ новѣйшихъ обществъ сокровища цивилизаціи разныхъ вѣковъ и сглаживаетъ рѣзкія національныя особенности литературъ. Уже Римляне подражали Грекамъ. Въ литературахъ среднихъ вѣковъ были заимствованія отъ Римлянъ и подражанія имъ. Кто бы вздумалъ теперь искать въ современной англійской или французской литературѣ ихъ древнихъ національныхъ особенностей? Вспомнимъ, что безъ

---

[1]) См. стр. 82.

воспріимчивости къ чуждымъ литературамъ, которая болѣе или менѣе оказываетъ свое вліяніе на литературу даннаго народа, не могло бы возникнуть истинное пониманіе исторіи. Не случайно критическое изученіе и правильное пониманіе всемірной исторіи возникло въ Германіи: воспріимчивость къ литературамъ разныхъ временъ и народовъ составляетъ существенную черту ея собственной литературы. Пѣсни юныхъ лѣтъ Гёте показываютъ, что въ немъ былъ смыслъ къ національной поэзіи, но много ли національная жизнь содѣйствовала развитію таланта поэта въ этомъ направленіи? Народъ, раздѣленный между множествомъ владѣтелей, лишенный общей связи, не имѣвшій центра національной жизни, лишенный самостоятельности и чувства собственнаго достоинства, какихъ пѣсенъ, какихъ народныхъ поэтическихъ созданій въ правѣ онъ требовать отъ геніальнаго поэта? Въ слѣдующихъ словахъ Гёте, кажется, высказалось сознаніе его собственнаго положенія и отношенія къ нѣмецкой націи. — «Когда и гдѣ является классическій національный авторъ?» задавалъ себѣ вопросъ Гёте, и отвѣчалъ: «Когда въ исторіи своего народа онъ встрѣчаетъ великія событія и ихъ послѣдствія въ счастливомъ, знаменательномъ соединеніи; когда среди его соотечественниковъ нѣтъ недостатка въ величіи помысловъ, въ глубинѣ чувствъ, въ силѣ и послѣдовательности дѣйствій; когда онъ самъ, проникнутый національнымъ духомъ, силою присущаго ему генія, способенъ сочувствовать прошедшему, какъ бы настоящему; когда онъ застаетъ свою націю на высокой степени цивилизаціи, такъ что ему легко достается его собственное образованіе; когда передъ нимъ много собрано матеріаловъ, удачныхъ и неудачныхъ опытовъ его предшественниковъ, и когда много внѣшнихъ и внутреннихъ обстоятельствъ вмѣстѣ содѣйствуютъ тому, чтобы ему не пришлось слишкомъ дорого поплатиться за уроки и чтобы въ лучшіе годы своей жизни онъ былъ способенъ задумать великое произведеніе, развить его и исполнить въ единомъ духѣ.... Превосходнаго національнаго писателя можно требовать только отъ самой націи» [1]). Встрѣтилъ ли Гёте среди своей націи всѣ тѣ условія, которыя производятъ совершеннаго національнаго автора? Не

---

[1]) Göthes Werke, XXXII, 200.

далеко бы пошло развитіе поэтическаго генія Гёте на исключительно національной почвѣ! «Тогда, (въ классическомъ періодѣ нѣмецкой поэзіи), говоритъ Шмитъ, было строгимъ принципомъ, что отношеніемъ къ дѣйствительности искусство теряетъ свое достоинство.... Гёте и Шиллеръ весь міръ своихъ чувствъ вывели изъ идеи прекраснаго, вѣчный первообразъ котораго сіялъ для нихъ въ греческомъ искусствѣ. Единственное отношеніе къ дѣйствительности была скорбь, что этотъ идеалъ не существуетъ дѣйствительно или что онъ былъ дѣйствительностью только нѣкогда» [1]). Приведемъ строки Шиллера изъ его писемъ объ эстетическомъ воспитаніи; изъ нихъ видно какъ Шиллеръ смотрѣлъ на значеніе греческаго міра и искусства для современнаго художника и вообще на назначеніе послѣдняго. «Художникъ, говоритъ Шиллеръ, хотя и есть сынъ своего времени, но горе ему, если онъ вмѣстѣ и его питомецъ или его любимецъ. Да оторветъ благодѣтельное существо во время питомца отъ груди его матери, да питаетъ его молокомъ лучшаго вѣка и да возраститъ его до зрѣлыхъ лѣтъ подъ далекимъ греческимъ небомъ; сдѣлавшись мужемъ, пусть возвратится онъ, чуждый образъ, въ свой вѣкъ, но не для того, чтобы обрадовать его своимъ появленіемъ; чтобы очистить его, пусть возвратится онъ ужасенъ какъ сынъ Агамемнона. Хотя онъ будетъ заимствовать содержаніе у современности, но форму пусть заимствуетъ онъ у лучшаго времени, даже внѣ всякаго времени, отъ абсолютнаго, неизмѣннаго единства своего существа.... Чтобы не принимать тебѣ (поэтъ обращается съ совѣтомъ къ другу истины и красоты) образца отъ дѣйствительности тогда какъ ты долженъ давать его ей: не прежде пускайся въ ея опасное сообщество, какъ когда увѣришься, что сердце твое хранитъ идеальное содержаніе; живи съ твоимъ вѣкомъ, но не будь его созданіемъ; твори для своихъ современниковъ, но то, что имъ нужно, а не то, что они хвалятъ» [2]) и т. д.

Изъ приведенныхъ строкъ Шиллера видно, что онъ желалъ для художника только воспитанія среди древняго міра и его

---

[1]) Стр. 83.
[2]) Schillers Werke XII, 33, 35.

идеальныхъ образовъ, но не желалъ удалить художника отъ современности, не требовалъ отъ него забвенія послѣдней и ея подробностей. Что поэтическая дѣятельность Шиллера была вѣрна его понятіямъ о назначеніи художника, что прекрасные образы греческаго міра не отвратили его отъ интересовъ, понятій и важнѣйшихъ вопросовъ его времени, съ этимъ согласится всякій, кто вспомнитъ содержаніе его драмъ, стремленія и упованія ихъ героевъ, наконецъ предметы, избранные Шиллеромъ для его главныхъ историческихъ сочиненій. Эстетическія понятія Шиллера не были высказаны въ его отрывочныхъ статьяхъ съ научною отчетливостью. Шмитъ могъ указывать на недостаточное развитіе, даже на нѣкоторыя противорѣчія эстетическихъ понятій Шиллера, но не думаемъ, чтобы онъ былъ правъ, утверждая, что, по мнѣнію Шиллера, искусство унижается отношеніемъ къ дѣйствительности. Подобное обвиненіе не вполнѣ справедливо и противъ Гёте. Если послѣдній отвращался отъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣйствительной жизни, о чемъ будемъ говорить ниже, то во многихъ своихъ произведеніяхъ, выражая пережитое и испытанное лично имъ самимъ, онъ выражалъ вмѣстѣ стремленія, думы, интересы и положенія своихъ современниковъ и соотечественниковъ. Вспомнимъ Вертера и Вильгельма Мейстера: но въ этомъ отношеніи значительнѣе всѣхъ другихъ его произведеній «Фаустъ». Первыя сцены его написалъ Гёте еще въ юности, а заключилъ его онъ не задолго до своей смерти. Въ «Фаустѣ» выразилось все развитіе Гёте, какъ человѣка и какъ поэта. Гёте писалъ его отрывочно, въ разное время, въ различныхъ настроеніяхъ духа, подъ различными впечатлѣніями [1]). Произведеніе, возникшее при такомъ способѣ поэтическаго творчества, не могло имѣть крѣпкой внутренней связи и единства, не могло представлять художественное цѣлое, какою бы поэзіею и какимъ бы достоинствомъ ни отличались его части. Критика часто указывала недостатки и ошибки «Фауста» въ этомъ отношеніи. Вѣрныя указанія на нихъ встрѣчаются и въ критикѣ Шмита, но отношеніе содержанія «Фауста» къ современнымъ идеямъ, объясненіе его

---

[1]) Отрывки Фауста печатно появились въ 1790 году. Первая часть его была окончена поэтомъ въ 1807 г.

историческаго значенія гораздо полнѣе высказаны другимъ историкомъ нѣмецкой литературы, у котораго потому мы и заимствуемъ эти объясненія для нашей статьи [1]).

Изысканіе исторической основы «Фауста» и связи его содержанія съ современными идеями показываетъ, что Гёте не боялся унизить своей поэзіи отношеніемъ къ современности и жизни; оно раскрываетъ также смыслъ этого произведенія и вмѣстѣ объясняетъ, почему «Фаустъ» остался какъ бы безъ заключенія и даже, можетъ-быть, не могъ имѣть послѣдняго. Основная мысль его имѣла связь съ мыслію народнаго сказанія о «Фаустѣ», хотя послѣднее и измѣнилось въ произведеніи поэта сообразно съ духомъ времени. Осьмнадцатый вѣкъ продолжалъ то, что̀ началъ шестнадцатый. Въ послѣднемъ вѣкѣ, изъ котораго сохранилось преданіе о «Фаустѣ», германская нація освобождалась отъ гнета тяжкихъ и устарѣлыхъ отношеній, подобно тому, какъ литературный переворотъ освобождалъ отъ нихъ, въ сферѣ мысли, образованныхъ людей Германіи въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка. Та и другая эпоха представляли смѣсь просвѣщенія и суевѣрія; люди той и другой эпохи, не удовлетворяясь цеховою мудростью, безжизненною ученостью, формализмомъ схоластики, были наклонны и въ знаніи искать удовлетворенія сердечнымъ потребностямъ и отдаваться таинственнымъ ученіямъ и глубокомысленнымъ воззрѣніямъ на природу. Въ эти времена скептицизмъ и сомнѣніе въ наукѣ соединялись съ отважною вѣрою въ таинственную глубину человѣческаго духа, а какъ скептицизмъ весьма часто является въ союзѣ съ чувственностью, то и тогда люди равно предавались и выспреннимъ духовнымъ, и вполнѣ чувственнымъ потребностямъ. Подобныя явленія избралъ Гёте содержаніемъ своего произведенія: духи міра, духи природы не даютъ отвѣта на вопросы «Фауста», и онъ отказывается отъ стремленій къ знанію, отъ инаго міра, и гоняется за наслажденіями жизни, омрачаемыми спутникомъ, который доставляетъ ихъ ему.

Кто припомнитъ отличительныя черты періода нѣмецкой литературы, извѣстнаго подъ названіемъ бурнаго и стремительнаго, тотъ согласится, что въ «Фаустѣ» вполнѣ выразились

---

[1]) Gervinus, V, 95 и слѣдующія стран.

идеи и стремленія того времени, что герой произведенія Гёте является представителемъ ихъ, а само произведеніе ихъ символомъ. Гёте, впервые задумавшій свое созданіе въ Страсбургѣ, самъ находился въ такомъ настроеніи духа, что всякое знаніе казалось ему тщетнымъ и безотраднымъ, и онъ выразилъ это настроеніе въ первыхъ сценахъ «Фауста». Герой его произведенія собралъ въ своей мрачной комнатѣ всѣ аттрибуты мудрости, но она остается мертва для него; пергаментъ не удовлетворяетъ его жаждѣ знанія; рычагъ и винты не открываютъ тайнъ природы. Фаустъ чувствуетъ, что пророческая сила души устремляется далѣе границъ разсудка. Онъ взываетъ къ юнымъ силамъ своего состарѣвшагося существа, онъ хотѣлъ бы соединить съ духовными стремленіями чувственныя, съ богатствомъ понятій и познаній сохранить живость и воспріимчивость ощущеній. Онъ подноситъ къ устамъ чашу, влага которой должна навсегда избавить его отъ муки напрасныхъ стремленій. Звуки колоколовъ и молитвъ достигаютъ до слуха Фауста, и его удерживаютъ на землѣ пробудившіяся воспоминанія о годахъ юности. Въ минутномъ обращеніи къ религіи и откровенію, можетъ-быть, выразилось желаніе мудреца возвратиться къ юношескимъ вѣрованіямъ, но онъ начинаетъ съ размышленій тамъ, гдѣ могла спасти только вѣра: врагъ человѣка уже обводитъ около него свои магическіе круги. Фаустъ проклинаетъ земную жизнь, полную обмановъ, онъ готовъ пожертвовать и жизнію въ другомъ мірѣ, онъ отказывается отъ стремленій къ знанію, отъ всего отвлеченнаго, чтобы предаться наслажденью. Онъ хочетъ забыться въ вихрѣ страстей, въ нескончаемыхъ увлеченіяхъ. Испытавъ всѣ муки знанія, онъ хочетъ испытать всѣ муки ощущенья, хочетъ обратить въ собственную скорбь страданія всего человѣчества, раздѣлять всѣ горести и радости его. Властитель Фауста возвращаетъ ему юность и всѣ ея силы, не отнимая у него ни мудрости, ни высокаго сознанія, и Фаустъ начинаетъ свое странствованіе. Онъ встрѣчаетъ чистое женственное существо, изображенное съ тѣмъ мастерствомъ, съ какимъ изображалъ Гёте вообще всѣ наивные женскіе характеры, но злой демонъ отравляетъ Фаусту прекрасное человѣческое счастіе.

Эти главныя черты всѣмъ извѣстнаго поэтическаго произведенія

вполнѣ соотвѣтствуютъ идеямъ, понятіямъ и стремленіямъ той эпохи, которая нашла въ немъ свое выраженіе, а также и всему, что̀ высказывается ея писателями. Презрѣніе къ мертвой мудрости отличало критику, оживившуюся со времени Лессинга во всѣхъ концахъ Германіи. Гаманнъ горько насмѣхался надъ сухою ученостью, надъ безплодными и отвлеченными умствованіями. Многіе изъ его послѣдователей, пресыщенные схоластицизмомъ прежняго времени, обращались къ магіи, ожидая отъ нея разрѣшенія тайнъ природы. Раздробленіе жизни на части, разъединеніе искусства и наукъ ужасало Гаманна; онъ былъ наклоненъ ввѣряться пророческимъ силамъ души и признавать законность страстей и чувственности. Все юное поколѣніе той эпохи вооружалось противъ стѣсненія внѣшней жизни, противъ условныхъ приличій. Наклонность къ самоубійству, являющаяся въ Фаустѣ, была эпедиміею во времена Вертера. Гердеръ пытался примирять высокія умозрѣнія и познаніе природы съ наивными вѣрованіями. Клингеръ въ своихъ произведеніяхъ настойчиво высказывалъ мучительное безвѣріе въ плодотворность науки, въ успѣхъ всякой нравственной дѣятельности. Гейнзе признавалъ ненасытную жажду наслажденія законнымъ влеченіемъ человѣка къ блаженству. Германское юношество еще и въ наше время продолжаетъ высказывать свое міровое страданіе и, подобно Фаусту, мучиться всѣмъ тѣмъ, что̀ терзаетъ человѣчество. Возвратъ о̀тъ старости къ юности, совершившійся въ Фаустѣ, удался не однимъ только Винкельману и Гёте; переходъ этотъ совершила вся нѣмецкая нація, когда отъ школьной мудрости она обратилась къ искусству, отъ исключительно умственной жизни къ чувственной, просвѣтленной свѣтомъ красоты, но среди которой тѣмъ не менѣе многіе люди не спаслись о̀тъ животнаго паденія. Гаманнъ думалъ, что разрѣшеніе проблемы счастія человѣчества заключается въ примиреніи стремленій первобытнаго, природнаго состоянія человѣка съ стремленіями цивилизаціи, въ примиреніи юности съ возмужалостью, физическихъ потребностей съ духовными. Эту цѣль, не ясно представлявшуюся Гаманну, яснѣе видѣли Гёте, Гердеръ и Шиллеръ, и безъ сомнѣнія гармоническое развитіе всѣхъ силъ человѣческой природы составляетъ задачу исторической жизни человѣчества.

Въ Фаустѣ видны стремленія осуществить требованія полной природы человѣка, но онъ не достигаетъ цѣли; онъ остается жертвою стремленій. Твореніе Гёте производило глубокое впечатлѣніе на современниковъ; у всѣхъ являлась наклонность продолжать его, въ чемъ признавался Нибуръ относительно самого себя. Тѣмъ не менѣе всѣ безконечныя подражанія, вызванныя созданіемъ поэта, не представляли разрѣшенія неразрѣшимой загадки; они не продолжали, а только повторяли «Фауста» Гёте. Отъ чего это зависѣло? Случайно, или вслѣдствіе какой-нибудь причины, великій поэтъ оставилъ безъ заключенія произведеніе, за которое такъ часто принимался, а когда вздумалъ продолжать его, то далъ ему совершенно иное направленіе, въ которомъ оно уже не представляло развитія современнаго человѣка, а выражало отношенія самого Гёте и поэзіи его къ разнымъ теоріямъ и идеямъ? Если начатому произведенію суждено было имѣть послѣдовательное продолженіе, то оно должно было оставить сферу ощущеній, какъ это замѣчалъ уже Шиллеръ; Фаустъ долженъ былъ перейдти отъ юности въ возрастъ мужества, обратиться къ производительной и дѣятельной жизни. Темныя идеальныя и внутреннія стремленія должны были смѣниться дѣйствительною и практическою жизнію; но поэтъ, не могшій и не желавшій создавать ни чего, для чего его созерцаніе не встрѣчало образцовъ въ самой жизни, необходимо долженъ былъ оставить своего героя тамъ, гдѣ остановилась нація, еще и теперь не переступившая пропасти, отдѣляющей жизнь мысли и чувства отъ дѣятельной жизни. Фаустъ Гёте, подобно растенію, возникъ совершенно на національной почвѣ, и развитіе его зависѣло вполнѣ отъ удобренія послѣдней. Попытки продолжать произведеніе великаго поэта могли быть его развитіемъ, а не повтореніемъ, тогда только, когда общественныя отношенія Германіи соотвѣтствовали бы умственному и духовному состоянію народа; безъ существеннаго успѣха въ жизни послѣдняго величайшій поэтъ, взявшись за произведеніе, подобное Фаусту, будетъ только повторять его.

Содержаніе Фауста показываетъ лучше всего, что поэзія Гёте съ удивительною вѣрностью и полнотою изображала многія стороны современной жизни, а не жила только въ древнемъ греческомъ или въ какомъ-то идеальномъ мірѣ. Если же Гёте не

сочуствовалъ инымъ направленіямъ своего времени, если великія событія и важнѣйшія задачи современной исторіи только смущали его и не находили отзыва въ его поэзіи или отражались въ ней въ искаженномъ видѣ, то этого не нужно объяснять вліяніемъ греческой древности и увлеченіемъ къ ея искусству. Это условливалось свойствами личности Гёте, исторіею его развитія, состояніемъ образованности нѣмецкой націи и тѣми существеннѣйшими понятіями и убѣжденіями Гёте, которыя обыкновенно составляютъ основу всѣхъ отношеній человѣка. Всѣ эти условія уже достаточно объяснены біографіею поэта, критикою и исторіею нѣмецкой литературы. — Гёте наслѣдовалъ отъ матери своей наклонность къ уединенію и влеченіе къ природѣ, а также расположеніе чуждаться всякаго непріятнаго впечатлѣнія. Судьба благопріятствовала такимъ наклонностямъ его природы и хранила его отъ всѣхъ внѣшнихъ столкновеній и большихъ несчастій; все что̀ онъ испыталъ мучительнаго выходило только изъ его собственной души, но и подобныя мученія онъ умѣлъ обращать въ наслажденіе. Поэтъ еще въ юности, вмѣстѣ со всѣмъ молодымъ поколѣніемъ, почувствовалъ тяжелое вліяніе національной сферы и поэзіи, гнетъ отвлеченностей и условныхъ отношеній, и онъ былъ одинъ изъ первыхъ среди лицъ, которыя возстали противъ послѣднихъ и обратились къ природѣ. Отъ этого времени навсегда сохранилось въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, предостерегавшее его отъ упрямства, заблужденія и произвола, въ которые легко можетъ впасть свобода, воля и духъ человѣка, и поэтъ довѣрялся инстинкту, природному влеченію и требованію обстоятельствъ, конечно на сколько это возможно въ такомъ обществѣ, гдѣ уже и первоначальная школа возбуждаетъ въ человѣкѣ размышленіе. Подслушивать дѣятельность собственнаго духа казалось поэту какою-то болѣзнію; онъ хвалился тѣмъ, что никогда не думалъ для того, чтобы думать, никогда не размышлялъ объ мышленіи. Онъ охотно признавался, что не находилъ въ себѣ способности къ философіи. Онъ ревностно совѣтовалъ учиться познанію человѣка, но предостерегалъ отъ самопознанья, находя, что въ познаніи самого себя заключается противорѣчіе. Онъ призывалъ къ жизни, а не къ разсужденіямъ, совѣтовалъ постоянно искать, стремиться, допытываться, ни-

когда не завершать, сохранять старое и радостно встрѣчать новое. Съ того времени какъ онъ ввѣрился своимъ пяти чувствамъ, а созерцаніе и опытъ сдѣлались для него источниками всякой мудрости, съ того времени природа была его законодательницей. Въ движеніи и жизни видѣлъ онъ единственныя цѣли вѣчно дѣятельныхъ силъ громадной матеріи, силъ, которыя были бы вполнѣ всемогущи, еслибы не были лишены власти абсолютнаго творчества и уничтоженія. Но эти предѣлы не слишкомъ заботили бодраго поэта. Вопросы, откуда и куда, не возбуждали его пытливости: пусть только бѣгутъ дѣти природы, говорилъ онъ, дорогу знаетъ мать. Цѣль жизни есть дѣйствіе и дѣятельность; прочное заключается только въ измѣненіяхъ; продолжаетъ существовать только родъ, въ которомъ исчезаетъ недѣлимое. Человѣкъ съ такимъ образомъ мыслей долженъ быть расположенъ отказываться отъ собственныхъ, самостоятельныхъ требованій. Отсюда происходила готовность Гёте отказываться отъ опредѣленнаго, твердаго направленія, отъ постоянной цѣли, отъ свободнаго выбора. Кто вполнѣ предается внѣшнимъ вліяніямъ, чья личность есть какъ бы невольное отраженіе внѣшнихъ предметовъ, тотъ самъ становится наряду съ отражаемыми предметами, какъ однородный съ ними объектъ. Чье гармоническое отношеніе къ міру не нарушается ни чувствомъ добра, ни чувствомъ зла, тотъ долженъ наконецъ принять систему оптимизма. Онъ долженъ быть вполнѣ доволенъ самимъ собою и предметами, каковы они есть. Онъ будетъ познавать міръ и жизнь не требуя ничего отъ нихъ; онъ будетъ избѣгать всякаго столкновенія, потому что всякое мнѣніе и всякая форма человѣческаго развитія должны уважаться имъ какъ произведенія по-своему дѣйствующей природы. Онъ успокоится въ созерцаніи и будетъ удаляться отъ всякой критики; онъ не будетъ способенъ ни выслушивать порицанія, ни произносить его. Какъ только перестанетъ волноваться его молодая кровь, онъ сниметъ отвѣтственность со всего, что существуетъ внѣ его; онъ не будетъ также признавать отвѣтственности и за самимъ собою. «Онъ вполнѣ ввѣряется природѣ; пусть она имъ распоряжается; у нея не можетъ быть ненависти къ своему созданію; онъ никогда не говоритъ о ней,

но все, что̀ имъ было сказано истиннаго или ложнаго, все было сказано ею, все ея вина, все ея заслуга» [1]).

Вотъ отчего поэтъ былъ такъ хорошо настроенъ, былъ такъ свѣтелъ и ясенъ: еслибы ему случилось ошибаться и заблуждаться, то это не могло бы быть его виною! — Односторонность системъ и понятій часто исправляется и пополняется въ жизни и на дѣлѣ противорѣчіемъ имъ, но на сколько убѣжденія и понятія человѣка могутъ прилагаться къ его жизни и дѣйствительнымъ отношеніямъ, на столько понятія Гёте, вмѣстѣ съ его наклонностями, опредѣлили его жизнь и дѣятельность. Воззрѣнія Гёте должны были удалять его отъ практической жизни, отъ участья къ той дѣятельности людей, которою они стремятся сами устроивать судьбу свою и въ которой проявляется ихъ нравственная самостоятельность и рѣшимость. Они заставляли его чуждаться трагическихъ впечатлѣній. Душѣ Гёте болѣе всего были сродны мирныя, спокойныя созерцанія и наслажденія; онъ самъ сознавалъ свою неспособность къ трагедіи. Гёте казался вполнѣ счастливымъ только среди наслажденій и созерцаній искусства и природы. Послѣднимъ Гёте былъ преданъ съ такою искренностью, которой нельзя замѣтить въ другихъ его отношеніяхъ. Но чѣмъ долѣе жилъ онъ, тѣмъ болѣе умѣлъ ладить съ людьми, научившись примиряться со всякимъ воззрѣніемъ, ибо не часто встрѣчается воззрѣніе, въ основаніи котораго не было бы доли истины. Поэзія Гёте высказала множество положеній, противорѣчащихъ одно другому и истинныхъ только при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они могли возникнуть. Поэтъ, котораго тонкая, воспріимчивая организація легко подчинялась всякому настроенію, всякому минутному расположенію духа, всѣмъ обстоятельствамъ жизни, вліянію мѣстопребыванія, возраста, занятія, погоды, откровенно высказывалъ всѣ свои ощущенія, и какъ притомъ онъ не отвращался ни отъ какой истины, то въ его произведеніяхъ встрѣчаются одни возлѣ другихъ совершенно противорѣчащія воззрѣнія. Понятно, что поэтъ, одаренный натурою Протея, возбуждаетъ разнообразныя и несогласныя мнѣнія о себѣ; тѣмъ не менѣе поэзія Гёте остается неисчерпаемымъ источникомъ вѣрныхъ пред-

---

[1]) Göthes Werke XL, 388.

ставленій о предметахъ, здравыхъ понятій и нѣкоторыхъ образцовыхъ правилъ жизни, сдѣлавшихся богатымъ достояніемъ его націи. Гёте положилъ въ Германіи твердую основу истинно гуманной образованности; онъ училъ всѣхъ соотечественниковъ чувствовать, думать и жить сообразно простымъ естественнымъ потребностямъ; онъ обращалъ ихъ къ природѣ, къ простому образу мыслей, къ легкой и свободной умственной дѣятельности. Гёте возбудилъ въ нихъ созерцаніе, впечатлительность, участіе, всѣ воспріимчивыя способности человѣческой природы. Его поэтическая дѣятельность приготовила почву для свободнаго духовнаго развитія націи.

Нельзя однакоже не признать, что Гёте не развилъ въ себѣ свободы и самостоятельности духа, отличавшихъ Шиллера, дѣятельность котораго въ исторіи нѣмецкой образованности составляетъ необходимое дополненіе дѣятельности Гёте.

Шмитъ одинаково обвиняетъ Гёте и Шиллера въ исключительно художественныхъ стремленіяхъ, въ томъ, что ихъ искусство не сближалось съ дѣйствительною жизнію. Если мы не можемъ признать вполнѣ справедливыми эти обвиненія относительно Гёте, то видимъ въ нихъ еще менѣе справедливости къ Шиллеру. Послѣдній уже въ школѣ выказывалъ предпріимчивыя, смѣлыя и дѣятельныя способности своей природы; товарищи его юности надѣялись, что въ немъ готовится замѣчательный дѣятель общественной жизни. Строгая, деспотическая дисциплина, угнетавшая его въ годы воспитанія, неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства и препятствія на пути его развитія вызывали его на борьбу, возбуждали въ душѣ его противодѣйствіе и самостоятельную силу. Въ юности онъ искалъ практической дѣятельности и обратился къ поэзіи и къ міру идеаловъ, когда уже почувствовалъ, что намѣреніямъ юности не совладать съ дѣйствительнымъ міромъ. Изъ всѣхъ его помысловъ и стремленій замѣтно, что дѣйствительная жизнь была въ глазахъ его выше созерцательной. Содержаніе поэтическихъ произведеній черпалъ онъ изъ исторіи, какъ бы почитая высочайшимъ призваніемъ поэта пѣть подвиги; во всемъ этомъ Шиллеръ конечно не былъ похожъ на Гёте. Первый изучалъ философію и исторію, и поэзія его почерпала содержаніе изъ этихъ сферъ необходимаго и дѣйствительнаго. Послѣдній не любилъ философіи и не

стремился изучать человѣчество; онъ изучалъ и зналъ только людей. Но если Гёте хотѣлъ возстановленія простыхъ человѣческихъ отношеній, человѣческихъ правъ, возстановленія естественнаго развитія человѣка, то Шиллеръ, преданный человѣчеству, желалъ осуществленія въ народѣ и государствѣ того, что̀ Гёте признавалъ требованіями человѣческой природы. Понятно, что два великіе поэта сблизились между собою, не смотря на все несходство ихъ личностей. Но сколько бы ни сближались дѣятельность и желанія ихъ, все однако же для Гёте и его поэзіи важнѣе всего была природа и ея побужденія, а Шиллера одушевляла болѣе всего другаго идея свободы духа. Онъ самъ былъ высокимъ явленіемъ этой свободы; стремясь къ избранной имъ цѣли, борясь съ внѣшними обстоятельствами и препятствіями на пути къ ней, онъ палъ жертвою напряженныхъ усилій и труда, рано истощивъ свои силы, а великій любимецъ природы, не входя въ борьбу съ ея условіями, тихо и почти незамѣтно достигъ кончины на 82 году своей жизни. Гёте, предостерегавшій Шиллера отъ напряженнаго труда и насилія природѣ, испытывалъ вмѣстѣ со всѣми, кто зналъ Шиллера, привлекательную силу его высокаго идеализма. Гёте вспоминалъ о Шиллерѣ до послѣднихъ дней своей жизни съ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ и съ какимъ-то смиреніемъ. Шиллеръ имѣлъ на него необыкновенное вліяніе; еще въ 1796 году онъ писалъ объ этомъ Якоби: «Ты уже не встрѣтишь во мнѣ упрямаго реалиста; мнѣ принесло большую пользу болѣе близкое знакомство съ инымъ образомъ мыслей.... Прежде моя рѣшительная ненависть къ фанатизму, лицемѣрію и произволу дѣлала меня часто несправедливымъ также и къ истинному идеальному добру въ человѣкѣ, которое на опытѣ не является во всей своей чистотѣ. Время поучаетъ насъ и въ этомъ отношеніи, и мы узнаемъ, что истиной оцѣнки не можетъ быть безъ снисхожденія. Теперь всякое идеальное стремленіе, когда встрѣчаю его, имѣетъ для меня цѣну и пріятно мнѣ.»

Отношеніе къ Шиллеру было поэзіею жизни Гёте; послѣдняя представлялась ему холодною и безцвѣтною, когда не стало Шиллера. Гёте невольно преклонялся предъ любящимъ духомъ и вѣрою его въ силу и благотворность идей. Вотъ что̀ писалъ Гёте о Шиллерѣ Цельтеру уже за годъ до своей смерти,

«Онъ облагораживалъ все обыкновенное, до чего ни касался; къ этому была направлена дѣятельность его духа. Сохранились еще записки одной дѣвушки, жившей нѣкоторое время въ его семьѣ. Она просто и вѣрно замѣчаетъ, что̀ онъ говорилъ ей, когда шелъ съ нею изъ театра, когда она готовила ему чай и въ иное время, все—бесѣда высокаго смысла, въ которой трогательна для меня вѣра, что молодая дѣвушка способна понять этотъ смыслъ и воспользоваться имъ. И однакоже онъ былъ понятъ и принесъ плодъ, точно какъ въ Евангеліи: вышелъ сѣятель сѣять, и проч.»

Упомянувъ о главныхъ чертахъ личностей двухъ великихъ поэтовъ, о тѣхъ ихъ свойствахъ и понятіяхъ, отъ которыхъ зависѣли характеръ ихъ поэзіи и отношеніе послѣдней къ современности поэтовъ, приведемъ здѣсь слова Холевіуса, прекрасно отвѣчающія на тѣ обвиненія противъ классическихъ поэтовъ нѣмецкой литературы, подобныя которымъ встрѣчаются въ книгѣ Шмидта: «Утверждать, говоритъ Холевіусъ [1]), что классическіе поэты XVIII вѣка жили только для самихъ себя, среди воображаемаго идеализма, стремились только къ собственному художественному наслажденію, значитъ отвергать несомнѣнные факты, основываясь на ошибочномъ мнѣніи, что національная жизнь проявляется исключительно въ политическихъ реформахъ. Философія, науки, искусство занимаютъ мѣсто на ряду съ политикой, и цивилизація, господствующая посредствомъ ихъ, составляетъ существенную часть національной жизни. Если глубоко знаменательная исторія нѣмецкаго духа называетъ Клопштока и Лессинга, Шиллера и Гёте творцами замѣчательной нѣмецкой образованности, то какимъ образомъ эти люди могли находиться внѣ національной жизни, творить только для собственной забавы или для подобныхъ имъ домосѣдовъ, любителей искусства, да для женщинъ?...

«Великіе драматурги Греціи жили въ демократической республикѣ и во время національной войны противъ Персовъ; не смотря на то они рѣдко изображали предметы современной исторіи, но большею частью баснословныя судьбы древнихъ царскихъ родовъ, и однакоже ни одинъ изъ соотечественни-

---

[1]) Gesch. der deutschen Poesie nach ihren antiken Elementen, von Cholevius.

ковъ не упрекалъ ихъ въ томъ, что поэзія ихъ не служила политическимъ интересамъ вѣка. Это потому, что Греки не искали единства поэзіи и жизни въ приложеніи первой къ событіямъ дня, но искали его въ пониманіи и изображеніи предметовъ. Если послѣдніе соотвѣтствовали характеру націи, если поэты въ своихъ созданіяхъ выказывали греческій образъ мыслей, если они были представителями того духовнаго направленія, къ которому стремился вѣкъ, то въ выборѣ предметовъ имъ предоставляли полную свободу и не требовали, чтобы новѣйшій національный поэтъ, ради внѣшняго единства поэзіи и жизни, прославлялъ въ эпосѣ Мильтіада и Леонида, чтобы онъ призывалъ къ освобожденію азіатскихъ Грековъ, чтобы вмѣсто давно забытаго Эдипа онъ избиралъ героемъ своей трагедіи Сократа и старался бы на сценѣ рѣшать споръ философскаго просвѣщенія съ обскурантизмомъ.»

(До слѣдующей книжки.)

О НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ ПОЛОЖЕНІИ ПОМѢЩИЧЬИХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

—

Измѣненіе быта помѣщичьихъ крестьянъ составляетъ въ настоящее время самый существенный интересъ Россіи. По окончаніи послѣдней войны, когда внезапно пробудилась въ насъ потребность самосознанія, возникли многочисленные вопросы, общественные и государственные, которыхъ разрѣшеніе казалось необходимымъ для блага нашего отечества. Въ эти нѣсколько лѣтъ много было сказано, много было сдѣлано хорошаго. Свѣтъ зрѣющей мысли началъ разливаться по всѣмъ сферамъ народной жизни; вмѣсто прежняго равнодушія, въ обществѣ возродился живой интересъ ко всему, что̀ насъ окружаетъ, пробудилось сознаніе о тѣхъ язвахъ, которыя гложутъ общественный организмъ и объ тѣхъ благихъ зачаткахъ и стремленіяхъ, которыя лежатъ въ глубинѣ духа нашего народа. Но среди всѣхъ этихъ разнорѣчащихъ толковъ и начинаній, въ этомъ нестройномъ лепетѣ мысли, озарившей несовершеннолѣтнее общество, все яснѣе и яснѣе выставлялся одинъ вопросъ, все сильнѣе и сильнѣе сосредоточивалось вниманіе на одной задачѣ. Для каждаго разумнаго человѣка стало очевиднымъ, что безъ разрѣшенія этой задачи, всѣ остальныя улучшенія могутъ быть непрочны, и наоборотъ, если даже ничего другаго не будетъ сдѣлано, то это одно преобразованіе выдвинетъ Россію на новую почву; оно положитъ сзади насъ непроходимый рубежъ, который отмежуетъ насъ отъ прошедшаго, такъ что не останется возможности для обратнаго хода. Этотъ вопросъ есть постепенное отмѣненіе крѣпостнаго права.

Не станемъ распространяться о томъ, что укрѣпленіе кресть-

янъ возникло у насъ вслѣдствіе правительственныхъ потребностей и что оно должно быть уничтожено съ измѣненіемъ тѣхъ государственныхъ условій, которыя вызвали эту мѣру. Объ этомъ мы имѣли уже случай говорить неоднократно. Но объясняя историческое значеніе крѣпостнаго права, мы не должны забывать, что оно существовало у насъ съ незапамятныхъ временъ. Если крестьяне до конца XVI-го вѣка переходили съ мѣста на мѣсто, то холопы съ глубокой древности были потомственными рабами; закабаленіе себя другому было одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій древней русской жизни. Государство никогда бы не было въ состояніи установить крѣпостное право, если бы оно не коренилось въ нравахъ и понятіяхъ народа. Слѣдуя въ своей организаціи чисто-практическому ходу, оно употребило для новыхъ цѣлей тѣ формы, которыя находились у него подъ руками, которыя представляла ему самая жизнь. Когда возникла потребность установить прочное подчиненіе бояръ-отъѣзжчиковъ государю, эти новыя отношенія приняли форму холопства, ибо инаго понятія о подданствѣ въ обществѣ не обрѣталось. Въ ту же форму сами собою облеклись отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ, какъ скоро первые были укрѣплены государствомъ. Такимъ образомъ крѣпостное право является принадлежностью средневѣковаго быта и того государственнаго порядка, который, возникши изъ средневѣковыхъ элементовъ, сохраняетъ еще на себѣ ихъ слѣды. Здѣсь частный произволъ и частная зависимость человѣка отъ человѣка замѣняютъ собою въ нѣкоторой степени дѣятельность общественной власти; сословія находятся въ рѣзкомъ раздѣленіи; свобода человѣка мало уважается; неравенство господствуетъ во всѣхъ общественныхъ сферахъ.

На иныхъ началахъ зиждутся новыя европейскія государства; они основаны на свободныхъ отношеніяхъ гражданъ, на равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, на одинакомъ подчиненіи всѣхъ единой верховной власти. При такомъ только порядкѣ личность каждаго гражданина получаетъ достаточно простора, чтобы проявить всю свою силу и достигнуть великихъ результатовъ свободнаго труда; а съ другой стороны самая верховная власть, получивъ въ непосредственное свое вѣдѣніе цѣлую массу подданныхъ, которые прежде находились въ частной зависимости,

пріобрѣтаетъ новое могущество и получаетъ возможность явиться истиннымъ представителемъ значенія и правъ государства. Въ такомъ порядкѣ внутреннія силы общества, не сдавленныя и не стѣсненныя искусственными преградами, занимаютъ каждая то мѣсто, которое принадлежитъ ей по самой ея природѣ, и вступаютъ въ естественное гармоническое соглашеніе между собою; законъ же является верховнымъ блюстителемъ правъ и интересовъ всѣхъ и каждаго.

Эта новая эпоха наступила для насъ во второй половинѣ XVIII-го вѣка, съ тѣхъ поръ, какъ дворянство освобождено было отъ принудительной службы. Нынѣ мы дѣлаемъ послѣдній шагъ по этому пути, мы окончательно прощаемся съ своимъ прошедшимъ. Но это новое преобразованіе глубже всѣхъ предъидущихъ обхватываетъ нашу жизнь. Оно не ограничивается областью правительственныхъ властей; оно не представляетъ только улучшенія экономическихъ условій страны, оно не имѣетъ цѣлью подвинуть насъ на пути умственнаго развитія; нѣтъ, оно измѣняетъ самыя отношенія сословій, то-есть тѣхъ общественныхъ элементовъ, которыхъ сочетаніе влечетъ за собою извѣстный государственный и народный бытъ. Оно должно проникнуть въ нашу домашнюю жизнь, измѣнить наши нравы, наши понятія, наши наклонности. Съ XV-го вѣка не было ничего подобнаго. Для Россіи наступаетъ новая эра: по державному мановенію старый порядокъ долженъ мало-по-малу исчезнуть и уступить мѣсто новымъ государственнымъ требованіямъ.

Страненъ былъ этотъ порядокъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина нанесла ему сильный ударъ. Мéньшая половина народа какъ-будто бы перешла на другой берегъ, а бóльшая осталась позади. Высшее сословіе, согласно съ духомъ новаго времени, получило значительныя права и освободилось отъ обязательной службы; низшее напротивъ, по старинному обычаю, не получило никакихъ правъ и несетъ на себѣ не только всю тяжесть государственныхъ податей и повинностей, но и частную пожизненную службу землевладѣльцамъ; высшее сословіе, обезпеченное въ своемъ существованіи работою подвластныхъ, лишено всякой побудительной причины къ личному труду; въ низшемъ, напротивъ, обязательная работа и без-

выходное положеніе поражаютъ всякую энергію и самодѣятельность; высшее сословіе смотритъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ на самыя благодѣтельныя мѣры правительства, потому что опасается волненій; низшее хватается за самые нелѣпые слухи, которые обѣщаютъ ему выходъ изъ настоящихъ условій. Общественная несправедливость и антагонизмъ сословій, скрывающійся подъ насильственнымъ ихъ согласіемъ — вотъ главныя черты этого порядка, въ которомъ вслѣдствіе историческаго хода очутились рядомъ двѣ противорѣчащія системы учрежденій. Все положеніе дворянства отзывается этою разладицей. Барскіе нравы нашихъ помѣщиковъ, безмѣрная роскошь, которая питается Богъ-вѣсть какими доходами, сильный недостатокъ иниціативы и энергіи, умственной, нравственной и даже физической — все это черты, обозначающія сословіе, отъ котораго поддержаніе своей власти и своего значенія не требуетъ никакой дѣятельности. Дворянство, какъ мы сказали, получило значительныя льготы; ему дано право выбирать не только представителей своего сословія, но и общихъ земскихъ судей и полицейскихъ служителей. Какъ же оно этимъ пользуется? Старается ли оно выбирать безкорыстныхъ чиновниковъ и отстаивать ихъ отъ притѣсненій бюрократіи? Къ несчастію, всякій знаетъ, что у насъ выборныя права далеко не достигаютъ желанной цѣли. Крѣпостное право отзывается и здѣсь; дворянство какъ-будто дорожитъ имъ однимъ и упускаетъ изъ виду остальныя свои преимущества: обезпеченное въ своемъ существованіи, оно не даетъ себѣ труда дѣйствовать общими силами на общую пользу. Въ этомъ убѣждаютъ насъ самые поразительные примѣры. Такъ, дворянству предоставлено право контролировать расходы земскихъ повинностей; между тѣмъ это никогда почти не дѣлается. Почему? Потому что повинности лежатъ на крестьянахъ, а кошелекъ помѣщика остается нетронутымъ.

Мы не думаемъ выставлять эти черты въ видѣ упрека дворянскому сословію; мы указываемъ на нихъ единственно какъ на фактъ, который вытекаетъ самъ собою изъ существующаго порядка вещей: неестественное положеніе непремѣнно влечетъ за собою неправильныя послѣдствія. Они отзываются у насъ во всѣхъ жизненныхъ сферахъ; вездѣ крѣпостное право, обломокъ отжившей старины, является преградою развитію. Въ

настоящее время общество сильно возстало противъ злоупотребленій чиновниковъ. Повидимому здѣсь нѣтъ никакой связи съ помѣщичьимъ правомъ; а между тѣмъ, если мы вникнемъ поглубже, мы увидимъ, что оба происходятъ изъ одного источника. Лихоимство, какъ уже было доказано, истекаетъ не изъ того или другаго случайнаго явленія, не изъ недостаточнаго жалованья у мелкихъ чиновниковъ, не изъ бюрократическаго произвола, не изъ общественнаго равнодушія; оно коренится въ самыхъ основныхъ понятіяхъ и воззрѣніяхъ, которыя господствуютъ въ обществѣ. Лихоимецъ смотритъ на свое мѣсто, какъ на кормленіе, то-есть какъ на источникъ частныхъ барышей. Законъ его за это преслѣдуетъ, а между тѣмъ самый же законъ установляетъ въ помѣщичьемъ правѣ общественную власть, основанную на частной прибыли. Можетъ ли исчезнуть кормленіе беззаконное, когда рядомъ съ нимъ существуютъ кормленіе законное? Перестанетъ ли полицейскій чиновникъ или судья обращать средства подвластныхъ въ личную свою пользу, когда рядомъ съ нимъ существуетъ полицейскій чиновникъ и судья, которыхъ законъ къ этому уполномочиваетъ? И не имѣетъ ли окружный начальникъ естественное поползновеніе обращаться съ казеннымъ крестьяниномъ такъ же, какъ помѣщикъ обращается съ своимъ? Насъ всегда поражаетъ своею странностью весьма обыкновенный доводъ помѣщиковъ въ пользу существующаго порядка: они требуютъ, чтобы прежде отмѣненія крѣпостнаго права были уничтожены притѣсненія чиновниковъ. Притѣсненія и лихоимство не могутъ исчезнуть прежде уничтоженія крѣпостнаго состоянія, ибо они суть послѣдствія того взгляда на вещи, который помѣщичье право укореняетъ и въ нравахъ и въ учрежденіяхъ.

Много толкуютъ теперь о гласности, объ общественномъ мнѣніи. Послѣднее безспорно должно выражать собою мысль класса образованнаго, то-есть преимущественно дворянства, которое у насъ стоитъ пока въ главѣ просвѣщенія. Но возможно ли правильное общественное мнѣніе, возможенъ ли нравственный судъ тамъ, гдѣ всѣ понятія общества извращены крѣпостнымъ правомъ, гдѣ весь частный и политическій бытъ высшаго сословія зиждется на общественной несправедливости? И есть ли мѣсто для широкой гласности въ такой странѣ, гдѣ

натянутыя отношенія сословій безпрерывно пораждаютъ мнимыя или справедливыя опасенія за сохраненіе законнаго порядка? Самые дикіе слухи находятъ отголосокъ среди крестьянъ, потому что для нихъ заготовлена слишкомъ воспріимчивая почва. Гласность и общественное мнѣніе, будучи выраженіемъ потребностей всенародныхъ, могутъ существовать лишь тамъ, гдѣ интересы народа не распадаются врозь вслѣдствіе исключительныхъ привилегій одного сословія и безмолвнаго подчиненія другаго.

Обратимся ли наконецъ къ экономическимъ вопросамъ, которые съ такою силою возникли въ послѣднее время, мы и здѣсь найдемъ крѣпостное право, какъ существенное препятствіе улучшеніямъ. По всеобщему ученію экономистовъ, по неизмѣнному признанію всемірной практики, свободный трудъ одинъ можетъ дать настоящее развитіе промышленнымъ силамъ народа. Онъ одинъ сообщаетъ лицу достаточно энергіи для надлежащей производительности; онъ одинъ даетъ каждой силѣ возможность найдти себѣ наилучшее употребленіе. Въ Россіи цѣлая треть народонаселенія подлежитъ обязательному труду и не обезпечена въ пріобрѣтенномъ достояніи: при такомъ положеніи возможно ли у насъ правильное экономическое развитіе? Всѣ отрасли народной промышленности страдаютъ отъ этой язвы, но въ особенности она отзывается на сельскомъ хозяйствѣ: отсюда неразвитость нашего земледѣлія, безпечность помѣщиковъ, нерадѣніе крестьянъ, низкое качество работъ, отсутствіе счетоводства, малоцѣнность произведеній. Пока не будетъ устраненъ этотъ корень всѣхъ нашихъ золъ, всякая попытка улучшить экономическій бытъ народа должна остаться безуспѣшною. Пусть протянутся по Россіи огромныя нити желѣзныхъ дорогъ; онѣ сдѣлаютъ, если можно, еще болѣе неотразимымъ убѣжденіе въ несостоятельности крѣпостнаго права. Цѣль желѣзныхъ дорогъ — сообщить экономическимъ силамъ государства наибольшую подвижность; но къ чему это можетъ служить, когда свобода движенія уничтожается самимъ закономъ? Отъ экономическихъ условій зависитъ и система финансовъ. Въ недавнее время у насъ произведена была кадастрація всѣхъ земель, находящихся въ пользованіи у казенныхъ крестьянъ; сообразно съ этимъ подати и повинности разлагаются на земли и промыслы. Мѣра весьма замѣчательная, какъ выходъ изъ по-

душнаго оклада. Но на помѣщичьихъ крестьянъ распространить ее невозможно, такъ что для различныхъ отдѣленій одного и того же сословія должна существовать различная податная система.

Такимъ образомъ разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, которые въ настоящее время занимаютъ русское общество, дѣлаетъ болѣе и болѣе очевиднымъ одинъ неотразимый фактъ: безъ преобразованія крѣпостныхъ отношеній невозможно у насъ никакое улучшеніе. А между тѣмъ нерѣдко слышатся голоса въ пользу этого порядка! Говорятъ, что мы не должны подражать Европѣ, отмѣнившей у себя крѣпостное право; утверждаютъ, что оно принадлежитъ къ особенностямъ Россіи, что оно коренится въ нравахъ, понятіяхъ, вѣрованіяхъ нашего народа. Какъ-будто особенности Россіи могутъ состоять въ узаконеніи общественной несправедливости и антагонизма сословій, въ уничтоженіи свободной дѣятельности человѣка! Странно въ особенности бываетъ слышать подобные отзывы отъ людей, которые выдаютъ себя за патріотовъ. Впрочемъ, чего не придумаютъ невѣжество и недобросовѣстность, прикрывающая своекорыстныя цѣли патріотическими возгласами? И упадокъ торговли, и неизбѣжный голодъ, и ослабленіе государственной власти, и разрушеніе вѣковыхъ преданій— все вызывается на сцену для поддержанія устарѣвшихъ привилегій. Къ счастью, въ нашемъ дворянствѣ найдется много людей, которые лучше понимаютъ собственныя [illegible] и нужды отечества, которые готовы всѣми силами содѣйствовать благимъ начинаніямъ и не станутъ уклоняться отъ пожертвованій на общую пользу. Въ настоящее время всѣ эти запоздалые возгласы отчасти потеряли уже значеніе; это послѣдній ропотъ отживающей старины. Правительство высказало свою неизмѣнную волю: попятный шагъ отнынѣ невозможенъ, неумѣстны и поздніе сожалѣнія. Теперь намъ предстоитъ одна забота: стараться [illegible]ить преобразованіе мирнымъ и законнымъ путемъ, зрѣло и обдуманно, при общемъ содѣйствіи всѣхъ гражданъ, съ сохраненіемъ справедливости для обоихъ сословій. Съ этою цѣлью необходимо привести къ ясному сознанію предстоящую намъ задачу, обсмотрѣть ее со всѣхъ сторонъ, и по зрѣломъ обсужденіи вопросовъ, искренне и осторожно приложить къ дѣлу выработанныя мѣры.

Здѣсь намъ представляется два главныхъ вопроса:

Къ какой цѣли должны мы идти?

Какія средства для достиженія предположенной цѣли?

Существо нынѣшняго крѣпостнаго права въ экономическомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что помѣщикъ пользуется обязательнымъ трудомъ крѣпостнаго человѣка, за что онъ доставляетъ послѣднему либо землю, либо пропитаніе. Относительно крестьянъ право помѣщика ограничено по закону трехъ-дневною работою, относительно дворовыхъ людей господствуетъ совершенный произволъ, при чемъ крестьянинъ можетъ всегда быть переведенъ въ дворовые. Это право на обязательную работу помѣщикъ можетъ, какъ всякую собственность, отчуждать въ постороннія руки, передавая вмѣстѣ съ тѣмъ и самое лице крѣпостнаго человѣка. Въ юридическомъ отношеніи существо крѣпостнаго права состоитъ въ томъ, что помѣщикъ имѣетъ власть надъ подчиненными; онъ ихъ судья, за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, онъ надъ ними полицеймейстеръ, онъ разрѣшаетъ имъ браки, онъ облагаетъ ихъ податями. И это право, какъ и предыдущее, можетъ быть передано другому.

Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія эти отношенія должны измѣниться совершенно. Цѣль, къ которой мы стремимся, есть замѣненіе труда обязательнаго трудомъ свободнымъ, основаннымъ на договорѣ отдѣльныхъ лицъ. Но договоръ тогда только бываетъ [illegible] свободенъ, когда положеніе лицъ одинаково, то-есть: когда оба могутъ по произволу вступать и не вступать въ сдѣлку. Потому работникъ долженъ пользоваться совершеннѣйшею подвижностью; ограниченія перехода, обязательныя работы могутъ и даже должны быть иногда удержаны, какъ переходная мѣра, но во всякомъ случаѣ это дѣло временное; цѣль есть полнѣйшая свобода лицъ въ экономическихъ ихъ отношеніяхъ. Тоже должно сказать и объ юридической сторонѣ крѣпостнаго права: власть помѣщика надъ крестьянами можетъ быть сохраняема нѣкоторое время, какъ переходное состояніе; но цѣль преобразованія состоитъ въ замѣненіи ея властью государственной. Правительству, какъ представителю цѣлаго общества или государства, принадлежитъ всякая общественная власть; отчужденіе послѣдней въ частныя руки, въ видѣ наслѣдственнаго достоянія, есть плодъ средневѣковыхъ воззрѣній,

несовмѣстныхъ съ общественнымъ порядкомъ новаго времени. Все это до такой степени очевидно, что мы считаемъ излишнимъ объ этомъ распространяться.

Гораздо сомнительнѣе вопросъ о томъ, каково должно быть будущее положеніе освобожденныхъ крестьянъ: должны ли они превратиться въ сословіе батраковъ или въ сословіе свободныхъ землевладѣльцевъ? Многіе полагаютъ, что крестьянъ можно отпустить на волю безъ земли: черезъ это богатѣйшіе обратятся въ фермеровъ, которые будутъ нанимать землю у помѣщиковъ; остальные же останутся работниками. Примѣръ Англіи имѣется въ виду при этихъ предположеніяхъ; господствующее тамъ фермерское хозяйство представляется высшимъ образцомъ земледѣльческаго развитія. Мы не можемъ раздѣлить этого мнѣнія. Высокое развитіе земледѣлія зависитъ не отъ способа владѣнія землею, а отъ присутствія капиталовъ. Тѣ же самые наемщики, которые въ богатой странѣ являются фермерами-капиталистами, въ бѣдной становятся половниками, едва обезпеченными въ своемъ существованіи. Съ другой стороны, въ той же Англіи средніе землевладѣльцы, обладающіе значительными капиталами, въ настоящее время довели хозяйство до еще высшей степени совершенства, нежели прежніе фермеры и вельможи. Такимъ образомъ существенное средство къ возвышенію земледѣлія состоитъ въ умноженіи капиталовъ, а отнюдь не въ лишеніи крестьянъ поземельной собственности. Что касается до нашего отечества, то намъ, вообще говоря, до улучшеннаго фермерскаго хозяйства еще далеко, а между тѣмъ цѣлая масса бѣднаго народонаселенія, пущенная на волю безъ земли и осужденная питаться ежедневнымъ трудомъ, безъ сомнѣнія впадетъ въ самое бѣдственное положеніе. Подобные примѣры представляютъ намъ страны, въ которыхъ совершилось такого рода освобожденіе, напримѣръ Померанія. Положимъ, что у насъ, вслѣдствіе обилія земель, освобожденные крестьяне могутъ переселиться на другія мѣста и пріобрѣсти себѣ со временемъ поземельную собственность. Но такая перемѣна можетъ быть только плодомъ медленнаго и труднаго переворота, при совершенномъ измѣненіи всѣхъ существующихъ хозяйственныхъ отношеній. Пріобрѣтеніе поземельной собственности для бездомнаго батрака—дѣло не легкое. При всеобщей бѣдности на-

шихъ крестьянъ, поземельное владѣніе должно быть для нихъ не отдаленною цѣлью усиленныхъ трудовъ, а постоянною опорою ихъ существованія, исходною точкою свободнаго ихъ развитія. Русскій мужикъ это понимаетъ, и готовъ отказаться отъ свободы, которая лишитъ его земли. Наконецъ ко всѣмъ этимъ доводамъ присоединяются государственныя соображенія первостепенной важности. Имѣть народонаселеніе осѣдлое, или бродячее, привязанное поземельнымъ владѣніемъ къ существующему порядку или всегда готовое волноваться вслѣдствіе самой шаткости своего положенія—вотъ двоякая перспектива, которая представляется намъ въ настоящую минуту. Выборъ не можетъ быть сомнителенъ.

Но если крестьянинъ въ хозяйственныхъ и государственныхъ видахъ долженъ получить извѣстное право на землю, то каково должно быть это право? Будетъ ли оно равняться полной собственности, или можетъ оно совмѣщаться съ правомъ помѣщика на ту же землю? Послѣднее въ видѣ переходной мѣры не можетъ не быть одобрено, какъ увидимъ ниже. Но иначе представляется вопросъ, когда мы имѣемъ въ виду отдаленную цѣль, то нормальное положеніе экономическихъ условій, къ которому должно стремиться государство. Въ этомъ отношеніи нельзя не сказать, что одна свободная собственность можетъ удовлетворить экономическимъ и юридическимъ требованіямъ народа. Она одна дозволяетъ хозяину дѣлать наивыгоднѣйшее употребленіе изъ своего капитала; она устраняетъ безчисленныя столкновенія и тяжбы между совмѣстными владѣльцами; она дѣлаетъ наконецъ излишнею цѣлую массу стѣснительныхъ законоположеній, которыя составляютъ неизбѣжное послѣдствіе инаго порядка. Мы не говоримъ здѣсь о мірскомъ владѣніи землею; объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Мы хотимъ только сказать, что и для помѣщиковъ, и для крестьянъ, и для всего государства будетъ выгодно, если земля, которая отводится въ пользованіе крестьянамъ, будетъ съ теченіемъ времени совершенно выкуплена послѣдними.

Итакъ цѣль, къ которой мы должны стремиться при отмѣненіи крѣпостнаго права, есть свобода лица, подчиняющаяся единственно государственной власти, и свобода поземельной

собственности. Какія же представляются намъ средства для достиженія этой цѣли?

Средство одно — выкупъ помѣщичьихъ правъ. Помѣщикъ имѣетъ по закону извѣстныя выгоды, которыхъ онъ лишается; справедливость требуетъ, чтобъ онъ былъ за это вознагражденъ. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ только о выкупѣ хозяйственныхъ выгодъ; юридическія права государство даетъ и отнимаетъ безъ всякаго вознагражденія. Выше мы видѣли, что окончательная цѣль освобожденія двоякая: свобода труда и свобода собственности. Крестьянинъ долженъ слѣдовательно выкупить свои повинности и пріобрѣсти землю, на которой онъ сидитъ. Первый вопросъ не встрѣчаетъ, кажется, никакихъ возраженій; всѣ убѣждены, что государство имѣетъ полное право сдѣлать крестьянина лично свободнымъ. Но относительно втораго пункта нерѣдко случается слышать странныя недоразумѣнія: многимъ кажется, что установленіе поземельнаго выкупа помимо воли помѣщика несовмѣстно съ правомъ собственности; нѣкоторые видятъ въ этомъ даже нѣчто въ родѣ конфискаціи. Подобныя возраженія могутъ возникнуть только изъ совершеннаго непониманія юридическаго характера собственности. Если мы будемъ судить по строгому праву, то частная собственность всегда уступаетъ мѣсто государственнымъ требованіямъ: когда проводится новая дорога, у поземельныхъ владѣльцевъ не спрашиваютъ согласія на уступку подъ нее земельныхъ участковъ; когда строится каналъ или установляется судоходство по рѣкѣ, всѣ прибрежные владѣльцы обязаны отдать часть своей земли подъ бечевникъ. Справедливость требуетъ только, чтобъ они были вознаграждены за эту уступку; конфискація же значитъ отнятіе собственности безъ всякаго вознагражденія. Въ этомъ вопросѣ не можетъ быть даже рѣчи о томъ, что въ одномъ случаѣ уступается небольшой клочекъ владѣній, а въ другомъ значительная ихъ часть. По строгому праву это различіе не существуетъ: если государство имѣетъ право для общественной пользы требовать не многаго, то оно можетъ требовать и много. Съ другой стороны, если мы будемъ судить на основаніи естественной справедливости, которая, принадлежа къ юридической области, выходитъ однакоже изъ предѣловъ буквы закона, то крестьянинъ имѣетъ несомнѣнное право на землю.

Онъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ полагалъ на нее свой трудъ; онъ съ нею соединился на основаніи давности; она составляла для него единственное вознагражденіе за всѣ тягости долголѣтняго служенія отечеству: не лишить же его этого достоянія? Помѣщикъ, въ награду за прежнюю обязательную службу, получилъ отъ государства помѣстныя земли въ полную собственность и притомъ безвозмездно. Крестьянинъ долженъ получить ту землю, на которой онъ сидитъ; но такъ какъ это собственность частная, то помѣщикъ имѣетъ право требовать за нее вознагражденіе.

Мы не думаемъ однакоже, чтобы слѣдовало раздѣлить выкупъ лица отъ выкупа земли. Эта мысль, невѣрная теоретически, вовсе не приложима на практикѣ. Она невѣрна, потому что крестьянинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться собственностью помѣщика: право распоряженія собственностью не ограничено, а съ крестьянина помѣщикъ по самому закону не можетъ требовать болѣе трехъ-дневной работы. При томъ же самъ помѣщикъ имѣетъ къ нему обязанности, которыя не подлежатъ оцѣнкѣ. Наконецъ въ составъ помѣщичьяго права входитъ юридическая власть, которую государство всегда можетъ отнять безвозмездно; но черезъ это лице крестьянина тотчасъ потеряетъ мѣновую свою цѣнность. Такимъ образомъ выкупать можно только повинности и оброки, которые и въ юридической теоріи и на практикѣ сливаются съ поземельнымъ владѣніемъ. Сущность положенія крѣпостнаго крестьянина состоитъ въ томъ, что онъ отъ помѣщика получаетъ извѣстное количество земли, за что онъ отбываетъ ему повинности. Спрашивается: съ чего взыскиваются послѣднія, съ лица или съ земли? Этого опредѣлить невозможно, вслѣдствіе чего на практикѣ цѣнность крестьянской работы соединяется съ цѣнностью земли въ одно нераздѣльное цѣлое. Въ нѣкоторыхъ малоземельныхъ губерніяхъ земля ненаселенная имѣетъ одинакую цѣну съ населенной, а иногда первая стóитъ даже дороже послѣдней. Очевидно, что въ случаѣ отдѣльнаго выкупа лица и земли, помѣщикъ получитъ двойное вознагражденіе за утраченныя права. Справедливая плата можетъ быть установлена только валовою оцѣнкою тѣхъ экономическихъ выгодъ, которыя помѣщикъ извлекаетъ изъ имѣнія, отходящаго отъ него

вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. Населенныя имѣнія при продажѣ цѣнятся либо по числу душъ, при чемъ берется въ расчетъ и количество земли, либо по количеству десятинъ земли, при чемъ берется въ расчетъ и число поселенныхъ на ней душъ. Эту чисто-практическую, ходячую оцѣнку, различную по различнымъ мѣстностямъ, слѣдуетъ положить въ основаніе выкупа. Такимъ только способомъ вопросъ можетъ разрѣшиться безъ обиды для обѣихъ сторонъ.

Но если выкупъ крестьянъ съ землею представляется намъ окончательною развязкою крѣпостныхъ отношеній, то съ другой стороны нельзя не видѣть, что это дѣло трудное, которое не можетъ быть совершено разомъ. Если выкупаться должны сами крестьяне, то нѣтъ сомнѣнія, что окончательное ихъ освобожденіе будетъ отложено на неопредѣленное число лѣтъ. Если же правительство придетъ имъ на помощь посредствомъ финансовой операціи, то и здѣсь внезапный выкупъ двадцати слишкомъ милліоновъ людей съ землею представляется слишкомъ затруднительнымъ. Мы не станемъ говорить о томъ, на сколько въ настоящее время возможна въ Россіи подобная финансовая мѣра. Этотъ вопросъ могутъ основательно обсуждать только люди, вполнѣ знакомые съ нашими финансами, то-есть правительственныя лица. У насъ государственный бюджетъ не обнародывается, а потому частные люди лишены возможности знать настоящія средства своего отечества. Но замѣтимъ, что даже въ тѣхъ проектахъ освобожденія, которые основываются на финансовой операціи, (мы говоримъ о тѣхъ, которые намъ удавалось читать), выпускъ государственныхъ облигацій предполагается постепенный, по невозможности внезапно наполнить торговый рынокъ такою огромною массою кредитныхъ знаковъ. Слѣдовательно освобожденіе крестьянъ должно совершиться не вдругъ, а постепенно. Отсюда необходимость переходнаго состоянія, въ продолженіе котораго взаимныя личныя и поземельныя отношенія сословій должны быть опредѣлены юридически для того, чтобы окончательный выкупъ могъ опереться на предшествующую основательную работу, на точное опредѣленіе тѣхъ выгодъ, за которыя помѣщикъ долженъ быть въ послѣдствіи вознагражденъ денежнымъ взносомъ.

Многимъ помѣщикамъ не нравится переходное состояніе;

они готовы разомъ отказаться отъ крестьянъ, отдавши имъ часть своей земли и получивши за это вознагражденіе; но ограниченіе помѣщичьихъ правъ, юридическое опредѣленіе существующихъ отношеній должно, по ихъ мнѣнію, повлечь за собою совершенное разстройство ихъ хозяйства. Дѣйствительно, нельзя не сказать, что въ новомъ порядкѣ отношенія помѣщика къ крестьянамъ будутъ гораздо сложнѣе, нежели въ настоящее время, и что юридическій ихъ характеръ, особенно при непривычкѣ народа къ подобному быту, породитъ множество столкновеній, для разрѣшенія которыхъ нужно будетъ прибѣгать ко вмѣшательству правительственной власти. Тѣмъ не менѣе опасенія кажутся намъ преувеличенными; они происходятъ большею частью изъ того недостатка энергіи, изъ того отсутствія самодѣятельности, которыми отличается вообще наша жизнь. Новое, неизвѣстное пугаетъ насъ, потому что мы не умѣемъ за него приняться. Мы хотимъ отношенія, созданныя вѣками, пустившія глубокіе корни, разрѣшить разомъ, безъ всякаго труда; мы желали бы даже возложить всю работу на правительство и требуемъ, чтобы оно прямо перевело насъ въ совершенно иной порядокъ. Благоразуміе, безъ сомнѣнія, умѣритъ подобныя требованія; мы должны понять, что великія преобразованія не совершаются разомъ и не могутъ обойдтись безъ содѣйствія всѣхъ сословій. Если переходное состояніе, вслѣдствіе большей сложности отношеній, имѣетъ нѣкоторыя неудобства, то съ другой стороны оно представляется самымъ естественнымъ, нормальнымъ выходомъ изъ настоящаго положенія. Не говоря уже о томъ, что мы неизбѣжно къ нему приходимъ вслѣдствіе невозможности внезапнаго выкупа, но оно само по себѣ имѣетъ значительныя преимущества передъ послѣднимъ. Въ самомъ дѣлѣ представьте себѣ экономическія послѣдствія единовременнаго выкупа въ земледѣльческой полосѣ Россіи. Въ цѣлыхъ губерніяхъ, гдѣ въ настоящее время земли воздѣлываются барщиной, онѣ должны будутъ обработываться наймомъ. Положимъ, что помѣщикъ получитъ въ видѣ облигацій необходимый для этого капиталъ. Но вопервыхъ, капиталъ этотъ будетъ значительно уменьшенъ, если не совершенно поглощенъ необходимостью выплатить долгъ опекунскому совѣту; во вторыхъ, кромѣ капитала, для обработки земли наймомъ нужны

умѣніе и дѣятельность, которыхъ нѣтъ у огромнаго большинства помѣщиковъ, привыкшихъ къ совершенно другому роду хозяйства; за тѣмъ неизвѣстно, будетъ ли наниматься крестьянинъ, внезапно и окончательно освобожденный изъ крѣпостной зависимости; наконецъ, для успѣшнаго хода наемнаго хозяйства необходимо, чтобы цѣны и способы найма были опредѣлены обычаемъ, вошли бы въ извѣстную нормальную колею, — условіе, которое совершенно устраняется внезапнымъ переворотомъ. Однимъ словомъ, если для отдѣльныхъ хозяйствъ единовременный выкупъ представляется желательнымъ исходомъ изъ существующихъ отношеній, то, разсматривая его относительно всей массы помѣщиковъ, мы не ошибемся, сказавши, что онъ произведетъ гораздо большее экономическое разстройство, нежели переходное состояніе. Притомъ надобно замѣтить, что всѣ хозяйственныя невыгоды юридически опредѣленныхъ отношеній заключаются въ трудности исправнаго взысканія личныхъ повинностей; для оброчныхъ имѣній замѣненіе оброка произвольнаго оброкомъ опредѣленнымъ не представляетъ существенной перемѣны. Слѣдовательно самая крайняя потеря помѣщика при новомъ положеніи будетъ состоять въ томъ, что онъ принужденъ будетъ превратить барщинское имѣніе въ оброчное, — результатъ, который во всякомъ случаѣ не представляется слишкомъ неблагопріятнымъ.

Съ другой стороны въ юридическомъ отношеніи переходное состояніе должно служить воспитательнымъ учрежденіемъ для будущей свободы крестьянъ. Тѣ, которые возстаютъ противъ ограниченія помѣщичьихъ правъ, утверждаютъ, что одна только полноправность помѣщика обезпечиваетъ повиновеніе крестьянъ—мысль чисто азіатская. Мы дѣйствительно этою стороною быта принадлежимъ нѣкоторымъ образомъ къ Азіи; но пора намъ сдѣлаться Европейцами, развить въ себѣ чувство права, пріучить себя къ уваженію тѣхъ границъ, которыя постановляются для нашей дѣятельности правами другихъ. Съ этимъ только условіемъ возможна свобода гражданскихъ отношеній; иначе мы должны оставаться при крѣпостной зависимости, при господствѣ произвола. Полновластіе помѣщика, перенесенное въ другую область, порождаетъ полновластіе чиновника; и здѣсь также утверждаютъ на основаніи азіатскихъ соображеній, что всякое огра-

ниченіе власти, всякое право, данное подчиненному, уничтожаетъ повиновеніе. Полноправность, какъ сумма верховныхъ правъ, принадлежитъ только государству; каждый его органъ, каждый членъ общества дѣйствуетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ, постановленныхъ верховнымъ закономъ. Только строгое соблюденіе этихъ предѣловъ обезпечиваетъ и благодѣтельную дѣятельность власти и законное повиновеніе подчиненныхъ. Въ послѣднемъ отношеніи переходное состояніе будетъ благотворно для самого крестьянина. Онъ не будетъ внезапно перенесенъ изъ полной зависимости въ полную свободу; постепенное пріобрѣтеніе правъ научитъ его дорожить каждымъ изъ нихъ; онъ узнаетъ что̀ такое законъ, который доселѣ скрывался для него за помѣщичьей властью; онъ получитъ возможность отстаивать себя самъ, мирною гражданскою дѣятельностью; наконецъ, постепенно избавляясь отъ крѣпостныхъ узъ, онъ пріучитъ себя къ правильному употребленію будущей свободы.

Въ настоящее время у насъ установляется это переходное состояніе, первый и важнѣйшій шагъ къ гражданской свободѣ. Отношенія крестьянъ къ помѣщику должны быть опредѣлены юридически, но послѣдній сохраняетъ полицейскую власть надъ прежними крѣпостными. Часть земли должна быть отведена въ постоянное пользованіе крестьянамъ, которые обязываются нести съ нея повинности и оброки. Наконецъ, къ этому присоединяется выкупъ крестьянскихъ усадьбъ—мѣра въ высшей степени благодѣтельная, не столько еще по своимъ матеріальнымъ послѣдствіямъ, сколько по нравственнымъ. Она обозначаетъ тотъ путь, которому должно слѣдовать предстоящее преобразованіе, ту цѣль, которая имѣется въ виду: крестьянинъ долженъ быть не бездомнымъ батракомъ, а осѣдлымъ собственникомъ. Самому крестьянину черезъ это внушается, что онъ долженъ ожидать себѣ освобожденія не отъ правительственныхъ распоряженій, совершающихся помимо его, а отъ собственной дѣятельности, отъ собственнаго труда. Всѣ тѣ нелѣпые слухи, которые такъ часто волнуютъ крѣпостное сословіе, черезъ это падутъ сами собою; преувеличенныя ожиданія исчезнутъ, и крестьянинъ пойметъ, что вопросъ можетъ разрѣшиться только постепенно, съ соблюденіемъ справедливости относительно обѣихъ сторонъ. Наконецъ и помѣщикъ въ правѣ на выкупную цѣну получаетъ

TAYLOR INST. OXFORD

удобное орудіе для сохраненія своихъ хозяйственныхъ выгодъ. Усадебная земля во многихъ мѣстахъ не приноситъ помѣщику никакого дохода; онъ можетъ даже отдать ее даромъ безъ существенной для себя потери. Подобная уступка, своевременно сдѣланная, можетъ весьма много способствовать правильному и мирному водворенію новаго порядка.

Опредѣливши существенныя условія переходнаго состоянія, условія необходимыя для блага государства, правительство предоставило приложеніе этихъ началъ, равно какъ и разрѣшеніе частныхъ вопросовъ, самимъ дворянскимъ обществамъ, дѣйствующимъ черезъ губернскіе комитеты. Въ этомъ нельзя не видѣть знака величайшаго довѣрія къ дворянству, ибо въ такомъ дѣлѣ едва ли не главная задача состоитъ въ исполненіи и въ приложеніи общихъ правилъ. Поле для разсужденій представляется самое обширное. Постараемся обозначить въ общихъ чертахъ главные вопросы, которыми должны будутъ заняться губернскіе комитеты. Разумѣется, въ краткой статьѣ мы не можемъ имѣть въ виду изложить подробности дѣла, тѣмъ болѣе, что онѣ, по различію мѣстныхъ условій, разнообразятся до чрезвычайности. Мы оставимъ въ сторонѣ и второстепенные вопросы, которые только стороною касаются крѣпостнаго права, хотя на нихъ и указано въ отношеніи министра внутреннихъ дѣлъ; таковы обезпеченіе народнаго продовольствія, учрежденіе школъ, устройство мірскаго управленія и т. п.

Первая задача, которую слѣдуетъ разрѣшить, относится къ поземельному владѣнію: должно быть опредѣлено количество земли, которое отведется крестьянамъ въ постоянное пользованіе, и земля эта должна быть отмежевана отъ помѣщичьей.

Касательно количества поземельнаго надѣла существуютъ у насъ въ обществѣ разнорѣчащія мнѣнія. Многіе полагаютъ, что если крестьяне получатъ достаточно земли для своего обезпеченія, то помѣщичьи поля останутся необработанными. Отсюда выводятъ, что имъ слѣдуетъ нарѣзать земли на столько, чтобы она служила имъ пособіемъ при домашнемъ хозяйствѣ, а отнюдь не обезпечивала бы ихъ существованіе. Съ этимъ согласиться невозможно. Если, какъ мы сказали выше, цѣль государства должна состоять въ образованіи значительнаго сословія земледѣльцевъ-собственниковъ, то очевидно, что послѣдніе должны,

вообще говоря, имѣть достаточно полей для обработки. Тогда только земля можетъ служить основаніемъ промышленнаго ихъ труда; иначе они по необходимости обратятся въ арендаторовъ или въ батраковъ, хотя пользующихся осѣдлостью, но работающихъ на сторону. Имѣть клочекъ земли, единственно какъ основу постоянной осѣдлости, можетъ быть весьма выгодно для крестьянина, который на дому занимается промыслами или фабричнымъ производствомъ, ибо настоящая его дѣятельность обращена не на землю, а на движимыя произведенія. Земледѣлецъ же находится въ другихъ условіяхъ: для него земля составляетъ настоящее основаніе труда; отъ нея зависитъ все его благосостояніе. Обрѣзать у него поле, сдѣлать изъ него осѣдлаго батрака значитъ однимъ актомъ уменьшить въ значительной степени довольство и благоденствіе многихъ и многихъ поколѣній. Крестьянину, который живетъ преимущественно заработною платою, часто будетъ даже выгоднѣе уступить другимъ свой участокъ, ибо черезъ это онъ получитъ возможность переноситься на тѣ мѣста, гдѣ трудъ цѣнится дороже. Такимъ образомъ въ виду будущаго благосостоянія крестьянскаго сословія, а слѣдовательно и всего государства, нельзя желать слишкомъ скуднаго надѣла землею. Еще менѣе можно допустить подобную мѣру при переходномъ состояніи. Иначе не только крестьяне не будутъ въ силахъ исполнять свои обязанности къ помѣщику, но и уплата государственныхъ податей и повинностей останется необезпеченною. Нужно будетъ по необходимости уменьшить взимаемую съ нихъ подушную подать и земскія повинности и разложить убыль на земли помѣщичьи. Но подобное преобразованіе есть измѣненіе всей существующей финансовой системы, измѣненіе, которое притомъ не можетъ быть сдѣлано безъ правильнаго кадастра, что̀ требуетъ значительнаго времени. Объ этомъ нечего и думать.

Что помѣщичьи поля не останутся невоздѣланными, ручательствомъ служитъ тотъ избытокъ времени, который нынѣ остается у крестьянъ за обработкою собственныхъ ихъ земель; три дня, которые они въ настоящее время отработываютъ на помѣщика, при новыхъ отношеніяхъ останутся у нихъ свободными. Еслибы однако по всей Россіи послѣдовалъ единовременный выкупъ крестьянъ съ землею, то нѣтъ сомнѣнія, что многіе

не захотѣли бы утруждать себя лишнею работой и довольствовались бы меньшими барышами. Но именно для предупрежденія подобнаго зла необходимо переходное состояніе. Обязательныя работы, выкупъ усадьбъ, затѣмъ уплата выкупной суммы за ту землю, которая нынѣ отводится имъ въ пользованіе—все это не позволитъ крестьянамъ предаться лѣни. Унихъ будетъ постоянное побужденіе къ усиленному труду; законъ мало-по-малу приведетъ ихъ къ свободѣ, не нарушая внезапно существующаго порядка. Когда же все преобразованіе придетъ къ желанному концу, тогда сами собою образуются различные разряды земледѣльцевъ: бѣднѣйшая и слабѣйшая часть крестьянъ безъ сомнѣнія превратится въ батраковъ и будетъ ходить туда, гдѣ найдетъ наиболѣе выгодную работу; другіе будутъ воздѣлывать собственную землю, или нанимать ее у помѣщика; третьи наконецъ, владѣя участкомъ земли, будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ наниматься въ работу у сосѣдей. Свободное движеніе экономичныхъ силъ само собою установитъ здѣсь правильность экономическихъ отношеній. Задача законодательства состоитъ въ томъ, чтобы мало-по-малу привести народъ къ этому состоянію, не обрѣзывая многочисленное сословіе въ средствахъ пропитанія и не производя внезапнаго нарушенія экономическихъ условій страны.

Для этого существуетъ одно только средство: отправиться отъ настоящаго порядка, какъ единственнаго руководящаго начала для будущихъ измѣненій. Здѣсь могутъ встрѣтиться разнообразныя условія: очевидно, что въ малоземельныхъ губерніяхъ и уѣздахъ пропорція надѣла будетъ иная, нежели въ многоземельныхъ. Вездѣ должны быть отведены пахатныя поля и выгоны для скота; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можно предоставить крестьянамъ и часть луговъ, въ другихъ даже и нѣкоторыя лѣсныя угодья, смотря по мѣстнымъ потребностямъ. Чтобы губернскій комитетъ могъ приступить къ подобной работѣ, необходимо сначала имѣть свѣдѣнія о существующемъ положеніи въ каждомъ помѣщичьемъ имѣніи. Отъ каждаго владѣльца долженъ быть потребованъ отвѣтъ на предложенные комитетомъ вопросы, и отвѣтъ долженъ быть повѣренъ на дѣлѣ посланными отъ комитета лицами. На основаніи этихъ данныхъ выведется средняя пропорція отводимой земли для каждаго уѣзда, или даже для отдѣльныхъ частей уѣзда. Эта цифра должна быть при-

нята за норму. Однако она не можетъ быть вполнѣ обязательна; при разнообразіи условій могутъ встрѣтиться мѣстности, къ которымъ она неприложима. Такъ иногда случается, что среди многоземельныхъ имѣній лежитъ имѣніе малоземельное, гдѣ помѣщикъ не въ состояніи будетъ дать крестьянамъ одинакое съ сосѣдями количество земли; въ другихъ помѣщикъ охотно дастъ больше полей и угодій, съ тѣмъ чтобы обезпечить себѣ правильную уплату повинностей и оброковъ. Для того, чтобы назначенная средняя пропорція не нарушала такимъ образомъ мѣстныхъ условій и выгодъ, добровольнымъ сдѣлкамъ помѣщика съ крестьянами должно быть предоставлено право измѣнять ее въ ту или другую сторону, при чемъ однако потребуется утвержденіе комитета. Если же соглашеніе не послѣдуетъ, а средняя пропорція окажется совершенно неприложимою къ данному имѣнію, то губернскій комитетъ можетъ и собственною властью предписать уклоненіе отъ постановленной имъ средней пропорціи.

Несравненно труднѣе размежеваніе крестьянъ съ помѣщиками. Въ имѣніяхъ оброчныхъ, гдѣ крестьяне пользуются всею землею, это затрудненіе не существуетъ; но совсѣмъ другое въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ помѣщичье хозяйство находится рядомъ съ крестьянскимъ. Въ настоящее время крестьянскія усадьбы, поля и выгоны до такой степени перепутываются съ помѣщичьими, что сохраненіе существующаго положенія должно породить крайнюю чрезполосность и безчисленныя столкновенія. Крестьяне будутъ гонять свои стада черезъ помѣщичьи поля, чего допустить невозможно; при безпечности нашихъ поселянъ, скотина ихъ будетъ производить на помѣщичьей землѣ безпрерывныя потравы, что̀ подастъ поводъ къ постояннымъ жалобамъ и неудовольствіямъ; наконецъ для сохраненія отдѣльныхъ участковъ и угодій, зашедшихъ въ чужую землю, помѣщикъ долженъ будетъ вездѣ копать межевыя канавы и держать сторожей, что̀ при нашемъ хозяйствѣ большею частью невозможно. Для устраненія всѣхъ этихъ неудобствъ представляется одно средство — переселять крестьянъ на другія мѣста, такъ чтобы ихъ земли и хозяйства были совершенно отдѣлены отъ помѣщичьихъ. При настоящемъ еще неоконченномъ спеціальномъ размежеваніи помѣщичьихъ имѣній, многіе владѣльцы принуждены были сами переносить свои усадьбы; другаго исхода нѣтъ и при размежеваніи съ кресть-

янами. Иначе произойдетъ еще бо́льшая чрезполосица, нежели прежде. Въ послѣдствіи все-таки нужно будетъ размежевываться и прибѣгнуть къ переселенію; лучше же приступить къ этому съ самаго начала, пока отношенія еще не совершенно опредѣлились.

Но съ другой стороны, если предоставить переселеніе крестьянъ произволу помѣщика, то первые будутъ слишкомъ въ накладѣ. Кто поручится, что иной помѣщикъ не отведетъ имъ для усадьбы такой мѣстности, гдѣ нѣтъ водопоя, или даже не посадитъ ихъ на голомъ пескѣ или на болотѣ? Поэтому мы думаемъ, что переселеніе должно быть предоставлено добровольному соглашенію обѣихъ сторонъ. Помѣщикъ имѣетъ при этомъ весьма хорошее орудіе для понужденія крестьянъ къ уступкѣ: переселяемый крестьянинъ долженъ получить новую усадебную землю безвозмездно. Этимъ вознаградятся для него издержки переселенія, а можетъ-быть и меньшее удобство новой мѣстности; помѣщикъ же естественно долженъ понести эту потерю за то, что пріобрѣтаетъ отъ переселенія новыя удобства для своего хозяйства. Но если при всемъ томъ добровольнаго соглашенія не послѣдуетъ, дѣло должно быть перенесено на разсмотрѣніе уѣзднаго присутствія, которое откроется на время переходнаго состоянія. Губернскій комитетъ не можетъ этимъ заняться, ибо существенный предметъ его разсужденій состоитъ въ постановленіи правилъ для руководства при новомъ порядкѣ; исполненіе же ихъ въ каждой мѣстности составляетъ дальнѣйшую задачу, которая должна быть предоставлена другимъ мѣстамъ. Съ этою цѣлью можно бы даже въ каждомъ уѣздѣ учредить особые межевые комитеты, ибо количество дѣлъ, которое будетъ скопляться въ уѣздныхъ присутствіяхъ можетъ помѣшать быстрому ихъ теченію.

Со всѣмъ тѣмъ нельзя отъ себя скрывать, что размежеваніе земель потребуетъ не малое время и породитъ нѣкоторыя неудовольствія. Это послѣдствія, неизбѣжныя при разрѣшеніи столь сложнаго вопроса. Если оно совершится въ теченіи двѣнадцатилѣтняго срока, постановленнаго для переходнаго состоянія, дѣло можно будетъ почитать счастливо конченнымъ. Притомъ же продолжительность срока необходима и для уменьшенія издержекъ на переселеніе.

Второй вопросъ, котораго разрѣшеніе предстоитъ губернскимъ комитетамъ, состоитъ въ опредѣленіи повинностей и оброковъ. Здѣсь опять существующій порядокъ долженъ быть принятъ за точку отправленія. Губернскій комитетъ будетъ прежнимъ способомъ собирать свѣдѣнія о каждомъ помѣщичьемъ имѣніи; на основаніи этихъ данныхъ можно вывести поуѣздно или даже для отдѣльныхъ частей уѣзда среднюю норму оброковъ, работъ и извозовъ. Среднею нормою мы называемъ не ту, которая выводится ариѳметически изъ данныхъ чиселъ, а ту, которая, употребляясь въ хорошихъ хозяйствахъ, не отяготительна для крестьянъ.

Средняя норма оброковъ не можетъ быть одинакая для всѣхъ; она должна соразмѣряться съ тѣми выгодами, которыя помѣщикъ предоставляетъ крестьянину, какъ это и дѣлается отчасти въ настоящее время. Крестьяне, поселенные около базарныхъ мѣстъ, на судоходныхъ рѣкахъ, на большихъ дорогахъ, платятъ болѣе тѣхъ, которые живутъ въ отдаленіи и глуши. Поэтому въ каждомъ уѣздѣ, сообразно съ существующими обычаями, должно быть постановлено нѣсколько отдѣльныхъ категорій для платежа оброковъ. Можно такимъ образомъ раздѣлить крестьянъ на три, на четыре разряда, смотря по тому, какими они пользуются выгодами. Разумѣется, такое общее раздѣленіе не можетъ обнять всѣхъ случаевъ; въ частностяхъ непремѣнно встрѣтятся нѣкоторыя несправедливости, какъ относительно крестьянъ, такъ и относительно помѣщиковъ. Но въ такомъ обширномъ и многосложномъ дѣлѣ нечего думать о совершенной точности опредѣленій. Требовать постановленій для каждаго отдѣльнаго случая все равно, что доискиваться совершенной соразмѣрности между податью и тѣмъ имуществомъ, съ котораго она взыскивается. И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ вопросѣ, можно руководствоваться только общими разрядами, примиряясь заранѣе съ случайными несоразмѣрностями.

За среднюю норму работъ слѣдуетъ принять трехъ-дневную барщину, ибо это право, которое принадлежитъ помѣщику по закону. Однако и здѣсь необходимо нѣкоторое уравненіе. Средняя норма работъ должна быть приведена въ соотношеніе съ среднимъ надѣломъ земли въ каждомъ уѣздѣ. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ надѣлъ земли менѣе средняго, должна быть умень-

шена и барщина. Количество дней, которое вычитается такимъ образомъ, должно быть распредѣлено на цѣлый годъ, такъ напримѣръ, чтобъ въ каждомъ мѣсяцѣ выбывалъ одинъ день или два. Увеличеніе же барщины не можетъ быть допускаемо, развѣ сами крестьяне согласятся платить работою за лишнее количество земель или угодій. Барщину слѣдуетъ раздѣлить на половины, такъ чтобы каждая половина отбывала свой день, при чемъ однакоже обѣимъ сторонамъ предоставляется возможность измѣнять этотъ распорядокъ на основаніи добровольныхъ сдѣлокъ. Наконецъ общая выгода помѣщиковъ и крестьянъ требуетъ, чтобы къ опредѣленію числа рабочихъ дней было присоединено и урочное положеніе работъ. Въ каждой мѣстности существуютъ на этотъ счетъ извѣстныя обычныя правила; каждый хорошій хозяинъ знаетъ, что̀ работникъ можетъ въ одинъ день спахать, посѣять, скосить или сжать. Эти обычныя постановленія, вообще говоря, весьма не отяготительныя, должны быть приняты за норму. При этомъ однако не слѣдуетъ впадать въ крайность и стараться слишкомъ подробными опредѣленіями предотвратить возможность споровъ и столкновеній. Не рѣдко излишняя подробность именно и ведетъ къ столкновеніямъ; ибо многія работы не подлежатъ точнымъ правиламъ. Поэтому нужно ограничиться постановленіемъ уроковъ для главныхъ полевыхъ работъ, остальныя же опредѣлить количествомъ рабочихъ дней, предоставляя ихъ употребленіе усмотрѣнію помѣщика или добровольнымъ сдѣлкамъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне отправляютъ свою барщину работою на фабрикахъ. Подобныя повинности слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, воспретить; промышленныя предпріятія должны поддерживаться наемною работою. Но такъ какъ внезапное прекращеніе обязательнаго труда могло бы привести фабрики въ разстройство, то можно назначить двухъ или трехъ-лѣтній срокъ, въ продолженіе котораго хозяинъ будетъ постепенно ставить свою фабрику на коммерческую ногу. Такой же срокъ можно назначить и для тѣхъ фабричныхъ работниковъ, которые, не имѣя земли, работаютъ за извѣстную плату въ качествѣ дворовыхъ людей. Но въ послѣднемъ случаѣ необходимо установить для нихъ законную таксу заработка.

Что̀ же касается до извозовъ, то, разумѣется, они должны

войдти въ зачетъ трехъ-дневной работы; однако они требуютъ особыхъ опредѣленій. И здѣсь существующій обычай долженъ быть принятъ комитетами за норму. Каждая мѣстность имѣетъ свой сбытъ, обыкновенно городъ или пристань, куда ставится хлѣбъ. Поэтому для каждаго уѣзда или для отдѣльныхъ частей уѣзда можно опредѣлить число подводъ, которое крестьяне обязаны поставлять на торговый рынокъ, уменьшая это количество по мѣрѣ удаленія вотчины отъ мѣста сбыта. Разумѣется помѣщику должно быть предоставлено право посылать подводы и въ другія мѣста, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы въ общемъ итогѣ поверстное разстояніе оставалось то же. Для дальнихъ разстояній, на которыя у крестьянина не хватитъ собственныхъ запасовъ, помѣщикъ долженъ оказать ему пособіе. Наконецъ, для избѣжанія произвола и притѣсненій, необходимо означить и сроки поставленія подводъ, опредѣляя примѣрнымъ образомъ одну подводу въ мѣсяцъ по зимнему пути или другія правила, смотря по мѣстнымъ условіямъ. Впрочемъ здѣсь добровольная сдѣлка можетъ всегда измѣнять законныя правила.

Было бы весьма желательно, еслибы всѣ барщинскія имѣнія переведены были на оброкъ. Личная повинность, сама по себѣ взятая, несравненно тяжеле для крестьянина, нежели денежная плата: первая поставляетъ его въ постоянную зависимость отъ помѣщика, стѣсняетъ свободное употребленіе времени и рукъ, порождаетъ столкновенія и неудовольствія. Съ другой стороны барщина невыгодна и для помѣщика, потому что обязательная работа никогда не можетъ сравниться съ наемною. Невыгода увеличивается ограниченіемъ помѣщичьихъ правъ, ибо въ послѣднемъ случаѣ владѣлецъ не можетъ уже произвольно распоряжаться рабочими; онъ стѣсненъ извѣстными законными правилами. Не смотря на то, въ настоящее время едва ли возможно повсемѣстное замѣненіе барщины денежнымъ оброкомъ. Послѣдній можетъ установиться только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вслѣдствіе развитія промышленности много обращается денегъ въ народѣ; иначе крестьянинъ будетъ не въ состояніи его уплатить. Что же касается до хлѣбнаго оброка, то съ одной стороны онъ слишкомъ неравномѣренъ, вслѣдствіе измѣненія цѣнъ на хлѣбъ; въ неурожайный годъ, при дороговизнѣ хлѣба, онъ будетъ совершенно разорителенъ для крестьянина.

Съ другой стороны онъ слишкомъ невыгоденъ для помѣщика, который при такомъ порядкѣ принужденъ будетъ обработывать свою землю наймомъ, не имѣя на то капитала. Чтобы разсчитаться съ рабочими, землевладѣлецъ долженъ продавать получаемый хлѣбъ за безцѣнокъ. Притомъ же онъ обыкновенно будетъ имѣть дѣло съ собственными крестьянами, которые станутъ платить ему оброкъ хлѣбомъ и получать заработокъ деньгами — положеніе не ровное. Когда у насъ по всему краю проведутся желѣзныя дороги и промышленность оживится вслѣдствіе новаго положенія крѣпостнаго сословія, тогда личныя повинности сами собою переведутся на денежные оброки. Потому-то думаемъ, что этотъ переходъ долженъ установиться не иначе, какъ по добровольному согласію помѣщика и крестьянъ. Впрочемъ и въ настоящее время можно сдѣлать значительный шагъ къ новому порядку предоставленіемъ отдѣльному крестьянину права переходить на оброкъ. На чемъ основывается необходимость подобнаго права, это можно усмотрѣть только изъ обсужденія третьяго вопроса, который предстоитъ губернскимъ комитетамъ, вопроса объ обезпеченіи уплаты оброковъ и повинностей со стороны крестьянъ.

Въ продолженіе переходнаго состоянія права помѣщика надъ крестьянами ограничиваются закономъ: онъ не можетъ произвольно отнимать у нихъ землю, не можетъ лично продавать ихъ и переводить во дворъ, не можетъ налагать на нихъ новые поборы и оброки, ссылать ихъ на поселеніе и отдавать въ рекруты; онъ имѣетъ право требовать съ нихъ только извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ повинностей и оброковъ. Чѣмъ же обезпечивается для него исправное исполненіе этихъ обязанностей?

Прежде всего представляется здѣсь вопросъ объ отвѣтственности: на комъ должна лежать отвѣтственность въ исправленіи постановленныхъ обязанностей: на мірѣ или на отдѣльныхъ лицахъ. Возложеніе ея на мірское общество имѣетъ нѣкоторыя стороны выгодныя для помѣщика и невыгодныя для крестьянъ. Община обязуется платить помѣщику извѣстный оброкъ или поставлять ему ежедневно опредѣленное число работниковъ; слѣдовательно больные, неспособные, неисправные остаются на ея попеченіи: помѣщику до нихъ нѣтъ дѣла. Выгода послѣд-

няго несомнѣнна. Но когда мы хотимъ опредѣлить обезпеченіе, мы говоримъ о тѣхъ понудительныхъ средствахъ, которыми можетъ располагать помѣщикъ для взысканія слѣдующихъ ему платежей и работъ. Въ такомъ видѣ вопросъ является совершенно въ иномъ свѣтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какія понудительныя средства имѣетъ помѣщикъ въ томъ и другомъ случаѣ? Если отдѣльный крестьянинъ неисправенъ, помѣщикъ можетъ перевести его съ оброка на барщину; онъ можетъ его наказать, лишить его земли, отдать его въ рекруты, съ согласія міра или съ утвержденія уѣзднаго присутствія. Все эти мѣры весьма дѣйствительныя. Но если мірское общество оказывается неисправнымъ или не хочетъ исполнить своихъ обязанностей, случай весьма не рѣдкій, что̀ можетъ дѣлать помѣщикъ? Ему остается одно средство: прибѣгнуть къ помощи земской полиціи, а этого именно прежде всего долженъ избѣгать всякій хозяинъ. Не говоря уже о недостаточной благонадежности полицейскихъ чиновниковъ, но самое вмѣшательство посторонней власти должно непремѣнно произвести нѣкоторое разстройство хозяйственныхъ отношеній, какъ это и случается теперь, когда помѣщикъ, вслѣдствіе неповиновенія крестьянъ, принужденъ обращаться за помощью къ полицейской власти. Къ этому надобно прибавить, что неисправность отдѣльныхъ лицъ не разорительна для помѣщика, тогда какъ даже временная неисправность всѣхъ можетъ совершенно погубить его хозяйство.

Поэтому мы думаемъ, что для помѣщика будетъ выгоднѣе возложить отвѣтственность на отдѣльныя лица, чтобъ имѣть дѣло съ ними порознь. Но такое положеніе должно имѣть непремѣннымъ послѣдствіемъ отдачу земли въ пользованіе каждому крестьянину отдѣльно, то-есть раздѣленіе ея на постоянные тягловые участки съ устраненіемъ всякаго дробленія или передѣла, съ чѣмъ вмѣстѣ долженъ прекратиться существующій нынѣ порядокъ мірскаго владѣнія. Впрочемъ и здѣсь не слѣдуетъ постановлять неизмѣнныхъ правилъ. Во многихъ оброчныхъ имѣніяхъ отвѣтственность возложена на весь міръ, который привыкъ уже къ исправному платежу. Если помѣщикъ согласится продолжить эти отношенія и община приметъ на себя отвѣтственность, то не надобно этому препятствовать.

И такъ понудительныя мѣры, которыя могутъ обезпечить

помѣщику исправный взносъ оброковъ и отправленіе повинностей, состоятъ въ слѣдующемъ: если неисправенъ крестьянинъ оброчный, онъ можетъ быть переведенъ на барщину; такое отягченіе участи будетъ безъ сомнѣнія служить сильнымъ побужденіемъ къ исполненію обязанностей. Если неисправенъ крестьянинъ задѣльный, помѣщикъ долженъ имѣть право его наказывать. Противъ этого могутъ возразить, что въ такомъ случаѣ положеніе крестьянина не измѣнится противъ настоящаго; но 1) это касается только состоянія переходнаго, когда крестьянинъ еще не становится вольнымъ, а отбываетъ обязательныя повинности въ пользу помѣщика; съ послѣдними же необходимо сопряжено право наказанія, ибо это единственное средство обезпечить исправное ихъ отправленіе. 2) Это относится только къ крестьянину, переведенному на барщину въ наказаніе за неисправность; крестьянинъ же, точно исполняющій свои обязанности, долженъ имѣть право переходить на оброкъ, съ чѣмъ вмѣстѣ онъ избавляется отъ невыгодныхъ послѣдствій барщины. 3) Помѣщикъ въ качествѣ полицеймейстера и безъ того имѣетъ право наказывать своихъ подвластныхъ. 4) Наказаніе должно быть окружено гарантіями для крестьянъ: мѣра его должна быть опредѣлена закономъ, оно должно совершаться въ присутствіи мірскихъ выборныхъ съ объявленіемъ вины, и наконецъ крестьянину должно быть предоставлено право жалобы на злоупотребленія. Дальнѣйшая понудительная мѣра, въ случаѣ, если задѣльный крестьянинъ оказывается совершенно неисправнымъ, можетъ состоять въ отнятіи у него земельнаго участка, съ утвержденія уѣзднаго присутствія. Отобранный участокъ долженъ быть переданъ другому крестьянину того же села или даже постороннему, который согласится принять на себя ѳоя сопряженныя съ владѣніемъ онаго обязанности. Крестьянинъ же, лишенный земли за неисправность, избавляется черезъ это самое отъ всякихъ обязанностей относительно помѣщика. Наконецъ крайнее полицейское средство противъ безпорядочныхъ крестьянъ можетъ состоять въ отдачѣ ихъ въ рекруты или въ ссылкѣ на поселеніе, не иначе однако, какъ съ согласія міра и съ утвержденія уѣзднаго присутствія.

Можно возразить, что всѣ эти мѣры, какъ бы онѣ ни были дѣйствительны, не могутъ служить для помѣщика совершеннымъ

обезпеченіемъ его правъ: неуплаченный оброкъ не взыскивается черезъ переводъ крестьянина на барщину; отдача участка въ другія руки не вознаградитъ помѣщика за неисправленную повинность. Противъ этого можно сказать, что это потеря, которая неизбѣжна при всякой другой системѣ. Въ настоящемъ порядкѣ, при полномъ господствѣ крѣпостнаго права, помѣщики нерѣдко принуждены прощать оброки своимъ крестьянамъ, не говоря уже о тѣхъ пособіяхъ, которыя оказываются имъ постоянно. При свободномъ наймѣ земель землевладѣлецъ точно также не всегда можетъ взыскать наемную сумму съ неисправнаго арендатора. Предложенныя мѣры, напротивъ, до такой степени дѣлаютъ выгоднымъ положеніе помѣщика, что необходимо съ другой стороны обезпечить крестьянина противъ злоупотребленій. Для этого, какъ мы уже сказали, послѣднему должно быть предоставлено право переходить на оброкъ, однако съ нѣкоторыми ограниченіями для предупрежденія разстройства въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Съ этою цѣлью можно постановить, что крестьянинъ долженъ объявить о своемъ желаніи осенью, по окончаніи полевыхъ работъ; такимъ образомъ помѣщикъ будетъ знать, какимъ количествомъ работниковъ онъ можетъ располагать на будущій годъ. Далѣе, крестьянину переведенному на барщину за неисправный платежъ оброка, право это должно быть предоставлено не прежде двухъ или трехъ лѣтъ. Наконецъ, для предупрежденія внезапнаго перехода задѣльнаго имѣнія въ оброчное, можно постановить, чтобы ежегодно переходило на оброкъ не болѣе трети, четверти или даже шестой части крестьянъ, такъ чтобы весь переходъ совершился постепенно, въ три, четыре, пять или шесть лѣтъ, смотря по удобствамъ мѣстнаго найма. Замѣтимъ однако, что право отдѣльныхъ крестьянъ переходить на оброкъ, право столь существенное, какъ обезпеченіе противъ злоупотребленій, необходимо уничтожаетъ отвѣтственность общины, а съ тѣмъ вмѣстѣ и существующее мірское устройство. Міръ можетъ отвѣчать только за то, что̀ дѣлается общими силами; крестьяне, отбывающіе повинности, не могутъ отвѣчать за тѣхъ, которые платятъ оброки, и наоборотъ. Поэтому несовмѣстенъ съ мірской отвѣтственностью и переводъ отдѣльныхъ крестьянъ съ оброка на барщину за неисправное исполненіе обязанностей.

Съ мѣрами, обезпечивающими права помѣщика и крестьянъ, находятся въ тѣсной связи способы разрѣшенія возникающихъ споровъ. Для этого предполагается учредить уѣздныя присутствія. Составъ ихъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть таковъ, чтобъ обѣ стороны имѣли въ немъ равное число представителей, и въ случаѣ раздѣленія голосовъ дѣло рѣшалось бы правительственнымъ лицемъ, занимающимъ мѣсто предсѣдателя. Такимъ образомъ въ каждомъ присутствіи будутъ засѣдать два или три выборныхъ отъ помѣщиковъ съ двумя или тремя выборными отъ крестьянъ; предсѣдатель же будетъ назначенъ правительствомъ преимущественно изъ дворянъ той же губерніи. Послѣднее мы считаемъ нужнымъ, потому что повидимому было бы весьма затруднительно найдти потребное для всѣхъ уѣздовъ число безкорыстныхъ и образованныхъ чиновниковъ. Полагаемъ однако, что не слѣдуетъ назначать помѣщиковъ того же уѣзда, ибо иначе имъ придется быть судьями въ собственномъ дѣлѣ. Разумѣется, предсѣдатель долженъ получать достаточное жалованіе, чтобы вознаградить его за удаленіе отъ своихъ занятій.

Уѣздное присутствіе не можетъ однакоже удовлетворить всѣмъ потребностямъ новаго порядка: уѣзды наши такъ обширны, сношенія иногда такъ затруднительны, что проволочка дѣлъ была бы неизбѣжна, а между тѣмъ многіе вопросы потребуютъ разрѣшенія немедленнаго. Для разбирательства споровъ на мѣстѣ, уѣздное присутствіе могло бы въ каждомъ околодкѣ назначить помѣщика, котораго приговоръ исполнялся бы тотчасъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы недовольная сторона имѣла право подать апелляцію въ высшую инстанцію. Въ обоихъ случаяхъ судопроизводство должно быть словесное и гласное.

Четвертый вопросъ, тотъ, который долженъ окончательно разрѣшить крѣпостныя отношенія, есть вопросъ о выкупѣ. Въ настоящее время обязательно только постановленіе правилъ для выкупа усадьбъ: остальное предоставляется будущему времени и благоусмотрѣнію помѣщиковъ.

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что, выкупая усадьбу, крестьянинъ долженъ заплатить не за хозяйственныя строенія, которыя составляютъ его собственность, а за одну землю, на которой онъ сидитъ. Положимъ, что помѣщики при

постройкѣ избъ, нерѣдко дѣлаютъ пособіе своимъ крестьянамъ, преимущественно лѣсомъ: однако черезъ это изба не становится ихъ собственностью. Эти пособія составляютъ часть тѣхъ помѣщичьихъ обязанностей, которыя раждаются вслѣдствіе крѣпостныхъ отношеній, какъ вознагражденіе крестьянамъ за обязательную работу. Помѣщикъ не имѣетъ права требовать себѣ возвращенія этихъ издержекъ, точно также какъ онъ не можетъ требовать вознагражденія за прокормленіе крестьянъ въ голодные года и за ту помощь, которую онъ постоянно оказываетъ хозяйству бѣдныхъ. И такъ изба, на которую крестьянинъ положилъ свой трудъ, есть его собственность; онъ долженъ заплатить помѣщику только за землю. Но и въ этихъ предѣлахъ вопросъ о выкупѣ усадьбъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ представляется довольно сложнымъ. Мы сказали уже, что при переселеніи крестьянъ, усадебная земля должна быть имъ уступлена даромъ; здѣсь слѣдовательно нѣтъ никакого затрудненія. Не затруднителенъ выкупъ и въ тѣхъ земледѣльческихъ имѣніяхъ, гдѣ усадьба даетъ крестьянину только осѣдлость и средства для домашняго хозяйства, повинности же и оброки несутся съ той земли, которая предоставляется крестьянамъ для обработки. Здѣсь усадебная земля не доставляетъ помѣщику особенныхъ выгодъ, а потому она имѣетъ только значеніе всякой удобной десятины земли. Слѣдовательно и выкупъ ея долженъ опредѣляться ходячею цѣною удобной десятины. Правда, вслѣдствіе сильнаго удобренія, земля эта обыкновенно имѣетъ бо́льшую цѣнность, нежели остальная; но эта надбавочная цѣна должна по справедливости оставаться въ пользу крестьянина, ибо она произошла отъ домашняго его хозяйства. Странно было бы заставить его заплатить за собственный трудъ и за собственное удобреніе. Могутъ еще возразить, что въ будущемъ наемномъ хозяйствѣ усадебная земля получитъ бо́льшую цѣнность, особенно вслѣдствіе близости къ водопою, котораго у насъ вообще недостаетъ. Но крестьянинъ обязанъ выкупать не будущія возможныя выгоды, а единственно настоящія; другаго вознагражденія помѣщикъ не въ правѣ отъ него требовать. Другое дѣло въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже теперь выгодное положеніе усадьбы даетъ ей особенную цѣнность, что̀ бываетъ преимущественно въ промышленныхъ краяхъ. Здѣсь ходячая цѣна всякой

удобной десятины не можетъ быть принята за норму; нужно опредѣлить среднюю цѣну удобной десятины именно при извѣстныхъ выгодныхъ условіяхъ. Съ этою цѣлью земля въ каждомъ уѣздѣ можетъ быть раздѣлена на отдѣльные разряды (напримѣръ: земля около города, около торговой пристани, при большой дорогѣ, при судоходной рѣкѣ и т. п.) и для каждой можетъ быть назначена особая продажная цѣна. Если же за всѣмъ тѣмъ найдутся мѣстности, которыя не подойдутъ подъ общія категоріи и потребуютъ особенныхъ опредѣленій, то это затрудненіе легко устранить учрежденіемъ особенной оцѣночной коммиссіи, которая произведетъ оцѣнку на основаніи мѣстныхъ свѣдѣній и соображеній. Вопросъ этотъ осложняется здѣсь еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ промышленныхъ мѣстностяхъ крестьянинъ платитъ оброкъ не только съ той части земли, которая дается ему для обработки, но и съ усадебной, которая своимъ положеніемъ доставляетъ ему промышленныя выгоды. Слѣдовательно, выкупивъ усадьбу, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ выкупитъ и часть оброка. Какимъ же способомъ можно опредѣлить послѣднюю? Для этого, кажется, лучше всего было бы, по установленіи цѣнности земли, назначить съ этой суммы извѣстный процентъ, составляющій ежегодный нормальный съ нея доходъ, и этотъ процентъ вычесть изъ общей суммы оброка. Такимъ образомъ для разрѣшенія этого вопроса слѣдуетъ сначала установить ежегодный оброкъ, за тѣмъ назначить цѣну усадебной землѣ и наконецъ опредѣлить съ послѣдней процентъ, который по окончаніи выкупа долженъ быть вычтенъ изъ оброчной суммы. Впрочемъ это правило относится только къ оброку поземельному; если же онъ платится съ крестьянскихъ промысловъ, какъ это иногда дѣлается, какъ слѣдуетъ поступать въ этомъ случаѣ? должно ли выкупъ его соединить съ выкупомъ усадьбы или причислить его къ оброку, который уплачивается съ земли, отданной крестьянину въ пользованіе? Мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ оброкъ съ промысловъ слѣдуетъ оцѣнить отдѣльно отъ другихъ; выкупъ же его вмѣстѣ съ усадьбою должно предоставить на волю крестьянъ, ибо только богатые будутъ въ состояніи уплатить такую значительную сумму безъ ссудъ со стороны правительства.

Взносъ денегъ можетъ быть или единовременный или распре-

дѣленный на извѣстные сроки. Обезпеченіе помѣщика состоитъ въ томъ, что усадебная земля не прежде становится собственностью крестьянина, какъ по уплатѣ выкупной суммы. Здѣсь важенъ вопросъ: какимъ образомъ будетъ совершаться выкупъ, цѣлымъ ли міромъ или отдѣльными хозяевами? Мы считаемъ послѣдній способъ единственнымъ удобнымъ, хотя и не думаемъ, что его слѣдуетъ дѣлать обязательнымъ. Немногія общины будутъ въ состояніи пріобрѣсти усадьбы единовременнымъ взносомъ выкупной суммы; при выкупѣ же постепенномъ естественно прежде всѣхъ будутъ платить богатые. Но захочетъ ли богатый крестьянинъ платить за усадьбу, которая будетъ принадлежать не ему, а всѣмъ? Несостоятельность бѣдныхъ будетъ здѣсь постояннымъ препятствіемъ исправному платежу, между тѣмъ какъ при отдѣльномъ выкупѣ помѣщикъ немедленно получитъ отъ богатыхъ всю цѣнность ихъ усадьбъ, за тѣмъ онъ мало-помалу разсчитается съ крестьянами менѣе зажиточными, и если онъ отъ бѣднѣйшихъ потерпитъ нѣкоторый убытокъ, то потеря будетъ нечувствительна, когда уже получена значительная часть выкупной суммы. Съ несостоятельными плательщиками онъ можетъ по мѣрѣ надобности входить въ частныя сдѣлки, разсрочивать имъ платежи, требовать съ нихъ уплаты работами и т. п. Кромѣ этихъ удобствъ при платежѣ, выкупъ отдѣльныхъ усадьбъ имѣетъ и другія выгоды: усадебная земля, не подлежа передѣлу и составляя домашній очагъ и хозяйство крестьянина, естественно должна быть скорѣе частною собственностью, нежели мірскою. По этому каждый домовладѣлецъ долженъ пріобрѣтать ее въ полную собственность. Но разумѣется, что въ такомъ случаѣ она должна имѣть и всѣ послѣдствія частной собственности, то-есть подлежать неограниченному праву продажи, какъ скоро крѣпостное состояніе будетъ окончательно отмѣнено.

Кромѣ выкупа усадьбъ, мы думаемъ, что помѣщики поступятъ благоразумно, если они предложатъ крестьянамъ выкупъ и той части земли, которая въ настоящее время отводится въ пользованіе послѣднимъ. Этимъ уничтожатся лежащіе на землѣ оброки и повинности, а съ тѣмъ вмѣстѣ окончательно прекратятся крѣпостныя отношенія. Подобный исходъ, какъ мы уже сказали, есть цѣль, къ которой мы должны идти; онъ не можетъ не быть выгоденъ для обѣихъ сторонъ. Доказательствомъ служитъ то,

что даже въ настоящее время большинство помѣщиковъ предпочитаетъ его переходному состоянію. Положимъ, что безъ помощи правительства, безъ общей финансовой операціи немногія общины будутъ въ состояніи откупиться такимъ образомъ. Но, не говоря уже о томъ, что даже немногочисленные выкупы будутъ шагомъ впередъ, здѣсь важно въ особенности нравственное значеніе этой мѣры. Крестьянинъ, видя передъ собою возможность пріобрѣсти землю въ полную собственность, охотнѣе подчинится переходному состоянію и будетъ работать усерднѣе для достиженія этой высшей цѣли своихъ желаній. Для помѣщика же, при обязательной работѣ съ ограниченными правами, первое дѣло имѣть работниковъ усердныхъ. Наконецъ эта окончательная развязка вопроса можетъ быть значительно облегчена, если будетъ допущенъ выкупъ отдѣльными участками. Богатые немедленно этимъ воспользуются, а за ними последуютъ и другіе. Но возможенъ ли и желателенъ ли такой способъ выкупа? Это ведетъ насъ къ разсмотрѣнію вопроса о мірскомъ владѣніи землею, котораго мы уже коснулись отчасти.

Мы не станемъ говорить объ экономическихъ выгодахъ или невыгодахъ мірскаго владѣнія. Допускаетъ ли оно улучшенные виды хозяйства? Уничтожаетъ ли оно пролетаріатъ? это вопросы, о которыхъ можно долго спорить. Мы прямо приступимъ къ самой сущности этого учрежденія.

Главныя черты мірскаго владѣнія землею, въ томъ видѣ, какъ оно существовало до нашего времени, состоятъ въ слѣдующемъ: крѣпостная община сидитъ на чужой землѣ, государственной или помѣщичьей, и отбываетъ въ пользу владѣльца разныя повинности; послѣднія возлагаются на рабочія силы, которыя вслѣдствіе этого получаютъ названіе тяголъ. Каждое тягло несетъ одинакое съ другими бремя, а потому получаетъ ровный съ другими участокъ земли. Однимъ словомъ, принадлежность земли верховному владѣльцу, укрѣпленіе общины, распредѣленіе повинностей и земли по рабочимъ силамъ — вотъ существенный характеръ нашего мірскаго владѣнія. Это цѣлая система, которая находится въ тѣсной связи съ государственнымъ порядкомъ, водвореннымъ у насъ со времени укрѣпленія крестьянъ. Не станемъ спорить о томъ, встрѣчаются ли прежде того отдѣльные примѣры мірскаго

владѣнія; это во всякомъ случаѣ ничего бы не доказывало. Изъ памятниковъ ясно по крайней мѣрѣ то, что оно не существовало, какъ общая система. Помѣщики въ XVI и даже въ XVII вѣкѣ отдавали отдѣльные участки отдѣльнымъ крестьянамъ, съ которыми заключали особые договоры. Черные крестьяне, владѣльцы государственныхъ земель, точно также селились по одиначкѣ на отдѣльные участки различной величины; они отмежевывались и отгораживались отъ другихъ, платили подати соразмѣрно съ количествомъ земли, наконецъ они имѣли даже право отчуждать свои участки въ постороннія руки. Къ концу XVII вѣка всѣ крестьяне средней полосы Россіи превратились въ помѣщичьихъ разныхъ наименованій; но въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ помѣщичій элементъ былъ мало развитъ, сохранились крестьяне черносошные и у нихъ старый порядокъ поземельнаго владѣнія оставался нетронутымъ до половины XVIII вѣка. Только межевыми инструкціями было отнято у нихъ право продавать участки и введено нынѣшнее мірское устройство. Въ то же самое время оно было установлено и для однодворцевъ, у которыхъ прежде того господствовало личное владѣніе землею. Замѣчательно, что здѣсь введеніе мірскаго устройства относилось единственно къ тѣмъ землямъ, съ которыхъ однодворцы были положены въ подушную подать — важное указаніе на происхожденіе этого порядка. Такимъ образомъ очевидно, что вся эта система образовалась во времена новаго государственнаго строенія и находится въ зависимости отъ господствующихъ въ ней началъ, именно отъ укрѣпленія крестьянъ и отъ перенесенія податей съ земли на лица, то-есть на рабочія силы. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что нѣсколько земледѣльцевъ укрѣплены къ извѣстному мѣсту, откуда они не имѣютъ права выдти, и что каждый обязанъ платить съ своего лица подати, одинакія съ другими. Каковы будутъ послѣдствія такого порядка? Для того, чтобъ исполненіе обязанностей сдѣлалось возможнымъ, очевидно, что каждый долженъ получить извѣстный участокъ земли, и такъ какъ бремя всѣхъ одинаково, то справедливость требуетъ, чтобы доля въ общемъ владѣніи была ровна для всѣхъ. Такимъ образомъ ровный надѣлъ землею является прямымъ и естественнымъ послѣдствіемъ обязанностей, воз-

ложенныхъ на крѣпостныхъ крестьянъ. Но разумѣется, что самое установленіе этихъ обязанностей зависитъ отъ экономическихъ и другихъ условій страны. Оно возможно только въ государствѣ, которое имѣетъ много земли и рѣдкое народонаселеніе. Малоцѣнность земли заставляетъ возлагать податныя обязанности на рабочія силы, которыя при такихъ условіяхъ однѣ имѣютъ значеніе; а рѣдкость рабочихъ силъ заставляетъ укрѣплять ихъ къ мѣсту для того, чтобы онѣ не могли уклоняться отъ своихъ обязанностей.

Теперь спрашивается: возможно ли сохраненіе такой системы при совершенно другихъ условіяхъ — при свободѣ промышленныхъ отношеній, при сближеніи сословій, при подвижности народонаселенія, при многоцѣнности земли, при системѣ податей, въ которой окладнымъ предметомъ будетъ уже не рабочая сила, а доходъ съ земли или промысла, на основаніи точныхъ опредѣленій закона? Въ этомъ позволительно сомнѣваться. Прежде всего является необходимость совершеннаго измѣненія самыхъ юридическихъ началъ существующаго порядка. Надѣлъ каждаго члена общины землею долженъ быть уже не послѣдствіемъ *крѣпостныхъ обязанностей*, а *правомъ* каждаго свободнаго члена общины, то-есть вся система должна быть извращена, хотя повидимому и незамѣтнымъ образомъ для практики. Посмотримъ же на послѣдствія такой перемѣны при новыхъ условіяхъ. Они оказываются уже въ настоящее время. Тамъ, гдѣ вслѣдствіе умноженія народонаселенія, земли становится слишкомъ мало для всѣхъ, существуетъ нынѣ два средства помочь этому неудобству. Одно есть слѣдствіе крѣпостнаго права, которое должно исчезнуть вмѣстѣ съ послѣднимъ: оно состоитъ въ томъ, что государство или помѣщикъ переселяютъ часть народонаселенія на другія мѣста и такимъ образомъ даютъ болѣе простора остальнымъ. Другое средство прямо вытекаетъ изъ естественнаго хода жизни: вслѣдствіе малоземельности образуются семейства *затяглыя*, которыя не получаютъ доли въ мірской землѣ, такъ что число участковъ остается неизмѣннымъ. Но такой порядокъ не есть ли уже уничтоженіе кореннаго начала мірскаго владѣнія? Какъ скоро въ общинѣ есть семейства затяглыя, какъ скоро число поземельныхъ участковъ должно оставаться неизмѣннымъ, такъ ужь теряется пра-

во каждаго члена общины на ровный съ другими надѣлъ землею. Вмѣсто прежняго порядка водворяется общественная несправедливость: однимъ членамъ община даетъ поземельный капиталъ, а другимъ нѣтъ. Между тѣмъ справедливость требуетъ, чтобы всѣ члены общества получали отъ союза одинакія выгоды; преимущество одного передъ другимъ можетъ составлять только награду за особенныя заслуги. Отсюда новая несообразность мірскаго владѣнія. Пока народонаселеніе предано земледѣлію и земли достаточно для всѣхъ, затрудненія нѣтъ никакого. Но когда рядомъ съ земледѣльцами образуется въ селахъ классъ безземельныхъ промышленниковъ, такъ возникаютъ новыя требованія. Община, какъ мы сказали, должна доставлять всѣмъ своимъ членамъ одинакія выгоды; слѣдовательно, если она даетъ земельный капиталъ земледѣльцу, то она должна давать промышленный капиталъ промышленнику, а это очевидно невозможно. Однимъ словомъ, система надѣленія землею, которая при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ, является естественнымъ послѣдствіемъ крѣпостнаго права, представляется напротивъ совершенною несообразностью, какъ скоро она будетъ перенесена въ другія условія.

Положимъ однако, что излишнія семейства покинутъ общину, въ которой не достаетъ на нихъ земли. Куда же они пріютятся? Какая община захочетъ принять новаго члена, если ему слѣдуетъ дать и право на земельный участокъ? Ежели даже поселяется крестьянинъ-промышленникъ, то сынъ его можетъ обратиться къ земледѣлію и потребовать себѣ участка. При такомъ положеніи выдетъ одно изъ двухъ: или свобода переселенія сдѣлается невозможною, или общины будутъ принимать къ себѣ новыхъ жителей съ тѣмъ условіемъ, что послѣдніе откажутся отъ поземельнаго надѣла за себя и за свое потомство. Но въ такомъ случаѣ община не будетъ уже представлять цѣльную единицу; по примѣру прежнихъ нѣмецкихъ городовъ, въ ней образуются старые и новые граждане съ различными правами. То же самое будетъ, если, (что̀ при новомъ порядкѣ представляется необходимымъ), въ составъ общины со временемъ войдутъ всѣ лица, владѣющія землею въ приписанномъ къ ней округѣ — дворяне, купцы, мѣщане. Въ качествѣ членовъ общины получатъ ли они право на надѣлъ мірскою землею? Очевидно, что этого допу-

стить невозможно, ибо для нихъ ровный съ другими надѣлъ не имѣетъ значенія, да и мірской земли не достанетъ на всѣхъ. Или имъ будетъ отказано въ этомъ правѣ? Но въ такомъ случаѣ мірское владѣніе положитъ вѣчный рубежъ между крестьянами и другими государственными состояніями. Община не будетъ заключать въ себѣ всѣхъ жителей извѣстной мѣстности; она останется явленіемъ исключительнымъ и сословнымъ. Къ довершенію затрудненій, членамъ другихъ сословій невозможно будетъ отказать въ участіи въ мірскомъ управленіи; одно поземельное владѣніе останется для нихъ чуждымъ. Наконецъ изъ самихъ крестьянъ со временемъ образуется классъ болѣе или менѣе значительныхъ землевладѣльцевъ. Сохранятъ ли послѣдніе право на надѣлъ землею? Здѣсь опять равенство надѣла теряетъ всякое значеніе. Или мірская земля останется достояніемъ бѣднѣйшихъ крестьянъ? Но въ такомъ случаѣ мірское владѣніе перестанетъ уже быть всенароднымъ обычаемъ; оно превратится въ учрежденіе общественнаго призрѣнія. Въ этомъ видѣ его можно разсматривать, какъ средство противъ пролетаріата, и тогда вопросъ должно поставить слѣдующимъ образомъ: полезно ли, чтобы община владѣла извѣстнымъ пространствомъ земли, которое она будетъ раздавать бѣднѣйшимъ крестьянамъ въ видѣ пособія? Но этотъ вопросъ выходитъ уже изъ предѣловъ настоящаго разсужденія.

Такимъ образомъ мірское владѣніе землею, которое составляетъ естественное послѣдствіе государственной системы, основанной на крѣпостномъ правѣ, на рѣзкомъ разграниченіи сословій, на взысканіи податей съ рабочихъ силъ, на пожертвованіе частной дѣятельности пользѣ государства, представляется явленіемъ неумѣстнымъ въ порядкѣ вещей, который зиждется на сближеніи сословій, на развитіи частной дѣятельности, на свободѣ экономическихъ и гражданскихъ отношеній. Какъ остатокъ старины среди новыхъ жизненныхъ условій, оно можетъ вести только къ несправедливостямъ и несообразностямъ. Со временемъ, можетъ-быть, возникнетъ иной общественный порядокъ, въ которомъ въ новой формѣ возродится мірское владѣніе; но для этого необходимо, чтобы всѣ остальныя стороны быта согласовались съ подобнымъ учрежденіемъ, чтобы все приведено было къ одной точкѣ зрѣнія, къ одной общей системѣ;

иначе оно останется странною аномаліею. Утверждаютъ иногда, что мірское владѣніе землею есть для русскаго народа коренной обычай, который вытекаетъ изъ самыхъ свойствъ его духа и потому составляетъ неотъемлемую его принадлежность. Но, не говоря уже объ умозрительномъ характерѣ и объ исторической несостоятельности этого мнѣнія, скажемъ, что нравы и обычаи народа измѣняются сообразно съ тѣми историческими условіями, въ которыхъ онъ живетъ. Тѣ, установленія, которыя въ извѣстную эпоху проникаютъ, такъ-сказать, весь составъ народной жизни, въ послѣдующій періодъ, при новомъ развитіи, оказываются несостоятельными и исчезаютъ сами собою. Это случилось напримѣръ съ тою формою общиннаго быта, которая существовала во Франціи въ средніе вѣка. Французскія коммунистическія общины, возникши первоначально сами собою, сдѣлались, подъ вліяніемъ крѣпостнаго права, повсемѣстнымъ учрежденіемъ, кореннымъ обычаемъ низшаго народонаселенія Франціи. Онѣ долго сохранялись даже по уничтоженіи крѣпостнаго права; освободившіяся общины собственною волею утвердили старый порядокъ, съ которымъ онѣ сжились. Но мало-по-малу, передъ натискомъ элементовъ гражданской свободы, древній обычай исчезъ, и общины приняли новый характеръ, сообразный съ духомъ и учрежденіями новаго времени.

Изъ всего сказаннаго не слѣдуетъ однакоже, что надобно уничтожать мірское владѣніе, какъ несогласное съ новыми условіями жизни. Существующій обычай вообще не должно нарушать безъ настоятельной нужды; притомъ же новыя потребности и элементы не измѣняютъ жизни разомъ, а проникаютъ въ нее постепенно. Съ другой стороны не слѣдуетъ однако и поддерживать старый порядокъ искусственнымъ образомъ. Пусть мірское владѣніе землею будетъ предоставлено естественному своему ходу. Пусть крестьяне, которые хотятъ выкупаться съ землею отдѣльно отъ другихъ, выкупаются отдѣльно; пусть тѣ общины, которыя захотятъ раздѣлить мірскую землю на участки, принадлежащіе хозяевамъ въ личную собственность, получатъ на это разрѣшеніе. Практическія потребности, жизненныя столкновенія сами собою будутъ приспособлять старый порядокъ къ новому. Мы увѣрены, что на первую пору мірское владѣніе сохранится почти повсемѣстно. Долговремен-

ная привычка и невозможность во многихъ мѣстахъ выдѣлить отдѣльные участки изъ мірской земли поведутъ къ утвержденію этого обычая. Но съ другой стороны многіе крестьяне, особенно богатые, найдутъ и выгоднымъ и удобнымъ купить свои тягловые участки въ личную собственность. Пускай это дѣлается по добровольному согласію помѣщика съ крестьяниномъ; это будетъ началомъ новаго экономическаго порядка.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о дворовыхъ людяхъ, которыхъ участь должна быть также рѣшена губернскими комитетами. Полагаемъ, что здѣсь слѣдуетъ установить: 1) цифру ежегоднаго оброка, 2) цифру выкупной суммы. Обѣ должны быть раздѣлены на нѣсколько разрядовъ: высшій оброкъ и выкупъ обязаны будутъ платить дворовые люди, которые были отданы въ ученіе на иждивеніе помѣщика и не прослужили у послѣдняго примѣрно пяти лѣтъ; затѣмъ тѣ, которые, вышедши изъ ученія, прослужили у помѣщика примѣрно отъ 5 до 15 лѣтъ, наконецъ остальные. Женщины и дѣти, по нашему мнѣнію, должны быть отпускаемы совершенно безвозмездно. Право идти на оброкъ должны имѣть всѣ, ибо иначе имъ нѣтъ возможности выкупиться; но неисправныхъ плательщиковъ помѣщикъ можетъ возвратить въ личное услуженіе на два или на три года, при чемъ однако необходимо ограничить право домашняго наказанія. Нѣтъ сомнѣнія, что за всѣмъ тѣмъ значительная часть дворовыхъ людей останется пока на попеченіи помѣщика, именно старые, больные, обремененные многочисленными семействами, которые не въ состояніи будутъ прокормиться собственными трудами. Это неизбѣжное послѣдствіе помѣщичьяго права, которое помѣщикъ долженъ нести, потому что собственная же его власть была причиною этого безпомощнаго положенія подчиненныхъ. Прекратится оно только мало-по-малу, съ вымираніемъ однихъ и съ подростаніемъ другихъ; а между тѣмъ оброки и выкупныя деньги остальныхъ помогутъ ему нести эту обузу.

Впрочемъ, если вопросъ о дворовыхъ людяхъ осложняется на практикѣ безпомощнымъ состояніемъ значительной части ихъ, то съ другой стороны, такъ какъ здѣсь единственный возможный исходъ есть личный выкупъ, то этимъ самымъ устраняется необходимость многосложныхъ правилъ. Потому главная работа комитетовъ будетъ относиться къ крестьянамъ, которые имѣютъ

надъ дворовыми и числительное превосходство. Чтобы повторить вкратцѣ все изложенное выше, скажемъ, что задача комитетовъ должна состоять 1) въ собираніи свѣдѣній о существующемъ положеніи помѣщичьихъ имѣній, 2) въ установленіи среднихъ нормъ для поземельнаго надѣла, для повинностей, оброковъ и выкупа 3) въ разрѣшеніи особенныхъ случаевъ, требующихъ особенныхъ правилъ. Добровольнымъ сдѣлкамъ должно быть предоставлено видоизмѣненіе постановленныхъ началъ сообразно съ мѣстными потребностями. Прямо же начать съ добровольныхъ сдѣлокъ мы считаемъ вообще менѣе удобнымъ; при существующей у насъ непривычкѣ къ подобнымъ актамъ, при недостаткѣ образованія въ нашемъ обществѣ, если не будетъ постановлено руководящихъ правилъ, здѣсь необходимо водворится случайность, произволъ и антагонизмъ сословій. Одни будутъ требовать слишкомъ многаго, другіе будутъ давать слишкомъ мало; ибо первые захотятъ вознаградить себя за возможныя потери, а вторые ожидаютъ освобожденія безусловнаго. Положимъ, что послѣ многихъ колебаній, всѣ эти требованія и надежды придутъ въ надлежащую мѣру. Но именно этого антагонизма, этихъ колебаній слѣдуетъ избѣгать; они предотвратятся предварительнымъ постановленіемъ среднихъ нормъ губернскими комитетами. Чтобъ эта послѣдняя работа могла достигнуть желанныхъ результатовъ, нужно всегда имѣть въ виду существенную задачу, избѣгая слишкомъ подробныхъ опредѣленій и не стараясь постановить особенныхъ правилъ для каждаго отдѣльнаго случая. Въ такой всеобщей мѣрѣ частныхъ неудобствъ невозможно избѣжать; съ ними слѣдуетъ помириться заранѣе. Прежде же всего должно стараться о соблюденіи справедливости. Этого требуетъ и собственный интересъ помѣщиковъ, ибо своекорыстныя цѣли будутъ имѣть послѣдствіемъ неудовольствіе крестьянъ, а при переходномъ состояніи, при обязательной работѣ, усердіе крестьянъ важнѣе всего; иначе все хозяйство придетъ въ разстройство. Благоразумный помѣщикъ, который, имѣя это въ виду, сдѣлаетъ нужныя уступки, всегда останется въ барышахъ. При томъ же дворянство, какъ высшее сословіе въ государствѣ, должно заботиться не только о собственныхъ своихъ выгодахъ, но и объ выгодахъ всѣхъ сословій, всего отечества; это одно даетъ ему право занимать въ обще-

ствѣ первое мѣсто. Дворянинъ, который преслѣдуетъ только личныя свои цѣли, недостоинъ своего званія. Будемъ надѣяться, что въ предстоящемъ великомъ дѣлѣ подобные примѣры встрѣтятся рѣдко, и что дворянство, руководимое правительствомъ и живя въ согласіи съ крестьянами, приведетъ преобразованіе къ желанному концу.

ИЗЪ ПОДЛИННЫХЪ ЗАПИСОКЪ А. К. К—НА.

(Продолженіе.)

—

ЛЮБОВЬ КЪ ПОЭЗІИ ДО ВЫПУСКА ВЪ ОФИЦЕРЫ.

Блаженъ, кто на крутой Парнасъ
На четвереньках не взлѣзаетъ;
Предъ кѣмъ крылатый конь Пегасъ
Покоренъ, тихъ и не лягаетъ!

Любовь къ поэзіи, эта благородная, возвышенная любовь родилась во мнѣ еще въ смоленской гимназіи, гдѣ для чистописанія заставляли насъ переписывать изъ Ломоносова: *Утреннее размышленіе о величествѣ Божіемъ*, и изъ Державина оду *Богъ*. Тогда въ первые запали въ мою душу искры божественнаго огня, и я обрекъ себя на служеніе музѣ, вдохновительницѣ стихотворства. Смѣшно покажется, что я съ такою важностію начинаю говорить о своемъ поклонничествѣ предъ дѣвою Парнаса, какъ-будто имѣю какое право на авторскую знаменитость; но если это поклонничество даже до сихъ поръ доставляетъ мнѣ пріятнѣйшія минуты въ жизни; если я этимъ поклонничествомъ не обременяю типографій, и слѣдственно не мѣшаю ни ушамъ, ни карману своего ближняго, то почему не дозволить мнѣ себѣ нѣсколько важности, говоря о предметѣ, доставляющемъ мнѣ истиннѣе наслажденіе.

До 1810 года, или до поступленія моего въ Вальдбургъ, я еще не осмѣливался садиться за поэтическій станокъ стихотворнаго тканья, довольствуясь однимъ переписываньемъ чужихъ трудовъ; но поступивъ въ лѣсной институтъ и подружась съ Н. А. Л., рѣшился попробовать собственныхъ силъ надъ упругостью злодѣйки-риѳмы. Трудно дѣло за починомъ! Стихотворство сходно съ холерою, какъ по скорому распространенію, такъ и потому, что противъ него нельзя взять никакихъ карантинныхъ мѣръ. Это чума; но чума не простая, обыкновенная гостья Константинополя. Это запой; но запой неизлѣчимый, по-

тому что онъ приноситъ головную боль не автору, а читателямъ. — Я прославлялъ въ стихахъ Вальдбургской май; на практикѣ въ деревнѣ Красномъ-Клинѣ сочинилъ пѣсню: *Веселитеся наши кадеты!* на голосъ: веселитеся наши солдаты, которую всѣ пѣли хоромъ; и даже написалъ одну оперу, которая, за неимѣніемъ подъ рукою домашняго Моцарта, осталась потерянною для свѣта. Въ этой оперѣ главную роль игралъ, разумѣется, форштмейстеръ, какъ великая цѣль всего Вальдбургскаго населенія. Форштмейстеръ былъ влюбленъ въ крестьянскую дѣвушку, и изъяснялъ предъ ней любовь свою не хуже изъясненія въ любви извѣстнаго портнаго:

Какъ огонь въ кострѣ пылаетъ
Отъ сухихъ сосновыхъ дровъ,
Сердце такъ мое питаетъ
Страстную къ тебѣ любовь.

И такъ далѣе — сравненія все лѣсныя; а заключеніе не такъ выгодное для форштмейстерской честности:

Сжалься Маша надо мною?
Зри форштмейстеръ предъ тобой!
Коль моя, клянусь душою,
Что казенный лѣсъ — весь твой!

Для упражненія въ словесности въ калужскомъ институтѣ кадеты издавали рукописный журналъ подъ названіемъ *Вальдбургскій Вѣстникъ*, котораго переписчикомъ и вмѣстѣ редакторомъ былъ я. Этотъ журналъ извѣстенъ былъ въ окрестностяхъ Козельска по крайней мѣрѣ верстъ на пятнадцать, собирая намъ дань похвалы и удивленія отъ тамошняго полуграмотнаго дворянства. Институтское начальство, составленное изъ Нѣмцевъ, также восхищалось нашими успѣхами. Одинъ только учитель россійской словесности иногда морщился надъ Вальдбургскимъ Вѣстникомъ; но и тотъ одобрялъ труды наши, какъ первоначальные, смѣясь надъ кадетскими черезъ — чуръ пересоленными эпиграммами и сатирами. Напримѣръ *Похвальная ода носу кадета Б**:

У Родосскаго колосса
Не найдти такого носа!
Какъ Б* царь-носъ!
Онъ имъ гвозди прибиваетъ,
Въ печкѣ уголья мѣшаетъ
Дразнитъ Срѣтенской морозъ! и проч.

Въ петербургскомъ институтѣ пристрастился я къ стихотворству еще болѣе. Тамъ имѣлъ я время и случай прочесть всѣхъ русскихъ поэтовъ. Часто посѣщалъ Императорскую публичную библіотеку, и просиживалъ въ ней по цѣлымъ днямъ. Въ библіотекѣ встрѣтилъ я Крылова и удивлялся, что такой хорошій баснописецъ не имѣлъ ни въ

лицѣ, ни въ поступкахъ ничего особенно-отличнаго отъ прочихъ людей. Я полагалъ, что геній на челѣ своихъ любимцевъ проводитъ какую-либо особенную черту, которая еще издали говоритъ толпѣ «Прочь съ дороги!» — При встрѣчѣ съ извѣстными поэтами я чувствовалъ къ нимъ какое-то благоговѣніе; такъ, увидѣвши въ первый разъ Державина, я почтительно поклонился ему какъ коронованной особѣ. Разъ съ Калитинымъ, который тоже былъ поэтъ, прогуливались мы по биржевой набережной Васильевскаго острова; онъ остановился на нѣсколько минутъ съ однимъ встрѣвшимся знакомымъ въ свѣтлозеленой бекешѣ, а я, отойдя отъ нихъ на десять шаговъ впередъ, любовался на Неву. Но какова же была моя досада, когда Калитинъ, догнавши меня, сказалъ: знаешь ли съ кѣмъ я говорилъ? Съ Карамзинымъ! До сихъ поръ еще жаль мнѣ этого случая, потому что я болѣе никогда не видалъ почтеннаго нашего исторіографа!

Калитинъ во время нашего знакомства написалъ оду на паденіе Наполеона, въ которой видно дарованіе; но она его напугала, когда на другой день по выходѣ ея изъ печати, его позвали въ ордонансъ-гаусъ. Въ одѣ были довольно смѣлыя мысли, напримѣръ:

Почтожь губить творенья Бога?
Кратка безъ браней въ гробъ дорога,
Въ чреду безъ пушекъ люди мрутъ...

Онъ употребилъ меня на развѣданіе причинъ его требованія, и оказалось совсѣмъ другое.

При помощи Калитина напечатали въ Инвалидѣ мою басню *Комаръ и муха*. Это было первое дѣтище, пущенное мною въ свѣтъ чрезъ типографскій станокъ. Тогдашній издатель Инвалида Пезаровіусъ сказалъ мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ, и я какъ мистикъ, чувствующій присутствіе божества, уже слышалъ свѣжесть парнасскаго вѣнка, касающагося головы моей. Однакожь по зависти, или по другой какой причинѣ, ни одинъ университетъ и ни какая академія не поднесли мнѣ поздравительнаго адреса со вступленіемъ въ задорный цехъ литераторовъ. Что дѣлать! — А басня по тогдашнему была не дурна:

КОМАРЪ и МУХА.

(Басня).

Однажды комару такъ муха говорила:
«Какая ты, комаръ,
«Несноснѣйшая тварь!
«Я въ жизнь мою глупѣй тебя не находила!
«Зачѣмъ шумѣть, зачѣмъ пискать,
«Когда сбираешься кусать?
«Всѣ слышатъ, ждутъ, — и мало толку!
«А ты кусай безъ крику, въ тихоньку.

Комаръ, на дружескій совѣтъ,
Такой сказалъ отвѣтъ:
Предъ скрытнымъ явный врагъ честнѣе будетъ вѣчно,
Противнику онъ дастъ сигналъ для оборонъ;
А тихо уязвлять такимъ душамъ прилично,
Каковъ Наполеонъ.

Какая высокая мысль: зацѣпить Наполеона! Великана тогдашняго времени сдѣлать душонкою ниже комара! И все за то, что онъ безъ форменнаго объявленія началъ войну съ нами.

1812 ГОДЪ.

Война есть искусство, показывающее намъ правила какъ себя порядочно убивать.

(Курганова письмовникъ.)

Во время нашествія Французовъ мнѣ было 16 лѣтъ. Они налетѣли не жданые, не гаданые, какъ комары изъ дальняго лѣса. Тогда, за исключеніемъ какихъ-либо ста головъ, вся Россія вѣрила отъ чистаго сердца, что Наполеонъ, не объявя войны, прокрался *неожиданно* въ наше отечество; какъ-будто наше отечество какой-нибудь ветхій хлѣбный анбаръ, въ который всякій ночной воришка можетъ залѣзть потихоньку! — Впрочемъ такъ было объявлено во всѣхъ тогдашнихъ офиціальныхъ извѣстіяхъ, чрезъ что мы сами простодушно сознавались въ своей дремотѣ.

Въ то время я находился въ лѣсномъ институтѣ. Первое извѣстіе, что Наполеонъ перешелъ границу, не сдѣлало на насъ почти никакого печатлѣнія. Мы спокойно продолжали учиться, вѣруя, что Россія велика, и что онъ, пройдя по Польшѣ хотя и длинный польскій, уберется во-свояси; но когда чрезъ нѣсколько недѣль узнали, что Французы въ Смоленскѣ, все встревожилось и зашумѣло! Въ это же время пріѣзжалъ къ намъ одинъ военный генералъ осматривать институтскія строенія, для предполагаемыхъ военныхъ лазаретовъ, и тѣмъ болѣе настращалъ. Директоръ Вюльфингъ собралъ всѣхъ кадетъ въ институтскую залу и сдѣлалъ къ намъ воззваніе: кто хочетъ въ военную службу спасать отечество? Я самъ съ вами пойду! прибавилъ хромоногій и однорукій старикъ, одушевленный храбростію. — Нежелающихъ не было. «Всѣ хотимъ! Всѣ желаемъ!» кричали мы въ одинъ голосъ и тутъ же въ этомъ подписались. Директоръ съ нашею подпискою поскакалъ въ Калугу; а мы, бросивши тетрадки, принялись за ружья, и стали учиться маршировать. Горе! горе вамъ Французы! Вотъ мы тебя, Наполеонъ!

Однакожь не сбылись наши ожиданія. Каспару Богдановичу въ Калугѣ растолковали, что безъ Высочайшей воли насъ нельзя принять въ военную службу; что какихъ-нибудь сорокъ *получеловѣкъ* не составятъ никакого вспомогательнаго средства; что Россія еще не въ такихъ плохихъ обстоятельствахъ, чтобъ вербовать дѣтей, имѣющихъ совсѣмъ другое назначеніе; и что онъ, почтеннѣйшій Каспаръ Богдановичъ, гораздо лучше сдѣлаетъ, если постарается, въ случаѣ приближенія непріятеля, препроводить насъ куда-либо въ безопасную сторону. — Вотъ какъ разсуждаютъ холодныя души! а мы твердо были увѣрены, что при нашей помощи, по крайней мѣрѣ нѣсколькими часами ранѣе были бы выгнаны Французы изъ отечества!

Нечего дѣлать, насъ распустили по домамъ будто на вакацію. Я съ братомъ Николаемъ возвратились въ Симоново, гдѣ не застали батюшки: онъ уже служилъ въ ополченіи. Матушка была въ ужасныхъ хлопотахъ: девять человѣкъ дѣтей и десятый, какъ говорится, на носу, лошади въ хомутахъ, экипажи у подъѣзда, все уложено, надобно ѣхать, бѣжать, а куда? И на долго ли? — Неизвѣстно. Притомъ и денегъ, кажется, было мало. На первый разъ мы хотѣли отправиться въ свою брянскую деревню, въ село Бѣтово; а потомъ ѣхать къ какому-то дальнему родственнику Воронежской губерніи въ городъ Землянскъ.

Но матушка одна отправилась *въ Землянскъ*, и своимъ невозвратнымъ отъѣздомъ остановила наше путешествіе. Она 7-го сентября неблагополучно родила, а 9-го уже не было ея на свѣтѣ. Къ этому времени батюшка отпросился въ отпускъ, чтобъ выпроводить насъ изъ деревни; но вмѣсто того сдѣлалъ проводы на серпѣйское кладбищѣ и ускакалъ обратно, оставивши насъ дѣтей на власть Божію.

Предположивши въ моихъ запискахъ не писать ничего грустнаго, я пройду молчаніемъ этотъ ужасный ударъ. Пусть на зло судьбѣ-злодѣйкѣ, пріятныя и смѣшныя минуты въ моей жизни переживутъ меня, а все грустное и печальное предастся вѣчному забвенію. Знаю, что радости рѣдки, что отъ такого плана записки мои будутъ толсты, какъ чахоточный стряпчій; но чѣмъ меньше — тѣмъ лучше!

Всѣ сосѣди наши уѣхали, куда попало, — бо̀льшая часть въ Москву, предполагая, что тамъ безопаснѣе; но старушка Бѣлокаменная за собственные грѣшки и за мотоватое поведеніе своего сынка: Кузнецкаго моста, скоро попала въ огненное чистилище. Въ околодкѣ нашемъ сдѣлалось ужасно пусто. Наполеонъ зажился въ Москвѣ, и всѣхъ тяготила какая-то глухая, томительная неизвѣстность будущаго. Но вотъ принудили молодца отправиться обратно по той же дорогѣ; вотъ онъ въ Смоленскѣ, вотъ уже у Березины, — и у всѣхъ

отлегло отъ сердца. Въ отношеніи къ нашей сторонѣ, это было черная, громовая туча, прошедшая бокомъ. Мы слышали какъ она съ ревомъ неслась отъ запада, видѣли ужасныя молніи, уже появлялись передовые вѣстники бури; но вѣтръ перемѣнился, подулъ съ востока, вихрь и туча ушли обратно тѣмъ же путемъ. Смоленскъ отъ насъ 220 верстъ; Малоярославецъ, гдѣ Наполеонъ хотѣлъ пробраться другой дорогой, 150 верстъ; а французскіе мародеры были отъ насъ верстахъ въ 70-ти, а именно: по дорогѣ къ городу Ельнѣ, въ селѣ Пятницкомъ.

Въ то время отечественнаго бѣдствія мы разлюбили Французовъ; ихъ веселость и любезность показались намъ слишкомъ приторными, языкъ похожимъ на хрюканье нечистаго животнаго. Я помню, матушка запретила намъ говорить по-французски, хотя прежде съ большими усиліями этого добивалась. Въ домѣ у насъ нашелся портретъ Наполеона и его немедленно велѣли вынесть; но куда бы вы думали? На чердакъ? — Нѣтъ, хуже, да и тамъ повѣсили вверхъ ногами. Къ главнокомандующему Барклаю де-Толли никто не имѣлъ довѣренности, а простой народъ просто называлъ его измѣнникомъ. Еще и до сихъ поръ мы готовы считать всякаго Нѣмца иностранцемъ, забывая, что наши соотечественники въ Остзейскихъ губерніяхъ, по преданности своей къ Россіи имѣютъ полное право на званіе Русскихъ; а въ то время, фамилія Барклая, не отзываясь роднымъ звукомъ, рождала явное подозрѣніе. Я помню, какъ въ весьма порядочныхъ домахъ бранили его за трусость, называя въ насмѣшку дехтярной баклашкой; а въ этомъ-то было его и главное несчастіе, что онъ не прозывался *Баклашкинымъ*. Я всегда съ уваженіемъ воспоминаю о спасителѣ отечества Голенищевѣ-Кутузовѣ; но русское имя помогло личнымъ достоинствамъ опытнаго полководца пріобрѣсть довѣренность войска и народа. Въ важныхъ случаяхъ необходимо прислушиваться къ жужжанію націи!

Тогдашній московской главнокомандующій графъ Ростопчинъ въ прокламаціяхъ своихъ, писанныхъ самымъ простымъ слогомъ, преувеличивая были, для возбужденія народнаго фанатизма, представлялъ непріятелей ужасными грѣшниками. Онъ увѣрялъ, что Французы изъ нашихъ церквей дѣлаютъ конюшни, изъ священныхъ сосудовъ пьютъ вино, что Наполеонъ — человѣкъ совершенно безъ религіи, отрекшійся отъ Бога и уже бывшій въ Египтѣ мусульманиномъ. — Эти воззванія имѣли желаемое дѣйствіе. Наши русскіе мужички, всѣхъ, кто не крестится русскимъ крестомъ, называютъ некрестями; а тогда еще болѣе озлобились противъ нечестивыхъ враговъ, сожигателей Москвы, хотя въ этомъ пожарѣ враги ни душой, ни тѣломъ не виноваты. Странно, что много лѣтъ спустя послѣ отечественной войны, старались поддерживать мнѣніе, что Наполеонъ жегъ Москву. Растопчинъ до самой смерти, будучи за гра-

ницею, печатно увѣрялъ въ этомъ; хотя такую честь и не слѣдовало бы намъ, Русскимъ, уступать непріятелю. Конечно во время войны все позволительно писать; но когда событія поступаютъ въ область исторіи, нужна справедливость. Лучше сдѣлалъ Императоръ Александръ. Въ одномъ манифестѣ, упоминая о московскомъ пожарѣ, онъ говоритъ: «Огонь сей въ роды родовъ будетъ освѣщать лютость Наполеона и славу Россіи.» Такая неопредѣленность выраженій можетъ пониматься двояко: въ 1812 году, когда это было нужно, пожаръ Москвы относился къ французской работѣ, а теперь тѣ же самыя слова означаютъ славное дѣло Русскихъ, вынужденныхъ къ тому обстоятельствами.

Наконецъ народное ожесточеніе къ незванымъ гостямъ достигло высочайшей степени. Французовъ и всѣхъ съ ними пришельцовъ крестьяне не почитали людьми, и кто попадался въ ихъ руки, хотя и безоружный, били на смерть безъ всякаго милосердія, опасаясь только, чтобъ убитый не ожилъ. На одной тогдашней, лубочной, карикатурной картинкѣ, изображенъ былъ крестьянинъ Долбила, который уже убитаго Француза доколачиваетъ долбнею. Внизу надпись:

Вѣдь очнется басурманъ,
Не поддамся я въ обманъ!

Особливо мародеры, эти присмирѣлыя отъ холода октябрскія мухи, умирали какъ бараны на бойнѣ. Въ Гжатскомъ уѣздѣ, по близости Наполеоновскаго тракта въ Москву, одинъ харчевникъ указывалъ мнѣ на небольшой лѣсокъ, находящійся въ полуверстѣ отъ ихъ деревни, гдѣ, по его словамъ, схоронена не одна сотня такихъ жертвъ. Вотъ собственныя слова крестьянина: «Устали руки бить ихъ, проклятыхъ! Да убить-то, баринъ, еще не трудно; а хоронить тяжело: велятъ отъ заразы жечь, или глубже закапывать. Вотъ мы и придумали средство. Нахватаемъ ихъ человѣкъ десятокъ и поведемъ въ этотъ лѣсокъ. Тамъ раздадимъ имъ лопатки да и скажемъ: ну мусье! ройте себѣ могилки! Чуть кто выроетъ, то и свиснешь его дубинкой въ голову, а другому и приказываешь: ну мусье! зарывай скорѣй, да себѣ рой! — Что жь бы вы думали? — Иной лепечетъ, чертъ его знаетъ что; а плачетъ какъ человѣкъ, и смотритъ на небо и даже крестится... да нашихъ не обманешь! *Аленъ-маршъ*! и хлопъ его по головѣ.»

Ополченіе 1812-го года представляло ужасное неравенство въ лѣтахъ и ростѣ. Обмундировано было въ полушубки и фуражки съ крестами изъ латуни, и вооружено пиками. Вся экзерциція заключалась въ командѣ: шапки долой! и если какая шеренга ровно скидала ихъ, то почиталась лихо обученною. Эти крестоносцы, рать-сила могучая, съ своимъ смертоноснымъ оружіемъ: кусочкомъ заостреннаго желѣза, взоткнутымъ на палку, могли бы выбрать своимъ девизомъ слова: *безъ*

обиды ближнему! — Впрочемъ я говорю про видѣнное мною калужское ополченіе; въ другихъ губерніяхъ, говорятъ, было оно лучше сформировано и храбро дралось. Послѣднему обстоятельству должно вѣрить. Солдатъ дерется храбро или новичекъ, или хорошо обстрѣленный; но кто разъ видѣлъ какъ валятся около его товарищи, кто только ознакомился съ кровью и воплями умирающихъ, тотъ непремѣнно будетъ трусомъ до третьяго, или четвертаго сраженія: къ такимъ пирушкамъ не вдругъ привыкнешь!

Батюшка мой изъ Екатерининскихъ гвардіи прапорщиковъ, въ ополченіи переименованъ былъ въ поручики, и по малочисленности офицеровъ командовалъ баталіономъ. Прежняя его служба заключалась въ двухъ или трехъ поѣздкахъ въ Петербургъ, покуда получилъ офицерскій чинъ при отставкѣ [1]). — Потомъ онъ женился, прожилъ лѣтъ двадцать въ деревнѣ, запасся дѣтками, и вдругъ нежданно, невѣдано, очутился въ военной службѣ и запустилъ усы! Одного только недоставало: ополченнаго мундира! Бывало, просто въ спальномъ тулупчикѣ, батюшка выдетъ предъ свой баталіонъ, скомандуетъ: шапки долой!... Здорово ребята! и дѣло кончено. Такимъ образомъ безъ брановоснаго мундира прослужилъ онъ два мѣсяца, и въ октябрѣ уволенъ въ отставку, по уваженію къ многочисленнему малолѣтному семейству. Всё время службы своей батюшка простоялъ съ ополченіемъ верстахъ въ 60-ти отъ Симонова, въ чугунномъ заводѣ помѣщицы Гончаровой. Тамъ-то иногда происходили у нихъ преуморительные анекдоты, изъ коихъ одинъ хочется мнѣ разказать.

Однажды является къ нимъ сотскій съ донесеніемъ, что Французовъ видимо-невидимо, тысячъ десять, пришло въ ихъ село и расписываютъ квартиры. Отъ завода село было въ 10 верстахъ. Сдѣлалась ужасная суматоха, собрался военный совѣтъ. Въ заводѣ стояло всего два баталіона. Другимъ командовалъ какой-то худощавый высокій маіоръ, прозванный по длинотѣ колбасою. Колбаса былъ человѣкъ храбрый, отецъ мой трусливаго десятка. Первый доказывалъ, что надобно сразиться, что онъ спрячетъ свое войско въ заводѣ за плетнями, и когда Французы пойдутъ мимо, то ратники сквозь плетень вдругъ всѣхъ ихъ посадятъ на пики. Напротивъ, батюшка не одобрялъ такой военной хитрости и совѣтовалъ бѣжать, доказывая, что два баталіона не сладятъ съ 10-ю тысячами. Споръ разгорался. Колбаса, какъ старшій, велѣлъ собрать оба баталіона, а батюшка велѣлъ запря-

---

[1]) По послужному списку, я насчиталъ батюшкиной службы 17-ть лѣтъ: съ 1775-го по 1792-й годъ. Онъ былъ преображенскаго полка капраломъ, фурьеромъ, подпрапорщикомъ, каптенармусомъ и сержантомъ. Послѣ такой лихой службы, онъ вышелъ въ отставку 24 лѣтъ отроду!!

гать себѣ въ повозку лошадей. Какъ вы смѣете бѣжать! кричалъ Колбаса, я васъ арестую! Пожалуйте вашу саблю? — А гдѣ мнѣ взять ее? отвѣчалъ отецъ мой, у меня и мундира нѣтъ. — «Я васъ посажу подъ караулъ!» — Полно братецъ, Колбаса, лучше бы хорошенько распросить сотскаго, а то что-то невѣроятно, чтобъ непріятели расписывали квартиры. — «Вы не знаете военныхъ дѣйствій, кричалъ маіоръ на батюшку, село небольшое, войска десять тысячъ, какъ же не расписывать квартиръ? Вѣдь надобно же гдѣ-нибудь пообѣдать, ха-ха-ха!»

Однакожь позвали вновь сотскаго. — Ты самъ видѣлъ Французовъ? «Нѣтъ, я живу съ версту отъ села, въ другой деревнѣ. Ко мнѣ прибѣжалъ оттуда своякъ.» — А своякъ твой самъ ихъ видѣлъ? — «Нѣтъ, онъ молотилъ на току, къ нему прибѣжала жена и сказала, что нашла сила несмѣтная. Своякъ прямо съ току бросился полемъ ко мнѣ въ деревню, а я къ вамъ.»

Тутъ рѣшились послать развѣдать — и оказалось, ѣдетъ отъ Французовъ рославльское казначейство съ тремя присяжными.

ХАРАКТЕРЪ БАТЮШКИ. — РОДНЫЕ.

Изъ родныхъ лучше всего имѣть тетушекъ: онѣ
съ удовольствіемъ исправляютъ должность свахъ.

. . . . . .

У нихъ
Родныхъ
Рыдванъ и десять фуръ;
Однихъ
Косыхъ,
Кривыхъ,
И дуръ —
Съ полдюжины фигуръ.
Какъ налетятъ,
Всё поѣдятъ;
Гусей, индѣекъ, куръ!

Въ ноябрѣ 1814 года прискакалъ въ Симоново на ухорской тройкѣ съ колокольчикомъ молодой офицеръ, въ шпорахъ, съ трубкой, и въ саблѣ на красной портупеѣ, которая опоясывала дорожный казакинъ. Вслѣдъ за нимъ вынули изъ саней маленькій чемоданчикъ и огромные ботфорты, изъ коихъ въ одномъ была деревянная нога, а другой набитъ сѣномъ. Это былъ — честь имѣю рекомендоваться: *я*, новоотпечатанный форштъ-ревизоръ Рязанской губерніи.

Радость была общая, невыразимая. Никогда не отлучался я изъ дома

на такое долгое время и такъ далеко; а теперь пріѣхалъ нежданый, прямо изъ Питера, гдѣ насмотрѣлся разныхъ заморскихъ диковинокъ; да и пріѣхалъ не просто, а офицеромъ, чиновникомъ 14-го класса, которому осталось получить только тринадцать чиновъ, чтобъ быть фельдмаршаломъ или канцлеромъ. Сестры и братья меня обнимали, бросаясь на шею. Сѣнныя дѣвушки просили у молодаго барина ручку; изъ-за дверей выглядывали потихоньку тѣ, кому запрещается входъ во внутреннія апартаменты. Пришла и кормилица съ десяткомъ яицъ. Всѣ *проздравляли* съ царской милостью и даже батюшка расчувствовался болѣе обыкновеннаго.

Дорога отъ Петербурга до Москвы заставила себя помнить. Насъ, выпускныхъ кадетъ, ѣхало шесть человѣкъ вмѣстѣ, на трехъ перекладныхъ повозкахъ. Желая какъ можно скорѣе быть дома, мы рѣшились скакать день и ночь; но въ то время каменная мостовая до Новгорода была сущій адъ, гдѣ проѣзжихъ грѣшниковъ трясло сильнѣе, чѣмъ проворная нѣмецкая кухарка трясетъ при жженіи кофейныя зёрна. — 210 верстъ до села Бронницъ мы доѣхали въ одни сутки; но за то послѣ ѣхали гораздо тише и при малѣйшемъ толчкѣ чувствовали ужаснѣйшую боль въ головѣ и груди. Длинныя мои шпоры не позволяли мнѣ прямо протянуть ногъ; а проклятые ботфорты при прыжкахъ телѣги прыгали сами и неучтиво толкали своихъ хозяевъ. Смѣтливые плуты-ямщики, видя, что мы морщимся, нарочно гнали лошадей, и брали съ насъ на водку за то, чтобъ ѣхать потише. Тутъ мы вспомнили пословицу: тише ѣдешь, дальше будешь. — По пріѣздѣ моемъ я угощалъ все народонаселеніе сельца Симонова; а чрезъ нѣсколько дней батюшка позвалъ сосѣдей и сдѣлалъ обѣдъ по случаю офицерства перваго своего сына. Конечно, честолюбіе играло тутъ первую ролю; но я не смѣю сказать, чтобъ батюшка не любилъ меня. Для изображенія его характера должно упомянуть о нѣсколькихъ непріятныхъ истинахъ. Знаю, что не сыновнее дѣло говорить объ отцовскихъ слабостяхъ; но какъ онъ имѣлъ и достоинства, которыхъ многіе отцы не имѣютъ, то откровенностью я не унижу его памяти. Вопервыхъ батюшка былъ виновный мужъ, чрезъ что терпѣла много огорченій мать моя, любившая его очень сильно. При назначеніи его въ 1812 году въ ополченіе, съ матушкой дѣлались обмороки, и это обстоятельство ускорило ея смерть. — Я помню, отецъ иногда раскаявался, говоря, что никому не совѣтуетъ жениться въ молодости, то-есть: *не перебѣсившись*. По его философіи: всякій человѣкъ разъ въ жизни *бѣсится*. Болѣзнь эта неизбѣжна какъ оспа, и если кто *не перебѣсился* съ молоду, тотъ *взбѣсится* подъ старость. — Вовторыхъ батюшка имѣлъ вообще недовѣрчивый характеръ и боялся сблизиться съ дѣтьми, пред-

полагая, что всякая нѣжность съ его стороны можетъ разрушить должное къ нему почтеніе и повиновеніе. Онъ обращался съ нами довольно хорошо; но всегда такъ сухо, что мы его больше боялись нежели любили. Ни въ какомъ случаѣ, ни одна дочь не смѣла подойдти поцѣловать его; все ограничивалось однимъ лобзаніемъ отеческой десницы. На меня онъ сердился за то, что я будучи уже штабъ-офицеромъ, иногда утромъ въ халатѣ приходилъ пить чай въ кругу нашего семейства, и нарочно самъ къ тому времени сталъ одѣваться, чего прежде не дѣлывалъ. Онъ часто говоривалъ, что требуетъ отъ дѣтей только одного наружнаго почтенія и что хочетъ жить для себя. Бывало, пріѣдешь домой въ отпускъ, и отецъ приметъ тебя какъ хорошаго знакомаго, — но не болѣе! Онъ поѣдетъ съ тобой по гостямъ, сдѣлаетъ у себя праздникъ, разказываетъ тебѣ со всею подробностію мелочныя сосѣднія сплетни и разные анекдоты, играетъ съ тобою по гривнѣ въ вистъ и по копѣйкѣ въ бостонъ, подчиваетъ тебя завтракомъ, ты можешь заказать къ обѣду любимое свое блюдо; но этимъ и ограничится все родительское вниманіе. А какъ ты живешь? Какъ, сынъ, тебѣ служится? Не имѣешь ли въ виду чего къ лучшему? — Этихъ вопросовъ отъ него не дождетесь, и вѣроятно потому, что таковыя сужденія близки къ родительскому карману, а денегъ дѣтямъ онъ не любилъ давать. Батюшка былъ человѣкъ воздержной жизни, почему и прожилъ 70 лѣтъ, довольно ловокъ въ обращеніи, довольно образованъ по своему времени, довольно набоженъ, хотя я иногда и подозрѣвалъ его въ скептицизмѣ, но это удѣлъ всѣхъ живущихъ головою. Онъ имѣлъ даръ слова, умѣлъ хорошо разказывать анекдоты, умѣлъ временемъ помолчать и отдѣлаться шуткою отъ ученаго вопроса, который ему не по силамъ. Отецъ воспитывался въ Калугѣ, въ частномъ пансіонѣ у Мартена. Хозяйствомъ занимался онъ не очень прилежно, а особливо хлѣбопашествомъ. Экономія его заключалась не въ добываніи денегъ, а въ бережливомъ употребленіи, почему портной и сапожникъ безъ него не принимались за ножъ и ножницы. По дому входилъ онъ въ самыя мелкія мелочи, самъ кроилъ рубашки, раечерчивая холстъ карандашемъ по линейкѣ; но это не отъ скупости, а по любви къ точности и чтобъ имѣть занятіе въ однообразной деревенской жизни. Притомъ онъ любилъ точить, кузнечить, врѣзывать стекла, дѣлать клѣтки и заниматься садоводствомъ. — Въ теченіи своей долголѣтней жизни онъ ничего не прибавилъ къ наслѣдственному имѣнію; за то ничего не разстроилъ и не прожилъ. Если нынче зовутъ добрыми тѣхъ людей, которые не дѣлаютъ зла, хотя и добра отъ нихъ никто не видитъ, то и отецъ мой заслуживаетъ названіе порядочнаго хозяина за то, что

наслѣдственныхъ 350 душъ не заложилъ въ опекунскомъ совѣтѣ, по примѣру черезъ-чуръ оборотливыхъ сосѣдей.

Мать моя, Лизавета Сергѣевна, по отцу С*, была брюнетка, очень не дурна собою, довольно веселаго характера. Въ памяти моей, живѣе физіономіи, сохранились ея ласки, которыми безъ различія осыпала она всѣхъ дѣтей своихъ. Съ гордостію говорила о будущихъ надеждахъ при нашемъ совершеннолѣтіи; но курносой гостьѣ неугодно было подождать, пока мы будемъ офицерами, а сестра выдетъ за мужъ.

Приступаю къ описанію жизни и дѣяній тѣхъ родственниковъ, которые жили и здравствовали въ моемъ доофицерскомъ возрастѣ. Начну съ батюшкиной стороны:

Артиллеріи штыкъ-юнкеръ Е. Д. П. и супруга его, вторая старшая батюшкина сестра, жительство имѣли вь сельцѣ Ер.., куда ежегодно осенью, къ годовому празднику Козьмѣ и Даміану, ѣзжали мы всѣмъ семействомъ на нѣсколько дней. Штыкъ-юнкеръ былъ большой экономъ, съ природнымъ умомъ, почти всегда серьёзный. Улыбка его похожа была на осеннее солнышко послѣ ненастья, а лысина на пустое осеннее поле, обнаженное по уборкѣ хлѣба. Что̀ касается до тетушки, это была старушка до такой степени простая, что съ ней рѣшительно не о чемъ было говорить. Когда пріѣзжала она къ намъ въ Симоново, то самъ отецъ, желая завести рѣчь, не найдетъ болѣе словъ, какъ подсѣвши къ ней скажетъ: Сестра! не понюхать ли намъ табачку?—Сестра понюхаетъ, улыбнется и все тутъ. Легко представить какъ весело съ такою гостьею! — Въ Ер.... бывало увидишь такихъ антиковъ, что смѣло сдирай съ нихъ кожу, набивай сѣномъ и отправляй въ кунстъ-камеру. За нравственностію также не гонялись: одна пожилая дѣвушка изъ села Д.... пріѣзжала съ родными своими дѣтьми, которыхъ звали «Иванъ Тимоѳеичъ, Ѳедоръ Андреичъ, Наталья Петровна, Пелагѣя Львовна» и такъ далѣе — все по крестнымъ отцамъ. Домъ въ Ер.... отличался оргинальностію. Въ залѣ и гостиной дубовыя съ простою черною кожею канапе, обитыя гвоздиками съ мѣдными выпуклыми шляпками. Стѣны украшены такими разнохарактерными картинками, что съ перваго взляда видно, что онѣ не стоили ни копѣйки хозяину, кромѣ 25-лѣтняго терпѣнія при собираніи этой коллекціи. На одной ловятъ въ озерѣ Ерша Ершовича, сына Щетинникова, на другой царь Алексѣй Михайловичъ, вырванный изъ Уложенія и подъ нимъ кружечекъ съ ландшафтомъ отъ изломанной табакерочной крышки. На почетномъ мѣстѣ, между лубочныхъ картинокъ похожденія Телемака, виситъ грамата, велегласно всѣмъ и каждому объявляющая о дворянскомъ достоинствѣ артиллеріи штыкъ-юнкера, хозяина честнàго дома сего, а подъ нею патентъ

на чинъ титулярнаго совѣтника, пріобрѣтенный уже въ послѣдствіи. Въ гостиной предъ канапе столикъ крендельной фигуры, оклеенный чернымъ деревомъ съ соломою. Въ залѣ стѣнные часы съ путешествующимъ солдатомъ отъ будки къ пушкѣ и обратно, и въ залѣ же, въ одномъ углу, одинокая кровать, на которой хозяинъ отдыхаетъ послѣ обѣда. За столомъ тарелки и вся посуда оловянныя. На квасныхъ бутылкахъ деревянныя пробки, привязанныя къ шейкамъ, вѣроятно за побѣги, толстыми бичёвками. Первенствующія блюда супъ изъ потроховъ и свѣжина; за завтракомъ неотразимый вяленый поросенокъ; а десертъ — въ меду вареныя зерна простыхъ орѣховъ.

Я помню еще нѣкоторыхъ старичковъ Б*: Михайлу, Василья и еще какаго-то, по отечеству все Елисеичи, и кажется всѣ были чудаки. Они двоюродные дяди моей матери, жили Бр. уѣзда въ селѣ Кн. Одинъ былъ деспотъ хоть куда. Разъ на масляницѣ, въ бытность у него въ гостяхъ отца моего, не задались блины, и стряпуха сваливала вину на сковороды. Дѣдушка велѣлъ ихъ пересѣчь, въ подражаніе Петру I, наказывавшему, говорятъ, Ладожское озеро.

Слѣдующая сцена годится въ любую комедію: одинъ изъ братьевъ любилъ спать при свѣчѣ, а другой въ потьмахъ. Случилось имъ ночевать въ гостяхъ у веселаго сосѣда, знавшаго ихъ привычки. Онъ положилъ ихъ въ одной комнатѣ, извиняясь тѣснотою дома. Братья легли на разныхъ кроватяхъ, и пошла потѣха:

— Братецъ, Василій Елисеичъ, прикажи погасить свѣчку?

— Братецъ, Михайло Елисеичъ, мнѣ не уснуть безъ свѣчки.

— Воля твоя, братецъ Василій Елисеичъ, я не могу сомкнуть глазъ при огнѣ.

— Воля твоя, братецъ Михайло Елисеичъ, я не могу спать безъ огня.

— Эй, Ванька! стань у свѣчи и карауль, какъ братецъ Василій Елисеичъ станетъ засыпать, то погаси свѣчку.

— Эй, Сенька! стань у свѣчи и карауль, какъ Ванька братца Михайла Елисеича вздумаетъ ее гасить, то не давай!

Люди стоятъ у стола и караулятъ взаимныя движенія. Вотъ братецъ Василій Елисеичъ начинаетъ засыпать. Ванька берется за счипцы, Сенька не даетъ, и начинается шумъ и драка.... Братья опять вступаютъ въ разговоръ:

— Да помилуй, братецъ Василій Елисеичъ....

Да умилосердись, братецъ Михайло Елисеичъ.... и прочее.

Такимъ образомъ прошла цѣлая ночь, и забавно то, что братья лежа спорятъ довольно вѣжливо, флегматически, предоставляя за себя драться за свѣчу своимъ лакеямъ.

Сестра этихъ Елисеичей также была большая чудачка. Она всѣ сухія вещи прежде употребленія въ пищу мыла въ чистой водѣ. Такимъ образомъ она споласкивала сахаръ во время чаю и ломти хлѣба за обѣдомъ. Вмѣсто часовъ употребляла пѣтуха, котораго брала съ собою и въ дорогу. У ней былъ особенный странный дормезъ, за которымъ сзади вмѣсто лакея всегда стаивала босоногая дѣвка и вязала чулокъ. Этотъ экипажъ всѣ знали въ Орлѣ, и нерѣдко мальчишки строчили въ него каменьями.

Екатерининскій ротмистръ Н. М. С. былъ старшій братъ матушкину отцу, цѣлую жизнь прожилъ холостымъ, и послѣ его смерти въ 1817 году (дай Богъ ему царство небесное!) досталось намъ по наслѣдству 200 душъ, которыми вдвое улучшилось наше состояніе. Будучи корнетомъ, онъ дрался съ Турками подъ знаменами Румянцева. За Кагульскую битву получилъ медаль и за долго до смерти повѣсилъ ее на образъ корсунской Богоматери, находящейся нынѣ у меня въ Симоновѣ. Также хранится въ моемъ арсеналѣ его палашъ съ вензелемъ Императрицы Екатерины на рукояти, и съ Турецкой кровію на клинкѣ, которую человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ легко можетъ замѣтить. Я хорошо помню этого дѣдушку: высокій, довольно стройный и плотный мущина, въ свѣтлозеленомъ вицъ-мундирѣ съ огромными красными обшлагами и съ гладкими, золочёными, въ мѣдную гривну, пуговицами. Говорятъ, въ молодости былъ онъ хорошъ собою и имѣлъ громкій голосъ Ахилла. Послѣднему я вѣрю по его громкому кашлю въ старости, отъ котораго тряслись стѣны. Онъ былъ военный служака, чему имѣю я два доказательства: 1-е онъ могъ спать, ѣдучи верхомъ на лошади и 2-е чтобъ разбудить и поднять его съ кровати, стоило только произнесть его имя. Въ одну секунду онъ встанетъ, пойдётъ, и уже на походѣ спроситъ: что надобно? — Дѣдушка смолоду любилъ щеголять, поиграть въ карты, разъѣзжалъ въ каретѣ по тогдашней модѣ съ гусарами; но я помню его уже предавшимся религіозной жизни и обратившимъ свой домъ въ совершенный монастырь, гдѣ отправлялось по три службы на день: всенощная, часы и вечерня. Священникъ жилъ у него почти безвыѣздно. Всѣ доходы съ 200 душъ шли на восковыя свѣчи и деревянное масло. Дворовые люди всѣ умѣли пѣть и читать, они были хорошіе дьячки и худые лакеи, даромъ объѣдавшіе барина, которому иногда отъ безпечности нечего было ѣсть самому, кромѣ тёртой рѣдьки. За-то рѣдькѣ была большая честь: ей приписывалась цѣлебная сила отъ всѣхъ болѣзней.

Когда отецъ мой съ матерью собирались навѣстить этого своего дядюшку, то приглашали въ свое общество побольше родныхъ, чтобъ

въ Издежичахъ не умереть отъ скуки. Дѣдушка радъ гостямъ, но не подумаетъ о ихъ спокойствіи, не говоря уже объ удовольствіяхъ; не отпуститъ ихъ ранѣе двухъ недѣль, и ни за что не отступитъ отъ заведеннаго по дому порядка. Ровно въ полночь начинается въ залѣ всенощная, и по всѣмъ комнатамъ, не выключая и дамскихъ спаленъ, зажигаютъ предъ образами свѣчи. Не смотря, что вы еще въ постели, входитъ къ вамъ священникъ въ облаченіи, кадитъ и поетъ: Блаженъ мужъ.... аллилуіа! — Черезъ часъ опять придетъ съ пѣснью: Хвалите имя Господне! — Послѣ такого будильника всѣ должны вставать и идти въ залъ молиться; а не то дѣдушка осердится. Всенощная кончится часа въ три утра, въ четвертомъ подаютъ чай, который отъ безвременья никому не льётся въ горло. Въ 8 часовъ утра принимаются служить часы; въ одиннадцатомъ обѣдаютъ; въ три часа по полудни поется вечерня, а въ седьмомъ уже ужинаютъ и ложатся спать. Бывало, приноравливаясь къ такому дѣленію времени, послѣ ужина, когда дѣдушка съ попомъ уйдутъ на свою половину, мы, гости, садимся за карты и играемъ въ бостонъ до полночи или до всенощной, что все одно и то же. Потомъ, не ложась спать, отправляемся молиться и, напившись чаю, спимъ отъ 4-хъ до 8-ми и потомъ часа четыре послѣ обѣда. Такая жизнь легко можетъ разстроить здоровье людей, не привыкшихъ быть монахами кіевопечерскаго монастыря; но у дѣдушки было 200 душъ, мы были не богаты и по нуждѣ подчинялись издежицкому уставу. Бывало, я — грѣшный человѣкъ! — нарочно такъ ставлю свѣчку предъ образомъ, чтобъ дѣдушка замѣтилъ. Это ему понравится и онъ подаритъ мнѣ какой-нибудь свой старый красный камзолъ, годный на выпушки лѣснаго мундира. Вся дѣдушкина святыня, состоящая изъ тринадцати образовъ разной величины въ серебряно-вызолоченныхъ ризахъ, при раздѣлѣ имѣнія досталась на мою часть. Равномѣрно весь годовой церковный кругъ служебныхъ книгъ и китайчатая риза[1]), что̀ все хранится у меня въ цѣлости, съ патентами какъ на его чины такъ и на чины отца его, а моего прадѣда Михайлы Агаповича Сем...., ландмилицкаго маіора временъ Императрицъ Анны и Елисаветы. На патентахъ сего послѣдняго оригинальна подпись фельдмаршала Долгорукаго. Вѣроятно, русскій вождь искуснѣе владѣлъ мечемъ, нежели перомъ.

Въ заключеніе скажу, что дѣдушка Николай Михайловичъ любилъ иногда шутить, часто отвѣчалъ острымъ лаконизмомъ, а иногда высказанною въ глаза правдою заставлялъ краснѣть противника. Однаж-

---

[1]) Еще хранятся у меня двѣ серебряныя чарочки, подаренныя мнѣ дѣдомъ Николаемъ Михайловичемъ.

TAYLOR INST. OXFORD

ды у него украли любимую верховую лошадь, а сѣдло, висѣвшее тамъ же въ конюшнѣ, осталось цѣло. «Бездѣльникъ! зачѣмъ онъ не взялъ сѣдла? — вскричалъ дѣдушка — Онъ сотретъ ей спину!»

Дѣдушкѣ Николаю Михайловичу обязанъ я хорошимъ знакомствомъ съ церковной печатью. Онъ часто заставлялъ меня читать вслухъ «Житія святыхъ» и при чтеніи часто плакалъ отъ сердечнаго умиленія. Будучи дряхлъ и боленъ старостію, однажды ночью почувствовалъ онъ себя дурно, вышелъ одинъ изъ спальни въ залъ, чтобъ помолиться предъ домашнимъ кивотомъ, сдѣлалъ земной поклонъ.... и болѣе не вставалъ. Его нашли въ положеніи молящагося и подняли мертвымъ.

Такъ умеръ 70-ти лѣтній холостякъ, котораго ничто уже не привязывало къ здѣшней жизни. Лучшіе гости на его похоронахъ были нищіе, лишившіеся въ немъ щедраго помощника. Къ нимъ онъ бывалъ добръ до излишества, до ханжества. Нерѣдко при свѣчахъ, зажженныхъ предъ образами, онъ заставлялъ ихъ пѣть духовныя легенды: похожденія Алексѣя, Божія человѣка, или Лазаря, обезображенныя невѣжествомъ. Потомъ оборваннаго, грязнаго слѣпца сажалъ на свою кровать, вѣря присносущности съ нимъ Высшей благодати. Впрочемъ нищій не могъ ни измять, ни замарать дѣдушкиной кровати: такъ она была чиста. Въ послѣдніе годы онъ не занимался своимъ гардеробомъ до неряшества и ходилъ въ какомъ-нибудъ замазанномъ тулупчикѣ съ прожженными боками отъ обтиранія рукъ при сниманіи голыми пальцами со свѣчей во время богомолья.

Я помню, что во мнѣ находили большое сходство съ чертами лица этого дѣдушки. Съ моей стороны я желаю слѣдовать его добродѣтелямъ и умереть, какъ онъ, истиннымъ христіаниномъ. Такая смерть должна быть очень легка: истинный христіанинъ не умираетъ, а заботливо собирается въ дальнюю дорогу съ пожизненными отчетами въ своемъ поведеніи, надѣясь, что тамъ простятся ему ошибки, очищенныя раскаяніемъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)